

ВОЛЬФ СЕРНО

СТРАТЕГИИ
XIX
Загадочная
пленница Карибов

Поздней осенью 1577 года судно «Галант» покинуло плимутскую гавань, унося в просторы бескрайнего океана троих друзей — корабельного хирурга Витуса, «неистребимого сорняка» Магистра и неунывающего Энано. Позади остались Англия, дом, где любят и ждут; впереди — полное опасностей путешествие к берегам Нового Света в надежде отыскать Арлетту. Подобно Орфею Витус готов идти за любимой хоть в преисподнюю, но кто знает, какие «муки ада» уготовила ему судьба?.. Однако, пока рука друга лежит на твоём плече, почему бы не дерзнуть и не сразиться со смертью — а там поглядим, кто кого.

ISBN 5-486-00692-6

9 785486 006920

ВОЛЬФ СЕРНО

СТРАНСТВИЯ ХИРУРГА

DER
CHIRURG VON
CAMPODIOS

WOLF SERNO

ВОЛЬФ СЕРНО

СТРАНСТВИЯ ХИРУРГА

Загадочная пленница Карибов

**МИР
КНИГИ**
МОСКВА
2006

Использование текста, в том числе фрагментов, без разрешения правообладателя запрещается и преследуется по закону.

Серно Вольф

С32 Странствия хирурга: Загадочная пленница Карибов / Пер. с нем. Л.Д. Ведерниковой. — М.: ООО «ТД «Издательство Мир книги», 2006. — 464 с.

Поздней осенью 1577 года судно «Галант» покинуло плимутскую гавань, унося в просторы бескрайнего океана троих друзей – корабельного хирурга Витуса, «неистребимого сорняка» Магистра и неунывающего Энано. Позади остались Англия, дом, где любят и ждут; впереди – полное опасностей путешествие к берегам Нового Света в надежде отыскать Арлетту. Подобно Орфею Витус готов идти за любимой хоть в преисподнюю, но кто знает, какие «муки ада» уготовила ему судьба?.. Однако, пока рука друга лежит на твоём плече, почему бы не дерзнуть и не сразиться со смертью – а там посмотрим, кто кого.

ББК 84(4 Герм.)

© 2004 Droemersch
Verlagsanstalt Th. Knaur Nachf.
GmbH & Co. KG, Munich
© Ведерникова Л.Д., перевод, 2005
© ООО «ТД «Издательство
Мир книги», 2006

Операции и методы лечения, изложенные в этой книге, отражают уровень медицины XVI века. Хотя в те времена уже существовали хирургические приемы, не претерпевшие особых изменений по сей день, да и лечебные травы действуют точно так же, как и четыре века тому назад, хотелось бы настоятельно предостеречь благосклонного читателя от подражания описанным рецептам и применения на практике почерпнутых в романе знаний.

Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, —
и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя.

Псалмы 138: 9 – 10

ПРОЛОГ

Лишь глаза выдавали, что в человеке есть жизнь. Черные, как уголья, полные ненависти глаза на неподвижном лице, которое по вискам и щекам было раскрашено ярко-красными ломаными линиями. Через наголо выбритый череп ото лба к затылку шел гребень волос цвета воронова крыла, в котором торчало одно-единственное орлиное перо. Шея, руки до локтя и ноги до колена были сплошь покрыты татуировкой.

Человек этот был алгонкин*. Он вышел на тропу войны. Все утро он провел, почти не шелохнувшись, в жестком кустарнике, из которого открывался вид на восток и на юг, на табачные плантации. Всего пару раз коротким жестом руки он поддерживал контакт с соплеменниками, сидевшими в ожидании у западной оконечности острова в выдолбленных из березы каноэ — быстрых челнах, на которых они приплыли сюда с материка.

Время нападения еще не пришло, хотя солнце стояло почти в зените, а из болот поднялись тучи комарья, которое набрасывалось на все, от чего исходило тепло и запах крови. Острый глаз лазутчика следил за кропотливой работой черных рабов, выкорчевывавших деревянными мотыгами сорняки, чтобы они не заслоняли солнце росткам табака. Молодая белокожая женщина с волосами красными, как медь в ожерелье алгонкина, присматривала за ними. Медноволосая восседала на огромном животном, которое бледнолицые называли лошадьё. Лазутчик уже не однажды видел таких зверей, и всякий раз они производили на него неизгладимое впечатление. В этих животных обитал могу-

*Алгонкины — группа родственных по языку индейских племен Северной Америки, живших некогда на большом пространстве от Атлантического побережья до Скалистых гор. В то время, о котором идет речь в романе, существовали четыре группы алгонкинов: северо-восточная (кри, монтанье, наскапи, микмаки и др.); приатлантическая (абенаки, наррагансеты, массачусеты, поухатаны и др.); центральная (могикане, делавары, майами, иллинойсы, оттавы, оджибве, шауни, собственно алгонкины, меномини и др.) и западная (черноногие, чейенны, арапахо, ацина). Многие из них оставили след в топонимике США и Канады. — *Прим. ред.*

чий дух, который умножал их силу и скорость, если на них сидел человек. К тому же у многих седел были длинные палки, изрыгавшие огонь, который нес смерть даже на дальнем расстоянии. У этой женщины такой палки не было, но осторожность никогда не помешает. Лучше уж подождать, когда она уберется. Или спешится. Сейчас она смеялась, потому что черный показывал ей зеленую гусеницу величиной с палец, которая, оторванная от своей кормушки и опоры, круто сворачивалась и распрямлялась. Раб робко улыбался женщине, но смотреть прямо в глаза опасался. Вот он бросил гусеницу в корзину с сорняками и снова с рвением принялся за работу.

Уголок рта дозорного презрительно дернулся. Чернокожие трусы! Не отваживаются подняться против белого, который заставлял их выращивать упповок. Невообразимо для воина-алгонкина! Шаману племени открылись благоприятные знаки, и он предрек ему и братьям победу. Большую победу. Правда, он видел и другое. Он видел, что бледнолицые снова придут из-за моря. Много белых мужчин, и женщин, и детей. Десять, нет, двадцать раз столько, сколько пальцев на одной руке. И это будет в не слишком отдаленном будущем. Но храбрый воин не должен бояться! Лазутчик невольно сжал боевой топор, висевший на поясе. Пояс назывался вампум и был изготовлен из белых и лиловых морских раковин, которые служили ему для счета и обмена. Лиловые чужаки называли их «пик», белые — «роанок».

Алгонкин снова застыл в полной неподвижности, но внутри него бушевала ярость. «Роанок!» — свирепо думал он. Как захватчики называли белые раковины, так называли и остров, который они с красными братьями вернут себе еще сегодня! Роанок-Айленд.

— Дьявол и все двенадцать апостолов с ним! Я вытяну плеткой твою поганую нигтерскую спину, если не раздуешь меха как следует, не будь я старшим надзирателем этого чертова острова!

— Да, масса Мерфи, — чернокожий, прозванный Инкпот — Чернильница, испуганно закивал.

Он стоял перед полыхающим костром, который был разожжен в устье Доу-Крик.

— Сильней, сильней, жми сильнее! Жар должен быть таким, чтоб железо добела раскалилось, а то проклятые нигтеры не получат глубокого клейма. Сто раз уж тебе говорил!

Мерфи вынул изо рта глиняную трубку и ткнул ею в сторону залива Шаллоубэг-Бэй, в котором встал на якорь корабль с невольниками.

Инкпот удвоил усилия. Это был поджарый старик с завитками седых волос и скрюченной от непосильной работы на плантациях спиной. Угли раскалялись, а вместе с ними и железное

клеймо, на конце которого были вытеснены буквы ТК — Томас Коллинкорт, хозяин и властелин этого острова и всех табачных плантаций на нем.

— То-то, нигтерское отродье, только плетку и понимаете! — пробормотал Мерфи и снова сунул свою глиняную трубку в рот. — Когда тискаете ваше чертово бабье, не так жеманитесь, — он выпустил густой клуб дыма. — Жаль только, чертовски мало выжимаете! — Мерфи заблеял над собственной шуткой. — Мастера Томаса чертовски устроило б, чтоб ваши бабы чаще котились, тогда б ему не пришлось то и дело хлопотать о дорогом подвозе.

Томас Коллинкорт и в самом деле уже не раз ездил в Гавану закупать на невольничьем рынке новую рабочую силу. Вначале он попытался обойтись индейцами, но рабы из Африки оказались куда послушнее и выносливее. И все же жара, лихорадка и скудная однообразная пища косили их — мало кто выдерживал больше двух лет.

В этом году Коллинкорт опять был на Кубе и приобрел восемь новых рабов: семь мужчин и одну женщину. Женщину он вначале не собирался покупать, но потом передумал из-за ее тугих полных грудей и, главным делом, потому, что она была еще девственницей. После этого он срочно вернулся на Роанок, разумеется, вначале заключив с торговцем сделку на перевоз товара.

Парусник в бухте, мелкосидящее судно под названием «Сантиссима Тринидад», между тем спустило на воду шлюпку, чтобы доставить рабов на остров. Мерфи, который как-то раз плыл морем, смекнул, что матросы не больно-то ловко орудуют веслами, поднимая фонтаны брызг. Утки с истошными криками взлетали из прибрежных камышей.

— Будь я проклят, если этому чертову отродью не потребуется вечность, чтоб добраться до суши! — проворчал Мерфи и повернулся к другому чернокожему, как раз подкатившему тележку. — Эй, Чоппер, ты привез чертovsky ярма для этого скота?

— Да, масса. Чоппер возить четыре, как масса сказать. — Чоппер снял с плеч кожаную упряжь и принялся разгружать.

— А поперечины для вил? Сколько чертовых поперечин ты прихватил?

— Восемь, масса. Как масса сказать.

— Хм, — Мерфи пока был доволен, в особенности тем, что Инкпот, не отвлекаясь, усердно раздувал меха. Когда новеньких будут поджаривать, хорошо зашипит!

И вдруг надсмотрщик сморщился: ветер, до сих пор дувший с суши, переменился и бросил ему в лицо отвратительную вонь из смеси мочи, испражнений и пота. Она исходила от лодки, медленно приближавшейся к берегу. Мерфи, давясь, слотнул и заорал вниз:

— Эй, вы там, чертовы скотовозы! Пошвыряйте нигтеров в воду! Пусть эта чертова вонь смоемся!

Рулевой захохотал. У него было смуглое лицо и ни зуба во рту, хотя на вид ему вряд ли перевалило за тридцать.

— С каких пор ты стал такой неженкой, Мерфи?

— А, это ты, Хосе! Не сразу признал тебя.

Хосе, мулат, владевший одинаково хорошо испанским, английским и несколькими африканскими наречиями, дал матросам знак, по которому они, недолго думая, побросали за борт черномазых, до того сидевших на корточках на днище лодки. Мерфи прикинул, что до берега было ярдов тридцать-сорок, потому что самый крупный из рабов мог уже стоять. Это был мужчина геркулесова сложения с правильными чертами лица и гибкими движениями. Он, как и другие его сотоварищи, не выглядел изголодавшимся. Торговец живым товаром в Гаване, должно быть, исправно кормил тех, кто пережил перевозку из Африки. Мерфи удовлетворенно кивнул. Кое-кто из черномазых наглотался воды, и теперь они барахтались, жадно хватая воздух, и издавали душераздирающие вопли. Переправа в воде со связанными руками давалась им нелегко, и все-таки они приближались. Когда вода была им уже по пояс, Мерфи схватился за свою плетку:

— Стоять, дьявольское отродье! Ни один черт и шагу не делает на Роанок-Айленд, пока я не удостоверюсь, что никто из вас, проклятых нигтеров, не воняет. А ну мыться!

Чернокожие сбились в кучу и непонимающе таращились на него. Только великан стоял распрямившись.

— Мыться, чертовы исчадия ада! — Плетка Мерфи просвистела у них над головами. Новенькие залопотали какую-то тарбарщину, но ни один не послушался приказа. — Ах так?! Не желаете? Сейчас вы у меня попляшете! Может, от этого станете чище! А ну, скачите, чертовы обезьяны! — Мерфи уже не шутил. Конец его кожаной плетки с твердыми узлами со свистом пошел гулять по носам, щекам, ртам. Рабы голосили и пригибались под ударами. Только великан так и стоял не шелохнувшись.

— Не трудись, Мерфи! — Хосе выпрыгнул на берег, пока шляпка натужно бороздила штевнем песок. — Они тебя просто не понимают. Они и друг друга-то не могут понять. Все они из разных племен: темне, кру, ибо, корамантьер и нупе. Португальский шкипер скупал их в Гвинейском заливе на протяжении более тысячи миль. Вот, смотри!

Мерфи уставился в документ, который Хосе сунул ему под нос. Все рабы были на нем обозначены по именам и происхождению.

— Ну, если так... — недоверчиво протянул Мерфи.

— Не сомневайся. Так что, может, прямо здесь и скрепишь подписью, что принял товар? Перо и чернильница у меня с собой.

— Хосе ослабил в ухмылке свой беззубый рот. Вопрос доставил ему удовольствие: он прекрасно знал, что Мерфи был не в состоянии накарябать даже собственного имени. — Сегодняшнюю дату я уже поставил: 21-й день месяца июня, *anno Domini* 1577.

— Хм-хм. А чего это ты так чертовски задержался с нигтерами? Мастер уже с месяц как вернулся из Гаваны, — уклонился от неприятной темы надсмотрщик.

Хосе свернул документ в трубочку:

— А то ты не знаешь! Томас Коллинкорт не единственный, кто брезгает путешествовать с вонючими рабами. И уж тем более на такие расстояния! Мы проделали больше пяти сотен миль. Во Флориде тоже есть плантации, куда я поставляю товар. Естественно, туда я заехал в первую очередь. — Он сунул свиток Мерфи в руки. — Покажи это мастеру Коллинкورتу. Пусть удостоверится, что все как следует.

— Вперед! И не упираться! — взревел Мерфи, восседая на телеге, в которую уже впрягся Чоппер, с мушкетом в руке, поставленном на нигтеров. Может, эти черные дьяволы и не понимают его слов, но уж такую угрозу однозначно поймут.

Перед тем, когда добела раскаленное железо вгрызлось в плечи рабов, снова поднялся вой. Клеймил Инкпот, и уж шипело так, будто на жаровню опрокинули целую кадушку воды. Мерфи с наслаждением вдыхал запах паленого мяса, и, пока черные дьяволы изворачивались и орали, у него по спине мурашки бегали от удовольствия. Он даже пожалел, что Инкпот так быстро справился с работой. Теперь же все снова успокоилось. Черномазые стояли как пришибленные в колонне друг за другом. Завершал ее тот исполин. Чоппер и Инкпот наложили на них ярма — тяжелые сучья, раздваивающиеся по обоим концам вилкой. Они обхватывали шею, а с открытой стороны были заклинены поперечинами. Окумба — так звали великана — делил ярмо с женщиной. Она была почти на две головы ниже его, что создало некоторые трудности при забивании ярма. Мерфи пялился на ее груди, полные, как дыни. Он бы с радостью посмотрел и на другие ее прелести, но, к сожалению, на ней, как и на рабах-мужчинах, была набедренная повязка.

— Вперед! — снова взревел Мерфи.

Чоппер напрягся, и телега медленно покатилась. Дорога вела по травянистой равнине в северо-западном направлении. Пыль залетала Мерфи в ноздри, и он тосковал по хорошему глотку бренди. Черномазые неуклюже шагали, повесив головы, рядом с телегой. Только этот гигант Окумба шел с высоко поднятой головой и внимательно вглядывался в окрестности. «Ха! Хочешь изучить местность, нигтер! — пришло Мерфи в голову. — Строишь планы побега, да? погоди, я выбью дурные мысли из твоей башки!» Он выхватил свою плетку, и она со свистом приземли-

лась на спине Окумбы. К досаде надсмотрщика, великан даже не вздрогнул. Он что-то пролопотал, поиграл мускулами и пошел дальше.

— Проклятый сукин сын! — Мерфи еще раз прошелся плеткой по его спине, на этот раз много ошутимее, но черномазому это было что свист ветра.

— Масса Мерфи! — раболепно обратился к нему семенящий возле колонны Инкпот. — Пройдем понизу, вокруг холмов?

— Что? Что?! — надсмотрщик тупо уставился на небольшие возвышенности справа вдали. — Само собой, ты, черное пугало, другой дороги на табачные плантации Коллинкорта нет. Чего спрашивать-то!

— Я просто хотел узнать...

— Пфуи, ты с твоими куриными нигтерскими мозгами вообще не должен ничего знать! — рывкнул Мерфи, у которого у самого явно не хватило мозгов, чтобы понять, что его попросту отвлекают. — Чоппер! Поворачивай свою чертову ленивую задницу, иначе я здесь сварюсь!

— Да, масса, — Чоппер припустил было рысцей, потом постепенно притормозил.

Колонна рабов, которая ненадолго поотстала, снова нагнала телегу. Миля через полторы они наконец миновали холмы и ступили на высокое плато острова. Здесь почва была тверже, чем на юге, где ландшафт определяли болота. Перед ними открылся Коллинкорт-хаус, главная усадьба хозяина. В плане она представляла собой букву «Г», хотя длинная ее часть была не больше двадцати шагов. Когда-то этот дом сложили из мощных брусьев, но время нещадно изгрызло дерево — по всему фасаду зияли глубокие трещины. Притолока была низкой и обрубленной. Вплотную к ней начиналась пологая крыша, почти плоская, чтобы не стать добычей налетающих с моря ураганов. На узких окнах — прочные ставни.

В прежние времена Коллинкорт-хаус, должно быть, выглядел импозантно, но теперь был просто старым, ветхим и неухоженным колониальным строением. Кухня в целях безопасности была сооружена в отдельном деревянном строении позади длинной стороны «Г». Рядом располагались бараки надзирателей и несколько больших сараев. Осенью они служили для просушки табачных листьев.

Из одного из них внезапно выскочил чернокожий подросток, за которым неуклюже гнался рыжий человек. Он, казалось, запинался за собственные ноги — явно с утра успел набраться. Он был далеко не молод, но крепкого телосложения. На плечах длинный узкий камзол землистого цвета, под ним хорошего сукна бриджи, на ногах сапоги мягкой кожи — щегольская обувь, не годящаяся для быстрого передвижения.

— Погоди, бездельник! Я тебе покажу! — кричал он заплетающимся языком. — Все дрова для сушки порубил кое-как! Все испортил! Я...

Томас Коллинкорт остановился посередине фразы, потому что в поле его зрения попала колонна рабов.

— А-а-а, новые нигтеры! Я уж думал, они никогда не придут! — он засопел и потряс головой, как будто мог вытрясти из нее раздражение и хмель, и пошел навстречу. Перед самой телегой Мерфи он старательно выпрямился, держа форс:

— Как нигтеры, Мерфи? В самом соку? Никаких болезней, или травм, или чего там еще?

Он бы с удовольствием спросил, девственница ли еще девочка, но, само собой, не позволил себе этого.

— Насколько я вижу, да, сэр, — Мерфи соскочил с телеги. — Клейма уже выжжены на всех черных дьяволах, как вы велели, сэр.

— Ладно, ладно, — хозяин наконец отвел глаза от рабов. — Что у вас там за документ, Мерфи? Записи имен и племени?

Мерфи не мог точно вспомнить.

— Свиток от Хосе, сэр, чтобы... э-э... все было... по правильности.

Коллинкорт просмотрел документ:

— Похоже, все в порядке.

Он проглотил отрывку и сунул список обратно Мерфи. Его взгляд снова блуждал по группе. Молодая негритянка с роскошными грудями — корамантьерка, сестра этого великана по имени Окумба. Коллинкорт при покупке обратил на это особое внимание. Это упрощало дело...

— Негров сегодня не будем отправлять на плантацию — не имеет смысла, — сказал он вслух. — Пока им все покажешь да объяснишь, уже и день кончится. Инкпот! Чоппер! Снимите с них ярма и проводите в хижины, — Коллинкорт махнул рукой в северном направлении, где поодаль виднелись убогие домишки.

— Будет сделано, масса!

Пока оба раба суетились, выполняя распоряжение хозяина, Коллинкорт стоял, слегка покачиваясь, и поправлял пояс брюк. Его глаза под красными веками поблескивали. Наконец дело было сделано, негры могли свободно передвигаться.

— Женщина останется здесь. С завтрашнего дня она будет помогать старухе Мэри на кухне, — он подошел к девушке и схватил ее за руку повыше локтя. — Идем, моя черненькая голубка, масса хочет тебе кое-что показать.

Но едва лишь плантатор дотронулся до сестры Окумбы, как тот выпрыгнул вперед и нанес ему молниеносный удар в челюсть. Коллинкорт пошатнулся. Великан еще раз ударил — Коллинкорт упал на колени. Это выглядело так, словно он собрался

молиться. Но вместо молитвы из его рта вылетел нечленораздельный звук, и плантатор заслонил лицо руками. Третьего удара не последовало: Мерфи разрядил свой мушкет. С оглушительным свистом пуля пронеслась мимо виска Окумбы и вонзилась в дверь дома. Великан застыл как соляной столб, выпучив глаза. Никогда еще он не испытывал ничего подобного.

— Чертов ниггер! Я вышибу тебе мозги из черепушки, если они там вообще есть! — Мерфи подскочил к нему и собственноручно связал, а потом помог Коллинкورتу подняться.

— Вы не ранены, сэр?

— Ахм... да, — его голос звучал глухо.

Он принялся выбивать пыль со штанов, окидывая Окумбу с ног до головы исполненным ненависти взглядом.

— Мерфи, позаботьтесь, чтобы завтра с утра пораньше этот черный дьявол получил дюжину плетей. Наказать перед остальными ниггерами до того, как они пойдут на поле. Пусть пожалеет, что родился! Но проследите, чтобы ничего ему не повредить. Он мне стоил уйму денег и должен работать, пока не сварятся его ниггерские мозги!

Коллинкорт снова схватил девушку за руку и потащил к своему дому. Сестра Окумбы дрожала всем телом.

*Ho, tobacco, ho!
Go, go, go!
Goin' to, goin' fro,
through a furtow
with a bow.
Ho, tobacco, ho!
Go, go, go!*

*Ho, tobacco, ho!
Go, go, go!
Goin' zig, goin' zag,
whip make crack
on my back.
Ho, tobacco, ho!
Go, go, go!*

Унылая песня рабов долетала до слуха медноволосой всадницы, которая, ведя коня под уздцы, направлялась к большому

** «Какой табак!» — мы все поем!
Идем, идем, идем!
Идем вперед, идем назад
По борозде, в табачный ад.
«Какой табак!» — мы все поем!
Идем, идем, идем!*

*«Какой табак!» — мы все поем!
Идем, идем, идем!
Идем налево, идем направо,
Нас плеткой бьют, бьют на забаву.
«Какой табак!» — мы все поем!
Идем, идем, идем!
(Перевод П.Ф. Телегина)*

столбу. На столбе на уровне человеческого роста был подвешен бизоний желудок. Он служил неграм резервуаром для воды.

— Можно я дам моему гнедому немного вашей воды? — добродушно крикнула им женщина.

Несколько рабов подняли головы. Они стояли один за другим, согнувшись в три погибели в борозде поля, где работали группами по трое. У каждого была своя задача. Первый вырубал сорняки, чтобы ростки табака получали свет и воздух, второй обрывал верхушки, чтобы растения не шли в цвет, третий собирал с листьев гусениц, жуков и прочих вредителей.

— Конечно, леди Арлетта!

Тощий негр с жилистыми руками, тяжело ступая, зашагал к ней.

— Вода больше не нужно, скоро работа кончается этот день, Мбамо больно спина, вот! — доходяга показал на свою заднюю часть и осклабился. — Я помогать ледимисс.

Арлетта с улыбкой наблюдала за Мбамо, как он осторожно снял бурдюк и начал переливать его содержимое в подставленную деревянную лохань. Мбамо упорно называл ее «ледимисс» с тех пор, как разнеслась весть о том, что она внучка настоящего английского лорда. И это притом, что она давно уже выглядела как уютно, только не аристократично. Вместо платья по последней лондонской моде на ней была кожаная одежда для верховой езды, которая защищала ее от колючих кустарников. Вместо кружевного жабо и драгоценностей ее шею прикрывал белый платок. И вместо благопристойного дамского седла она пользовалась мужским седлом, при езде в котором приходилось широко разводить ноги. Не то чтобы она придавала этому особое значение — нет, однако была рада, что в этот момент никто из старой доброй Англии ее не видит. Единственным дамским аксессуаром на ней была большая зеленая шляпа, широкие поля которой спасали от солнца. Как у всех рыжеволосых, кожа у нее была белой и нежной, и она все еще не забыла комплименты, которые получала по поводу своей внешности. А было это всего лишь год назад!

С тех пор много чего произошло, и мало что ей в этом нравилось. Как бы ни был красив Роанок-Айленд, жизнь здесь невыносима. Убийственная жара, мошकारа крутые сутки, опасность подхватить лихорадку. Работа однообразна, да и вечера похожи один на другой. Развлечений вроде музыки, танцев и светской болтовни на Роаноке не было, о них оставалось только мечтать. Но что было, так это Томас Коллинкорт, вечно недовольный пьяница и, вдобавок ко всем бедам, ее отдаленный дядя. О том, что в его жилах течет благородная кровь, при взгляде на него никто и вообразить себе не мог бы.

Еще девчонкой Арлетта грезилась, как однажды вырвется из скуки и монотонности жизни в Англии и уплывет к дяде Тома-

су в Новый Свет. Она бредила приключениями, мечтала о сказочном принце, который ждет ее там и будет добиваться ее руки. А все вышло иначе.

Правда, в плавании ей встретился молодой человек, который называл себя Витусом и в которого она влюбилась по уши, но этот Витус оказался мошенником и вором. Она застукала его на месте преступления в своей каюте — с рукой в ее сундуке. Так и этого словно было мало, он еще взялся всерьез уверять ее, что он урожденный Коллинкорт! Конечно, она его прогнала, а потом выла, как сторожевой пес. Позже, много позже у нее закрались сомнения, правильно ли она поступила, и Арлетта ловила себя на том, что время от времени тоскует по нему. Но теперь она уже давно на Роаноке, и никому не дано повернуть время вспять...

Ее мысли вернулись к Томасу Коллинкورتу. Он был всем чем угодно, только не удачливым плантатором, и лишь благодаря регулярной помощи дедушки худо-бедно держался на плаву.

В те редкие вечера, когда Томас не был вдрызг пьян, он рассказывал, как все начиналось больше двадцати пяти лет назад. Он отправился в Новый Свет с радужными надеждами и несметной уймой денег: Он с самого начала хотел иметь остров в единоличном владении, потому что мысль о соседях, которые, как в Англии, будут мозолить глаза, была ему противна. Коллинкорт обзавелся надсмотрщиками и рабами и осел на Роаноке. Вначале он попытал счастья с разведением табака, однако довольно быстро поплатился за свою неопытность. После нескольких неурожаев Томас бросил напрасные хлопоты. Сахарный тростник показался несравненно более многообещающим. Коллинкорт погнал рабов вспахивать новые площади и с году на год ждал удачи. Однако и тем надеждам не суждено было сбыться: казалось, эта земля проклята. Лихорадка и набег индейцев довершили дело. Но Томас все равно не сдался. Вот уже два года, как он вернулся к возделыванию табачных плантаций и надеялся в следующем году начать выгодную торговлю. Пока в районе Карибов, а там, Бог даст, и в доброй старой Англии...

Лошадь между тем напилась. Она подняла голову от лохани и потрясла ею, отфыркиваясь. Несколько крупных капель хлестнули Мбамо по лицу. Негр вскинул руку и тут же скривился от боли.

— Что с твоей рукой, Мбамо?

Выражение невозмутимости вновь застыло на лице раба:

— Ничего, ледимисс. Мбамо только испугался.

— Чепуха! Дай-ка посмотрю.

Она взяла его руку и осмотрела ее. Причина обнаружилась скоро: на плече у ключицы зияла гноящаяся рана. Ее края воспалились и были густо облеплены мошкаррой.

— Как это случилось?

— Не страшно, ледимисс. Зарастет само.

Арлетта осторожно раздвинула края раны, чтобы оценить ее характер и глубину. От боли негр со свистом втянул воздух через зубы.

— Выглядит так, словно по тебе прошлась мотыга. Наверное, тот, кто шел впереди, сильно размахнулся и задел тебя. Так, Мбамо?

— Да, ледимисс, Мбамо идти второй. За Бонго. Бонго не виноват. Он не нарочно. — Мбамо заволновался. — Бонго не хотел! — Он знал, что грозит за такую неосторожность, ведь сохранность рабочей силы — дело первостепенной важности. Если раб выходил из строя, по своей или чужой вине, за это можно было заработать дюжину плетей.

— Я верю тебе. Но почему ты, ради всего святого, не подошел ко мне раньше?

Не дожидаясь ответа, Арлетта вынула из седельной сумки перевязочный материал. У нее уже вошло в привычку возить его с собой — на полевых работах то и дело случались травмы.

Пока она быстро и умело чистила рану, ее мысли снова унеслись к тому, кто называл себя Витусом и утверждал, что он Коллинкорт. Тогда, после морского боя с испанцами, он держался великолепно, этого она не будет отрицать. Час за часом он работал, не разгибая спины, чтобы оказать помощь раненым, и немало из них были обязаны ему своей жизнью. Витус сказал, что он хирург, а она, Арлетта Коллинкорт, помогала ему изо всех сил. Арлетта отогнала бессмысленные воспоминания, достала цинковую мазь и стала накладывать ее на рану. Потом прикрыла рану компрессом и зафиксировала его несколькими витками льняных полос.

— Готово.

Мбамо не реагировал.

— Эй, Мбамо, спишь, что ли?

— Мбамо грустный... Все плохо. Так и так.

— Что? Что плохо?

Арлетта испытующе посмотрела на него. Настроение негров, подчас меняющееся чуть не каждую минуту, оставалось для нее загадкой.

— Не огорчать, ледимисс. Ледимисс ласковая. Не надо.

— А теперь быстро говори, ну? — она мягко встряхнула его, чтобы привести в себя.

Мбамо поколебался, но все-таки заговорил:

— Мбамо думать, табак будет плохой вкус. Последний год так же. Осенью придет урожай. Много работы. Табак сушить. Набивать бочки. Много работать. Хорошо работать. Нет мусор, нет камни, нет сырость. Все равно табак не будет хороший вкус. Масса говно удобрять поле. Поэтому.

Арлетта удивилась:

— Ты хочешь сказать, что если удобрять поле... э-э-э... ка-лом, то табак приобретет неприятный вкус?

— Говно — плохо. Всегда плохо! Не хорошо удобрять. Я знаю! — Мбамо усердно закивал.

— Да, теперь вспоминаю, что весной удобряли... этим... — Она обвела взглядом поле, которое бесконечно тянулось во все стороны.

Надсмотрщик Мерфи как-то сказал, что величина площади — это еще не все. Для хорошей плантации куда важнее регулярно закладывать новые поля. А для этого нужны большие земли. Вот где собака зарыта: Роанок-Айленд был маленьким островом. И, вместо того чтобы пускать в оборот новые площади, Томасу приходилось удобрять старые поля — пусть даже таким способом. Неужели все его усилия кончатся крахом? Не будет же дедушка снова и снова бросать на ветер огромные суммы, чтобы поддержать плантацию!

Она вздохнула. Если здесь все пойдет прахом, ей ничего не останется, как вернуться в Англию, туда, где старый лорд сидит в своем родовом гнезде, — в Гринвейлский замок. Он, конечно, захочет узнать, почему за все месяцы она не написала ему ни слова. И будет нелегко убедить его, что не писала она от стыда. Она тогда просто взяла и уехала, ничего не объяснив. А потом все, что могло пойти кривь и вкось, кривь и вкось и пошло. Она совершила ошибку, большую ошибку, и не стоит уповать на понимание и сочувствие.

Арлетта сложила мазь и перевязочный материал в суму у седла гнедого.

— Завтра утром еще раз посмотрю твою рану. Если не будет лучше, придется тебе дня два пропустить работу.

— Ледимисс, ах, ледимисс! — Голос Мбамо был полон ужаса.

— Ну что в этом страшного? — Она подняла на него глаза и поняла, что возглас негра относился вовсе не к ее последнему замечанию. Он в паническом страхе воззрился на север, туда, где густой кустарник заслонял вид на море. Там во весь рост стоял индеец.

У Арлетты перехватило дыхание. Еще ни разу она не сталкивалась с дикарями лицом к лицу. Этот выглядел устрашающе. Он был жутко размазан и вооружен до зубов. Через плечо висел плоский лук, в руках копьё, а к поясу был прицеплен боевой топор с отточенным каменным лезвием.

Арлетта невольно схватила Мбамо за руку.

— Он один-единственный, — попыталась она успокоить и себя, и негра.

Но не успела она сказать это, как из кустов выступили еще двое индейцев. Арлетта почувствовала, что и ее охватывает паника. И тут увидела уже целую цепочку дикарей, поднимающихся из-за гребня. Расстояние от нее до них было не больше

трех сотен шагов. Боже, с запада тоже идут индейцы! И с востока! И их еще больше! Сколько же? Пять дюжин? Шесть? Дикари сомкнулись в полукруг, с трех сторон окружив дальнюю оконечность табачной плантации.

Остальные рабы тоже заметили опасность. С воплями они побросали все и побежали к Арлетте, ища у нее защиты. «Спокойно! — сказала она себе. — Только спокойно. Ты должна подавать пример!» Ее рука потянулась к поясу, где был заткнут пистолет с колесным замком. Когда-то ей дал его Томас и строго-настрого предупредил, чтобы девушка всегда возила пистолет с собой заряженным и с взведенным курком. Он долго толковал ей о пружинах, зубцах и пирите. Из всего этого она поняла только, что для стрельбы надо сделать три вещи: снять крышку с полки замка, отвести курок и привести в действие спусковую скобу. Потом все само собой произойдет молниеносно. Только сейчас пистолет ей не помощник — вон их сколько!

Первый индеец поднял вверх руки и издал долгий протяжный клич. Похоже, это был сигнал к нападению. Враги как один бросились вперед. Арлетта судорожно соображала. Что делать? Сражаться? Вместе с неграми? Нет, и подумать смешно. Значит, бегство. Но куда? Единственный путь к отступлению вел на юг. Да, надо бежать на юг! Там хижины рабов, а чуть подальше дом Тома.

— Мбамо, послушай меня! Ты и твои люди бегите изо всех сил к вашим жилищам. Не думаю, чтобы дикари стали преследовать вас, но на всякий случай забаррикадируйте двери. И держите наготове свои мотыги. Господь с вами!

— Да, ледимисс, да! — Его голос осип от страха.

— Я поскачу в усадьбу и подниму тревогу. Да сохранит Господь всемогущий наши жизни!

Гибким кошачьим движением она взлетела в седло ипустила лошадь в галоп.

Когда после бешеной скачки ее глазам открылась усадьба Томаса Коллинкорта, Арлетта поразилась тишине и спокойствию. Не было видно ни души. Лишь козел, привязанный к колышку возле кухни, пару раз мекнул. Хотя нет, какой-то незнакомый ей чернокожий пробежал по двору и шмыгнул через слишком низкую для него дверь внутрь хозяйского дома. Да, этот негр был исполинского телосложения, и в его руке что-то блеснуло. «Странно! — промелькнуло у нее в голове. — Чего этому чернокожему искать в доме?» Но она была слишком взволнована, чтобы обдумать эту мысль.

Арлетта прищипорила лошадь и вскоре уже была у дома Томаса. Она только-только протянула руку, чтобы толкнуть дверь, как козел снова заблеял. Ее пронзило нехорошее предчувствие. «Ну, что ты медлишь! — одернула она себя. — Надо кричать, звать на помощь!» Но вместо этого взяла пистолет наизготовку.

Она затаила дыхание и осторожно открыла дверь. В просторном помещении, которое служило и жилой комнатой, и спальней, было темно, хоть глаз выколи. Видно, Томас снова приказал закрыть все ставни, спасаясь от невыносимой жары. Арлетта сощурилась, задвигая тяжелый железный засов. А где же Томас? Он должен быть в доме, не иначе. Арлетта снова прищурила глаза и обвела взглядом помещение. И тут она его обнаружила.

Томас лежал ничком на своей широкой кровати у стены напротив. Он был совершенно голым, а его спина была красной от крови. Такой же красной, как нож, который огромный негр держал над ним в руке. Арлетта вскрикнула.

Чернокожий тоже что-то выкрикнул и отскочил в сторону. Оба разглядывали друг друга.

— Индейцы... — наконец сказала Арлетта и тотчас осознала нелепость своего предупреждения.

Ее рука сама подняла пистолет. Холодная рукоятка оружия несла в себе нечто успокаивающее. Арлетта наставила дуло на исполина.

— Зачем ты убил массу? — спросила она и сама не узнала свой голос. — Я убью тебя.

В лице чернокожего, которое до сих пор все еще хранило выражение отчаянной решимости, произошло какое-то изменение. Он выпучил глаза и тут же отступил на шаг.

— Я убью тебя, — повторила Арлетта и поняла, что никогда в жизни не сможет этого сделать.

Великан снова отступил. Не соображая, что делает, она пошла на него и остановилась с другой стороны кровати.

Внезапно ей послышались всхлипывания, которые долетали до ее слуха откуда-то снизу и явно не могли исходить от чернокожего. Арлетта опустила глаза и увидела ногу. Черную ногу негритянки, погребенной под тяжелым телом Томаса. Снова раздался всхлип. Это был плач, который изо дня в день тысячекратно разносится по грешной земле и который каждая женщина узнает подсознательно, — рыдание своей изнасилованной сестры.

Арлетта и хотела бы помочь несчастной выбраться, да не знала, как. Если она попробует сдвинуть труп, ей понадобятся обе руки, то есть придется выпустить пистолет. Нет, об этом не могло быть и речи. Она застыла в нерешительности.

Спустя мгновение чернокожий вроде бы обрел присутствие духа. Он сделал шаг вперед и залопотал что-то непонятное.

— Стой, где стоишь! — Арлетта направила дуло в его голову, тот снова отскочил. — Кажется, я начинаю понимать, почему ты убил массу. Наверное, эта женщина твоя жена или подруга. И все-таки тебя за это повесят. — Теперь она знала, что ей делать. Она чуть-чуть отступила, пятясь спиной к двери и не

выпуская исполина из поля зрения. — Но женщину мне действительно жаль. Давай, подними массу и убери труп с ее тела.

Ей пришлось несколько раз пояснить жестами свои слова, наконец великан понимающе кивнул. Он подхватил Томаса под мышки и развернул его. Безжизненное тело выскользнуло у него из рук и, как мешок, рухнуло с кровати. Арлетта заметила, что пенис Томаса все еще торчал в возбужденном состоянии. Ей стало мерзко. Прочь! Скорее прочь от этого ужасного места! Она резко развернулась и вздрогнула всем телом: у нее на глазах со страшным грохотом, круша все на мелкие кусочки, в дверь вгрызались боевые топоры.

ЭКЗАМЕНАТОР БАНЕСТЕР

Черт подери, уже так поздно? Должен признаться, что не вполне могу совладать с небольшим чувством голода.

Харви Блоссэм был маленький человечек с пергаментной кожей лица, глядя на которую сразу становилось ясно, что ему нечасто приходится иметь дело с дневным светом. Его руки — он имел обыкновение яростно жестикулировать при разговоре — были костлявыми, лицо — морщинистым, а голова — почти лысой. Блоссэму было сорок три года, и большую часть этих лет он провел личным слугой высокочтимого Джона Банестера — лицензиата Оксфорда, профессора в Лондоне и хирурга ее величества королевы Англии Елизаветы I.

Этим хмурым утром, когда туман снова окутывал берега Темзы, Харви осторожно приближался к двери в святая святых своего господина. Ему было известно, что Банестер имел склонность к дурным манерам, когда его беспокоили в рабочем кабинете, особенно если к тому же чувствовал недомогание. Слута постучал и, не дожидаясь ответа, вошел.

— Сэр, позвольте доложить... — начал он и тут же смолк.

Слишком непривычной была открывшаяся его глазам картина. Посередине помещения, подобно каменной, глыбе восседал Банестер под огромной шалью, которая укутывала его целиком. В этой глыбе под покровом вырисовывались только широко расставленные на рабочем столе локти. Ни малейшее движение не выдавало, теплится ли еще жизнь в обломке скалы, разве что нечленораздельные звуки, доносящиеся из-под шали, свидетельствовали об этом.

— В чем дело, Харви? — прогнусавил голос, который звучал так, будто его обладателю зажали нос.

Банестер откинул шаль. Колеблющиеся ингаляционные пары, поднимаясь из большой миски, повисли в воздухе. Они об-

волакивали распаренное лицо, которое сейчас походило на лягушку-быка. Сомнений быть не могло: профессор тяжело простужен.

— Сэр, позвольте вам доложить, что испытуемый только что прибыл и находится в экзаменационном зале, где господа из *Collegium medicum** уже ожидают вас. — Слуга неопределенно указал рукой на что-то позади себя, чтобы продолжить с трагическим жестом: — О сэр, упаси господи мою бедную душу! Если бы я только догадывался, в каком плохом вы сегодня состо-янии, я бы...

— Ладно, ладно, перестань ломать комедию! — Банестер встал, с некоторым усилием выпутался из шали и шагнул к двери. Вообще-то, когда простуда не сокрушала его дух, он был человеком дружелюбного душевного склада. Ясный ум, острый взгляд маленьких глазок, в которых то и дело вспыхивал запал хорошего юмора, — Банестеру было к сорока, и, несмотря на свой относительно молодой возраст, он уже добился значительных успехов на ниве хирургии. Между прочим, еще двадцатитрехлетним, при высадке в Гавре, — тогда он служил в английском флоте. В Лондоне, этом рассаднике болтунов и выскочек, Банестер уже многие годы был известен своими делами, и не только в адмиралтействе или в военно-морском флоте, но и в госпитале святого Варфоломея и в других лечебницах — репутация, которая побудила даже королеву предать свое здоровье в его искусные руки.

— Мне и в самом деле неможется, Харви. Что у нас сегодня на дворе? Седьмое октября и не меньше чем 1577 лет от Рождества нашего Спасителя, а медицина до сих пор не нашла средства от такого смехотворного явления, как насморк! И все-таки об отмене экзамена не может быть и речи, тем более, как ты сказал, Клауэс и Вудхолл уже прибыли. Знаю, знаю, обоим уже не терпится снять стружку с наших претендентов!

Банестер остановился, чтобы проверить, надлежащим ли образом сидит платье. Щеголем он не был, но опрятному внешнему виду придавал большое значение. В этот день по старой привычке он оделся в пышные панталоны матроса английского флота, которые заканчивались под коленом узкой манжетой. К ним — белая рубашка с кружевным воротником, жилет, камзол и туфли с серебряными пряжками. Все было пошито из прекрасной материи и сидело отлично. Белая рубашка с кружевами на фоне блестящего черного смотрелась особенно ослепительно.

Харви поднял руки, как будто хотел успокоить бушующие волны.

* Медицинская коллегия (лат.). — Здесь и далее прим. перев.

— О сэр, с вашего позволения, сегодня у нас, как я уже смел заметить, только один испытуемый. Его имя... кажется, Витус. А дальше не помню.

— Точно, теперь и я припоминаю. Витус из Кампо... Ну, в общем, Кампо-Как-То-Там. Видишь, и я не запомнил. Проклятый катар еще лишит меня рассудка!

Наряду со своим несомненным талантом и трудолюбием, профессор обладал еще одним похвальным качеством: он умел признавать свои ошибки и слабости.

Он повернулся и зашагал к своему рабочему столу, на котором возле миски с составом для ингаляции и стопок бумаг лежало письмо, написанное каллиграфической готикой. Послание доставили девять недель назад, оно было датировано вторым августа, и его отправителем был цистерцианский монах по имени Томас. Банестер взял письмо и еще раз пробежался по его содержанию. После многочисленных страниц, на которых отправитель, тоже врач, заверял его в своем совершеннейшем почтении, а также подробно описывал монастырь Камподиос, который находится на севере Испании, отец Томас добрался-таки до того, ради чего, собственно, и было написано письмо:

Позвольте мне, высокопочтимый профессор, обратить ваше внимание на юношу, которого я лично обучал врачебному искусству.

Витус, таково его имя, с младых ногтей наставлялся в Камподиосе в artes liberales, причем не раз отличался за особые заслуги. Однако его стращное увлечение не входило в artes liberales. Это хирургия. На сей поприще он был моим лучшим учеником, который подавал большие надежды. Но публич Господни неисповедимы! Всемогуший попустил юношу по окончании учения испытать самнения, что, кроме всего прочего, привело к тому, что он не принял монашеского обета, а ушел в мир. Это произошло в 1576 году по Рождеству Христову, и с тех пор до Камподиоса доходили только скучные вести. Тем не менее мне известно, что в ближайшем будущем он не имеет намерения возвращаться в лоно церкви, а более всего жаждет получить подтверждение своему врачебному искусству и со светской стороны. В частности, в качестве корабельного хирурга...

Банестер положил письмо на стол и неодобрительно повел носом. Что может понимать юнец в том, каково оно, на корабле? Особенно когда идет бой. Там льются кровь, пот и слезы. Там кричат, страдают и умирают. А корабельный хирург в самом центре всего этого содома. Он накладывает шины, растягивает, прижигает, ампутирует! Немножко другое дело, чем вскрыть фурункул на заднем месте монаха, а?

Но дух справедливости в нем возроптал и напомнил, что джентльмену не пристало заранее выносить приговор экзаме-

нуемому только из-за того, что мальчик, судя по всему, изнеженное монастырское дитя. В конце концов претендент надлежащим образом подал прошение об экзамене, и образование у него имеется, что подтверждает и ходатай, в словах которого хирургик нимало не сомневался. Да и вообще, ему, Банестеру, радоваться бы, что есть еще юноши, которые желают сдать экзамен на корабельного хирурга! Ведь до сих пор любой приبلудный костолом может безнаказанно выдавать себя за хирурга, а это просто издевательство над английскими мореходами!

Банестер горько вздохнул. Должно наконец быть признано официальное подтверждение статуса! Однако его прошение о профессиональном обучении и сдаче экзамена на врача, хоть и было принято, но, как повсюду на свете, погрязло в вязком болоте инстанций. Даже тот факт, что сама ее величество благосклонно отнеслась к его начинаниям, мало что менял в существующем положении вещей.

Так что Банестеру пришлось брать инициативу в собственные руки. Вместе с Клауэсом и Вудхоллом они учредили *Collegium medicum*, и она на регулярной основе проводила экзамены. То, что они называли «посадочным экзаменом на корабль», было длительной процедурой, которая проводилась в обширных помещениях дома Банестера и благодаря неоспоримому авторитету трех экзаменаторов носила по меньшей мере полуофициальный характер. Факт, что их старания не пропали даром и слух о *Collegium medicum* дошел даже до Испании, наполнило Банестера гордостью.

— Сможешь привести парочку парней из порта, Харви? — попросил он, снова направляясь к двери. — Ты знаешь зачем.

— Ну конечно, сэр! С превеликим удовольствием! — Слуга театрально воздел руки. — Доставлю перед обедом. А если они вам потребуются позже, запру их пока что в чулане.

— Прекрасно. Так и быть, можешь до обеда присутствовать на экзамене, но будь нем как рыба! Никаких дурачеств!

— Доброе утро, джентльмены! — Банестер в сопровождении Харви размеренным шагом вошел в экзаменационный зал — строгое помещение площадью двадцать пять на тридцать футов, с тремя большими окнами по южной стороне, из которых открывался вид на Темзу. У задней стены стояли две длинные скамьи, где были разложены многочисленные предметы различного размера и назначения. Но угадывались только их очертания, потому что они были накрыты большими полотнищами.

Хозяин дома кивнул присутствующим. Клауэс и Вудхолл, двое его коллег, уже были здесь. В этот ранний час они выглядели заспанными и вяло ответили только коротким поклоном. На некотором расстоянии от них сидел испытуемый, Витус из

Камподиоса. Молодой человек — это бросалось в глаза сразу — ни в коей мере не соответствовал представлению о монастырской братии. Банестер, ожидавший увидеть расплывшиеся черты и брюшко, удивленно наморщил лоб. Парень был крепкого телосложения с пропорциональной фигурой. Светлые локоны, прямой нос и резко очерченный рот. Посередине подбородка ямочка, которая служила идеальным завершением чистого овала лица. Его одежда тоже производила впечатление. Она не выходила за рамки общепринятого — стеганные короткие панталоны и подбитый камзол были обычной приметой лондонских улиц, — но все сшито из самой дорогой ткани. Уж у Банестера-то был на это наметанный глаз.

К еще большему его удивлению, молодой человек смело встретил взгляд экзаменатора в противоположность другим претендентам, которые робко и взволнованно отводили глаза. Казалось, парень подвергает его такому же тщательному осмотру, но в его серых глазах не было ни самонадеянности, ни наглости — простое любопытство.

Банестер почувствовал, что должен что-то сказать.

— Ну, сэр, — произнес он гнусавым от насморка голосом, — полагаю, вы и есть Витус из Камподиоса.

— Да, профессор. Рад знакомству, — молодой человек встал и с достоинством поклонился. — Двум другим господам я уже представился.

— Очень хорошо. Итак, вы решились предстать перед этой коллегией, чтобы сдать экзамен на корабельного врача. Почему? — Банестер, кряхтя, уселся между Клауэсом и Вудхоллом. Теперь его от экзаменуемого отделял массивный дубовый стол, на котором стоял череп с круглыми трепанационными отверстиями.

— Если позволите, профессор, я подойду к вопросу несколько с другой стороны. Еще не так давно за монастырскими стенами мое искусство врача совершенно естественно воспринималось как доброе, удобное Богу ремесло. Покинув эти стены, я столкнулся с тем, что часто на него посматривают косо. Мне не верят, подчас даже шельмуют. Я долго не мог понять почему. И вот докопался до истины. У меня нет ученого звания, сэр. А в этой стране без звания ты никто. *Медикус*, как я себя оцениваю по знаниям, я не могу называться, не подтвердив своего образования. А все остальное — лекарь, фельдшер, костоправ или еще кто в этом роде — мне не подходит. Иметь на руках какой-то документ — вот что, по моему мнению, имеет вес и обеспечивает должный прием.

— Точно подмечено, — взял слово Уильям Клауэс. — Он был невысокий, узкоплечий, невзрачный человек с широкой лысиной. С первого взгляда никто не мог бы признать в нем лучшего военного хирурга и анатома Англии. — Но если вы считаете,

что вы медикус, то должны знать, что искусство такового более состоит в умении знать все человеческое тело до мельчайших деталей. Функции отдельных органов, к примеру, их взаимосвязь и взаимодействие, как они сопрягаются с кровеносными сосудами, мускулатурой, нервами, *et cetera, et cetera...** Кирургик ведает, так сказать, более грубыми, приземленными материями. Для него едва ли имеют значение такие вещи, как диагностика, терапия или дозиметрия, не говоря уж об учении о четырех жизненных соках... Вот в чем беда: медикус из университета скорее уж поначитается об анатомии галеона, чем будет разбираться в соответствующих частях человеческого тела. Эту грязную работу он перепоручает своим помощникам или прозекторам. Либо кирургик.

— Это мне известно, сэр, — ответил экзаменующийся. — Но готов утверждать, что я одинаково хорошо сведущ как в теории, так и в практике. И все-таки мое сердце принадлежит практическому опыту. Я с большим удовольствием прооперирую заячью губу, чем буду читать долгую лекцию. Тем не менее должен признать: и то и другое необходимо.

— Если я вас правильно понял, — как бы невзначай вклинился Вудхолл, — вы медикус по уровню знаний, но предпочитаете возиться с кровью и железяками? Не значит ли это метать бисер перед свиньями?

Это была маленькая, хорошо продуманная провокация. Она была типична для Вудхолла и типична для экзамена. Врачу шести футов ростом с длинными руками, всем своим обликом напоминавшему плакучую иву, доставляло чертовское удовольствие пускать такие вот стрелы. Но вовсе не бесцельно: джентльмены хотели знать, насколько быстро испытуемого можно вывести из равновесия. Вскипали ли претенденты или вешали нос — это было одинаково дурной приметой, знаком того, что и в другой ситуации они не смогут держать свои эмоции под контролем. Например, в условиях хирургического вмешательства. Банестер и Клауэс с любопытством подались вперед.

— Ни в коем случае, сэр, — серые глаза экзаменуемого блестя, губы расплылись в улыбке. — Как я уже сказал, практика для меня милее теоретизирования. Но без теории не может быть практики. И наоборот. Нельзя недооценивать ни того ни другого. А если медикус передает работу прозектору, как недостойную своей особы, то и сам он, на мой взгляд, не достоин уважения. И как сказал великий Парацельс, «если кирургик на это не способен, то он подобен надутому индюку и кривляющейся обезьяне...»

— Стойте, стойте! — вырвалось у Банестера.

*И так далее, и так далее (лат.).

Молодой человек не только отразил стрелу, но и послал собственную в сторону Вудхолла, словно подозревал, что Плакучая Ива из них троих был наиболее уязвим, потому как слишком много значения придавал своему авторитету.

— Есть еще одна причина, по которой я хочу сдать экзамен на корабельного врача, — продолжал между тем светловолосый юноша. — Так пожелал мой дед, потому что мы происходим из рода мореходов.

— А как имя вашего деда, если позволите осведомиться? — с кислицей спросил Вудхолл, который еще не оправился от укола.

— Лорд Коллинкорт, сэр. Мы живем в Гринвейлском замке, не слишком роскошном дворце на канале.

— Лорд Коллинкорт?! — воскликнул Клауэс. — Вы что, шутите? Его светлость я знаю лично уже несколько лет. Я избавил его от *ulcus*... э-э-э... между прочим, господин экзаменующийся, вы знаете, что такое *ulcus*?

— Да, сэр, язва желудка.

— Если господин претендент является родственником лорда Коллинкорта, он должен бы носить ту же фамилию, как мне кажется, а не называть себя «из Камподиоса». Или я неправ? — Вудхолл с вызовом огляделся. Было видно, что он опять чувствует себя на коне. Он снова обратил взор к экзаменуемому. — Почему вы подали заявку на этот экзамен под именем Витуса из Камподиоса, если ваше настоящее имя в действительности звучит иначе?

Экзаменуемый думал недолго.

— Вам уже известно, что я вырос в монастыре Камподиос. Я был воспитанником аббата Гардинуса — упокой, Господи, его душу! — нашедшего меня перед воротами монастыря *алло* 1556. Я рос среди монахов — молился, воспитывался, учился. Церковь была для меня отцом и матерью. Однако, перешагнув порог двадцатилетия, я понял, что быть монахом — не моя стезя. И я отправился в путь, чтобы раскрыть тайну моего происхождения. Во время долгого, полного опасностей путешествия, рассказывать о котором здесь было бы слишком утомительно, выяснилось, что я Коллинкорт. Так оно и есть. Все, что говорит за это, я подверг тщательной проверке. Но мне не хватает последнего доказательства, последнего звена в этой цепочке, которое, впрочем, не мешает ни его светлости лорду, ни мне. Но это та мелочь, из-за которой я не ношу официально имя Коллинкорт.

— И что это за мелочь? — допытывался Вудхолл, но Банестер, которому уже не терпелось начать испытания, остановил его:

— Оставим это, Вудхолл! Мы собрались здесь, чтобы подтвердить его медицинские знания, а не имя. Юношу зовут Витус из Камподиоса, и я получил свидетельство от отца Томаса из

монастыря с тем же названием, что это так. Все остальное не должно нас интересовать. Итак, начнем!

Банестер засопел, вытащил свой огромный носовой платок и с шумом высморкался. Затем, убирая его, приступил:

— Позвольте мне, Витус из Камподиоса, вначале ввести вас в курс дела. Я объясню, как протекает экзамен. Мы задаем вам множество вопросов по медицине в общем, и особенно касательно хирургии и хирургических инструментов. Далее — вопросы об органах человеческого тела и их функционировании и, не в последнюю очередь, по науке о травах и их применении. Однако вопросы будут задаваться не в последовательности, а вразброс, когда и кому из членов коллегии будет угодно. Наряду с этим мы испытаем и ваше умение владеть собой — качество, во многих отношениях полезное корабельному хирургу. Ну что ж, для начала крайне злободневный вопрос. Вы, наверное, уже слышали, о *Morbus gallicus*^{*}, напасти, пришедшей к нам из Новой Испании, именуемой также сифилис, которая получает все большее распространение? Что вам известно о ней и мерах борьбы с нею?

Парень казался захваченным врасплох, но тем не менее бойко начал:

— Хорошо, профессор. Сифилис — очень коварное заболевание, которое может исподволь терзать пациента много лет. Говорят, оно распространяется... э-э-э... посредством плотских утех и начинается в форме темно-красных мокнущих гнойничков с резко очерченными краями на половом члене. Но этот симптом необязателен. Доподлинно известно, что *Morbus gallicus* через несколько лет проявляется множественными зудящими мокнущими пустулами по всему телу и неизбежно ведет к слабоумию, параличу и смерти.

— Хорошо, — коротко сказал Банестер. — Это симптомы. А как насчет терапии? Какие вы будете предпринимать меры, чтобы спасти жизнь пациенту?

— Очень немногие. Да и они мало помогут, потому что сифилис практически неизлечим. А если время от времени и лечится, то лишь ценой других заболеваний. *In concreto*^{**}: я пропишу ртутную мазь на все тело — процедура, которая ведет к тому, что в скором времени на нёбе пациента и в глотке образуются гноящиеся раны, появляются язвы на губах, а зубы выпадают полностью. До того как немногие из пациентов вылетят при такой методе, они умрут тысячами других смертей.

— Скольких больных сифилисом вы уже лечили, господин испытуемый? — вмешался Вудхолл.

^{*} Дословно: галльская (в просторечии — французская) болезнь.

^{**} Конкретно (лат.).

— Ни одного, сэр.

— Ни одного? — Вудхолл недоверчиво фыркнул. — А откуда ваши познания?

— Из труда «*De morbis hominum et gradibus ad sanationem*». Это книга, содержащая важнейшие познания всех великих врачей прошлого и современности. Ее издал отец Томас. Но должен заметить, что он равным образом внес в нее немало-важный вклад целым рядом предложений по лечению заболеваний. В случае сифилиса это отвар бакаутового дерева, *Guajacum*, а также назначение корня сальпы, *Salpidae*.

— Интересная терапия, — одобрительно кивнул Клауэс. — Было бы любопытно пообщаться с отцом Томасом. Но вернемся к нашему экзамену. Вы превосходно описали лечение ртутными препаратами. К этому нечего добавить. Обратимся к тем случаям, где мы, врачи, можем добиться большего. — Он обернулся и посмотрел на наглядное пособие у себя за спиной. — Видите эту картинку, господин экзаменующийся?

— Да, сэр.

— Тогда скажите мне, зачем она здесь?

— Охотно, сэр. Она изображает так называемого «раненого» — это демонстрационная фигура всех возможных ранений посредством оружия.

— Верно опознано. Это увеличенная иллюстрация, которую великий анатом Ганс фон Херсдорфф повелел изготовить для своего труда «*Feldtbuch der Wundartzney*»*, издание *anno* 1517. В высшей степени значительная книга, хоть и появилась на немецком языке. — Клауэс поднялся и подошел к изображению обнаженного человека в одной набедренной повязке. Во всех членах несчастного торчали различные виды оружия. — Витус из Камподиоса, я буду указывать на ранение, а вы коротко ответите, *curabilis* или *incurabilis*. Полагаю, вы знаете, что обозначают эти термины?

— Само собой разумеется, сэр. Ко всем дисциплинам, которые я изучал будучи монастырским школяром, относилась, конечно, и латынь. *Curabilis* — значит излечимое, *incurabilis* — неизлечимое.

— Хм... Ну ладно.

Клауэс с опозданием сообразил, что его вопрос был излишним. И все-таки! Перед ним прошло уже столько экзаменуемых, которые не только не читали на языке Цезаря, но и не ориентировались в языке науки. И, несмотря на это, выдержали экзамен! Но это уже к делу не относится... Клауэс показал на бедро «раненого», в котором торчала стрела с железным наконечником.

* Полевая книга военного хирурга (нем.).

— Что скажете об этом ранении, господин экзаменуемый?

— *Curabilis*. При условии, что будет оказана своевременная врачебная помощь, которая предотвратит гангрену.

— *Recte!** — изрек Клауэс, с удовлетворением отметив, что экзаменуемый по собственному почину упомянул главную опасность при этом ранении. — А что скажете по поводу плеча, пораженного булавой?

— *Curabilis*. Тупое оружие дает, как правило, чистые переломы. Плечевая кость быстро срастется при условии, что будет своевременно использована шина.

— Вы умеете обращаться с шиной?

— Разумеется, сэр.

— А что вы будете делать, если у вас в наличии только одна шина, а переломов два?

— Я буду обрабатывать ранения последовательно. Сначала с помощью шины соединю в правильную позицию кости более легкого перелома и наложу на него тугую повязку. Потом переложу шину на второй перелом.

— А почему вы начнете с более простого перелома? Наоборот не было бы разумнее?

— Из прагматических соображений, сэр. При трудных переломах вытяжка и пригонка костей может затянуться. Поэтому я обработаю сначала более легкий — и половина дела сделана. К тому же это ободрит раненого.

— Хм... Ну ладно, вернемся к нашему «раненому». Этот меч торчит у него глубоко в груди. Что скажете по этому поводу?

Молодой человек помедлил.

— Не позволите ли мне посмотреть поближе? — Он подошел к пособию. — *Incurabilis*. Меч вошел так, что, несомненно, повреждено легкое, а возможно, и та или иная артерия. Раненый погибнет от внутреннего кровотечения или задохнется.

— Арбалетная стрела в шее?

— Она проходит несколько в стороне. Возможно, *curabilis*, если не задета гортань или главная артерия. В противном случае *incurabilis*.

— Сдавленные бердышом ребра? — Вопросы Клауэса сыпались все быстрее.

— *Curabilis*. перевязка с постоянным натяжением и несколько недель покоя — как правило, все, что нужно.

— Лучезапястный сустав, почти обрубленный ножом?

— Руку не спасти, а человека можно. Поэтому: *curabilis*.

— И что вы будете делать?

— Я отделю скальпелем кисть руки, при этом...

* Правильно! (лат.).

- Стойте, стойте! Вы ничего не забыли?
- Э... Что вы имеете в виду? — Экзаменуемый казался растерянным, но лишь на мгновение. — Ну конечно! Вначале я наложу раненому на руку жгут, чтобы перекрыть ток крови...
- А потом?
- А потом скальпелем окончательно отделю кисть руки, оставляя кожный лоскут.
- Зачем?
- Чтобы в дальнейшем рана лучше зашивалась. Но до этого прижгу кровеносные сосуды.
- Чем?
- Каутером.
- Хорошо. А когда рана уже прижжена и зашита, что вы будете делать потом?
- Нанесу медовый бальзам и наложу повязку. Под конец накинута на руку перевязь, чтобы она оставалась в покое.
- Это все?
- Да.
- А вот и нет! Вы забыли, что рука раненого все еще привязана!
- Простите, э-э-э... Ну, разумеется, перед тем я сниму ремни.
- В хирургии нет ничего само собой разумеющегося, молодой человек!
- Испытуемый проглотил ком, вставший в горле.
- Разумеется, сэр.
- А зачем нужна повязка?
- Повязка?
- Вы не ослышались, повязка.
- Но, сэр... — Его голова работала не слишком долго, чтобы переварить такой лишний, на его взгляд, вопрос. — Повязка защищает рану от внешних воздействий: например, пыли, вредных испарений... Кроме того, она впитывает в себя выделения из раны и удерживает мазь или другое средство на нужном месте.
- Это все?
- Нет, сэр. Повязка также оберегает поврежденную конечность от давления или напряжения, ограничивает движение подвижных членов.
- Recte! — Клауэс был доволен. Он снова развернулся к схеме. — Левый глаз «раненого» обожжен раскаленным железом. *Curabilis?*
- Глаз, к сожалению, нет, но, думаю, что рана может быть залечена. Я бы рекомендовал отвар льняного семени.
- Почему льняное семя? — опешил экзаменатор. — Почему не какая-нибудь хорошая мазь?
- Любая мазь не оттянет из раны достаточно жара.

— Как это?

— Но, сэр, жар, вызванный огнем, — это особая статья. Он крайне опасен и лют. Согласно учению о четырех жизненных соках Галена, жар лучше всего побеждается противоположным элементом. В нашем случае это вода, льняной отвар, теплый и щадящий. Льняное семя заливают кипящей водой, настаивают и полученным отваром пропитывают повязку. Ее накладывают на рану, и лен оттягивает все ядовитые соки и устраняет жар.

— *Recte!* Хорошо сказано! — Клауэс был под впечатлением, и Банестер выглядел довольным. Он поднял свое грузное тело и встал рядом с экзаменуемым.

— А раз так, я вырву вас из лап Клауэса. Следуйте за мной! — Тяжелой поступью он направился в противоположную сторону зала, где стояли прикрытые холстом скамьи. — Харви! Поди-ка сюда!

Личный слуга, который до сих пор скромно сидел в углу, рысью поскакал к господину, приставив ладонь к уху:

— Слушаю, профессор!

Банестер коротким жестом указал на скамью:

— Открой, но осторожно!

Харви выполнил указание. Блеснул металл. Изобилие первоклассного хирургического инструмента слепило глаза. Экзаменуемый застыл, пораженный.

— Что, хорош ассортимент? Вы и... — Банестер не успел восторжествовать. Его верхняя губа задрожала, на глаза навернулись слезы. — А-а-а-апчхи!

— Будьте здоровы! — улыбнулся сероглазый экзаменуемый, пока Банестер копался в поисках своего платка.

— Вы бы знали, какую он питает к ним слабость! — встрял Клауэс, подошедший вместе с Вудхоллом. — Изумительный инструмент!

Глаза молодого человека благоговейно перебегали с одного предмета на другой:

— Не просто изумительный...

— Правда? — Банестер основательно прочистил нос и, вытерев напоследок под ним, сказал:

— Но прежде чем вы начнете восхищаться, не могли бы вы мне назвать эти предметы? — Он взял в руки инструмент, заканчивающийся на одном конце удлинненным лепесткообразным язычком.

Экзаменуемый не медлил ни мгновения:

— Шпатель, сэр. Он имеет множество сфер применения. Его форма лучше всего годится для того, чтобы прижимать язык, когда необходимо открыть обзор между небом и гортанью. — Он повел рукой вдоль скамьи. — Я вижу, у вас целая куча шпателей для прижимания и разжимания органов. Но шпателями

можно также смешивать и растирать лекарства, они годятся даже для прижигания.

— Право, молодой человек, вы не даёте мне и слова вставить, опережая вопросы, — проворчал Банестер. Но, по правде говоря, ему понравилось, с каким пылом парень отнесся к его сокровищу. Кто любит инструмент, умеет с ним и обходиться. — Здесь и вправду множество шпателей. Но, как вы видите, не только. Есть и другие инструменты.

Один за другим он поднимал зонды, скальпели, иглы, пилы, костные долота, раневые крючки, зажимы, ланцеты, трепанационные щипцы и многое другое. И каждый раз экзаменуемый не только знал названия предметов, но и описывал их свойства и возможности применения. Наконец, экзаменатор взял в руки особо диковинный предмет с тремя искривленными металлическими стержнями, похожими на сведенные вместе большой, указательный и средний пальцы. От одного из «пальцев», расположенный под прямым углом, находился винт с резьбой. Два других были соединены с ним выступами.

— А что это такое, знаете?

— Конечно, сэр. — Юноша взял инструмент в руки и показал на три «пальца». — Эта конструкция называется *priapiscus*. Один из «пальцев» может ослабляться благодаря резьбе, а два других будут автоматически расходиться. Это распорный аппарат, который носит название *speculum*.

— Очень хорошо. И где же он применяется?

— При обработке ануса и вагины. Он бывает различных размеров. Большой частью *priapiscus* состоит из двух или трех «пальцев», но иногда встречаются и четыре. Инструмент используется, чтобы, зафиксировав разъем, хирург мог спокойно работать.

— Четырехпалечный самый мощный. Вы знаете, в каких случаях он применяется?

— Э... честно сказать, нет, сэр.

— При родах. Вам уже приходилось вспомоществовать женщине в ее трудный час?

— Нет, сэр.

— Нет? Ну...

— Мой дорогой Банестер, вряд ли для корабельного хирурга этот аспект имеет основополагающее значение, — неожиданно подал голос Клауз. Последняя дискуссия его утомила, и он жаждал сменить тему. — Среди матросов нет женщин, а мужчины вряд ли когда-нибудь разродятся. И уж тем более не в море! — Он закричал над собственной шуткой.

— Думаете? — Банестер вначале не понял, а потом рассмеялся. — Мужчины, которые разрешаются от бремени в море! Ха-ха-ха!

Вудхолл нехотя выдавил ухмылку.

— Да ладно, Вудхолл! — Банестер незаметно дал тычка Плакучей Иве. — Это же смешно, разве нет?

— Да, Банестер, разумеется. Но я тоже хотел бы задать пару вопросов. Знаете ли вы, что такое *Spongia somnifera*, господин испытываемый?

— Разумеется, сэр. Снотворное средство.

— Так-так! — Вудхолл оживился. Наука о травах, особенно болеутоляющих и наркотического действия, была его коньком. Он только сел на него, как в широкие створчатые двери экзаменационного зала постучали. Молодой поваренок в лихо торчащем колпаке протиснулся в дверь и поклонился в сторону Банестера:

— Я от поварихи. Она велела передать, что вскорости будут подавать обед, сэр. — С новым поклоном он поспешно исчез за той же дверью.

— Черт подери, уже так поздно? Должен признаться, что не вполне могу совладать с небольшим чувством голода, — хозяин дома погладил себя по выдающемуся брюшку. — Господа Клауэс и Вудхолл, прошу вас проследовать за мной в столовую: основательно подкрепиться нам не помешает. — Уже в дверях он обернулся. — Витус из Камподиоса, извините нам некоторую задержку. Вы также можете перекусить. Может быть, в одной из ближайших таверн. Тогда у вас сохранятся силы на вторую часть экзамена. Будьте столь любезны в три часа пополудни снова предстать перед нами.

— Конечно, сэр, я... — Экзаменуемый вроде бы хотел еще что-то добавить, но осекся и склонился в вежливом поклоне.

— Да-да, непременно. — Банестер мыслями был уже с пирожками и жарким.

— Ты не будешь стравливать собак! — властно сказал маленький кудлатый человек неожиданно низким голосом. В его тоне звучала уверенность, редкая для мужчины такого роста.

— Это кто мне тут приказывает? — Его противник воинственно вздернул подбородок.

Это был разудалый малый с красным лицом пьяницы. Драчун, с которым лучше не связываться: его кулаки свидетельствовали о том, что он может перешибить железо. Одна его рука держала за ошейник бойцового пса, издававшего глухое утробное рычание, другая протянулась вперед с намерением встряхнуть наглеца. Но тут выступил вперед еще более мелкий человечек.

— Не рыпайся, ты, живодер! Хочь знать, кто те щас испортит картинку? Тык знай! Сам великий Рамиро Гарсиа, магистр из Ла Коруна в Щпании, кумекаешь? Образованный, ущённый и почитаемый.

— Что-о-о? — У громалы, который звезд с неба явно не хватал, челюсть опала. Коротышка перед ним не только был карли-

кового роста, но еще и таскал на спине горб с бочку. А рыжая копна волос на его голове диковинно контрастировала с небесно-голубым скюртуком. И эти похожие на рыбий рот губы осмелились изрыгнуть непотребные слова на воровском жаргоне?!

— Заткнись! — наконец-то высказался громила в привычной для таких случаев манере.

— Сам заткни пасть! И гони ветры, ты, петух недокукаренный!

И снова болвану не хватило слов. Со страхом, какой у большинства людей сидит в печенках, он отступил на полшага. Коротышка подскочил, схватил бойцовую собаку за ошейник и отвел ее в сторону. По толпе многочисленных зевак, собравшихся меж тем вокруг спорщиков, прокатился ропот: пес не только не огрызнулся, но принял это как должное и даже, как показалось многим, радостно пошел с карликом.

— Сидеть! — приказал горбун, и снова люди удивились: пес послушался. Он сел и широко зевнул, как будто все происходящее его больше не касалось. А потом наклонил голову и принялся тщательно вылизывать грудь и живот, где виднелись еще свежие раны.

— Для тебя будет лучше, друг мой, если ты сейчас пойдешь своей дорогой, — продолжал прерванную речь малорослый мужчина, которого представили как магистра Гарсиа. — Я не слишком искушен в дебрях лондонских законов, но уверен, что здешние отцы города не слишком-то жалуют собачьи бои. — Он махнул рукой в сторону вырытого котлована, где проводились кровавые сражения. Он располагался в конце грязного переулка в сторону Темзы и наполовину был окружен ветхими хижинами. С реки доносился гнилостный запах.

К громиле медленно возвращалась способность соображать.

— Я разукрашу тебе морду, — пригрозил он, сморкаясь в свою когтистую лапу.

— Именно поэтому, друг мой...

— Чё?..

— Именно поэтому отцы города должны что-то предпринять против собачьих боев. Бои неизменно ведут к драке.

Кое-кто из толпы захихикал. По всему, дело шло к славной потасовке. Послышались возгласы:

— Эй, Питгер! А где твой знаменитый удар правой?

— Да он просто наложил в штаны перед малышкой-крючкотвором! Ха-ха!

— Люди! Посмотрите-ка, как этот пес выслуживается перед карликом! Ну просто кроткий как овечка! И с такой дерьмовой тварью Питгер собирался выиграть бой?!

Неотесанный Питгер побагровел. Он не позволит выставить себя на посмеище! А во всем виноват этот самодовольный крючкотвор! Тупоумный шут гороховый, напаяли на нос

дурацкую штуку — такие сейчас попадают на улицах Лондона. Она, говорят, усиливает зрение, а этот выскочка явно плохо видит — вон он и теперь жмурится. Питтер положил первым делом сбить с противника стеклянные колеса — тогда у него будет преимущество. Что-то, а драться громила умел!

— Я разукрашу тебе морду! — рыкнул еще раз Питтер и вдруг оцепенел.

Маленький человечек вытащил нож. Не обычный нож, а особый, длинный, из тех, которые в ходу на военных кораблях ее величества.

— Ах, вот ты как! Ты, маленькая крыса, будешь угрожать Питтеру ножом? — Глаза громилы злобно блеснули. — Ну, погоди! Сейчас ты у меня получишь!

Он вставил два пальца в рот и несколько раз пронзительно свистнул. Вслед за этим в убогих хижинах вокруг котлована появились признаки жизни. Из халабуд выступили темные личности с какой-то утварью в руках, по которой можно было догадаться, что они только что готовили своих псов к бою. Среди прочего были у них горшки с говяжьим жиром, чтобы намазывать псов — от этого они становятся скользкими и их труднее ухватить, — ошейники с острыми шипами наружу, чтобы наносить раны противнику, и даже можжевельная водка, чтобы растравить агрессивных животных.

— Эй, парни! Тут объявился один, который что-то имеет против собачьих боев. Угрожает мне ножом, свинья! — заорал Питтер.

— Что-о-о? Ножом? — раздалось в ответ.

Сотоварищи побросали все и ринулись в толпу. Через минуту они уже распахали зевак и сомкнули вокруг маленького ученого кольцо. Внезапно опасность стала смертельной. Кольцо неумолимо сжималось. Заблестели клинки. У ног Магистра плюхнулся жирный плевок.

— Ты, маленький чистоплюй, — донеслось из крута. — Лезешь в дела, которые тебя не касаются?

— Ха! — откликнулся дружок первого. — Маленький законник не хочет, чтобы наши собаки сражались? Так, может, бросим его самого на площадку?

Питтер, который теперь почувствовал себя уверенно, взревел:

— Точно! Столкнем его туда! И посмотрим, будет ли он тогда разевать свою пасть!

Магистр выпрямился во весь рост:

— Только сначала возьмите меня, вы, трусливый сброд! — Его нож просвистел, рассекая воздух.

Любой третейский судья засвидетельствовал бы высшую степень неустрашимости, потому что у маленького ученого в его нынешнем положении не было ни малейшего шанса. Он оказался полностью в руках подонков, приговорен на заклятие.

— Ну и кто первый попробует?!

— Никто!!!

Круг разорвался и в него, как раз на то место, где стоял Магистр, стремительно влетел крепкий парень со светлыми вьющимися волосами. Он обнажил свою шпагу и приставил ее острие к горлу Питгера.

— Этот человек, который хотел бросить моего друга в яму на растерзание псам, — мертвец, если хоть один из вас пикнет!

Шайка отступила. Но, несмотря на предупреждение, не рассеялась. Негодяи злобно смотрели исподлобья. Их было человек двадцать или тридцать, а этот только один, ну полтора, если еще приписать законника. В их глазах вспыхнул недобрый огонек. Они снова сомкнули ряды.

— Стоять, я сказал! — Светловолосый парень отнял шпагу от глотки Питгера и теперь держал на уровне груди перед собой. — Поверьте мне, уж я умею с ней обращаться!

Кольцо сжималось все теснее.

А потом все произошло очень быстро.

Светловолосый сделал выпад и, прежде чем мерзавцы смогли опомниться, пройдясь шпагой по кругу, рассек их рубашки. Нет, серьезных ран не получил ни один, но кровь пролилась. Питгер, которому тоже досталось, заорал как резаный и пустился наутек. Вылупив глаза в бегстве от светловолосого фехтовальщика, он налетел на долговязого матроса, который из-за спин любопытных наблюдал за забавным действием.

— Ты, олух! — завопил долговязый. — Сначала не давал мне смотреть, а теперь еще и ноги отдавил! — Он дал Питгеру хорошего тычка.

Питгер встряхнулся, чтобы оправиться от удара. На время он забыл страх перед парнем со шпагой. Сейчас возникла ситуация, хорошо ему знакомая, — и забияка такую обожал. Он весь напрягся и ударил в ответ. Это был коварный удар — прямо под ложечку. Долговязый матрос хлопнулся, как падает крышка люка. Питгер набрал в легкие воздух и уже собрался было бежать дальше, когда другой моряк заступил ему дорогу. Новенький не слишком церемонился. Без лишних слов он вмазал Питгеру. Тот зашатался. Ему на помощь наконец-то пришли сотоварищи и навалились на обоих моряков. Те дубасили в ответ. Первоначальный спор был забыт. Мелькали кулаки, ругань и проклятия набирали силу. В мгновение ока завязалась всеобщая драка.

Маленький ученый тронул за рукав своего спасителя:

— Идем, Витус, кажется, нашего участия здесь больше никто не ждет. — Он решительно начал прокладывать дорогу в этой катавасии. Пройдя сотню шагов, когда шум драки уже едва доносился до слуха, Магистр перевел дух. — Спасибо, Витус, это было лихо! Ты подоспел вовремя. Наверное, мне не стоило вме-

шиваться, но мы с Энано хотели обломать руки этому подонку Питгеру.

— Ладно, хорошо еще, что все так кончилось. А вообще, где Энано? — Витус огляделся.

— Да, где он опять торчит? — Маленький ученый чуть не свернул себе шею. — Да Бог с ним! Господь всемогущий еще не создал тот день, в который этот пройдоха пропадет. Энано как никто найдет лазейку из любой передраги. Наверное, он уже давно сидит в «Черном лебеде» и скалит зубы: куда это мы за пропали!

«Черный лебедь» был трактиром вполне приличного сорта. Его хозяева сдавали и комнаты. Он располагался на Темзастрит, на пересечении с маленькой Уотер-Марк-лейн, неподалеку от Тауэра. Здесь друзья квартировали уже два дня, с тех пор как прибыли в Лондон. Это жилье имело несколько преимуществ. Во-первых, трактир был недалеко от дома Банестера, а во-вторых, стоял всего в нескольких ярдах от набережной и порта, места, где днем и ночью жизнь была ключом.

Собственно, таков и был уговор, что Магистр и Коротышка будут ждать Витуса в большой общей зале, пока он не освободится после экзамена. Но время текло слишком медленно, и друзья отправились на берег Темзы поразмять ноги. Им никогда не пришло бы в голову, что они могут вляпаться в смертельно опасную переделку. Так вот вляпались! И выпутались только благодаря тому, что Витус так быстро их отыскал.

Как Магистр и подозревал, Коротышка сидел за обильной трапезой, когда оба немного погодя вошли в трактир. В это время в зале уже яблоку было негде упасть, так что с трудом удавалось переставлять ноги. На длинных, лежащих на козлах досках рассиживались гуляки и гоняли служанок. Вокруг шумно смеялись, остряли, отпускали скабрзные шутки, похабничали. Не стесняясь, чавкали, рыгали, пускали ветры. В углу кто-то тянул унылую песню. И над всем этим бедламом прозвенел фальцет Коротышки:

— Давай сюда, эй вы! — запищал он радостно, беспрестанно вылавливая куски мяса из подливки в большой деревянной миске и ловко отправляя их в ротик с вывернутыми рыбьими губами. — Уи-уи, по жбанчику блембеля пойдет? Я ставлю!

— Пива? Почему бы и нет.

Друзья устроились на скамье рядом с Коротышкой, вытащили ложки и с места в карьер навалились на еду — единственно верный способ хоть что-то урвать, когда за столом с тобой Энано. Когда первый голод был утолен, Магистр отложил ложку и отхлебнул из большой кружки, которую между тем принесла одна из служанок.

— Скажи-ка, Витус, — заговорил он, — а как это ты нас с Энано так быстро нашел?

— А что тут трудного? — усмехнулся тот. — Я же вас, дуралеев, не первый день знаю. — Он тоже глотнул пивка, но совсем чуть-чуть — хотел сохранить голову светлой. — Когда здесь не нашел, сразу подумал, что вы ушли к Темзе. Где же вас еще искать, как не в самой суматохе? И как видите, оказался прав.

— Да уж. Твое чутье спасло нам головы! — Магистр снова принялся за еду.

— Уи-уи! — подтвердил Коротышка.

Они примолкли, сосредоточившись на лакомом блюде. В конце концов Магистр отломил кусок хлеба и тщательно вытер днище миски.

— Почти как тогда, у циркачей! — довольно хрюкнул он. — Тогда мы ели такую же вкусятину. Помнишь, Витус?

— Еще бы!

— А помнишь, как Артуро однажды наловил раков, а этот шарлатан Бомбастус Зануссус хотел их слопать один?

— Да, хорошее было время. И Артуро был настоящим другом...

— И первоклассным фехтовальщиком. Если бы он не обучил тебя так здорово своему искусству, то... — внезапно маленький ученый поперхнулся — ему кое-что пришло в голову. — Слушай-ка, Коротышка, а где, собственно, тот пес, которого мы отбили у Пигтера?

— Этот пустобрех? Уи, я его приткнул одной дряхлой мамашке! — Карлик обхватил обеими ручками свою кружку и влил в себя последний глоток пива.

— Ты что, рехнулся? Бойцовую собаку старой женщине!

— И-у, не бойсь! Со старой клюкой нищѣ не слущится. Я побалякал с горлодером. Слушал — уши торчком, драная шкура. Понял, щѣ Энано от него хочет. Должон охранять бабульку — и будет. Зуб даю! Щѣб мне век блембеля не пивать! — человек плутовато глянул на Магистра и Витуса.

Витус расхохотался:

— Ладно! Спасибо за пиво, Энано. Боюсь, что мне пора. Придется вас снова покинуть, — он поднялся и поправил на поясе шпагу.

— Как это?

— Куда ты?

— Думал, до обеда управлюсь с экзаменом, а выходит, ошибался. Немилосердные господа экзаменаторы намерены меня терзать и дальше.

— Что? Готов поспорить, они тебя сегодня уж изрядно повыжали! — Магистр озабоченно прищурился за своими толстыми стеклами.

— Как яблоки для сидра. Но сейчас мне надо пройти последний пресс, и все. Никуда не вязывайтесь, пока меня не будет, и держите язык за зубами. Адьос, друзья! — Витус проворно протиснулся меж разгоряченных кутил к выходу.

— «Адьос»! — скривил губы Магистр. — «Держите язык за зубами»! Что там себе думает господин хирургик? Правда должна оставаться правдой, а кривда названа своим именем! Тут уж ничего не попишешь! А, Энано?

— Уи-уи, верно, верно.

Банестер сидел в одиночестве за массивным дубовым столом в экзаменационном зале и коротал время, пытаясь одновременно засунуть три пальца в трепанационные отверстия черепа. Он чувствовал себя более чем сытым, потому как позади был обильный обед, состоявший, кроме прочего, из перепелов на вертеле, паштета из мяса дикого кабана, сыра, овощей и пива. Венчающим его десертом было аппетитно приправленное пряностями печенье, только что с противня.

Не удивительно, что Клаузс и Вудхолл, которые несколько не отставали от хозяина, вынуждены были пойти облегчиться. Как справят нужду, так и вернутся. Банестеру, о чьих способностях к пищеварению ходили легенды, удалось-таки вставить средний палец в дырку в лобной кости и просунуть его кончик в носовое отверстие.

Харви тоже не было. Он вылавливал пару человеческих экземпляров для наглядного пособия. И экзаменуемый еще не подошел. Но тут ему упрека не сделаешь — на больших круглых часах в столовой было еще без четверти три, когда Банестер вышел оттуда. И вообще, этого паренька не в чем было упрекнуть. В первой половине дня он сражался достойно — это признал бы любой, кто хочет слыть беспристрастным. Даже Вудхолл. Банестер вздохнул. Вудхолл с его помешанностью на болеутоляющих и успокоительных средствах... Если уж сядет на своего конька, остановить его никто не в силах. Банестер вытащил палец из носового отверстия и засунул его в левую глазную впадину. Он должен будет сдерживать Вудхолла, чтобы экзамен не затянулся.

— Я вернулся, сэр, — Витус из Камподиоса появился перед Банестером так, что тот даже не заметил. — Я вас не напугал?

— Ни в коей мере, — ответил хозяин дома, хоть это и не совсем соответствовало действительности.

Он отложил в сторону череп и, следуя внезапному приступу вдохновения, решил незамедлительно продолжить экзамен. Таким образом он будет избавлен от необходимости вести с претендентом праздные разговоры. Подобные беседы во время экзамена — это было твердое убеждение Банестера — не приносят никакой пользы.

— Знаете ли вы, что это за дырки в черепе, Витус из Кампо-диоса?

— Разумеется, сэр. Это отверстия, просверленные во время трепанации.

— И зачем она нужна?

— Вскрытие черепа иногда бывает необходимо. Например, когда пациенты в результате несчастных случаев страдают головокружениями, расстройством зрения или шумом в ушах. В большинстве случаев виной тому гематома, которая оказывает давление на головной мозг. Но причиной таких симптомов может быть и опухоль.

— Очень хорошо. Мой следующий вопрос...

— Следующий вопрос, дорогой Банестер, мой! Потому что, если припомните, я был на очереди. — Вудхолл возник, как воплощенный укор. Рядом с ним стоял Клауэс, который пытался оттереть послушавленным пальцем пятно от соуса со своего камзола.

— Хорошо, хорошо, — миролюбиво согласился Банестер. Он постарался скрыть досаду, что не заметил и появления коллеги. Все дело в этом проклятом катаре, который затуманивал его сознание. — Продолжайте опрос, Вудхолл!

— Тогда приступаю, если позволите. — Вудхолл деревянным шагом прошествовал в дальние пределы зала, где вторая скамья еще скрывала свое содержимое. Он снял полотнище, и взору присутствующих предстала целая вереница сосудов, в которых находились разнообразные растения, толченные порошки и жидкости. — Как вам, возможно, известно, господин испытываемый, при исполнении своих обязанностей хирург имеет дело не только с ножами, скальпелями, ланцетами для кровопускания и костными пилами. Не в меньшей степени он должен обладать умением собственноручно приготавливать лекарства, — Вудхолл указал на другие предметы, стоящие на скамье, — среди них ступки, зернотерки, сита и воронки.

— Разумеется, сэр.

— Что ж, если мне не изменяет память, мы остановились на *Spongia somnifera* и ее применении. Но вначале назовите мне ингредиенты сонной жидкости и покажите их на этой скамье.

— Да, сэр. Имеются различные рецептуры для ее приготовления, и тем не менее неизменными компонентами являются опиум, белена, мандрагора, болиголов и плющ. Количественное соотношение составных частей может быть различным. — Витус указал на бутылочки и флаконы, в которых находились перечисленные растворы.

— Хорошо. И что вы будете делать дальше? Смочите раствором губку или будете действовать как-то по-другому?

— Да, сэр, если губка имеется в наличии. Если нет, то пациент может просто вдыхать пары. Однако часто бывает, что он не

в состоянии этого сделать, тогда необходима губка или что-то подобное. Она должна плотно прижиматься к носу больного, чтобы жидкость лучше впитывалась в слизистые.

— Правильно. Предположим, завтра или послезавтра у вас снова пациент, которому необходимо воздействие *Spongia somnifera*. Будете ли вы снова окунать губку в этот раствор или поступите как-то иначе?

— Это средство высокотоксичное, сэр. Каждый из его ингредиентов имеет сильное болеутоляющее или наркотическое действие. Поэтому показано готовить только одну дозу и полностью использовать ее с губки за один раз. После этого губку следует положить на солнце и держать ее там, пока она полностью не просохнет. В следующий раз ее орошают заново, и эффект тот же. Правда, ограниченное число раз.

— Прекрасно, прекрасно. Вы прооперировали пациента, и он все еще находится в наркотическом сне. Как вы будете его будить? Колотушкой?

Экзаменуемый позволил себе улыбку.

— Разумеется, нет, сэр. Я дам ему отвар корня фенхеля.

Вудхолл благосклонно кивнул и сделал жест в сторону другого конца скамьи. Указывая на одну из жестянок, он спросил:

— Как называются эти синевато-черные ягоды?

Витус понюхал шарики величиной с горошину, осмотрел один из них со всех сторон, взвесил на ладони и наконец сказал:

— Полагаю, это ягоды жостера, сэр.

— Так-так. Полагаете. Но одного предположения недостаточно, господин испытуемый. — Вудхолл ни за что бы не признался, но эта первая неуверенность экзаменуемого доставила ему удовольствие. Нет человека, который знал бы все. Не должно такого быть. И уж он, Вудхолл, позаботится о том, чтобы были раскрыты и слабые стороны самонадеянного юнца! — Итак, вы не знаете! Что ж...

— Простите, сэр, есть множество кустарников, которые имеют темные ягоды такой же величины. Если будет позволено, я бы спросил, не маленькие ли овальные листочки у этого кустарника и не белые ли цветки?

— Ну, э... это так.

— Тогда это точно жостер, сэр.

Вудхолл испытал нечто вроде разочарования.

— А для чего применяются эти ягоды?

— Растертые в порошок, они являются сильным слабительным средством, сэр. Если кто-то после обильного обеда жалуется на тяжесть в животе и вздутие, то...

— Ну, ха-ха-ха, может, кто и испытывает такое, только не мы, правда, Вудхолл? — неожиданно встрял Банестер. Ему показалось, он нашел хороший способ вмешаться. — Пусть на это

жалуются другие, а нам нечего, да? Ха-ха-ха! — Он положил своему долговязому коллеге руку на плечо и одновременно повернулся к Клауэсу. — Так ведь, Клауэс? — Но третий экзаменатор не отвечал. Не имея возможности прикорнуть после сытного обеда, он задремал прямо стоя. — Ну хорошо. Думаю, Вудхолл, достаточно. Вы проэкзаменовали молодого человека с присущим вам искусством, и должен сказать, я редко получал такое удовольствие от опроса. — Он жестом остановил готового запротестовать Вудхолла. — Нет, в самом деле, дружище, вы были великолепны, просто великолепны! — И прежде чем Вудхолл сумел все-таки что-то возразить, Банестер закричал громовым голосом: — Харви! Харви! Черт побери, Харви, где ты торчишь, бездельник?

Вместо ответа открылась большая двустворчатая дверь в зал, и три новых персонажа были вытолкнуты на сцену сильной рукой. Это были трое оборванцев, одетых в лохмотья, небритые, немытые и дурно пахнущие, с красными от беспробудного пьянства глазами. Одним из них был Пиггер.

— О сэр! О сэр! — появился вслед за ними Харви, воздевая руки. — Поверьте, я старался доставить молодчиков так быстро, как это было возможно. — Он молитвенно прижал руки к груди и склонил голову. — Простите, если это заняло слишком много времени.

— Кончай кривляться! — резко оборвал его Банестер, однако в душе поздравил себя, что слуга так быстро появился с этим сбродом. Таким образом Вудхолл получил окончательную отставку со своим травяным хламом. Теперь можно было переходить к практической части экзамена.

— Эти субчики должны встать на середину зала, чтобы мы их лучше видели.

— Да, сэр! — Харви подтолкнул бедолаг к свету.

На теле каждого из них красовались более или менее тяжелые повреждения. Выглядело это так, словно их выдернули из жестокой драки.

— *Fer aut feri, ne feriaris feri*, — сухо заключил Банестер, основательно осмотрев типов. — Сноси или бей; не хочешь быть битым — бей сам! Это, мерзавцы, девиз нашей возлюбленной королевы, да дарует Господь ей долгую жизнь! Но вы, как я вижу, не придерживались этого золотого правила и больше сносили, чем наносили ударов.

Парни и вправду представляли собой жалкое зрелище. Один из них постоянно придерживал правую руку, которая безжизненно висела. Нос второго распух и был синего цвета. У третьего, Пиггера, конечная фаланга пальца торчала под невероятным углом. И все имели кровоточащие ушибленные и рваные раны. Голова Пиггера была к тому же украшена здоровенной шишкой.

— У вас есть при себе деньги, мерзавцы? — спросил Банестер. — Не воображайте, что вас будут лечить бесплатно.

Все трое дружно замотали головами.

— Так я и думал. Что ж, тогда назовите мне ваши имена, что-бы завтра или послезавтра мой слуга Харви мог получить с вас гонорар.

Компания молчала.

— Имена, черт подери! — рявкнул Банестер.

Он хоть и был врачом по призванию и часто лечил пациентов бесплатно, но терпеть не мог, когда его держали за дурака. Естественно, у этих отбросов, стоящих перед ним, денежки водились — это уж как пить дать. Люди такого сорта всегда раздобудут пару пенни — кто подсобной работой, кто воровством, кто мошенничеством. Только они предпочитают эти деньги пропивать, а именно это Банестеру и претило.

Те трое все еще молчали. Питгер испуганно косился на Витуса — точно знал, что его имя тому известно.

— Вот что, Банестер, — неожиданно встрял Вудхолл. — Пока этот сброд размышляет, я мог бы продолжить...

— Не стоит! Думаю, в этом... э... не будет необходимости, эти трое сейчас скажут свои имена. И вообще... — Банестер не знал, как ему выкрутиться.

Положение спас Витус.

— Сэр, если не возражаете, я пока что начну лечение этой тройки так. Одного из этих парней я знаю, — он указал на Питгера. — И я уверен, что он еще сегодня до наступления вечера принесет вам плату за всех троих. Правда, Питгер?

Питгер, стиснув зубы, кивнул.

— Странные у вас знакомства, должен заметить. Что ж, я согласен, — в голосе Банестера слышалось облегчение. — Прошу вас, начинайте лечение этого Питгера и комментируйте, что вы делаете в каждый данный момент.

— Да, сэр. Выступи вперед, Питгер! — Первым делом Витус взял его руку и обследовал торчащую вбок фалангу пальца со всех сторон. Потом велел Питгеру выпрямить ее. Тот попытался, но у него это вышло только наполовину. — Больно? — Витус осторожно потянул за нее.

Питгер заорал.

— Ну, джентльмены, диагноз ясен. Дело здесь в вывихе верхнего сустава безымянного пальца. Лечение должно заключаться в следующем: прежде всего я вправлю верхнюю фалангу, а затем зафиксирую ее.

Под заинтересованные взгляды коллегии и громкие крики Питгера Витус выполнил первый шаг. Взяв перевязочный материал, он продолжил свои комментарии:

— Фиксация состоит в совместной перевязке безымянного и среднего пальцев.

— Просто и надежно! — похвалил Клауэс, который между тем проснулся. — Обеспечение неподвижности поврежденного члена является одной из важнейших функций повязки, как вы верно заметили сегодня утром.

— Да, сэр! Спасибо, сэр!

— И как долго палец должен оставаться в фиксированном состоянии?

— От десяти до двенадцати дней, сэр.

— *Recte!*

После того как Витус оказал Питтеру дальнейшую медицинскую помощь, а именно: обработал царапину от шпаги, шишку на голове и многочисленные ушибы, — Банестер спросил:

— Кого из молодчиков вы будете пользоваться следующим, господин экзаменуемый?

Витус указал на парня с распухшим носом.

— Почему именно его?

— Потому что он, должно быть, страдает от сильной боли, сэр.

— Хорошо. Начинайте.

Манипуляции над распухшим носом были похожи на действия с вывихнутым пальцем. Вначале Витус аккуратно прощупал повреждение, а затем объявил:

— Нос сломан, джентльмены, к тому же с деформацией. Как и в случае с фалангой пальца, я восстанавливаю его первоначальную форму, а далее позабочусь, чтобы он сросся на нужном месте.

Он начал выправлять нос. Осторожно нажимая на место перелома носовой кости, он скорректировал ее положение. При этом она два раза внятно хрустнула, а парень со свистом втянул через зубы воздух. Затем экзаменуемый взялся за трехгранный хрящ и хрящ крыла носа. Поставив их на место, он с удовлетворением заключил, что перегородка автоматически заняла верную позицию — она теперь располагалась прямо посередине между обеими ноздрами.

Парень со сломанным носом, казалось, был выкован из куска железа. С его губ не слетело ни звука, хотя в глазах стояли слезы от боли.

Нос теперь, хоть и оставался по-прежнему разбухшим, принял свою первоначальную форму. Витус взял две узкие длиной примерно в три дюйма деревянные трубочки.

— Эти трубочки, джентльмены, вставляются в ноздри. Их назначение двояко: во-первых, они помогают удерживать нос до срастания в прямом положении, а во-вторых, обеспечивают свободное дыхание. — Он выполнил и эту процедуру, ее парень также выдержал стойчески.

— Трубочки должны быть продвинуты как можно дальше, лучше всего до упора, чтобы прочно держались. Когда опухоль

начнет спадать, возможно, они расшатаются. В этом случае их следует заменить на другие, большего диаметра. Чтобы срастись, носовой кости требуется от двух до трех недель. — Он снова повернулся к молодцу. — На твоём месте я бы повременил со следующей дракой.

— А вы уверены, господин испытываемый, что мы имеем дело с переломом носа? — скептически поинтересовался Вудхолл. — Что-то я не заметил носового кровотечения.

— Нос может быть переломан, даже если не кровоточит, сэр. Но я охотно соглашусь с вами, что в большинстве случаев переломы костей носа сопровождаются кровотечением. С вашего позволения, джентльмены, теперь я займусь последним пациентом.

Банестер просопел:

— Давайте, давайте!

Витус осмотрел свисающую правую руку несчастного драчуна и чуть погодя пришел к выводу, что вывихнуто плечо. Он встал сбоку от парня и велел ему поднять и вытянуть руку, насколько тот может, чтобы правильно определить местоположение вывиха. Потом взялся левой рукой за плечо, правой за предплечье пациента.

— Прямо, и не двигаться! — еще раз напомнил он.

А затем резким движением рванул руку вверх. Послышался глухой звук, когда головка кости вошла в суставную впадину. Крик, который издал парень, глухим не был.

— Сделано! — Витус прощупал шаровидный сустав. — Все там, где должно быть. Ну-ка, подвигай рукой! Прекрасно, функция восстановлена. Все!

— Ты сказал, Витус из Камподиоса! — Банестер дружелюбно, почти по-товарищески улыбнулся. — Вы пока что не знаете, поэтому сообщая вам, что пользование таких... э... так называемых уличных случаев есть окончание нашего экзамена. Так что ваше «сделано!» вдвойне верно.

— Да-да, так оно и есть, мой мальчик, — согласился Клауэс с мнением хозяина дома и протянул Витусу руку. — Прежде всего хочу вас поздравить: вы выдержали экзамен! — Его голос потеплел. — Разумеется, выдержали ли и как — решать это прерогатива *Collegium medicum*. Однако...

— Да-да, — Вудхолл выдавил улыбку и тоже подал Витусу руку.

— Джентльмены! Я... я благодарю вас! Не поверите, но я так рад, что все позади!

Банестер громово рассмеялся и хлопнул его по плечу.

— Хо-хо, мой дорогой, а то мы не знаем! А, Вудхолл? А, Клауэс?

Оба дружно подтвердили. Хорошее настроение быстро распространялось.

— Харви, ты, старый трагик, убери этот сброд отсюда. Дело сделано! — Банестер вытащил свой носовой платок и шумно высморкался. — Кажется, даже мой катар отступил. Это надо отметить!

Он собрался позвонить прислуге, но в этот момент в дверях во второй раз появился поваренок и склонился в поклоне:

— Повариха просила передать джентльменам, что их ждет небольшая трапеза.

Как и утром, он хотел немедленно исчезнуть, но возглас Банестера задержал его:

— Передай миссис Шнаппер, что я ценю ее заботу!

— Будет сделано, сэр! Передам.

— Вот и прекрасно!

Предвкушение радостей чревоугодия заставили глаза господ экзаменаторов засветиться особым блеском.

— Я рассчитываю, джентльмены, что вы составите мне компанию!

Не дожидаясь ответа, Банестер направился к выходу. Перед самой дверью он обернулся, его взгляд упал на Витуса, на губах заиграла улыбка:

— Вы также приглашены к моему столу, господин коллега!

— Как может человек съесть столько за один раз! — Витус со стоном погладил свой живот, который благодаря гостеприимству Банестера был туго набит. Снова и снова ему приходилось вкушать блюда, предложенные хозяином. — Столько, сколько поглощал профессор, не выдержал бы и бык!

— А что там подавали? — Магистр постарался выглядеть заинтересованным.

Они с Энано провели весь конец дня в трапезной «Черного лебедя», следуя наставлению Витуса быть сдержанными в словах и поступках. Но уж зато в поглощении пива они себя не сдерживали. Золотистый напиток лился в горло легко, а голова становилась все тяжелее.

Витус вновь простонал:

— Чего там только не было! Суп из фасоли, с горохом, морковью и...

— Уи, с пушкой, мортирой и аркебузой? Такой супщик был бы мне куцерьяво! — утомленно вставил Коротышка.

— Ага. Потом мясо, паштет, запеченная рыба... и так далее, и так далее...

— Жирная жратва, в обнимку с кареглазой хамсой, уй, уи... — пробормотал карлик уже во сне.

Магистр широко зевнул:

— Остается только надеяться, что наше затянувшееся ожидание не было бесплодным. Что касается меня, я бы вообще не пошел на этот экзамен. Ты хоть его выдержал?

— Не уверен. Банестер и Клауэс были ко мне благосклонны, а что касается Вудхолла... Это человек того сорта, которые не слишком любят, когда кто-то знает не меньше их. Но, так или иначе, профессор называл меня «господин коллега», когда приглашал на ужин. Однако, с другой стороны, это могло быть просто шуткой. Послезавтра узнаем.

— Послезавтра?

— Послезавтра. Потому что завтра *Collegium medicum* соберется на совет и, если я выдержал экзамен, даст распоряжение оформить диплом. Так что будем терпеливы.

— Терпение, — вздохнул Магистр, — никогда не было моей сильной чертой. Да что тебе говорить!

Банестер отложил череп с трепанационными дырками и подвинул к себе стопу бумаг. Потом втиснулся за массивный дубовый стол. Харви, который подставил не менее массивный стул под ученую задницу своего хозяина, походкой танцора удалился. На следующем этапе в нем не было нужды.

Хозяин дома перелистывал бумаги, а Клауэс по его правую и Вудхолл по левую руку сидели с каменными минами. Прошло немало времени. У Витуса, сидевшего напротив троицы, не раз падало сердце. Он понимал, что важные события не терпят суеты и спешка не пристала досточтимым экзаменаторам. Но почему профессор так долго шуршит документами? Что-то не так? И почему у его коллег такие застывшие взгляды? Они сомневаются в его компетентности? В голове всплыли критические замечания Вудхолла. Неужели он поплатился за то, что не всегда реагировал с должным пиететом, приличествующим его положению? А может быть, Клауэс припомнил, что он забыл упомянуть о снятии ремней после операции по ампутации? Или... Мать Божья! Не дай мне провалиться!

— Прошу прощения, что возникла задержка, — Банестер прокашлялся. Его катар сегодня едва давал о себе знать. К тому же денек располагал к хорошему настроению: светило солнце, и дело шло к полудню, а миссис Шнаппер вскорости должна была возвестить об обеде. Кроме того, документ, содержание которого он перепроверил, наполняло сердце радостью.

— Но... всему свое время! Особенно тому, что не просто хорошо, а великолепно! — Он потряс объемистым пергаментом и поднялся. Его коллеги тоже встали. Естественно, им последовал и Витус. — Витус из Камподиоса! — громогласно возвестил Банестер. — Вы выдержали экзамен на звание корабельного хирурга перед лицом *Collegium medicum* с *Magna cum laude*.^{*} Поздравляю вас от всего сердца и добро пожаловать в круг ра-

^{*} С оценкой «похвально» (лат.).

ботников скальпеля! — Банестер обошел свой массивный дубовый стол и так потряс правую руку Витуса, словно это был балансир насоса. — Удачи вам на трудном поприще, господин коллега, и, когда будете на море, семь футов под килем!

— Точно сказано! Поздравляю с приобщением к нашему кругу! — радостно изрек Клауэс. — И удачи во всем, дружище!

— Присоединяюсь к пожеланиям предыдущих ораторов. — Хоть пожелание Вудхолла вышло не таким уж радужным, тем не менее он тоже пожал Витусу руку.

— Джентльмены, благодарю вас. Благодарю! Даже не знаю, что сказать. Главное, уже завтра я могу поступить на морскую службу...

— Что вы говорите? — Пораженный Банестер упер руки в боки. — Хорошо, что мы еще вчера подготовили рекомендации коллеги, в которых письменно засвидетельствовали ваши выдающиеся способности! Одну в контору торгового флота, одну в адмиралтейство ее величества и еще в лондонскую гильдию купцов. И все за нашими персональными подписями и печатями.

— Как и документ, который вы, может быть, наконец-то вручите, Банестер? — ухмыльнулся Клауэс.

— Спокойно, мой любезный! Не так скоро! — Хозяин дома перегнулся через стол и достал бумагу. Он еще раз перепроверил ее содержимое. На его лице не отпечаталось никакого выражения, только взгляд бегло скользнул по Вудхоллу. — Должен вам сказать следующее, Витус из Камподиоса: на мой взгляд, вы выдержали экзамен *Summa cum laude*^{*}, но, как вы, должно быть, знаете, наша окончательная оценка должна быть выставлена единогласно. Э... ну вот... Еще раз мои сердечные поздравления!

— Нижайшая благодарность, сэр! — Витус принял заполненный бисерным почерком тяжелый свиток и глянул на него на расстоянии вытянутой руки. Два написанных прописными буквами слова сразу же бросились ему в глаза. Два слова, которых он непреклонно добивался: CIRURGICUS GALEONIS^{**}.

КОНЮШИЙ КИТ

Вот тебе морковка за то, что ты такой brave парень!

— У Одиссея опухла передняя правая, посмотри-ка, Кит! — Кэтфилд спешил перед конюшнями Гринвейлского замка и передал поводья вороного жеребца. — Потом заглянешь ко мне в контору и доложишь.

^{*} С отличием (лат.).

^{**} Корабельный хирург (лат.).

— Есть, сэз! — Кит, веснушчатый девятнадцатилетний конюх, чьим выдающимся достоинством были оттопыренные уши, ревностно закивал. Он встал навытяжку и придал своему голосу бодрый тон, потому что хорошо знал, что Кэтфилду лучше не попадаться на зуб, если ответ на приказ покажется ему слишком вялым. Может быть, дело в том, что прежде brave молодец служил во флоте. — Будет сделано, сэз!

Кит похлопал Одиссея по холке и не спускал с Кэтфилда взгляда, пока тот не удалился. Кэтфилд был управляющим поместья всего несколько месяцев. Но отнюдь не плохим, это следовало признать. С раннего утра и до позднего вечера он был на ногах. Когда не осматривал поля, леса и пастбища, появлялся в разных хозяйственных постройках, прослеживая, все ли идет правильно. Если его не видели там, то всегда могли найти в конторе. Казалось, он круглые сутки был на службе. Лени и небрежности в работе, которые частенько наблюдались при старом управляющем, он не терпел.

Тем из челяди, кто давно служил в поместье, особенно миссис Мелроуз, своенравной поварихе, поначалу пришлось не по вкусу, что за ними беспрестанно присматривают. Но Кит думал иначе. Он работал проворно и с удовольствием, и весь свет для него был в порядке, пока на конюшне порядок. Лишь бы ему быть при лошадях!

— Давай, Одиссей, посмотрим, что там у тебя! — Он взял переднюю ногу жеребца и легонько прошелся по ней пальцами. Кровеносные сосуды хорошо снабжались кровью и в нормальном ритме толкали ее, закупорок нигде не было видно. — Хм... Да, дело не в этом. — Он прощупал бабку, следя за реакцией жеребца. Одиссей фыркнул. Кит осторожно подвигал копытом вперед-назад. Одиссей снова фыркнул. — Ставлю на кон, что у тебя растяжение сухожилия, старина!

Он отвел коня в стойло, расседлал, обтер досуха, а потом принялся за лечение. Принес из колодца ледяной ключевой воды и остудил воспаленное место, снова и снова смачивая тряпку. Это заняло довольно много времени. Когда посчитал, что нога уже достаточно остудилась, наложил давящую повязку. Тем, что он мог производить такие манипуляции, Кит был обязан господину Витусу, который научил его.

— Придется тебе постоять несколько дней в стойле и как следует отдохнуть, старина! — Одиссей постриг ушами. — Вот тебе морковка за то, что ты такой brave парень!

Кит погладил коня по морде и направился к главному строению, где была контора Кэтфилда. Когда он, коротко стукнув, вошел, управляющий сидел за бухгалтерскими книгами. Кит снял шапку и, немой как рыба, встал у двери. Кэтфилд выдержал время, поставил еще пару подписей и только потом поднял глаза:

— Ну, Кит, как там дела с Одиссеем?

— Если уж вы меня спрашиваете, сэр, так по мне у него воспаление сухожилия. В ноге слишком много жару. Поэтому я остудил это место и наложил повязку. Если ничего не случится, сэр, то через недельку на Одиссее снова можно будет выезжать.

— Рад это слышать. Ты же знаешь, Одиссей любимый жеребец старого лорда.

— Да, сэр.

Естественно, Кит это знал. В конце концов, он всю жизнь провел в поместье. Он вырос вместе с Одиссеем и хорошо помнил, как любил его светлость верховые прогулки. В последний раз старый лорд выезжал, если не изменяет память, с год назад. Тогда он еще был в добром здравии и не страдал дрожанием конечностей, которое в последние недели приковало его к постели. Кит всей душой переживал за старого господина, потому что любил его. Он, как и вся челядь, постоянно наблюдал за развитием жестокой болезни и каждое воскресенье ставил в церкви свечку за здоровье. Только вот Господь не внимал их молитвам. Здоровье его светлости все слабело. Сначала это были только руки, которые старый лорд не мог удержать в покое. Потом добавилось дрожание головы. А когда спустя продолжительное время все уже стали надеяться, что его состояние больше не будет ухудшаться, болезнь нанесла новый удар: шажки старого господина становились все короче и короче, и вскоре он уже был не в состоянии переставлять ноги. Кресло и постель стали его обиталищем. И под конец, видимо, чтобы до краев наполнить чашу страданий, болезнь отняла у старика голос. Он стал похож на свистящий, едва внятный шепот. Витус, молодой господин Гринвейлского замка, пустил в ход все свое врачебное искусство, чтобы справиться со страшной напастью, но, что бы он ни пробовал, ничего не приносило облегчения.

— Может быть, было бы неплохо, сэр, если бы я немного рассказал его светлости об Одиссее?

— Хорошая мысль, Кит, молодец! Давай! Только не слишком утомляй его светлость.

— Само собой, сэр!

— Тогда лети, а когда вернешься, доложишь. Работа на сегодня еще не закончена.

— Да, сэр!

Кит натянул шапку и ринулся выполнять распоряжение. Он вихрем пронесся по землям имения, наверх, ко дворцу, взбежал по широкой наружной лестнице через две ступени и вскоре оказался на первом этаже, где старому господину обустроили покои. У дверей он наскочил на Хартфорда, личного слугу его светлости. Хартфорд, потому как расценивал службу при своем хозяине как наиважнейшую в замке, был склонен к кич-

ливости, но сейчас от нее не осталось и следа. Его глаза были широко раскрыты от ужаса.

— Мне кажется, конец близок! — пролепетал он.

— Что ты такое говоришь! — Кит ушам своим не верил. — Еще сегодня утром его светлость хорошо покушали, по крайней мере, так хвасталась толстая миссис Мелроуз.

— Не забывай, с кем говоришь! — даже в этой ситуации Хартфорд вспомнил, что надо держать дистанцию. — Тысячу раз тебе говорил, обращай ко мне «сэр»!

— Да ради бога, сэр! Только расскажите, что с лордом!

Хартфорд уселся на стул, стоявший подле дверей, и уронил голову на руки. Чванливые манеры слетели с него, как старый хлам:

— Если бы я только знал! Он вообще не может говорить! А дыхание у него такое... неглубокое... Что мне делать? Что делать?!

Мысли Кита разбегались нестреноженными скакунами. Он подавил порыв броситься к ложу его светлости — это ничего не даст. В лечении лошадей он кое-что смыслил, но вот искусство врачевания человеческого тела было для него тайной за семью печатями. А врачебная помощь была необходима, уж это-то он соображал, причем как можно скорее.

— Я поеду за доктором Бернсом! — пришел он наконец к решению.

Бернс был, конечно, глубоким стариком, к тому же о нем говорили, что он обладает скорее алхимическими, чем врачебными способностями, но все-таки врач!

— А когда пошлю его сюда, поскачу дальше в Лондон, чтобы известить молодого господина и его друзей! — добавил он.

— Никак рехнулся?! Это же пятьдесят миль!

— Ну и что! Я преодолею их, даже если придется скакать день и ночь! Завтра утром я буду в Лондоне. А там уж разыщу всех троих! Ты вот что, дождись здесь доктора Бернса и пошли кого-нибудь сообщить мистеру Кэтфилду, что я уехал! — Не теряя больше ни секунды, Кит развернулся и вылетел стрелой.

— Хорошо, парень, — пробормотал в пустоту Хартфорд.

Отчаяние овладело им. Он даже не заметил, что с ним снова говорили неподобающе фамильярно.

Мой дорогой Виллис!

Когда ты будешь читать это письмо, болезнь уже разрушит мое бренное тело, но — да будет на то воля Господня! — не мою бессмертную душу.

Я счастлив, что еще могу в здравом уме и твердой памяти писать тебе эти последние строки. Лучше сказать, диктовать их. Адвокатус Корнштейн оказал мне любезность, представив для этих целей свою ру-

ку. Он также является тем, кому я отдал на хранение мое завещание. Пусть он лично передаст тебе его.

Моя последняя воля проста. Я хочу, чтобы вы с Арлеттой были счастливы. В случае если, несмотря на все мои молитвы, ее больше нет в живых — на все воля Всевышнего! — ты наследуешь все. Если же она жива — ах, Господи, Свою милость! — завещаю вам обоим свое имущество в равных частях. Ты, Витус, наследуешь мой фьорен, поместье и все угоды. Арлетта как моя внучка — соответствующую сумму денег. Она размещена в Лондонском банкирском доме. Дальнейшие подробности ты узнаешь из завещания. У меня остается немного времени, Витус. Иди своей дорогой и принеси честь нашей фамилии, потому что сердце мое знает, что ты истинный Коллинкорб. Прощай и найди ее...

Твой любящий фьородный дед

Ого Коллинкорб.

Гринвэйлский замок, 3 августа, anno Domini 1577.

Буквы подписи расплывались, и не только из-за колышущегося пламени трех свечей в серебряном подсвечнике. Время было к полуночи. Со слезами на глазах отложил Витус письмо, которое читал и перечитывал, на конторку возле смертного одра. Он был рад в эту минуту остаться наедине с покойным. Не потому, что стыдился своих слез, нет, а потому, что хотел вести молчаливую беседу с человеком, которого знал всего-то неполный год, но который стал ему близок как никто на свете. Он бережно взял руки усопшего и скрестил их на его груди.

— Все будет, как ты завещал, — прошептал он. — Наследство для меня не главное, ты это знаешь. Главное, чтобы все в Гринвэйлском замке шло своим чередом, как и при тебе. И так оно и будет. Об этом я позабочусь с Божьей помощью. Обещаю тебе, что сделаю все мыслимое и немислимое, чтобы отыскать Арлетту, по твоей и моей воле. Обещаю тебе пуститься в путь в самом ближайшем времени. Обещаю беречь себя. Ты знаешь, у меня верные друзья, которые мне помогут. Надежные друзья. Дорогие друзья. Потому что чем больше близких теряет человек, тем больше ценит тех, кто остается рядом.

Витус поцеловал покойного в обе щеки, молитвенно сложил руки и обратился к Господу. Когда молитва была закончена, он почувствовал себя укрепившимся духом. Положил последний крест, потом взял подсвечник, покинул опочивальню и поднялся по мраморной лестнице в большой трапезный зал, где его ожидали. Войдя, он поставил свечи на невысокий резной буфет с двустворчатыми дверцами, в котором хранилось столовое серебро. В тусклом свете немногих свечей огромный зал выглядел призрачным и зловещим. Впечатление усиливали тяжелые доспехи, расставленные по углам, на которых плясали огоньки колеблющегося пламени.

Витус молча занял отведенное ему место — место во главе большого стола. Не торопясь, он обвел взглядом присутствующих. Здесь собрались все. Доктор Бернс, который засвидетельствовал смерть старого лорда. Адвокатус Хорнстейпл из Уэртинга, ученый муж по части юриспруденции, исполненный важности и одновременно жеманного высокомерия. Кэтфилд, управляющий поместья, который был Витусу особенно предан. Хартфорд, с удрученным и озабоченным видом, равно как и толстая миссис Мелроуз, кухарка, прожившая в Гринвейлском замке десятилетия и столько же лет вызывавшая антипатию каждого его обитателя. Затем его друзья: Магистр, смущенно щурящийся через свои бериллы, и неунывающий карлик Энано, на время потерявший дар красноречия.

— Я благодарю всех, кто собрался здесь в эту минуту. — Витус снова обвел взором присутствующих. Никто не шелохнулся. Было так тихо, что он слышал шум собственной крови в ушах. — Это сердце, — помедлив, сказал он. — У него просто больше не было сил противостоять болезни. — По кругу прошелся скорбный вздох. — Полагаю, доктор Бернс, вы пришли к такому же заключению?

Бернс неуверенно кивнул. Он был старый человек, и минувший день с его суетой страшно его измотал. Уже через четверть часа, после того как Кит позвал его на помощь, он появился во дворце, но было слишком поздно. Лорд лежал бездыханный, с открытым ртом и обескровленными губами. Все симптомы говорили за то, что смерть наступила по причине остановки дыхания, но вследствие каких процессов, Бернс не мог взять в толк, тем более что испытывал непреодолимый страх перед необходимостью обследовать нагое тело, принадлежавшее представителю родовитой знати. Таким образом, он ограничился только тем, что констатировал смерть и закрыл покойному глаза. Двумя часами позже — Бернс все еще находился возле тела — в покои усопшего ворвался молодой хозяин, запыхавшийся и возбужденный донельзя, потому что Кит точно описал ему критическое состояние лорда. Он наткнулся на него с друзьями, едва проскакав двадцать миль от Гринвейлского замка. Бернс смог только высказать вновь прибывшим свои соболезнования. Ему было от души жаль, что больше ничего сделать он не мог...

— Верно, молодой господин, верно, это было сердце.

Витус продолжил:

— Я не буду говорить далее о результатах осмотра — это было бы не в духе моего деда. Кто его знал, знает и то, что он не любил распространяться о своей болезни. И никогда не жаловался. Более всего его сердце заботило благо Гринвейлского замка и всех его обитателей. Поэтому я желаю, чтобы и во

дворце, и во всем поместье все шло и дальше так, как до этого часа.

Он повернулся к Хорнстейплу:

— Я пригласил вас сюда, господин адвокатус, поскольку мне следует испросить у вас некоторую информацию, и, кроме того, я хочу выразить вам благодарность за то, что вы любезно предоставили моему деду свою руку. Вы записали его прощальное письмо ко мне. Не в последнюю очередь поэтому вам, разумеется, известно, что я должен унаследовать его владения. Скажите, в завещании не содержится ничего иного, за исключением деталей?

Губы Хорнстейпла, на которых поначалу заиграла самодовольная улыбка, сжались в узкую щелку:

— С вашего позволения, сэр, так просто это не делается. Относительно этого я не могу распространять никаких сведений. Строго говоря, здесь и сейчас я даже не имею права подтвердить или опровергнуть, вы ли назначены наследником. Для этого требуется оглашение завещания — процесс со строго предписанной процедурой: установление наличия заинтересованных лиц, проверка идентичности таковых, свидетельствование места, даты, *et cetera, et cetera...* Как адвокатус, я обязан нести ответственность за то, чтобы все формальности были соблюдены должным образом. По исполнении этого лица, имеющие право наследования, должны...

— Простите, что перебиваю. Если содержание посмертного письма совпадает с завещанием, в чем я убежден, имеются только два наследника: леди Арлетта и я. Леди Арлетта в данный момент не присутствует. Более того, неизвестно, жива ли она. Таким образом, я пока единственный, кого так или иначе касается это завещание. Или кроме нас есть другие наследники?

— Нет, сэр, это... нет, но... — Хорнстейпл споткнулся и покраснел от досады. Невольно он разгласил содержание завещания.

— Хорошо, раз это так и раз последняя воля моего дедушки не отличается от того, что он выразил в своем прощальном послании, мы можем отказаться от долгой процедуры и огласить завещание.

— Здесь? Что вы себе воображаете, молодой человек?! — Голос Хорнстейпла, сорвавшийся на дискант, не оставляя ни малейшего сомнения в том, насколько неслыханным считает он такое предложение. — Столь важный юридический акт должен, само собой разумеется, происходить не в этом зале, а в моей конторе!

— Он может вообще не состояться, сэр. По крайней мере, не сегодняшней ночью, потому что, откровенно говоря, детали меня не интересуют, как они никогда не волновали и его светлость. — Витус на минуту задумался. — Кроме того, из сообра-

жений экономии времени я сегодня же письменно уполномочу моего управляющего Ричарда Кэтфилда пользоваться моими правами и обязанностями, заявленными в завещании.

Кэтфилд неспешно встал. На его лице отразились радость и удивление одновременно.

— Сэр, о сэр! Для меня это большая честь! — Он склонился в почтительном поклоне. — И большая ответственность. Я сделаю все, чтобы быть достойным вашего доверия!

— Я знаю, что всегда могу положиться на вас.

— Юный господин! — Хорнстейпл тоже поднялся. Разговор принял неприемлемый для него оборот. Он привык к тому, чтобы к его речам непременно прислушивались, а советам следовали как приказам. — Так дело действительно не пойдет! Это в высшей степени неподобающе: здесь, среди всякого сброда, устанавливать, кто вместо вас будет осуществлять указанное в завещании. Я настаиваю на том, что все должно совершаться в моей конторе, в письменной форме, подобающим образом! Помимо того должен указать на тот факт, что я, само собой разумеется, не ношу с собой таких важных документов. Как один из опытейших, авторитетных и уважаемых адвокатов Англии, смею вас заверить...

— *Deforme est de se ipsum praedicare.* — Магистр долго молчал, но в конце концов все это достало его до печени. — Отвратительно самому восхвалять себя. Или, если такой перевод вам больше понятен, господин коллега, — самохвальство дурно пахнет! Я всего лишь правовед, сдал только магистерский экзамен, но помимо того десять лет преподавал в частной школе в Ла Корунье и благодаря этому в испанском праве я как рыба в воде. Но я не настолько невежествен, чтобы не знать, что и в этой стране возможно в любом месте в присутствии свидетелей возводить в права наследования. Нет, я не настолько невежествен!

Хорнстейпл с минуту разевал и закрывал рот, а потом плюхнулся на свое место.

— И что значит «среди всякого сброда»? — Маленький ученый вошел в раж. — Вы отдаете себе отчет, что этим высказыванием оскорбляете всех здесь присутствующих? И Витуса в том числе.

— Ладно, Магистр, оставь. Я не хочу споров в доме, где еще не остыло тело моего деда. Господин адвокатус, в ближайшие дни я появлюсь в вашей конторе с моим управляющим. И будьте любезны к тому времени составить и официально удостоверить права на наследство. А далее прошу вас подготовить договор, дающий мистеру Кэтфилду полномочия на управление помещением в будущем. Разумеется, все в надлежащей форме. Ему будет положено соответствующее этим полномочиям жалованье.

Кэтфилд едва мог поверить своему счастью.

Хорнстейпл пробормотал себе в бороду что-то вроде:

— Почему сразу не...

— Ну вот и решено. У вас есть еще что добавить, господин адвокатус?

Хорнстейпл церемонно вынул из кармана сюртука маленькую шкатулку:

— Раз уж вы, как мне кажется, предпочитаете совершать все действия *coram publico*^{*}, сим передаю вам перстень с печатью его светлости.

— Благодарю вас. Я заметил его отсутствие на руке моего деда.

— Настоятельным пожеланием его светлости было, чтобы вы не снимая носили этот перстень. Эта вещь — достояние четырех поколений вашего рода, что без труда может быть документально подтверждено.

— Сегодня ночью в этом нет необходимости. — Витус принял перстень и надел его на палец. — Вот это да! Сидит как влитой, словно на меня сделано.

Хорнстейпл чопорно кивнул:

— В каком-то смысле так оно и есть. Его светлость доверил мне эту ценность с тем, чтобы я отдал кольцо подогнать на вашу руку.

— Ах, вот как! Ага... — Витус зачарованно смотрел на герб, изображенный на перстне.

Он был в форме круга, в его верхней части был изображен свернувшийся в форме змеи разевающий пасть лев, внизу — стилизованный корабль, два треугольных паруса которого стояли в зеркальном отображении друг к другу. Это, несомненно, был тот самый герб, который указал ему дорогу из Испании в Англию... Тому уже два года...

Витус заставил себя вернуться к реальности.

— Хартфорд, теперь о тебе. До сих пор твоей обязанностью было обслуживание его светлости. Поскольку теперь эта работа исчерпана, а я не нуждаюсь в личном слуге, с завтрашнего дня ты поступаешь в распоряжение мистера Кэтфилда в качестве младшего помощника. Ты как можно скорее войдешь в курс своих новых обязанностей и будешь исполнять их так же ревностно, как служил деду.

— Но, сэр! Я... да... но... Да, сэр.

— Рад, что ты готов. Что касается остальных слуг, все остаются на своих местах. Кроме Кита, конюшего, который действовал смело и решительно. Я хочу, чтобы... А где он, кстати? — Витус огляделся.

^{*}Открыто, публично (лат.).

— Ну сэр... Его никто не приглашал, поэтому думаю, что сейчас он блаженно спит, — усмехнулся Кэтфилд.

— Разумеется. Хартфорд, беги на конюшни и приведи парня, да быстро!

— Э... да, сэр, — Хартфорд скорчил мину, словно поперхнулся рыбьей костью, но покорился.

— Я здесь, сэр, — через некоторое время доложил Кит. Он стоял в широких створчатых дверях и переминался с ноги на ногу.

— Подойди сюда, Кит, садись подле мистера Кэтфилда. Я хочу тебе кое-что сообщить.

— Сэр? — От направленных на него взглядов уши Кита покраснели как маков цвет.

— Прежде всего должен поблагодарить тебя — ты действовал разумно и без промедления.

— Я сделал что должно, сэр.

— Твоя правда, именно. Ну а теперь о деле. С тех пор как умер старый шталмейстер Пеббл, графским конюшням нужен новый смотритель. — Витус сделал многозначительную паузу. — Не знаешь ли кого, кто подошел бы на это место, Кит?

— Я, сэр? Погодите-ка, дайте подумать... — Парень наморщил лоб, потом пожал плечами. — Честно сказать, сэр, что-то никто подходящий на ум не идет.

— А мне пришло на ум. И, посоветовавшись с мистером Кэтфилдом, я сделал выбор в пользу тебя.

— Что? Меня, сэр?! — Уши парня заалели еще ярче, на этот раз от радости. Он пару раз попытался заговорить, чтобы выразить свою благодарность, но словно лишился голоса.

— Хорошо. Значит, решено. А теперь перейдем к печальным, но необходимым вещам, которые влечет за собой смерть лорда Коллинкорта...

В последующие часы Витус обстоятельно обсуждал богослужебные и светские обряды, которые следовало исполнить при погребении в соответствии с высоким положением усопшего. А когда последние детали были прояснены и кое-кто за столом уже начал подремывать, он заключил:

— На сегодня хватит. У всех нас позади трудный день. Разве что последнее, что касается всех здесь присутствующих: как только дедушка упокоится в семейном склепе и последние поминающие обряды будут совершены, я приложу все усилия, чтобы исполнить последнее повеление его сердца — найти и вернуть леди Арлетту.

— Это и наше сердечное желание! — порывисто воскликнул Магистр. — Надеюсь только, что с Божьей помощью это тебе удастся!

— Уи-уй!

— С Божьей и с вашей помощью.

ТРАКТИРЩИЦА ПОЛИГИМНИЯ

Надо иметь каменное сердце, чтобы не почувствовать, что эта женщина — та, которую ты ищешь.

В отличие от большинства постоянных дворов портового города Плимута «Пристанью Полли» заправляла женщина. Полли, бывшей уличной девке, одной из немногих когда-то давно удалось вырваться из порочного круга проституции, пьянства и воровства. Сейчас ей было около сорока — энергичная, уверенная в себе и, несмотря на разрушительную профессию в прошлом и изнуряющую в настоящем, все еще пышущая здоровьем, она одевалась как мужчина, говорила как мужчина и имела одно пристрастие, свойственное обыкновенно только мужчинам: курила трубку.

Ее подчас грубоватые манеры нравились далеко не всем гостям, но, по сути, эти манеры и создавали условия для мирного ведения ее хозяйства. Кто пытался затеять ссору или драку в ее «Пристани», имел дело с ней. Смотреть, как внушительной комплекции Полли с ее острым язычком выкидывает за дверь пьяного крикуна, было одно удовольствие. Немалое число ее постоянных гостей поэтому и появлялось к тому времени, когда было наиболее вероятно, что какой-нибудь незванный буян забредет в ее трактир и хозяйка приступит к боевым действиям.

В тот вечер Полли как раз затаскивала на стойку новый бочонок, когда в зал вошли пятеро незнакомых парней. Беглым взглядом она окинула посетителей и мгновенно определила, что они безбидны, хотя ни один из них не выглядел так, словно зарабатывал свой хлеб мирным трудом, вроде крестьянина, ремесленника или торговца. Весьма привлекательный светловолосый молодой человек был в компании за предводителя, потому что именно он определил, где им сесть. Он был облачен в дорожную одежду отличного пошива, которая резко контрастировала с его латаным-перелатанным заплочным коробом и посохом в человеческий рост. С ним еще были малорослый человек со смешной штукой на носу, рыжеволосый карлик и два молодца с ногами колесом, которые тащили багаж..

Полли сунула трубку в рот, выпустила парочку клубов дыма и решила попробовать пришельцев на зуб. Она не спеша подгребла к компании и встала, уперев руки в бока:

— Хе, Габриэль, что тебя прибило на ночь глядя в мой кабачок? — прикрикнула она на белокурого.

Тот озадаченно обвел ее взглядом. У него были умные серые глаза и ямочка на подбородке.

— Габриэль? Почему ты назвала меня Габриэлем?

— У тебя белокурые локоны, как у архангела Гавриила. Поэтому!

Блондин рассмеялся:

— Вообще-то меня зовут Витус, но, если тебе нравится, зови меня Габриэль.

— Я и зову. А мое имя Полигимния. Для друзей просто Полли.

Матери Полли, как и всем девчонкам с улицы, было абсолютно все равно, какое имя получит ее ублюдочное дитя. С такой безответственностью, однако, был совершенно не согласен отец ребенка, уличный разносчик книг, который когда-то посещал латинскую школу. Он настоял на том, чтобы новорожденная была названа по имени греческой музы поэзии и музыки. Как в дальнейшем показала жизнь, более неподходящего имени для Полли невозможно было и придумать.

Слово взял тот, с блестящей шуткой на носу:

— А меня зовут Барнабас.

— Барнабас? — Полли медленно вынула трубку изо рта. — Смешное имя. А тебя правда так зовут?

— Нет, но у меня такие же каштановые волосы, как у библейского Варнавы.

Полли хватило пары секунд, чтобы сообразить, что над ней подтрунивают. Но она не рассердилась, а смачно расхохоталась.

— Очко в твою пользу! Ты мне нравишься! — Она хлопнула малорослого по плечу так, что оно хрустнуло. — Ладно, так как тебя зовут на самом деле? И что ты пьешь?

— Магистр и бренди.

— А? Послушай-ка, дружок, если ты снова надо мной насмеяешься...

— Что вы, госпожа хозяйка! Как можно! — Маленький ученый сощурился и поправил на носу свои бериллы. — Все на свете зовут меня Магистр, а бренди — мой любимый напиток.

— Стало быть, бренди для всех! — решила Полли. — Первый стаканчик за счет заведения. — Она развернулась, как корабль в море, и взяла курс на бочонок.

Магистр наклонился к Витусу и прошептал:

— Веселенькое дельце! Вот уж не рассчитывал! Мне сейчас совсем не до бренди. Лучше бы как следует поесть. Но эта бойбаба как раз возилась с бочонком, вот я и подумал...

— А вот и бренди! — Хозяйка уже снова стояла возле них. Быстрота и спорость были одним из секретов успеха ее заведения. Она с шумом грохнула на стол поднос, не расплескав ни капли из пяти до краев наполненных кружек.

— Эй, Полли, — раздался голоса ее завсегдатаев, — с каких это пор ты ставишь бесплатную выпивку?

— Давай-ка, налей и нам, а то твои дорогие гости помрут от жажды!

Полли сделала вид, что не слышит.

— Ваше здоровье, парни!

Белокурый поднял свою кружку:

— Твое здоровье, Полли! А сама ты не пьешь?

— Угадал, Габриэль. Никогда не пью с гостями. Железное правило.

Витус отхлебнул:

— Славное у тебя бренди, Полли. Сильное, как северный ветер, что задувает с Бристольского залива. Позволь представить тебе еще троих из нашей компании. Это Энано, или Коротышка, сведущий в изготовлении чудесных эликсиров и снадобий. Тот молодой парень — Кит, а рядом с ним Уот, его друг.

Полли кивнула мужчинам, чуть дольше задержав свой взгляд на карлике:

— А свое полевое казначейство ты таскаешь на горбу с рождения, приятель? — В ее тоне не было ни презрения, ни насмешки, только радужный интерес, с которым хорошая хозяйка встречает своих гостей.

— Уи-уи, госпожа несущка! Точно так же, как ты две пышные щеки пониже спины.

Полли усмехнулась:

— А ты за словом в карман не полезешь, Энано! — Она повернулась к Витусу: — И ты, Габриэль умеешь сказать словцо. Не часто ко мне заглядывают такие гости. Так что, ответишь-таки на вопрос, от которого ты так ловко увернулся? Что привело тебя и твоих людей ко мне в такой поздний час?

— Мы только что прибыли в Плимут, Полли. И нам нужен ночлег неподалеку от порта.

— Хм... — Полли пристально посмотрела Витусу в глаза. Потом решительно сказала: — Я верю тебе, юноша.

— Мы были в пути три долгих дня. Сами мы из Уортинга, восточнее Портсмута, и ищем оказии до Вест-Индии. Но вначале неплохо было бы поесть и отдохнуть.

— Комнату и еду вы получите. Но как это вы не попытались сесть на корабль в Портсмуте, коли ищете переезда в тамошние края? До Портсмута вам было ближе. — Дурой Полли никак не была.

— Нам сказали, что корсар Фрэнсис Дрейк стоит здесь в порту со своим флотом. И еще сказали, что в ближайшие дни он снимается с якоря и берет курс на Карибы. Мы с друзьями хотели бы воспользоваться этой возможностью и отплыть с ним.

— Так, давай по порядку и не так резво, — Полли подседала к новым гостям, что случалось с ней крайне редко. — То, что Дрейк пятнадцатого ноября выходит в море, — об этом судачат на каждом углу, не такая уж это и новость. Но о том, что он идет на Карибы, речи не было. Ходят слухи, что на Панаму.

— Это нам тоже подойдет. Главное, попасть в Новый Свет, а там уж как-нибудь...

Полли наморщила лоб.

— Не думаю, чтобы Дрейк взял на борт трех голодных босяков, даже если они за это заплатят. Со времен его сказочного похода семьдесят второго года этому каперу стоит только поманить пальцем, и все ловцы удачи сбегаются к нему, даже если он не предложит за службу ни пенни. Так что проблем с набором команды у сорвиголовы нет.

— Нас всего трое. Кит и Уот завтра отправятся обратно и заберут наших лошадей с собой.

Полли с сомнением поглядела на них:

— Мое дело предупредить, а там как знаете.

— Уи-уи, щё так, то так, госпожа наседка, а всё щё, щё тощно, так за весь день только и сцапали, щё баланду из воздуха, да клетку из ветра. В пузе урчит. Как нащёт щё-нето? — карлик умильно выпятил рыби губки и выразительно погладил себя по животу маленькими ручками.

— Твоя правда, — материнское сердце Полли дрогнуло. — Пойду, посмотрю на кухне, есть ли еще чего куснуть.

— Уи, уй, уйю... — почмокал губками Коротышка.

— «Пеликан» — самый крупный корабль в армаде Дрейка, — установил Магистр, окинув критическим оком флотилию из пяти парусников.

Было утро следующего дня после их ночевки в «Пристани Полли». Маленький ученый стоял подле Витуса и Коротышки на достроечной набережной и дрожал от влажного ледящего воздуха. Вокруг них даже в этот ранний час царила оживленная суета. Раздавались крики, приказы, свистки. Загружали бочки, катя по булыжникам мостовой, перекидывая через голову, через крон-балку и поднимая лебедкой на борт. На корабли тащили сундуки, запасные рангоуты, в грузовые люки — провиант всякого рода. Повсюду вкалывали, не разгибая спины, и сквернословили. Не было места, где бы не красили, не тесали, не стучали молотками — в общем, не наводили последний лоск.

— Водоизмещение тонна-полторы, — продолжал Магистр. — Не особо впечатляюще по сравнению с испанскими боевыми галеонами, но все же. А как он умеет нападать со своими восемнадцатью пушками, посмотрим. Или не посмотрим.

Витус засмеялся. Из его рта вырвалось белое облачко пара.

— В тебе заговорил испанец, ты, неистребимый сорняк! Понимаю, что Дрейк не вызывает у тебя большой симпатии, после того как разделал испанскую армаду с награбленным, как рождественского гуся. Но где же твое чувство справедливости? Он только взял в качестве трофея то, что так и так не принадлежало твоим соотечественникам.

— То, что мои соплеменники несправедным путем добывают американское золото, — проворчал Магистр, — отнюдь не де-

лает твоего Дрейка героем и не оправдывает его действий. Он ничуть не лучше. Грабеж есть грабеж. Но оставим это. Нам надо прежде всего установить, на котором же из кораблей торчит твой Дрейк. В расчет можно еще принять «Элизабет» и «Мэриголд», два вспомогательных судна.

— Командор должен быть на своем флагмане. А это, несомненно, «Пеликан». Посмотри на цветной флажок на мачте. Но сейчас точно узнаем.

Витус, который этим утром был одет в платье, подобающее его положению, направился к экипажу, из которого вывалился не слишком твердо стоящий на ногах мореплаватель.

— Простите за беспокойство, сэр. Не могли бы вы сказать, командор Фрэнсис Дрейк в настоящее время находится на «Пеликане»?

— Должен быть. Пфуи... — Моряк тяжело отдувался, выпустив из рта тяжелый дух перегара. — Иначе я сейчас лежал бы со своей портовой ласточкой, а не гнал, как сумасшедший, на борт. Дрейк может кому хочешь приказать явиться к нему в любое время дня и ночи. И попробуй послушаться! Кстати, я Томас Каттилл, капитан «Пеликана», если вам будет угодно.

— Очень приятно. Мое имя Витус из Камподиоса. Не могли бы мы присоединиться к вам, капитан? Мне нужно обсудить с командором нечто очень срочное.

— Почему бы и нет? Все сейчас чего-нибудь хотят от Дрейка. Пошли со мной! — слегка покачиваясь, Каттилл зашагал к своему кораблю.

В просторной каюте командора Фрэнсиса Дрейка царил полный беспорядок. Постель на встроенной во внутреннюю перегородку койке была разворошена, по трем стульям разбросана одежда, из огромного открытого сундука, в котором по металлической обшивке утаивался испанский казначейский ларь, торчали секиры, кинжалы, пики. По стене левого борта, возле герба ее величества, висел герб сэра Кристофера Хэттона с изображением оленихи по центру, на занимавшем большую часть помещения столе были навалены рулоны морских карт оборонительных сооружений и укреплений. Надо всем этим возвышался Дрейк в компании троих мужчин. Дракон — *El Dragón*, как испанцы называли Дрейка, — был мужчиной среднего роста, со стремительными движениями и острым, быстрым взглядом. У него были русые вьющиеся волосы, которые он носил коротко постриженными. По бокам они непринужденно переходили в короткую бородку клином. Над верхней губой щеткой топорщились густые усы.

— Кто пойдет со мной по Панамскому перешейку, — возмущал в этот момент Дрейк, стуча костяшкой пальца по карте, — вернет свои деньги преумноженными вшестеро, нет, всемеро.

— Прибыл, сэр! — доложил Каттилл, прервав пламенную речь.

В его фарватере в каюту вошел и Витус. Часовой у двери каюты из всей троицы пропустил только его, перед этим отобрав шапагу.

Дрейк, как и трое других за столом, вскинули на него взгляды.

— Со мной тут джентльмен, у которого до вас дело, — сообщил Каттилл, стараясь держать спину прямой.

— Да что вы говорите! — Дрейк вовсе не выглядел довольным оттого, что его прервали.

— Позвольте представиться, сэр. — Витус выступил вперед и поклонился. — Мое имя Витус из Камподиоса.

— Ну мое-то вы знаете, — буркнул Дрейк, окидывая Витуса взглядом с ног до головы. — Это, — он указал на изысканно одетого джентльмена, — Томас Даути, офицер ее величества и любитель приключений в одном лице. Далее — мой младший брат Томас и мой кузен Джон Дрейк. Томаса Каттилла вы уже знаете.

«Боже, — промелькнуло в голове у Витуса, — в этой стране каждого второго зовут Томасом». Но он постарался отогнать несвоевременную мысль.

— Да, сэр. И Томас Каттилл был столь любезен, что прихватил меня на борт. Я вас долго не задержу, сэр. Скажу прямо, у меня к вам единственная просьба: взять меня и двоих моих друзей в плавание. Нам нужно в Новый Свет.

Если Дрейк и был изумлен такой прямоотой, внешне он этого не выразил. Правой рукой он полез в пах и, не разводя церемоний, почесался.

— Ага. Так вот в чем дело. Тогда послушайте меня, господин Витус из Камподиоса. У меня в общей сложности пять кораблей, заметьте, и каждый из них по фальшборт набит. У меня сто шестьдесят человек, и не только матросов и наемников, но еще и художников, ученых, джентльменов вроде моего друга Томаса Даути. Помимо прочего, я облечен высокой миссией, не буду уточнять, какого рода. У меня есть отвага, есть рассудок и благоволение Господа — все это и еще более того у меня есть, досточтимый господин. Единственное, чего у меня нет, — это места на корабле.

Витус сглотнул:

— Понимаю, сэр. Но я и мои друзья, естественно, готовы совершить путешествие не бесплатно.

— Сумму, в которую обошелся бы вам этот переезд, вы не соберете, даже если...

— Я мог бы оплатить не деньгами. На время путешествия я могу предоставить вам свое врачебное искусство. Я дипломированный корабельный хирург.

Дрейк с шумом выпустил ветры, чем подтвердил славу человека, не отличающегося хорошими манерами.

Витус подавил нарастающее раздражение.

— Я выдержал экзамен у профессора Джона Банестера в Лондоне, сэр, — отрезал он. — Как вам, должно быть, известно, репутация профессора столь высока, что сама ее величество королева пользуется его врачебным искусством.

— Экзамен у Банестера? Так-так... Этот парень знает толк в своем ремесле... — в лице Дрейка что-то изменилось. Неожиданно он рванулся в сторону, сбросил одежду с одного из стульев, спустил штаны и уселся. — Тогда посмотрите на это.

Витус непонимающе воззрился на него. Дрейк вытянул вперед ногу и шлепнул себя ляжке:

— Пять лет назад случилось это, во время атаки при Номбретте-Диос, когда проклятые доны всадили мне пулю в ногу. Эта дрянь до сих пор торчит там. Можете ее вынуть?

Витус опустился перед Дрейком на колени и осмотрел волосатую мужскую ногу. Рану, без сомнения, в свое время неправильно обработали, а может, вообще не обрабатывали, но зажила она неплохо. Под натянутой кожей рубца проглядывало нечто иссиня-черное, перекрываемое темными вкраплениями, что могло быть следами пороха.

Витус уверенными движениями ощупал рубец. На одном месте Дрейк едва заметно вздрогнул.

— Больно, когда нажимаю?

— Нет. — Ответ был настолько же быстрым, насколько неискренним. Скорее всего, *El Dragón* не хотел в присутствии своих людей выказать слабость.

— Хорошо. — Пальцы Витуса заскользили дальше. Пуля, по его определению, сидела в теле на глубине по меньшей мере дюйма. Вытащить ее, в общем-то, не составляло труда. Витус поднялся.

— Это возможно, господин командор, хоть и не слишком просто.

— А как бы вы это сделали?

— Придется сделать довольно значительный разрез — пуля сидит довольно глубоко. Разрез будем делать так, чтобы было повреждено как можно меньше мышечной ткани. Особое внимание следует обратить на артерию, которая проходит рядом. По сути дела, в этом и есть вся сложность. Извлечь саму пулю — чистая формальность. Для этого мне просто потребуется с полдюжины хорошего хирургического инструмента: крючок для разведения концов раны, расширитель, пинцет и так далее. Все это, конечно, у меня имеется.

— Прекрасно. Все, что вы сказали, совпадает с мнением моего врача.

— Простите, сэр, но, если у вас есть врач, почему он до сих пор не провел эту операцию?

Вместо ответа Дрейк сказал:

— Положим, я соглашусь, чтобы вы меня прооперировали. Как скоро после этого я смогу снова стоять на мостике и вести эскадру?

Витус уже подозревал, к чему он ведет.

— Если вы устали от жизни, сэр, то можете встать в тот же день. А если хотите еще пожить, то должны обождать хотя бы неделю, пока не станет ясно, что опасность гангрены миновала.

— Прекрасно, — повторил Дрейк. — И это совпадает с мнением моего врача. А теперь, когда у меня есть два как одно звучащих суждения и я уверен, что мой доктор был прав, то... оставляю все как есть. — Он встал и натянул штаны. — Или вы всерьез думаете, что у меня есть время целую неделю торчать в порту?

— Сэр! — Витус стал пунцовым от возмущения. — Вы меня использовали! Только для того, чтобы получить мое заключение! И ни минуты всерьез не думали взять меня с друзьями на борт! Сэр, вы... вы...

— Лучше не говорите, кто я такой, — холодно предостерег Дрейк. — Многие пытались, и хорошо для них это не кончалось. Однако никто не посмеет сказать, что корсар Фрэнсис Дрейк неблагодарная скотина. — Он подошел к столу, сдвинул несколько карт в сторону. Глазам предстала небольшая шкатулка. Он запустил в нее руку, достал золотую цепочку и повесил ее сопротивляющемуся Витусу на шею. — Это вам. Вещицу я взял как добычу добычей в один из дней августа семьдесят второго, когда меня нашла эта пуля.

— Сэр, я не могу от вас принять...

— Берите, пока я не передумал. А сейчас извините, у меня много дел.

Витус поклонился и без лишних слов покинул каюту. Снаружи он получил обратно свою шпагу, отсалютовал часовому и, только отойдя на несколько шагов, внимательно рассмотрел цепочку. На ней он обнаружил искусно выполненную миниатюру, такую маленькую, что ее пришлось поднести близко к глазам, чтобы разобрать отдельные детали. Она изображала Матерь Божью, а по краю шла надпись крошечными буквами: *Madre dolorosa*^{*}.

Вечером семнадцатого ноября Витус, Магистр и Энано вошли в трактир Полли, голодные и измученные. Как и в предыдущие дни, они бегали с корабля на корабль, чтобы найти оказию в Новый Свет. И, как и в предыдущие дни, безрезультатно. Рекомендации *Collegium medicum* в контору торгового флота, в адмиралтейство ее величества и в лондонскую гильдию купцов были в Плимуте так же полезны, как лемех, чтобы резать воду.

^{*}Матерь Скорбящая (исп.).

Несмотря на поздний час, у Полли было полно народу. Все места оказались заняты, воздух стоял тяжелый и спертый — хоть топор вешай. В камине в углу горел огонь, и от его жара на лбах гуляк выступали крупные капли пота. Однако Полли это нимало не огорчало, скорее радовало. Потееющему человеку можно оказать услугу и подать холодные напитки — как раз то, что надо хозяйке. В дальнем конце зала, как раз возле кухни, откуда то и дело сновали Полли и ее служанки, гуляла компания матросов, которые не только были заняты своим пивом, а и немалое внимание уделяли двум женщинам, сидящим в непосредственной близости от них. Девушки были одеты в обтягивающие яркие платья, правда несколько потрепанные, но в сумеречном свете это не бросалось в глаза.

— Эй, малышка, — гоготал один, похожий на медведя. — Не скажешь, где здесь висят самые большие колокола? — Охальник потряс перед собой лапищами, будто играл женской грудью.

— Не-а, не знаю, милоч! — ответила более высокая из двоих, брюнетка с кукольным лицом и пышной грудью. — Но зато знаю, где висит настоящее било.

— Ха, и где же?

— Не в твоих штанах, точно.

Кое-кто из окружающих, и громче всех женщины, визгливо захохотали.

— Вот так врезала она тебе, Брюс! — веселился другой матрос. — Как тебя зовут, голубка моя?

— Может, и скажу, морская крыса, да только ежели поставишь мне и... — Она ткнула пальцем в подругу, бледное малокровное существо. — ...этой даме.

— Договорились!

— Ладно. Я, значит, Феба, а она Филлис. А пьем мы, милоч, бренди, но по большой.

— Да, по большой, — подтвердила Филлис.

Как и было обещано, матрос заказал выпивку, а когда Полли чуть погодя подошла к ним с подносом, то внезапно обнаружила Витуса с друзьями, которые все еще топтались у дверей, выглядывая себе местечко.

— Эй, парни, чего не садитесь? — крикнула она сочным голосом. — Больно робкие? А ну-ка, люди, подвиньтесь!

Народ тут же затолкался, спешно выполняя ее приказ. Иного у Полли было и не помыслить.

— Я тут приготовила для вас кое-что особенное, парни, — сообщила она, поставив девушкам заказанные кружки. Друзья между тем сели. — Сейчас принесу.

Она, не мешкая, отправилась на кухню и гордо вынесла свое творение размером с колесо телеги, с румяной золотистой корочкой. Как бы странно оно ни выглядело, пахло умопомрачительно.

— Мясной пирог из дичи. Мой особый рецепт. Испекла его сегодня специально по случаю праздника. Уж вы-то знаете, какой сегодня особый день?!

Друзья переглянулись и пожали плечами.

— Честно сказать, нет, — наконец ответил за всех Витус.

— Ах вы, невежды! И ничем не отличаетесь от этих пьяниц здесь! Сегодня же девятнадцатая годовщина восхождения на трон ее величества нашей девственной королевы! — Полли махнула рукой одной из своих девушек, чтобы та подошла, и принялась резать пирог. — Давай-ка, Сью, принеси господам три кружки красного вина. — И уже тише: — Хорошего, бархатистого бордо.

— А в порту что-то не было видно никаких празднеств по поводу восхождения на трон, — прошамкал Магистр, который уже с наслаждением откусывал от знатного куска, зажатого в кулаке. — Но мне это нипочем, пока по такому поводу пекут такой лакомый изыск!

— Хам, хум, хам! — рыбы губки уписывали не менее обемистый кусочек.

— Да, Глимут не Лондон, — вздохнула Полли. — Как думаете, что там сегодня было? Верно, ее величество снова появилась перед народом, как и тогда, девятнадцать лет назад. Я сама была в то время зеленой и неопытной, чуть за двадцать, работала... да ладно, это к делу не относится... Во всяком случае, по всей стране судачили, как королеву переносили из Тауэра на Уайтхолл! Четыре рыцаря несли ее в паланкине, обитом парчой. Сотни собрались на специально сколоченных подмостках — народ чуть шеи не вывернул. Женщины протягивали к паланкину пироги и марципан, и она благодарила и даже коснулась многих шелудивых рук — ведь известно, возложение королевской руки лечит...

Полли ненароком пустилась в восторженные воспоминания и, наверное, поэтому сама не заметила, как во второй раз нарушила свой железный закон и подсела к друзьям.

— Почему ты не ешь, Габриэль? Разве ты не голоден?

— Голоден, Полли, только вот голова забита мыслями. Никак не могу найти корабль.

— От твоего голодания корабль не появится. Давай-ка, бери кусок! Пирог с дичью — это так здорово, что пришлось бы по душе и самой нашей королеве.

Витус послушно откусил пирога со щедрой пряной начинкой.

— Чи-из! Салют! И ваше здоровье! — возвестил Магистр, подняв кружку подоспевшего красного.

Неисправимый оптимист, он уже и думать забыл отягчать свою душу сокрушением о бесплодных поисках. То же и Коротышка.

Пока они ели и пили, Полли, как и все женщины ее сословия, питавшая слабость к королевскому дому, без остановки болтала дальше:

— Наша повелительница вообще любит все простое. По утрам она с большим удовольствием пьет приправленное пряностями пиво под селедочку, чем чашку шоколада — это такой модный напиток в Лондоне. Сама не пробовала, не знаю, но говорят, его готовят из какой-то штуки под названием какао и он безбожно дорогой. Некоторые злые языки треплются, что королева, мол, слишком скупа, чтобы тратить на шоколад, но я не верю. Только последний дурак может назвать ту, которая шьет себе зарз дюжину, а то и две самых роскошных платьев, скупой!

Полли огляделась по сторонам в ожидании одобрения и начала набивать свою трубку. Закончив это занятие, она прошествовала к камину и зажгла ее сосновой лучиной. Толпа посетителей постепенно редела — дело шло к полуночи. Полли обошла свое заведение, снова вернулась к друзьям и продолжила:

— Сейчас, когда приближается Рождество, у нашей девственной ее величества снова будет повод обновить свой гардероб. Как рассказывают, при дворе каждый день устраиваются игры: то маскарады, то турниры. Благородные танцуют павану, смотрят забавные представления певцов и акробатов. Ах!.. — Полли так затянулась, что в трубке зашипело. — Как бы я хотела разочек, один только разочек побывать на таком приеме... Ну, само собой, не где только придворные! — Последние гости покинули трактир. — Если бы королева позвала меня на Уайтхолл, я бы бросилась туда в любое время. Я специально училась делать книксенсы, и даже подходящее платье у меня имеется. Не платье — мечта. Из желтого атласа с испанским воротником-жабо, на низко спущенном корсаже и каркасе из настоящего китового уса. Марбл Питс с Кинг-стрит специально для меня его сшила. И туфли у меня есть, и чулки, вот только шарика духов пока не хватает. У всех придворных дам есть такие шарики, чтобы убирать вонь от пота и запах изо рта... Эй, ребята! Хотите еще поесть?

— Нет, — улыбнулся в ответ Витус.

Он как раз представил себе картинку, как будет выглядеть большая ширококостная Полли в желтом атласном платье с жабо. Может быть, чуточку элегантнее, чем дрессированный медведь на гунне... Чего только люди не вбивают себе в голову! И всяк со своими причудами...

— Ни есть больше, ни пить, Полли, — зевнул Магистр. — Только упасть в объятия Морфея.

— Уй, уи, госпожа пеструшка.

— Тогда спокойной вам ночи, — пыхнув трубкой, Полли ласково кивнула обоим сквозь обволакивающее ее густое облако дыма.

— И тебе мягкой ваксы!
— Приятных сновидений, Полли!
— Спокойной ночи! — пожелал им и Витус, не тронувшись с места.

Маленький ученый и Энано двинулись прямым курсом к лестнице, ведущей к комнатам на верхнем этаже. Когда в последний раз мелькнула корма Коротышки, Полли спросила:

— Ты нарочно не пошел с ними, Габриэль, или как?

Витус пожал плечами и посмотрел на дно своей кружки:

— Не знаю, Полли. Я в тревоге, в большой тревоге. Нам срочно нужен корабль, и с каждым днем, который уносит этот год, шансы его найти все убывают. Никакой капитан не выйдет в открытое море с началом зимних штормов, если только крайняя нужда не заставит.

Краем глаза Витус заметил, что Полли поднялась, достала кувшин вина и еще одну кружку. Она налила себе и ему.

— Выпей-ка для начала.

— Спасибо, Полли. А с каких это пор ты пьешь с гостями?

— Ты не гость. Во всяком случае, не обычный гость. Это я поняла сразу, как только ты появился на пороге. Ты... ты нечто лучшее. Ты благородный господин.

— А ты благородный друг, Полли.

— Норовишь вогнать меня в краску? — Полли основательно прокашлялась. — Но черт меня побери, если тебе это удастся!

Витус устался в свою кружку.

— Скажи-ка, Габриэль, хоть, конечно, меня это не касается, а зачем тебе непременно в этом году в Новый Свет?

Витус не отрывал глаз от кружки, а потом неохотно сказал:

— Я должен кое-кого найти.

Полли помолчала. Только клубы дыма вылетали у нее из рта.

— Надо иметь каменное сердце, чтобы не почувствовать, что это женщина — та, которую ты ищешь.

— Да, Полли.

— Если хочешь, расскажи мне о ней. У меня есть время.

— Это очень длинная история.

— А у меня очень много времени. — Полли снова поднялась и на этот раз подкинула поленьев в огонь. — Ну давай!

Витус колебался.

— Ладно.

Он отхлебнул приличный глоток и опять устался в кружку, словно там всплывали картины его воспоминаний. Поначалу он говорил запинаясь, потом все оживленнее, и наконец слова хлынули из него потоком. Он рассказал о своем детстве и юности в испанском монастыре Камподиос, о благочестивых монахах ордена цистерцианцев, о тяжких трудах монашеской жизни, о своем образовании хирурга, о загадке своего рождения.

Исповедь явно приносила ему облегчение. Он глотнул еще.

— Было только одно-единственное указание на мое происхождение — герб на красном камчатом платке.

— Герб на красном камчатом платке? — Глаза Полли горели. — Как захватывающе!

— И это был не просто платок, он служил пеленкой. В нем меня нашел старый аббат Гардинус перед воротами монастыря. В обители я и вырос, и постиг все премудрости, которым обучают в монастырской школе. Но на двадцать первом году жизни я почувствовал, что не хочу принимать обета монашества. Меня тянуло в мир, за стены монастыря. Я мечтал найти свою семью. Герб указывал дорогу из Испании в Англию. И на этом пути я встретил Магистра и Коротышку, с которыми...

— Погоди, погоди, не так быстро! — остановила его Полли. — А как выглядел этот герб?

Витус протянул ей руку.

— Так, как на этом перстне.

Полли низко склонилась и тщательно рассмотрела перстень.

— Черт побери, какой красавец! Он, должно быть, немислимо ценный!

— А? Да... С Магистром нас связывает крепкая дружба. Мы всегда вместе, еще с тех времен, когда вместе претерпевали пытки инквизиции. Магистр с его мрачным юмором говорил перед очередными мучениями: «Сорняк неистребим!» С тех пор я иногда зову его сорняком. А он меня.

— Тебя пытала инквизиция?! Бог мой! На-ка, выпей еще! — Полли плеснула ему от души. — Видно, слава Богу, ты худо-бедно выстоял, а то не сидел бы здесь со мной! А где ты познакомился с малышкой, за которой рвешься в Новый Свет?

— В море. Мы плыли под флагом корсара сэра Ипполита Таггарта...

— Таггарта?! — казалось, не поверила своим ушам Полли. — Бог мой, Таггарт! Здесь, в Плимуте, этого волкодава каждая собака знает. А я горжусь, что он уже не раз приводил в мой трактир кое-кого из придворного цвета. Как у него дела?

— Пять месяцев назад, когда я получил от него последнее письмо, все было в порядке, хоть он и жаловался, что трюмы его «Фалькона» не ломаются от испанского золота и поэтому до следующей весны ему придется дрейфовать в водах Вест-Индии.

— Хм... Ладно, Бог с ним! А что там было дальше?

— После морского боя, в котором «Фалькон» пришел на помощь двум английским судам, я ее и увидел в первый раз. Мне оборудовали лазарет в каюте капитана «Аргонавта», и вдруг появилась Арлетта...

— Арлетта? Так ее зовут Арлетта?

— Да, это ее имя. Она велела переправить ее с борта «Феникса», торгового судна, который шел в Новый Свет, чтобы по-

мочь при обработке раненых. Тогда я еще не знал, из какого ку-ска дерева она выточена — тверже железа, и сказал что-то вро-де: «Здесь картинка не для слабонервных, леди! Здесь кучи пе-реломанных костей и море крови!» И знаешь, что она мне на это ответила? «Мы, женщины, каждый месяц видим кровь».

— Что-о-о? Вот это да! Хо-хо! — Полли зашлась в смехе. — Эта дама по мне! Знает, чего хочет. Ну давай, рассказывай даль-ше! Я с ума схожу от любовных историй.

Витус заглянул в свою кружку.

— Любовной историей это не назовешь, — грустно сказал он. — По крайней мере, это не история со счастливым концом. Ближе я познакомился с Арлеттой в тот же вечер за ужином, который давал капитан «Феникса» на борту своего корабля. В поздний час она оказалась в затруднительном положении на палубе по вине первого помощника капитана «Аргонавта». Я помог ей выпутаться из этой ситуации. Тот человек потом ты-сячу раз извинялся и привел потрепанного «Аргонавта» самым образцовым образом в Англию. Сейчас он управляющий в Гринвейлском замке, и, надо сказать, очень хороший, но это другая история... Так вот, я остался на ночь...

— Да? Остался на ночь? Где? С ней? Ну давай, Габриэль, не томи душу!

— Ладно. Почему бы тебе и не рассказать... Я остался на ночь у Арлетты, и это была самая прекрасная ночь в моей жизни. На другое утро, когда я проснулся, ее в каюте не было. Я огля-делся. И в углу обнаружил сундук, обычный дорожный сундук, но у меня помутилось в глазах, потому что на его крышке был изображен мой герб. Мой герб! Мне захотелось... Нет, я должен был узнать подробности, и я поднял крышку. В этот момент во-шла Арлетта. До этого ее уже раз обокрали на корабле, и она по-думала, что я тоже вор. Слово за слово... А когда я ей под конец сказал, что, возможно, мы родственники, она окончательно пришла к выводу, что я обманщик и мошенник. И вышвырнула меня... У меня не оставалось выбора, мне пришлось переправ-иться на «Аргонавт»: там ждали раненые. А позже, когда я хо-тел вернуться, чтобы с помощью Магистра и Энано рассеять недоразумение, «Феникс» уже ушел. С Арлеттой на борту.

— И ты с тех пор ее больше не видел?

— Никогда. — Витус обхватил руками кружку, его глаза по-темнели от печали. — Мы с друзьями попали в Англию и вско-ре прибыли в Гринвейлский замок. Там жил старый лорд Кол-линкорт, который оказался моим двоюродным дедушкой. Потому что, как выяснилось, мой герб — это герб Коллинкор-тов...

— Постой-постой! — Полли открыла рот. — Не хочешь ли ты этим сказать... что ты... что ты... э-э-э... что вы, сэр, из рода Кол-линкорт?

Витус положил ладонь на руку Полли.

— Да успокойся ты! Ну, это так. Должно быть так, потому что существует одна маленькая возможность, которая может опровергнуть это. Возможность, что кто-нибудь положил другого ребенка в этот платок, прежде чем аббат Гардинус нашел подкидыша у монастырских ворот. В этом случае я не аристократ, а простой испанский мальчишка. Но не бери в голову. В любом случае мы с тобой и дальше будем на «ты», не против?

— Э... да... Ладно, «ты». А с чего кому-то пришло бы в голову подменить ребенка?

— Я тоже не могу взять в толк. Это чрезвычайно невероятно.

— Ага. Или так же вероятно, что полдень и полночь наступят одновременно.

— И все-таки. Это последнее сомнение в моем происхождении, и до тех пор, пока я его не устраню, я буду называться Витус из Камподиоса и не приму звание пэра.

— Уф, Витус, по такому случаю надо пропустить стаканчик! — Полли жадными глотками опорожнила свою кружку, вытерла тыльной стороной ладони рот и со стуком поставила на стол посудину. — А теперь рассказывай дальше!

— К большому несчастью, у моего деда несколько месяцев назад появилось дрожание конечностей. Недуг, который неизбежно ведет к смерти. И вот недавно он умер. И теперь мне надо уладить то, что должно быть улажено. Поэтому я здесь и поэтому ищу корабль в Новый Свет, чтобы разыскать Арлетту.

— Ах, мне так жаль тебя, Габриэль! — Полли явила свою слабую сторону, что с ней временами случалось, когда она слышала жалостные истории. — Скажи, а вы с Арлеттой действительно родственники?

— Да, она мне троюродная кузина, родная внучка Одо Коллинкорта, моего двоюродного дедушки.

— Троюродная кузина! Прямо сказка! — воскликнула Полли и намеренно бодро добавила: — Тогда вы можете без препятствий пожениться. Тебе надо ее только найти и заключить в объятия. А уж это ты сделаешь, насколько я тебя знаю, не будь я Полигимния!

— И я надеюсь, что мне удастся ее найти, — мрачно согласился Витус. — При условии, что она еще жива. От дедушки, у которого она жила до отъезда в Новый Свет, я узнал, что она собиралась на Роанок-Айленд, остров, лежащий близ одного из новых континентов. Там у нашего родственника Томаса Коллинкорта плантация. Она хотела навестить его, уж не знаю, из жажды приключений или чтобы найти там себе мужа. Я даже не знаю, любит ли она меня.

— Что? Кончай ты, конечно, она тебя любит!

— С чего бы это? Она же думает, что я вор.

— Что она думает и что чувствует, не тебе судить, Габриэль, — категорично отрезала Полли, — потому что ты мужчина. Арлетта, как ты ее описал, умная, решительная девушка, которая точно знает, чего ей надо. Разве ты остановил ее в дверях лазарета? Нет! Видишь? И ночью в каюте она знала, чего хочет, — тебя, дурачок!

— Но... Но она же и захотела, чтобы все было кончено, когда застала меня с рукой в ее сундуке.

— Чепуха! Одно дело, если я с кем-то сплю, потому что влюблена, и совсем другое — когда выгоняю, потому что думаю, что поймала его на краже. Большая разница. Одно — любовь, а другое — темперамент. Может, она за это время уже сто раз пожалела, что прогнала тебя.

— Ты думаешь... думаешь, она меня любит, несмотря ни на что?

— Ну, естественно! Клянусь тебе всем святым на свете!

— О, Полли! Спасибо тебе! Как я тебе благодарен!

У Витуса комок подступил к горлу, он закрыл руками глаза, и его плечи начали мелко вздрагивать. Напряжение последних дней пережестилось через край и хлынуло потоком слез, и он ничего не мог с этим поделать. Он не помнил, сколько сидел вот так и плакал, только чувствовал, что эти слезы приносят ему облегчение. И только когда поток иссяк, он поднял глаза и сказал:

— Не знаю, что на меня нашло, Полли, прости за дурацкую выходку!

Но Полли уже не было.

МОНАХ АМБРОЗИУС

Скорее ад прейдет в чистилище, чем я тебе что-то возьму, бесстыдник! Но будь уверен, не прейдет, потому что там еще уготовано место для тебя!

К концу ноября порт Плимута день ото дня утрачивал свою деловитость. Надвигалось суровое холодное время года, и все меньше кораблей покидало порт и выходило в море. Витус с друзьями исходил набережную вдоль и поперек. Спрашивали здесь, наводили справки там и нигде не могли найти приспособленного к морскому плаванию галеона, который держал бы курс на Новый Свет.

— Да, это не так уж легко, — подвел черту маленький ученый незадолго перед обедом. — Давайте-ка еще обойдем вон ту, не особо привлекательную сторону порта! — Он указал вдаль, где маячили два или три крупных галеона.

Они двинулись дальше, прокладывая себе дорогу через кучи отбросов, обломков корабельных остовов и отслужившего свое такелажа. Слева в акватории порта плавала дохлая рыба,

по правую руку из убогой таверны несли жирной бараниной. Пройдя еще немного, они с удивлением наткнулись на толпу людей. Понять, что тут происходит, было трудно, только из этого скопища доносился визгливый голос невидимого оратора:

— Чума в Плимуте! В Плимуте чума!

— Чума?! Господи помилуй! Пойдемте, друзья, посмотрим, кто это там вещает! — Магистр решительно принялся рассекать толпу жилистым телом, заработав при этом не одно нелестное замечание в свой адрес.

Наконец все трое оказались перед источником воплей. Это был безногий калека, который проворно передвигался на деревянной дощечке, снабженной колесами, — мерзкого вида грязный малый. Сальные волосы свисали патлами вокруг лица, изъеденного оспой. Взгляд его был взглядом одержимого. Он заорал еще истошнее:

— Чума в Плимуте! *Sacrificium, sacrificium!**

— Щей-то травит нам этот обрубок? — поинтересовался Коротышка.

— Кажется, требует жертвы для чумы, — ответил Витус. — Хотел бы я знать... А, вон видите, в руках у него крыса.

И действительно, безногий рывком поднял над головой крысу. Гигантскую крысу, длиной не меньше чем две трети фута, а с хвостом и того больше.

— *Rattus, rattus!* — вопил он благим матом. — Она грешница! Крыса, крыса, одна только крыса! Она виновница того, что Плимут будет свергнут в чуму!

— Малый как пить дать чокнутый, — поставил диагноз Магистр. — Во-первых, слава Богу, только в Лондоне было несколько случаев чумы, а во-вторых, никому не известно, откуда приходит эта зараза, а, Витус?

— Ни единому человеку. — Витус задумчиво разглядывал увечного, который, не теряя времени, ловко крутанулся на доске вокруг своей оси и еще выше вздернул крысу.

Безногий кричал:

— Если Господь желает жертвы, люди, то это крыса! Она должна умереть, чтобы люди жили! Так же, как умер Его Сын Единородный, чтобы спасти нас!

— А теперь он и вовсе богохульствует! — ужаснулся Магистр и поспешно осенил себя крестным знамением. — Но не ведает, что творит, потому что безумен.

— Или прикидывается, — возразил Витус.

Между тем калека подхватил палку и влил крысе разок. Теперь она, обмякнув, висела в его руке. Он положил животное себе на колени, оттолкнулся от земли костяшками пальцев и по-

* Жертвоприношение, жертва (лат.).

катил к двери ветхой хижины в нескольких шагах. На двери уже был нарисован мелом крест.

— Распнем тебя, крыса, как распяли Спасителя нашего Иисуса Христа, Господа нашего!

Безногий взял оглушенное животное за передние лапы, растопырил их и приладил к поперечине начертанного креста. Крыса, с ее безжизненно свисающим телом, теперь сама стала напоминать крест — символ искупления.

— За этой дверью, люди, на прошлой неделе черная смерть забрала семерых богобоязненных христиан, и еще четверо лежат там на последнем издыхании. О Господь всемогущий! Прими нашу жертву и спаси человек! — не переставая бесноваться, безногий поднял заготовленный молоток и гвозди и прибил крысу к меловому кресту. — *Sacrificium, sacrificium, sacrificium!*

— Не могу больше этого видеть, — яростно шепнул маленький ученый. — Крысы, конечно, мерзкие твари, но прибивать их гвоздями, да еще на крест — это еще большая мерзость, да к тому же кощунство!

— Нет, подожди! Не рвись! Видишь здорового, как бык, малого там, за углом, в потрепанных штанах?

— Нет, не вижу. — Магистр подслеповато прищурился за своими окулярами. — А постой-ка! Да, теперь различаю. А что в том парне?

— Думаю, они с бесноватым заодно. У него под ногами клетка с крысами. Должно быть, там другие «жертвы», для следующих представлений. Господа должны бы собирать деньги за свою жестокую игру. Посмотрим, окажусь ли я прав.

— Ладно.

Крыса, обреченная на мучения, снова пришла в себя. Она крутилась, отчаянно извивалась, рвала прибитые лапы и ожесточенно била хвостом.

— *Sacrificium, sacrificium, sacrificium!* — теперь в руках убогого оказалась плетка, которая несколько раз со свистом разрезала воздух, прежде чем обрушиться на спину животного.

Раздался звонкий хлопок, и на шкурке несчастной твари обозначился порез, из которого закапала кровь. Плетка снова обрушилась на маленькое тельце, по толпе зевак прокатился ропот сладострастного ожидания. Как долго выдержит эта выносливая гадкая расхитительница запасов? Хорошо бы подольше! Нет, люди не были слишком щепетильны. В конце концов, это привычное дело — смотреть, как ближний испускает дух от руки грабителя или убийцы. Повешение, отсечение головы или руки, колесование, четвертование, выдирание языка, ослепление — скучные события повседневности, знакомые настолько, что даже маленькие дети не пугались, заведя насаженную на кол мертвую голову на обочине дороги. А происходящее здесь было новым, невиданным.

— *Sacrificium, sacrificium, sacrificium!*

Крыса боролась. Она крутила головой во все стороны, обнажая острые как нож зубы, хватала воздух. Но враг на ее спине был трусом: он не принимал боя.

— *Sacrificium, sacrificium, sacrificium!*

Истерзанное животное начало издавать резкие звуки. Они были похожи на те, что издает человеческое дитя, которое мучают. По спинам зевак побежали мурашки. У мужчин от сладостного удовольствия подобралась мошонка: «Давай, давай! Не останавливайся!» Обрубок снова замахнулся плетью, но к его изумлению, удара не получилось, потому что прямо перед ним вырос монах, который железной хваткой сжал его правую руку.

— Эй, ты чё, поп?! — озлобленно завизжал безногий.

Божий человек стоял молча, только в его черных глазах горел огонь. Он сверлил калеку с высоты скалы, потому что был такого роста, какой Господь редко отпускает человеку — не меньше шести с половиной футов, — к тому же костлявый, как лошадь, но в этой жилистости угадывалась недюжинная сила. Он казался молодым, хотя в волосах вокруг его тонзуры уже проглядывала седина. Его ряса была настолько линиялой, что угадать ее первоначальный цвет не представлялось возможным.

— Отпусти, поп! — орал обрубок. — Или, или...

— Или что, сын мой? — у монаха был сильный иноземный акцент. — Уж не угрожаешь ли ты мне? Грозить мне — значит грозить церкви, а грозить церкви — грозить Господу. Так ты угрожаешь Господу? Ты, жалкий грешник? — Не дожидаясь ответа, все еще сжимая правую руку калеки, он выпрямился во весь свой рост. — «*Non pecca, peccator!*» — сказал наш Спаситель. «Не греши, грешник!» А этот человек согрешил. Он распял крысу, как когда-то распяли Господа нашего Иисуса Христа на Голгофе. Он прибил ее к кресту и тем самым поставил на одну ступень с Сыном Божиим. Это грех, грех, грех!

Толпа, эта навозная куча, состоящая по большей части из грубых неотесанных мужчин, озадаченно молчала.

Магистр потихоньку сказал:

— Дюжий монах, к какому бы ордену он себя ни причислял, выписывает языком так же гладко, как все эти поборники веры. Но на этот раз хоть с благой целью.

Крыса, которая на какое-то время затихла, снова начала трепыхаться, издавая пронзительные крики боли.

— Пора избавить бедное создание от страданий! *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti!** — монах отпустил руку калеки, вынул меч и ударил точно посередине тела животного.

* Во имя Отца и Сына и Святого Духа! (лат.).

Крыса в последний раз дернулась и больше не шевелилась. Толпа на одном дыхании ахнула.

— Что ты наделал, поп! — заверещал безногий. — Это была моя крыса, моя! Теперь ты должен возместить мне убыток!

— Скорее ад пройдет в чистилище, чем я тебе что-то возьму, бесстыдник! Но будь уверен, не пройдет, потому что там еще уготовано место для тебя! — Черные глаза монаха сверлили ущербного насквозь. — А теперь я поучу тебя уму-разуму, чтоб ты знал, как надо разговаривать со служителем Божиим! — Он прихватил калеку за грудки, одним махом поднял его в воздух и подержал перед собой, как кубок зля. — Встань и ходи!

К бесконечному изумлению публики «безногий» вдруг задргал обеими ногами. Но это было еще не все чудо! У него не только отросли ноги, они к тому же носили его, потому как, едва монах швырнул его на землю, «убогий» сделал два-три дерганных шага, чтобы не потерять равновесие. В толпе захихикали: из безногого получилась отличная марионетка.

— А теперь на колени, грешник! Моли Господа, чтобы Он простил тебе твоё богохульство. На колени!

Однако бывший калека оказался крепче, чем можно было подумать. Вместо того чтобы послушаться, он сам раскрыл пасть:

— Хватит, поп, брось! Как все людишки твоего сорта, сразу прикрываешься своим Господом. А где ты был, ворон в рясе, когда в этом вот доме умерли от чумы семеро честных христиан? Где был твой Бог, когда отлетали их бедные души? Не можешь сказать или не хочешь? Ты хочешь того же, что и тебе подобные, — заткнуть народу рот, поставить его на колени и сделать своим рабом. Срал я на тебя и на твою латынь! А ну, давай шиллинг на новую крысу, не то получишь по мозгам!

Пустой угрозой это не было. Из-за угла развалюхи выступил его компаньон с бычьей шеей и в предвкушении драки поплевал себе в кулаки.

— Отдай-ка его мне, Криппл, я так начищу ему морду, что и его любимый Иисус сможет в нее смотреться, как в зеркало!

— Ничего такого ты не сделаешь, богохульник, а возьмешь ноги в руки и уберешься восвояси. И этого «безногого» прихватишь с собой. — Витус хладнокровно встал между бугаем и монахом. Его голос звучал утрашающе тихо, а шпага вылетела из ножен. — Я говорю только раз, богохульник, понял? Только раз!

Заплывшие жиром глазки Криппла сузились до щелочек. На его лице отобразились самые противоречивые чувства: ненависть, мстительность, алчность, оторопь и... страх. Он постоял еще с минуту, а потом подхватил под мышку дощечку на колесиках, другой рукой пихнул своего сообщника — и был таков. Он понял, что проиграл.

Монах с удовлетворением проследил их отступление и повернулся к толпе:

— А вы, ротозеи и грешники, вы, услаждавшиеся муками несчастного животного, теперь будете замаливать вместе со мной свои грехи! Ну-ка склоните головы и сложите руки! И горе тому, кто попробует удрать, пока я не закончу! — Сам он уже приготовил руки к молитве, трое друзей последовали его примеру. — *Pater noster qui es in coelis, sanctificetur...** — Когда молитва была окончена, его «Амен!» пронесся над головами звучно и твердо. — А теперь, паства Божья, идите всяк на свое место и сами просите у Господа отпущения своих грехов! Просите, и отпустится!

Толпа редела, то тот, то другой богобоязненно осеняли себя крестом. Когда не осталось никого, монах подошел к друзьям и, низко склонив голову, молвил, обращаясь скорее к себе:

— *Laudetur Jesus Christus!***

Каково же было его удивление, когда он услышал от Витуса полагающийся ответ:

— *In aeternum, amen!****

— Вы одеты как дворянин, сэр, однако разумеете богослужбный язык. Кому из двух в вас обязан я за неоценимую помощь?

Витус засмеялся:

— Хорошо сказано, отец мой! Благодарите одного, который ныне со шпагой, а прежде был монастырским школяром. Меня зовут Витус из Камподиоса. А это мои друзья, — он представил Магистра и Коротышку.

— Рад встрече, — поприветствовал монах друзей и сунул руки в рукава своей рясы. — Вы сказали «Камподиос», сэр. Могу ли я спросить, не о монастыре ли речь?

— Да, святой отец, это цистерцианский монастырь на севере Испании, точнее сказать, в благодатной долине Сьерра-де-ла-Деманда. Могу ли я в свою очередь поинтересоваться, как ваше имя и к какому ордену вы принадлежите? Цвет вашей рясы не позволяет этого определить. Она... э-э... немного выцвела.

— О, простите, забыл представиться! Я отец Амброзиус из августинского ордена. Моя монастырская обитель в Эрфурте, в Тюрингии, там, на континенте. В молодые годы я принял обет, позже был рукоположен в священники и — сподобился стать монастырским проповедником. А потом произошло нечто, что

* «Отче наш, иже еси на небесех, да святится...» (лат.).

** Слава Иисусу Христу! (лат.).

*** Во веки веков, аминь! (лат.).

в корне изменило мою жизнь. Я заболел смертельной болезнью, таял день ото дня, и никто не мог мне помочь, не говоря уж о том, чтобы определить, каким недугом я страдаю. В короткие минуты просветления, когда лихорадка отпускала меня, я дал обет Господу, что, случись мне выздороветь, я отправлюсь в Новый Свет, чтобы там проповедовать Слово Божье. И Господь попустил мне встать на ноги. Поэтому я здесь и... О Отец Небесный, почто Ты отнял у меня память?! — Амброзиус обратил глаза к небесам, комически воздев руки в отчаянии. — Как Ты позволил мне забыть, что Витусу из Камподиоса и его друзьям я обязан скорой помощью и спасением? — И снова потупив взор: — Прости, Господи! Итак, джентльмены, слава Богу, что вы уберегли меня от хорошей взбучки!

— Щё, щё, гыля в капюшоне? — заявил о себе Энано, который, как и остальные, не мог не оценить физическую силу монаха. — Щё ты тут нам лепишь? Щё не отвалил бы пару оплеух этому дубине? Или не сделал пару насечек опилку? Не свисти!

— Несомненно, Энано, сын мой. Но я живу в нищете, смиренности, непорочности и, не в последнюю очередь, в мире со всеми. Как сказано в Евангелии от Матфея, глава 5, стих 39? «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую».

Магистр ослабился:

— Но где-то в Писании, святой отец, также и сказано: «Дух силен, а плоть слаба». Вы уверены, что смогли бы сдержаться?

Амброзиус вздохнул:

— Вот тут вы попали в самую точку, господин магистр. Когда меня объемлет гнев, я совершаю вещи, которые не подобает совершать. Как часто мне приходится каяться в моих пороках!

Магистр еще шире улыбнулся:

— Не отчаивайтесь, отец мой. В Писании нет ни единой строки, которая запретила бы вам посетить трактир, а именно это я и хочу вам предложить, если, конечно, наше общество вас не утомило.

— Ценю людей с таким здравым смыслом, как ваш! Я как раз был на пути к... Но у меня не так уж много времени!

— Тогда... — начал Магистр.

— «Пристань Полли», — закончил Витус. — Ты это хотел сказать, неистребимый сорняк?

— Ты просто читаешь мои мысли, сорняк!

Чуть погодя они уже были у дверей трактира. Войдя внутрь, они с удовлетворением отметили, что трапезная еще не была заполнена народом. Полли вынырнула из глубин кухни, смирившись Амброзиуса с ног до головы, воздержалась от едких замечаний, а вместо этого спросила:

— По большой?

— Ага.

— Уже несусь.

— Она просто золото! — с улыбкой сказал Витус Амброзиусу. — Без нее нам пришлось бы туго. Но позвольте мне один, может быть, не столь уместный вопрос. Поскольку вы из того же монастыря, где пребывает доктор Мартин Лютер, вы католик или протестант?

Едва приметная складка недовольства обозначилась на лбу монаха, но почти тут же разгладилась.

— Почему же, Витус из Камподиоса, вопрос вполне уместен... Спасибо, госпожа хозяйка! — Амброзиус поднял свою кружку в знак приветствия. — И вам спасибо! Ваше здоровье или, как говорят у вас, чи-из!

Все выпили. Крепкий бренди теплом растекся по всем жилам.

Амброзиус, фыркнув, поставил свою кружку.

— Так где я остановился? Ах, да! Вы задали мне вопрос, католик я или протестант. Что ж, ответу. Я правоверный католик и не боюсь заявить это в стране, где нас так опрометчиво обручивают «папистами».

— Не только обручивают, но и убивают, — с горечью заметил Витус. — Ричард Гринвилл, шериф Корнуолла, в этом году повелел повесить, растерзать, четвертовать одного священника для устрашения. С тех пор Южная Англия слывет протестантской страной, свободной от католицизма. Однако вы не англичанин, отец мой, и к тому же проездом. Но все-таки будьте осторожны!

— Спасибо за заботу! — Нельзя сказать, чтобы Амброзиуса не впечатлило это предупреждение. — Но ничто меня не удержит! Я католик до мозга костей и всегда был им. Хотя кое-что в учении Лютера задевает мои струны. Я проповедую милосердие и любовь к ближнему, в моих глазах все люди равны, поскольку все равны перед Богом. Откуда, к примеру, у меня права обрушиваться на евреев, как это делает господин Лютер? — Амброзиус хлебнул еще. — Чтобы не наскучить вам, скажу только, что тот, кто попросту честно и праведно живет, мне во сто крат милее того, кто с утра до вечера разыгрывает из себя святошу. Знаете ли вы, господин Витус, что в мире существуют тысячи законов, наставлений, предписаний, положений и распоряжений, чтобы...

— Ну, отец, я знаю, что...

— А они существуют. И все для того, чтобы соблюдались заповеди Божие. Всего десять заповедей, сэр! И это все, что человеку нужно! И именно они необходимы людям там, в Новом Свете.

— У вас доброе сердце, отец мой, если мне позволено будет так сказать, — Витус улыбнулся. — Вы представляете церковь терпимости, как и я. Дайте я пожму вам руку! — Витус перегнулся через стол. — Но разрешите еще один, чисто светский

вопрос: вы нашли корабль, который переправит вас в Новую Испанию?

— Ну конечно, сын мой! Я отправляюсь на «Галанте» капитана Арчибальда Стаута.

— Что-о-о?!

— Минутку!

— Это невозможно!

Все трое заголосили, перебивая друг друга.

— Я что-то не так сказал? — обалдел от внезапного напора Амброзиус.

— Еще как так! — поспешил заверить его Витус. — Просто дело в том, что мы дни напролет тщетно ищем оказии в Новый Свет, а вы говорите об этом так, словно найти место на корабле не представляет никакого труда.

— Ну... так оно и есть. То есть не совсем так. Мне пришлось пообещать капитану Стауту, что я буду заботиться о бранных душах его команды, помимо этого еще и брасовать понемногу, а кроме прочего, уплатил еще три фунта за переезд.

— Три куса с пуза? Ну и загнул! — возмущенно вскричал Коротышка. — Вороп! Натуральный вороп!

Амброзиус кивнул:

— Стаут не упустит своей выгоды. В это время года он единственный, кто еще отплывает в Новый Свет. Но в любом случае ему не хватает матросов, почему он и нанял меня.

— Плата действительно непомерная, — заключил Витус. — Но я готов ее уплатить. А если по пути придется вылечить парочку-другую больных, она, возможно, снизится.

— А вы еще и врач, сэр? — Амброзиус удивленно поднял брови.

— Да. Врач, фармаколог и дипломированный корабельный хирург, — Витус постарался не выдать гордость триумфальным звучанием своего голоса.

— Тогда, сэр, Стаут у вас в кармане! Его команда в безнадежном состоянии: половина ее то ли ослаблена, то ли больна. Поэтому Стаут и не выпустил их на берег позавчера, когда они причалили. Он не собирается мешкать, уж поверьте! Ему надо в море. Тот, кто поставит на ноги его команду, для него как манна небесная.

— Великолепно! Когда Стаут снимается с якоря?

— Скорее всего, завтра, сэр. Будет попутный ветер, как раз после прилива. В этом случае уже сегодня вечером надо быть у него на борту. Я был как раз на пути к «Галанту», когда встретил вас. С утра я позволил себе осмотреть собор Святого Андрея — великолепное сооружение, хоть, позвольте заметить, и не идет ни в какое сравнение с Эрфуртской церковью Святого Северина, если уж говорить о...

— Простите, если перебыю вас, святой отец, но... Вы определенно уверены, что капитан Стаут мог бы взять нас на борт?

— Ну... если вы готовы заплатить некоторую сумму за проезд... то так же верно, как Господь создал землю за шесть дней...

— А вы не были бы против, если бы мы все, не медля ни секунды, отправились на «Галант»?

— Почему бы и нет! — Амброзиус по-доброму улыбнулся. — Мой кубок так и так пуст.

— Полли! Полли!! Полли!!!

Когда хозяйка наконец появилась на пороге залы, Витус излучал сияние:

— Полли! Ты должна это знать! Нет, погоди!.. — Он вскочил и жарко расцеловал ее в обе щеки. — Отгадай, что случилось?!

— Какой бес в тебя вселился, Габриэль? — ее щеки пылали. — О, простите, святой отец! — она опустила глаза долу и перекрестилась.

— Да ладно, Полли, прекрати! Это лучшая весть с тех пор, как...

И друзья поведали ей о счастливом стечении обстоятельств, о «Галанте» и обо всем прочем. Они пылко уверяли ее, что нигде им не было так хорошо, как у нее, при этом осушив не одну пару кружек за здоровье королевы. Потом за здоровье брата Амброзиуса, потом капитана Стаута, потом самой Полли... Потом... слегка покачиваясь, поднялись в верхние комнаты, собрали свои пожитки, расплатились и распрощались. И ушли...

Полли стояла посреди трапезной, словно здесь никого не было, одинокая и покинутая...

Через много-много часов она потрясла головой, будто хотела вытрясти из нее все печальные мысли, сунула трубку в рот и принялась за работу.

Убирая кружки со стола, она заметила, что одна из них стоит перевернутая вверх дном.

— А это еще что за черт?! Кто напрокуратничал? — Полли сдернула кружку. Под ней лежал шарик духов. — Это что за сюрприз?

Постепенно ее сознание прояснилось, и она поняла, что это прощальный подарок Витуса. Наверное, он купил это для нее в темных закоулках порта. Полли подняла шарик и поднесла его к носу. Ей понравилось. Снова и снова, закрыв глаза, вдыхала она чарующий аромат амбры и лаванды.

— Ах, Габриэль, Габриэль, потрясающий сукин сын! — прошептала она.

И зарыдала. А когда остановилась, никто не знает.

СКРАГА АРЧИБАЛЬД СТАУТ

Бочки по дюжине стоунов «супа путника» производятся в Лондоне, Плимуте и других портах. Для этого кушанья берутся свиные и говяжьи кости, хрящи, сухожилия, копыта, глаза

и прочее; и все это разваривается до густого клейкого бульона, который потом разливается по формам.

— Мистер Джеральд, как вы должны были заметить, ветер меняется на норд-ост, и Рейм-Хед лежит уже по правому борту, — Стаут показал на край мыса перед Плимутом. — Поэтому, как только мы развернем паруса, выполните поворот фордевинд. Новый курс зюйд-вест-зюйд.

— Да, сэр! — Джеральд, первый помощник на «Галанте» ответил по уставу. Он, разумеется, знал, что капитан скорее торгаш, чем моряк, но это не означало, что можно нарушать дисциплину.

— Поднимите паруса, все, позвольте вас попросить. Нас высмеют, если мы затратим на бросок через западное море больше полутора месяцев!

— Есть, сэр! Я лично прослежу! — Джеральд отдал соответствующий приказ.

Стаут, шишковатый малый где-то к пятидесяти, с лицом, словно вытесанным из корявой колоды, прошел к кормовому флагштоку. Его глаза светились алчным блеском, когда он смотрел на идущую ровным, как стрела, ходом корму. Плавание обещало быть успешным. Редко удавалось в этих водах поймать попутный ветер, но Стаут принял это как само собой разумеющееся. С тех пор как он не менее семи раз пересек Западное море туда и обратно, причем остался с хорошим барышом, он считал себя баловнем судьбы. Если Богу угодно, чтобы ему улыбалось счастье, все само собой идет ему в руки. Разве не Бог послал ему вчера вечером еще трех пассажиров, которые, как и долговязый монах, хотели отправиться в путь? Он заломил с каждого по пять фунтов и скрепя сердце согласился скинуть два фунта только этому дворянину, Витусу из Камподиоса, когда тот выразил готовность поступить на службу на все время перехода в качестве корабельного врача. Таким ловким маневром Стаут поймал сразу двух зайцев — заполучил и врача, и денежки! Черт возьми, вот так везение! Втайне Стаут поздравил себя. Как бы то ни было, позже он выказал себя великодушным и предоставил трем новеньким каюту Джеральда, а тому приказал перебраться к Пауэлу, боцману, и О'Могрейну, только что принятому на службу штурману. Вообще-то это было не положено, поскольку Джеральд офицер, но Стаут привык, если что взбредет в голову, быть неуступчивым, как та гувернантка, что блюдет свою девственность.

Капитан перешел на наветренную сторону судна, свое исконное место, и стал наблюдать, как Пауэлл свистит команду к брасам.

— Приготовиться к смене галса! — крикнул боцман через палубу, и вахта на бакборте помчалась сломя голову.

Люди были не в лучшем состоянии, но Стаута это нимало не беспокоило. Матросы всегда недовольны тем или этим. Единственное, что его раздражало, — из-за болезней то и дело кто-то выходил из строя. Но скоро все изменится: теперь у него есть корабельный врач.

Нос «Галанта» медленно разворачивался в сторону правого борта. Стаут смотрел, как матросы возились с бакборт-брасами, среди них и монах Амброзиус, который энергично работал. И снова Стаут поздравил себя: Божий человек был бесценным помощником, хоть и не смог бы отличить беседочный узел от морского. Но кого это волновало, если он мог без устали крутить шпиль и драить палубу! То же и двое других из компании, этот магистр и диковинный карлик. Правда, они заплатили за проезд, но уж он-то найдет способ задействовать и их!

Маневр худо-бедно был завершен. Скорее худо, это Стауту пришлось признать, но, с другой стороны, у него же не военный корабль, где все должно идти как по маслу! В конечном счете все определяется хорошим ветром и хорошей погодой, а то и другое на этот раз не подвели.

— Мистер Джеральд!

— Здесь, сэр! — Первый офицер, который как раз собирался пойти проверить, как идет работа по ремонту кофель-планки на правом борту, поспешил к капитану.

— Человека на ручной лаг. Я хочу знать, сколько узлов мы делаем.

— Да, сэр! — Джеральд исчез.

Стаут отправился к рулевому, который стоял неподвижно, как истукан, и, не отрываясь, смотрел на компас перед собой. Возле него находился штурман О'Могрейн, для своей должности сравнительно молодой человек с черными волосами и голубыми глазами, отливающими сталью.

— Курс зюйд-вест-зюйд взят, сэр! — доложил рулевой.

— Прекрасно. Ну-ка пусти меня! — Стаут собственноручно взялся за рулевое устройство и наслаждался ощущением непосредственного соприкосновения с силой и мощью морской стихии, которое передавалось его руке через руль и румпель. «Галант» шел теперь более быстрым ходом, пение в рангоуте стало на октаву выше, а рокот волн у борта напоминал шелест воды на быстрине.

Если Стаут и любил еще что-то, кроме денег, так это ходить под парусами на хорошей скорости.

— Пять узлов, сэр! — донесся голос Джеральда с возвышения над носом галеона — сооружения, которое на английских кораблях было более плоским, чем на испанских. И поэтому голос, звучавший на одном конце палубы, был хорошо слышен на другом. К тому же в такой конструкции было еще одно преимуще-

щество: благодаря ей боковой ветер имел не слишком большую площадь воздействия.

— Пять узлов! Что ж, славненько идем, — пробурчал Стаут, обращаясь к О'Могрейну. — Как полагаете, штурман, когда пройдем Скилли?

— Если ветер удержится тот же, сэр, то до наступления темноты должны увидеть на траверзе Лизед-Поинт, потому что идем действительно быстро. *Ta siad ag siuill!* Ночью сначала будем держать прежний курс, а позже пойдем на запад. И если Посейдон будет к нам милостив, то поутру увидим острова уже за кормой.

— Так-так. Хм... — Стаут был доволен. Такой ответ пришелся ему по нраву, и по форме, и по содержанию. Ирландская тарбарщина, на которую временами темпераментно переходил штурман, больше ему не мешала. В лице О'Могрейна он разглядел в Плимуте человеком, который знал толк в своем деле, и, можно сказать, за смехотворную плату. Снова оказалось выгодным, что он, Стаут, не боялся отчаливать в Новый Свет поздней осенью. Моряку всегда лучше выйти в море хоть за малое вознаграждение, чем полгода сидеть на берегу и сосать лапу. То же и с пассажирами. Они не только платили завышенную цену, но и вдобавок готовы были работать, лишь бы не ждать до следующей весны.

— Я иду в свою каюту, О'Могрейн. Хочу вздремнуть. Если что-нибудь будет нужно, обращайтесь к мистеру Джеральду.

— Да, сэр!

Стаут вовсе не собирался спать — напротив, он намеревался вкусить обильный ланч.

Истекая слюной, он как раз отрезал толстый кусок копченого окорока, когда в дверь каюты настойчиво застучали. Стаут оторвал глаза от окорока. Машинально перепроверил в уме ход корабля — не нашел ничего чрезвычайного. Все вроде бы в порядке.

— Не беспокоить! — недовольно крикнул он.

— Но это важно, сэр!

Стаут узнал голос Витуса из Камподиоса. Он быстро заглотил отрезанный кусок и запил его кружкой джина, чтобы перебить запах. Затем спрятал окорок и бутылку в двустворчатый шкафчик у переборки правого борта. Никто не должен знать, какие деликатесы он включил в свой рацион, в то время как его офицеры и матросы питаются только самыми дешевыми продуктами: бобами, горохом, сухарями, а по воскресеньям получают сверх этого тощий кусок солонины. Если вообще получают. Традиционную вечернюю порцию бренди он упразднил еще в предпоследнем рейсе — слишком дорого выходит...

— Войдите!

— Простите, что помешал, сэр, но мне надо с вами срочно поговорить. — Витус коротко поклонился и окинул взглядом каюту капитана.

Она была обустроена по-спартански. Стаут, похоже, позволял себе иметь только самое необходимое, да и это немногое было не в лучшем состоянии. На старом столе красного дерева, служившем для изучения карт, осыпался лак; занавеска, которая благопристойно прикрывала гальюн, была вся в заплатках; в таком же состоянии и шерстяное одеяло, которым застелена койка. Но и это еще не все: умывальник под бимсовой кницей производил удручающее впечатление. Тазик и кувшин на нем из низкосортного фаянса. По убогим предметам туалета разбегались глубокие трещины, свидетельствовавшие о том, что их не раз роняли, разбивали и склеивали.

Да и внешность самого Стаута вполне отвечала такому окружению. Его одежда, нечто среднее между платьем и униформой, тут и там была изношена и заштопана. Из пуговиц на жилете нельзя было найти и двух похожих друг на друга.

— Выкладывайте, хирургик, у меня мало времени. — Капитан даже не удосужился предложить Витусу один из обитых потрескавшейся кожей стульев. Возможно, предчувствовал, что разговор пойдет о не слишком приятных вещах.

— Что ж, сэр, буду краток. Состояние здоровья членов команды оставляет желать лучшего. Из двадцати семи человек матросов и офицеров двадцать два страдают цингой. Это заболевание, причина которого еще не вполне изучена, однако многие врачи склоняются к мнению, что в основе его плохое питание...

— Я знаю, что такое цинга, — перебил его Стаут. — Нечего моим людям прикидываться. Подумаешь, пара нарывов да чуть-чуть крови из десен! Веками матросы бороздят моря, и цинга сроднилась с ними, как корабельный червь с килем. Тут уж ничего не поделаешь.

— Несомненно, сэр. И тем не менее позвольте посоветовать вам выдать команде в следующие дни парного мяса...

— Нет, хирургик, не позволю! — снова перебил Стаут.

На его виске запульсировала жилка. Парного мяса команде — вот до чего дошло! Овцу, которая содержалась в клетке на палубе, он купил для собственных нужд, поскольку имел слабость к баранине. Дорогонько она ему обошлась, ох как дорого! Так дорого, что он воздержался от приобретения другого скота. Единственно, Пауэлл раздобыл где-то в порту петуха за смешную цену. И его Стаут предназначил для себя на рождественское пиршество. Тщательно выпотрошить, начинить фигами и черносливом из личных запасов и поджарить на вертеле до румяной корочки — пальчики оближешь! Слюна тут же заполнила рот, но так же быстро отступила, едва Стаут подумал, что прежде эта прожорливая птица обьет его до последней крошки.

— Сэр, я слышал, мы идем в Новый Свет через Мадейру. С вашего позволения в Фуншале я загружу на борт свежие овощи и парное мясо. Они необходимы команде.

Стаут, который удобно расположился за своим столом красного дерева, подскочил, словно ему в задницу воткнулась пружина.

— Черта с два вы загрузите, господин хирургик! Люди будут получать то, что получают обычно, или вы собираетесь переустроить мир? Повторяю: люди будут питаться тем, чем питались всегда! А если кто-то из них болен или собирается заболеть, то лечите, если угодно! На то вы и врач. Это приказ!

— Да, сэр! — Витус сцепил зубы. Он иначе представлял себе свою службу. Но ничего не поделаешь. Капитан на судне — царь и бог. Его слово — закон, по крайней мере для тех, кто у него в подчинении, а Витус один из них, с тех пор как нанялся корабельным врачом. — Должен обратить ваше внимание, сэр, на два других, еще более тяжелых случая. Речь идет о лихорадке. Матросы лежат в кубрике под передней палубой. Они совершенно апатичны.

— Просто им недостает немного сна.

— С вашего разрешения, сэр, боюсь, что дело куда хуже. У обоих пациентов сыпь на коже по всему телу, печень и селезенка увеличены, губы и язык обложены черновато-коричневым налетом, причем в сухом и потрескавшемся состоянии. Я уверен, что это одна из многочисленных злокачественных лихорадок, при которой врач мало что может сделать, кроме как бороться с симптомами.

— И что вы думаете делать, хирургик? — в голосе Стаута прозвучало чутьчку больше внимания.

К тому, что ему было сообщено, нельзя относиться легкомысленно. Двое матросов серьезно больны, а значит, полностью выбыли из команды. Ослабление команды неблагоприятно скажется на плавании: «Галант» может потерять скорость.

— Оба будут регулярно принимать отвар из ивовой коры, а кроме этого небольшие дозы вещества, получаемого из испанской мухи. Оно называется кантаридин. Больным нужно давать обильное питье и держать их в тепле. Я еще раз проштудировал все о различных лихорадках и поэтому могу сказать: есть надежда на их выздоровление при условии, что мы не имеем дела с так называемой черной рвотой.

Стаут почувствовал легкую тошноту.

— Черная рвота, сэр, — самая наихудшая из всех известных лихорадок, и я сделаю все возможное, чтобы предотвратить ее распространение на борту. С вашего позволения, сэр, ради этого я дам распоряжение обработать кубрик команды и каюты офицеров раствором уксуса, а затем окурить их серой. Далее, я

позабочусь, чтобы оба больных были изолированы. Надеюсь, этих мер будет достаточно.

— Ну... да... Хм, я тоже надеюсь. — Стаут нервно забарабанил пальцами по столу. А потом почти с признательностью буркнул: — Вы на корабле всего лишь день, хирургик, а уже немало сделали.

— Благодарю, сэр! — Витус придержал при себе замечание, что сделал бы больше, если бы добился лучшего питания для экипажа. Но решил, что точки в разговоре об этом еще не расставлены. Вслух он сказал: — Мне пора к моим пациентам, сэр. Кроме того, на очереди еще несколько контузий и ушибов.

— Не смею вас задерживать, хирургик. — Взгляд Стаута уже устремился к шкапчику с окороком.

Днем позже, во время вечерней вахты, когда склянки били четыре, Витус с друзьями стояли на главной палубе. Они подставили лица ветру, наполнили легкие свежим воздухом и наслаждались привкусом морской соли на губах. Внезапно с кормы послышались голоса. Там появилась компания из двух молодых дам в сопровождении стройного моряка.

— Да это же... — вырвалось у Витуса.

Коротышка прикрыл глаза от солнца своей детской ладошкой, сложенной лодочкой:

— Уи, обе потрепанные сучки из «Пристани Полли»!

И действительно, вслед за моряком на палубу начали спускаться Феба и Филлис. Феба, хихикала и трещала без умолку:

— Клянусь костями моей матери, морское путешествие здорово возбуждает, повсюду вокруг одни лихие парни, ух!

Полногрудая Феба помахала наверх, где несколько матросов смолили ванты грот-мачты. В качестве ответа с высоты донесся долгий залиvistый свист, полный восхищения.

— Такие крепкие парни, кому-то от них станет не по себе, а, Филлис?

Бледное лицо подруги слегка зарумянилось.

Между тем троица приближалась.

— А тебя я уже где-то видела, горбушка! — восторженно воскликнула Феба. — Да, точно, теперь вспомнила! В забегаловке Полли в Плимуте. Так?

— Уи, госпожа полюбовница, щё может, то есть. Ты Феба, а твоя подкудахталка — Филлис.

— Нет, упасть и не встать! А этот маленький горбун нахальничает! Назвать даму полюбовницей! Слушай-ка, карлик, если я полюбовница, тогда ты... ты...

— Энано, если ты не против! — Коротышка растянул свой небывалый рот в улыбке и поклонился так стремительно, что рыжая всклокоченная копна на его голове перекинулась вперед.

В беседу включился моряк:

— Похоже, здесь все друг друга знают, так что придется мне наверстывать. Позвольте представиться. Меня зовут О'Могрейн, Дональд О'Могрейн, джентльмен. Я штурман этого корабля и в данный момент пытаюсь дать обеим дамам некоторые пояснения о парусном судне.

Витус вежливо поклонился девушкам:

— Да, нам знакомы эти дамы. По крайней мере, косвенно. — Потом он пожал руку О'Могрейну. — Очень рад знакомству. Я Витус из Камподиоса, врач и хирург на «Галанте». Казалось, мы должны были бы уже были пересечься, но этот корабль не так уж мал, чтобы за день-другой встретиться со всеми.

— Ваша правда, сэр, для английского торгового галеона «Галант» далеко не мал. К сожалению, несколько запущен, если можно так сказать. Такое впечатление, что здесь экономят на всем, даже на необходимом для плавания.

— Я с этим уже столкнулся. Но позвольте представить вам еще одного моего друга: магистр юриспруденции Рамиро Гарсиа.

Магистр выскочил вперед и порывисто схватил правую руку штурмана:

— Очень приятно! Откуда вы родом, мистер О'Могрейн?

— Из Ирландии. Мой родной дом в Киллала-бей, на западном побережье Зеленого острова.

Неожиданно раздался звонкий возглас Фебы:

— Ух ты! Эй, гляньте-ка! Там петух! А рядом настоящая овца! — Она обнаружила живое довольствие Стаута, которое мирно ожидало своей участи в клетках возле большой шлюпки. Чуть не бегом, таща за собой Филлис, Феба ринулась к клеткам и просунула палец сквозь прутья к петуху.

— Цып-цып-цып!

Петух, которого команда окрестила Джеком, посмотрел на нее одним глазом, склонив голову набок.

— Цып-цып-цып!

Джек с резким подскоком обернулся вокруг своей оси и вдруг молниеносно ударил женщину в палец своим острым клювом.

— Ай! Чертова скотина! — Феба сунула пораненный палец в рот.

— Дайте посмотрю. — Витус подошел к ней и вынул палец изо рта. — Слава Богу, ничего страшного. Поднимите руку вверх, и кровотечение скоро остановится. Если желаете, могу наложить вам повязку.

— Повязку? При такой царапине? Нас, девушек из пуб... э-э-э... я имела в виду, нам, дамам из Плимута, и не такое приходилось терпеть!

— Да-да, терпеть, — подтвердила Филлис.

Но как ни выносили была Феба, через секунду у нее снова появился повод заорать: кружившая над клеткой с овцой чайка нагадила ей на шляпу.

— Черт подери, это моя единственная шляпка! Черт меня подери! — Она сняла предмет дамского туалета и огорченно рассматривала густое пятно.

Магистр проглотил смешок.

— Не стоит отчаиваться, драгоценная, радуйтесь, что это была не корова! А вообще-то есть старая морская примета: если вам на голову нагадит чайка, это сулит счастье. Тот, кому повеселилось, может загадать одно желание.

— О-о-о! Правда? — Над переносицей Фебы образовалась складка. Она с недоверием смотрела на маленького ученого, но у того на лице не дрогнул ни мускул. — Вы меня не морочите? Клянетесь честью?

— Разумеется, драгоценная. Мне бы и в страшном сне не приснилось, чтоб я мог наврать вам с три короба!

— Хм, ну тогда... У меня есть одно желание... И даже страшно сильное. Хочу заполучить в Новой Испании знатного мужа, настоящего дона, такого богатого, что у него монет — как сена некошеного... И чтобы носил меня на руках! И для Филлис тоже. Да, Филлис? Ты ведь тоже хочешь жениха, которой бы один на всю жизнь, да? И он обязательно должен быть шикарным, да?

— Да, — как эхо откликнулась Филлис, — шикарным.

— Так. А если так, то вторая чайка нам и не нужна!

Последующие недели принесли с собой события, которые заставили Стаута впервые в жизни усомниться в своем везении. Виною всему был шторм, который обрушился на «Галант» и упорно держал свою добычу, изрядно потрепав ее. Каждый раз, когда капитан думал, что ушел от бури и собирался брать курс на Мадейру, встречные ветра поднимались с новой силой. Словно колдовство какое! Где же его удача? Проклятия Стаута тонули в реве бушующих волн, и каждый день, потерянный «Галантом», казался ему потерянной прибылью.

Команда, и без того уже ослабленная, выбивалась из сил, только бы спасти корабль. Галеон, конечно, построили на совесть, но такелаж и парусина были на последнем издыхании. Теперь пришлось расплачиваться за то, что Стаут на всем экономил. Не хватало дегтя, чтобы просмолить ванты и выпленку — они бы надежнее противостояли непогоде. Не было смазки, чтобы защитить железо от ржавчины, и не оказалось — поразительное легкомыслие в такое время года! — упроченных парусов на период плохих погодных условий.

Незадолго перед Рождеством Христовым, к вечеру пасмурного и ветреного, хорошо не дождливого, дня Витус и его дру-

зя снова стояли на главной палубе и наблюдали работу матросов. Состояние людей, несмотря на все усилия, удалось улучшить лишь незначительно — а чего удивляться, при такой-то кормежке!

— Боюсь, со временем цинга доконает их всех, — прокричал Витус через порывистый, искоса секущий ветер. — И обоим больным лихорадкой лучше не становится. Выживут ли они, большой вопрос. Высыпания на коже распространяются все дальше, а печень и селезенка увеличились еще сильнее. После того как вчера у них открылось кровохарканье землистого цвета, я почти уверен, что мы имеем дело с черной рвотой.

Магистр и Коротышка испуганно переглянулись.

— К тому же мой кантаридин подходит к концу, — продолжал Витус. — А вдобавок ко всем несчастьям сегодня утром еще и кок слег с высокой температурой. Если так пойдет и дальше и мы не закупим в Фуншале медикаменты и продукты, просто не знаю, что делать.

Коротышка еще сильнее вытянул свои рыбы губы и махнул крохотной ручонкой в сторону клеток с животными:

— Уи, Витус, щё ждять! Вон же блеюн! И те жаркое на вертеле, и густой навар!

— Овца — табу, сам знаешь, Энано. Она принадлежит капитану.

— Уи, уйю, знаю, знаю...

— Ребята, вы чего! — Магистр поправил на носу бериллы и взглянул из-за них ободряюще. — Дела не так уж плохи. Ты, Витус, всегда придумашь, как выкрутиться. По крайней мере, так было до сих пор! — Однако в его голосе не слышалось уверенности.

Стаут, бурча себе под нос, срезал последний кусок с оголившейся кости окорока. Он сидел в своей каюте, за столом с картами и горевал по поводу корабельного кока Баркса, который — тоже из соображений экономии — был и его личным поваром.

В дверь постучали. Стаут поспешно заглотил кусок. Что у него за судьба такая, что он не может в покое насладиться копченой свининкой? И это был последний шматок! Настроение капитана упало ниже некуда.

— Войдите! — рявкнул он.

— Уи, господин капитан! Вынужден вломиться в вашу потаенную. Это я.

Перед Стаутом, который все еще держал в руке белый мол, возник карлик.

— Хорошо, что это, в конце концов, ты, э... — Стаут осекся. Ему с трудом давалось обращаться к этому комичному ублюдку по положенной форме. Но сейчас от этого зависело его личное благополучие — он слышал, что карлик когда-то был корабель-

ным коком. Поэтому в некотором роде вежливость будет не лишней. — ... вы прибыли. Мне надо с вами кое-что обсудить.

— Уи-уи, господин капитан, у самого стикало, а то щёб я вперся!

Стаут, которого в высшей степени раздражало, что этот гном не обращается к нему с положенным «сэр» и не отвечает «да, сэр!», покосился на кость, зажатую в руке. Ладно, сейчас поглядим! Как говорится, цель оправдывает средства.

— Вы, разумеется, слышали, что Баркс, корабельный кок, захворал, и я по этому поводу крайне обеспокоен здоровьем моей команды. В конце концов, люди каждый день должны получать нормальную пищу.

Разумеется, все это было враньем высшей пробы, потому что ничто не интересовало Стаута меньше, чем состояние его команды. Для него каждый из матросов был только единицей рабочей силы. Единицей, которая лучше бы работала за двоих, а ела вполровину одного. Конечно, время от времени случалось, что какая-то единица выпадала из-за голодания, несчастного случая или побега, но с этим можно было смириться, до тех пор, по крайней мере, пока другие заступали на ее место и выполняли ту же работу. Страшно было, когда дело касалось его собственной, Арчибальда Стаута, персоны. А именно такое сейчас приключилось. Какое ему было дело до того, что рабочая сила довольствовалась заплесневелыми сухарями, червивым сыром и твердокаменными бобами!.. Арчибальд изобразил улыбку и продолжил:

— Говорят, э... мистер Энано, что у вас есть опыт корабельного кока. Хотел бы знать, умеете ли вы засаливать мясо?

— Хо-хо! Щёб я да не мог!

Это звучало многообещающе.

— Ну, а если вы можете, — Стаут показался сам себе хитрой лисой, — я попросил бы вас зарезать мою овцу, чтобы у всех нас надолго хватило мяса.

Отменная ложь! Стаут и думать не думал теперь, когда его окорок приказал долго жить, делиться бараниной с кем бы то ни было. Глазами, исполненными надежды, он воззрился на горбуна.

— Не могу, господин капитан, даже если хотел бы.

— Что-о-о? Что ты там мелешь, проклятый карлик?

Лицо Стаута исказилось от негодования. Маленький ублюдок! Сделал вид, что имеет понятие о засолке, чтобы потом с наглой ухмылкой заявить совершенно противоположное?! «Ну погоди, нахальный засранец!» — выругался он про себя, а вслух сказал:

— Вы что, не в состоянии засолить пару вшивых кусков мяса? Работа, с которой справится и последний идиот? Что ж, даю вам возможность научиться этому ремеслу. С нынешнего мо-

мента вы будете служить корабельным коком, и не только. Кроме этого вы станете заботиться о моем личном благе. Понятно? Это приказ!

— Уй, уи-и! Капитан, не гони форсы. Нищѣ я не стану. У меня фора. Я те выложил пять попугайчиков за то, щѣб трюхать на твоей посудине? И не собираюсь на тя брушлать!

Стаут выкинул руку с костью прямо на карлика.

— А будете! Иначе, помогите вам Бог! Потому что если вы откажетесь, я прикажу поплясать плетью по вашему горбу! Думаю, вас не надо вразумлять, что я имею на это право?

— Уй-уй, вот уж не надо! — Человечек окинул Стаута презрительным взглядом и криво усмехнулся. — Я сварганю, сэр, ежели скинете мне два попугайчика.

— Что? Как это, два попугайчика скинуть?! Чего-то ты опять придумал?

— Два попугайчика — это два фунта, капитан. Витусу вы ж срезали два куска за то, щѣ он вкалывает на вас корабельным врачом? А если вы фрахтуете меня коком, то я столько ж хочу!

— Хочешь? Хочешь сказать, что я должен тебе выложить два фунта из твоих пяти за перевоз? — Какой-то из четырех соков Галена ударил Стауту в голову. — Скорее я сожру с голодухи все водоросли Саргассова моря! — Обглоданная кость теперь была направлена прямо в голову карлика. — Живо за работу, ублюдок! Первым делом ты вываришь мне эту кость, долго, так долго будешь варить, чтоб последний кружок жира вышел из нее!

Казалось, карлик признал себя побежденным, потому как он пожал плечами:

— Уи-уй, капитан, ежели вам будет угодно...

— Говори «да, сэр!», понял? И заруби себе это на своем длинном носу на все времена! Понял?

— Да, сэр! — Уставной ответ из рыбообразных губ прозвучал насмешкой. Карлик театрально изогнулся в поклоне и двинулся к двери.

Стаут уже поздравил себя с благоприятным исходом неприятного разговора, как посетитель неожиданно резко развернулся у дверей:

— Кой-щѣ придется все ж подпустить, сэр, об этой блеедине. Она слиняла.

— Слиняла?!

— Угу. Слиняла, старая сучка!

На календаре был понедельник, 23 декабря *anno* 1557, а чудовищное откровение карлика имело место быть два дня назад.

Стаут сидел в своей каюте и все еще никак не мог принять удар судьбы. Когда этот недоносок сообщил ему об утрате, Стаут вышел из себя, набросился на своего нового кока, ухватил его за младенческие ручки и вздернул высоко вверх.

— Кто это сделал?! — орал он снова и снова. — Скажи мне сейчас же, кто это сделал, кто этот чертов прохвост?! Имя?! Я прикажу килевать этого мерзавца! Собственноручно исполосую девятихвосткой! Отрублю ему правую руку!

Только карлик, это хитроумное отродье портовой шлюхи, вырвался из его клешней:

— Откедова мне знать, клянусь непорочностью Девы Марии? Щё я могу?

Гном не терял своей наглости и скалил зубы, обнажая короткие острые зубки. А потом — Стаут не успел и опомниться — исчез за дверью каюты.

Стаут, ничтоже сумняшеся, помянул ад и рай и все иже с ними, только бы вернуть свою овечку. Он приказал бить сбор для всей команды и, вышагивая перед строем, грозил самыми драконовскими расправами.

Он бушевал и неистовствовал, снова и снова, потрясая кулаками, увещевал обратиться к заповеди Господа Бога из Второй книги Моисеевой: «Не кради!» Но люди стояли с суровыми неприступными лицами и молчали — живая стена молчания. Тогда Стаут выхватил из строя первого попавшегося, им оказался матрос Киллинг, и заорал:

— Один ответит за всех! Если вы сейчас же не раскроете пасти, расплачиваться будет Киллинг! Пятьдесят плетей! Ну что, будете говорить?

Но и эта угроза не сокрушила стену.

На следующее утро Киллинга с обнаженным торсом привязали к решетчатому настилу, поставленному на попа. Прежде чем Пауэлл приступил к порке, Витус из Камподиоса, корабельный хирург, попробовал еще раз вступить перед капитаном за невинного матроса:

— Сэр, вам хорошо известно, что Киллинг здесь ни при чем! Вы не допускаете, что он может вообще ничего не знать?

Но Стаут отмахнулся от заступника, как от назойливой мухи. Приказ был приведен в исполнение. Киллинг вытерпел удары со стиснутыми зубами, ни звука не сорвалось с его уст. По окончании экзекуции Стауту ничего больше не оставалось, как распустить команду по своим местам.

И вот теперь он снова сидел и ломал голову над той же проблемой: Рождественский сочельник. Вечер, когда родился наш Спаситель...

После обеда к нему зашел палубный матрос Амброзиус, доложил по полной форме и испросил разрешения отслужить на главной палубе молебен:

— Хотя сам я католической веры, — не утаил он, — но Бог, которому я молюсь, Тот же, что и у англиканцев. Служба займет около часа, а с совместными песнопениями, может быть, часа полтора.

Стаут ушам своим не поверил. Этот бывший монах хочет оторвать его людей от работы! Он прогнал Амброзиуса прочь и посчитал дело исчерпанным. А потом его бросило в жар: как капитан он же обязан пригласить к своему столу в вечер двадцать четвертого декабря самых важных персон на судне! Обычай, которому столько же лет, сколько и самому христианскому мореходству, и которым при всем желании невозможно пренебречь. Стол будет стоить ему бешеных денег! Скрыга застонал и послал за своим новым корабельным коком. Карлик явился мигом.

— Уи, господин капитан, где жмут коряги?

Стаут пропустил мимо ушей, что к нему опять обратились не по форме. Его тянули за душу другие заботы.

— Что вы можете завтра, двадцать четвертого, поставить на мой стол? У меня будут гости.

— Уй, на стол? Уй, гости? Щей-то? — Новый кок не понимал или придурился.

Стаут раздраженно махнул рукой в сторону стола из красного дерева, на котором были разложены карты.

— За этим столом я имею обыкновение в Рождественский сочельник принимать гостей. Какие блюда я могу им предложить?

— Уи, уйю! Крестьянскую пушку, легкую мортиру, зеленую шутиху и старое полено — все зазубренное и ржавое. А к ним слизней и сивую кобылу.

Капитан побагровел и надулся, как индюк.

— Говорите вразумительно!

— Уи-уи! — Карлик низко поклонился. — Крестьянская пушка — это фасоль, мортира — горох, шутиха — сыр, полено — хлеб. И все заплесневелое и засохшее.

— Попридержите язык!

О том, что на его стол будет подана матросская еда, само собой, не могло быть и речи, несмотря на всю его скупость. Стаут лихорадочно соображал. Его собственные запасы были смешны до слез, особенно теперь, когда пропала овца. По правде сказать, у него только и осталось, что петух, но он не собирался кормить курятиной еще кого-то. Хотя... Есть еще полбочонка студня из свиной головы, крепкого посола. Но этого даже при самом бережливом раскладе на всех, кого следует пригласить, не хватит... Гоп-ля! Поток Стаутовых мыслей запрудило. А вообще-то, сколько людей он должен пригласить?

Он принялся считать вслух, загибая палец при упоминании имени каждого гостя:

— Будут приглашены... э-э-э... естественно, мистер Джеральд как мой первый помощник... — Позвать к столу Джеральда, старшего офицера, было само собой разумеющимся, как и штурмана. — Потом мистер О'Могрейн... э-э-э... далее Витус

из Камподиоса, мой корабельный врач, еще... — Стаут споткнулся, его воротило с души звать за стол недомерка, которого все называли Магистром, но, с другой стороны, он был пассажиром, оплатившим вояж, и к тому же ученым. — Значит, магистра Гарсиа... э-э...так сказать, друга моего врача...

— Я тож кореш хирургика, и не с заднего фасаду.

— А вы прикусите язычок. Вы кок, и ничего больше. — Стаут не желал, чтобы его сбивали с мысли. — Так, где я остановился? Ах да, магистр Гарсиа... Вот, пожалуй, и все.

— Не-не, капитан! Вы щё не прикинули двух сучек!

— Двух су...? Ах ты, черт возьми! Вы имели в виду двух пассажинок?

Ублюдок был прав, он совсем упустил дамочек из виду. Хотя одна из них, та, с полными грудями, была совсем недурна. Конечно, девчонки — это два лишних рта за столом, но опять же отвлекут своими прелестями едоков.

— Ну, хорошо, — согласился Стаут, — две дамы тоже получают приглашение.

Скряга загнул еще два пальца и с тоской посмотрел на оттопыренный мизинец на второй руке. В общей сложности шестеро. А это значило, что кроме него лакомиться пиршеством будут еще шесть голодных ртов. Лакомиться — да. Но чем? Этот вопрос все еще требовал разрешения. Должно же быть что-то, что, с одной стороны, насытит всех едоков, а с другой — будет не из матросской кухни! Что-то, что-то такое... Есть! Ответ нашелся сам собой. Теперь он знал, чем будет потчевать эту ораву! И как это сразу не пришло ему в голову? Он сделал карлику знак подойти поближе и продиктовал ему все необходимое...

Он повелевал облакам свыше и отверз двери неба... и ожегил на них манну в пищу, и хлеб небесный дал им... Хлеб ангельский ел человек; послал Он им пищу до сытости... Он возбудил на небе восточный ветер и навел южный силою Своею... и, как пыль, ожегил на них мясо и, как песок морской, птиц пернатых... поверг их среди стана их, около жилищ их, — ...и они ели и пресытились; и желаемое ими дал им...

Стаут, стоявший во главе стола, отложил Библию и обвел всех взглядом. Его гости, пока он читал семьдесят седьмой псалом Давида, стояли, опустив глаза долу, но, как только он закончил, вскинули очи.

— Амен!

— Приятного аппетита!

— Счастливого Рождества!

Стаут собрался было сесть, но поднялся Витус и пресек его намерения. Хирурчик поднял бокал, наполненный пламенею-

щим красным, которое пожертвовал из своих запасов, и начал речь:

— Леди и джентльмены, позвольте мне прежде всего провозгласить тост за ее величество королеву Елизавету I. Пусть Господь пошлет ей здоровья, благополучия и долгих лет жизни! *God save the Queen!**

— Чи-из!

— *Slainte!*

— Доброго здравия! — раздалось со всех сторон.

Все повскакали и начали чокаться бокалами. Стекло празднично зазвенело.

— Попрошу с бокалами поосторожнее, — напомнил Стаут, который никак не мог вылезти из своей шкуры. — В Новом Свете я хочу их еще продать за хорошие деньги!

— Прекрасная огранка и прекрасное содержимое, — вежливо заметил Джеральд, пока гости рассаживались, непонимающе косясь на пустые тарелки. — Интересно, а что будет на закуску?

— Сейчас удовлетворим ваше любопытство, — пообещал Стаут, который этим вечером был в наилучшем расположении духа, и не столько потому, что праздновалось Рождество Христово, сколько оттого, что ветер, переменившись с юго-западного на северо-восточный, обещал улучшение погоды.

— С минуты на минуту будет кок с праздничным блюдом.

Не успели отзвучать его слова, как распахнулась дверь каюты и в темном проеме возник карлик, балансируя с огромной кастрюлей в руках.

— Давайте, давайте, мистер Энано, угостите нас этим деликатесом — Стаут был сама воспитанность.

— Уи-уй, господин капитан! — Карлик засеменил к столу и оделил собравшихся. Когда его круг был завершен, у каждого на тарелке дымилась клейкая бурая масса, в которой различались белые вкрапления хрящиков.

— *Nil affhios agam, nil affhios agam*, — нарушил молчание О'Моррейн. — Не знаю, что это за супчик!

Магистр понюхал, сморщил нос и заносчиво изрек:

— Народ Израилев, господин капитан, который вы упомянули в своей молитве, похоже, снабжался Господом несколько приличнее, чем мы: *«И нарек дом Израилев хлебу тому имя: манна; она была, как кориандровое семя, белая, вкусом же как лепешка с медом...»*

— С чего это вы взяли, господин Магистр? — Казалось, ничто не может поколебать благодушного расположения духа скупца. — Вы попросту не знаете, что перед вами! Это нечто божественное. «Суп путника» называется.

* Боже, храни королеву! (англ.).

— «Суп путника»?

— Именно — «суп путника». Благодатный дар и достойная вечеря для праздничного рождественского стола. — Он, похоже, не брал в голову, что ободранный стол красного дерева с дешевыми стеариновыми свечами никак не выглядел празднично, скорее скудно и убого. — Бочки по дюжине стоунов «супа путника» производятся в Лондоне, Плимуте и других портах. Для этого кушанья берутся свиные и говяжьи кости, хрящи, сухожилия, копыта, глаза и прочее; и все это разваривается до густого клейкого бульона, который потом разливается по формам. — Стаут зачерпнул полную ложку, подул, чавкая, распробовал и блаженно закатил глаза.

Магистр едва слышно попенял:

— Вареву выглядит как столярный клей.

Остальные гости просто лишились языка. Первой наплась Феба, которая, презрительно сморщившись, заявила:

— Это свиное дерьмо я есть не стану, господин капитан. Говорите, что хотите, но свиные копыта не по мне!

Стаут растерялся:

— Но... но... Может, мне не стоило перечислять ингредиенты этого супа, однако должен заметить еще одно немаловажное достоинство «супа путника». Если его правильно хранить, оберегая от влаги и плесени, то он не потеряет своего качества долгие годы, даже в море. Просто отважьтесь, пусть и скрепя сердце, глотнуть первую ложку и тут же поймете, что ничего вкуснее в жизни не пробовали! Куда смачнее своих составных частей. По вкусу он напоминает... — На этот раз Стаут и вправду заглотил ложку и оторопел: «суп путника» и в самом деле был необычайно вкусным. — Он напоминает...

И прежде чем скряга подыскал подходящее сравнение, вмешался карлик. Все это время он стоял, как и положено, у двери, а тут пропищал:

— Уи-уи, господин капитан, прям бараниной несет!

— Точно! Баранину. Хотя ягнята обычно не используются для «супа пу... — Ужасное подозрение заставило Стаута молчать. Он поднял глаза на «недоноска» и наткнулся на два крохотных блуждающих огонька, насмешливо метящих ему прямо в зрачок.

И тут одновременно произошли сразу две вещи: Стаут хотел было вскопичить и задать трепку коварному гному, но жуткая, непереносимая боль рванула его назад. Как будто горячий крепкий бульончик прожег его кишки и выплеснулся прямо в мочевой пузырь. Мука была такой невыносимой, что он, тоненько проскулив и сминая руками живот, хлопнулся головой об стол.

Никто и глазом не успел моргнуть, как Витус уже был возле него.

— Что с вами, сэр?

Стаут смог только простонать в ответ.

— Схватило живот?

Стаут прохрипел:

— В низу живота. Ужасно. О-о-о! Мне надо посса... Простите, дамы! О-о-о!

Витус сильным, но бережным движением помог капитану подняться. Его пронзила нехорошая догадка, хоть он и надеялся, что она не подтвердится.

— Так, давайте я помогу вам на другой стульчак... Вот, за навеску... — Витус поддержал Стаута, который мог передвигаться только маленькими шажками. Они успешно достигли цели, где хирург тотчас же развязал пояс капитана и стянул с него панталоны.

— Сядьте на край и откиньтесь назад.

Скупердай выполнил распоряжение, насколько смог. Боль все еще острым ножом резала нижнюю часть его живота. Она исходила от мошонки и распространялась от паха по всему тазу.

— Магистр, быстро принеси мой короб и сундучок с инструментами! Мистер Джеральд и мистер О'Могрейн, задержитесь, вы можете мне понадобиться! Энано, убери со стола и унеси этот... э-э... суп! Обоих дам попрошу покинуть каюту. Ваше присутствие здесь было бы за гранью приличия.

Феба и Филлис незамедлительно покинули помещение, как ни странно, без едких замечаний бойкой на язычок Фебы. Только Филлис отозвалась как эхо:

— Да-да, неприлично.

Вскоре подошел Магистр со всем необходимым. Догадка, которая осенила Витуса с самого начала, за это малое время переросла в уверенность. Стаут испытывал боль в низу живота, к тому же позывы к мочеиспусканию, которые были напрасной потугой.

— Сэр, боюсь, что у вас крупный камень в мочевом пузыре, а может, и несколько. Именно он доставляет вам страдания, потому что перекрыл мочеточник.

Стаут мученически кивнул. На какое-то время боль отпустила и перестала скручивать его потроха.

— Что... что вы можете сделать?

— У вас уже бывали подобные приступы? — ответил Витус вопросом на вопрос.

— Два или три раза. Но не так сильно. Ничего похожего!

— А вы случайно не замечали, что моча имела после приступов розоватый оттенок, как если бы к ней примешалась кровь?

— Ну, наверное, да. — Стаут постарался сконцентрироваться. — Да, было такое... как-то. Я еще тогда перепугался... А потом снова все было нормально.

Витус осторожно прощупал область живота ниже пупка. Твердая отдача при пальпации мочевого пузыря подтвердила его диагноз.

— Причиной мочеиспускания с примесью крови могут быть камни, которые проникают с мочой в мочеточник и ранят его. Вы должны иметь в виду, что камни бывают разной величины, от ничтожно малых до размеров грецкого ореха, и имеют различные оттенки, от светло-желтого до коричневатого. Никто не берется определить, отчего они образуются и почему так разнятся. Если вы хотите знать мое мнение, то могу сказать, что считаю причиной всего этого пристрастия в питании. Но это только мое предположение...

Витус намеренно так подробно распространялся о характере заболевания, потому что на собственном опыте убедился, что на больного действует успокаивающе, если ему обстоятельно и рассудительно изложить подоплеку его недуга.

Внезапно Стаут выкинул руки вперед и сжал локти Витуса, как в тиски. Его обуял новый приступ боли. Витус с трудом высвободился.

— Магистр, быстро, дай мне тот пузырек в глубине, где лауданум, и бокал с вином капитана.

Он быстро накапал в вино опиумосодержащую настойку и велел Стауту выпить. Пару минут спустя черты лица несчастного скупца расслабились.

— О, Отец наш, сущий на небесах, слава Тебе! Отпустило! — выдохнул он.

— Сможете помочиться? — обратился Витус к Стауту, все еще торчащему на толчке.

Тот с напряженной миной постарался исполнить указание, но ни малейшее журчание не свидетельствовало об успехе его усилий.

— Вы по-прежнему испытываете давление на мочевой пузырь?

— Ага, и какое! И все время хочется, такая тяжесть в животе!

— Хорошо. Сейчас нам придется провести процедуру, сэр, которая не слишком вяжется со статусом капитана. И все-таки вам надо будет потерпеть. Попробуем?

— А что вы хотите сделать?

Витус подробно объяснил ему.

Немного погодя Стаут неуклюже пытался сделать стойку на голове, а Джеральд и О'Могрейн держали его за ноги, рывками дергая вверх: была надежда, что камень сдвинется от встряхивания и освободит канал мочеточника. Наконец после дюжины бесплодных попыток Витус с сожалением сказал:

— Мочевой пузырь, сэр, — это орган с ограниченной возможностью растягиваться. Мы не можем в бездействии наблюдать, как он, все более наполняясь от непрерывной работы почек, грозит лопнуть. Поэтому я должен сделать камнесе-чение.

Стаут застонал:

— Господи помилуй, а это еще что такое?

— Я сделаю надрез на коже пониже мошонки, чтобы добраться до камня.

— Меня разрезать?! И думать забудьте!

— Сэр, — Витус заговорил настойчивее. — Вы предпочитаете лопнуть с целехоньким телом?

— А? Нет, конечно, нет. А по-другому нельзя?

— Я мог бы катетеризировать вас. Но это даст только временный эффект. Рано или поздно камень снова перекроет мочеточник.

— Ну что ж, — безнадежно вздохнул Стаут. — Давайте режьте, с Божьей помощью.

— Хорошо.

Витус дал себе время собраться. Операция по удалению камня вовсе не была легкой прогулкой. Она требовала мастерства, наивысшей степени концентрации и крепких нервов.

— Магистр, вынь из гальюна бадью и отставь ее в сторону. Хорошо. Теперь раздобудь два фонаря и повесь их вот сюда, мне нужно больше света. — Он повернулся к капитану:

— Сэр, будьте добры снова сесть на стульчак и расслабиться. Мистер О'Могрейн, отодвиньте, пожалуйста, занавеску, она будет мешать. Мистер Джеральд, мне нужен канат длиной футов в пять с петлями на обоих концах. Диаметр каждой должен быть примерно пять дюймов.

— Можете на меня положиться, хирургик. — Джеральд, не задавая лишних вопросов, поспешно вышел.

И все же прошло еще немало мучительных минут, пока Стаут, которого по-прежнему скручивали приступы боли, был готов к операции.

Витус встал перед ним, продел в обе петли принесенного Джеральдом каната ноги больного и поднял петли до подколенных впадин. Затем нагнул голову Стаута вперед, чтобы канат натянулся до плеч и лег вокруг шеи. Когда капитан со стоном попытался снова распрямиться, то машинально подтянул колени к животу.

— Канат — это мера предосторожности, — пояснил Витус трем своим помощникам.

Они стояли вокруг больного, готовые к выполнению каждой своей функции. Джеральд, за спиной капитана, должен был одной рукой поддерживать его в вертикальном состоянии, а другой, захватив снизу, приподнять мошонку. О'Могрейн и Магистр, один слева, другой справа, разводили Стауту колени.

— Я вполне полагаюсь на вас, джентльмены, — продолжал Витус. — Но пациенты с подобным заболеванием часто бывают непредсказуемы. Для того и нужен канат, чтобы помешать больному нечаянно опустить ноги.

Все трое кивнули. На их лицах застыло напряжение. Несчастный скупец стонал так, что разжалобил бы и камень.

Витус отступил на пару шагов и еще раз перепроверил приготовленные инструменты. Все необходимое было под рукой. «Слава Богу, корабль идет ровным ходом, — подумал он. — Операция и так будет не из легких!» Он накапал безвольно торчащему Стауту еще порцию лауданума и глубоко вдохнул:

— Ну, джентльмены, крепко держите? Хорошо. Тогда приступим.

Мошонка Стаута была высоко задрана вверх и открывала доступ к промежности — области между основанием мошонки и анусом, густо поросшей волосами. Магистр подал Витусу хирургический резак, и тот тщательно выбрил место предстоящей операции. Резак вернул на место. То, что предстояло теперь, было мало приятным, но неотвратимым. Он встал на колени перед пациентом, густо смазал мазью указательный и средний пальцы левой руки и просунул их глубоко в задний проход, под углом вверх. Через некоторое время ему удалось достигнуть мочевого пузыря. Тот был довольно полным. Витус искал, обследовал, прощупывал, и наконец под кончиками его пальцев оказалось нечто твердое. Есть! Вот он, виновник всех мук! Витус начал так перебирать пальцами, чтобы подогнать камень вплотную к промежности. Через какое-то время и это ему удалось.

— Камень капитальной величины!

— Тебе нужен литотом? — спросил Магистр.

— Да.

Не отрывая взгляда от оперируемого места, Витус протянул руку назад, и Магистр вложил в нее инструмент. По сути, литотом объединял в себе два инструмента: с одного конца он представлял собой нож, на другом имел крючок. При операциях, подобной этой, литотом был незаменим, потому что хирургу приходится много раз надрезать и столько же раз раздвигать края разрезанной ткани. Имея в руках литотом, ему надо всего лишь поворачивать инструмент другой стороной, не теряя драгоценного времени. Витус, примерившись, сделал пробный неглубокий диагональный надрез.

— А почему не прямой, от мошонки к анусу? — с любопытством спросил Магистр.

— Разрезая по диагонали, я увеличиваю длину разреза и таким образом величину отверстия, — ответил Витус и приступил к операции.

Стаут в полубессознательном состоянии резко дернулся, но Джеральд, О'Могрейн и Магистр держали его железной хваткой. Витус разрезал все глубже, одновременно проталкивая камень вперед пальцами левой руки. Он уже прошел кожу и вонзился в лежащие под ней ткани. Витус регулярно перево-

рачивал инструмент, чтобы раздвигать края раны и определять, насколько глубоко продвинулся камень.

Наконец перед ним открылась стенка мочевого пузыря. Одним точным движением Витус вскрыл его. На его руки полилась моча, но он не обращал на это внимания. Снова и снова переворачивал он литотом, чтобы раздвигать края раны. Пошевеливая пальцами в прямой кишке, он внимательно смотрел в разрез, но камня все еще не было видно. Еще один осторожный надрез, и снова в дело вступал крючок.

— Есть! Вот он!

Его пальцы сделали последний толчок, и камень, проскочив в расширенное отверстие, со стуком ударился в подставленную бадью.

— Ну и выросил! — удивленно воскликнул Магистр. — С хороший боб.

— Надо будет потом достать его, — усмехнулся Витус. — Вдруг капитан захочет сохранить его на память. Сэр, вы меня слышите?.. Сэр!

Стаут безвольно кивнул. Он все еще был в одурманенном состоянии.

— Сэр, поздравляю вас! Вы выдержали испытание!

Стаут снова кивнул, но было неясно, вполне ли он понимает, что ему говорят.

— Думаю, поздравлять надо вас, хирургик! — раздался сверху голос Джеральда. — А как долго мне еще держать... э... мшонку? У меня уже рука затекла, и я...

— Еще минутку, мистер Джеральд! — Витус повернулся к Магистру. — Ты приготовил льняные ленты?

— Само собой, великий хирургик!

— Ладно тебе! Спасибо.

Витус обследовал рану. Каждый раз его просто завораживало, как быстро свертывается кровь при порезах на некоторых частях тела. Всего несколько капель красной жизнетворной жидкости просочились на поверхность. Он промокнул их тампоном и наложил повязку таким образом, чтобы края разреза соединились внахлест. Закончив работу, он устало распрямил спину.

— Мистер Джеральд, теперь можете отпускать.

Первый помощник со вздохом облегчения высвободил руку. Витус похлопал Стаута по щекам:

— Сэр, вы меня слышите?

— Да, хирургик, — с трудом проворчал капитан все еще непослушным языком.

— Хорошо. Тогда слушайте внимательно: я наложил вам повязку, которую нельзя трогать по меньшей мере два дня. В эти дни вам категорически запрещается вставать на ноги. Самое лучшее, если вы проведете это время в постели. Принимать

можно только легкую пищу, не содержащую жидкости и не провоцирующую накопления газов. Питье лишь по мере необходимости. Лучше совсем не пить. Вы меня понимаете?

— Да, хирургик. А что это за пища?

Витус поразмышлял:

— Ну, скажем, галеты или сухари. И то и другое можно помочить в вине, чтобы было легче глотать. Конечно, пища не из тех, что обычно рекомендуют больному для выздоровления, но вы в ближайшие дни так и так будете много спать под действием лауданума.

— Да, хирургик, как скажете.

— Через два дня я сменю вам повязку. Перед этим вы в первый раз после операции помочитесь, но пока что только через рану. Это удобный случай, чтобы вымылись другие камешки и более мелкие частицы, так называемый песок, которые могли остаться в мочевом пузыре. А после этого я буду менять вам повязку по мере заживления. Через неделю, думаю, вы уже сможете мочиться нормальным образом, но пока что придерживая рану. Через две недели и в этом не будет необходимости.

Стаут облегченно засопел и на мгновение задумался, не вернуть ли ему хирургике те три фунта, что он взял за переезд, в знак благодарности и в известной степени в качестве гонорара. Но тут же отбросил эту мысль.

Настолько благодарным скупец себя уже снова не чувствовал.

ШТУРМАН О'МОГРЕЙН

Представим на мгновение боевой галеон разодетой в шелка, увешанной драгоценностями благородной гамой, заносчиво-жеманной и с острым язычком. Тогда наш «Галант» — дюжая добродушная служанка, пусть и в потрепанном платье, но порядочная, прилежная, со здоровым нутром...

Дай Бог, чтобы у Баркса была не малиновая зараза, — вздохнул Витус. Они с Магистром стояли в отгороженном углу матросского кубрика и рассматривали кока, с ног до головы завернутого в одеяло. Жар за последние дни у него спал, и это было причиной того, почему в Фуншале его не списали на zemлю. Но вскоре после выхода в море все его лицо покрылось бесчисленными маленькими пустулами малинового цвета. Обследовав тело больного, Витус установил, что сыпь распространилась и на руки, и на туловище до пояса. Витус отвернулся, чтобы больной его не слышал:

— Я не перенесу, если это снова безнадежный случай!

Действительно, Эткинс, один из двух больных лихорадкой, еще до прибытия в Фуншалу отдал Богу душу, и Стаут, который

к этому времени снова чувствовал себя отлично, приказал как можно скорее предать останки несчастного морской стихии. Просьба палубного матроса Амброзиуса провести богослужение с чтением Библии была отклонена. Скупец, который не намерен был больше терять ни часа, взял и здесь бразды правления в свои руки и отчитал следующее:

Объяли меня муки смертные, и потоки беззакония устрашили меня; цепи ада облегли меня, и сети смерти опутали меня.

В тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему воззвал. И Он услышал от чертога Своего голос мой, и вопль мой дошел до слуха Его...

— Предаем в руки Твои, о Господи, душу матроса Эткинса и молим Тебя дать ему жизнь вечную! Амен!

Как обычно, псалмы Давида, где что ни строка, то живое слово на все случаи жизни и смерти, выручили его.

Второй больной, матрос по имени Эллис, потихоньку выздоравливал, хотя Витус констатировал и в этом случае все признаки черной рвоты. Такой поворот служил ему некоторым утешением — значит, этот слывущий смертельным бич человечества не всегда ведет к летальному исходу.

— Расскажи-ка мне о малиновой заразе, — попросил Магистр. — Она *incurabilis*?

Витус вздохнул:

— Ее еще называют фрамбезией, от французского *framboise*, что тоже означает «малина». Это очень опасное инфекционное заболевание, которое пришло к нам из Новой Испании. Именно поэтому в моей настольной книге «*De morbis*» о нем ничего и нет. В своем течении малиновая зараза, как и сифилис, проходит многие стадии, которые могут затягиваться на годы. А раз так, то я полагаю, что для ее лечения годится та же терапия, что и при сифилисе, то есть регулярные ртутные втирания. Как мне видится, кок уже давно страдает фрамбезией, а вдобавок к ней подцепил еще и лихорадку. Возможно, и то и другое он привез из Новой Испании. Но теперь уже неважно, как он заразился. Главное — соблюдать строжайшие меры предосторожности.

— Понятно. Хорошо еще, что ты его, так же как и двух других, сразу изолировал. А то сколько бы людей еще заболело!

— Тс-с-с, не так громко, Магистр! Матросы ничего на свете так не боятся, как сифилиса и заразной лихорадки. А сейчас пойдем, нас ждут другие пациенты. — Витус бросил на больного еще один сочувственный взгляд, а вслух бодро сказал: — Выше голову, Баркс! Все будет хорошо! Принимай, как я тебе сказал, кантаридин, и пусть тебе дают обильное питье. Пей свежей воды столько, сколько сможешь. После Фуншалы у нас ее предостаточно.

Баркс пробормотал что-то невразумительное и плотнее за-
вернулся в одеяло.

— Ладно, пойдем, Магистр, посмотрим, что у нас сегодня.

Витус, а за ним в кильватере маленький ученый направились в другую часть кубрика, где уже выстроилась целая очередь матросов, терпеливо ожидающих их. Как и все матросы мира, они были рады перерыву в тяжелой монотонной службе, даже если при лечении приходилось и пострадать. Витус с удовлетворением отметил, что все члены команды, больные и здоровые, выглядели гораздо лучше, чем еще несколько недель назад. Не напрасно он закупил в Фуншале на свои средства, естественно, свежие овощи и мясо! Цвет лиц членов команды радовал, а десны стали крепче, и гематомы на них исчезли.

— Как твоя экзема, Робсон? — обратился Витус к первому в очереди.

— Да так себе, хирургик, — матрос вытянул правую руку, кожа на которой выглядела воспаленной, красной и растрескавшейся.

— И все так же чешется?

— Мм... ну, сэр, может чуток получше.

— Давай посмотрим. — Витус склонился над рукой.

Большинство матросов страдали застарелыми экземами и лишаями. Они воспринимали эту напасть как Богом данную, как и цингу. Витус уже в первые дни понял, что виной тому были условия, в которых эти люди владели существованием: плохое однообразное питание, влажный воздух в подпалубном помещении, едущая соленая вода и редко просыхающее белье. Удивительно, что при всем этом команда худо-бедно подчинялась дисциплине. Но, с другой стороны, куда было деваться? Кто не проявлял послушания, быстро отведывал плетки, а то и хуже — на него накладывали кандалы. Свежих продуктов люди не видели долгими месяцами, зато вдоволь хватало соленой воды — того и другого было тоже не изменить, так что единственное, что оставалось Витусу, — это приучать матросов чаще менять белье, рубашки и штаны на сухую одежду. Но это тоже было легче сказать, чем выполнить, потому что у многих всего и было одежды, что на себе. Кроме этого, по уговору с Джеральдом, Витус потребовал, чтобы кубрик на протяжении всего дня держали открытым, хотя бы при хорошей погоде. А позже распорядился сшить из старой парусины ветровой конус и повесить его так, чтобы он постоянно гнал в помещение свежий бриз для очищения воздуха от миазмов — ядовитых испарений десятков тел.

Что еще оставалось делать, так это ежедневно осматривать и лечить команду. Витус не мог прописывать ванночки из молочной сыворотки, этой крайне полезной жидкости, из-за полного отсутствия таковой и поэтому обходился известковым по-

рошком и смесью ланолиновой мази с маслом на зверобое. Оба средства он приобрел в Фуншале.

Экзема у Робсона была сухого типа, поэтому Витус втирал ему в руку мазь.

— Не спускай рукав до тех пор, пока медикамент полностью не впитается! — напомнил он матросу.

— Да, хирургик! Спасибо, хирургик!

Мокнувшие экземы Витус пользовал известковым порошком, оставаясь верным учению великих, что мокрое побеждается сухим, а сухое — влажным.

Кроме экзем и лишая наиболее частые жалобы были на компрессионные и рваные раны: матросы каждый день выполняли свой тяжкий труд.

Когда Витус с помощью Магистра закончил обрабатывать последнего больного, то, к своему удивлению, увидел штурмана О'Могрейна.

— Вот так сюрприз! Надеюсь, вы не пациент, мистер О'Могрейн?

— Боюсь, что должен вас разочаровать, хирургик. — О'Могрейн показал свое левое запястье, которое сильно опухло.

— Двигать рукой можете?

Вместо ответа штурман, очевидно испытывая боль, повертел ладонью в разные стороны.

— Похоже на растяжение сухожилия. Подождите, сейчас!

Витус нанес на больное место болеутоляющую мазь, а Магистр наложил одну из своих знаменитых повязок, которые славились тем, что были тутими, чтобы хорошо держать и держаться, но не настолько, чтобы мешать току крови.

— *Go raibh maith agat!*

Маленький ученый непонимающе прищурился:

— Э... простите, что?

— Спасибо! — расплылся в улыбке О'Могрейн. — Я всего лишь сказал «спасибо».

— Хм. — Магистр блеснул глазами за своими окулярами. — А как будет «не стоит благодарности» на вашем диковинном языке?

— *Ta fáilte romhat.*

— Ну, значит: *Ta fáilte romhat.*

Штурман рассмеялся:

— Ваше произношение оставляет желать лучшего, но для начала неплохо!

Польщенный Магистр поклонился:

— *Go raibh maith agat*, мистер! Вот, возьмите еще эту перевязь и повесьте на нее руку. Увидите, она творит чудеса!

А Витус добавил:

— При условии, что на ближайшие два-три дня вы будете отстранены от работы.

О'Могрейн, который уже было собрался сунуть руку в петлю перевязи, стал чрезвычайно серьезен:

— Но это невозможно, хирургик! Корабль не может без меня обойтись. И пока вторая моя рука еще здорова, я буду исполнять свой долг. Сейчас вот мне предстоит контрольный обход всех палуб, который невозможно отменить, потому что от анализа обстановки зависит наше дальнейшее плавание.

На лбу маленького ученого образовалась глубокая складка:

— Ага, понял. Что ж, сэр, это ваша рука, с которой вы можете поступать, как хотите, но скажите... А как вы посмотрите на то, чтобы мы с хирургом сопровождали вас? Прием окончен, и, насколько я знаю своего друга, он никогда не откажется от такого рискованного предприятия.

— Видит Бог, никогда! — глаза Витуса заблестели.

— Ладно, за мной не постоит, джентльмены. — О'Могрейн уже снова улыбался. Он стремительно повернулся и пошел из кубрика. — Вас не затруднит, Магистр, нести фонарь? *Go raibh maith agat!* Вот увидите, это настоящая акробатика, особенно для человека, который может действовать только одной рукой!

— *Ta fáilte romhat*, штурман.

— Обычно я начинаю инспектирование с трюмов, а затем палуба за палубой снова поднимаюсь на свет Божий. — О'Могрейн, карабкаясь по первым сходням, ведущим вниз, остановился и предупредительно поднял палец:

— Прежде всего берегите головы, джентльмены. Говорю, что знаю по собственному горькому опыту.

После бесчисленного количества ступеней, переходов, дверей из одного отсека в другой, которые они вынуждены были преодолевать в полусогнутом состоянии, троица наконец достигла самого чрева корабля. Витус и Магистр давно уже потеряли ориентацию.

— Господин Магистр, повесьте фонарь вон на тот крюк, — кивнул штурман.

Свет лампы слабо освещал помещение, в котором стоял затхлый запах мяса и застоявшейся воды.

— Мы на самом внешнем боте, в носовой части корабля, — пояснил штурман. — В мешках, которые вы там видите, солонина и бобы. Хотя должен сказать, что неприкосновенный запас солонины у нас не слишком велик, э... думаю, джентльмены, вы догадываетесь, почему.

— Догадываемся, догадываемся, — покивал маленький ученый. — Гоппа! — Он резко отпрыгнул в сторону, потому что нечто стремительное пронеслось, коснувшись его ноги.

О'Могрейн засмеялся:

— Одна из многочисленных крыс. Не обращайтесь внимания, они здесь вездесущи.

Правой, здоровой, рукой он снял фонарь и тщательно осмотрел стены корабля в его неверном свете. Закончив осмотр, штурман довольно пробормотал себе под нос:

— Ты славный парень, мой «Галант»! По крайней мере, довольно крепок в этой части. — Он поставил фонарь и погладил флор с такой нежностью, словно ласкал ножку крутобедрой матроны. — Теперь идемте к транцу!

По дороге к корме — Магистр, конечно, снова нес фонарь — О'Могрейн показал обоим друзьям штабеля старого такелажа, несколько запасных парусов в довольно плачевном состоянии, которое штурман объяснил тем, что Стаут в целях экономии не принял на службу парусного мастера. Далее — большие, лежащие на боку бочки, в которых булькала влага полноводного острова Мадейры, различные грузы, естественно, предназначенные для Нового Света, на которых капитан надеялся сказочно разжиться. Здесь были разнообразные металлические орудия вроде лопат, мотыг, молотов, клещей, за ними нехитрая сельскохозяйственная техника и двенадцать крепко принайтованных четырехфунтовых труб из чистой английской бронзы, которые должны будут принести особый доход. Поодаль несколько ткацких станков, кое-что из одежды всех размеров, обувь, шали, шляпы... — короче говоря, все то, что за океаном не так-то легко достать, а поэтому оплачивается звонким серебром. Самым ценным предметом в этой сокровищнице был клавесин со звучным металлическим тембром, благородный инструмент с резной позолотой. Правда, звук, извлекаемый из него, постоянно был одной силы, сколь усердно ни дави на клавиши.

— Ух ты! А это что такое? — Маленький ученый с любопытством осветил диковинный предмет.

— Музыкальный инструмент, господин Магистр, — ответил штурман, который как раз проверял, надежно ли закреплен дорогой товар. — Наверное, для жены какого-нибудь богатого плантатора, тоскующей по культуре. Идемте дальше. — Он пошел вперед, обогнул ряды запечатанных винных кувшинов, ящиков с книгами, мешков с семенами и остановился у группы значительно меньших бочонков.

— Здесь, джентльмены, хранится продовольствие для команды. Что в каждом, думаю, не стоит подробно объяснять. Может быть, только пару слов об этом, — он указал на бочонок с резким неприятным запахом. — В нем сыр, но не совсем обычный. Это овечий сыр и притом самого низкого сорта. Уж поверьте мне, запах, который сейчас разносится из этой бочки, ничто по сравнению с тем, что будет через несколько недель.

О'Могрейн умолк, вспоминая, какой дивный овечий сыр умела готовить его мать. Раннее детство его прошло в дружной многочисленной семье: отец, который с раннего утра до позд-

него вечера не разгибал спины, мать — душа всего семейства, и десять братьев и сестер. О'Могрейны не могли похвастать богатой собственностью, но всегда досыта ели, были одеты и обуты. Все рухнуло в одночасье, в год, когда Дональду исполнилось одиннадцать лет. На скот напал мор. У коров поднялась температура, образовывались волдыри на языке, вымени и копытах, они становились слабыми и не могли держаться на ногах. В течение нескольких дней все стадо пало. А потому как у отца не было средств купить новую скотину, зимой настал голод. В кишках урчало, дети сильно ослабели. Но они все-таки как-то пережили эти месяцы.

На следующий год пришли еще худшие времена. Отец больше не мог вносить арендную плату. Пришлось влезть в долги, но и в эту зиму, особенно долгу и суровую, есть опять было нечего. Две сестры О'Могрейна умерли. Он знал, что родители ни за что не отослали бы его из дома, но он сам, двенадцатилетний, ушел. Ушел в большой мир, чтобы в семье на одного едока стало меньше. Расставание далось ему нелегко — его сердце чуть не разорвалось от боли. Ведь он любил близких и любил родину той тихой глубокой любовью, которую не могут выразить никакие слова.

Свои стопы он направил на восточное побережье Зеленого острова, в Белфаст, где поступил юнгой на парусник, который совершал ближние рейсы. Поначалу пришлось нелегко: служба была слишком тяжелой для его возраста. Но зато здесь регулярно кормили.

В последующие годы, шаг за шагом, он дослуживался до все больших высот: овладел искусством навигации, научился читать карты и наконец достиг в своем деле вершин мастерства. Уже дважды он ходил штурманом в Новый Свет и каждый раз уверенно и надежно проводил суда через Атлантику.

— Сюда, Магистр, посветите мне, пожалуйста, сюда! — О'Могрейн задержался в средней части судна и показал на мощный деревянный брус, который доставал снизу ему до бедра. Штурман тщательно проверил его на предмет трещин.

— Это цоколь мачты, он непосредственно соединен с килем под нами и образует опору грот-мачты.

Друзья задрали головы, чтобы разглядеть главную мачту корабля, которая возвышалась над ними столетним дубом.

— Здесь хранятся ядра для наших шестифунтовых. Может, вы обратили внимание, что «Галант» оснащен шестью шестифунтовыми пушками: четыре на правом борту и две на левом.

Магистр направил свет вниз и с любопытством обозрел горой сложенные в загородке ядра:

— Выглядят, как железные кочаны капусты.

О'Могрейн рассмеялся и забрал у него фонарь. Он продолжил обследование на водонепроницаемость, последовательно

освещающая внутреннюю деревянную обшивку в этом отсеке корпуса судна. И снова казался довольным.

— Теперь мы с вами в трюме под кормой. Если бы стенка корабля была прозрачной, вы могли бы видеть перо руля.

Витус и Магистр остановились и осмотрелись. Небольшое помещение в нижней задней части корабля было не особенно примечательным. Кроме пары сетей, издающих тухлый запах, с кусками пробки по краю, служащими поплавками, здесь ничего не было.

— А что под нами? — спросил любознательный маленький ученый, взглянув на доски у себя под ногами.

— Балласт и трюмная вода, господин Магистр. Балласт — это песок и большие камни. Он нужен для того, чтобы при плохих погодных условиях судно не слишком кренилось. По той же причине весь груз на корабле, особенно тяжелый, как, например, бронзовые трубы, которые я вам показывал до этого, размещается как можно ниже.

— А не становится ли «Галант» от этого, как бы сказать... неуклюжим и неповоротливым?

— «Неуклюжим» — не совсем верное выражение, — тщательно подбирая слова, возразил штурман. — Дело в том, что галеоны при шторме склонны к килевой качке, что не слишком хорошо для людей, особенно со слабыми желудками. А с другой стороны, они намного плавучее и быстрее, чем их предшественники — каракки и каравеллы, которые по пропорциям строились много шире. Конечно, наш «Галант» тоже узеньким не назовешь... — О'Могрейн перевел дыхание и заговорил снова: — Представим на мгновение боевой галеон разодетой в шелка, увешанной драгоценностями благородной дамой, заносчиво-жеманной и с острым язычком. Тогда наш «Галант» — дюжая добродушная служанка, пусть и в потрепанном платье, но порядочная, прилежная, со здоровым нутром... Однако обратимся ко второму понятию: трюмная вода находится под нами потому, что дерево — замечательный материал. При жаре оно расширяется, в стужу сжимается. А в результате этого морская вода, которая просачивается через конструктивные соединения, стекает вниз и собирается в трюме — отсеке, который теперь лежит под нашими ногами.

— И которое тоже, определенно, обжито крысами, — закончил Магистр, поскольку одно из этих вездесущих животных снова перескочило через его ногу.

— Можете быть абсолютно уверены. Крысы на корабле — неперенный атрибут, и чем ниже вы спускаетесь в чрево галеона, тем они многочисленнее.

— Да? Могло быть и почище! — вздохнул маленький ученый. — Крысы вообще особая статья. Кто убьет крысу, того они будут преследовать, бросаться на ноги... Послать бы их в преисподнюю!

— Э-э... Что вы имеете в виду?

— Да так, мысли вслух, не обращайтесь внимания. Дайте-ка лучше фонарь, чтобы и я на что-то стодился!

— С удовольствием. — О'Могрейн передал ему фонарь и начал карабкаться вверх по лестнице. — Идите за мной. Наша следующая остановка — орлоп-дек.

В орлоп-деке было не так влажно, хотя все остальное выглядело так же, как в грузовом трюме. Они снова пробирались вдоль длинных рядов ящиков и бочек, пока О'Могрейн не остановился у тяжелой окованной двери.

— Это крыйт-камера, джентльмены. По большому счету она должна бы быть до верху заполненной порохом на случай, если придется обороняться от врага, но здесь вы найдете четыре-пять бочонков, не больше. Недостаточно для боя. — У следующей двери штурман снова задержался и постучал по массивному дереву. — Это оружейный склад. Заперто на замки и засовы. Здесь хранятся несколько мушкетов, мечей, кинжалов и прочего. Капитан Стаут каждый день самолично проверяет, на месте ли запоры.

— Думаю, у него есть на то основания, — усмехнулся Магистр. — А что это там за металлическая труба?

— Это? Трюмный насос. Он тянется вдоль всей палубы. С его помощью мы время от времени откачиваем воду, набирающуюся над килем...

— ...на котором мы недавно стояли рядом с балластом, верно?

— Верно, господин Магистр. Вы внимательный слушатель, — улыбнулся О'Могрейн. — Следует дальше.

Они прошли через нижний люк и оказались в довольно просторном отсеке. Это была парусная, но в ней никто не работал. Чуть погодя, в плотницкой, их встретило радостное: «Приветствую вас, джентльмены!» Навстречу выступил плотник Джошуа Брайд, который с готовностью принялся показывать свою мастерскую. В ее дальнем углу были штабелями сложены бревна, брусья, доски, тес, ядровая древесина, запасной рангоут и много чего другого. По стенам был развешан различный инструмент: стамески, сверла, резцы для тягового строгания, молотки всех размеров.

— Я сейчас как раз работаю с горбылем, чтобы поправить марс на фок-мачте, — рассказывал плотник, снова принаравливаясь к уже острутаным буковым доскам. Он гордо поцокал языком: — Отличное дерево!

— Хорошо, Брайд, трудитесь дальше, — дружески кивнул ему О'Могрейн. — Не будем вам мешать.

Они поднялись на батарейную палубу, где уже было столько света, что фонарь не требовался. Их взору предстали тяжелые медные шестифунтовки, тщательно принайтованные. И все же О'Могрейн еще раз основательно проверил каждый канат.

В кормовой части этой палубы штурман указал им на брус, расположенный примерно на уровне плеч:

— Это конец рулевой оси — баллера. Он опускается к нам сверху через гелмпорт и, как видите, коленом соединяется с румпелем. — Витус и Магистр вытянули головы, чтобы лучше разглядеть механизм. — Когда рулевой на палубе над ними поворачивает штангу по правому или по левому борту, движение через шарнир передается румпелю и, соответственно, реагирует руль.

— Что за чудо, эта техника! — воскликнул Магистр. — Но для чего такие сложности? Разве матрос не может просто стоять здесь, внизу, у румпеля?

— Потому что румпелем сподручнее управлять через рулевую штангу, господин Магистр. Закон рычага.

— Ага, понятно. Да простит мне Архимед мое невежество!

Наконец они выбрались снова на верхнюю палубу, где им в лицо тут же ударил резкий бриз. О'Могрейн, как водится, определил погоду, силу и направление ветра и проконтролировал положение парусов, а потом сказал:

— Джентльмены, а теперь, если позволите, мне нужно на командную палубу. Через полчаса пробьют склянки к полуденной вахте, а до тех пор нужно успеть еще кое-что сделать. Прошу меня извинить.

— О, конечно, мистер О'Могрейн. — Магистр блеснул глазами из-за толстых стекол. — Но не уходите, прежде чем примете нашу особую благодарность. Это было чрезвычайно интересно, поучительно и... э-э... слегка жутковато.

Витус, обняв друга за плечи, согласно кивнул:

— Честное слово, господин штурман, так оно и есть. Это было действительно впечатляюще. Теперь «Галант» стал нам ближе, почти что старый друг. А посему: *Go raibh maith agat!*

— *Tá fáilte romhat!* — улыбнулся О'Могрейн.

ПИРАТ ДЖОН-ЧЕЛЮСТЬ КАТТЕР

Я — Челюсть! И, прежде чем ты умрешь, тебе будет дозволено послушать мою песню!

Двумя днями позже, а именно 19 января 1578 года, на расстоянии всего пятидесяти миль западнее «Галанта» с попутным ветром мчался другой парусник. Это был боевой корабль поколения *New Fighting Galleons**, одна из жемчужин английского кораблестроения. Он равнялся ста пятнадцати футам в длину, а его грот-мачта, равно как и фок-мачта, гордо несли по три пря-

* Новых боевых галеонов (англ.).

мых паруса; к тому же ради лучшей маневренности еще две мачты на корме красовались латинскими парусами, и впереди, на бушприте, раздувался огромный парус.

Галеон был быстрым и маневренным и тем не менее хорошо вооруженным: шестнадцать тяжелых пушек по восемь с обоих бортов батарейной палубы, двенадцать более мелких шпрингалов на главной палубе и, не в последнюю очередь, шесть мортир, равномерно распределенных по всей длине фальшборта.

«Виджиленс»*, корабль превосходный во всех отношениях, сошел со стапелей *алло* 1570 под ликование народа. Был у него только один недостаток, и немалый. Теперь он назывался «Тормент оф Хэлл»**, и английский флаг с красным крестом на белом поле, который когда-то гордо развевался на его мачте, давно исчез. Его место занял пиратский флаг — черное полотнище с двумя белыми перекрещенными костями, а над ними вместо обычного на пиратских кораблях черепа — одна громадная нижняя челюсть с оскаленными зубами.

Человек, который командовал под этим флагом, стоял сейчас на главной палубе в окружении своих сотоварищей и обводил взглядом толпу, требуя тишины. Тот, кому не приходилось видеть его раньше, при встрече с ним сразу бы понял, почему его флаг выглядел так необычно. Потому что сам он был обладателем челюсти щелкунчика — широкой, зубастой, перемалывающей все.

Он вымахал крупным, тяжеловесным и, вооруженный до зубов, своим видом внушал панический страх всякому. Шпагу, которая висела в позолоченных ножнах на одном его боку, с другого боку дополняла острая как бритва рапира; спереди всем на обозрение за пояс были заткнуты два огромных разбойничьих пистолета и кинжал дамаской стали. Но мало кто знал, что этим арсенал капитана далеко не исчерпывался. В каждом сапоге у него было спрятано по остроконечному стилету, а на спине, промеж лопаток, под камзолом и рубахой — нож, на крайний случай. Кто бы ни намеревался победить Джона-Челюсть Каттера, должен был одолевать одно оружие за другим, а это пока никому не удавалось. Поэтому Джон-Челюсть и был до сих пор неизменным предводителем и капитаном на этом корабле.

Он вытащил из-за пояса кинжал и коварно улыбнулся, глядя, как двое его людей схватили одного из своих и потащили к грот-мачте.

— Ты меня обворовал, Хьюитт, — произнес он сладко, как если бы делал комплимент красивой женщине.

* От англ. *vigilance* — бдительность.

** От англ. *torment of Hell* — муки ада.

Хьюитт, молоденький, едва вышедший из отрочества парнишка нежной наружности, взвился, но тут же был грубо скручен за руки.

— Нет, Челюсть, нет! Я ничего не крал у тебя! Клянусь своей бессмертной душой, это был не я! Поверь мне!

Джон-Челюсть кивнул. «Конечно, не ты, маленький засранец, — подумал он. — Я точно знаю, что это были Смит и Эванс, оба сейчас вон как стараются держать тебя. Это они сперли алмазы из моей каюты. Только вот, башка твоя стоеросовая, и тот и другой в авторитете на борту и строят мне козни, поэтому-то я уж лучше покараю тебя, бабду. Я ученый: никогда не затевай боя, пока не уверен, что выиграешь его! А со Смитом и Эвансом я еще не на той позиции. Парочка доносов отсюда, парочка ябед оттуда, пара угроз — и я покажу им, с кем они имеют дело! С живых шкуру спущу! Так пусть до этого не подозревают, а то мало ли что взбредет им в голову! Жаль, засранец, но придется тебе поплатиться!»

А вслух он сказал:

— Ты украл у меня алмазы, Хьюитт. Прошлой ночью. Ты пробрался в мою каюту, пока я был на палубе, и стибрил их. Смит и Эванс тебя видели, так, парни?

Оба мазурика удивленно вытаращились, а потом ревностно закивали:

— Да, да, Челюсть, так оно и было! Да! Да, точно, да!

— Вот видишь? А знаешь, Хьюитт, как мы поступаем с такими, как ты? — Его взгляд озверел, глаза налились кровью. — Давай, Смит, придави правую руку этого собачьего отродья к матче!

Смит повиновался, хоть это было и нелегко, потому что Хьюитт отчаянно сопротивлялся, выкрикивая при этом:

— Это не я, Челюсть! Клянусь Богом, это был не я! Обыщи меня, обыщи мою койку, мой сундук — все обыщи! У меня нет твоих алмазов!

Джон-Челюсть обвел тяжелым взглядом своих людей, его нижняя челюсть задвигалась.

— Кто-то из вас верит тому, что мелет это собачье отродье?!

Многоголосое «нет!» раздалось ему в ответ. Джон-Челюсть с высоко поднятым кинжалом двинулся к матче. В глазах Хьюитта плескался дикий ужас. И под рев всей банды главарь вонзил свой кинжал прямо посередине ладони паренька. Клинок намертво пр игвоздил руку «вора» к грот-матче. Хьюитт издал такой страшный крик, что и у видавших виды пиратов кровь заледенела в жилах.

Челюсть Джона-Челюсти работала безостановочно:

— Ты знаешь правила, Хьюитт. Если сможешь самостоятельно освободиться в течение часа, отделаешься только испугом, нет — так... — предводитель скрылся из виду.

— Хьюитт, бедный сукин сын, а, Том? Это, конечно, был не он. Дьявол его знает, кто мог это сделать, да только не бедный сукин сын, этот бедолага Хьюитт...

— Тс-с-с, Джимми! Вот дойдет до ушей Челюсти! Думаешь, если ты плотник, так он даст тебе спуску, да? Не пыжься! Коли Челюсть рассвирепеет, он любого из нас разделает под орех.

Оба немолодых уже человека, плотник Джим и его подручный Том, стояли у палубного прохода на правый борт, возле двери, ведущей к фальшборту, которую они только что сняли, чтобы заменить обвязку. Прежде оба служили на торговом судне, захваченном пиратами «Тормент», и в живых им удалось остаться только потому, что Джон-Челюсть надеялся, что они смогут изготовить ему новое фигурное украшение для носа галеона, которое он им подробным образом описал. Это должна была быть резная фигура дьявола с крючковатым носом и выдвинутой вперед тяжелой нижней челюстью. Вот уже час они работали здесь и вынуждены были наблюдать, как Хьюитт, выбиваясь из сил, пытается левой рукой вытянуть кинжал из грот-мачты, чтобы спасти себе жизнь. Паренек совсем обессилел от боли и кровопотери, потому что Джон-Челюсть глубоко всадил клинок не только в дерево, но и в его руку, и теперь, после множества тщетных попыток, осел и сдался.

— Вон Челюсть возвращается! — с горечью воскликнул Джим и показал в сторону кормы, где появился предводитель в сопровождении своей разномастной своры.

— То, что сейчас будет, не для моих глаз, — пробурчал Том. — Ты как хочешь, Джими, а я смываюсь! — и действительно исчез под палубой.

А Джим остался. Он даже не знал, почему, но какое-то подспудное чувство заставило его это сделать.

Джон-Челюсть в несколько размашистых шагов подошел к Хьюитту, который сейчас являл собой комок боли, крови и слез, и одним мощным рывком выдернул свой кинжал.

— Люди, все видели, что вору не удалось высвободиться, чем он и подтвердил свою виновность! — обратился он с каменным взглядом к толпе. — Смит и Эванс, за борт эту паршивую собаку!

Оба мазурика подняли Хьюитта, который сам уже не держался на ногах, бесцеремонно перегнули его через поручни и сбросили головой вниз в море под раскатистый хохот остальных головорезов.

— И так будет с каждым, кто попытается меня обокрасть! — Джон-Челюсть энергично заработал челюстью, остановив неподвижный взгляд на Смите и Эвансе. — Будет кормить акул! Запомните это все!

Он только-только собрался разойтись в полную силу, как его отвлек зычный выкрик с марса:

— Эге-е-й! Позади слева по борту па-а-арусни-и-ик!

— Точнее, где? Разрази меня дьявол!

Несмотря на все свое тяжелое вооружение, Челюсть с поразительным проворством начал карабкаться по выбленкам на грот-мачту — он должен был видеть добычу своими глазами! Вся банда рванула за ним. И как только все взоры устремились в ту сторону, где на горизонте белело крохотное пятнышко, Джим, плотник, развернулся в противоположную. Он никак не мог оторвать взгляда от одиноко чернеющей фигурки на глади бесконечного моря, которую все дальше относил от корабля. Не слишком раздумывая, он воспользовался моментом: с натугой поднял тяжелую дверь и через отверстие в фальшборте бросил ее за борт. Со страшным грохотом, задевая все, что можно было задеть, она пролетела вдоль корпуса корабля и, ударившись под конец об обшивной пояс, плюхнулась в воду, подняв фонтан брызг. Только теперь до сознания Джима дошло, что он сотворил. Если Челюсть заметил, как он... Господь всемогущий! Скованный ужасом, Джим кинул взгляд на другой борт судна, где предводитель стоял высоко вверх на вантах и, приставив ладонь ко лбу, выслеживал будущую жертву.

— Это торговец! — заорал он вниз своим сподвижникам. Происшедшего на правом борту он не заметил. — Жирный торгаш! Может, даже из Англии, не могу разобрать флаг! Ну, братва, зададим ему жару!

Джон-Челюсть подумал о том, что в прошлом году им не выпадало удачи выследить и разграбить ни одного испанского галеона с сокровищами. В придачу к сплошной невезухе в Новый год они имели несчастье угодить в такой неистовый шторм, что их угнало за сотни миль от Антильских островов, на восток, в открытое море. Ему срочно был нужен фарт, хотя бы для того, чтобы держать на поводке таких негодяев, как Смит и Эванс. Покуда ему удавалось сдерживать грызню и не подпускать никого к себе близко, действуя то мытьем, то катаньем. Но где свора собак, там зайцу смерть, и рано или поздно может дать осечку даже самое грозное оружие. Неудачливый вожак — считай мертвец. Все они одного пошиба! Стоит только почуять кровь, и налетят, как коршуны, на подстреленного рогатого! Тот парусник за кормой — его он бросит им на растерзание!

Джон-Челюсть не спеша спустился вниз на палубу, обвел взглядом свой сброд и рявкнул:

— Чертов торгаш принесет нам удачу!

А потом сделал то, о чем ходила молва по всей Карибике: выдвинул вперед квадратный подбородок и с хрустом вывихнул челюсть. Пираты сгрудились, ухмыляясь в предвкушение того, что сейчас произойдет. А Челюсть принялся клацаньем костей выбивать мотивчик, немудреный, но оглушительный из пяти-шести звуков разного тона, который тут же подхватил каждый из его подпевал. Потому что это была их песня!

*Pirate's blessing
is striking,
is burning,
... is ago-ni-zing!*

*Pirate's blessing
is hunting,
is robbing,
... is vio-la-ting!*

*Pirate's blessing
is slitting,
is killing,
... is maha-ssa-cring!**

Когда песня кончилась, Джон снова вправил свою челюсть и, потрясая кулаком, издал клич:

— «Тормент оф Хэлл» не посрамит своего имени! Зададим торгашу адовых мук! Готовьте корабль к бою!

— Канарское течение за последние дни здорово продвинуло нас на юг, мистер О'Могрейн. Когда вы собираетесь установить новый курс и подналечь? — Стаут стоял подле штурмана на баке, плотно сжав веки.

Море было беспокойно. Беспорядочно пересекавшие друг друга водные потоки разного направления гнали рябь.

— Еще две склянки, сэр, проследуем по течению, а потом возьмем прямой курс на запад.

— Хорошо, — процедил Стаут, не разжимая век. — А почему мне никто не доложил, что впереди по правому борту на видимом горизонте парус?

— Простите, сэр, но марс на фок-мачте пустует.

Скряге это было хорошо известно. Малочисленность команды не позволяла постоянно держать там человека.

— Похоже, я единственный на борту, у кого глаза на нужном месте, — недовольно пробурчал он.

— Да, сэр.

— Пауэлл должен послать кого-нибудь на грот-мачту, наверх, на рею, если позволите, — ядовито изрек он.

* Для пирата благодать
разрушать,
атаковать,
пре-сле-до-вать!

Для пирата благодать
грабить,

жечь,
кром-м-сать!

Для пирата благодать
убивать,
тер-зять,
распо-тра-ши-вать! (англ.).

Через некоторое время матрос сверху сообщил:

— Трех- или четырехмачтовый галеон, сэр. Берет курс на нас.

— Чьего подданства? — Стаут раскрыл глаза и выпрямился.

— Англичанин, сэр.

Стаут довольно хмыкнул:

— Прекрасно, англичанин! Если он держит курс прямо на нас, мне это на руку. Может, их капитан соизволит мне сообщить нынешние цены на товар в Новом Свете.

Парусник соотечественников между тем значительно приблизился, но его корпус пока еще оставался за линией горизонта.

— Сэр, — начал О'Могрейн, — при всем моем уважении не могу не предостеречь: стоит соблюдать осторожность! Незнакомец может оказаться...

— «Незнакомец» — англичанин! — грубо оборвал его Стаут. — Вы собственными ушами это слышали. Но постараемся развеять ваши страхи. — Он сложил руки рупором и прокричал наверх: — Можешь различить конструкцию судна?

— Нет, сэр! — донеслось с мачты. — Хотя... кажется...

— Ну, что там, каракатица тебя задави?

— Английского типа, сэр!

— Так что, мистер О'Могрейн, корабль английской конструкции под английским флагом! Довольны?

— Э-э... Да, сэр!

Стаут пробурчал себе что-то под нос и предался более приятным мыслям. Два свежих окорока, что он выторговал в Фуншале, всплыли перед его взором. Трата была велика, и он пошел на это только потому, что два окорока продавались едва ли не по цене одного. Стаут подумывал уплести еще пару ломтей нежно прикопченного мяса, порезанных на тончайшие кусочки — с наслаждением, со вкусом! — прежде чем пуститься в разговоры с другим капитаном.

— Если что-нибудь будет нужно, обращайтесь к мистеру Джеральду. Я у себя в каюте.

— Не нравится мне это дело, хирургик! — в который раз сокрушался О'Могрейн. — Чужак от нас на расстоянии каких-нибудь трех-четырех кабельтовых и держит курс прямо на нас, а мы до сих пор не знаем, с кем имеем дело. По типу конструкции он относится к *New Fighting Galleons*, но названия не разобрать, словно его специально затерли. Если бы меня спросили, я бы поспорил, что это «Виджиленс».

Витус, который вместе со штурманом следил за морем, спросил:

— А чего плохого, если это он?

— Весьма подозрительно... Военный корабль не ведет себя таким странным образом.

— А вы уже посылали сигнал «*What ship?*»*, мистер О'Могрейн? — вмешался стоявший поодаль Магистр.

— И не раз. Но чужак хранит молчание. Наблюдатель на марсе вроде бы видел на командной палубе какую-то фигуру, которая дружелюбно махала рукой, однако я не верю такой дружбе. И Джеральд, первый, того же мнения. Сейчас лучше бы свистать боевую готовность, но у него тоже связаны руки. Капитан отдал категоричный приказ не вмешиваться, а также идти тихим ходом, чтобы не проскочить мимо... Вон! Смотрите! Они брасолят, чтобы затормозить и подойти к нам вдоль борта! Могу поклясться, что это «Виджиленс»!

Чужак был на расстоянии не больше четверти кабельтова, когда события последовали одно за другим. Внезапно палуба встречного кишмя закишела людьми — дикого вида, свирепыми, со сверкающим, зажатым в кулаках оружием. Сверху, с марсовой площадки, где сидели стрелки, заговорили мушкетеры, и матросы «Галанта», как цыплята, посыпались с рей. Подкатывались ядра, разворачивались пушки, взвизгивали abordажные крюки и вгрызались в фальшборт «Галанта». Первые пираты перескакивали с корабля на корабль.

*Для пирата благодать
убивать,
терзать,
распо-тра-ши-вать!*

— Это пираты! Проклятые Богом пираты! Матерь Божья! — пробормотал О'Могрейн, непрерывно крестясь. — Это конец!

— Нет, это только начало! — яростно возразил Витус. — Еще не все потеряно. Бежим на верхнюю палубу, там мы сможем дать им достойный отпор!

Он бросился вперед, Магистр и штурман не отставали от него. По дороге на корму они столкнулись с Джеральдом и Пауэллом, которые, стоя среди кучи тел, неистово жестикулируя, отдавали команды. Команды, которые никто не слушал и не бросался исполнять.

— Возьмите на носу пару матросов, Джеральд, спуститесь на нижнюю палубу, вооружитесь и защищайтесь!

Первый офицер вытянулся в струнку:

— Да, сэр! — Ответ, предписанный уставом, но в нынешних обстоятельствах он выражал нечто большее — четкий приказ командира был тем самым, чего ему, офицеру, не доставало.

Вместе с Пауэллом они кинулись на носовую часть судна. А Витус поспешил дальше. Наверх. В их каюту, где хранилось

* Что за корабль? (англ.).

его собственное оружие. Магистр и О'Могрейн по-прежнему были с ним.

— Вот твой нож, сорняк! О'Могрейн, возьмите этот кинжал — все лучше, чем ничего! А для меня моя добрая старая подруга! — он ухватил свою шпагу. — А теперь вперед! И да поможет нам Бог!

Когда они вновь очутились на верхней палубе, пираты перли уже как нескончаемый поток через фальшборт. Рефлекторное движение, которым Витус выбросил вверх шпагу, уловив блеск стали слева от себя, спас ему жизнь. Кирургик отразил удар и отпрыгнул назад. Его противник занял пустующее место, подставив незащищенный бок. Витус, не раздумывая, вонзил шпагу меж ребер.

— О'Могрейн! Взять оружие этого ублюдка!

— Да, сэръ!

Витус помчался в сторону поручней: ограждение за спиной обеспечит им защиту с тыла. Маленький ученый несли рядом, за ним — О'Могрейн. Шпага Витуса со свистом разрезала воздух, а пара точных ударов снискала уважение разношерстного сброда. Негодяи рассыпались по сторонам, уступая дорогу. Бросок. Удар. Взгляд по сторонам. Бросок.

Враг стал осторожнее. Витус загородил товарищей. В мозгу проскочило мимолетное воспоминание об Артуро, *maestro di scherma*^{*}, который так превосходно обучил его своему искусству. Но эта резня мало походила на четкий регламент поединков, которые они проводили с Артуро!..

Под собой, на главной палубе, он внезапно обнаружил Джеральда и Пауэлла с кучкой бесстрашных матросов. Среди них сражался и Робсон. Они фехтовали плечо к плечу, прижимаясь к борту корабля и отражая натиск все умножающихся сил пиратов. «Зачем, Боже всемогущественный, я так старался вернуть ему здоровье, если здесь и сейчас у него отберут жизнь ни за понюшку табака!»

— Джеральд, держитесь! — в отчаянии крикнул Витус, понимая, насколько бессмысленно звучит его призыв в бесконечно накатывающих волнах атакующих.

По крайней мере, самому ему сейчас стало легче: за спиной барьер, по правую и по левую руку отважно сражающиеся Магистр и О'Могрейн. Трое пиратов внезапным рывком ринулись на них. Двое тут же пали от руки его боевых соратников. Витус сделал выпад вперед и продемонстрировал один из своих финтов перед размахивавшим боевой секирой третьим головорезом с черными пеньками гнилых зубов в раззявленном рту. Мерзавец среагировал, как и следовало ожидать, и Витус вон-

^{*} Учитель фехтования (итал.).

зил клинок в его наглую рожу. Магистр со своей стороны довершил дело. Пират отступил назад, но, прежде чем он упал, ко всеобщему удивлению с небес спустился белый покров, который погреб под собой многих, — это был один из латинских парусов, сбитый залпами мушкетов.

На короткое мгновение повисла тишина, все остановилось. А затем бой разгорелся с новой силой. Боковым зрением Витус отметил, что многие из нападавших перепрыгивали обратно на вражеский галеон, сжимая в руках, под мышками, закинув на горб пожитки из пассажирских кают: сундуки, ящики, сумки. Среди них мелькнули и сундучки с нарядами, и шляпные картонки обеих «дам» — Фебы и Филлис. А далее... его короб! Его посох! Его саквояж с медицинскими инструментами! Зачем этой сволочи его вещи?! И как последний штрих в этом карнавале безумия, на пиратский борт поперли огромный окорок, соблазняющий сочными розовыми боками.

— Ну погодите, песье отродье! Я с вами еще посчитаюсь!

Безостановочно он продолжал размахивать шпагой, колоть, убивать. Его инструмент! Он любил его! Он не мог без него обходиться! Скальпели, ланцеты, иглы... И манускрипт «*De morbis*», его бесценное сокровище! Творение лучших умов медицины! Любой ценой он должен его спасти! В нем проснулось второе дыхание, с удвоенной силой он ринулся в бой и при молниеносном повороте заметил на проходе к верхнему ярусу по правому борту новое действующее лицо. Стаут! Один бился он с четырьмя или пятью душегубами. Можно было к нему относиться как угодно, но сейчас никто не отказал бы ему в мужестве. Одного из противников он поднял за грудки, как малое дитя и бросил другому под ноги. Мгновение, которое он выиграл таким маневром, Стаут использовал для того, чтобы поднять свой кинжал с обгаренной потоками крови палубы. С ним в руке он шагнул навстречу следующему...

«Удачи, капитан! — пожелал про себя Витус, защищаясь от следующей волны пиратского штурма. — Не могу вам сейчас помочь!» Еще два поверженных им рухнули на палубу, и Витус увидел, как короткий сильный удар клинка рассек надвое череп того, кого все называли не иначе как «скупердяем». Пират, которому принадлежал клинок, был громадного роста и могуч, как буйвол. Но самым примечательным в нем была выдающаяся чуждость. Два-три раза бугай дернул кинжал, наконец ему удалось вытащить клинок, и Стаут осел, как мешок с овсом, но залитый кровью и с подергивающимися членами. Пират-исполн теперь выкрикивал во все стороны приказы — похоже, он был здесь главным...

Хлынул новый поток пиратского отродья. Магистра и О'Моррейна оттеснили. Витус ринулся было за ними, но силы оставили его. Снова над грудой тел погибших и раненых материализо-

валась фигура великана с мощной челюстью. «Это он виновник всех несчастий!» — пронеслось в голове хирурга. Витус ринулся вперед, чтобы застать его врасплох, когда тот не ожидает нападения, но поскользнулся в луже крови и, напрасно пытаясь сохранить равновесие, глупо размахивая руками, грохнулся затылком о дощатый настил палубы.

Джон-Челюсть Каттер с удовлетворением проследил взглядом падение светловолосого парня, который сражался, как бешеный берсерк. Он принял это как знак окончания битвы на борту незадачливого «торгаша». Сопротивление торгового суденышка неожиданно оказалось упорнее, чем он ожидал.

Наконец-то человек с квадратным подбородком облегченно вздохнул.

— Хватит глазеть! Вниз, в грузовой трюм! Тащите оттуда все!

Пираты россыпью бросились вниз. Ящики, мешки и сундуки, особенно запертые, таили в себе невероятные возможности. Каждый мог хранить в своих недрах кучи золота...

— Золото! Золото! Золото! — Джон-Челюсть подошел к светловолосому юнцу. Этот парень уложил чуть не половину его лучших бойцов и при этом был едва ли выше среднего роста! Правда, мускулистый, хоть и поджарый. И, похоже, он-таки мертв.

Ненависть захлестнула Джона-Челюсть, когда он поднял безжизненное тело и, держа его в железных клещах, встряхнул, как молодого щенка. В светлоголовом обозначились признаки жизни, его ресницы дрогнули. Джон-Челюсть, упираясь ногами в дощатый настил, прохрипел:

— Я — Челюсть! И, прежде чем ты умрешь, тебе будет дозволено послушать мою песню! — с душераздирающим клацаньем он вывихнул нижнюю челюсть, и кости с энтузиазмом ударили друг о друга:

*Для пирата благодать
убивать,
тер-зять,
распо-тра-ши-вать!*

«ДАМА» ФЕБА

Делай вид, что нас здесь нет, Филлис! Нас вообще нет, понимаешь? Нет нас! О Господи, только не мою шкатулку с драгоценностями! Мою дорогую шкатулку! Вот сволочи! Чума с проказой на ваши головы! Загери вас чесотка, и пусть у вас все отвалится в штанах! О-о-о!

Обе уличные девчонки были застигнуты врасплох нападением пиратов. Они сидели в своей каюте, и Феба пыталась передать Филлис свои небогатые познания в чтении и письме.

— Если там, в Новом Свете, ты хочешь заловить себе дона на всю жизнь, ты должна для начала уметь написать свое имя, — внушала Феба, — хотя бы для того, чтобы поставить подпись во время церемонии бракосочетания.

— Да, да, подпись, — как эхо отозвалась Филлис.

— А если ты это сможешь, то сможешь и... Что там за шум? Клянусь костями моей матери, такого я еще не слышала! — Феба вскочила и направилась к двери, которая в ту же минуту распахнулась.

На пороге нарисовался долговязый пират, который при виде ее расплылся в недвусмысленной улыбке, но тут же был отброшен в сторону.

— Чего тебе надо, сукин сын?! — еще успела выдохнуть Феба, но тут в проеме вырос второй, который, не обращая внимания на девушек, рванулся к их сундукам.

Словно парализованные, они с ужасом наблюдали, как оба недоноса выдвигали, выискивали, выволакивали все их немудреное имущество, с таким трудом нажитое за годы, пропихивая в дверную щель сундуки, сумки, картонки. Но самым страшным зрелищем был вид, открывшийся в дверном проеме, где под дьявольские выкрики пиратов матросы «Галанта» падали один за другим.

— Боже правый! — опомнилась Феба, оттесняя подругу в дальний угол каюты. — Делай вид, что нас здесь нет, Филлис! Нас вообще нет, понимаешь? Нет нас! О Господи, только не мою шкатулку с драгоценностями! Мою дорогую шкатулку! Вот сволочи! Чума с проказой на ваши головы! Задери вас чесотка, и пусть у вас все отвалится в штанах! О-о-о!

Так же внезапно, как пролетает гроза, кошмар исчез. Наступило затишье. Феба и Филлис сжались в своем углу и беспрестанно крестились.

На всем корабле повисла такая жуткая, давящая тишина, что Феба больше не выдержала.

— Хотела бы я знать, что все это значит! — Она поднялась на ноги и принялась выбивать пыль из юбки. — Подожди здесь, пойду гляну.

Она вышла на верхнюю палубу и обмерла. Ее, выдавшую виды уличную девчонку, было трудно поразить картиной смерти и страданий, но кровавая резня, которая предстала ее взору, по своему размаху была не сравнима ни с чем.

— Господи Иисусе! — наконец смогла она выдать.

Всего в нескольких шагах от нее громадный пират, весь обвешанный оружием, одним рывком поднял лежащего в луже

крови человека. Он уже занес шпагу, чтобы нанести последний смертельный удар. «Сейчас прикончит его! — у Фебы остановилось дыхание. — Сейчас!»... Нет... Что-то остановило скотину... Солнечный зайчик! Маленький ослепительный лучик прыгал перед его глазами. Наверное, с медальона на груди несчастного. Точно! Кем бы ни была подарена эта миниатюра, тот человек спас ему жизнь. А вообще-то кто это? Боже правый, это же хирургик!

Тысячи мыслей вихрем пронеслись в голове Фебы с момента страшного открытия, но одна была настойчивее всех: с убийствами должно быть покончено! Здесь пролито уже достаточно крови! Более чем достаточно! К Фебе вернулась ее обычная бойкость, и, наплевав на собственную безопасность, она изо всех сил заорала вооруженному до зубов пирату:

— Эй ты, душегуб, мало ты людей уколошил? Парочка еще дышит, да? Вот досада! Никак не напьешься человеческой кровушки?

Обалдевший пират повернулся в ее сторону. У мордоворота была на редкость примечательная внешность, но первое, что бросалось в глаза, — его мощная нижняя челюсть. Он смерил Фебу оценивающим взглядом, причем она просто кожей почувствовала, как злобный и в то же время липкий взгляд обшаривает ее грудь. Затем челюсти пирата задвигались, изобразив что-то вроде ухмылки:

— А для шлюхи ты бойко дерешь глотку!

— Я тебе не шлюха, нахал! Мы с Филлис — дамы и путешествуем в Новый Свет! И я настаиваю на том, чтобы нам вернули наши вещи, и побыстрее, жалкий убийца!

— Заткни пасть и иди сюда, оценим твое вымя на ощупь!

— Сам иди!

Кое-кто из стоявших вокруг пиратов украдкой захихикал. Сальную ухмылку как рукой стерло с лица Джона-Челюсти, ее сменил мрачный оскал:

— Сюда, сука, или познакомишься с Джоном-Челюстью с другой стороны!

— Эй, Челюсть! Внизу, в трюмах, ничего, кроме жратвы, железок и какого-то дурного инструмента для музыки! Ни сундуков, ни золота — ничего! — набросились на него пираты, роem вылетевшие из трюмов.

— Гром и молния! — На Джона-Челюсть накатила волна бешенства. Ни золота! Ни драгоценных камней! Пара смешотворных сундуков из кают на корме, да и в них вряд ли найдется что стоящее! Он бросил все еще безжизненно висевшую в его клешнях белокурую куклу и пошел на своих людей. — А как с оружием?

— Ха! Склад оружия доверху пуст, Челюсть! — ослабилась пират с багровым шрамом через все лицо. — Парочка старых

мушкетов да заржавленных клинков. Есть, правда, с полдюжины стволов от четырехфунтовок, да все без лафетов.

— Гром и молния! — челюсть главаря начала скрежетать. И с этим набегом он опростоволосился! Его свора рано или поздно снова начнет грызню. А Смит и Эванс будут тявкать громче всех! Само собой, у него за спиной. Сколько он еще продержится?

И тут ему в голову пришла грандиозная мысль. Если уж не награбили золота, то пусть его люди хоть позабавятся! И он, Челюсть, позаботится, чтобы им было весело!

— А порох в крюйт-камере есть? — сверкая глазами, повернулся он к пирату со шрамом.

— Рыбам на смех, Челюсть! Два-три бочонка, каракатица их забери! — посыпал проклятиями урод.

— Нам хватит! — Джон-Челюсть поманил к себе его и еще парочку своих головорезов. — А теперь слушайте меня!..

После того как он выложил им свой план, те заготовили во всю глотку, сгрудились в сторонке, с треском похлопывая друг друга по спинам:

— Здорово! Челюсть — голова! Позабавимся, парни! Хо-хо-хо!

— Слушайте меня, люди! — Джон-Челюсть стоял в окружении всей своей своры на главной палубе «Тормент оф Хэлл», вытянув палец в сторону «Галанта», которого швыряло килевой качкой в трех кабельтовых от судна пиратов. — Мы приготовили сюрприз для торгашу, так сказать, в благодарность за то, что в его брюхе были несметные сокровища! — Пираты, тесня друг друга, полезли к борту. — Горстка этого сброда, который там еще требухается полудохлый, устроит для нас маленький фейерверк. Но они покамест не знают, что им выпало счастье взлететь на воздух нам на потеху!

— Как это?

— Что это значит?

— Что ты придумал, Челюсть?

— Я оставил в их крюйт-камере тлеющий фитиль, как раз такой длины, чтобы мы успели вовремя смыться. Но теперь, люди, глядите во все зенки! Каждую минуту лохань может взлететь к дьяволу.

— Хо-хо-хо!

— Эй, пусти!

— Дай и мне!

Пираты столпились у поручней.

Джон-Челюсть поднялся на капитанский мостик, откуда проклятый торгаш был виден особенно хорошо.

— Держитесь крепче, люди! — крикнул он вниз. — А то сиганете за борт, когда шарахнет.

Едва он успел это вымолвить, как «Галант» превратился в сплошной огненный шар, а мгновением позже раздался такой оглушительный гром, что у всех, кто его слышал, едва не полопались барабанные перепонки.

Настал конец «Галанта».

Обломки взлетели в воздух и ливнем обрушились в море. Шквал оказался настолько силен, что несколько деревьев долетело аж до «Тормент оф Хэлл».

Сердце Джона-Челюсти, если допустить, что оно у него было, билось в бешеном ритме. Чертовское наслаждение доставляло ему это адское зрелище! Джон-Челюсть напряженно гляделся вдаль. И только когда огромное черное облако дыма рассеялось, он обнаружил, что, вопреки ожиданиям, чертов парусник все еще держался на воде. Правда, с грехом пополам. Бут уже глубоко погрузился в волны, а корма задралась в небо. Транец торчал над водой, как гузка ныряющей утки. «А ты, однако, бравый парень, маленький «Галант», — с невольным восхищением пробормотал Джон, когда первое раздражение улеглось. — Ладно, побарахтайся еще, но это тебя не спасет. Рано или поздно ты ляжешь на дно!» Вслух же он прокричал вниз своим головорезам:

— Эй, люди, как вам понравилось?

Ответом ему был общий рев одобрения.

— Челюсть — голова!

— Здорово придумано!

Гул восторженных голосов волной прокатился по толпе.

— Все, дело сделано, — подвел черту довольный предводитель. — А теперь на полных парусах обратно в Карибiku! Голову даю на отсечение, что на этой дырявой посудине даже живой крысы не осталось! Пусть кормят рыб! — Его челюсть довольно хрустнула.

Однако Джон-Челюсть просчитался. Несколько пар глаз, полных ненависти или отчаяния, смотрели вслед удаляющемуся пиратскому галеону. Одна пара принадлежала Витусу. Взрывной волной, словно гигантским кулаком, его вышвырнуло в открытое море чуть не на две длины корабля. Ледяная вода мгновенно привела его в чувство. Он забарахтался, наглотался соленой воды и вынырнул на поверхность, жадно хватая воздух. В ушах гудело, тупая боль разламывала затылок, но чудесным образом он остался невредим.

Первым делом ему на глаза попался тонущий «Галант», а затем он увидел удаляющийся на надутых парусах галеон «Тормент оф Хэлл», который успел развернуться и взять курс на запад.

— погоди, подлец, как бы тебя там ни звали, еще встретимся! И тогда помоги тебе Бог! — в отчаянии погрозил Витус кулаком вслед пирату.

Через какое-то время корабль неожиданно исчез из поля зрения. Его заслонил большой предмет, который пригнала волна. Он был деревянным с двустворчатыми сомкнутыми дверцами. Витус узнал в нем шкафчик, принадлежавший когда-то капитану Арчибальду Стауту. Это было спасением. С огромным трудом Витус вскарабкался животом на шкаф. Теперь дерево держало его на волнах.

Мало-помалу силы вернулись к нему, и он смог оглядеться. Повсюду были рассеяны обломки «Галанта», однако сам отважный корабль по-прежнему торчал над водой. А слева от него, может быть, на расстоянии сотни футов, дрейфовала большая шлюпка, правда, килем вверх, а на киле восседал... петух Джек. Одному Богу известно, как он туда попал. И все же это было живое существо, единственное, которое Витусу удалось обнаружить везде и всюду. Он принялся грести руками, направляя свое плавсредство к шлюпке.

Магистр и штурман О'Могрейн также выжили.

К концу боя пираты взяли их в клещи и оттеснили на бак-борт, где тот и другой ожидали последнего, смертельного удара. О'Могрейн потому, что от усталости едва мог держать в руках шпагу. Магистр потому, что незадолго до этого потерял свои бerylлы.

И тут совершенно неожиданно их оставили в покое, потому что все устались на верхнюю палубу, где предводитель наткнулся на Витуса — столкновение, которого Магистр уже не мог разглядеть. О'Могрейн, со своей стороны, был так измотан, что без сил опустился на палубу, прислонившись к поручням галереи. У штурмана потемнело в глазах. Как только он пришел в себя, маленький ученый прокричал:

— *Vae miserio*, мой дорогой О'Могрейн! Горе несчастным! Я имею в виду этот пиратский сброд. Мы им еще покажем...

Оглушительный гром перекрыл его слова, и непреодолимая сила швырнула обоих в проход галереи.

О'Могрейн во второй раз потерял сознание, а вот маленький, но стойкий Магистр вышел из передраги невредимым, отделавшись парой синяков. Посему он сразу заметил, что корпус корабля начал крениться на нос, а палуба — уходить из-под ног. Он так и сляк старался привести О'Могрейна в чувство и, когда ничего другого не оставалось, вернул его к жизни парой увесистых оплеух, после чего оба понеслись на корму, прочь от клочущей, захлестывающей корабль воды, по проходу, все выше и выше, до самой крайней точки галереи на корме парусника, которая теперь разом стала самой высокой точкой наряду со шканцами. И только здесь, сидя почти на стене пассажирских кают, они отдышались.

Чувства и разум постепенно возвращались к ним. Магистр обернулся к О'Могрейну:

— Мне так кажется, господин штурман, что с минуты на минуту мы напьемся досыта.

— Возможно, вы и правы, господин Магистр, — ответил О'Могрейн, — а может быть, и нет. Все зависит от того, где произошел взрыв. Если, как я подозреваю, в кройт-камере, то рухнула вся средняя часть корабля, а может, и носовая. На корме, как видите, корпус почти цел, и, если выдержат шпангоуты, штевень и все прочее, наш добрый «Галант» еще постоит.

— Хм... Да уж, и в несчастье бывает, что везет! — усмехнулся Магистр. — Но не можем же мы тут торчать вечно, как в аистовом гнезде! Попробуйте-ка выпрямиться, насколько сможете, и посмотреть, где эта разбойничья шайка, — он сильно сощурился. — Сам я и за пару шагов ничего не вижу.

— Сейчас попробую, — штурман осторожно встал на ноги и заслонился ладонью от слепящего солнца. И вдруг удивленно присвистнул.

— Ну что там? — Магистр тоже приподнялся. — Они еще здесь, эти душегубы?

— Нет, удалились уже на несколько миль. Плывут на запад. Думаю, взяли курс на Карибы.

— *Deo gratias!* Но чего же, черт побери, вы так свистите? Что разглядели, О'Могрейн?

— Я вижу кирургика!

Как только Джон-Челюсть убрался со своими головорезами с «Галанта», Феба бросилась к кирургику, который лежал на палубе, точно мертвый. Она бережно приподняла его голову, чтобы посмотреть, нет ли раны на затылке. Так и есть! Прямо у нее на глазах росла здоровенная шишка, а из ссадины сочилась кровь. Не теряя присутствия духа, Феба побежала в свою каюту, чтобы найти кусок полотна и сделать повязку. С порога она крикнула подруге:

— Слушай-ка, Филлис, кажется, все позади! Эта сволочь убралась! Там теперь море крови и куча мертвецов, но ты пока что не бери это в голову! Скажи, у нас найдется чистая льняная тряпка? Ах, черт, какая я дура! У нас же все стибрили!

— Да, да, стибрили.

— Черт побери! Знаешь, отдери лоскут от моего подола. Жалко, конечно, но на безрыбье и рак рыба. Да и кто его знает, попадем ли мы еще в Новый Свет!.. Так, так... давай дальше... Есть! Жди меня здесь, Филлис, и ничего не бойся! Я скоренько вернусь! Феба мигом будет обратно, слышишь?

На палубе Феба перевязала кирургика голову и как раз собиралась уложить его, бессознательного, обратно, когда начался крошечный ад. Взрывной волной ее пронесло по палубе, как

штормовым ветром листок, и она влетела в открытую дверь каюты аж до задней стенки, где в углу сжалась Филлис. Феба врезалась в подругу, которая тоненько взвизгнула, но она этого уже не услышала — потеряла сознание. Лишь несколько минут спустя перепуганной Филлис удалось вернуть ее к действительности.

Еще не вполне придя в себя, Феба теперь сидела на полу, широко расставив ноги.

— Клянусь костями моей матери, челнок идет ко дну, — слабо вымолвила она. — Не замечаешь, Филлис? Похоже, мы то нем.

Филлис ничего не ответила.

— Эй, Филлис, смотри-ка, все больше и больше! Держись за меня, а то соскользнешь!

Феба ухватила за ручку деревянной скамьи, крепко вмонтированную в стену, и подтянулась. В новой перспективе каюта выглядела как в дурном сне. Крен «Галанта» был уже настолько силен, что можно было почти спокойно стоять на той стене, которая выходила на палубу. Дверь казалась на ней ковриком. «Надо давать деру отсюда!» — пронеслось в голове у Фебы. Ей вспомнилось, как в Плимуте обходились с нежеланными новорожденными котятками: их просто совали в мешок, крепко завязывали его и топили. Вот на этих несчастных животных они с Филлис и были сейчас похожи. Напряженно следя за тем, чтобы не соскользнуть, Феба стала осторожно двигаться по наклонной к двери, таща за собой ухватившуюся за нее подругу. Зацепилась рукой за дверную коробку, другой нащупала лестницу, ведущую на командную палубу. Ступень за ступенью обе начали карабкаться на самую верхнюю палубу. Здесь царил не меньший хаос. Обломанный конец бизань-мачты косо торчал над ними, обвисший латинский парус свисал через поручни на правый борт, а весь стоячий такелаж разметался по палубе.

— Выглядит как паутина, — трезво рассудила Феба. — За нее можно держаться. Давай, Филлис. Еще чуть-чуть! До кормового фонаря и флага. Выше некуда. А если уж потонем, так хоть под конец!

Добравшись до флагштока, они налегли на фальшборт по правую и левую стороны от него — так было легче держаться на ногах. Обе настолько вымотались, что даже острый язычок Фебы на время унялся. Вскоре он снова принялся за работу:

— Что ты сказала, Филлис? Эй, Филлис, ты что-то сказала или нет?

Филлис покачала головой.

— Умора! Могу поклясться, что я слышала, как кто-то что-то сказал! Только вот где? — Она протиснулась еще дальше вперед и крикнула: — Эй, есть там кто?

И, к ее безграничному удивлению, ей ответил не кто иной, как Магистр:

— Да, драгоценная, это мы. Штурман О'Могрейн и ваш покорный слуга. Мы находимся под вами, или, лучше сказать, перед вами, на кормовой галерее. Если бы между нами не было перекрытия, мы могли бы видеть друг друга. Ну что ж, слышать вас — уже большая радость.

— А я так просто обабдела... Думала, примерещилось!

Палубный матрос Амброзиус насилу избежал смерти. В противоположность большинству матросов «Галанта» в момент нападения он находился не на верхней палубе, а на батарейной, где еще с тремя матросами помогал плотнику Джошуа Брайду чинить крышку одного из орудийных люков. Вокруг себя они разложили тяжелые доски и новые, только что смазанные шарниры. Выполнить эту работу стало уже насущной необходимостью вопреки протестам скряги Стаута, который переживал за расход дорогого сырья. Но крышка уже была вся, как сыр, в дырках и в шторм и качку могла представлять опасность. Джошуа Брайд дал каждому из помощников отдельное задание, а к нему соответствующий инструмент. Амброзиусу выпало подготовить отверстия для шарниров, и он вооружился двухфутовым буравом. Другие работали ножовками, стамесками, плотницкими топорами и скобелями. Когда на них хлынула целая куча пиратов, размахивающих ножами и шпагами, они глазам своим не поверили. Но это был не дурной сон, а жестокая реальность. Амброзиус видел, как один из его товарищей был с легкостью заколот тут же, на месте. Страшное, умышленное убийство! На Амброзиуса накатила волна бешеной ярости.

— Господи, прости им, ибо не ведают, что творят, и прости мне, ибо и я ведаю не больше! Амен! — заревел он зычным голосом и ручкой своего бурава раскроил первому нападавшему лицо. Второму он просверлил чудную дырку в шкуре, а третьему... Третьего он не видел, тот подкрался сзади и, поскольку при первых ударах его шпага сломалась, схватил деревянную колодушку и опустил ее на голову воинствующего монаха. Амброзиус был мужчиной не из слабых и в расцвете лет, но такой удар даже для него оказался слишком сильным. Он рухнул на палубный настил, как подрубленное дерево, увлекая за собой Брайда, который к тому же виском сильно ударился о бронзовое дуло шестифунтовки. И рукопашный бой над их телами, на счастье монаха и плотника, проходил уже без них, иначе их могла бы постигнуть та же участь, что и молодого матроса Гидеона, который был безжалостно убит.

Двух оставшихся помощников, Фрегтла и Бентри, ждал бы такой же конец, если бы судьба не уберегла их: с верхней палу-

бы низвергнулись другие пираты и с криками «Золото!», «Золото!» увлекли за собой нападавших.

А потом взлетела на воздух крюйт-камера, и события на батарейной палубе стремительно понеслись дальше. Удар тупого шпангоута пришелся Амброзиусу по крестцу, что сразу привело его в чувство, хотя несколько в высшей степени неприятных мгновений он жадно хватал ртом воздух. Однако на жалость к самому себе времени не было, потому что «Галант» уже опасно накренился и ледяная морская вода хлынула через брешь в бортовой стене. Две-три бронзовые пушки сорвались и с неимоверным грохотом покатались в глубину, пробивая внутренние переборки и балки, словно бумагу. Спустя мучительно долгие секунды, они вроде бы остановились, задержанные тюками и бочонками в носовой части корабля.

— Слава Богу, буг цел! — тут же отреагировал очнувшийся Брайд, а перепуганные Фрегтлз и Бентри скривили физиономии, изобразив согласие.

И тем не менее где-то на корабле была огромная пробоина, потому что вода быстро прибывала, и монах, который, как и большинство его собратьев, не умел плавать, рисковал захлебнуться.

— Господь всемогущий, Боже все милостивый, молю тебя, не дай мне умереть, пока я...

Брайд не дал ему договорить. Держась вертикально в воде, он показал ему на переборки, которые во все сгущающемся мраке чернели, как стенки гроба. А все потому, что орудийные люки были крепко затворены.

Единственным выходом из этого гроба был тот, над крышкой которого они незадолго до того работали. Но сейчас этот выход был уже глубоко под водой — лазейка, тускло мерцающая зеленым, которая с каждой минутой все более отдалялась под слоем прибывавшей воды.

— Надо нырять, да поскорее! — прокричал Брайд.

Невозможно! Амброзиус плавать-то не умел, а уж нырять и подавно!

И все-таки надо! И Бог его знает как, но они это сделали. Не только Амброзиус с Брайдом, который чуть не силой толкнул монаха под воду, но и Фрегтлз с Бентри сумели выбраться. Наверху, на водной поверхности, Брайд подхватил Амброзиуса под грудь своими сильными плотничьими лапищами, чтобы тот не захлебнулся. Никогда еще августинец не чувствовал себя таким беспомощным.

...В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю.

И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились, и говорили: это призрак; и от страха вскричали.

Но Иисус тотчас заговорил с ними, и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь...

Слова Евангелия от Матфея, громко зазвучавшие над водами, придали Амброзиусу сил, и он устыдился своего недавнего маловерия, потому как к ним приплыл обломок грот-матчы, и все четверо могли держаться за него.

Амброзиус дал себе клятву никогда больше не искушать себя сомнениями в силе Господа Бога своего.

А с небес до него донесся голос, обращенный к нему:

— Гей! Это что за многолапый жучок барахтается там внизу?

Амброзиус в смятении поднял голову и высоко над собой обнаружил корму «Галанта», откуда свешивалась большая лохматая голова с подслеповатыми глазами.

— О'Могрейн уверяет меня, что это вы с товарищами, брат Амброзиус! — радостно кричал Магистр. — Должно быть, с вами плотник и двое его подручных? *Deo gratias!* Теперь нас уже девятеро выживших!

— Девятеро? — оторопело заорал Амброзиус в ответ.

— Вы не ослышались. Кроме всех вышеназванных еще обе... э-э... дамы, Феба и Филлис, а также хирургик, который путешествует по морю на деревянном ящике. Вам-то его не видно — заслоняет зад нашего славного «Галанта», — а он сейчас как раз доплыл до шлюпки!

Когда Витус на пути к шлюпке внезапно услышал голос маленького ученого, его сердце чуть не выпрыгнуло из груди от радости.

— Эй, Магистр, это ты? Где ты торчишь?

— Я здесь, наверху, Витус, на кормовой галерее! У меня просто камень с души свалился, ты, сорняк! А то я уж начал горевать! О'Могрейн тоже со мной. А чего это у тебя на голове? Смахивает на тюрбан, но, похоже, повязка.

— Повязка? Какая повязка? — Витус ощупал свою голову. — И правда! Кто это мне ее наложил?

— Я, хирургик, это была я! — раздался смешливый голос невидимой Фебы. — У вас на затылке шишка, такая здоровенная, что твоя дуля!

— Да, да, дуля, — грустно подтвердила Филлис.

Витус возликовал. Его лучший друг жив! И не только он! Одиночество безбрежного океана, которое уже железным обручем сдавило ему грудь, рассыпалось, и он с удвоенной силой погреб к останкам «Галанта». Но что это? Со стороны шлюпки донеслось постукивание. Еще один спасшийся под корпусом лодки?

— Эй, Магистр, под шлюпкой еще кто-то!

— Что? Здорово! А кто?

— Не знаю. Может, просто крыса. Оно пищит. За деревом не разобрать!

— Давай сначала к кораблю. Один ты так и так не справишься!

Путь Витусу преградил обломок грот-мачты, за который уцепились монах Амброзиус, плотник Брайд и еще два матроса, чьих имен он никак не мог вспомнить. Теперь они держали курс на «Галант» в дружной компании.

Добравшись до него, Витус немедленно крикнул наверх:

— Мистер О'Могрейн, можно вытащить человека из-под шляпки?

Штурман размышлял недолго и рассудил основательно:

— Кто сможет его оттуда вытащить, должен быть в состоянии перевернуть лодку, а кто сможет ее перевернуть, сможет и сесть в нее. И спастись!

— Спасти? Звучит заманчиво!

— По крайней мере, получит шанс на это!

Немного погодя дамы и мужчины «Галанта» держали совет, как перевернуть большую шляпку, являя собой причудливую картинку. Как шишки на огромной сосновой ветке, гонимой течением, висели на обломке грот-мачты монах Амброзиус, плотник Брайд, Бентри и Фреглз, подле них — Витус на шкафчике, а наверху, на самой высокой точке задравшейся кормы сидели Магистр, О'Могрейн и где-то в глубине, невидимые, обе юные особы. Они обмозговывали все долго и тщательно, поскольку речь шла об их жизни. Наконец пришли к решению. Оно сводилось к тому, что О'Могрейн должен принять на себя командование спасательной операцией.

Первым делом надо было пришвартовать обломок грот-мачты, чтобы волны не отогнали его дальше в море. В конце концов, это был спасительная опора для пятерых пловцов. Штурман решил эту проблему, приказав Брайду выловить плавающий в отдалении канат, затем привязать один его конец к обломку, а другой закрепить на нижнем шарнире пера руля «Галанта», далеко выступающем в море.

— Отлично, мистер Брайд! — прокричал О'Могрейн с высоты своего положения, когда дело было сделано. — А теперь отправляйтесь к шляпке с ходовым концом вокруг пояса, а Амброзиус и другие должны вас держать! Так мы одним ударом убьем двух зайцев. С одной стороны, вас не отнесет, а с другой — установите связь со шляпкой.

— Да, сэр! — крикнул Брайд в ответ по всей форме. — У вас есть подходящий линь?

— Мда, это проблема... Но мы решим ее с помощью наших дам! — Штурман обернулся назад и обратился к перекрытию галереи, за которой, он знал, сидели девушки. — Мисс Феба, не могли бы вы достать кое-что из стоячего такелажа?

— Из стоячего такелажа? — прозвучало в ответ. — Ну, парни, у вас, моряков, что ни выражение, то... — Феба хихикнула. Теперь, когда столько порядочных мужиков вышли живыми из передраги, она чувствовала себя намного увереннее.

— Ну, э... да... Я имею в виду тросы. Конец должен быть не меньше четверти кабельтова... — О'Могрейн вздохнул. — Простите... Я понимаю, вы не знаете... Уф! Просто найдите самую большую веревку. Если в ней будет не меньше сотни футов — подойдет... Уф!

Прошло довольно много времени, пока Феба среди путаницы такелажа выискала то, что нужно, и перекинула конец через перекрытие галереи, откуда Магистр и О'Могрейн ссучили его вниз. Феба работала усердно и с воодушевлением, а ее острый язычок, комментирующий происходящее, не раз заставил мужчин, несмотря на серьезность ситуации, расплыться в улыбке.

Чуть погодя Брайд уже был на пути к шлюпке. Слава Богу, море все еще было милостиво к потерпевшим кораблекрушение, хотя от долгого пребывания в воде людям, облепившим обломок мачты, становилось прохладно. Но наконец-то хоть что-то происходило! Доплыв до шлюпки, Брайд обвязал торчащий под водой конец форштевня и закрепил линь беседочным узлом. Держась за трос, он взметнул руку, давая сигнал, что все готово, и по команде О'Могрейна вся мужская компания принялась дружно тянуть конец, сокращая расстояние между «Галантом» и шлюпкой с Брайдом и все еще восседающим на ее киле Джеком.

Первая трудность была преодолена, но перед ними встала вторая, куда более сложная. Как перевернуть шлюпку?

Для начала О'Могрейн приказал всем «сосновым шишкам» перебраться на киль объемистой лодки, потому что все они уже покрылись мурашками от холода. Когда они помаленьку перелезли, Витус крикнул со своего плавсредства:

— Надо поспешать, господин штурман! Снова слышен стук. Кто знает, сколько человек сможет еще продержаться там!

— Сейчас, хирургик, сейчас! Все сделаем с помощью нескольких талей!

Однако в словах О'Могрейна было больше уверенности, чем он испытывал на самом деле. Конечно, таями лодку можно было перевернуть, но вопрос в том, где на обломке корабля закрепить блоки. Не пойдет ли «Галант» сразу ко дну из-за дополнительной нагрузки? Но последний вопрос показался ему праздным. Затонет «Галант» от этого или нет, в любом случае, если ничего не предпринимать, все они обречены. О'Могрейн отогнал бесполезные мысли, лезущие в голову, и приказал отыскивать железки и тросы, из которых можно было наладить систему подъемных блоков. Когда он полагал, что собралось уже достаточно материала, Феба, которая, как и все, принимала ак-

тивное участие в поисках, беспрестанно меля язычком, в очередной раз спросила:

— Ух, а это что за штука?

— Юферс, круглый деревянный блок без шкива с тремя сквозными дырами. Моряки, видно в шутку, окрестили его непорочной девой.

— Ну, парни, умеете же вы вогнать даму в краску, как голубиную лапку! «Непорочность с дырками», «стоячий такелаж», «конец кобеля»... Ну и фантазия у вас, огольцов!

Итак, когда О'Могрейн полагал, что собралось уже достаточно материала, по здравому размышлению он приказал закрепить первый блок на нижнем шарнире пера руля. Когда все прошло удачно, с помощью импровизированной лебедки был поднят нос шлюпки.

Следующей проблемой стало перевернуть борт — процесс, который требовал немалого тягового усилия. Для этого штурман придумал механизм, который назвал «таль на таль». С его использованием усилие человека, тянущего канат, шестнадцатикратно возрастало.

Обе блочные конструкции должны были приводиться в действие вручную, с тонким осязательным чутьем — только тогда все удастся.

Но немного позже, когда форштевень шлюпки действительно поднялся из воды, суля удачу, а обломки «Галанта» так жутко скрежетали, что на любого нагнали бы страху, произошло фантастическое событие.

В воздушном зорье между бортом и ватерлинией вскинулась маленькая, почти детская ручка и начала махать во все стороны. За ней показался небесно-голубой рукав и раздался тоненький пронзительный голосок:

— Уй-уй, там, на поверхности, ще, штормит? Чёй-то у вас так дует? Здесь, под скорлупкой, куда тише!

— Клянусь костями моей матери, это же горбушка! Ах, как я рада, что ты вышел сухим из воды, малыш! По правде говоря, такого балабона, прости Господи, я в жизни не встречала, но рада! Честное слово!

— Не больно-то и сухим, — пропищало в ответ.

Поздним вечером, когда звезды затеяли игру в догонялки, а Феба и все остальные сидели в успешно перевернутой шлюпке, она усмехнулась Энано:

— Как подумаю, что ты торчал здесь, где я сейчас сижу, вверх тормашками, понимаю, каково было...

Коротышка ухмыльнулся. Его огненная грива отливала серебром в свете луны.

— Уи-уй, госпожа полюбовница. Твоя задница сейчас там, где была моя голова.

— Ах ты, ядовитый подарочек! Я тебе уж тыщу раз говорила, что я дама, а не... Мы с Филлис — дамы! Заруби себе на носу! Да, Филлис?

— Да, да, дамы... — подтвердила Филлис.

— Не ссорьтесь, дражайшие, — вклинился Магистр. — Коротышка совсем не то имел в виду. Не желаете ли еще окорочка? С радостью отмашу вам еще, вот только пальцы поберегу. Но должен предупредить: он страшно соленый, а питьевой воды у нас — кот наплакал, по крайней мере сегодня...

Окорок был единственным пропитанием, которое оказалось в их распоряжении. И все благодаря любознательности маленького ученого, который не преминул заглянуть в запертый шкапчик Арчибальда Стаута. Там он нашел такие деликатесы, что дух захватывало. Наряду с этим куском отменного мяса была еще бутылка джина, которая, пройдя по кругу, согрела всех присутствующих, что казалось высшим благом, потому что ночи были холодными, а у них из одежды ничего не осталось, кроме как на себе.

— Кто-нибудь хочет еще? — Магистр, который сидел рядом с Витусом на задней банке, близоруко улыбнулся.

В сгущающейся темноте он мог определить только абрисы присутствующих: девять человек и петух, который устало сложил крылья. Но, так или иначе, его зрения хватало на то, чтобы различить сидящего на носу О'Могрейна, человека, которому все они были обязаны жизнью. Штурман, что так успешно руководил операцией, сейчас сидел на баке шлюпки в скромном одиночестве и неотрывно смотрел на море.

— Никто? Тогда убираю. — Маленький ученый сложил остатки пиршества в шкапчик, любовно проведя по нему пальцем, и сомкнул дверцы.

— Попробуем поспать, — устало сказал Витус. — Завтра нам всем будут нужны силы, чтобы... — он снял камзол, затем жилет. — Кто из мужчин может обойтись без камзола или жилета, пусть отдадут их мисс Фебе или мисс Филлис.

— Спасибо, хирургик! — Феба потупила глаза с не присущей ей скромностью. — Это так трогательно! Вы настоящий джентльмен, знаете, что надо даме... Настоящий джентльмен!..

— Не может быть! Хотя вижу я и неважно, но не настолько же!

— В чем дело, Магистр? — широко зевнул Витус. Он плохо и мало спал, как и остальные в шлюпке. По крайней мере, хоть день обещал быть погожим: солнце уже висело над горизонтом блестящим стальным диском, а устойчивый восточный ветер поднимал легкую зыбь.

— Окорочка нет. Кто-то его слямзил ночью! — лицо маленького ученого выражало крайнее возмущение. — И, наверное, сразу слопал. Если я поймаю вора, помоги ему Бог!

Витус мгновенно проснулся:

— Тсс, не так громко, Магистр! Раньше, чем тебя понесет, давай-ка подумаем, стоит ли кричать во все горло.

— Что-о-о? Хочешь замять дело?

— Да, для начала. Думаешь, виноватый бросится тебе на шею: да, господин Магистр, это я, больше такого не повторится?

— Ну...

— Видишь? Так что давай пока сделаем вид, что ничего не произошло. Не надо начинать со склок.

Позже, когда солнце стояло уже высоко в небе, Витус между прочим заметил, обращаясь к остальным:

— Окорок пропал. Наверное, ночью выпал за борт.

Ответом ему был недоуменный ропот.

— Как это выпал? Он чё, младенец в люльке, а, Филлис?

— Да, да, в люльке.

— Бывает, падают крохи от пищи Господней, господин кнургики, но чтобы окорок?..

— При таком штале он не мог сам по себе выпасть, кто-то ему помог!

— Гнус тот, щёб такое учудить!

Витус нарочито безразлично пожал плечами. Но про себя отметил, что в лодке были двое, кто никак не высказался: Фреглз и Бентри.

Похоже, Амброзиус это тоже заметил. Он молитвенно сложил свои огромные ручки и изрек:

— *Горе вам, пресыщенные ныне, ибо взалчете.* От Луки, глава шестая, стих двадцать пятый.

— Ну что поделаешь, — разрядил ситуацию маленький ученый. — Раз уж завтрак пропал, примемся за работу.

Брайд поднял палец:

— Ваша правда, господин Магистр. Только вот за какую?

Оказалось, что каждый имел на этот счет собственное мнение. Спорили до посинения, пока маленький ученый не подвел итог:

— Так дело не пойдет, леди и джентльмены. Нам нужен капитан, а то каждый будет делать кто во что горазд!

И потребовалось немного времени, чтобы капитан судна, бывшей большой шлюпки «Галанта», появился. Единогласно им был избран хирургик. И его первый приказ ошарашил всех. Капитан дал судну имя:

— Оно будет называться «Альбатрос», — сказал он, — потому что с этой птицей нас многое связывает. Как и мы, он снимается в случае крайней необходимости, а если уж поднялся, продельвает сотни, нет, тысячи миль, легкий и невесомый. Именно этого я и желаю нашему кораблю. А мы его дружная команда.

Все согласно закивали.

— Думаю, успех нашего плавания зависит от двух вещей. Во-первых, нам нужен достаточный провиант, а во-вторых, наш «Альбатрос» должен стать настоящим парусником. И то и другое не менее важно. Под руководством мистера О'Могрейна Брайда, Фрегтлаз, Бентри и брат Амброзиус сделают все, чтобы оснастить судно рангоутом и такелажем, а девушки, Магистр, Коротышка и я тем временем посмотрим, каким провиантом и инструментом мы можем пополнить наши запасы. С Божьей помощью отправимся в путь завтра.

Отправиться завтра им не удалось. Три дня и три ночи команда «Альбатроса» трудилась не покладая рук, пока он не принял вид парусника, готового к дальнему плаванию. Первой трудностью, с которой столкнулся О'Могрейн, было найти что-нибудь подходящее для мачты. Конечно, самым простым решением казался обломок мачты, который был под рукой. Но он был чересчур длинен, а укорачивать его — дело трудоемкое. И если бы не потопленный плотницкий инструмент, который худо-бедно удалось поднять из мастерской, ничего бы не вышло.

Установить новоиспеченную мачту тоже было делом нелегким. Естественно, на «Альбатросе» не было ни пяртнерсов, ни бимсов, ни карлингсов, и пришлось растягивать штаги дважды, а то и трижды во все стороны. Подходящих тросов и канатов тоже было не сыскать днем с огнем, и О'Могрейну постоянно приходилось импровизировать. Но самой большой проблемой оказалась — после того как румпель был соединен с пером руля — оснастка судна парусами. Снова и снова в процессе сдержанный О'Могрейн поминал недобрым словом скупердя Стаута, который экономил на всем, в том числе и на парусных дел мастерах, и на оборудовании для парусных работ. Так что штурману не представлялась возможность выкроить из имеющихся порванных парусов новый. И только по счастливой случайности потерпевшим крушение удалось обзавестись парусом: он всплыл из обломков корабля на второй день их титанических трудов не только сработанный из хорошего льна, но и цельный, невредимый. Он был непривычной формы вытянутого прямоугольника и походил скорее на простыню. О'Могрейн почесал в затылке, а потом решил:

— Мы растянем его на шпрюйт, парни. А это значит, что нам потребуется еще кругляк, который надо пустить по диагонали снизу вверх. Ну что ж, по крайней мере, теперь обойдемся без гика и гафеля.

Единственным светлым пятном во вновь и вновь возникающих трудностях был компас, который О'Могрейн случайно обнаружил среди корабельных обломков. Похоже, когда-то он был личной собственностью капитана Стаута, потому что работал не в пример лучше того, которым пользовался рулевой матрос. От радости О'Могрейн бросился к Витусу:

— Кирургик! Какая удача! С этим компасом будет куда легче вести наше судно! Только посмотрите, как точно выполнена роза ветров!

— Замечательно! Прибор нам, конечно, очень пригодится.

Кроме компаса удалось обзавестись и кое-чем из весьма полезных инструментов, частично найденных на бедном «Галанте», частично выловленных из воды. Среди них ножовка и плотничий топор, пара острых стамесок, скобель — вещи, которым особенно радовался Брайд. А также всяческие канаты и тросы разного диаметра и длины, правда, большей частью подпорченные, да что поделаешь! А из каюты Стаута подняли два бочонка с водой и сундучок, почти доверху наполненный концентратом «супа путника».

Они надеялись отыскать еще какую-нибудь провизию или хотя бы запасы воды и потому тщательно обследовали все предметы, но, кроме двух бочонков с галетами и бобами, больше ничего не попало.

Витус конфисковал найденный кем-то мушкет хорошей работы, но такой запачканный и промокший, что, если бы кто собрался им воспользоваться, ему пришлось бы вначале основательно почистить оружие. К мушкету после тщательных поисков добавился и непромокаемый мешок с принадлежностями для его использования и ухода за ним. Однако Витус очень надеялся, что у него никогда не возникнет необходимости пускать оружие в ход.

На одном из принесенных волной трупов, который был раньше пиратом, за голенищем сапога обнаружился острый нож. И в этом случае Витус позаботился о том, чтобы оружие было сдано ему. Здесь ему помог востроглазый Коротышка:

— Уй, уи, Фреглз, ты щё, думаешь, у нас бельма на зенках? Щё можешь отгалить эту жеку, а никто и не расчухает? Брось, елоп!

Была подобрана еще широкополая шляпа, тщательно осмотрена, очищена и передана во владение Филлис, чтобы защитить от солнца ее чувствительную белую кожу. Однажды на волнах ослепительно блеснул какой-то предмет, который Фебе удалось споро подхватить. Это оказались песочные часы. Даже Магистр, несмотря на свою близорукость, выискал несколько рыболовных крючков, пару гарпунов, исправный фонарь и немалое число бадей и ковшей, чем был невероятно горд, а также распятие, которое, когда мачта была поставлена, прибили к ней на высоту человеческого роста.

Немногим позже мимо проплывала деревянная клетка Джека, и Коротышка ловко выловил ее из воды, чтобы несчастная птица снова могла найти в ней приют.

На рассвете третьего дня Витус решил в последний раз податься на дрейфующий корабль, и, как всегда, первым делом

окинул внимательным взором возвышающуюся над ним, как черная ребристая скала, корму «Галанта». Несмотря ни на что, бравый кораблик все еще плавал, уверенно и непоколебимо, как будто знал, что должен продержаться до тех пор, пока на нем осталось хоть что-то ценное. Витус вскарабкался на корабль по свисающему с него канату, ловко перебирая руками и время от времени отталкиваясь ногами от киля, чтобы не пораниться об острые ракушки. И его усердие в это утро было вознаграждено: в каюте Стаута он наткнулся на жаровню с углями, которая, очевидно, обогревала скупого капитана холодными ночами. Приятная находка. С имеющимся в наличии изобилием деревянных чурок жаровню долго можно будет топить. И еще кое-что попалося ему в руки: личный судовой журнал Стаута. Он хоть и был размокшим, но почти незаполненным, а к нему обнаружились и хорошо закупоренная чернильница, и несколько подходящих перьев. И это имущество перекочевало на борт «Альбатроса».

После полудня, когда О'Могрейн со своими помощниками почти полностью оснастил судно, к Витусу подошла Феба.

— Одной только шляпы для Филлис недостаточно, хирургик. Малышка уже вся покраснела, как рак в чугушке. Нужен какой-никакой навес, обязательно нужен!

— Да, правда. Я думал об этом, но голова уже крутом от всякой всячины, и я совершенно забыл... Может, выкроим что-то из порванного латинского паруса с бизань-мачты. Посмотрим, что на это скажет О'Могрейн.

Добросовестный штурман, как всегда, оказался на высоте, и чуть погода на «Альбатрос» был доставлен изрядный кусок полотнища. Когда к вечеру этого дня все наконец-то выглядело готовым к плаванию, Витус собрал свою команду.

— Не буду говорить долго. То, что мы потратили на подготовку не один, а три полных дня, ясно свидетельствует, как непросто будет осуществить наше намерение. Нам потребуются все силы и вся выдержка, чтобы одолеть море. Для этого я принужден установить твердые правила, которые каждый из нас — повторяю, каждый — должен неукоснительно исполнять! — Он обвел взглядом по кругу, с удовлетворением отметив про себя, что все напряженно внимают. — Возражений нет, хорошо. Первое: назначаю мистера О'Могрейна моим заместителем. Одному Богу известно, какие лишения нам придется испытать, и только волей Божьей мы можем остаться живы. Так что, если со мной что-то случится, командование возьмет на себя мистер О'Могрейн. — Витус повернулся к штурману. — Надеюсь, вы согласны?

— Да, хирургик!

— Прекрасно. Значит, это решено. Вторым пунктом стоит продовольственное снабжение. Все присутствующие здесь зна-

ют, как неимоверно скуден наш запас пропитания. Помимо двух бочонков с галетами и бобами мы располагаем только «супом путника» капитана Стаута. Но чтобы его заварить, требуется вода, питьевая вода, заметьте, которой у нас опять же всего два небольших бочонка. Поэтому норма выдачи продовольствия будет строго определена с первого дня. Сколько это будет на каждого, я устанавливаю чуть позже. И еще: петух не может быть зарезан. Он наш неприкосновенный запас на крайний случай, если придет время питаться одним крутым бульоном.

Команда согласно закивала.

— Далее: все оружие на борту будет храниться под запором, — Витус указал на шкафчик Стаута, который под кормовой банкой был прочно задраен. — В случае если нам что-то из него понадобится, и только я выдам необходимое лично. Это касается и мушкета, который должен быть восстановлен, на случай если нам потребуются подать сигнал. До сих пор все понятно?

Команда нестройно выразила согласие.

— Тогда перехожу к распределению вахт. Нас на борту восемь мужчин, и все восемь будут нести вахту. Разделимся на две группы. В первую войдут Магистр, Брайд, Бентри и я, вторую составят мистер О'Могрейн, брат Амброзиус, Энано и Фреггльз. Вахты будут меняться каждые четыре часа. Точное время нам отмерят песочные часы. Мисс Феба и мисс Филлис нести вахты не будут, но каждую свободную минуту обязаны высматривать на горизонте корабль. Командиром первой группы являюсь я, второй — О'Могрейн. Двое вахтенных управляют судном, двое других ведут наблюдение: один по правому борту, другой по левому. Те, кто не несет вахту или не занят другими делами, отдыхают. Все понятно?

И снова команда кивнула.

— И еще кое-что: жаровня должна гореть постоянно. У нас достаточно щепы, чтобы позволить себе это. В случае если в поле зрения появится корабль, будем бросать в угли сырую древесину, чтобы подать дымовой сигнал. Поддержание огня в жаровне — в высшей степени ответственное поручение, и я возлагаю его на мисс Фебу и мисс Филлис.

— Само собой, мы сделаем это, хирургик, сделаем, а, Филлис? Это для нас большая честь, а?

— Да, да, честь, — подтвердила Филлис, смутившись от оказанного ей доверия.

— Прекрасно. Ну что ж... — Витус не знал, как высказать последний пункт распоряжений. — Еще вот что... Это касается... э-э... отправления естественных потребностей. Нужда должна справляться сидя на планшире. Надеюсь, все остальные принципиально будут смотреть в другую сторону, когда кто-то облегчается, особенно дамы.

Все покивали с серьезным видом, а Феба разрядила повисшее напряжение, легко и непринужденно пошутив:

— Ну и забавно же мы будем выглядеть! Как куры на насесте. Да уж! Но мы справимся, а, джентльмены?

Мужчины смущенно кивнули, а Витус улыбнулся в полной тишине. Да уж! Феба на борту была настоящим товарищем, никогда не подведет!

— Гомер в своей «Одиссее» говорит о розоперстой Эос, и когда я смотрю на восток, наконец-то понимаю, что он имел в виду.

Голос Магистра прозвучал почти благоговейно, когда несколькими часами позже он близоруко щурил глаза навстречу просыпающемуся утру. Неистовство быстро меняющихся розовых сполохов на небе заставило побледнеть ночные звезды, а море плескалось, точно расплавленная бронза. Маленький ученый широко раскинул руки и продекламировал:

*Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Встал с постели своей возлюбленный сын Одиссея,
В платье оделся, отточенный меч чрез плечо перебросил,
К белым ногам привязал красивого вида подошвы,
Вышел быстро из спальни, бессмертному богу подобный...**

— ...и так далее. Ну ладно! — Магистр расправил платье и ткнул пальцем в свои покоробившиеся от морской соли башмаки. — Боюсь, мои подошвы несколько уступают по блеску.

Витус, стоявший рядом с ним, тепло улыбнулся:

— А ты и не царский сын. Но как подумая об Одиссее, что он двадцать лет провел в пути, то был бы страшно рад, если б нам потребовалось двадцать дней.

— Знаешь что, есть прекрасное латинское выражение: «*Portes fortuna adiuvat!*» Что значит: «Отважному улыбается счастье!»

Амброзиус обстоятельно откашлялся и подошел к матче, где вытянулся перед распятием во весь свой впечатляющий рост. Не спеша он осенил себя крестным знаменiem — жест, который мгновенно преобразил его. Палубный матрос Амброзиус снова стал монахом-проповедником.

— *Rex vobiscum***, возлюбленные дети мои! Это утро в своем совершенстве — знамение Господне, что несомненно, и я вижу, как будто Он, всемогущий пастор, Своей благой десницей возжигает этот свет, умиряет эти волны и повелевает попутному

* Перевод с древнегреческого В. Вересаева.

** Мир вам (лат.).

ветру веять ровно настолько, чтобы мы, Его заблудшие овцы, уверенно шли на запад, к великой цели...

Целый час Амброзиус вещал в таком духе. Он возблагодарил Господа за все, что выпало на их долю: за высоты и глубины пережитого, особо за те тяжелые часы, которые были не чем иным, как испытанием. Испытанием, которому Он подверг их и в котором каждый из них должен был показать, как силен он в своей вере. Амброзиус многократно помянул, что предаст всех, плывущих под этим парусом, Его воле и милости. Не забыл вознести молитву и за заблудшие души пиратов. И под конец, сложив ладони, пропел из псалмов Давидовых:

*Возьму ли я крылья зари и переселюсь на край моря, —
и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя.*

Ввиду отсутствия кропильницы Амброзиус взял деревянную чашу с малыми каплями питьевой воды, совершил над ней молитву освящения, запустил в нее пальцы, сложенные щепотью, и окропил команду и шлюпку:

— Да будут благословенны люди и корабль, который этих людей несет! — И снова осенил всех крестом.

Феба с шумом выдохнула:

— Ух ты, ну и отличная проповедь вышла, отец! Отличная проповедь, такая... такая торжественная! Скажи, Филлис?

— Да, да, торжественная, — отозвалась Филлис.

Слово взял Витус:

— Спасибо, отец Амброзиус. А теперь поднимаем парус! Как и положено, вахту принимает мистер О'Могрейн со своей командой. — Он начал перелезать на буг «Альбатроса». — Все за мной на нос!

Пока Фрегтлз с помощью Амброзиуса и Коротышки ставил парус, а О'Могрейн перенимал румпель, взгляд Витуса был обращен назад, к останкам «Галанта». Постепенно расстояние между ними увеличивалось. Витуса охватила печаль. Пусть галеон являл собой сейчас только обломок горы или гору обломков, состоящую из балок, досок и планок, но все-таки одним своим присутствием он много значил для всей команды. Он был им чем-то вроде родного дома, последним связующим звеном с доброй старой Англией. Теперь со всех сторон их окружало только открытое море, даже последние плавающие обломки исчезли из виду.

Витус заставил себя отвернуться и смотреть вперед. Вперед, в безбрежную морскую даль.

Двадцать часов спустя Витус и его команда несли утреннюю вахту с четырех до восьми часов. Первые пятьдесят миль лежали позади, по крайней мере, так оценивал О'Могрейн, который

свои часы отдыха использовал для того, чтобы немного поболтать с Витусом. Они сидели перед кормовой банкой, по правому и левому борту, между ними Бентри держал румпель. Штурман изъяснялся в своей обычной мягкой манере:

— Нам повезло, хирургик: течение и ветер в этих широтах имеют направление с востока на запад, поэтому мы идем почти сами по себе в район Карибов.

Витус энергично кивнул и почувствовал, что шишка на голове все еще дает о себе знать. Но ночью он снимал повязку, наложенную Фебой. Ему хотелось открыть к больному месту доступ воздуха, и вдобавок он надеялся, что прохладный обтекающий воздушный поток поспособствует заживлению.

— Так следует ожидать, что мы сможем сохранить эту скорость, мистер О'Могрейн? Тогда за сколько дней доберемся до берегов Вест-Индии?

Штурман улыбнулся:

— При всем моем желании, хирургик, не могу дать вам ответ... Эй, Бентри, не отвлекайся на наш разговор! Ты берешь слишком на юг, слышишь? Для чего у тебя перед носом компас?.. Простите, так вот, ответ трудно дать, потому что я не знаю нашей долготы или, выражаясь проще, не знаю, где мы находимся с нашим «Альбатросом». Само собой разумеется, где-то между Африкой и Америкой, но вот где точно — это вопрос! Досконально определить градус долготы невозможно, а объяснить почему, еще сложнее...

Витус добродушно махнул рукой:

— А вы попробуйте, штурман! Мы с Магистром в позапрошлом году имели счастье познакомиться с одним испанским навигатором, который был истинным знатоком своего дела. Тот человек очень наглядно представил нам все трудности своего дела.

Он бросил взгляд вперед, где маленький ученый сидел на корточках у мачты, погруженный в собственные раздумья:

— Так, Магистр?

— А?

— Помнишь Мануэля Фернандеса? Золото был, а не штурман!

— Да-да, наверное. — Магистр прищурил глаза и взглянул в его сторону не слишком радостно.

Из-за близорукости от него было мало толку в роли впередсмотрящего. И заботу о парусе нес на себе Брайд. Тот хоть и был всего лишь плотником, понимал в этом куда больше его. Так что Магистру не оставалось ничего другого, как вычерпывать со дна лодки просачивающуюся воду деревянной бадьей, тяжелой, с ободами и обитым железом днищем, — невеселая работенка.

— А чего ты вдруг вспомнил Фернандеса?

— Да так. Не бери в голову и не расстраивайся, что ничего другого пока не можешь делать. — Витус снова обратился к штурману. — А на какой широте мы находимся, мистер О'Могрейн?

— Примерно градусов пятнадцать севернее экватора, по крайней мере, были на ней, когда на нас напало это пиратское отродье. А как далеко отнесло обломок «Галанта» и нас с ним на юг или на запад, знает только Матерь Божья. Если прикинуть на глазок, чтобы дать вам хоть какое-то представление о нашей долготе, мы находимся где-то на полторы морские мили восточнее Антильских островов. При таких благоприятных условиях, как сейчас, нам потребуется... тысячу пятьсот разделить на пятьдесят... примерно дней тридцать до Карибского бассейна. Но не хочу вводить в заблуждение ни вас, ни других. Плавание может продлиться и в два раза дольше.

— Этого я и боялся!

Витус размышлял о пайке, который каждый из команды получал на день. Он был так мал, что не мог бы насытить и ребенка. И тем не менее Витус положил его из расчета тридцати пяти суток пути. Если обстоятельства будут складываться удачно, провианта должно хватить, хоть и в обрез. Хуже обстояло дело с водой. Собственными запасами им не обойтись. Оставалось только молить о дожде и надеяться, что удастся сколько-то собрать навесом из парусины. В противном случае...

— Скажите, мистер О'Могрейн, а часто ли бывают дожди в этих широтах?

— Весь вопрос в том, что вы понимаете под «часто». Одно могу сказать наверняка: пару раз обязательно будет дождь. А может быть, даже и чаще... и сильнее, чем нам понравится... Святая Дева Мария! Бентри, ты снова берешь слишком на юг! Смотри на компас! Извините, хирургик, что беру на себя ваши капитанские полномочия.

— Все верно. Вы имеете право.

Витус рассердился на себя, что сам не проследил должным образом. Но ведь это детская забава — держать правильный курс! Брайд вмонтировал вертикально в банку перед кормовой банкой устойчивый четырехгранный стержень, а к его верхнему концу прикрепил хорошо обозреваемый компас. Под ним располагались песочные часы, которые старший вахтенный должен был переворачивать каждые тридцать минут.

— Бентри, тебе просто нужно быть внимательнее. Все время помни, что у румпеля ты несешь ответственность за десять человеческих жизней. Малейшее отклонение от курса может занести нас на сотни миль от цели.

Бентри поджал губы и не мигая уставился вперед. В конце концов он процедил сквозь зубы:

— Ладно, сэр.

Ответ был неподобающим. Слишком неподобающим, даже если принять во внимание, что «Альбатрос» не настоящий парусник, а Витус не настоящий капитан. У него уже вертелся на языке резкий ответ, но, чуть поразмыслив, Витус промолчал. Он не хотел раздоров, по крайней мере в начале плавания.

Его взгляд критически окинул лодку и унесся вдаль. Что она? Жалкая скорлупка на безграничной глади океана, до смешного маленькая, уязвимая и перегруженная людьми!

«Альбатрос» насчитывал двадцать пять футов в длину — примерно рост четверых дюжих молодцов — и едва ли восемь футов в ширину. Между кормовой и баковой банками — три банки для гребцов. Через среднюю банку для большей устойчивости проходит мачта. На баковой банке стоит клетка с петухом Джеком. Птица выглядит ослабевшей, но у Витуса не хватало духу зарезать бедолагу. Что-то в нем противилось этому.

Между баковой и следующей за ней банками нашли себе прибежище Феба и Филлис — над ними натянут защитный тент, а между ними жаровня на четырех железных ножках, которая поставлена на якорь и надежно закреплена на рыбине. Обе девушки, как и было приказано, внимательно следят, не появится ли с любой из четырех сторон света желанный парус. За ними, растянувшись на банке, храпит Фреглз.

В узком проеме между ним и мачтовой банкой сидит, скрючившись, на бухте тросов Амброзиус. Но неудобная поза не мешает монаху вести наблюдение за правым бортом, хотя сейчас его время отдыха. То же касается и Коротышки, который делит следующий промежуток между банками с Магистром. Он зорко держит глаз по левому борту. И, наконец, Брайд. Он сидит тут же, у кормовой банки, вплотную к О'Могрейну, и в своих натруженных плотницких кулаках удерживает шкот паруса.

А перед ними, позади, рядом и под ними сложено все, что удалось спасти. Скарб заполнял собой лодку, и Витус страстно желал от чего-либо освободиться, но все было нужно, и более того, кое-чего еще не хватало. В первую очередь ремней. Все ремни пропали во время крушения. И случись «Альбатросу» лишиться мачты, они не смогут идти на веслах. А это значило бы отдать себя на волю волн.

Витус отринул грустные мысли.

— А как велики наши шансы повстречать корабль, мистер О'Могрейн? — переключился он на другую тему.

Штурман горестно покачал головой:

— Минимальны, хирургик. Основные торговые пути проходят много севернее, а в это время года и они не особенно оживленны.

— Не найдется ли для меня какой другой работенки? — неожиданно подал голос Магистр. — А то я чувствую себя таким же полезным, как черный таракан на кухне!

— Отчего же, — ответил О'Могрейн, чуть поразмыслив. — Вас не затруднит соорудить удочку для рыбалки? Вы же сами нашли крючки!

— *Go raibh maith agat!* Ваша правда, господин штурман! — Виды на новый род деятельности оживили маленького ученого. — Только, боюсь, я один не справлюсь.

У Витуса мгновенно созрела идея:

— Бентри тебе поможет, Магистр. Бентри, вам это дело знакомо? А я возьмусь за румпель.

Немного погодя Витус и О'Могрейн остались одни на корме, и Витус сказал:

— Надеюсь, я правильно сделал, что отослал Бентри. Люди вроде него всегда вбивают себе в голову дурацкие мысли, когда узнают, насколько тяжело положение.

— Боюсь, вы правы, хирургик. И Фреглз производит на меня двойственное впечатление. Не то чтобы он не подчинялся, но все делает как-то... против воли.

— Вы тоже заметили? Уверен, что это он или Бентри вскрыли шкаф и украли окорок той первой ночью. Просто я не стал преследовать воровство, потому что наше положение и так отчаянно и я не хотел усугублять его.

О'Могрейн вздохнул:

— Будем надеяться, что молодчики станут в дальнейшем держать себя в руках!

На следующее утро еще одна ночь была позади. Ночь без особых приключений, когда созвездия висели так низко, что, казалось, можно схватить их рукой, а ясная луна купала «Альбатрос» в своем серебряном свете. Западное море не держало на них зла, а беспредельные дали, покой и умиротворенность, окружавшие их, нашептывали, что никогда ничего другого и быть не может. Витус и О'Могрейн сидели на корме и наслаждались чем-то похожим на будничным днем на борту. Вахтенные смены работали исправно, судно бежало ровно, люди трудились рука об руку, даже Бентри и Фреглз. Заботы о завтрашнем дне были позабыты...

Вдруг с бута донесся пронзительный крик Фебы:

— Боже милостивый! Там впереди, там рыба! Уф, какая рыбина! Черная и серая! А может, и не рыба! — Она в возбуждении повернулась к Амброзиусу. — Отец, отец, я вижу рыбищу! Ух, как она торчит из воды! Да там, там, впереди! Не видите, что ли?

Все вздрогнули и посмотрели вперед. Амброзиус вскарабкался на банку, выпрямился, с трудом удерживая равновесие, во весь свой рост и приложил ладонь над глазами. Долгое время он молчал.

— Ну, святой отец, что там? Ну видите или нет? — подпрыгивала Феба внизу.

— Да, и вправду, вижу что-то плывущее к нам, — наконец-то произнес монах, крестясь.

— Ну? И что? Что это?

— Человек на чем-то вроде плота.

— Осторожно, поднимайте осторожнее! Может быть, он тяжело ранен! — Витус, передав румпель О'Могрейну, пыхтел подле брата Амброзиуса, перетаскивая человека без сознания через борт и укладывая его на скамью.

Хоть парнишка и не был тяжелым, это удалось им только с третьей попытки. Тяжело дыша, Витус распрямился. И лишь теперь ему пришло в голову, что Фрегтлз, все время околавшийся рядом, и пальцем не шевельнул, чтобы помочь.

— Фрегтлз, черт побери, — вырвалось у него, — стоишь здесь сложа руки! Нет, чтобы помочь! Что ты там размышляешь?

Фрегтлз скривил губы и смачно плюнул в море.

— Что я думаю? Думаю, нам не нужен еще один рот на борту — вот что я думаю! У нас и так не хватает жратвы. Лучше бы подумали, кого можно выкинуть за борт.

Витус оторопел. Какой бес вселился в парня? Откуда такое человеконенавистничество? Что это: отчаяние? Злоба? Страх? Конечно, их положение радужным не назовешь, скорее уж безнадежным, но это не дает права на такое пренебрежение человеческой жизнью! В конце концов, Фрегтлзу было не лучше и не хуже, чем всем остальным.

Амброзиус опомнился первым:

— Твоими устами говорит сатана, несчастный! — пророкотал он. — Никакому христианину не пристало выражать подобное даже в мыслях! И твоя душа будет проклята, если ты немедленно не покаешься...

Фрегтлз прервал его речь, неведомо откуда выхватив нож:

— Разве? А ну-ка, глянь, отец мой! — Черты матроса исказила гнусная усмешка. — И хирургик, и штурман пусть посмотрят! Ага, вам не мерещится: у Фрегтлза есть нож! Хороший, длинный нож. Йо-хо-хо! Ну что вытаращил зенки, ты, горбатый мешок? У того пирата в воде было два ножа! Хо-хо-хо! Да, два! И один из них у Фрегтлза! И Фрегтлз сейчас покончит с этим фарсом! — Он изрыгал с ядом фразу за фразой. — Витус из Траля-ля и штурман О-гу-гу-гу! Вы, важные птицы! Ваше время кончилось! Я беру командование на себя! И первое, что я сделаю, выкину этого недомерка за борт! — Направив острие на Витуса и монаха, он рывком вздернул бессознательного мальчишку вверх.

— Нет, не кинешь! Оставь его в покое! — Фрегтлз на секунду опоздал, и это оказалось роковой секундой. Потому что Феба воспользовалась ею, чтобы подсесть мятежника сзади.

Рожа Фрегтлаза, все еще полная самодовольства, приобрела дурацкое выражение, когда он попытался удержаться на ногах. Он глупо замахал руками, выронив при этом нож, который крутой дугой полетел в волны. Сам он, споткнувшись о планширь, полетел вслед за ним секундой позже. Он еще пытался вынырнуть, заглатывая воду и шумно отфыркиваясь, но потом не выдержал:

— На помощь! На помощь! Я не грллл... не грллл... не умею плавать! Помогите-е-е!

— Спасибо, мисс Феба! Это было великолепно. — Витус опомнился быстро. — Магистр, Энано, Бентри, бросьте ему канат за борт! А потом привяжите тем же канатом к мачте. Пусть пока побудет там! Позже посмотрим, что с ним делать. Он явно не в себе и опасен для всех нас.

Витус склонился над спасенным. По одежде он был обычным матросом. Юношеские щеки, покрытые еще легким пушком, глубоко ввалились. Витус оценил его возраст: не больше семнадцати.

— Мальчик, слышишь меня, мальчик?! Эй, парень! — он взял узкое серое лицо в свои руки и пристально посмотрел в полужакрытые глаза.

Никакой реакции. А за его спиной началась возня. Очевидно, поднятый на борт Фрегтлаз сопротивлялся тому, чтобы быть привязанным. Но у Витуса сейчас не было времени заниматься им. Не оборачиваясь, он крикнул:

— Брат Амброзиус, успокойте наконец буяна! Как вы это делаете, мне безразлично, только сделайте это!

— Рад стараться, хирургик!

Вслед за этим раздался глухой шлепок, сопровождаемый увещеваниями Амброзия:

— Кто скоро помог, тот дважды помог, сын мой!

А чуть погодя:

— Господи, прости бедному грешнику его прегрешения, он прочтет как покаяние пять раз «Ave Maria»!

И еще погодя:

— Ты прав, пять слишком мало. Бедный грешник прочтет Ave Maria десять раз.

— Эй, парень, давай ответь! — Витус снова и снова пытался оживить юнца.

Наверное, прошла вечность, пока его веки не начали подрагивать, рот его открылся, снова сомкнулся и наконец изверг нечленораздельные слова.

— Что? Что, мальчик? Не понимаю тебя!

— Г...где-е я-а?

— На борту «Альбатроса», самодельного парусника. Мы, как и ты, потерпели кораблекрушение, после того как на нас напали пираты. — Глаза несчастного широко раскрылись и устави-

лись опрокинутым взором. — Не пугайся! Это было давно. Но мы встретимся еще на узкой дорожке, я поклялся себе, что еще посчитаюсь с этим негодяем с квадратной челюстью!

— Джон-Челюсть!

— Что ты говоришь?

— Великий Боже, Джон-Челюсть! Это был он! — прошептал юноша и положил дрожавшую руку на сердце.

Витус увидел, что на его руке зияет отвратительная, воспаленная от соленой морской воды колотая рана.

— Успокойся, — твердо сказал он. — Так, значит, этого господина зовут Джон-Челюсть? И это ему мы обязаны всем, что произошло? Видит Бог, я этого имени по гроб жизни не забуду! А если уж мы заговорили об именах, то меня зовут Витус из Камподиоса и я капитан этого судна. А как твое имя, мальчик?

— Хьюитт, сэр, — прошептал юноша. — Хьюитт.

Перед обедом набежали кучевые облака, и солнечный свет померк. Подул ветер. «Альбатрос» держал курс на полрумба южнее веста — не совсем идеально, как констатировал О'Могрейн, бросив взгляд на компас, но вполне приемлемо, потому что с их самодельным парусом не особенно-то поймаешь ветер.

На судне воцарилась напряженная атмосфера. И все из-за Фрегтла. После того как его привязали, он не переставая выкрикивал самые грязные ругательства в адрес Витуса и О'Могрейна.

— Не обращайтесь внимания, хирургик, — сказал О'Могрейн. — Знаю я эту породу. Вечно бунтуют, правда, в основном склочничают за спиной, но уж когда полагают, что пришел их час, широко раскрывают пасть.

— Надо решить, что с ним делать, — ответил Витус. — Не можем же мы его все время держать привязанным.

— Господи, конечно, не можем! Тем более если — упаси Пресвятая Богородица! — погода испортится.

Хьюитту, который лежал поперек банки, слава Богу, стало легче. Во время утренней вахты Витус беспрестанно через определенные промежутки времени вливал ему воду с помощью Магистра и Амброзиуса. Фрегтл то сыпал проклятиями, то брюзжал, что нечего растрачивать питьевую воду на дохляка.

— Если не замолчишь, Фрегтл, вставим тебе кляп! — пообещал Витус.

То, что Хьюитту стало лучше, было особенно заметно по его глазам. Они снова стали ясными, хоть в уголках и притаилась боль. Он смотрел осознанно и озабоченно в склонявшиеся над ним лица.

— Дай я осмотрю твою рану! — Витус взял его руку и осторожно подвигал ею. — Лучезапястный сустав работает нормально.

Хьюитт со свистом втянул воздух.

— Конечно, ты испытываешь сильную боль, но тебе еще здорово повезло. Удар ножа, а именно об этом свидетельствует характер раны, прошелся насквозь, не задев мышцы, кость и сухожилия. — Витус согнул его пальцы. — Да, и здесь, кажется, все в порядке. Можешь сам двигать пальцами?

Хьюитт, хоть и с трудом, сделал это.

— Очень хорошо! — Кирургик наклонился и обнюхал рану. — Рана чистая, как я и думал, опасности гангрены нет. Но, наверное, сильно жжет, да?

Хьюитт кивнул.

— Это из-за морской соли.

Витус слегка раздвинул опухшие края раны. В ней блеснули кристаллики соли. Тогда он смочил небольшой тампон малым количеством драгоценной влаги и стал промывать рану, то и дело притягивая к себе руку Хьюитта, которую тот от боли отдергивал. Наконец Витус закончил.

— Большого не могу для тебя сделать, Хьюитт.

Едва он это произнес, с буга раздался пронзительный голос:

— Можете перевязать ему руку, хирургик, — трещала Феба. — Здесь еще можно оторвать полоску — все лучше, чем ничего, а мое платье так и так уже выглядит, как балахон на пугале!

— Можем еще и помолиться, — добавил Амброзиус. — И поблагодарить Господа, что спас тебе жизнь. Только сначала расскажи нам, если хочешь, как все произошло.

— Хорошо, святой отец.

И, пока Витус накладывал на руку повязку, Хьюитт принял повествовать. Он говорил негромко, запинаясь, часто прерываясь от слабости. А когда закончил, слушатели долго молчали. Потом Витус сказал:

— Ты, Хьюитт, точно так же, как и мы, жертва этого дьявола Челюсти. Но благодаря твоему рассказу мы его теперь знаем лучше, и это поможет нам его уничтожить, когда он попадется.

Прошло три дня, а Фрегтлз все не унимался в своих поношениях и богохульстве. Только-только все думали, что он утомился, и собирались отвязать его, как он начинал заново. Он становился в тягость. Упрек, который он когда-то бросал Хьюитту, теперь, когда паренек поправился и мог нести вахту, относился к самому Фрегтлзу: он стал бесполезным едоком. И ему не могли вернуть разум ни увещевания, ни молитвы. Напротив, как только отец Амброзиус начинал вечерний молебен, который давно стал всем привычен, Фрегтлз принимался орать и мешать. А когда следующим утром во время вахты с четырех до восьми монах закончил утреннюю молитву зычным «Амен!», и вовсе разразился безумной бранью:

— «Амен», «амен», «амен»! Осточертел ты мне со своим дерьмовым Богом! Пусть сотворит чудо, если он есть, твой Бог! Пусть пошлет дождь или бочки с бренди! А еще лучше с золотом! Золото! Золото! Золото! Я люблю золото! Такое блестящее! Такое гладкое и тяжелое!.. — Он задохнулся, а отдышавшись, завопил еще пуще: — Гладкое, как ляжки девственницы, как ляжки девственницы, которая блудит с сатаной!

— Ну все, хватит! — Брайд, который был человек богобоязненный, забыл все на свете, бросил шкот, одним прыжком подскочил к матче и дал богохульнику в зубы.

— Стой! *«Мне опмщение, и аз воздам»*, — говорит Господь! — остановил Брайда, замахнувшегося еще раз, Амброзиус.

— Гладкое, как ляжки девственницы, как ляжки девственницы, которая блудит с сатаной... Сверху, снизу, раз, два, раз, два, еще, еще! Пекло, пекло, жарко, жарко, йо-хо-хо! Жарко, как между ног у девственницы, которая блудит с сатаной!

— Да он сошел с ума! — ахнул Магистр, взмахнул руками, потерял равновесие и свалился между бухт, бочонков и прочего, потому что «Альбатрос» так закачало, что планширь грозило уйти под воду.

— Точно, сошел с ума! Совсем помешался, а, Филлис?

— Да, да, помешался.

— Уи-уи, свихнулся!

Бентри утрюмо молчал.

Опомнившийся О'Могрейн, который держал румпель, стремительно подхватил шкот, пока не случилось несчастья. А потом покачал головой:

— Надо заткнуть Фреглзу глотку!

— Это мы сейчас и сделаем, — мрачно заверил его Витус. — Мисс Феба, можно попросить у вас еще полоску материи?

— Конечно, можете, хирургик! Уж не знаю, чего бы еще охотнее я вам сейчас дала! — Феба, отрывая еще один лоскут от своей юбки, принялась бранить Фреглза: — А на твоём месте я бы постыдилась, Фреглз, постыдилась бы, клянусь костями моей матери! Под землю бы со стыда провалилась!

— Спасибо! — Витус взял лоскут, скрутил его жгутом.

— Сверху, снизу, раз, два, раз, два, еще, еще! Пекло, пекло, жарко, жарко, йо-хо-хо! Жарко, как...

Витус попытался засунуть ему клеп в рот, но Фреглз дико замотал головой, не давая это сделать. Тогда Амброзиус и Брайд схватили его голову и зажали ее, как в тиски.

Витус снова попытался и снова безуспешно — богохульник сцепил зубы мертвой хваткой.

— Нажмите большими пальцами вот здесь, — он ткнул пальцем в место перед ухом, где соединялись верхняя и нижняя челюсти.

Плотник и монах проделали это, не слишком церемонясь. Рот Фреглза открылся:

— Жарко, как между ног у девственницы, которая блудит с сссстг...

Наконец-то кляп занял свое место.

— Уф, ну вот вам, пожалуйста: *cessante causa, cessat effectus!* — тяжело дыша, изрек Магистр. — Устрани причину — устранился и действие. Фу, но сделать это непросто.

Витус уже собирался заняться своими делами, как в его мозгу неожиданно пронеслась ужасная мысль. Причиной тому были глаза Фреглза. Они налились кровью и сверкали лихорадочным блеском. Он вгляделся в них еще раз, а потом положил руку на лоб несчастного бунтаря. Он пылал жаром. Да, это лихорадка! Полный дурных предчувствий, он внимательно осмотрел лицо Фреглза со всех сторон. Точно пока не скажешь, но, кажется, кожа приобрела желтушный оттенок.

Резко развернувшись, Витус поспешил на корму, где прилежный О'Могрейн уверенной рукой снова направил «Альбатрос» по ветру. Кирургик сел и попытался упорядочить бурлящие мысли. То, что он увидел, внушало самые серьезные опасения. Того, что он предполагал, не должно было быть, не могло быть! Отче наш, сущий на небесах!.. Да минует нас чаша сия!..

— У тебя лицо такое пасмурное, как три дня непогоды! — Маленький ученый, пыхтя, опустился рядом с ним. — Хотя дождичка бы не мешало, дождь можно испытать!

Витус не шелохнулся.

— Эй, да в чем дело?

Витус молчал.

— Давай, говори! Нет ничего такого ужасного, чего бы ты не мог мне сказать. Итак?

Витус колебался. Если его предположение подтвердится, не спасет уже ничего. Он понизил голос до едва различимого шепота:

— Я сильно беспокоюсь из-за Фреглза.

— Ну так что? Мы все беспокоимся...

Магистр не закончил мысли, потому что Фреглз вдруг издал сдавленный вопль, от которого мурашки побежали по телу, и начал давиться. Он хрипел, булькал, лицо его побарвелело.

— Его рвет! — Витус сорвался со своего места.

В мгновение ока он был уже рядом с Фреглзом, запрокинул его голову и выдернул кляп. За ним вырвался поток рвоты, перемешанной с кровью, и хлынул на решетчатый настил шлюпки. В воздухе повис тяжелый запах сырой печени только что забитой скотины. Фреглз жадно хватал ртом воздух. Новый приступ рвоты потряс его, и вместе с блевотиной из его глотки вырвалось:

— Жарко, как между ног у девственницы, которая блудит ссс...

Следующий приступ заставил его замолчать. Он так ослабел, что безвольно висел на веревке с опущенной на грудь головой.

— Развяжите его, — приказал Витус. — Он болен. Я дам ему воды.

Позже, когда друзья снова сидели на корме, Магистр спросил:

— Думаешь, у Фрегглаза что-то серьезное? Что-то, что стало причиной его безумия? Ну говори же!

— Боюсь, что у него черная рвота.

На следующий день кожа Фрегглаза приобрела отчетливо желтый цвет, к тому же разбухла наподобие жабыей. Его мучили тяжелые головные боли и боли в спине, то и дело его рвало. А поскольку его желудок уже давно был пуст, шла только темная желчь. Он быстро угасал.

Медикаментов не было, и лечение было невозможно. Витус мог давать ему только воду, маленькими порциями по многу раз на дню, что хоть как-то облегчало плачевное состояние больного.

Через сутки Фреггз впал в горячечный бред, с закрытыми глазами бормотал бессвязные речи, не раз пытался заводить зловещее непотребство о девственнице и сатане, но закончить этот вздор у него не хватало сил, чему, честно говоря, все на борту были рады.

Двадцать четыре часа спустя он был уже настолько слаб, что едва мог дышать. А на следующий день умер.

Брат Амброзиус — уж никак не друг умершему! — собрался с духом, попросил у Господа прощения, что так мало имеет сочувствия к судьбе усопшего, и помолился:

Господь — пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он поощряет меня на злыхных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня... Амен!

Он не до конца прочитал двадцать второй псалом Давида, потому что необычайно плохо чувствовал себя в тот день. Лоб его был в жару, и ему пришлось сесть, после того как закончил молитву.

То же творилось и с Брайдом, и с Коротышкой, которых тошнило и кружилась голова.

Витус также чувствовал, как тупая боль поселилась в затылке. Сначала он не хотел этого признавать и говорил себе, что все это лишь последствия удара — шишка по-прежнему укра-

шала его голову, — но вскоре вынужден был признаться, что обманывает себя и что он так же заразился черной рвотой, как и все остальные.

Тем, кому следует знать.

Эти строки в судовом журнале «Таланта» да будут свидетельством бесчестного деяния, которое должно быть наказано и Богом, и людьми. 19 января Anno 1578 наш мирный парусник был атакован пиратами и взорван. Проводителями их был дьявол в человеческом обличье по прозвищу Джон-Челюсть. Прозвище свое он получил по причине своей мощной нижней челюсти. Только восемь мужчин спаслись после кораблекрушения: брат Амброзиус, монах-августинец; магистр юриспруденции Рамиро Гарсиа; карлик Энао; штурман Дональд О'Могрейн; Джошуа Брайд, корабельный плотник; матрос Фрезз и Бентри, а также судовой врач Вилкус из Кампоуоса. Кроме вышеперечисленных в живых остались две молодые дамы: мисс Реба и мисс Филлис. Следующим потерпевшим, которого чудом удалось выловить из воды, был Хьюитт. Мы плыли под парусом на бывшей шлюпке «Таланта», окрещенной нами «Альбатросом», и по грубым расчетам находимся на 15° северной широты; держим курс на запад в надежде достичь Английских островов. Наш провиант скуден. На борту разразилась черная рвота. Мы беспрепятственно мамися, но, если на то будет воля Господня, готовы предстать пред Ним все. Те, кто найдет это послание, должны отомстить дьяволу Джону-Челюсти. Лихорадка лютует. Времени остается немного. Матрос Фрезз уже умирает мучительной смертью и предан волнам. Прости нам, Господи, но мы съели с него рубашку, панталоны и камзол. В одежде мы нуждаемся не меньше, чем в пропитании. Для защиты от солнца и всепроникающей морской воды.

Отцы наш Небесный, в руки Твои предаем души наших.

Написано 1-го дня месяца февраля A. D. 1578

На борту «Альбатроса»

Вилкус из Кампоуоса, *Cirurgicus galeonis.*

Его трясла лихорадка, когда он держал журнал на ветру, для того чтобы высохли чернила. Потом захлопнул его и запер в шкаф вместе с чернильницей и пером. Он с трудом владел собой, руки дрожали, его то знобило, то бросало в жар. Черная рвота! Кроме него, Амброзиуса, Брайда и Коротышки явные признаки заразной болезни были и у штурмана О'Могрейна, и у Бентри. И все-таки отважный О'Могрейн в одиночку продолжал вести «Альбатрос» правильным курсом. Странно, что Хьюитт и обе девушки были по-прежнему здоровы. Они что, заговорены от заразы? Правда, бытовало мнение, что раз переболевший черной рвотой, больше ею не заражался. Говорили еще, что она переносится комарами. Комарами? Но откуда, Боже всемогущий, взяться комарам на просторах открытого океана, где не видно даже вездесущих чаек?

Комары? Нет. Но, может быть, их личинки?

Его колотило. И не только из-за лихорадочных мыслей, но и потому, что ему вдруг стало страшно холодно.

Из личинок появляются комары. На всем белом свете, лишь бы было достаточно тепло. А личинки могли путешествовать вместе со шлюпкой. Или на двери, которая служила Хьюитту плотом.... Он взял себе на заметку при следующем удобном случае расспросить Хьюитта и девушек, не переболели ли они однажды желтой лихорадкой. Сейчас же его зубы выбивали барабанную дробь, а тело тряслось от пят и до макушки. Но он не имеет права болеть. Он же врач! Врач, который не может исцелить себя сам, ломаного гроша не стоит! Как он сможет помочь друзьям и товарищам, если сам будет лежать пластом? Смешно! Сейчас, сейчас он им поможет, только приляжет на минутку под теплый такелаж на дне шлюпки, только на минутку! На минутку...

— Эй, Хьюитт, не можешь рулить чуть поровнее? Чё, думаешь, суп сам по себе держится в миске?

— Прости, Феба, не получается. Но зато мы идем сейчас верным курсом, на запад, прямо на запад!

— Да? Ну ладно, видно, дело в волнах. Сегодня такие волны и ветер дует, как ошалелый. Но главное, что мы идем вперед, на запад, да, это главное, а, Филлис?

— Да-да, главное.

— Брайд скоро помрет, голову даю на отсечение, если это не так!

Филлис ничего не сказала.

— Да и другие на ладан дышат. — Феба с остервенением мешала суп. — Особо плох О'Могрейн. Его опять кидает то в жар, то в холод и снова вывернуло наизнанку. И это продолжается неделю, целую неделю! Он прям весь истаял. Я так боюсь за него! — Она попробовала свою бурду. — Хм, а ничего! Чуток хлеба и бобов в размазню капитана... А главное, последние капли пресной воды и вот вам то, что, может быть, не самое изысканное блюдо для дам, но тоже ничего... совсем ничего... Боже, надеюсь, это им поможет!

Филлис испуганно кивнула.

— Суп должен быть горячим, Филлис, понимаешь, горячим! А то нет пользы... Подложи дров, но сухих, слышишь, сухих!

Филлис послушно добавила на жаровню щепы и чурок. Их тут же облизали языки огня. Затрещало, зашипело, задымилось.

— Варить суп в бадье, а, Филлис, в бадье! Ни одному мужику не пришло бы такое в голову, уж можешь мне поверить...

Утром этого дня Феба споткнулась о деревянную бадью, валившуюся возле больных.

— Чума тебя заberi! — выругалась она, потирая ушибленный палец. — Полетишь у меня за борт!

Она схватила обидчицу и размахнулась, но, увидев обитое железом дно, остановилась. Ей в голову пришла идея:

— Будь я неладна, ведь из этой лоханки выйдет чертовски хороший котелок!

Щепа никак не хотела приниматься. Филлис пошебуршила щепкой аж до самого дна и беспомощно пожала плечами.

— Пусти-ка! — Феба сняла всю щепу и принялась усердно раздувать угли. — Видишь, вот так надо. Огню нужен воздух, понимаешь, воздух...

Феба еще раз помешала суп, сняла пробу, рыгнула, не разжимая губ, и, похоже, осталась довольна.

— Ну начнем, а?.. Постой-ка, постой! Чуть не забыла моего любимчика! — Она повернулась к баковой банке. — Эй, Джек, старый задира, все еще жив?

Петух распушил перья и склонил голову набок, а потом выдал порцию помета. Феба усмехнулась:

— Тоже ответ. Радуйся, что не ты торчишь в этом котелке. Но все может случиться.

Петух постучал клювом по дну своей клетки.

— Что, нет здесь червячков? Я тебе уже тыщу раз говорила, а если бы и были, давно варились бы в моей бадейке. Цып-цып-цып! — она просунула палец сквозь прутья, и петух осторожно стукнул по нему клювом. — Помнишь, как ты меня в первый раз клюнул, ты, изверг? Да ладно, конечно и забыто! Феба не злопамятна, подожди-ка... — Она сунула руку под бак, где в ящике хранились последние крохи галет. — На-ка, поклой! Только это последние, имей в виду! Крошки тебе, размазня нам. А как все слопаем, будем питаться воздухом.

Но так далеко дело еще не зашло. Феба была по натуре девушкой жизнерадостной и жила сегодняшним днем. «Завтра» было для нее за туманной дымкой, а что касалось отдаленного будущего — все в руце Божией!

Когда командование судном как-то само собой легло на нее, она тут же определила лежащим в лихорадке полный рацион. Не больно-то много это было, тем более что они так ослабели, что не могли прожевать черствый хлеб и бобы. А рыба, которую время от времени ловил на удочку Хьюитт, мало разнообразила их меню, потому что в отсутствие сковороды или решетки, большей частью обугливалась на открытом огне. Есть рыбу сырой Феба решительно отказалась. Скорее она умрет, чем проглотит кусок этих «свиных потрохов»! Теперь же, когда у них есть котелок, все пойдет иначе. В нем рыбу можно будет сварить, если, конечно, будет вода. А надежда на это была. За последние дни два-три раза проливался дождь, правда, такой короткий, что Фебе не так уж много удавалось набрать.

— Ну ладно, приступим! — повторила она. — Где твоя кружка, Филлис? Давай! Дамы, вперед! — Она зачерпнула деревян-

ной посуды из котелка. — Эй, Хьюитт, ежели сумеешь чуток закрепить румпель, тоже получишь глоток супа. Сможешь?

Хьюитт смог. Как вихрь перенесся он на нос и получил свою порцию. Когда все трое подкрепились, Феба распорядилась:

— Хьюитт, давай, возвращайся к румпелю и постарайся вести челнок как можно ровнее. А мы с Филлис вольем размазни нашим болезным, чтоб у них поднабралось силенок!

«Болезными» были Амброзиус, Коротышка, Магистр, Бентри, Брайд, О'Могрейн и Витус. Все они выглядели скорее мертвецами, чем живыми. Отощавшие, жалкие, с всклокоченными бородами и опухшими лицами. И у всех были типичные симптомы черной рвоты: сильный жар, озноб, головные боли, мучительная жажда, боли в эпигастральной области и непрерывная рвота с землисто-кровяными рвотными массами. Они бредили и почти не приходили в себя. Брайду и О'Могрейну было хуже всех. Они были первыми, на ком Феба испробовала холодный освежающий компресс на лоб из лоскута от ее рукава, смоченного в прохладной морской воде. Похоже, средство помогало, но платье уже все ушло на лоскутки, так что другим было помочь нечем, а она сама с этой поры носила панталоны, рубашку и камзол покойного Фреглаза — костюм, который, надо сказать, придавал ей неотразимо грациозный вид.

— Так, первым у нас брат Амброзиус. Святой отец, слышишь меня? Тут у меня кое-что вкусненькое! Сама приготовила.

Она уже давно перешла со всеми на «ты», это получилось само собой. Страдания, зловоние, беспомощность, страх — все это сблизило Фебу с ними. Разница в положении и учености уже ничего не значила. Они были теперь просто людьми, горестными человеческими существами.

Амброзиус пробормотал что-то нечленораздельное. Он лежал поперек первой банки, голова его покоилась на куче ветоши. Феба просунула руку под его затылок, легонько приподняла его и прижала щекой к своей полной груди. Она делала это сознательно, потому что давно убедилась, что на мужчин в минуты их горестей, когда они только поскуливают и лепечут, это действует успокаивающе. Может, потому, что все мужчины по сuti своей дети...

— Поддай-ка мне кружку, Филлис! — Феба протянула свободную руку. Когда ее рука так и осталась пустой, она удивленно взглянула на подругу. — В чем дело, Филлис? Почему не даешь? Ах, хочешь сама напоить его супом? По мне, так воля человеческая — его Царствие Небесное. Всегда так говорю, это вроде из Библии. Из Библии ведь, а, Амброзиус?

Монах открыл глаза. Феба взгляделась в помеченное болезнью лицо. Кожа да кости остались от крепкого мужика, но, похоже, хуже ему не стало. Хороший знак! Перед тем как черная

рвота свалила хирургика, он успел объяснить ей слабеющим голосом, что каждый день, отвоеванный у лихорадки, увеличивает шансы больного на выздоровление.

— Ну и плевать, и Бог с ним, из Библии это или нет, да? Главное, чтоб ты выздоровел!

— *Volente Deo*, — проскрипел Амброзиус.

— Чё? Чё ты говоришь? Знаешь, я ведь никогда не понимала вашу латинскую тарабарщину.

Амброзиус тщетно попытался издать еще хоть звук.

— Да ладно, брось, коль не можешь, не переутруждайся! — Феба еще крепче прижала голову монаха к груди. Это выглядело так, словно она качала ребенка. — Брось ты, брось ты, брось ты...

Филлис крепко сжала губы.

— Если... воля Божья... — чуть слышно прошептал Амброзиус.

— «Если воля Божья»? На что воля Божья? Ах, чтоб ты выздоровел? Ты выздоровеешь, обязательно выздоровеешь, уж я-то тебя знаю!

И это было правдой, то, что она знала. В своих бредовых видениях монах выболтал многое о себе и своей родине. Пусть Феба и не все поняла, потому что он большей частью бормотал по-немецки, но все же сообразила, что он происходит из богатой купеческой семьи и вырос в достатке и роскоши. У него было семеро братьев и сестер, а он оказался единственным, кто так сильно принял к сердцу Создателя, что пожелал провести свою жизнь в уединении за монастырскими стенами. Годами позже он вознамерился вернуться в мир, чтобы нести людям Слово Божье...

— Хорошо, хорошо, Амброзиус! А сейчас давай-ка глотнем кой-чего вкусенького. Жирный каплун ничто по сравнению с этим, говорю тебе. Очень-очень вкусенького, правда, Филлис?

— Да, да, вкусенького.

Филлис поднесла кружку так, чтобы Амброзиус мог самостоятельно глотать помаленьку согревающий суп.

— Ну вот, а теперь поспи немножко. Сон — лучший лекарь, как говорили у нас в пуб... э-э... в доме.

Феба перебралась за монаха, к маленькому ученому, и положила его на свою грудь.

— А вот и мы, Магистр! Ты меня слышишь? Слышишь?

— Не голоси ты так, — прошептал иссохший ученый, не отрывая глаз.

Феба вгляделась в бледный шрам в форме креста на лбу своего подопечного. Этот рубец — она теперь знала это — остался у него после ужасных пыток в застенках инквизиции, где судьба свела их с хирургом.

— Это я голосю? Тьфу, голову... То есть... Да ну тебя!

Маленький ученый открыл глаза, сощурился и попытался усмехнуться:

— Дражайшая... — слова давались ему с трудом.

— Знаешь что, Магистр, лучше помолчи! Есть ты должен, есть! Это сейчас поважнее будет. — Она влила ему супу, потом еще, и с удовлетворением смотрела, как он мало-помалу опоражнивает кружку. — Филлис, будь ангелом, положи ему на лоб компресс. Как он потеет, я еще сроду не видела!

Хорошенько пропотеть — это она знала — было очень полезно в борьбе с болезнью. И если он будет продолжать в том же духе, то обязательно поправится.

Вот и Энано. Про малыша она знала мало. Он тоже говорил в бреду, но все на каком-то дурном языке, который понять было еще труднее, чем обычно. И все-таки Феба ухватила, что Коротышка вел жизнь изгоя, пока не встретил хирурга и Магистра.

— Ну, горбушка, курносый нос, рыбы губки, Феба с тобой. — Его она положила, как ребенка, себе на колени. — Феба сварила для тебя супчик, который тебе будет бархатом по пузу! Так ведь ты говоришь, ежели тебе чё нравится?

Кроха молчал. Она сняла повязку с его лба и пощупала губами лоб. Обрамленный копной рыжих волос, он был горячим, но не пылающим жаром.

— Ха, да мы сбили тебе жар, клянусь моей дурной головой! Да и вообще ты выглядишь молодцом! Чегой-то ты молчишь, мешок с костями?

— Уи-уи... — еле слышно пролепетал малыш.

— Ну а я что говорила? Можешь ведь! Если снова нахальничаешь, значит, здоров! А я и рада! — Она напоила его супом из вновь наполненной Филлис кружки и бережно уложила крохотное существо к подножию мачты. — А теперь Фебе надо дальше. Ты ведь не единственный, кому нужна Фебина гр... э... Фебин уход, понимаешь?

— Грамерси.

— Грамер... что? — Феба, которая уже сделала шаг дальше, обернулась. — Чёй-то ты опять придумал?

— Гран мерси — большое спасибо...

— Ах, это... Да ладно, чего там! Рада была услужить!

— ...госпожа полюбовница...

Феба уперла руки в боки.

— Ах ты, чертов охальник, вот погоди, выздоровеешь — я тебе покажу!..

Но по большому счету она поздравила себя: дело шло на поправку.

Следующий подопечный радости доставлял мало. Это был Брайд. Корабельный плотник лежал по левому борту перед кормой, скрючившись, как червяк. И, как червяк, извивался он все

последние дни от болей, которые скручивали его снова и снова. С Брайдом дело обстояло худо, очень худо. Поначалу три или четыре дня после того, как он слег, она еще надеялась, что ему, как и другим, мало-помалу станет лучше, но потом надежды оставили ее. Он уже несколько дней не мог помочиться, и это было дурным признаком. Похоже, его почки больше не функционировали, а может, что другое было в его организме не в порядке, — она мало что понимала в этом.

Феба согнулась в три погибели, потому что кроме Брайда здесь, у кормы, распластались еще Бентри, О'Могрейн и хирург, а кроме того, сидел Хьюитт, который управлял «Альбатросом». Присев на корточки, она взяла голову плотника в свои ладони.

— Ах ты, бедолага! — пробормотала она, потом оттянула веко и посмотрела на зрачок. — Мутный, что твой плевок! — констатировала она и принялась покачивать его, как и каждого из больных. — Эй, Брайд, это Феба, Феба это! Ты меня слышишь?

Брайд не проявлял признаков жизни.

— Феба с тобой, эй! — Она прокричала ему прямо в ухо, потому что непременно хотела его пробудить. Если он будет в сознании, значит, хоть не помер.

В конце концов Брайд полуоткрыл мутные глаза и издал нечто похожее на звук:

— Хрррдая...

Феба приняла это как ответ.

— Ну и славно, у меня для тебя супчик. Он поднимет тебя на ноги! — Она раскачивала его все сильнее. — Это я тебе говорю, Феба. Была у меня эта проклятая лихорадка, и у Филлис тоже... Тыщу лет назад, в Плимуте... и мы еще как справились с ней, а, Филлис?

— Да, да еще как, — Филлис протянула кружку с дымящимся супом.

— А теперь глотни-ка, Брайд, и мир покажется другим! Ну, Брайд!

Но челюсти Брайда были так плотно сомкнуты, что Фебе не удалось влить ни капли через его сжатые зубы.

— Не хочешь? Ну ладно. Может, потом.

Она попыталась придать голосу бодрую нотку, но это ей плохо удалось.

— Ты поправишься, обязательно поправишься. Тебя ведь зовут Джошуа? Хорошее имя! Знаешь, а в Библии тоже есть Джошуа. Я не больно-то знаю Библию, но помню эту историю с Джошуа. Хочешь послушать? — и, не дожидаясь ответа, Феба начала: — Тот Джошуа был сыном одного человека по имени Нав. Да, Нав его звали, смешное имя, да? Ну да ладно! Так вот, этот Джошуа Навин был слугой Моисея... пока что понятно? А Джошуа — тот перевел евреев через Иордан. Это такая река,

понимаешь? Двенадцать камней взял он, или что-то вроде этого, чтобы они не замочили ноги. У того Джошуа не было земли, а она ему была нужна, и поэтому он завоевал Иерихон, понимаешь? Иерихон — это город. Может, ты о нем слышал? Его посланцы все время трубили вокруг стен... семь дней подряд. А кто такое выдержит? Ну а на седьмой день они еще все разорались. Вот стены и рухнули, вроде как сами по себе. Так они завоевали Иерихон и всех поубивали: людей, ослов, овец и другую скотину и оставили в живых только одну шлюху, слышишь, шлюху по имени Раав. Видишь, шлюха еще не самая пропащая! И все это он сделал, потому что Господь помогал ему. А тебя, Брайда, тоже зовут Джошуа, и тебе тоже поможет Господь. Вот увидишь! Скоро у тебя спадет жар, и лихорадки как не бывало!

Она вздохнула, потому что и сама не верила в это. Положив Брайда обратно, Феба перебралась к хирургу. О нем она теперь знала, что у него есть женщина, которую он любит, потому что в бреду он все время повторял ее имя: Арлетта. Красивое имя. И Феба провела не один час в раздумьях, пытаясь себе вообразить, как может выглядеть женщина с таким именем. Подходит ли она Витусу — вот что заботило ее.

— Бывало, что ты выглядел и похуже, Витус! — грубовато поприветствовала она его. — Это Феба, твоя сиделка. У меня для тебя супчик, да, супчик. Удивлен, а? Сама сварганила! Хочешь глоточек?

Витус едва заметно покачал головой. Его глаза и щеки запали, губы высохли и потрескались.

— А-а... Думаешь, сначала я должна накормить других? Ты есть ты, мой дорогой хирургик, слишком хорош для этого мира. Но своя рубашка ближе к телу, так что давай не дури! Будем есть.

Феба взяла его голову на свой обычный манер и, прижимая его к груди, уловила едва приметную улыбку в уголках губ.

— Клянусь костями моей матери, вчера он еще не улыбался! Ты идешь на поправку, Витус, как и Магистр, и этот охальник горбушка!

Ей показалось, что эта новость ободрила хирургика, он самостоятельно выхлебал суп длинными глотками.

— Тебе не холодно? Нет? Не жарко? Тоже нет? Хорошо. Чё я тебе хотела еще сказать... Я ужасно боюсь за Брайда и О'Могрейна — вот-вот помрут. Вот-вот, понимаешь? Чё я могу для них сделать?

Витус едва заметно пожал плечами и, приподняв голову, с неимоверным усилием прошелестел:

— Молиться... и воды... больше воды...

— Воды! Ну сказанул! Где ж я ее возьму? Хотя, может, скоро соберется дождь, тогда уж... А ты спи, спи пока!

Феба склонилась налево, к О'Могрейну, который лежал почти под ногами Хьюитта. Тот был уже не жилец — это она распознала сразу. И все-таки прижала его голову к груди и нежно погладила по волосам. Они были взмокшими от пота, а из ее глаз на них потекли слезы.

— Проклятье, проклятье, проклятье! — захлюпала она. — И надо же этой суке забрать тебя, О'Могрейн! Тебя, такого сильного и нежного! На свете столько подонков, столько гадов и сволочей! Так нет же! Ей нужен ты, этой старой карге! Не знаю, слышишь ли ты меня еще, но все же скажу... — Она шмыгнула носом еще пару раз, а потом высоко приподняла его. — Помнишь тот день, когда чайка нагадила мне на шляпу? А Магистр сказал, что это к исполнению желания? Знаешь, что я тогда загадала? Я думала только о тебе, когда сказала, что хочу заловить в Новой Испании благородного дона! Дон — это ты, Дональд О'Могрейн! Это ты должен был носить меня на руках, а я была бы тебе верной женой! Да, это правда, О'Могрейн, клянусь костями... О Боже! Боже милосердный! Ты!

Она громко всхлипнула. Все это было слишком! Все, что свалилось на нее в последние дни и с чем ей приходилось справляться самой... Это она оказалась самой сильной, это она взвалила на себя ношу власти, она давала мужчинам утешение и надежду... А теперь ей самой нужно было утешение, и не было никого, кто мог бы прижать ее к своей груди. Только О'Могрейн, а он уже почти распрощался с жизнью... Она ласкала его и гладила по волосам, мокрым от лихорадочного пота и ее слез... И снова ласкала и горевала... Целую вечность. А потом подумала, что остался еще Бентри, которому тоже нужна ее помощь... потому что она в ответе за каждого...

— Надо жить дальше! — прошептала она, оторвала штурмана от своей груди, бережно положила на дно лодки.

А потом, не удержавшись, жарко поцеловала его в губы.

ВЫЖИВШИЙ БЕНТРИ

Спи спокойно, птенец желторотый, и лучше вечным сном, потому что, если ты будешь еще жив, когда я управлюсь, придется распороть тебе ножичком брюхо.

Бентри съежился на корме «Альбатроса», в полушаге от Хьюитта, который держал и румпель, и шкот. Он был страшно доволен собой, потому что уже два дня как чувствовал, что силы возвращаются к нему. Сначала он ощутил силу в ногах, потом в руках, а теперь и в пальцах. У него были сильные, цепкие пальцы, которые раз что-то ухватив, уже не выпускали. Столько дней его трясла лихорадка, а теперь она отступила, как море отступает во время отлива. И его голова снова прояснилась.

Раньше, чем у других, что он с удовлетворением отметил. Раньше, чем у этого выскочки Витуса из Камподиоса, и это было на руку, потому что их планы резко расходились.

Вчера, когда Феба, вся в слезах, качала умирающего О'Могрейна, он был еще слишком слаб, чтобы осуществить свои намерения, поэтому и притворялся, что все еще без сознания. А ему нравилось чувствовать щекой ее упругую полную грудь, он даже представил себе, как будет их тискать, как будет мять окрепшими пальцами ее соски. Но пока с этим надо обождать. Всею свое время, сказал он себе. А сегодня время пришло. Он был уверен, что добьется своего, надо только набраться терпения. Да, быть терпеливым и хитрым.

Первым делом он подумал о погоде. Она ухудшилась, но опасности это не представляло. Ветер усилился и дул порывами. Море покрылось рябью, тут и там набегали белые барашки. За ночь собрались тучи, которые разметались по небу, как тяжелые черные подушки. Когда их прорвет, можно будет набрать пресной воды, а с водой можно и супчик спроворить: Хьюитт, этот птенец желторотый, поймал вчера на удочку парочку жирных тунцов.

Следующей его заботой стали остальные больные. Этим ничтожествам, похоже, по-прежнему плохо. Большинство из них спали или металось в бреду. И прекрасно! Так они не смогут помешать его плану.

А третье, чему он уделил внимание, была Феба, которая раздавала остатки размазни. Напрасный труд! Скоро, скоро она будет давать суп только ему. Что делать с ее подружкой, этой худосочной мышкой, он еще не придумал. На худой конец она тоже баба, и можно оставить ее для разнообразия, когда поднаест Феба. К тому же она тоже шлюха, а уж шлюхи-то обучены доставлять наслаждение мужчине! Что касается этих двоих, штурмана и плотника, то О'Могрейн отдал концы еще ночью, а Брайд на рассвете откинул копыта. А заметил это пока только он! Бентри довольно хрюкнул: и славненько — двумя ртами меньше. Как бы обернуть это в свою пользу? Он начал прикидывать, и тут застучали первые капли дождя. Дождь!

— Дождь! — воскликнула Феба, остановившись с кормлением. — Простите, парни, придется вам подождать, но Феба обязательно вас покормит, обязательно! — она посмотрела на небо. — Уй, здорово обложило! Будет ливень, хороший ливень. Посмотрим, сколько водички сумеем наловить, а Филлис?

— Да, да, наловить.

— А знаешь что, наш тент здорово натянут, только давай-ка спустим его так, чтоб он провис, понимаешь, Филлис, чтоб набрал воду. Давай развяжем узлы по углам, Филлис, помоги мне! Аай? Черт возьми, ноготь сломала! Получается, Филлис? Нет? И у меня никак, чума его заberi!

— Ослабьте шкаторину.
— Что? Кто это сказал? Ты, Хьюитт? Слушай-ка, если лучше знаешь, так сделай сам! Да пошевели задницей, дождь ждать не будет!

Хьюитт, который всю ночь провел у румпеля и теперь прикорнул возле Бентри, встрепенулся.

— Что? Ты мне, Феба?

— Говорю, лучше иди сделай сам, чем советовать!

— О чем ты? Я ничего не советовал, Феба.

— Да я это был, я. Говорю же, ослабьте сначала узлы, — невозмутимо сказал Бентри.

Феба разинула рот, но не могла вымолвить ни слова — редкий для нее случай. Наконец она успокоилась, и дар речи вернулся к ней:

— Ты-ы-ы? Ты, Бентри? А я-то думала, мне мерещится! Так ты оправился? Другие еще в лежку, а ты уже и говоришь нормально.

— Ага. — Голос Бентри звучал абсолютно спокойно, словно иначе и быть не могло.

Он был в возрасте сорока четырех лет, старше всех остальных, и тем не менее именно он первым справился с лихорадкой. Его это не удивляло: выкарабкивался и не из таких передряг. Трижды он переживал кораблекрушения, два из них в Карибских водах, где он долгие годы ходил с пиратами, и на его совети было немало мертвецов. Аппо 1571 он сражался в битве при Лепанто. Служил наемником в испанских Нидерландах, целый год провел во французских застенках... Да было чего и похлеще! Но он всегда выходил сухим из воды. Брал хитростью, подлостью, но главное — беспощадностью. Если надо было, он шагал по трупам...

А Феба тем временем ликовала:

— Слышь, Филлис, эй, Хьюитт, ну что скажете? Бентри справился, он справился!

Двое других тоже были рады.

Ливень уже хлестал как из ведра, порывы ветра опрокидывали на шлюпку ушаты воды. «Альбатрос» напрягал все свои силы, а у Хьюитта был полон рот забот, чтобы удерживать его на правильном курсе.

— Увались под ветер на юг, — приказал Бентри. — Он пойдет ровнее.

Хьюитт тут же послушался. Крен «Альбатроса» резко уменьшился. Бентри довольно хмыкнул. Его устраивал и ветер, и южный курс, потому что ему не светило показываться на Карибских островах, где его знала каждая собака, а кое-где он даже был объявлен в розыск. Он был намерен покинуть Антильское течение, которое неизбежно вынесет «Альбатрос» куда не надо. Нет, он поймает Северное пассатное и пристанет к берегам

Южной Америки, может, даже Картахены — большого испанского города, где можно затеряться.

— Держи этот курс, парень! — сказал он Хьюитту. — А вы там кончайте с узлами!

Короткими скупыми распоряжениями он помогал Фебе и Филлис превратить навес от солнца в ловушку для дождя. А пока девушки еще сражались с тентом, снова обратился к Хьюитту:

— Закрепи румпель и шкот и приляг, парень. Я послежу за курсом.

Благодарный Хьюитт заснул в мгновение ока, а Бентри пополз к мертвецам, мимо хирурга, этого задавалы, который, к счастью, крепко спал. Бросив взгляд на буг, он убедился, что девочки все еще заняты: они как раз пытались слить воду с тента в бадью. Бентри подтянулся к О'Могрейну и привычным жестом обыскал его карманы. Ничего. Нет, стой! Вот! Что-то есть. Он нащупал маленькую перламутровую коробочку и с трясущимися от жадности руками открыл ее. На донышке лежал крохотный серебряный трилистник. И больше ничего? Ни серебряных, ни золотых монет? Разочарованный, он снова закрыл ее и сунул за пазуху. На шее штурмана обнаружился золотой крест на золотой цепочке. Уже лучше! Бентри бесцеремонно сорвал его

— Посмотрим, может с плотником повезет больше! — Он сунул руку под рубашку Брайда и начал ощупывать его грудь, когда его спутнул донесшийся с буга восторженный голос Фебы:

— Эй, Бентри, получается! Черт возьми, получается! У нас уже полведра воды, полведра!.. А что это ты делаешь там с Брайдом?

— Я... это... — Бентри срочно скорчил горькую мину. — Проверяю, может, сердце еще бьется... Но нет. Брайд мертв. И О'Могрейн тоже.

— Чего ты мелешь?.. — Лицо Фебы стало похожим на застывшее личико фарфоровой куклы. — Не-е-ет! Не может быть! — Она кинулась что было сил на корму, подняла голову О'Могрейна и прижала к своей груди.

— И вчера было ясно, что они помрут, — холодно заметил Бентри.

— Как ты можешь так равнодушно говорить? Ну что ты за человек?! — Феба подняла на него залитое слезами лицо.

— Я тот, кто выжил, — скривил губы Бентри.

После полудня ветер почти улегся и дождь прекратился. В облаках появились просветы и проглянуло солнце, окрашивая море снова в лазурный цвет и посылая согревающие лучи «Альбатросу».

Бентри час от часу чувствовал себя все здоровее. Довольно ухмыляясь себе под нос, он вольготно вытянул ноги, поскольку места хватало с избытком, после того как под надоедливый плач Фебы и Филлис тела умерших были преданы волнам. Теперь на корме кроме него оставались Хьюитт, который снова сидел за румпелем и это выступло-кирургик, который все еще был без сознания.

Бентри еще раз самодовольно хрюкнул и крикнул на нос заготовленную, хорошо обдуманную фразу:

— Мне не нравится, когда в супе плавает чешуя!

— Чё? Чё ты говоришь? — недоуменно обернулась к нему Феба.

Мыслями она все еще была далеко. Ее печалило, что пришлось похоронить О'Могрейна и Брайда таким непристойным, бесчеловечным способом. Но что делать? У них не было ни флага, ни музыкантов, даже подобающей одежды для траура не было, а брат Амброзиус был не в состоянии прочесть молитву. Так что и здесь Фебе пришлось самой...

Отец наш Небесный, это Феба. Мы с Филлис и другими в океане, и нам черто... о, прости... ужасно плохо. Джошуа в Библии ты помог, а Джошуа Брайду нет и О'Могрейну — нет... А он так хотел быть похоронен в земле своего Зеленого острова... Так сделай хотя бы, чтобы они попали к Тебе на Небеса, а не в ад, потому что они были хорошими парнями. Да, Господи, хорошими... э-э... порядочными и честными. И сделай так, чтобы мы скорее попали в Новый Свет, потому что больше уже нет сил! Амен!

Потом они с Филлис и Хьюиттом начали перетаскивать тела через планширь. Это удалось не сразу. Пришлось трудиться в несколько заходов с передышками, пока наконец усопшие с тяжелым плеском не упали в море. Волна подхватила их и быстро понесла прочь. Феба завывала, как цепной пес...

Бентри, на чью помощь они рассчитывали, сказался еще слишком слабым от жара. Однако стащить с Брайда его кожаный жилет у него хватило сил, еще как хватило!..

— Говорю, что терпеть не могу чешую в супе! — крикнул еще раз Бентри.

— Ты что это? Где ты видел рыбу без чешуи? А у меня нет ножа, чтобы ее счистить!

— На борту есть нож! — Бентри получил, чего добивался.

— Нож? Где? Ах да, в шкапчике капитана. Только мне его ни за что не открыть, я уж пробовала.

Снова ожидаемый ответ. Деревянный двустворчатый шкап, который нашел себе место под кормовой банкой, так набух от воды, что его дверцы сомкнулись, как тиски. Бентри сделал вид, будто не ожидал такого.

— Как это я, дурак, не подумал! Но должно ведь быть что-то, чем можно взломать дверцы?

— А чё это может быть?

Бентри прикинулся погруженным в раздумья.

— Ну, может, у нас есть какая палка с железным наконечником, который пролез бы в щель между створками?

— Ах вон что! Хм... — Феба задумалась. Через минуту лицо ее просветлело. — А знаешь, может, подойдет гарпун? Гарпун должен подойти! У нас здесь целых два! — Она махнула рукой в сторону баковой банки.

— Так притащи их мне!

Бентри втайне поздравил себя: эта дура вроде как сама доперла. Чуть погодя она под его руководством методом рычага вскрыла дверцы и достала нож.

— Возьми его к себе на нос, может, теперь рыба будет как следует потрошенной.

— Ты это здорово придумал, Бентри! — Она провела пальцем по лезвию. — Нож такой острый!.. Эй, а зачем ты берешь мушкет? — В ее глазах промелькнула искорка недоверия.

— А что? — недоуменно спросил Бентри. — Чтобы почистить, конечно. Будет глупо, если покажется корабль, а мы не сможем подать сигнала.

— А... Вообще-то ты прав, и Витус говорил... — Искорка в ее глазах исчезла. — Как думаешь, Новый Свет уже недалеко?

Бентри понятия не имел. Он покосился на компас, который показывал на один румб южнее западного направления, удовлетворенно хмыкнул и сказал:

— Думаю, да. Мы хорошо идем и в правильном направлении. А теперь давай иди и приготовь суп. Посмотрим, понравится ли он мне на этот раз. А завтра нарежем петуха. Нет ничего лучше горячего куриного бульона!

— Ладно, там посмотрим.

Феба перелезла на буг, где Филлис уже вскипятила воду для супа.

— Подбавь-ка дровец, Филлис. Пусть прокипит как следует. — Она повернулась к клетке с петухом. — Ну, Джек, старый изверг, слышал? Бентри хочет сунуть тебя в горшок. — Отрезав хороший кусок тунца, она просунула его в клетку, Джек тут же выхватил угощение из рук, привередничать ему не пристало. — Цып-цып-цып! Вкусно, а? Не бойся, раз уж мы так близко к Новому Свету, потерпим еще чуток. Клянусь костями моей матери, пока Феба жива, никто тебя не тронет! — Ей в голову пришла мысль, что, может быть, Бентри и не уверен, а сказал так, чтобы она распрощалась с петухом, их неприкосновенным запасом... — Ну да ладно! Как бы то ни было, в суп ты не угодишь. — Она принялась ожесточенно скрести и разделявать тунца.

Бентри между тем положил перед собой оружие. Это был хороший мушкет с колесным замком, и Бентри порадовался, что благодаря этому механизму не придется перед каждым выстрелом совершать долгую и опасную операцию, просовывая тлеющий фитиль в серпентину. Он внимательно осмотрел спусковой крючок, пружину, колесо, курок и полку замка. Все детали выглядели исправными, хоть и покрылись изрядным налетом ржавчины. Отложив мушкет в сторону, он занялся непромокаемым мешком с принадлежностями к нему. Развязав его, он обнаружил другой мешочек, в котором лежала пороховница с порохом. Кроме него здесь были шомпол и мощная отвертка. Пороховница, на его радость, была почти полной. Бентри достал щепоть пороху, понюхал его и даже лизнул. Без сомнения, сухой и хороший. Единственное, чего не хватало, были пули. Без них мушкет просто бесполезная игрушка. Он еще раз обшарил мешок. Ничего! Вот досада! Наконец одна пуля все-таки нашлась. Она лежала на дне пороховницы, в порохе — должно быть, попала сюда случайно. Одна-единственная! Ну ладно — все лучше, чем ничего!

Он снова взял в руки мушкет, с большим трудом выковырял кусок пирита из зажима курка. Потом взвел курок, спустил и... И ничего не произошло. Пружина, которая должна была привести колесо в движение, не распрямилась. Бентри выругался. «Все дело в ржавчине, — подумал он. — Придется разбирать весь замок, ничего не поделаешь!» Раз за разом он пытался отвернуть стопорные винты ногтем большого пальца, но они сидели крепко.

«Спокойствие, только спокойствие! — ободрял он себя. — Ты с самого начала знал, что это будет делом нелегким. Черт, ведь есть же инструмент!»

— Что ты там делаешь, Бентри? — раздался с буга голос Фебы.

— Ремонтирую мушкет.

— Будь осторожен с этой штукой, не делай впопыхах! Суп скоро будет готов!

— Если нож тебе не нужен, дай мне его обратно!

— Зачем?

— Мне надо соскоблить с винтов ржавчину!

Это было, конечно, полнейшей чепухой. Он вовсе не собирался заниматься такой глупостью, но Фебе это невдомек, а она он хотел иметь при себе.

— Ладно, сейчас!

Бентри пустил в ход отвертку. Дело пошло на лад. Он начал разбирать замок, и, когда уже наполовину справился, подошла Феба с супом.

— Вон сколько ты уж сделал, — заметила Феба, с любопытством обозревая разложенные по рыбине металлические детали.

— Давай. — Бентри забрал у нее кружку с супом и попробовал. Суп был горячим и почти без косточек. Похоже, девка с помощью ножа все их выбрала. — Неплохо.

— Спасибо, что похвалил. Другим он тоже понравился, только они ничего не сказали. Просто еще не могут болтать. Пока не могут. Никак не поправятся, — вздохнула Феба.

— Жаль, — Бентри украдкой ухмыльнулся. — А теперь давай нож!

Феба нехотя протянула ему свое оружие, в ее глазах он снова заметил огонек недоверия. «Ах, ты шлюха!» — подумал он, а вслух сказал:

— Надо же счистить ржавчину, ты ж понимаешь.

— Да, Бентри, понимаю.

Она повернулась к Хьюитту и дала ему последнюю порцию супа, а потом снова полезла на бут.

Бентри вернулся к замку. Да, дело оказалось труднее, чем он полагал. Вынимая очередную деталь, он спрашивал себя, сможет ли снова собрать все вместе. И с каждой деталью сомнения его росли. Ему жутко не хватало тисков. Конечно, руки у него были сильными и жилистыми, но не могли заменить силу двух стальных челюстей. Да и особо ловкими они не были. Он весь взмок. Была бы у него хоть третья рука! Однако просить о помощи у кого-то другого он не будет. Ну уж нет! Его взгляд пробежался по головам распластанных мужчин. Все они снова спали и были ко всему безучастны. Хорошо, очень хорошо, то, что надо! Он потихоньку вырутался в их адрес. То, что у него теперь есть мушкет, им знать пока рано. А потом будет поздно! Его мысли унеслись далеко, пока руки вывинчивали последние детали замка. Покончив с этим, он принялся куском ветоши и смазкой стирать с них ржавчину. Когда он приведет оружие в порядок, у него уже будет целый арсенал: два гарпуна, нож и, конечно, самое главное — мушкет. Обязательно надо его починить, обязательно! Именно от него зависел весь успех его плана. А план состоял в том, чтобы поубивать всех мужчин на борту. Всех до единого, причем исподтишка, своим привычным способом. Нет, открытого боя Бентри никогда не любил. Ему претили все эти схватки лицом к лицу на шпагах, кинжалах или каких-либо еще клинках. Слишком долго и ни к чему хорошему не приводит, разве что к собственным ранам, а то и к смерти. Вот поэтому-то кое-кто считал его трусом, только многие из тех, кто воображал себя храбрецом, давно уже кормят рыб, а он, Бентри, все еще жив. И мушкет — гарантия того, что так будет и дальше.

Пока его руки возили тряпкой по железу, он обдумывал, каким образом лучше всего воспользоваться оружием. Ясное дело, осмотрительно. Осмотрительно, а не так безрассудно, как этот дурак Фреглз. Идиот — хотел прошибить лбом стену, вот и поплатился.

Без сомнения, все решит мушкет. Пусть у него всего лишь один выстрел, но его хватит, чтобы отправить на тот свет этого надутого хирургика. В последующей за этим неразберихе он пустит в ход гарпун. У отца Амброзиуса, конечно, длинные лапищи, но не такие длинные, как гарпун. Вторым гарпуном он прикончит этого Магистра. Так, так, очень хорошо! Тогда останутся только двое мужиков, которые и не мужики вовсе: желторотый птенец Хьюитт и горбун-недоросток. Для обоих хватит и двух пальцев, чтобы придушить, а если нет, то поможет нож. И потом... потом его план будет осуществляться дальше, а его шансы выжить в этом проклятом путешествии, возрастут во много раз. И он снова останется в живых, снова...

Бентри довольно хмыкнул и проверил пальцами натяжение пружины. Хорошо. В следующий раз не должна отказать.

Он вернулся к своим планам. Значит так, потом останутся две шлюхи. Но они не представляют для него опасности — слабые бабы и дуры дурами. Нет, не опасны, ни здесь, ни в Картахене. Могут там болтать что ни попадая, все равно им никто не поверит. Шлюхам веры нет нигде на свете. Шлюхам место на невольничьем рынке. Пусть радуются, если он их не продаст!..

— Тебе не кажется, что уже темновато для такой работы?

На последней банке перед мачтой стояла Феба и смотрела на него сверху вниз. За ее спиной на горизонте солнце садилось в море. Бентри вздрогнул. Он так погрузился в свои мысли, что не заметил, как она приблизилась.

— Мне надо закончить.

— А к чему такая спешка? Думаешь, вот-вот покажется корабль? Ты вправду думаешь, что мы уже недалеко от Нового Света?

— Хм... Думаю, да. И если появится корабль, мне понадобится мушкет. Ты же знаешь, чтобы подавать сигналы.

Фебе было ни к чему знать, что у него всего лишь одна пуля.

— Слушай-ка, но если ты так уж спешишь с починкой, почему бы тебе не взять фонарь? Он там, в шкафчике, рядом с судовым журналом и чернильницей с перьями.

Точно, фонарь! Как это он сам не додумался? А вот журнал надо будет при первом подходящем случае выкинуть за борт. Он видел, как этот задавала-хирургик чего-то туда царапал. Чего, он не мог знать, да и прочесть не мог, потому что не владел грамотой, но что там написано про нападение пиратов и перечислены имена всех спасшихся, был уверен.

— Хорошая мысль! — похвалил Бентри, на этот раз искренне. — Не поможешь мне зажечь его?

— Ну почему не помочь, что я нелюдь, что ли? — Феба переступила через Витуса, который лежал наполовину под банкой,

протиснулась мимо Бентри и добралась до Хьюитта, который, как обычно, сидел у румпеля.

— Подвинься-ка чуток, а то я не дотянусь до шкапчика.

Чтобы зажечь фонарь и повесить его по приказу Бентри на кормовой штаг, ей много времени не потребовалось.

— Ну вот, теперь, если появится корабль, увидим его даже ночью.

— Правильно! — Об этом Бентри как-то не подумал.

Луна над ним светила желтым блеском, и лучи, которые она посылала, были того же цвета. Как длинные пальцы, ощупывали они ночную тьму и доставали корабль. Время от времени они хватались и за него, и тогда он чувствовал, что они не только желтые, но еще и влажные, и приятно прохладные. Они освежали лоб, кожу и все тело, и он думал о том, что давно уже не чувствовал себя так хорошо. Он попытался поймать их, чтобы это желанное желтое, прохладное ощущение не исчезало. Но лучи были своевольны, они блуждали, то ускользая от него, то возвращаясь; ублажали его, освежали, и снова убегали, и снова были здесь. Наконец они сгустились в белесое облако, которое все больше и больше сгущалось, обрастало плотью и кровью и все больше походило на лицо куклы, куклы, которую он уже где-то когда-то видел...

— Эй, Витус, это я, Феба! Ты слышишь меня? Слышишь, это Феба... — шептала кукла, шевеля розовыми губами на белом лице. — Ты очнулся?

— Фе-ба, — произнес он, с трудом ворочая языком. Постепенно, медленно-медленно, он переходил из мира иллюзий в реальность.

— Тс-с-с, не так громко! — Она приложила палец к его губам.

Он кивнул. Наискосок от себя над головой он обнаружил фонарь, который качался на кормовой штаге «Альбатроса». Лицо Фебы над ним то возникало в неверном свете, то снова скрывалось в тени. Она еще раз провела по его лбу смоченным в прохладной воде лоскутом.

— Бентри не должен заметить, что мы с тобой разговариваем...

— Бентри?

— Тс-с-с! Да, Бентри. Он какой-то странный, уж целую вечность начищает мушкет, говорит, хочет починить его для сигналов, а я не знаю, верить ему или нет. Что-то не верю я ему... — Феба говорила так тихо, что ее голос почти пропадал в плеске волн и скрипе такелаж.

— Чинит мушкет? Сейчас?

— Ага. Странно, да?

— Да уж. — Витус, не поднимая головы, бросил взгляд в сторону Бентри, который, обряженный в кожаный жилет Брайда,

торчал на короточках над какими-то железками. — А почему он в жилете Брайда?

— Брайд умер, и Бентри захотел его снять, ну я и подумала, что Брайду он уже не нужен... — Ее лицо исполнилось бесконечной печали. — О'Могрейн тоже умер, бедняжка. Мы обоих сбросили в море, иначе было нельзя... Ты что, не понял меня? Они умерли.

— Господь всемогущий! — Витус перекрестился и прошептал короткую молитву.

О'Могрейн умер. И Брайд тоже. А он, Витус из Камподиоса, жив. Он, врач, не смог их спасти! Витус показался себе жалким и беспомощным, а его яростный гнев на пирата Джона-Челюсть разгорелся с новой силой. О'Могрейн и Брайд были настоящими мужчинами. И слишком молодыми, чтобы умирать!

— Брайд и О'Могрейн, бедняжка, мертвы, и тут уж ты, Витус, ничего не можешь поделать, — казалось, Феба отгадала его мысли.

— Если бы я только не заболел!

— Но ты заболел. А теперь выздоравливаешь, как думаешь?

— Думаю, да. Жара нет, и пульс вроде бы нормальный. Только сильная слабость. Встать я еще не смогу.

— И не надо. Положить тебе еще компресс?

— Нет, нет необходимости, спасибо.

Бентри над ним начал насвистывать себе под нос. Как видно, дела со сборкой механизма продвигались.

Феба приложила мокрый лоскут к своему лбу:

— Чтоб отсох мой язык, ежели Бентри не хочет меня провести с этими «сигналами». Голову даю на отсечение, что-то тут нечисто... Ну, ладно, пойду. Как бы огонь не погас: Филлис легла прикорнуть. А ты последи за парнем. Нечисто с ним, говорю тебе, нечисто. Обещаешь? — Она пригнулась и незаметно для Бентри проскользнула обратно на буг.

— Обещаю, — прошептал ей вслед Витус.

Бентри отбросил отвертку и смачно выругался. До сих пор все шло как надо. Все части пригонялись друг к другу будто сами по себе, а теперь не хватало двух винтов, двух маленьких до смешного винтиков, с полукруглыми головками, не особо длинных, но кто его знает — может, важных.

В поисках он ощупал всю рыбину лодки, поднял даже бухту троса, пустой бочонок, отодвинул в сторону сломанную уключину. Как ветром дуло! Проклятые винты! Да где же они? Снова и снова осматривал он решетчатый настил. Нет, как черт языком слизал! Он прикинул, что они могли провалиться сквозь щели вниз, в трюмную воду, которая все время стояла над килем дюйма на два. Тогда их точно не достать. А может, они не так уж и важны? Он уже пару раз растягивал пружину, как надо, чтобы проверить спуск, и каждый раз она срабатыва-

ла нормально. Слышалось только короткое «хрчтч», и она приводила механизм в действие. Так что замок функционировал. Почему же он не должен сработать в полной сборке? Нет, не нужны ему эти винты! Настроение Бентри поднялось, и он начал прилаживать замок в ложу мушкета. А когда закончил, его осенило.

Надо прикончить всех мужиков сейчас же, пока они спят. Эффект внезапности на его стороне. И света теперь достаточно. Сначала расправиться с этим всезнайкой хирургиком — на таком коротком расстоянии это детская забава!

Не медля ни секунды, Бентри начал заряжать оружие, прихватив изрядную щепоть пороха и зажигательной смеси. Затолкав порох в ствол, он утрамбовал его шомполом. Затем вложил пулю, которая, как он тут же убедился, не вполне подходила по калибру.

Бентри с усилием засунул ее, не слишком придавая этому значения. Не задумался даже тогда, когда она застряла посередине дула. Он протолкнул ее, пару раз вдарив как следует шомполом. В конце концов пуля встала на место перед зарядом пороха, готовая вылететь в момент выстрела. Скоро она вылетит и проделает такую миленькую, чистенькую дырочку во лбу этого много о себе мнящего хирурга.

Бентри положил наизготовку оба гарпуна. Он предусмотрел, что выстрел поднимет других мужиков в средней части шлюпки — обстоятельство, которое было ему очень на руку, потому что тогда их можно будет вернее поразить гарпунами. Бентри внезапно вспомнил об одном малом, с которым однажды, много лет назад, познакомился в Гаване. Телом тот парень напоминал африканский калebas*. Парень выставлял в своем доме множество вещей для ротозеев и среди прочего хлама бабочек, размах крыльев которых был с ладонь рослого мужчины. Бабочки были наколоты на толстые булавки, которые пронзали их. Вот так и он пронзит воображалу хирурга!

Бентри бросил взгляд вперед. Все лизоблюды, включая и самого хирурга, дрыхли, только на носу Феба копошилась вокрут жаровни. Да ладно, черт с ней, она ему не помеха! Он взял мушкет наизготовку и снова положил его. Внезапно ему вспомнилось, как эта девка не так давно поддала Фреггелзу — удар, который стал началом конца чокнутого придурка. Нет уж, с ним такого не случится!

Бентри покосился на Хьюитта, который вел судно, сидя наискосок от него. Будет лучше, если этот желторотый исчезнет. И он уже знал, как это сделать.

— Эй, Хьюитт...

* Сосуд из тыквы.

— Что, Бентри?

— Ты чего разорался? Разбудишь остальных!

Хьюитт, который мурлыкал себе под нос, чтобы не заснуть, удивился неожиданной заботе компаньона.

— О, прости, чуток забылся.

— Да ладно, не бери в голову. Закрепи румпель и шкот и можешь соснуть. Я посижу.

— Спасибо, Бентри.

Хьюитт и впрямь обрадовался, потому что не спал уже несколько дней, сидя, как на привязи, справа от румпеля и удерживая его левой, здоровой, рукой. Он уже был полностью измочален и мечтал хоть о минутке сна. Все последние дни поведение Бентри удивляло его: если человек в состоянии много часов чинить мушкет, значит, мог бы немного и поуправлять парусом. Но высказать это вслух Хьюитт не решался.

— А почему сам не возьмешь румпель, Бентри? Было бы надежнее!

— Заткнись и делай, что тебе говорят!

— Да ладно, ладно. Я ж только спросил. — Миролюбивый Хьюитт пожал плечами и принялся делать, что было велено. Когда он снова повернулся к Бентри, его разум отказался поверить тому, что увидели глаза. Зрачки паренька расширились, а рот открылся для крика. Но крикнуть он не успел: удар приклада сразил его. Издав сдавленный, приглушенный звук, Хьюитт, как куль с мукой, свалился на рыбину шлюпки.

Бентри ухмыльнулся:

— Спи спокойно, птенец желторотый, и лучше вечным сном, потому что, если ты будешь еще жив, когда я управлюсь, придется распороть тебе ножичком брюхо. А это куда больнее!

Он откинул крышку полки, взвел курок и положил палец на спусковой крючок. Потом приложил мушкет к щеке и точно навел его на цель.

— Так вот для чего ты чинил мушкет, — сказала Цель.

— Что? Как? — Ствол дрогнул в его руках. На мгновение он потерял контроль над собой.

— Значит, за этим ты чинил ружье, — повторил Витус, приподнимаясь. Его голос звучал уверенно и спокойно. Никто не смог бы сказать, что его обуял страх, жуткий, смертельный страх.

Бентри снова взметнул приклад к щеке. Он уже взял себя в руки.

— Да, именно за этим чинил я ружье, — передразнил он кнуррика. — За этим, твоя высокоблагородная задница! — Его голос срывался.

Оскорбление хлестнуло Витуса, как плетью. Ну, нет, именно сейчас он должен оставаться спокойным и казаться уверенным в себе.

— И что же я тебе сделал, что ты хочешь меня убить?

— Да, это любопытный вопрос. Что же такого он тебе сделал? — Это был дребезжащий голос Магистра, который тоже поднялся. Несмотря на яркий свет фонаря, он не мог ничего разглядеть...

Повсюду в шлюпке все завозилося, забеспокоилось. Бентри занервничал.

— Ты совсем сбрендил, Бентри? — донеслось с буга. — Не валяй дурака, малыш, слышишь? Не вреди себе! И нам не вреди. Не будь глупышом, опусти эту штуку, слышишь?! — В этом голосе звучали суровые материнские нотки.

— Уи, фраер, отведи пыхтелку и выцвети!

— Не убий, говорит Отец наш Небесный, и кто ты такой, сын мой, чтобы пренебрегать законами Отца нашего? Моли о пощаде перед лицом Всевышнего и повторяй за мной: *Pater noster qui es in coelis...**

— Захлопни пасть, лицемерный святоша!

Бентри трясло. Сейчас он был готов претерпеть многое, только не проповеди этого паписта. Его прекрасный план, построенный на эффекте внезапности, разваливался на глазах. А этого не должно было случиться!

Не дурнее же он спятившего Фрегтла! Он сделает это, добьется своего!

Его глаза бегали от одного к другому. Вон Магистр уже карабкается на банку, за ним, пыхтя, — карлик и монах. Откуда у них взялись силы? Только что валялись немощными и беспомощными, обреченными на смерть, и вдруг поднялись! Страш смерти придал им сил, что ли?

Да плевать на них! Ему надо действовать — быстро и не раздумывая!

Бентри собрался было снова прицелиться, как вдруг проклятый хирургик оказался подле него и уже отводил дуло мушкета в сторону. Бентри на мгновение потерял равновесие, его левая, большая и волосатая, лапища коснулась горла противника. Рефлекторно она сжала его... и почти нежно, почти ласково, почти бережно начала душить.

Витус хрипел и боролся, изо всех сил вцепившись в мушкет и пытаясь отвести его дуло в сторону.

Дьявольский хохот разразился в душе Бентри. «Давай, держись за мушкет, держись крепче, — пронеслось в его мозгу. — Я тоже буду держать. А то, что делает моя левая, увидишь сам!» Он усилил хватку и с сатанинским наслаждением наблюдал, как у хирургика глаза вылезают из орбит. Сейчас, сейчас это ничтожество задохнется... Плевать, что ему на помощь подско-

* «Отче наш, иже еси на небесех...» (лат.).

чил Магистр и остервенело хватается за пальцы левой руки Бентри!

Витус отчаянно сопротивлялся.

«Подожди, надутый шарлатан! Сейчас ты у меня...» — Бентри держал Витуса на расстоянии вытянутой руки от себя и душил, не обращая внимания на скакавшего вокруг Магистра. Его правая с непреодолимой силой вращалась, а потому как в ней все еще был зажат мушкет, и тот вращался вместе с ней и снова угрожал Витусу. Вот уже палец этой руки нащупал спусковой крючок, все! Конец тебе, хирургик!

Но тут произошло неожиданное. Витус попросту выпустил мушкет.

Тот спружинил в голову нападавшего, рука его рефлекторно нажала спусковой крючок — Бентри ничего не мог поделать.

С оглушительным грохотом замок разлетелся на тысячу мелких кусков. Они взметнулись, как тысяча свирепых шершней, ярких, яростных, с острыми жалами, и обрушились на Бентри, безжалостно жала его. В мгновение ока они содрали кожу с его лица, снесли скулу, челюсть и выбили глаза.

«ДАМА» ФИЛЛИС

Скажи честно, отец, ты ведь не знаешь, как на латыни «мегуза»? Ведь не знаешь?

Борь «Альбатроса», февраль А. Д. 1578

Я, Витус из Каллогноса, решил написать дальше, чтобы передать сообщение об ужасающих событиях. Господь всемогущий положил нам тяжкие испытания во искупление грехов наших, послав нам черную явотбу. Мы все были при смерти. Блезнь унесла штурмана О'Мозрейна и корабельного плотника Брайда, и, если бы не мисс Феба и мисс Филлис, всех нас постигла бы та же участь. Помогли за умерших. Помогли также за матроса Бентри, коменника, который два дня назад хотел меня застрелить. Но Ты, Всемилостивый, сделал так, что он поразил самого себя. Он так неловко починил ружье, что оно взорвалось при спуске курка. Матрос жив, но его голова — сплошной кусок мяса. Я тоже получил ранения, но они сравнительно невелики, поскольку основной поток осколков пришелся на лицо Бентри.

Насторожение на борту подавленное. Страдания Бентри затмевают собой все. Отец наш Небесный, помилуй еще в скором времени избавление!

С тех пор как разразилась лихорадка, больше никто не знает, какой сегодня день. Позвонку продолжу записи, не указывая даты и когда позволит погода. Сегодня море спокойно. Около полудня показалась стая дельфинов — шрифов, добродушных животных, которые, к сожалению, нас быстро покинули. Ветер восточный. Верный Хюонит по-прежнему сидит за рулем. Похоже, он переболел черной явотбой раньше, позвонку что не записался.

Запасы нашего пропитания подходят к концу. Какие еще испытания уготованы ТЫ нам, Господи?

У нас нет льна, теплого и мягкого, который при ожогах хорошо вытягивает жар из ран, нет талька, который подсушивает мокнущие места, нет соды, нет зверобоя — ничего нет. Про опии или лауданум, которые унимают боль, я вообще молчу. Ничего нет, просто ничего! До отчаяния!

Витус склонился над Бентри, которого уложили на крайнюю к корме банку, и заставил себя посмотреть на то, что осталось от его головы. Вид развороченного лица с пустыми глазницами заставил бы испугаться и самого толстокожего.

— Бентри, — тихо позвал он. — Бентри, ты меня слышишь?

Тот едва приметно кивнул. Это было в первый раз с момента неудачного выстрела, когда он хоть как-то отреагировал.

— Мы ничего не можем для тебя сделать, только молиться и просить Всевышнего, чтобы Он освободил тебя от мук. И ты молись и проси прощения за то, что хотел сделать. Примирись с Господом.

Бентри задышал чаще. Из дыры, бывшей прежде его ртом, со свистом вылетели сильные звуки. Витусу показалось, что он разбирает слова. Он прислушался внимательнее... и в ужасе отшатнулся. «Клал я на него!» — прохрипел Бентри.

Витус еще не нашелся, что ответить, как от мачты послышался зычный голос брата Амброзия:

— Благодарю Тебя, Отец наш Небесный, что ты помог восстановить моему разуму и слезно молю Тебя дать мне силы полюбить и самого последнего среди грешных.

— Ты о чем? — поднял к нему глаза Витус.

Монах спустил взор от небес и обратил свое изможденное лицо к Витусу:

— Господь вразумил меня, напомнив историю брата Эразма, врача нашего монастыря, которую он имел обыкновение рассказывать за обеденным столом, особенно когда подавали цыплят. Неподалеку от Эрфурта, как он рассказывал, жила-была одна крестьянка, которая однажды, снимая горшок с кипятком с огня, опрокинула его себе на ноги. Много часов пролежала она, беспомощная, на полу, пока не вернулся с поля ее муж. Увидев жену со страшными ожогами, он испугался до смерти. Был вечер, а сельский цирюльник жил далеко. Что было делать? Он не знал, что, как вдруг вспомнил, что его мать всегда лечила ожоги свежим куриным жиром. Так что он зарезал петуха, и его жиром смазал обожженное тело несчастной женщины, и та вскоре выздоровела.

Амброзиус слегка вздохнул.

— А потом брат Эразмус обычно обводил всех взглядом и говорил: «Благодарю Тебя, Господи, за то, что никто из моих братьев сегодня не обжегся, и благодаря этому мой цыпленок поднагу-

лял жирок». После этого под неодобрительные взгляды нашего почтенного отца-настоятеля он принимался за курятину.

Как только Амброзиус закончил, взгляды всех обратились на бут, где в своей клетке сидел Джек. Он сильно отощал, но, впрочем, имел вид вполне здоровой птицы.

— Если ты имеешь в виду, отец, что готов укокошить Джека, то на это не рассчитывай! — Феба подбоченилась. — Скорее уж я суну свою голову в петлю. А жира у него на ребрах нет ни гра-на! Скажи, Филлис?

— Да-да, ни грана.

— Но, дорогие мои Феба и Филлис, речь идет о человеческой жизни, а Джек всего лишь животное, — попытался вразумить их Амброзиус, хоть это и давалось ему с трудом — вступаться за несостоявшегося убийцу, но, худо-бедно, тот был человеком, а значит, имел бессмертную душу, и, если есть на то воля Гос-подня, душа эта должна быть спасена.

— Да-да, ни грана, — на удивление всем повторила Филлис, которая вопреки обыкновению прямо посмотрела в глаза монаху.

— Ну... конечно, Филлис, конечно... — пошел на попятную Амброзиус. — Конечно! — Он почувствовал себя неуютно, потому что внезапно заметил, какие прекрасные небесной синевы глаза были у этой бледной девчушки. — Но... надо хотя бы ощупать петуха, а? Может, хоть...

Феба вздернула подбородок:

— Даже и не думай, отец! И это мое последнее слово! — Она повернулась к птице. — Не бойся, изверг, Феба здесь, и она не даст тебя в обиду. Для такого дерьма, как Бентри, я не дам тебя резать, клянусь костями моей матери!

Тут вмешался Коротышка:

— Уи, Бентри, само собой, редкая свинья, госпожа полубов-ница, щё есть, то есть. А кто без греха? Уж не тебе говорить!

— Что-о-о-о? — Феба грудью пошла на малыша. — Нет, вы видели, а?! Ты, старая горбушка, ты... Не суй свой нос, куда не просят, понял?! Вот уж не думала, что из-за такого мерзавца, как Бентри, ты...

— Не надо так волноваться, Феба, драгоценная! Не стоит! Это только вредит твоей красоте! — вмешался Магистр, щуря близорукие глаза. — Видишь ли, по закону животное не чело-век и посему не может быть поставлено на один с ним уровень. Я допускаю, что...

— Стойте! — перебил спорящих Витус. — Кажется, Бентри что-то сказал.

Все примолкли и навестили уши.

— В-о-о-о-ты, — выдохнул Бентри.

— Он хочет пить, — понял Витус. — В последние дни я давал ему понемногу, сколько мог выкроить, но, похоже, этого недо-статочно. А сейчас воды у нас почти не осталось и...

Он еще не успел закончить фразу, как разразилась новая дискуссия, ведущим голосом в которой была Феба, не переставшая ругаться:

— Да этот мерзавец грязи под моими ногтями не стоит, слышите — грязи под ногтями! И тратить на такое дерьмо нашу драгоценную воду было бы слишком жаль, а, Филлис?

— Да-да, слишком жаль.

Витус раскинул руки, призывая всех к спокойствию:

— У нас нет права усугублять его страдания, до тех пор пока мы можем их облегчать. Мы должны дать ему воды. Кое-кому из вас с этим трудно смириться. Я тоже не испытываю дружеских чувств к человеку, который посягал на мою жизнь. Но именно способностью сострадать человек и отличается от животного! — Он взял последнюю кружку с дождевой водой и поднес ее к провалу рта несчастного. — Господь всемогущий, пошли нам дождя! — вздохнул он.

— Амен! — заключил Амброзиус.

Следующей ночью сильные порывы ветра свистели над «Альбатросом», задувая со всех сторон света. Витус, который до того вел шлюпку, снова передал румпель Хьюитту: он ловчее умел обходиться со шкотом и парусом. Тьма была, хоть глаз выколи. Небо сплошь затянули облака, ни одна самая малая звездочка не освещала океан.

Уже в который раз сетовал Витус, что их фонарь, спасенный с «Галанта», был вдребезги разбит осколками взорвавшегося колесного замка. Он осторожно перелез через Коротышку, Магистра и монаха, которые мирно спали, тесно прижавшись друг к другу на корме. Ему надо было еще раз посмотреть, как там Бентри. Смешанные чувства владели им. Конечно, тяжелораненый был негодным человеком с низменными инстинктами, убийцей и к тому же мародером: они обнаружили при нем драгоценности из имущества О'Могрейна и Брайда. И все же! Он был человек, и следовало приложить все усилия, чтобы спасти ему жизнь. Хотя бы потому, что Витус носил звание *Cirurgicus galeonis* и этика его профессии к тому обязывала. Но он с раскаянием в душе чувствовал, как все в нем противится этому.

Добравшись на ощупь до больного, он взял его запястье и проверил пульс. Тот был еле уловим. Дела Бентри были из рук вон плохи. Он настолько обессилел, что пришлось привязать его канатом к банке, чтобы он не упал. Витус опустился возле него и решил назавтра резать петуха, что бы там Феба ни говорила. Если есть хоть малейшая возможность облегчить страдания Бентри, надо это сделать.

Его взгляд скользил по шлюпке. Не видно ни зги, угадывались одни лишь тени: Феба и Филлис на буге, тесная кучка сбившихся на корме. Все, кроме неутомимого Хьюитта, спали.

— Доброй ночи и Господь с вами, — сонно пробормотал он и тоже задремал.

— И ты можешь видеть стрелку компаса в этой тьме египетской? — спрашивал чуть погода проснувшийся Магистр, вглядываясь во тьму и широко зевая.

— Нет, просто пытаюсь держать «Альбатрос» по ветру, большего я не могу сделать.

— Пока ты ведешь нас на запад, в Карибику, по мне все в порядке. — Маленький ученый перевернулся на другой бок.

— Я что-то вижу! — возбужденно воскликнул вдруг Хьюитт.

— Что? Что случилось? — Магистра снова выдернуло из страны грез.

— Наш курс почти зюйд-вест! — Хьюитт потрясенно смотрел на стрелку компаса, которая вдруг стала четко видна, не понимая, откуда пролился такой яркий свет. Он взглянул на небо и издал душераздирающий вопль. — Боже все милостивый, спаси и сохрани!

Все повскакали.

— Что это там? — чуть дыша, выдавил Витус.

— Уй, уи, зенки выжигает!

— Чума меня порази, светит, как десять портовых фонарей, а, Филлис?

— Да-да, как десять портовых фонарей.

— Это знак Господень! — Амброзиус задрал голову к верхушке мачты, на которой, все разгораясь, пульсировал слепящий пучок света. — Это знак Господень! — повторил он и принялся за молитву. — Господь всемогущий, благодарим Тебя за этот знак, который Ты посылаешь нам в час мрака и отчаяния, и со смирением принимаем его. Слово звезда Вифлеемская, которая вела волхвов к Иисусу Христу, Спасителю нашему, этот свет поведет нас на запад, в Новый Свет. Амен!

— Амен! — эхом отозвались все, а Амброзиус перекрестился.

А потом его могучее тело содрогнулось, как под ударом плети, потому что небо расколола невиданной силы молния, заливая всю бескрайнюю гладь океана ярким ослепительным светом.

— Великий Боже! — яростно закрестилась Феба. — Это может быть и дурной знак, чертовски дурной знак, а, Филлис?

— Да-да, чертовски дурной знак.

А молния сверкала снова и снова.

Все в страхе ждали мощного раската грома, но его не последовало.

— Дурной ли, хороший ли знак, — заметил рассудительный Магистр, — но дождь точно будет. — Он подставил ладонь первым крупным каплям. — Вода, дамы и господа, — чистая, холодная, пресная вода. Надо набрать ее как можно больше!

— То, что дождь, — это хороший знак, а, Филлис? А вот то, что после молнии не гремит, — это странно, не?

— Да-да, странно.

Гроза изливала свои дары не менее часа. При этом беспрерывно сверкало так, что глазам было больно, но грома не слышалось. Испытанным способом они набрали достаточно воды и напились досыта. Бентри тоже получил свою порцию. А потом все заснуло, насквозь промокшие, но счастливые — запасов воды было теперь на много дней.

На следующее утро, когда Витус подошел проверить Бентри, тот был мертв. Господь ниспослал ему смерть.

Все еще февраль А. Д. 1578

Матрос Бентри прошлой ночью закончил путь земных страданий. Его бренные останки мы предали океану. Вещи, которые он до того украл у товарищей, были у него изъяты, среди них и каменный жезл покойного Брайда, и золотой крест О'Моррейна. Мы прочитали по Бентри молитву. Хотя он и был отъявленным негодяем, бессовестным и коварным, пусть Господь примет его душу! Состояние здоровья оставшихся членов команды, включая и меня, спокое. Мы ослабели и отощали до костей, у многих на теле мокнувшие кровавые язвы от задубелой одежды. Эти места жгют как огнем, особенно когда на них попадает морская соль. До сих пор у нас не было возможности промывать их пресной водой, потому что ее почти не было.

Снова и снова прихожу я в изумление от сознания, сколь много может вынести человеческое тело, если есть для него только хорошая питательная вода. Вода поддерживает жизнь, вода, кажется, даже важнее для равновесия жизненных соков, чем пища. Слава Богу, прошлой ночью была сильная гроза, и мы смогли пополнить наши водные запасы. А перед тем мы наблюдали странное заволаживающее явление: на верхушках мачты довольно долгое время блуждал свет, и был он так ярок, что Хьюитт даже смог рассмотреть стрелку компаса.

После смерти Бентри все мы испытывали чувство облегчения.

Все последующие ночи приносили грозы, и каждый раз перед началом грозы над мачтой появлялся все тот же странный свет. Однажды утром на дне лодки они обнаружили множество маленьких рыбешек, дюймов десять величиной каждая. Они были похожи на селедок, спинки их отливали сталью, а брюшки — серебром. И грудные плавники у них были такими широкими, словно крылья.

— Это летучки, летающие рыбки, — объяснил Хьюитт. — Они очень вкусные.

— Смотрите-ка, сколько их в море, даже я вижу! Должно быть, и эти залетели оттуда.

И впрямь слева по борту с дюжину или более того серебристых рыбок выскакивали из воды, проносились по воздуху с сотню футов и снова с плеском ныряли. Это повторялось снова

и снова. Все, как замороженные, наблюдали за этой игрой, пока Магистр не сказал:

— Есть же птицы, которые умеют плавать, почему бы не быть рыбам, которые могут летать? Главное, что они вкусные, — он с надеждой посмотрел на Фебу. — И ведь мы это проверим, а, дражайшая?

— Посмотрим, что удастся сделать. Жаровня не потухла — скажите спасибо Филлис, да, ей. Могу приготовить только рыбный суп, другого не получится. У нас нет ни сковороды, ни решетки, лишь бадья под котелок. И щепы, щепы должна быть сухой, сухой, понимаешь? Правильно, Филлис?

— Да-да, правильно, — Филлис отправилась разжигать огонь.

В ближайшее время с голодом было покончено, потому что летучие рыбы, казалось, облюбовали «Альбатрос» как единственную цель своих полетов. Каждый день с хорошей дюжиной этих летучих корабликов приземлялось в шлюпку, а Феба варила и варила рыбный суп, хотя в полном смысле супом это было назвать трудно, потому как состоял он только из рыбы и воды.

Но все в конце концов приедается, так что супчик через какое-то время перестал казаться верхом наслаждения. И однажды утром Феба повернулась к своему любимцу с такими словами:

— Эх, Джек, старый изверг, знаешь что? Жаль, что ты петух, а не курица! Курочка пришлась бы мне сейчас больше по душе, и не какая-нибудь квелая, нет, хорошая жирненькая пеструшка, у которой еще и яйца торчат в жо... — Феба испуганно оглянулась, но никого, кроме Филлис, поблизости не было, — ...торчат в жо... — закончила она. — Филлис, ты когда-нибудь видела такое? Иногда, когда снимаешь курицу с гнезда, у нее в жопке торчит еще не снесенное яйцо, понимаешь? Эх, сейчас бы яичка...

Джек, который, к несчастью, был петухом, пристально посмотрел на Фебу снизу вверх и поднял торчком гребень.

— Не бойся, старый забияка! — Феба бросила ему в клетку пару рыбешек, по которым он робко постучал клювом. — Мы с Филлис привязались к тебе всем сердцем. Правда, Филлис?

— Да-да, всем сердцем.

— И можно узнать, дети мои, к кому это вы привязались всем сердцем? — Амброзиус протиснул свое могучее тело на бут и вырос перед девушками.

— К Джеку, святой отец, к Джеку, — ответила Феба. — Пусть он всего лишь птица, святой отец, но мне он дорог не меньше человека, если ты понимаешь. Само собой, не всякого, но куда дороже такого, как тот мерзавец Бентри. Не перестану это говорить, будь он хоть десять раз мертв! — Она помолчала, качая головой каким-то своим мыслям, а потом добавила: — Кому-то же надо это сказать, а вы и себе-то в том не признаетесь, так ведь, Филлис?

— Да-да, не признаетесь, — подтвердила та.

— Ну ладно, пойду на корму, я обещала Хьюитту кружку супчика!

Амброзиус попытался вежливо пропустить ее, что далось ему с большим трудом, принимая во внимание его рост.

— Да я тоже ничего не имею против Джека, — крикнул он вслед защитнице. — Оказавшись теперь лицом к лицу с Филлис, монах слегка смутился. — Хотя, должен сказать, его место, как бы это... в конечном итоге все равно в горшке. — Филлис смотрела на него огромными синими глазами. — Ну это... — Амброзиус невольно подумал, что ее глаза точь-в-точь как васильки в поле. Это смутило его еще больше. — Ты должна знать, что Господь создал скотину в пищу человеку. Так что Христос не запрещает вкушать и домашнюю птицу для насыщения.

Он никак не мог припомнить какое-нибудь место в Библии, которое подтверждало бы его утверждение. Но сейчас ему это было неважно. Филлис по-прежнему не отводила от него своего василькового взора.

— Ну, э-э... если честно признаться, я тоже всем сердцем люблю животных. Всех животных. Помнишь дельфинов, которые однажды плавали вокруг «Альбатроса»? Я нахожу их очаровательными, правда очаровательными... э-э... Они ведь очаровательны, правда?

— Да-да, очаровательны.

— Вот и ты того же мнения. Э-э... можно задать тебе один вопрос?

Филлис смотрела на него. Амброзиус принял это за знак согласия.

— А почему ты постоянно отвечаешь двойным подтверждением с повтором последнего прилагательного в предыдущем высказывании?

В синих глазах Филлис отразились непонимание и растерянность.

Амброзиус закусил губу. Конечно, надо бы выразиться яснее, но для него, образованного человека, это было непросто. Тогда он решил просто-напросто назвать вещи своими именами:

— Почему ты всегда отвечаешь «Да-да, очаровательны», или «Да-да, странный», или «Да-да, сухие»? А что-то другое ты можешь ответить?

Едва закончив свой вопрос, он тут же в ужасе сообразил, насколько он бестактен и что своей прямоотой, наверное, обидел Филлис, поэтому поспешил загладить оплошность:

— Вообще-то, знаешь, дельфины действительно очаровательны. Такие доверчивые, общительные животные, такие игривые, просто акробаты и...

— А еще я говорю: «Да-да, ни грана», и «Да-да, слишком жаль», и «Да-да, чертовски дурной знак».

— Что??? Ничего себе! Ты понимаешь и такое? Что ты сказала, ну-ка повтори!

— Я сказала, что еще говорю: «Да-да, ни грана», и «Да-да, слишком жаль», и «Да-да, чертовски дурной знак».

— Бог мой, ты совершенно права, моя дефиниция с прилагательными была не слишком корректна! Совершенно права! — почему-то обрадовался монах. — Послушай, а ты всегда так точно помнишь, что сказала за день?

Филлис удивленно взглянула на него:

— Всегда. И то, что сказала вчера, и позавчера, и вообще.

Амброзиус снова был посрамлен. Но если это было правдой, то в ее лице он имел дело с потрясающим феноменом, который более чем удивителен! Но, с другой стороны, Филлис произносила за день не более полдюжины своих неполных предложений...

— Помнишь тот день, святой отец, когда мы еще переворачивали лодку, ну, когда Коротышка еще сидел под ней? — словно услышала его сомнения Филлис. — Тогда еще Феба так обрадовалась, а малыш поиздевался. Он сказал: «Уи-уи, госпожа полюбовница. Твоя задница сейчас там, где была моя голова». А Феба рассердилась и ответила: «Ах ты, ядовитый подарочек! Я тебе уж тыщу раз говорила, что я дама, а не... Мы с Филлис — дамы! Заруби себе на носу! Да, Филлис?» И помнишь, что я ответила?

— Ну, э... — Амброзиус ярко видел перед своим взором всю давешнюю картинку, но вот кто что сказал, убей — не помнил.

— Я сказала: «Да-да, дамы», а Магистр сказал: «Не ссорьтесь, дражайшие. Коротышка совсем не то имел в виду. Не желаете ли еще окорочка? С радостью отмашу вам еще, вот только пальцы поберегу, хоть и должен предупредить: он страшно соленый, а питьевой воды у нас — кот наплакал, по крайней мере сегодня»...

У Амброзиуса перехватило дыхание. Эта юная дама с синими, как небо, и такими же огромными глазами не только обладала феноменальной памятью, но еще и потрясающе точно копировала голоса говоривших! С таким он в жизни еще не сталкивался. С какой легкостью Филлис могла бы овладеть латынью, если бы кто взялся ее обучить!

Он вспомнил родную обитель в далеком Тюрингском краю, где многие школяры, несмотря на все старания неустанно долдонящих учителей, были не в состоянии перевести и двух строк из Цезаря. «Так оно и бывает в жизни, — с горечью подумал он. Кому улыбнулось счастье получить образование, тупые, как... прости Господи! А те, у которых дар, не имеют возможности его

получить. Образование — прерогатива богатых. Не последняя причина, которая подвигла его нести людям знания... И веру».

Взгляд Амброзиуса унесся за пределы океана, а потом вернулся, неся на крыльях сумасшедшую идею.

— Знаешь, как будет море по-латыни? — внезапно спросил он, не отдавая себе отчета. — *Mare*.

— *Mare*, — повторила за ним Филлис.

— Правильно, *mare*. А вода — *aqua*, а волны — *unda*.

— *Aqua, unda*.

Амброзиус повел рукой вдоль «Альбатроса»:

— Корабль на латыни — *navis*, мачта — *malus*, а румпель — *remus*.

Филлис без ошибки повторила каждое слово.

Амброзиус решился продолжить эксперимент:

— А теперь слушай меня внимательно. Я назову сразу много слов и посмотрю, сможешь ли ты их воспроизвести. Он показал на парус:

— *Velum*. — На гарпун: — *Hasta*. — На бочонок: — *Cupa*. — На канат: — *Funis*. — На бадью с супом: — *Hama*. — На суп: — *Ius*. — На дрова: — *Ligna*. — На угли: — *Ardor*. — На петуха: — *Gallus*. — На клетку: — *Cavea*.

Амброзиус с силой втянул воздух:

— Ты все запомнила?

Филлис кивнула.

— Прекрасно! — Амброзиус решил усложнить задачу. Он указал на свой лоб:

— *Frons*. — На ухо: — *Auris*. На глаз: — *Oculus*. — На нос: — *Nasus*. — На рот: — *Os*, — и испытующе глянул на Филлис. — Запомнила?

— Это все?

— Пока что хватит. Сейчас я назову тебе латинское слово, а ты скажешь, что оно обозначает.

— Ладно.

— *Cupa*.

— Бочонок.

— *Malus*.

Ответ последовал тут же:

— Мачта.

Амброзиус вперемешку принялся кидать те слова и эти, и каждый раз Филлис знала ответ. Ни разу она не запнулась и не помедлила.

Потом он переменил тактику и стал называть наоборот, ожидая услышать слова на латинском. И снова Филлис отвечала без запинки.

Амброзиус усмехнулся:

— А как по-латыни «небо»?

— Этого слова ты не говорил, — тут же отреагировала Филлис. — Поэтому я не могу знать этого слова.

— Правильно. Это так, ради забавы. Кстати, «забава» — *iocus*, а «небо» — *caelum*. — Он вдруг заметил, что на последнем слове Филлис задрожала. — Тебе холодно?

— Нет-нет, просто ветер.

— «Ветер» по-латыни — *ventus*, а «холодный» — *frigidus*.

— Да? А как будет «медуза»?

— «Медуза»? Чего это тебе вдруг пришло в голову? — Амброзиус лихорадочно соображал, но слово никак не давалось. — Должен признать, что прямо сейчас никак не могу вспомнить...

— Да это такая маленькая, такая склизкая, которая живет в воде...

Филлис была не единственной, которая обнаружила в воде медуз. И Витус, и Коротышка видели уже не одну. Оба, перегнувшись через борт, тыкали в их скопища пальцами, а малыш еще и кричал:

— Уи, скользкие соглядатаи, они повсюду! Прощь, прощя! Прощь, скользкие создания, щур меня! Кишмя кишат! Захлебнулись вы щоб!

И правда, медуз было неисчислимое количество. Сотни тысяч, миллионы... Они дрейфовали с северо-запада на юго-восток. Шевелящимся ковром покрывали они морскую гладь и едва не сбивали «Альбатрос» с курса. Часами разыгрывали они свои феерические представления, пока шлюпка не отклонялась от курса.

— Медузы, — со знанием дела сказал Хьюитт. — Но столько их зараз я не видел.

Близорукий Магистр перегнулся через планширь, едва не нырнув, и заворуженно наблюдал за океанскими пришельцами.

— У них купол вроде зонтика, — констатировал он. — А мускулатура под ним, — с восторгом заметил он, — такая, что может и самую сильную скотину прибить! С таким поступательным движением можно продвигаться и без парусов! Может, выловим экземплярчик?

Магистр, увлеченный этой идеей, уже потянулся за медузой, проплывавшей мимо, но крик Хьюита остановил его:

— Осторожнее! Они могут и ужалить!

— Спасибо, Хьюитт, лучше поздно, чем никогда. Другими словами, *quidquid agis, prudenter agas et respice finem*, как говорили древние.

— Что это значит, отец мой? — слышался голос Филлис. — Ни одного знакомого слова!

— Ты права, дочь моя.

А Магистр перевел:

— Что делаешь, делай с осторожностью, и думай о конце!

— А-а-а, *quidquid agis, prudenter agas et respice finem*, — заключила Филлис. — Правильно?

— Слово в слово, дочь моя, — подтвердил Амброзиус, кося в сторону, чтобы не видеть ее проникающих в душу васильковых глаз.

— А ты это знал, как и Магистр, нет?

Амброзиус закатил глаза:

— Естественно, дочь моя, иначе мы и наполовину не были бы латинистами!

— А, понимаю. А латинское слово на «медузу» ты скажешь мне потом, да?

Августинец только вздохнул в ответ.

Все еще февраль А. Д. 1578

Уже несколько дней брат Амброзиус преподает мисс Филлис латынь. Он утверждает, что она природное дарование с неподражаемой памятью. А наряду с этим он прилагает усилия привить ей подобающий английский, что гораздо сложнее. Если мисс Филлис и вправду так талантлива, в чем я не сомневаюсь, вскоре она начнет извлекаться исключительно на латыни, только, наверное, с портовыми акцентами. Попытки отца Амброзиуса засасывают одобрения, поскольку вносят свежую струю в наше рутинное однообразие. Когда один день неотличимо похож на другой, а из дня в день на завтрак, обед и ужин только рыбный суп, человек тупеет.

И каждый день — только восточный ветер, и каждый день — только безбрежный океан... При всем том мы еще живы и, слава Богу, здоровы. Господи, прости нам неблагодарность нашу!

Хьюитт неизменно удачлив в рыбалке. Три туниа с руку длиной позавчера, а вдобавок к ним рыбешка и побольше, которую мы никак не могли идентифицировать, но которая была страшно вкусной.

И Хьюитт же, святая простота, додумался до того, чтобы выложить рыбу на солнце, разделив ее на филе. Он у нас самый ценный член команды — единственный настоящий матрос, который хоть что-то смыслит в морском деле.

Вчера на удочку попался осьминог. Какая все же странная Божья тварь — с купалом вместо тела, с клювом, как у попугая, и восьмию цепкими щупальцами! Хьюитт сказал, что в момент испуга эта тварь выпускает столько чернил, что хватило бы на целую чернильницу, только мы ничего такого не заметили.

Мы убийли осьминога, отрезали три конечности и раз стю отбили их на балке, потащив что Хьюитт сказал, что только после этого мясо дикийн-ного существа можно будет прожевывать. И он оказался прав. Потом мы сварили осьминога, и суп был нечто новенькое!

Состояние судна не лучше, чем этой твари. Мы регулярно вычерпываем воду с днища, а парус со временем обветшал. Как только представляется возможность, мы чиним его. И каждый день спрашиваем себя, где мы и сколько еще продлится наше испытание. Только ответ на это знает лишь Господь Бог.

Чернила кончаются, и впредь мне придется быть более крабким.

Это случилось на следующий вечер, когда Амброзиус и Филлис сидели в средней части судна и наблюдали закатное солнце, которое в этих широтах падало за море, как камень, брошенный в воду.

После долгого молчания Филлис сказала:

— Отец, скажи мне честно, ты ведь не знаешь, как по-латыни «медуза», а?

Амброзиус, который полностью отрешился от суеты этого мира, созерцая закат, вздрогнул. И, наморщив лоб, строго спросил:

— Ты... э-э... действительно, думаешь, что я не знаю?

— Прости, отец, но... да.

Черты лица монаха разгладились, и в уголках его губ обозначилась улыбка:

— Ты меня насквозь видишь. Я и вправду не знаю. Человек не может всего знать, все знает только Господь Всемогуший.

— А-а... Так я и думала...

— А ты веришь в Бога, дитя мое?

— Да. Думаю, да. Ведь лучше верить, чем не верить, разве не так, отец мой?

— О да, вера в жизни — это начало, конец и средоточие человека. Наша жизнь не что иное, как дорога к Богу, дорога, которая для одного длиннее, для другого короче, но в конце нее неизбежно состоится встреча с Его Святейшеством Господом Богом. — В Амброзиусе проснулся проповедник. — Расскажу тебе, как это было со мной.

— Да, расскажи, — она придвинулась к нему.

— Э-э... да... — он поразмышлял, согласуется ли близость этого расцветшего девичьего тела с принятым им обетом целомудрия, и решил, что Филлис, пожалуй, чересчур холодна, чтобы возбуждать. — Так вот, ты, возможно, слышала, что я рос в городе Эрфурте в семье состоятельного купца. Ну юность моя мало чем отличалась от юности любого другого, кто никогда не испытывал нужды. У меня всегда было вдоволь еды, и не приходилось задумываться о завтрашнем дне. Короче говоря, жизнь протекала без невзгод и страданий. Я рос в лоне семьи строгих нравов. Каждое воскресенье отец, мать и мы, дети, ходили в прекрасную, увенчанную тремя шпилями церковь Святого Северина. Я же находил это ужасно скучным. В то время, надо тебе знать, я не особенно чтил Господа, и, если бы мне кто сказал тогда, что я уйду в монастырь, я бы рассмеялся ему в лицо. Так шли годы, пока мне не исполнилось шестнадцать и меня не отослали для обучения в Любек к купцу, связанному с нашей семьей узами дружбы...

— Любек — это где?

— Любек? — Амброзиус, вырванный из своих воспоминаний, не сразу понял вопрос. — Ах, Любек! Это старинный ган-

зейский город на побережье Восточного моря. Вы, англичане, называете его Балтийским.

— Да? Ну, может быть, — Филлис не особенно хорошо знала карту Европы. Она прижалась к Амброзиусу и взяла его за руку. — Рассказывай дальше!

— Ого, какие у тебя холодные руки! Подожди-ка, сейчас согрею! — Он принялся растирать ее руки в своих ладонях. — Так лучше?

— Да, много лучше. Ты самый милый пастор из всех, кого я знаю.

— Хм, да? Ну ладно... — Амброзиус отнял свои руки и порадовался, что уже сгустились сумерки, потому что его лицо залила краска. — Так на чем мы остановились?

Филлис уютно пристроилась к нему и приготовилась слушать.

— Ах да, Любек... И в те времена в Любеке я еще не был близок к Богу. Я вел жизнь обычного молодого человека, и даже более того... э-э... — Он резко оборвал себя. Чуть было не проболтался, сколько он тогда познал девушек! Но разве это можно?

— Да? Почему ты остановился?

Он чувствовал, как она на него смотрит. И что теперь делать? Рассказать правду, несмотря на стыд? Или?.. Душа его пребывала в смятении. Подавив панику, он решил:

— Мне тогда, должен тебе сказать, было уже за двадцать, так что я... я тогда...

— Крутил с девочками, да? Ну так это само собой. — Она снова взяла его руку и уже не отпустила.

— Э-э... да, так и было. И каждый раз со мной происходило нечто необычное, э-э... не то, о чем ты сейчас подумала — это происходило потом, понимаешь, потом. Потом... ну, после... меня охватывало такое ... разочарование, что ли... такая тоска и... пустота. Знаешь, я представлял себе любовь совершенно иначе... чем-то большим и несоизмеримо более прекрасным...

— Да, знаю.

— Знаешь? Ах, ну да... — Он смутился, вспомнив, что Филлис раньше была уличной девчонкой.

— А что ты понимаешь под большим и прекрасным?

— Я... и сам не знаю. Только меня не покидало чувство, что я все время в поиске. И вместе с этим жизнь вокруг меня все больше стала казаться мне никчемной и пустой: вечная погоня за деньгами, состоянием, охота за доходным местечком. Я все дальше отстранялся от такой жизни. И вот однажды — это было, когда я уже вернулся в Эрфурт, — что-то произошло. Я стоял неподалеку от церкви Святого Северина, той самой, которую так хорошо знал с детства. Двери Божьей обители оказались открытыми, и внутренний голос шепнул мне: «Войди!»

— Ну? И ты вошел?

— Да. Вошел и увидел, что, кроме меня, там не было ни души. Высокие своды показались мне много ниже тех, что я помнил с детства, и все производило совершенно другое впечатление. Я прошел вперед, вдоль рядов скамеек, твердя про себя Ave Maria, и посмотрел на Иисуса Христа, нашего распятого Спасителя. И вдруг почувствовал, что нашел то, что искал. То Большое и Прекрасное.

— И ты ушел в монастырь?

— О нет, это случилось вовсе не так скоро. Но я заметил, что меня все сильнее и чаще тянуло в церковь. Причем в те часы, когда я мог оставаться один на один с Господом. И каждый раз меня, стоявшего перед Его ликом, охватывало незнакомое прежде чувство умиротворения и теплоты. Чувство по ту сторону всякого зла в этом мире.

— Как красиво! А я никогда не испытывала такого чувства. Никогда...

— Думаю, каждый может испытать его, если поверит по-настоящему. Только мало искать Бога, надо еще захотеть Его найти.

— И ты нашел Его в церкви, да?

— Можно сказать и так. А когда я уверился в своем призвании, то ушел к августинцам, чтобы принять послушничество.

— И стал пастором, да?

— Примерно так.

Он почувствовал тепло ее тела, прижавшегося к нему, пожатие тонкой руки, и по телу его пробежала дрожь. Он захотел отодвинуться от нее — и не смог. Дух был силен, а плоть слаба.

— Ты самый милый пастор из всех, кого я знаю, — тихо сказала Филлис.

Все еще февраль А. Д. 1578

Состояние нашего здоровья ухудшилось. Мы совершенно ослабели и двигаемся только тогда, когда в том есть насущная необходимость, и то спешим по делу, чтобы пройти нормально хотя бы двадцать шагов. Двадцать шагов по ровной доброй английской земле! Теснота шлюпки становится невыносимой!

В последнее время, когда на море чуть больше волнения, у многих из нас нарушается равновесие. Что это, морская болезнь? Или просто слабость?

Машинист и Коробничка страдают от бесконечных нарывов, которые в худобно вскрываются нажатием.

Уже два дня не было дождя. Снова поймали осьминога, на этот раз намного больших размеров. Но из-за слабости не смогли поднять его на борт. Хлопоты пришлось перевернуть цrotchку. Теперь, без крючка, шанс поймать рыбу равен нулю.

Лодка дает жить и требует неослабного внимания. Ладно бы только вода, но еще и шквалы и волны дают о себе знать. Только брат Амбрози-

ус и лисс Филлис производяя впечатление полнейшего цифровворения. Он по-прежнему обучает ее латыни.

— Звезда, дочь моя, на латыни будет *stella*.

— Но я уже это знаю, отец, *stella* ты мне уже называл. — Филлис прижалась к Амброзиу и устремила взгляд в ночное небо.

— Разве? — Монах уже и не пытался отодвинуться. Это не имело смысла: Филлис все равно придвигалась к нему, вовсе не замечая, что он хочет сохранить некоторую дистанцию. В последние дни они взяли за обыкновение сидеть вечерами друг подле друга в средней части «Альбатроса».

— Ну хорошо. А луна называется...

— ...*luna*. Это ты тоже уже говорил.

Амброзиус покусал губы. Каждый раз, когда она была так близко, он рассредоточивался. Филлис нащупала его руку и положила себе на колени. Целый фейерверк внезапных чувств взорвался в нем.

— Сириус светит сегодня особенно ярко, — пробормотал он. — Посмотри вон туда, чуть позади тебя, и увидишь.

Он облегченно вздохнул, когда она отпустила его руку и повернулась назад.

— Сириус — самая яркая звезда нашего неба, — продолжал он.

— Какой он красивый... — Филлис не отводила взора от звезды. — Наверное, и там живет Бог!

— На Сириусе? — Амброзиус минуту поколебался и ответил: — Да, дочь моя, Он везде.

— И там? Там тоже? — она показала на скопление звезд возле Сириуса.

— Ты показываешь на созвездие Ориона. Да, там тоже Бог. — Амброзиус обвел рукой северную часть неба. — И на тех звездах, которые образуют созвездия Большой и Малой Медведицы. Вон, посмотри. Видишь — лапы, хвост?..

— Ой, и вправду похоже, а вон там голова! И на них тоже Бог? — Как само собой разумеющееся, она снова взяла его руку.

— Да, Господь вездесущ. В Священном Писании сказано:

*Он один распростирает небеса и ходит по высотам моря;
сотворил Ас, Кесиль и Хима* и тайники юга;
делает великое, неисследимое и чудное без числа!*

— О, как красиво то, что ты говоришь, как красиво звучит!

* Созвездия, соответствующие нынешним названиям Большая Медведица, Орион и Плеяды.

— Да, красиво. Это стих из Книги Иова. Ты ведь слышала об Иове? Это был человек, чью кротость и набожность хотел испытать Господь, насылая на него неисчислимые беды.

— И что? Он выдержал? — заволновалась Филлис.

— Да, Иов выдержал испытания, но ему было тяжело, очень.

— Нам ведь тоже нелегко, да? Но я думаю, мы тоже выдержим, как Иов. Надо только помогать друг другу! — Она крепко сжала его руку.

Горячая струя прошла по его телу, и он услышал, как, не отдавая себе отчета, говорит:

— *Amica optima, vitae possessio!*

— Что? Что ты сказал? Что-то вроде того, что прекрасно в жизни, нет?

— Э-э... правильно. Я сказал, что подруга — наилучшее владение в жизни.

— О-о-о-о! — Ей не хватало слов. — Такого... такого мне еще никогда никто не говорил!

Она взяла его руку и нежно, очень нежно поднесла ее к своей груди.

Через два дня около полудня погода начала меняться. Солнце скрылось за молочно-белой вуалью, а волнение на море стало круче и сильнее. Подул шквалистый ветер, который вначале принес прохладу, а потом, усиливаясь с каждым порывом, стал внушать опасения.

Хьюитт прокричал с кормы:

— Боюсь, будет сильный шторм!

— Тогда помоги нам, Боже, — прохрипел Магистр.

Он страдал от мучительной жажды. Его язык и гортань опухли, так что он едва мог говорить. Когда запасы пресной воды подошли к концу, он, как и кое-кто еще, несмотря на предостережения Хьюитта, начал потихоньку глотать морскую воду. От этого в глотке стало только суше, а в животе появились сильные рези.

— А мы не можем от него уйти? — спросил Витус.

Хьюитт, который правил шлюпкой, шире расставил ноги, чтобы закрепиться понадежнее. Волны становились выше.

— Нет, не можем. Придется выстоять, нравится нам это или нет. Надо срочно снять парус, пока его не сорвало, затем принайтовить и крепко-накрепко закрепить все, что не закреплено, особенно бочонки из-под воды.

— Если дело обстоит так, давайте-ка все за работу! — приказал Витус.

Как бы ни была слаба команда, все немедленно взялись за дело. Дальнейших распоряжений не потребовалось. Когда ценной неимоверных усилий со всем было покончено, картина вокруг них полностью переменялась. Хоть был еще ясный день,

воцарился свинцовый сумрак. Шквалистый ветер набрал силу и завывал над «Альбатросом», как раненый зверь. Волны, черные и грозные, вздымались перед суденышком, захлестывая его ледяными блинами пены.

— Подтяните штаги! — крикнул Витус. — Если мачта окажется за бортом, будет поздно!

Его приказ был выполнен настолько быстро, насколько это было возможно.

— Заклинйте еще шкап на корме, закрепите клетку с Джеком под баком на буге! И обвяжите друг друга канатами, а потом прикрепите их к банкам! Если кого-то смочет за борт, мы уже ничем не сможем ему помочь!

И эти распоряжения были выполнены.

«Альбатрос» между тем жил своей собственной жизнью. Он испытывал килевую и бортовую качку, черпал воду и был неуправляем. Волны величиной с дом теперь накатывали с норд-веста, гонимые штормовым ветром, и хлестали людей в лодке, на которых уже сухого места не осталось, бурлящей пеной и солеными брызгами. Каждый из них вцепился во что-то устойчивое, пытаясь защитить глаза от жгучей морской воды, и молил Бога отвести от них чашу сию.

Хьюитт сидел у румпеля и изо всех сил старался направлять нос корабля на накатывающие волны, потому что хорошо знал: стоит только повернуться к волне бортом, и судно опрокинется или, что не легче, до краев заполнится водой. И так уже воды в лодке прибавилось настолько, что люди стояли в ней по колено.

— Черпайте, Бога ради, черпайте! — кричал Витус, и голос его тонул в буре. — Черпайте, пока мы все не захлебнулись!

Каждый, кто смог ухватить хоть какую-то емкость, сумасшедше принялся зачерпывать воду и выплескивать ее за борт. Страх перед лицом смерти придавал им сил.

В считанные минуты — буря уже переросла в неистовый ураган — воды в шлюпке убавилось вдвое. Команда вздохнула свободнее. Но и бушующее море удвоило силы. Теперь оно бурлило, словно кипящий котел. Ураганный ветер исполинскими кулаками силился сорвать мачту, штаги и вообще все, что вставало преградой на его пути. Он хватал «Альбатрос», швырял его в глубокие впадины между волнами, потом снова забрасывал на гребень, тислил закрутить его, вытрясти, пробить, протаранить с неистощимым упорством.

К Хьюитту подоспело подкрепление. Одному ему уже было не под силу удерживать руль в нужном положении. Теперь возле него сидел Витус. Они вместе держались за румпель, но его едва не рвало из рук. «Альбатрос» вздыбился, как норовистый жеребец, который во что бы то ни стало хочет сбросить всадника.

А все ли еще здесь? Витус посмотрел вперед. Вода и пена, хлеставшие в лицо, мешали обзору. Вон вроде бы под последней банкой Магистр и Коротышка, два жалких человеческих комочка, до смешного маленькие, беззащитные и беспомощные в бушующем реве урагана. На буге, под баком, уже не защищающим от встречной волны, белеет светлым пятном Феба. У левого борта на средней банке нависает, согнувшись в три погибели, Амброзиус — оберегает Филлис.

Новый вал величиной со скалу обрушился на «Альбатрос», во что бы то ни стало желая смыть его. Но малыш отважно скользил по волне и был уже на половине пути к гребню, как вдруг немилосердная масса воды обрушилась на него. «Альбатрос» сотрясся, закачался, тяжело осел и, казалось, совсем исчез... Но вот медленно, бесконечно медленно показался снова наверху — упрямый и непреклонный, пусть снова нахлебавшийся воды. Тот, кто хоть самую малость понимает в кораблестроении, сказал бы в этот миг, что «Альбатрос» держится молодцом, как истинное дитя бравого «Галанта».

— Черпайте! — закричал Витус. — Черпайте, заклиная вас всем святым!

Услышать его голос не мог никто, даже Хьюитт, который сидел в непосредственной близости. Но, слава Богу, в этом и не было необходимости. Магистр и Энано, как и остальные члены команды, не желали потонуть, словно крысы.

Теперь рот Амброзия широко раскрывался в крике. Он что-то отчаянно старался до них донести; одновременно его длинные руки рывками перебирали канат, один конец которого свисал в воду. Филлис! Филлис упала за борт, и ее сейчас унесет волной! Витус вскочил, но Хьюитт дернул его обратно. Бросаться туда на помощь было бессмысленно. А вот управлять шлюпкой, если это вообще можно так назвать, имело смысл. Монаху придется справляться самому. Только самому.

И он справился. Дюйм за дюймом, фут за футом тянул он канат, прилагая нечеловеческие усилия, и последним рывком, собрав остаток сил, вытянул-таки Филлис и рухнул вместе с ней на рыбину.

«Слава Богу! — взмолился Витус. — Не даешь ли Ты нам знак, Господи, что по воле Твоей все мы должны быть спасены?» Однако поразмышлять над этим у него не осталось времени, потому что новые валы обрушивались на тело кораблика и крушили все, что еще держалось. Крррах! — рухнула мачта. И, словно этого было мало, в тот же самый момент Витус почувствовал, что румпель больше не сопротивляется нажиму — перо руля сорвало.

Однако вопреки всем разрушениям «Альбатрос» держался теперь спокойнее. Он больше не скакал по волнам, как капля воды на раскаленной плите. А причиной тому была мачта, кото-

рая волочилась за кораблем, удерживаемая еще не оборвавшимися штагами. Она действовала как плавучий якорь и таким образом помогала лучше преодолевать гребень волны.

Витус и Хьюитт тоже бросились вычерпывать воду из шлюпки. Это был сизифов труд. Только-только уровень воды понижался, как накатывал новый вал и уничтожал плоды их усилий. И они начинали все сызнова. Черпать, черпать и снова черпать! И Феба на буге занималась тем же. И Амброзиус. А где Филлис? Жива ли она вообще? Черпать, черпать, черпать! Все давно уже потеряли ощущение времени. Каждый концентрировался лишь на процессе черпания: погрузить сосуд в воду, зачерпнуть и выплеснуть за борт; согнуться, погрузить, зачерпнуть, разогнуться, выплеснуть... Они работали, как машины, только вот были они не машинами, а слабыми людьми — мокрыми, изголодавшимися, обессиленными до предела, и им вроде бы уже было все равно...

Марь? А. Д. 1578

Мы, наверное, несчастнейшие из несчастных Божьих тварей. Больные, голодные, без еды и питья. Нет, немного воды у нас еще есть: пинты две или три на семерых. Мы бережем ее, софранную в единственный бочонок, который не унес у нас ураган. Ураган оставил нам только безфосветные дни. Все остальное отняла. Все, даже надежду. Море спокойно. «Альбатрос» влечет морское течение. Без лачты, без весел, без компаса. Мы потеряли всякую ориентацию. Да мы уже и не мы. Мы больше не разговариваем. Языки не ворочаются. Общам нам, неужели Мы покинули нас? Почти Мы покинули нас, Общам?!

Как сквозь туманную дымку, Витус увидел белую птицу, скользящую по воздуху. Она несколько раз покружила над «Альбатросом», словно приглядываясь и оценивая, и под конец с широко расправленными крыльями опустилась на бак. Это была чайка. Она оправила перья и огляделась в поисках еды. Перед ней лежала безжизненная рука. Она клюнула. Сначала осторожно, потом сильнее. Рука принадлежала Фебе.

— Феба, — хотел крикнуть Витус, но из его рта выдохнулся только сиплый хрип. — Феба, чайка сожрет тебя!

Чайка косо взглянула на Витуса и снова принялась за свое дело, как видно, решив, что это шелестящее существо не представляет опасности. Она еще раз клюнула свой трофей. Выступило несколько капель крови.

— Феба, да проснись же, чайка! — собрав последние силы, просипел Витус.

Чайка поставила когтистую лапу на руку, чтобы удобнее было выклевывать мясо, как вдруг шевельнулся палец.

— Кыш, — слабо прошептала Феба. — Что это?

Птица порхнула в сторону и наблюдала, ворочая головой.

— Чайка? — удивилась Феба. — У меня что, начались галлюцинации?

Чайка встопорщила перья.

Витус просипел:

— Это настоящая чайка. Она собиралась расклевать твою руку.

— Что? — Феба посмотрела на кровоточащую рану. — Вот проклятье! — она пошевелила рукой.

Чайка отскочила, расправила крылья и поднялась в воздух.

— Ага, живая чайка... Это же живая чайка! — Феба посмотрела ей вслед.

— Ну да, говорю тебе... — медленно Витус осознавал сей факт. Чайки — морские птицы и питаются тем, что выловят из моря, но в отличие от альбатросов, которые неделями, а то и месяцами могут находиться в открытом море, чайки — птицы прибрежные. Днем они промышляют в море, а вечерами возвращаются на землю. На землю... — Земля! — хрипло воскликнул Витус. — Земля! Земля! Земля!

Постепенно начали приходить в себя остальные. И наконец все, включая и бедняжку Филлис, которой было совсем худо, осознали смысл выкриков Витуса.

— Где?!

— Где, Бога ради?!

Все вытянули шеи и завертели головами, пытаясь разглядеть землю. Пришлось Витусу, с трудом ворочая языком, объяснить, что земли пока не видать, что пока только чайка, которая опустилась на лодку, свидетельствует о том, что неподалеку должна быть земля.

— Ну-ну, — вяло пропищал Коротышка, — неподалеку? Щё, эта рыбодерка не может махать два-три дня?

— Не исключено, — вынужден был согласиться Витус.

А Магистр блеснул из-под прищуренных век красными воспаленными глазами:

— Да ну вас, конец уже виден! — Его неисправимый оптимизм вернулся к нему. Он говорил медленно, слова будто продавались сквозь ржавую трубу. — Предлагаю допить остатки дождевой воды. *Carpe diem*.

Через несколько минут все уже наслаждались маленькими глотками драгоценной влаги. Это обстоятельство, а также надежда, что скоро их страдания подойдут к концу, пробудили дремавшие в них жизненные силы. Впервые за много дней они были в состоянии хоть как-то общаться.

Раздался слабенький голосок Филлис:

— А что значит *carpe diem*, отец?

— «Используй этот день», дочь моя, — ответил Амброзиус. — А если дословно: «Сорви этот день». Это цитата из римского поэта Горация. Вот мы, например, использовали этот день, чтобы

подкрепиться драгоценной влагой. Господь пожелал, чтобы мы ее испили, а это значит, что Он спасет нас, я в этом уверен.

— Амен! — прошептала Филлис и прижалась к нему.

Несмотря на беспредельное изнурение, Витус плохо спал этой ночью. Он то и дело просыпался и высматривал, не покажется ли земля, хоть и не знал, в какую сторону надо смотреть. Конечно, он заприметил, куда улетела чайка, но в темноте все стороны выглядели одинаково.

Должно быть, он задремал на более продолжительное время — иначе не объяснишь, что неожиданно за облаками появилась луна и своим тусклым светом обрисовала нечто, походившее на кусочек суши. Витус зажмурился, а потом снова открыл глаза. Нет, сомнений быть не могло. Впереди слева по борту — расстояния в лунном свете не определишь — лежала земля. Полоска земли, еще темнее, чем море, очертания которой поглощали серебристые лучи луны.

— Земля! — выдохнул Витус. — Наконец-то земля! Смотрите, смотрите, там впереди земля!

Все повскакали на ноги и столпились на буге, чтобы лучше рассмотреть. Они обнимались и ликовали: земля! Конец их мучениям! Земля — значит вода, пища, одежда; земля — значит тепло, безопасность, здоровье; значит много людей, значит праздники, веселье, радость и, конечно, работа. Работа — по ней все они стосковались не меньше, чем по всему остальному, по доброй, честной, благодатной работе. Тосковали по размеренному распорядку дня, в котором всему свое место, когда рано утром встаешь, а поздно вечером ложишься, и время между утром и вечером заполнено богоугодным трудом.

Земля приближалась, слишком быстро приближалась, но они в своей эйфории не придавали этому значения. И чем ближе была земля, тем яснее становилось, что перед ними и не земля вовсе. Первой это заметила Феба:

— Неужто мне мерещится, — прошептала она. — Это ж не земля, это... рыба. Чудовищная рыбища это! — и по привычке добавила: — А, Филлис?

— Да-да, чудовищная рыбища, — так же машинально подтвердила Филлис и посмотрела на Амброзиуса. — А «рыба» по-латыни *piscis*, да, отец?

— Да, дочь моя, — ответил монах с отсутствующим видом, потому что все его внимание было приковано к чудищу, которое все приближалось.

— Это всего лишь кит, — протянул Хьюитт, который не мог скрыть своего разочарования. — Правда, исполинский экземпляр. Судя по большой тупорылой башке, это кашалот.

Кашалот между тем подошел совсем близко и остановился примерно на расстоянии длины «Альбатроса» от них. Малень-

кий глубоко посаженный глаз на нижней части головы поблескивал в лунном свете. Он разглядывал их. Очевидно, чудищу было так же любопытно, как и людям, что за зверь такой появился перед ним. Со смешанным чувством страха, благоговения и восхищения взирали они на тушу не меньше семидесяти футов в длину, то есть более чем вдвое длиннее их шлюпки.

— Знал я одного китобоя, который рассказывал, что эти киты могут нырять за добычей на глубину в тысячи футов и часами оставаться под водой, — пояснил Хьюитт шепотом. Перед лицом такого чудища невольно понижишь тон.

— Дурная мысль, — проскрипел Магистр, — но мне бы хотелось, чтобы это чудовище превратилось в остров. Остров был бы мне больше по душе.

Амброзиус пробормотал:

— Левиафан. Молю Всевышнего, чтобы он не замыслил против нас ничего зловредного. Наверное, такой же проглотил когда-то пророка Иону. — Он начал цитировать:

И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи...

Но Магистр перебил его:

— А чем питаются эти милые животные?

— Осьминогами, — отозвался Хьюитт.

— Осьминогами? Так ему, наверное, надо уймищу этой дряни, чтобы слегка утолить голод!

— Не все осьминоги так малы, как те, что попадались нам. Есть и такие, что размером с целого кита. — Видно, Хьюитту и самому такое описание показалось неправдоподобным, потому что он тут же добавил: — По крайней мере, так рассказывал тот китобой.

А кашалоту, по всему виду, было абсолютно безразлично, что там судачили люди о нем и его пропитании. Он спокойно лежал, как скала в море, посматривая одним глазом, как вдруг над ним взметнулся фонтан мощных водяных струй. Они поднялись так высоко, что брызги с чудовищной силой обрушились на «Альбатрос», и вся команда вмиг вымокла.

— Он выдувает воздух из легких вместе с водой, — объяснил Хьюитт.

Не успел он это вымолвить, как голова кита ушла под воду, а мощное туловище выгнулось мостом и на несколько мгновений показалось во всей своей красе. На боку исполина люди четко увидели матово поблескивавшие пятна, по которым рядами шли загадочные темные следы, круглые и каждый величиной с блюдо. Когда уже и лопасти хвостового плавника скрылись под водой, Магистр сдавленно прошептал:

— Бог мой, я догадываюсь, что это. Они выглядят как следы от присосок.

Все содрогнулись.

Марк? А. Д. 78

Прошел еще день и еще одна ночь, с тех пор как мы видели чайку. Откуда нам Небесный, где же земля? Как далеко могут залетать эти птицы? Снова и снова задаемся мы этими вопросами.

А была ли та чайка реальностью? В наших воспоминаниях полный сумбур. Уж не игра ли это врага рода человеческого, который потешается при виде нашей немощи?

Снова такая жара, что, рассыхаясь, трещит все дерево. У нас совсем нет воды. Наши глотки пылают, как угли. По утрам мы ждем росы и слышим ее распахивание языками. Бич жажды страшнее всех сабанов. Должно быть, это моя последняя запись. У кого еще есть силы, читайте...

В. из К.

С превеликим трудом, движениями немощного старца, Витус убрал журнал и пишущие принадлежности обратно в шкаф, а потом заполз под парусиновый тент, где лежали остальные. Магистр, Коротышка, Хьюитт и Феба находились на грани дремы и обморока. Несмотря на жару, все сбились в кучу, потому что полотнище было не слишком большим. В середине шляпки сидел на корточках Амброзиус, который снял рясу, чтобы защититься от тропической жары Филлис.

Он сидел в изодранном в клочья исподнем, но его это мало волновало. Стыдливости больше не было места, и время ее прошло.

Часами лежали измученные мореплаватели без признаков жизни, а развалину «Альбатрос» несло дальше. Дальше и дальше, все время на запад, к спасительным берегам. И они не знали, что Господь всемогущий уже выслал им последнее, невероятное испытание...

И снова была ночь, ночь с рваными облаками на небе и блеклой луной между ними. Слабый ветерок задувал с зюйд-веста и пробегал по останкам «Альбатроса». Море походило на черное стекло. Под шляпкой из его глубин что-то поднималось, медленно, но неотвратимо, нечто, никогда не виданное на поверхности, — некий отливающий зеленью орган, светящийся, как фонарь. Этот орган сидел на мощной голове с мешковатым туловищем. От головы размером с бочку в человеческий рост отходили восемь конечностей, каждая толщиной с верхушку мачты на большом корабле, а к ним еще два щупальца не меньше сорока футов в длину, что превышало даже длину рук. Все десять конечностей были снабжены присосками с хорошее

блюдо. «Архитойтис»* назывался монстр, и не только его гигантские голова и щупальца внушали страх, но и сидящие по бокам головы выпученные глаза — они были огромными, диаметром в пятнадцать дюймов, но ни в какое сравнение не шли с величиной роговых челюстей, похожих на клюв исполинского попугая.

Извивая во все стороны свои щупальца, архитойтис начал ощупывать свою добычу. Его голова показалась из воды возле «Альбатроса», а щупальца обхватили корпус шлюпки снизу и присосались к нему крепко-накрепко. Монстр ударил своим мощным клювом по транцу. Лодка содрогнулась и затрещала.

Витус вынырнул из тяжелой дремы:

— Что? Что это было? — слабо пролепетал он.

Тишина. Он прислушался. Ничего. Только плеск волн и шелест ветра. Его голова снова упала на грудь.

Архитойтис между тем оставил в покое транец — дерево ему было не по вкусу. Он предпочитал живность морских глубин. В другой раз он выслал на охоту длинные щупальца, которые хватали жертву, присасывались к ней и тянули к гигантскому клюву, чтобы тот мог спокойно перемолоть пищу. Они шевелились и извивались на корме, играючи скользнули по парусиновому навесу и заползли под него. Не спеша они ощупывали здесь, проверяли там, и, наконец, их скользкие концы обвили шею и грудь Витуса.

— Ч-ч-т-о... эт-то?

Витус почувствовал, как непреодолимая сила хватает его и поднимает в воздух, и в то же время кто-то перекрывает ему дыхание. Он вздернул руки к горлу и... ухватился за влажное осклизлое щупальце. Кирургчик дернул за него, рванулся и принялся отдираť изo всех сил, только силы, которыми он обладал, были смехотворно ничтожны. Его руки беспомощно рассекали воздух, а дыхание вот-вот было готово прерваться. Нож! Единственное оружие, которое у них еще осталось! Надо до него добраться, чтобы обрубить эту скользкую конечность. Нож лежит в шкапчике, недалеко от него... Он захрипел. Лево́й рукой он уцепился за кормовую банку, а правой распахнул створки. Нож, где же этот нож?! Вот! Рука ухватила рукоятку и взметнулась вверх, направляя клинок к горлу. Витус уже мог только хрипеть на последнем издыхании, он вертел головой во все стороны, как будто мог таким образом освободиться от удушающего захвата. Потом собрался с духом и вонзил клинок в ненавистную скользкую плоть, ранив при этом и самого себя.

* Гигантский осьминог. Жители северных стран называют его кракеном. Есть свидетельства, что гигантские осьминоги действительно существуют и, случается, нападают на небольшие суденышки. — *Прим. ред.*

Но боли он не чувствовал — колот и резал, собрав последние силы. Неужели тугая петля вокруг шеи никогда не ослабнет?!

Наконец, когда Витус уже терял сознание, хватка ослабла. Он глубоко втянул в себя воздух, он упивался им, захлебываясь огромными глотками. Смертоносное щупальце оставило его и поползло, оставляя за собой слизь, дальше, вперед, к носу, ища менее опасную жертву.

Витус хотел вскочить, предупредить об опасности остальных, которые были так слабы, что даже не заметили случившегося, но при первом же рывке все вокруг него перевернулось, ему показалось, что и сам он куда-то проваливается, и с силой ударился виском о рыбину...

Витус не знал, сколько времени прошло. Он очнулся оттого, что кто-то тряс его за руку. Магистр!

— Гигантский спрут! Гигантский спрут! — Маленький ученый думал, что кричит, на самом деле из его гортани вылетали лишь хрипы, которые можно было с трудом разобрать.

— Знаю... Он меня... — Сознание Витуса было еще слишком замутнено, чтобы складно говорить.

— Там, впереди, у мачты! Амброзиус и Филлис! — широко раскрытые глаза Магистра говорили больше, чем его слова. — Чудовище хочет их задушить!

Витус заставил себя подняться. На мгновение в его голове промелькнуло удивление: на что способен человек, когда решается вопрос жизни и смерти! Но мысль скользнула и ушла, а в неверном свете луны он различил две слившиеся в одну тени: у средней банки, крепко вцепившись друг в друга, сплелись долговязый Амброзиус и хрупкая Филлис.

И в таких же тесных объятьях были сжаты их шеи. Одно из щупалец жгутом перетягивало их и в то же время пыталось утащить за планшир — в утробу прожорливого морского дьявола. Но пока что жуткой удавке сделать это не удавалось, потому что Амброзиус противился изо всех сил некогда могучего тела.

Второе щупальце обвилось вокруг остатка мачты и старалось вырвать его, но тоже безуспешно. Тогда архитойтис пустил в бой другие щупальца. Он отцепил их от корпуса лодки, и теперь они скользили, как немногим раньше другие конечности, по поверхности тента, извиваясь и прощупывая, но — слава Богу! — не обнаружили иссохшие тела внизу.

Витус бросился вперед, отбиваясь от жадно цепляющихся за него конечностей. За ним — маленький ученый, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь. Дальше, дальше, прочь от вездесущих слизней!

Вокруг обломка мачты все еще кольцами обвивалось второе щупальце. Архитойтис тянул его со страшной силой, и вся лодка кренилась набок. Витус почти потерял равновесие, когда подскочил к Амброзиусу и Филлис и с размаху вонзил нож

в удушающее их щупальце. Он начал водить клинком, как пилкой, вперед-назад, туда-сюда... Нож был острый, словно бритва, но и конечность оказалась толстая, слишком толстая.

Внезапно он заново почувствовал на своей шее осклизлую хватку. Второе щупальце монстра! Гигантский головоногий выпустил мачту и бросился в атаку на настоящего врага. Витус выскользнул, не прекращая, как одержимый, неловко пилить по первому щупальцу. Он удивлялся, что на том не выступило ни капли крови. А может, этот монстр вообще не с этого света?

Возле себя он слышал пыхтение Магистра, который колол второе щупальце острым обломком мачты. По крайней мере, ему удавалось удерживать монстра на расстоянии. Витус сцепил зубы. «Пили дальше, пили, пили, пока Амброзиус и Филлис не задохнулись! Их надо спасти! После всего, что мы пережили, было бы адской насмешкой, если они сейчас погибнут!» Внезапно щупальце расчленилось, обрубок жгутом взвился ввысь, свился в кольцо, раскрутился, словно взмахнув на прощанье, и исчез под водой вместе с головой монстра.

Дурное наваждение рассеялось. Только конец щупальца, по-прежнему обвивающий шеи Амброзиуса и Филлис, напоминал о нем.

— Эй, Амброзиус, Филлис, он убрался, — прохрипел Витус.

Он разматал потерявший свою силу смертельный жгут и закинул его в море.

— Амброзиус! Филлис!

Они сидели, неподвижные, на том же месте, слившись в объятьях, словно любовники.

— Амброзиус! Филлис! Да вставайте же!

Витус ткнул их, встряхнул за плечи. Ничего... И наконец они пошевелились. Их торсы в кольце рук откинулись назад, на банку.

Они были мертвы.

Стойкий в своей вере монах-августинец и хрупкая уличная девчонка испустили последний вздох бок о бок, плечом к плечу, лицо в лицо, глаза в глаза.

«Может, оно и к лучшему, — печально подумал Витус. — В жизни им никогда бы не стать парой. А смерть соединила их».

ПИЛЬЩИК ХАЙМЕ

Хочешь поест? У меня есть краюха хлеба и довольно сносный сыр.

Ранним февральским утром 1578 года по улицам Сан-Кристобаля-де-ла-Абана, самого большого портового города Кубы, который местные жители называли просто Гавана, шел человек. У него было узкое лицо с высокими скулами и крючковатым носом. Его поджарое тело, которое можно было бы назвать

тощим, если бы не широкие плечи и впечатляюще мускулистые руки, болталось в просторных штанах и рубашке. Хайме Оз-лос звали человека, и жил он на севере, на Пунта-Сотавенто, в устье Канал-дель-Пуэрто, но каждый будний день устремлял свои стопы на юг. От канала задувал свежий ветер, который нес запах моря и далеких просторов. Хайме на мгновение задержал дыхание, а потом вдохнул свежий воздух глубоко в легкие и подставил свои вечно воспаленные глаза его прохладе. В этот предутренний час, когда солнце только-только поднималось из-за моря, на улицах метрополии еще не было шума и возни. Слава Богу, потому что Хайме любил тишину и покой. Лишь редкие торговки рыбой с гоготом устанавливали на берегу свои лотки. Эти торговки, как говорили гаванцы, не сдержали бы своих языков и перед лицом сатаны. Хайме дошел до Кастильо-де-ла-Реаль Фуэрс — укрепления, строительство которого только что закончилось, и резко свернул направо, не покидая чрева города, хотя до своего рабочего места Хайме мог бы добраться скорее, пойдя он прямо. Он выбрал эту дорогу, потому что она вела через улицу Калле-де-лос-Офисьюс, на которой сорок один год назад он родился в семье изувеченного испанского матроса, что держался на плаву только благодаря поденной работе в порту, и индианки из племени тимукуа, чьи охотничьи угодья лежали на севере полуострова Ла Флорида.

Хайме вырос в грязи и нищете, в постоянном поиске чего-нибудь съестного. Родителей он потерял рано — может быть, потому и был так привязан к родному дому. Тот стоял напротив винного склада, где к тому же торговали в розлив. Складу было почти столько же лет, сколько самой Гаване. Первый хозяин открыл его в 1521 году, два года спустя после основания города. Над входом все еще красовалась та же вывеска: «*Almacén de Vinos**» с выцветшими буквами, которые Хайме все равно не смог бы прочитать. А внутри заведения воздух был насыщен тяжелым сладковато-пряным духом вина и запахами, которые источали тела гуляк. Хайме с удовольствием вспоминал, как время от времени зарабатывал здесь ломоть хлеба или миску супа, помогая хозяину перекачивать бочки. Бочки с благородным напитком из Андалузии, Наварры, Кастилии, Каталонии — земля, которые у Хайме ассоциировались только с названиями вин, потому что на родине предков, по ту сторону моря, он никогда не бывал.

Не спеша Хайме прошел всю Калле-де-лос-Офисьюс. От последних домов и хижин уже открывался вид на верфи Бахиа-де-ла-Абана. На некоторых кораблях уже кипела жизнь. Это были торговые суда, капитаны которых спешили, потому что

* Винный склад (исп.).

каждый день простоя в порту означал для них потерю прибыли. Несколько больших парусников швартовались у пирса, другие лежали на берегу: на них шли ремонтные работы.

Рабочее место Хайме находилось позади большой печи, невысокой и длинной — такой, чтобы в ней могли прогреваться водяным паром и самые длинные корабельные доски. Процесс этот длился часами и был не так безопасен, потому что доски разогревались до температуры кипящей воды. Потом их вынимали и осторожно транспортировали к судну, где гнули должным образом и прилаживали к остову корабля. Сейчас печь не парила. Работники придут позже, к тому времени, как будут напилены первые сырые доски. Хайме перебрался через кучи древесных отходов, заготовленных, чтобы топить печь, и оказался перед своим рабочим местом: четырехугольной ямой длинной в восемь шагов и глубиной выше человеческого роста. Здесь пильщики, которые разделявали бревна на доски, работали всегда по двое. Один стоял на дне ямы, а другой наверху, на бревне. Вместе они водили десятифутовой двуручной пилой, и она медленно вгрызалась в дерево вдоль ствола.

Это была работенка, от которой и самый сильный мужик быстро выбивался из сил, если не выполнял несколько немудрящих правил. Первым правилом было тянуть. Тянуть, а не жать! Если на пилу давить, это никчемный труд, который к тому же сбивал с ритма и требовал дополнительных усилий. Второе правило гласило: тянуть на выдохе. А третье и самое важное: регулярно меняться местами. Каждая пара пильщиков менялась местами по несколько раз на дню, потому что уже через короткое время у нижнего работника деревенела шейная мускулатура, а у того, что сверху, — мышцы спины.

Хайме из-за своей больной поясницы больше любил работать внизу. С этими болями он жил уже много лет, а точнее, с того самого дня, как однажды так низко склонился, что уже не смог разогнуться. Как тогда стрельнуло в поясницу, так больше и не отпускало. В те времена он работал на уборке сахарного тростника. Тоже, конечно, тяжкий труд, не менее тяжкий, чем в этой яме. Но было спокойнее, много спокойнее... Шелест ветра в тростнике, песни чернокожих, сладкий вкус белой сердцевины — жаль, что все это позади. С той поры он и силится прожить, проявляясь работой пильщика.

А где же Рауль, его напарник? Наверное, как всегда, опаздывает. Хайме заглянул за тяжелые бревна, которые уже подвезли к яме — очищенные от корней и кроны стволы копалового и красного дерева, колоссов тропического леса, которые ждали своего часа, чтобы стать частью кораблей.

Первым этапом в работе пильщиков было уложить дерево так, чтобы один его конец выступал над ямой, тогда можно будет начинать. Как только Хайме и Рауль пропилят хороший ку-

сок, бревно надо перетащить через яму. На последнем отрезке все повторялось, как в начале.

Само собой, чтобы ворочать такую махину, двух пыльщиков не хватило бы, да и двадцать человек не смогли бы этого сделать. Для такого дела использовалась упряжка быков или лошадей, к которым был приставлен парень по имени Мендоса, но его пока что тоже не было видно.

Хайме вздохнул. Раз уж он все равно здесь, чего стоять без дела! Надо хоть выгрести опилки из ямы. Проклятые опилки! С каждым проходом пилы они сыпались в глаза тому, кто стоял внизу — мелкие древесные твари, от них не было спасу, так же как от moskitov. Колкие частицы впивались в веки и вызывали непрекращающееся гнойное воспаление. Хайме страдал от них больше, потому что из-за своей больной поясницы вынужден был чаще работать в яме.

Вообще-то Рауль должен был выгрести опилки еще вчера — была его очередь. Но у него ветер в голове, у этого олуха. Рауль был на двадцать лет моложе Хайме и гонялся за каждой юбкой, как дьявол за бедными душами. Недели не проходило, чтобы он заново не влюблялся... Хайме покачал головой, ухмыльнулся, взял деревянную лопату и полез по веревочной лестнице в яму. Внизу он в который раз удивился, как много опилок собирается за день. Они покрывали дно толстым овечьим ковром, в котором Хайме утонул по щиколотку. В одном углу опилки собрались валом, словно дюна песка, которую нагнал ветер. Странно, ведь в яме не могло быть ветра! Хайме крепче ухватил лопату и решил проверить, в чем там дело. Осторожно подобрался он к куче и ткнул в нее лопатой. Ничего не произошло. Наверное, все-таки ночной ветер так завихрил, что залетел и в эту дыру. Он еще раз сунул лопату в кучу опилок. И еще. Ничего.

Ну ладно, одному дьяволу известно, почему опилки замело в угол. Мало ли на свете того, что человек не может уразуметь! К примеру, почему рыбы не летают? Почему железо тяжелее дерева? Почему пчелы строят шестиугольные соты? Почему? Почему? Почему?.. Он начал оттрепать и тут же остановился, потому что услышал звук. Звук шел из кучи. Он был похож на стон.

— Выходи, я тебе ничего не сделаю! — крикнул он в надежде, что и ему самому не причинят зла. — Выходи, не бойся!

В груде опилок что-то шевельнулось. Медленно осыпалась куча, и на свет Божий вылезло хилое создание. Со вздохом облегчения Хайме отложил лопату. Между тем уже так посветлело, что он смог довольно ясно разглядеть фигурку. Это был ребенок, хоть и напоминавший своим образом женщину в мавританском стиле, потому что весь он с ног до головы был закутан в покрывало. Оставались видны только глаза. Тонень-

кие ручки говорили о том, что существо давно уже не ело нормальной пищи — это Хайме распознал сразу.

Хайме взялся за мешочек с провизией, висевший на поясе:

— Хочешь поесть? У меня есть краюха хлеба и довольно сносный сыр.

Вместо ответа создание задрожало.

— Ну-ну, не бойся! Если сейчас не хочешь, может, потом, — Хайме попытался придать своему голосу отеческие нотки. — А как тебя зовут?

Малыш не отвечал. Он потупил взор. «Какие пушистые у него ресницы!» — подумал Хайме.

— Ты девочка? — осенило его, и он подошел на шаг ближе. Существо тут же отпрянуло. — Тише, тише! Не бойся! Меня зовут Хайме Озлос, и все здесь, на верфи, могут подтвердить, что я простой безобидный пыльник. Скажи, что тебя пригнало в эту яму? У тебя что, нет родителей, которые позаботились бы о тебе?

Внезапная грусть охватила Хайме, когда он задал последний вопрос. Они с Франсиской давно мечтали о детях, но вот уже девятнадцать лет, как они были женаты, а его жена никак не могла забеременеть. И это невзирая на бесчисленные свечи, которые она ставила в церкви Божьей Матери. А теперь, в свои сорок, она уже была слишком стара для деторождения. Все в руке Божией, и Он определил, что так тому и быть. Только Хайме не понимал, за что?! В других семьях дети рождались, можно сказать, от дуновения ветра, и, хотя родители уже не хотели пополнения семейства, год за годом потомство все появлялось и появлялось на свет. Почему? За что? Ах, столько вопросов без ответа в этой жизни! Хайме перекрестился, а потом спросил:

— Сколько тебе лет?

Существо снова затряслось.

— Не хочешь говорить? Ладно.

Пыльник Хайме решил не подгонять события. Поживем — увидим. Не хочет малышка разговаривать — не надо. Он начал грести лопатой, как будто девочки вовсе и не было рядом.

Хайме работал не спеша, с каждым взмахом стараясь выкинуть девочку из головы, но ее пристальный взгляд, который он чувствовал спиной почти физически, не давал ему избавиться от мыслей о ней. Когда работа была наполовину окончена, издалека послышалось веселое посвистывание Рауля.

Хайме вздрогнул. О напарнике он как-то забыл. А тут еще эта девочка. Сколько же ей лет? Трудно определить. По фигурке двенадцать-тринадцать, не больше. Ему пришла в голову идея, еще не вполне оформившаяся, но, кажется, удачная. Надо только дать ей вызреть. Хорошо ли будет, если Рауль увидит ребенка? Нет! Ни в коем случае! Рауль, конечно, неплохой па-

рень, но слишком болтливый, бесчувственный и неводержанный. Можно себе представить, как девочка, которая пугается при безобидном вопросе о ее имени,отреагирует на манеры бесшабашного парня. Хайме дал ей знак срочно скрыться в том углу, из которого она выползла, и начал засыпать ее опилками. И как раз вовремя! Потому что голова Рауля уже показалась на краю ямы.

— Эй, Хайме, я чуток припозднился! Не сердись? Надо было отоспаться после вчерашней ночи. Был с такой цыпочкой у моря! Ну, скажу тебе, это что-то! Представляешь, надо мной только звезды, а подо мной — настоящий рай! Эх, и хороша была штучка! Как она умеет...

— Заткнись! — Хайме стало не по себе, что такие речи говорят при девочке.

Рауль изобразил раскаяние:

— О, господин напарник не в настроении, да? Слушай, Хайме, честное слово, это в последний раз! Больше не буду опаздывать! Ладно тебе, знаю, что проштрафился, но если бы ты видел, как моя новенькая умеет трахаться!..

— Закрой пасть, сказано тебе!

— Фу ты ну ты! — Сколько-то времени Рауль действительно молчал, а потом изрек: — Ты и впрямь сегодня не в духе. Никогда тебя таким не видел. Вылазь, сменю тебя!

— Оставайся где стоишь!

Рауль, который уже спустил ногу на первую ступеньку, озадаченно уставился на напарника:

— Да что с тобой?

— Франсиска прихворнула. — Это была не совсем ложь, потому что жена его и вправду часто хворала.

— Ах, вон оно что! Жалко, но ты не вешай нос — выздоровеет! Всегда ведь так было...

— Да ладно, чего там! Пойди, позови Мендосу с его волами. Начнем с толстого бревна красного дерева...

Ритмичное «дзвинннь-дзумм» зубьев пилы при движении полотна вверх-вниз действовало успокаивающе в гуле портового шума, который доносился со всех сторон. Работа продвигалась хорошо.

Хайме стоял внизу, в яме, и был с головы до ног засыпан красно-бурыми опилками. Его глаза жутко жгло, и при каждом смаргивании казалось, что в них полно песка. Дело привычное, он уже сжился с этим. Страхивать опилки было бессмысленно, к тому же это привело бы к сбою в работе. Закрыть глаза тоже нельзя: надо постоянно следить, чтобы пила шла ровно. Так что дальше, дальше, дальше...

Прошел час, когда Рауль внезапно остановился.

— В чем дело? — спросил Хайме.

— Как это, в чем дело? — слышалось в ответ. — Ты что, забл, как оно, стоять на бревне! Мне же труднее, пилу-то со всем ее весом вытягиваю я! У меня уж рука отваливается! Пора меняться.

— Нет! Поехали дальше!

— Ты чего? Каждый час меняемся, всегда так!

— А сегодня нет.

— Клянусь всеми девочками Гаваны, у меня уже поясница не разгибается! А уж у тебя-то наверняка болит шея, а глаза красные, как индюшачьи сопли! Не валяй дурака, меняемся!

— Я сказал — нет!

— Помилуй, Пресвятая Дева! Кой бес вселился в моего напарника? — Рауль с наигранным отчаянием вознес взор небесам. А после соскочил с бревна и, направляясь за жарко пылающую печь, крикнул: — Тогда погоди, пойду отолю, а то у меня сейчас пузырь лопнет!

— Ладно, ладно, иди!

Хайме раздосадовался: «Ну, все, что этот олух ни ляпнет, просто срамотища! — И призадумался, чего это ему так неловко перед малышкой. — Должно быть, оттого, что она такая хрупкая и беззащитная», — пришел он к заключению. Вообще-то ему тоже надо бы справить нужду, а делать это, как обычно, в яме в присутствии маленькой девочки не хотелось.

— Обожди меня, — ласково обратился он в тот угол. — Я ненадолго отлучусь. Смотри у меня, не убегай! Я кое-что хочу тебе предложить.

Когда оба пыльника через некоторое время вернулись к своему бревну, Хайме все-таки настоял, что снова будет работать в яме.

— Да ради Бога, полезай, коли охота! Но это я только сегодня такой покладистый. Из-за того, что проштрафился.

Поздним вечером этого наполненного событиями дня Хайме остановился у своей ветхой хижины и крикнул:

— Эй, Франсиска, выходи!

На пороге появилась жена в полном недоумении, чего это ему пришло в голову звать ее на двор. Не случилось ли чего?

Хайме вывел из-за спины и подтолкнул к ней тоненькое, с ног до головы закутанное создание:

— Теперь у нас есть ребенок!

КУЗНЕЦ ХАФИСИС

Я не случайно назвал вас грузьями, потому что не кем иным, как добрыми грузьями, вы стали мне за это время. Никогда в моей жизни не было столько людей, которые так много сделали бы для меня и к которым я прикипел бы всем сердцем.

— За последнюю неделю ураган здорово потрепал все побережье, а, Том, старый дружище?

..Том, крепкий лохматый кобель, вильнул хвостом и зевнул во всю пасть.

— Пожалуй, ты прав, не такой уж он был и страшный. Да и не первый, который мы пережили, а?

Пес сел, еще раз зевнул и поднял голову. Его хозяин, жилистый старик, перешагнувший уже на шестой десяток, устремил взор к поломанным, а то и вывороченным с корнями кокосовым пальмам, окаймлявшим побережье. Потом перевел его на море, которое в этот день выглядело спокойным и безобидным, словно никогда и не набрасывалось с ревом на берег. У старика все еще были острое зрение, и здоровые зубы, и необычайно сильные руки. Да и все его тело не являло признаков дряхления, от которого страдали многие в его возрасте. На его безбородом лице, изборожденном глубокими морщинами, особенно примечательными были две вещи: косматые светло-русые брови, в которых, несмотря на возраст, не блестело ни одного седого волоска, и жестко очерченный рот с узкими губами.

Старик наклонился и потрепал пса по холке:

— Ну что, пойдём посмотрим, не откликнулся ли на приглашение кто из наших закованных в панцирь друзей, а, Том, старина?

Пес и хозяин спустились с больших выступающих в море скал, откуда они разглядывали побережье. Там старик в одиночестве зашлепал по воде. Осторожными шагами он приблизился к выступу скалы, где поставил на морском дне изготовленную собственными руками вершу*.

Нагнувшись, он вынул ее из воды.

— Ага, добрая дюжина толстых крабов! Ну, что скажешь, Том, дружище?

Том в ответ заквахтал.

— Том?

Снова квахтанье, слабое, чуть слышное. Это явно не Том: он не умеет по-петушиному. И звук доносится с той стороны скалы. Старик со своей вершей поспешно вылез из воды, отложил улов и принялся карабкаться через камни.

— Что бы это значило, Том? Беги-ка, посмотри!

Пес вихрем сорвался с места и ловко заскакал по большому валунам. Несколько мгновений, и он скрылся из виду. Старец поспешал за ним, насколько мог. С той стороны скалы раздался громкий лай. Том что-то сообщал. Только вот что? Старик удвоил усилия. Добравшись до верхнего камня, он посмотрел вниз

* Снасть для ловли крабов или раков. Ее плели из прутьев в виде узкой круглой корзины с воронкообразным отверстием. — *Прим. ред.*

и оцепенел. Там, под его ногами, лежала лодка, скорее не лодка, а то, что от нее осталось. Обломок, побитый бурей, поднятый приливом и с опасным креном выброшенный на скалу. Только обшивка была более или менее целой, хотя борта выглядели так, словно познакомились с зубами акулы. Мачта и руль были обломаны, от первоначального цвета не осталось и следа. Океан надраил ее до сверкающего белизны дерева.

Снова послышалось квохтанье. Слабый голос, долетевший до старика, имел мало общего с бодрым утренним криком петуха, провозглашающим побудку. Том не прекращал лаять на лодку.

— Фу, Том! Хватит, дружище! — скомандовал старик. — Где-то в лодке прячется петух, только и всего. Видно ее прибило ураганом... — И тут у него перехватило дыхание, потому что на корме он увидел торчащие из-под куска парусины человеческие руки и ноги. — Черт побери! Чтоб не выдать мне острого клинка, если кто-то из них еще жив!

Но он ошибся.

— Ты первый, который пришел в себя, — обрадовался старик. — Со вчерашнего дня хожу за вами, как наседка за цыплятами. — Он влил белокурому парню, лежавшему перед ним в осоке, несколько капель воды. — Когда я увидел вас в лодке, сначала подумал, что там одни трупы. Уж собрался было идти за лопатой, чтобы хоть похоронить по-христиански. Ну так вот, не пришлось заниматься этим невеселым делом, а, Том, старый дружище?

Старик отставил кружку с водой. Пес завилял хвостом и попытался сунуть в нее морду.

— Фу, Том! Где твои хорошие манеры? — И снова обратился к парню: — Да, ты первый, который пришел в себя.

Он перевел взгляд на остальных бедолаг, которых он так же, как и светловолосого, с большим трудом перетаскил из лодки на безопасное место на берегу. Невысокий мужчина с высоким лбом; огненно-рыжий карлик с горбом; мальчишка, которому, поди, еще и двадцати-то нет, и хорошенькая девушка в мужском платье, если эти лохмотья можно было так назвать. Попервости он и не заметил, что это женщина. Она так отошла, что ничем не отличалась от своих братьев по несчастью. Такие же запавшие воспаленные глаза, такие же растрескавшиеся сухие губы. Лишь то обстоятельство, что у нее не было бороды, да нежный овал лица натолкнули его на эту мысль. Ее он нес особенно аккуратно и старался не смотреть на полуобнаженное тело, но все же не мог не заметить неприкрытые нагие его части.

У остальных подопечных старика дела шли еще не так хорошо, как у светловолосого. И все же прошлой ночью они уже смогли проглотить по паре капель воды или кокосового молока — все остальное время были в забытьи от крайнего измож-

дения. И что-то не похоже было, что в скором времени ситуация изменится.

— Где я? — спросил светловолосый и попытался приподняться.

— Лежи, лежи! — старик осторожно уложил его обратно. — Не надо торопиться. Вот так, хорошо. А на твой вопрос могу ответить: ты находишься на морском побережье между городами Номбре-де-Диос и Пуэрто-Белло.

— В Карибике?

Старик улыбнулся:

— На побережье Карибского моря, в Центральной Америке, если точнее.

Парень посмотрел на него глубокими серыми глазами. «А у него умные глаза, — подумал старик, — и славно, что они снова смотрят ясно!»

— Меня зовут Витус из Камподиоса, для друзей просто Витус. — Он передохнул и слабо улыбнулся. — И для моего спасителя.

Старик усмехнулся. А парень не без юмора!

— А я Хафисис, — сказал он, — для друзей просто Хаф. А это Том, — он повел рукой в сторону пса, который лежал на боку между спасенными и сладко дремал. Казалось, он воспринимал как само собой разумеющееся, что его стая увеличилась.

— Можно еще вопрос, Хаф?

— Но только один.

— Мы ведь в Новой Испании, почему же ты так хорошо говоришь по-английски?

— Потому что я англичанин, — коротко бросил Хаф. По всему было видно, что тема ему не слишком приятна, и Витус решил ее не развивать.

— Понятно.

— Мы с Томом нашли тебя и остальных в лодке, — круто повернул старик разговор. — Вчера днем было это. Я не больно-то много мог для вас сделать. Кроме того, чтобы дать воды. Выглядели вы, надо сказать, как выходцы с того света. Вас уже поклевали птицы. Да и им особо нечем было поживиться: все вы — кожа да кости. Что вам теперь нужно, так это хорошее питание и приличная постель, чтобы вы снова приняли человеческий облик. В моей хижине места хватит, но она в полумиле отсюда, в лесу. — Хаф отвлекся, чтобы отогнать стрекозу. — Силой-то я не уступаю многим и помоложе меня, но, чтобы перетащить вас к себе, кости мои слишком стары. Так что вот как я думаю: пару-тройку дней похожу за вами здесь, пока вы не сможете сами передвигать ноги.

— Я тебе так благодарен, что и не знаю, как выразить! Надеюсь, когда-нибудь смогу отплатить тебе добром! — Витус слабой рукой пожал могучую правую Хафа.

Медленно повернув голову, он огляделся. Как и сказал Хаф, все его друзья, не исключая Фебу, были спасены.

— Если ты ищешь петуха, Витус, то я его еще вчера забрал в свой курятник. После того как я вас вытащил и напоил, пришлось идти домой, чтобы принести еще воды. Пока меня не было, вас охранял Том. Том — очень чуткий пес, а если надо, то и боевой, а, Том, дружище?

Том, тряхнув ухом, продолжал дремать.

— Собственно, благодаря петуху я вас и обнаружил. Если бы он не заголосил — хотя «заголосил» — это громко сказано, — вы бы до сих пор лежали в лодке и, скорее всего, уже мертвыми. А уж мне-то как он кстати пришелся! У меня не было петуха. Мой старичок обожал пошляться, а в тропическом лесу подстерегают оцелоты*, крокодилы и двуногое зверье, если понимаешь, о чем я. Да, здесь всегда надо быть начеку, если хочешь выжить. Ты не в обиде, что я взял петуха?

— Конечно нет, что ты! Кстати, его зовут Джек.

— Джек? Петух Джек?! Это мне по душе. У меня все животные в доме имеют имена. Ну да скоро ты с ними познакомишься. — Хаф поднялся. — Ко мне, Том! Хватит дрыхнуть, пора домой! Терпеть не могу, когда огонь затухает. А когда вернемся, захвачу тебе жаркого. Думаю, Витус, ты уже вполне в состоянии присмотреть за своей командой пару часов. Вот, возьми. Полагаю, эта вещь тебе знакома, — он протянул Витусу нож с «Альбатроса». — Я нашел его на корме. Хорошая сталь. — Хаф отогнул полу своего короткого кафтана и вытащил длинный кинжал:

— Но не так хороша, как эта.

Витус, который к этому времени приподнялся с помощью Хафа, проверил клинок. Он был сработан мастерски и был необычайно острым. Витус осторожно провел пальцем по лезвию:

— А ты разбираешься в таких вещах!

— Можно и так сказать, — мельком заметил Хаф и забросил свой мешок из козьей шкуры за спину. — Вот, оставляю тебе здесь три открытых кокосовых ореха. Как только кто-то из твоих людей очнется, давай ему понемногу молока. И будь начеку, пока я не вернусь! Вообще-то на берегу дикие животные редко появляются, но кто знает... Ну, с Богом!

— С Богом! Я буду смотреть в оба.

Вечером Хаф вернулся, на этот раз тяжело нагруженный разным скарбом. Он спустил свой мешок на землю и перво-наперво отдышался. Том тем временем уже припустил к своей новой стае и радостно приветствовал всех. Хаф поднял взор. Его подопечные сидели в траве и удивленно пялились на него.

* Хищное млекопитающее, дикая кошка (длина тела до 1 м, высота 50 см). — Прим. ред.

— Я Хаф, — сказал он и окликнул пса: — Ко мне, Том! Оставь-ка, дружище, карлика... э-э... этого парня в покое.

Том, всегда послушный, на этот раз не подчинился.

Неожиданно горбун открыл рот и пропел фальцетом:

— Уи, Хаф, пустобреху нормалек со мной. Не в обиде и гра-мерси за то, щё выловил нас из пруда. Энано мое имя.

— А меня все на свете величают Магистром, — представился низкорослый мужчина с высоким лбом. — Разреши представить тебе и остальных. Это Хьюитт, очень дельный матрос, а это Феба, без которой мы все померли бы от черной рвоты.

— У вас на борту была черная рвота? — Хаф приложил все силы, чтобы скрыть страх. Черная рвота или, как ее еще называли, желтая лихорадка, была на всем здешнем побережье, а особенно в болотистой местности, самой страшной напастью. — Вы уверены, что совсем вылечились?

— Голову даю на отсечение, если это не так! — Феба постаралась выпрямиться и привести в порядок свои сбитые в войлок от солнца и морской воды волосы. — А Хьюитт и вовсе не болен, потому что перенес ее раньше. И я тоже, и Филлис. Нет, Филлис? — И, когда ответа не последовало, закусил губу, чтобы не расплакаться. Засопела. — Ну вот, Фреглаз и Брайд, и бедный О'Могрейн умерли... да, и бедный О'Могрейн тоже... — Судорожно вздохнула, еще раз всхлипнула, помолчала. — Но остальные выздоровели.

Хаф сочувственно посмотрел на нее:

— Ну и ужасы вам пришлось пережить! Лихорадка, а к ней еще и ураган!

— А еще пираты, и кораблекрушение, и огромный спрут... — Феба теперь рыдала во весь голос.

— Расскажите все после еды. По себе знаю, как легчает, когда выскажешь... — Хаф оборвал себя. — Я прихватил парочку сухих поленьев, пойду-ка поищу кокосового луба. Ничего нет лучше его, чтобы развести огонь. Вот увидите.

Немного погодя он развел потрескивающий костерок и укрепил над ним вертел. Компания подседа поближе к огню, потому что и в Карибике вечера у моря были прохладными.

Хаф сказал:

— А вот и жаркое, которое я обещал. Это свинина, очень вкусно. Кто уже может поесть, советую попробовать. А себе я поджарю кое-что другое. — Он достал из мешка нарезанные чуть овальные ломти и насадил их на вертел. — Так что приятного аппетита.

— Спасибо, Хаф!

Каждый взял себе по кусочку и потихоньку откусил. Им казалось, что ничего вкуснее они в жизни не пробовали. Ели они с большой осторожностью, тщательно разжевывая, наслаждаясь каждой жилкой на зубах, медленно проглатывали, жмури-

лись от наслаждения и откусывали по новому кусочку. Мясо! Настоящее свежее мясо!

— По-моему, свинину я ел в последний раз в Англии, — смакуя, сказал Витус. — Боже милостивый, как давно это было! А какое сегодня число, Хаф?

— Постой-ка, — старик наморщил лоб, не забывая при этом поворачивать вертел.

— Прости, ты, наверное, не знаешь, ведь здесь время не имеет никакого значения.

— Нет-нет, Витус, имеет. По крайней мере, для меня. Вот, вспомнил. Вчера у нас было девятое марта. А если уж точно, то воскресенье, девятое марта 1578 года.

— Девятое марта? Господь всемогущий, это же день моего рождения! — вылетело у Витуса.

Хаф обрадовался:

— Тогда прими мои поздравления! Можно сказать, это был день твоего второго рождения. Господь во второй раз подарил тебе жизнь.

Витус засмеялся:

— И не без твоей помощи. Это и вправду чудо, что мы выжили! — Он подсчитал в уме: — Со дня нападения пиратов на «Галант» 29 января прошло больше пяти недель.

— А теперь можешь рассказать мне вашу историю, — Хаф взглянул из-под кустистых бровей на Фебу. — Если тебе, конечно, не трудно.

Феба ласково ответила на его взгляд и, откусывая следующий кусок и запивая его кокосовым молоком, покачала головой:

— А ты настоящий кавалер, Хаф, клянусь костями моей матери, самый что ни на есть настоящий. Только это долгая история, очень долгая, скажи... э-э... — Она замолчала.

— Мы с Томом терпеливые слушатели.

— Ну ладно, — решил Витус. — Я расскажу, что с нами приключилось.

И он начал долгое повествование обо всех бедах, которые, если уж быть до конца честным, начались еще на борту «Галанта» по вине скряги Стаута и с тех пор длились и длились, не кончаясь, неделями и месяцами. Он рассказывал подробно, а если что-то упускал, то Коротышка или Магистр подсказывали ему. И Хьюитту время от времени что-нибудь вспоминалось, так что он вносил свою лепту.

От того, что они живописали, у Хафа отнимался язык, да и сами рассказчики были не меньше поражены, хоть и испытывали все это на собственной шкуре.

Когда Витус закончил, Хаф вздохнул:

— Сколько же людей вы потеряли на борту «Альбатроса»! Людей, выживших в кораблекрушении! И хороших, и дурных. Да, пути Господни неисповедимы!

— И мы, люди, должны их пройти. — Витус перекрестился и распределил последний кусок жаркого среди друзей. — Нас было восемь мужчин и две женщины, когда мы пустились в плавание на «Альбатросе». И вот осталось только пятеро. С Хьюиттом.

Энано пропищал:

— И капрал со шпорами?

— О ком ты? — Хаф недоуменно посмотрел на него.

— Уй, да этого пернатого ветренника Джека, перю я.

Хаф ответил, при этом его взгляд снова скользнул по Фебе:

— Джек в моем курятнике. Ему там хорошо, у меня много кур.

— Джек — храбрый парень, очень храбрый! Он это заслужил, — постановила Феба. — А среди петухов он такой же кавалер, как ты, Хаф.

— О-о-о! — Старик попытался скрыть свое смущение за шуткой. — Это ты хорошо сказала, очень хорошо! Но погоди-ка, у тебя кончилось мясо. Могу я тебе... — он смутился, — и всем вам, конечно, тоже предложить угощение с моего вертела? Мясо уже поджарилось. — Он снял ножом ломти и нарезал их на кусочки.

Каждый взял себе ломтик.

— Хм, — маленький ученый закатил глаза. — Божественный вкус! Лукуллово пиршество! Пожалуй, даже понежнее свинины. А что это за мясо?

— Угадай!

— Ну раз уж ты так ставишь вопрос, по мне, так это курятина. — Он шутливо погрозил Хафу пальцем. — Уж не наш ли это Джек, а, Хаф? Признавайся!

— Что? Джек? Что с Джеком? — всполошилась Феба.

Она на мгновение потеряла нить разговора и теперь недоверчиво смотрела на старика снизу вверх.

— Да нет же! С Джеком все в порядке, Том свидетель! И вообще это не птица, да, Том, старый дружище?

Том, который лежал у его ног, повилял хвостом. Феба проглотила кусок:

— Ну тогда ладно. А все-таки, что это за мясо?

— Змея.

Три дня спустя, после короткого марша, который тем не менее полностью исчерпал их еще не окрепшие силы, узкая лесная тропинка привела друзей к высокому частоколу.

— Забор защищает меня от диких зверей, — объяснил Хаф, открывая калитку.

Они прошли через нее и оказались на прелестной поляне. Посреди нее располагалась его «хижина», которую скорее можно было назвать хоромами. Дом, срубленный из толстых

бревен, стоял на небольшой возвышенности. Окон не было, только узкие вертикальные проемы, напоминающие бойницы. На двери тяжелый железный засов.

От дома разбегались многочисленные пристройки, одни больше, другие поменьше, но все так же срубленные добротно.

— Идите сюда! — Хаф сделал приглашающий жест, подошел к двери, вынул ключ, отомкнул массивный замок и отодвинул засов. — Заходите! Здесь я сплю.

Судя по обстановке, Хаф был человеком неприхотливым, потому что утвари в доме было немного. Простая постель содержалась в безупречном порядке. Над ней висели две перекрещенные шпаги, а в ногах кровати на развернутой шкуре спали три кошки. Похоже, кошек ничуть не напугало появление посторонних. Они бросили ленивый взгляд на вошедших и принялись потягиваться. На присутствие Тома им тоже было глубоко плевать.

— Это Кэтти, Лиззи и Момо, — представил Хаф грациозных красавиц. — Они целыми днями бессовестно дрыхнут, и ничто не может им помешать, зато ночью проворнее их нет. Годами ни одна заблудшая мышь не появлялась в моем доме.

Был здесь еще струтанный стол, на нем стояли свеча и старая масляная лампа; у стен несколько скамей, на которых ничего не лежало, а в стены на уровне человеческого роста была вбита пара крюков, служивших Хафу гардеробом. Одежда тоже не представляла собой ничего особенного, она была предназначена лишь для защиты тела от дождей и жаркого солнца, свойственных погодным условиям этих широт.

Один только тяжелый кожаный фартук нарушал общую картину. Да еще, пожалуй, пять длинноствольных мушкетов, выстроенных в ряд в деревянной стойке.

Бочонок с порохом и ящик со всем необходимым для стрельбы были аккуратно расставлены рядом.

— Да ты вооружен до зубов! — удивился Магистр. — С таким арсеналом можно отбиться от целого племени индейцев.

Хаф спустил мешок с плеч и уложил его на постель.

— От индейцев не исходит никакой угрозы, если их не трогать. Совсем другое дело мародерствующие солдаты и пираты. Бывает, забредают сюда такие. На этот случай я и должен был вооружиться.

Магистр прищурился, разглядывая мушкеты.

— А что, на тебя уже нападали?

— Да, было дело, — по лицу Хафа скользнула тень. — Давно. Но я до сих пор не могу забыть того ужаса. Прости, но мне не хотелось бы об этом говорить.

— Все в порядке, Хаф, — вмешалась Феба, которая успела оглядеться. — А где ты готовишь? Или ты вообще не готовишь?

— Редко. А уж если варю или жарю что-то, то в мастерской.

— Что?! В мастерской? Как это?

— Терпение, Феба, всему свое время. Проходите, садитесь, где нравится, и отдохните немного для начала. Сейчас я принесу чего-нибудь хлебнуть и перекусить.

— Вот это дело! — Феба вздохнула и уселась на постель рядом с кошачьим ложем.

Днем позже друзья уже чувствовали себя в меру окрепшими, чтобы последовать за хозяином и осмотреть его маленькое государство. Хаф начал с кладовой, в изобилии наполненной всякой всячиной. Здесь стояли ряды толстопузых бочек с фасолью, сушеными фруктами и початками кукурузы. По углам большими кусками было развешано копченое мясо.

Магистр потянул носом:

— Пахнет приятнее, чем все все ароматы Аравии вместе взятые!

— Уи-уи, а щё кучерявее пошамать. Копшеное мясо и фасоль на зуб лучше, чем клецки из воздуха и супчик с ветром, — влез Коротышка.

Феба восхищенно согласилась с ним:

— Точно, здесь с голодухи не помрешь, нет, не помрешь.

Хаф показал на чистый свободный угол:

— Я подумал, тебе было бы здесь удобно, Феба. Ведь ... э-э... неудобно... долгое время... э-э... жить в одной комнате с нами, мужчинами... — Он, смутившись, замолчал.

— Как это мило, Хаф! Клянусь костями моей матери, ты такой милый!

Хаф заспешил дальше. Он провел их через следующие помещения, заполненные различным инструментом, затем вывел из дома и с гордостью показал свой двор. Здесь был хлев с козами, свинарник, курятник. В просторном курятнике посреди кур стоял Джек, словно адмирал. Он залиvisto прокукарекал, заметив на пороге гостей. Феба стремглав бросилась внутрь.

— Ой, Джек, старый изверг! Как ты? Хорошо ведь тебе здесь, среди курочек? Правда, хорошо? — она повертела головой и обнаружила миску с зерном. — Рад видеть Фебу, а? Хочешь, Феба тебя покормит? Цып-цып-цып! Ладно уж, бери с руки, ты у меня бравый парень, бравый.

Джек, молодежато склонив голову, склевал с ее руки зерна, стукнул еще раз клювом, словно благодарил, и важно прошествовал к своим курам.

— Что, изверг, больше нет времени для Фебы, да? Да ладно, Феба не обижается, Феба тебя понимает.

Хаф улыбался, глядя на нее.

— Хорошо ты умеешь обращаться с животными, Феба! — Он открыл загородку, чтобы Джек со своим гаремом мог поис-

коть червячка на свободе, а потом махнул в сторону постройкой на краю своих угодий. — А там моя кузница.

Гости пересекли двор и вслед за хозяином вошли в кузницу. Хаф тут же поспешил к кузнечной печи в углу. Печь представляла собой каменную кладку семи футов высотой с боковым отверстием для притока воздуха.

Рядом с горном были кузнечные меха разной величины. Они могли запускаться по отдельности водяным колесом, установленным снаружи.

Первым делом Хаф проверил жар в горне. Взяв кочергу, он поворошил ею внутри.

— В хорошем горне огонь никогда не должен потухать, — пояснил он. — Это как с человеком. С годами он становится мудрее — так и огонь с годами становится ценнее. Хорошая работа может получиться только при хорошем огне. — Он подбросил в печь пару сухих вылежавшихся поленьев тропической древесины и взялся за ручной горн. Почти мгновенно угли посветлели, и поленья обхватили языки пламени. — Ничего нет в нашем деле важнее, чем правильный жар. Если упустил, то ни лучшее сырье, ни лучший инструмент не помогут.

Друзья согласились с Хафом, в то же время оглядывая кузницу. Перед горном стояло большое корыто, наполненное водой, которое служило для закалки стали. Над ним нависала деревянная воронка, сужавшаяся кверху. Она квадратной трубой уходила через крышу вверх. На самом горне, под рукой, висели разного размера и длины клещи. Закопченные стены были увешаны и другими инструментами: кронциркулями, лучковыми пилами, угольниками, кузнечными зубилами, напильниками. На крепко сколоченном столе возле наковальни лежали молоты и молотки — от тяжелого кузнечного до маленького ручного.

В дальнем углу покоился четырехфутовый колокол, а рядом, на скамейке, были разложены шпаги и мечи.

— Это все ты изготовил? — спросил маленький ученый.

— В основном да, — ответил старик. — Есть и такие вещи, которые мне принесли для ремонта. — Хаф взял в руки сильно затупленную шпагу. — Смотрите, как зазубрено лезвие. Я ее прокую заново, закалю, отшлифую и отполирую. Будет как новая. — Он улыбнулся.

Витус спросил:

— А как узнать вещь, выкованную тобой?

Хаф наморщил лоб:

— Хороший кузнец всегда отличит свою работу от тысячи других. Но есть и еще кое-что, по чему другой человек может узнать автора. Это оригинальное клеймо, которое каждый кузнец ставит на свой клинок, — он указал на место под гардой. Там было выгравировано большими буквами:

— Надпись на латыни, — продолжал Хаф, — и обозначает она: «Хафисис меня сделал в году 1569».

— Хафисис — необычное имя, — заметил Магистр. — Во всяком случае, для англичанина. Полагаю, это псевдоним?

— Да. Я взял себе имя Хафисис, памятуя о греческом боге.

— Хафисис — греческий бог? — удивился Витус.

— Да, так оно и есть, — гордо подтвердил Хаф. — А если хочешь знать точнее, то бог огня и кузнечного дела.

— Ого! — Витус едва сдержал улыбку. Бога, которого старик называл Хафисисом, на самом деле звали Гефестом. Должно быть, когда-то Хаф услышал это имя в искаженном варианте, да так и присвоил себе.

— Что-то не так? — настороженно спросил кузнец.

— Нет-нет, все в порядке... Просто я вспомнил другого бога, который носил похожее имя...

Ирония судьбы, подумал Витус. Хафисис отточил свое искусство так, что изготавливал совершенные клинки и подписывал их именем, не имевшим того достоинства. Грустно.

— Ну вот и хорошо! — Однако в тоне Хафа не звучало уверенности.

Магистр отвлек его от размышлений, спросив:

— А что это за колокол там, в углу? Какое ты к нему имеешь отношение? Мне казалось, ты оружейник?

— Мастер по изготовлению холодного оружия, — поправил его Хаф.

— Да, извини, оружейный мастер по клинкам. Но разве ты еще и кузнечный мастер по колоколам?

Хаф рассмеялся:

— Таких не существует. Колокольные мастера занимаются литьем. Но твой вопрос правомерен. Да, я выполняю заказы только на изготовление клинков, иногда они приносят что-то перековать, а тут вот приволокли колокол.

— Они? Кто это «они»?

— Ну... — Хаф обстоятельно прокашлялся. — Этот вопрос я хотел бы обойти молчанием. По крайней мере, до тех пор, пока мы не сможем полностью доверять друг другу. Так вот, они привезли колокол на воловьей повозке некоторое время назад. Этот колокол с корабля, выброшенного на сушу. Очевидно, он предназначался для одного из домов Божьих в Номбре-де-Диос или Пуэрто-Белло.

— Он поврежден? — спросил Витус.

— Да, снаружи на нем трещина в палец толщиной. Они попросили меня ее залатать. Я отношусь к ним с большим уважением, поэтому и согласился попробовать. Хотя я не уверен, что получится. — Хаф подошел к колоколу и показал на трещину,

которая шла понизу. — Вот оно, повреждение. А кто-нибудь из вас не сможет мне сказать, что на нем написано?

По колоколу шла надпись:

FULGURA FRANGO — TONITENA REPELLO

Витус смахнул с поверхности пыль, чтобы надпись проступила яснее, и сказал:

— Это тоже на латыни и означает: «Молнии я ломаю — громы отгоняю».

— Ага, — задумчиво сказал Хаф. — По-моему, так им кто-то и перевел надпись. Ясное дело, слова эти много для них значат. Ну ладно, постараюсь сделать все, чтобы колокол зазвучал снова.

Он поводил их по кузнице, показывая и объясняя то и это, и не остановился, пока друзья не увидели все. А под конец, когда они собрались уж было покинуть кузницу, Феба лукаво заметила:

— Так вот, значит, где ты готовишь еду, если готовишь, а?

Прошло еще не меньше недели, прежде чем Витус и его друзья хотя бы вполовину восстановили силы. Хаф был заботливым хозяином. Когда он не работал в кузнице или не пропадал с Томом в лесу, то делал все, чтобы гостям было хорошо.

На следующий день, после того как они поселились у Хафа, Витус спросил его, не знает ли он какого-нибудь средства от трещин на губах и язв на теле, а наутро Хаф вошел к нему, держа в руках пузатую бутыл.

— Что это? — спросил Витус.

— Бутылка с разведенной сепией.

— Сепией? — Витус в жизни не слышал о таком средстве.

— Да, каракатицей. Был ночью у них и спросил, что можно сделать от дурной кожи. Вот они мне и дали сепию. Это очищенная и измельченная каракатица — лекарство, которое они знают от индейцев. Каракатица очищается, мелко толчется и разводится на диком меду. Они говорят, нет ничего лучше. Вы должны три раза в день делать по три небольших глотка, и скоро ваших язв как не бывало. А кроме того, это средство хорошо укрепляет силы.

Витусу и его друзьям стоило немало усилий глотать эту смесь. В конце концов эта тварь была дальней родственницей спруту, с которым у них были связаны самые ужасные воспоминания.

Но их усилия были вознаграждены: средство превзошло все ожидания. Чуть ли не на следующий день все пораженные участки кожи выглядели здоровыми. А Феба постановила:

— Хорошая штука. Все, что помогает, хорошо!

В один прекрасный день — Витус как раз строил планы на будущее — ему в голову пришла гениальная идея. Он сидел

в кузнице Хафа, а старик в это время вытаскивал из разных уголков запасы металла и перепроверял их на прочность и на гибкость. Том, зевая, развалился перед корытом с водой.

— Скажи-ка, Хаф, — осторожно начал Витус. — Ты ведь уже знаешь, что я врач. Но, если честно, то сейчас врач с подрезанными крыльями. Я имею в виду, что врач без инструмента — то же самое, что кузнец без наковальни.

Хаф поднял брови и обратился к псу:

— Можешь себе такое представить, а, Том, старый дружище?

— Вот-вот, — вместо Тома ответил Витус. — И представить себе невозможно. Но, по чести сказать, я хотел тебя попросить, не можешь ли ты для меня изготовить пару-другую хирургических инструментов?

— Хирургических? Да я сроду не ковал ничего такого!

— Я уверен, что ты сможешь, если я тебе подробно нарисую, как они должны выглядеть.

— Да? И как ты это сделаешь?

— Очень просто. Ты ведь забрал из шкапчика на «Альбатросе» журнал, чернила и перья? Вот я и сделаю тебе подробные наброски.

— Ну не знаю... — Хаф потер подбородок. — Но я пока не говорю нет. Делай свои рисунки, а там посмотрим.

В тот же вечер наброски были готовы. Витус с друзьями сидел в спартанской спальне Хафа и объяснял:

— Посмотри, Хаф, я нарисовал тебе несколько инструментов. Это скальпель, пинцет и шпатель. Скальпель, видишь, должен быть с закругленным концом, пинцет — средних размеров и заканчиваться острием, а шпатель — узким, плоским и не слишком маленьким. Я долго раздумывал, какие инструменты тебе попросить изготовить. Со скальпелем и пинцетом все обстояло просто, а вот третий дался с трудом. В конце концов я остановил свой выбор на шпателе, потому что он многофункционален и может использоваться даже для каутеризации.

— Каутеризации?

Когда Хаф узнал, что это означает прижигание ран, его интерес возрос. Еще бы — речь шла об инструменте, который требовалось накалывать.

— Занятная работа, тем более что для всех трех инструментов нужна сталь с различными свойствами. Для скальпеля тебе потребуется просто прочная, для пинцета, наоборот, способная пружинить, а шпатель, кроме как из легированной*, причем жаростойкой, чтобы не плавилась при нагревании, не сделаешь.

* Сталь с особыми добавками. Термин вряд ли имел хождение в XVI веке, хотя технологии производства высокоуглеродистых и легированных сталей известны с древности. — *Прим. ред.*

— Значит ли это, что ты поможешь мне с инструментом? — Глаза Витуса засияли.

— А как же иначе! Конечно, сделаю, и, можешь на меня положиться, они выйдут отличными. Опыт в ковке мечей у меня большой.

— Мечей?

— Да. Это очень похоже. Хороший меч должен объединять в себе разные свойства. Он должен быть одновременно прочным, гибким и жестким.

— Но это невозможно! — Магистр, который по сию пору молчал, не смог удержаться.

Хаф засмеялся:

— А вот и возможно. Надо просто брать разные сорта стали. Как для твоих инструментов, Витус. Если желаете, могу вам пояснить это на примерековки клинка у меня в кузнице.

— Страшно интересно! — воскликнул Витус.

— И мне! — Магистр олицетворял собой ожидание.

— Уи-уи!

— Я бы тоже посмотрел, — сдержанно попросил Хьюитт.

Немного погодя кузнец держал перед ними в свете огня горна необработанный стальной штык с руку длиной.

— Ну вот, хороший меч почти здесь, — сказал он и загадочно улыбнулся. — Если позволите, продолжу. Я уже говорил, что клинок должен быть одновременно твердым, гибким, упругим и прочным. Одинаково твердым он должен быть по краям и особенно прочным в сердцевине. Вокруг сердцевины наносится слой более гибкой стали, который смягчает воздействие ударов. На него — новый слой, снова умеренной твердости, и так далее. Видите, клинок имеет многослойную структуру.

Магистр внимательно оглядел заготовку, которую Хаф пустил по кругу:

— И ты хочешь сказать, что все слои уже здесь?

— Да. Многие. По меньшей мере семь. Одни состоят из высокоуглеродистого железа, которое тверже остальных, другие — из низкоуглеродистого*, которое я называю сталью. Семь слоев перемежаются друг с другом: железо, сталь, железо, сталь, железо, сталь, железо. Я соединяю их и кую. И с каждым ударом молота они становятся все плотнее друг к другу, клинок все более уплотняется — слои раскатываются, как тесто под скалкой. А когда заготовка становится достаточно тонкой, ее перегибают вдвое — вот у нас уже четырнадцать слоев друг на друге. И они снова выковываются.

* Кузнец того времени едва ли оперировал понятиями высоко- и низкоуглеродистое железо. Скорее всего, речь шла о железе с добавками графита либо угля или без них. — Прим. ред.

Витус спросил:

— И что, такое удвоение можно повторять сколь угодно раз?

— Вот вопрос, который я сам уже не раз задавал себе. Теоретически, думаю, да. А на практике нет. Хотя бы потому, что тогда бы клинок никогда не был готов! — Хаф принял заготовку обратно. — Это тайна каждого кузнеца, сколько слоев в его клинке. Одно доподлинно известно: чем их больше, тем более прочной и ковкой становится сталь. Еще один секрет кроется в том, как сделать острые края особо прочными. Раскованные слои под конец прокатываются, как мы это называем, и в результате выглядят вот как этот на штыке...

— ...из которого ты уже можешь выковырять клинок? — встрял вечно любознательный Магистр.

— Да, но не думай, что это так уж просто. Тут потребуется еще пара приемов до и после. Я вам описал производство булатной стали, больше известной как дамасская. Это сталь, узор поверхности которой отображает ее внутренние слои. Подлинность дамасской стали именно этим и определяется. Ее ни с какой иной не перепутаешь...

Потрясенный Хьюитт промолвил:

— Дамасская сталь, должно быть, самая прочная в мире.

— И самая красивая, — кивнул Хаф. — Вариантов узоров бесконечное множество. И ни одна вещь не похожа ни на какую другую в мире.

— А когда возникает этот узор? — спросил Витус.

Хаф поднес к его глазам четырехгранный стержень:

— Пока я его раскаляю и кручу. В зависимости от того, как и с какой частотой его перекручивать, позже, при проковке, узор будет грубее или тоньше.

Витус кивнул:

— Понятно. Когда я вспоминаю о кузнеце из Камподиоса, брате Тобиасе, то понимаю, что против тебя он подмастерье. Он добросовестно делал свою работу и благодарил за это Господа, но такого совершенства, как ты, Хаф, ему никогда не достичь. Где ты овладел своим ремеслом?

Хаф смущенно постучал заготовкой:

— Ну, я вам уже рассказывал, что я англичанин. Рос я в Шеффилде, где в кузнечном деле знают толк с незапамятных времен. Когда я сделал свою первую работу на звание подмастерья, меня потянуло побродить по свету. Я поехал морем, добрался до Андалузии, где учился изготовлению знаменитой восточной булатной стали. И снова путешествовал морем, потом на какое-то время осел в кубинском городе Гаване, где нашел себе место на тамошней верфи. Но работа там мне не нравилась, и я снова отправился в путь. К тому времени мне было уже за сорок, и я мог себе позволить никому не позволять совать нос в мои дела...

Хаф помолчал и затем продолжил:

— Ну вот, тогда я решил с моей... — он запнулся. — Во всяком случае, меня прибило сюда, где появилась возможность без перебоя изготавливать клинки такого качества, которые они для меня продают.

У Магистра снова вертелся на языке вопрос: «А кто такие "они"»? — но он сдержался. Вместо этого он спросил:

— А когда клинок выкован, ты его шлифуешь и полируешь?

— Не так скоро, — засмеялся кузнец. — Вначале его надо закалить. А это, должен заметить, особое искусство.

Коротышка театрально поклонился, копна его рыжих волос сверкнула золотом в свете огня:

— Уи, уф, ну и попотеть, щёб такого остряка скумекать! Грамерс за сказку!

— Спасибо, Эnano. Только шлифовка и полировка — это еще не вся сказка. Под конец надо пройтись по клинку разведенным железным купоросом, чтобы узор «заиграл», как говорим мы, кузнецы. Ну а теперь перейдем от теории к практике: покажу вам парочку из моих последних изделий. — Он исчез в глубинах просторной кузницы и через некоторое время снова возник перед друзьями с великолепными клинками в руках. — Вот три меча и пять шпаг.

Все восторженно рассматривали в свете огня произведения искусства, изучали узоры, пробегались пальцем по лезвию, пробовали эфесы в ладони, рассекали оружием воздух, прислушиваясь к свисту, — и никак не могли налюбоваться. В конце концов Витус почти благоговейно подвел черту:

— Чтобы обладать таким клинком, надо быть либо страшно богатым, либо самому суметь его изготовить!

— Или получить в подарок, — улыбнулся кузнец и принялся за работу.

Работал он долго и сосредоточенно. Для изготовления непривычных ему вещей пришлось экспериментировать, ведь хирургические инструменты должны были быть обработаны много тоньше, чем все, что ему приходилось выковывать до сих пор. Но и этой работе подошел конец. Конечно, инструмент получился не таким безупречно блестящим, как остальные шедевры мастера, но для Витуса главным было, чтобы он хорошо выполнял свою функцию, а в этом отношении изделия были сработаны превосходно. Под руководством Хафа Витус собственноручно отполировал скальпель и проверил его остроту на кусках старых задубелых кож. Короткое закругленное лезвие прошло по ним, как нож по маслу. Витус разошелся и даже поупражнялся в выбивании надписей на готовых клинках. Он изрядно попотел, но теперь и на скальпеле, и на пинцете, и на шпателе красовалось его имя и год изготовления:

Он задумался на минутку и добавил к надписи еще одно слово:

AZOTH

— И что это значит? — спросил Хаф.

— Это слово, которое было выгравировано на мече знаменитого врача Парацельса, — ответил Витус.

— Ага, — глубокомысленно заметил Хаф, но по нему было видно, что кузнец впервые слышит и слово «азот», и имя Парацельс. — А этот меч был из дамаскской стали?

— Не могу сказать. А вот Парацельс был врачом и знатоком лекарственных трав, ему наука многим обязана. «Азот» — это тайное имя, обозначающее нечто вроде: Божественная сила и мощь. Иногда его употребляют как название и *Lapis mineralibus* — философского камня, и эфира.

— Вон как, — пробормотал Хаф. — Честно сказать, все это мне мало о чем говорит. Ну, да ладно. Главное, что инструмент у нас получился и может тебе пригодиться в работе.

— Еще как пригодится!

Хаф, озираясь украдкой, прошел мимо хозяйственных пристроек к кладовой. У порога он остановился и, невольно понизив голос, спросил:

— Феба, ты тут?

Как он и рассчитывал, из-за двери не раздалось ни звука. Он затаил дыхание и вошел вовнутрь.

С тех пор как Витус с друзьями гостили у него, запасы в кладовой несколько оскудели. Зато Фебе теперь было здесь вольготнее, чем вначале.

Хаф так разволновался, что не сразу нашел то, что было ему нужно.

— Да где же они, где? Вроде бы были здесь... или тут?.. — отчаянно шептал он, в который раз обшаривая себя со всех сторон.

Наконец пропажа нашлась заткнутой сбоку за лямку фартука. Это были цветы, чья пышная красота уже изрядно помялась. Но Хаф этого не замечал. Его могучие руки с сильными пальцами, которые с необычайной ловкостью могли держать самые мелкие металлические детали, беспомощно пытались сорвать растрепанный веник в букет. Он глубоко вздохнул и уже наклонился, чтобы положить плод своих невероятных усилий на изголовье Фебиного ложа, как вдруг за его спиной раздался голос:

— Ха-аф? Что ты там делаешь? Случилось что или что там?

— А-а-а... Э-э-э... Нет... Да...

Хаф покрылся холодным потом с головы до пят, судорожно запрягивая цветы под фартук: на то, чтобы вручить свое подношение из рук в руки, у него никогда не хватило бы смелости. Уж лучше он придет в другой раз.

— Просто хотел посмотреть, как ты... Как тут устроилась, хотел посмотреть...

— Да ты что, Хаф? Сам же обустроил мне эту каморку.

— А, ну да. Только с тех пор здесь стало гораздо больше места, как... э-э...

Он чуть было не выпалил «как запасы уменьшились», да вовремя спохватился, ведь это прозвучит так, словно он упрекает. А он, напротив, очень даже рад был своим гостям.

— Ага... хм... э-э... — Он все еще не знал, как выкрутиться, — ...как ты все здесь устроила.

Хаф в смятении покрутил головой. Все предметы, окружающие постель, говорили о том, что здесь живет молодая девушка. Тут стоял ящик, перевернутый на попа и превращенный в столик, внутри него аккуратно уложена парочка платьев, которые Феба сшила сама из найденного в хозяйстве Хафа куска холстины. На ящике — отполированное до блеска металлическое блюдо, днище которого служило зеркалом, перед импровизированным зеркалом — две наполовину оплывшие свечи, а к ним кремень и кресало, чтобы зажигать.

Феба, проследив за взглядом Хафа, кивнула:

— Да, Хаф, правда, места стало много. По крайней мере мне хватает. А ты-то что хочешь, а?

Хаф стоял с опущенными плечами. Тысячи мыслей крутились в его голове, и ни одной толковой. Наконец он сдался:

— Не привычный я говорить, то есть, ну, я хотел сказать, говорить с женщинами, с той поры как моя...

— Как твоя жена умерла, да, Хаф? Этого ты никак не можешь сказать, да? — пришла ему на помощь Феба.

Он молча кивнул.

— Ну ладно, давай! — Феба попросту усадила его на свое ложе. — Давай, расскажи. Феба слушает, даже если ты будешь говорить до турецкой Пасхи.

Губы Хафа зашевелились, но не произвели ни звука. И снова Феба пришла на помощь:

— Давно это случилось, Хаф?

— Уже одиннадцать лет как, — сдавленный голос Хафа скорее походил на шепот.

— Но это же чертовски давно! — воскликнула Феба. — И раз уж ты столько лет не можешь забыть, значит, сильно любил ее, а?

— Да, сильно. Она была моя голубка, моя единственная, — голос Хафа немного окреп. — Мое сокровище, текста-скво. Ее, как и меня, судьба забросила в Гавану.

— А как ее звали? — участливо спросила Феба.

— Сика, — Хаф провел рукой по глазам. — Сика ее имя. С той поры... С той поры я не произносил его.

Феба сжала его руку.

— Но Гавана, этот крикливый, беспокойный порт, нам обоим был не по душе... чтобы жить в нем. Это мы сразу поняли. Может, поэтому и сошлись... С первого взгляда друг друга поняли. А ведь ни я, ни она не знали языка другого.

— Я понимаю. Шум да гам — он не для каждого медом мазан.

— Нет-нет, не думай, Сика была женщина сильная. И красивая, по-настоящему красивая. Только красота ее больше шла изнутри, если ты понимаешь. Она была спокойная и прямодушная, и всегда на моей стороне, если понимаешь.

— Понимаю, Хаф, понимаю.

— Она умела работать за двоих, а на губах все равно всегда была улыбка... для меня улыбка. Я знал, что могу пойти хоть на край света, и она пойдет за мной. Мы хотели быть вместе, вместе наладить нашу новую жизнь.

— Как красиво! Чувство такое красивое, я имею в виду.

— Я выбрал это место между Номбре-де-Диос и Пуэрто-Белло, потому что надеялся, что буду получать заказы из обоих городов. Постепенно мы обживались, хотя в первое время и было тяжело. Я корчевал лес, строил дом, оборудовал кузницу — все давалось потом и кровью, но я не отступал, потому что Сика всегда была рядом со мной и всегда со своей верной, доброй улыбкой.

Первые клинки я продал где-то через год после того, как мы начали. Они попали в руки английских пиратов, галеон которых стоял на якоре у здешних берегов. Через год у нас родилась дочка. Я назвал ее Сика, как звали и мою любимую жену.

— Как это прекрасно, иметь доченьку, как прекрасно!

— Да, я был тогда счастливейшим человеком на земле. Все, за что бы я ни брался, мне удавалось. Заказчиков из Номбре-де-Диос и Пуэрто-Белло становилось все больше. Впервые в жизни я был хозяином и работал на себя и свою семью. И у меня была Сика с ее улыбкой и маленькая дочь. Еще через год родился Джон, наш сын. Его я назвал в честь своего отца, а отец мой тоже был на свой лад удачлив. А три недели спустя... три недели... — голос Хафа сорвался.

Феба ласково обняла его за плечи:

— Случилась беда, да? Большая беда? Если не хочешь говорить об этом, можешь не говорить.

— Нет, я расскажу, расскажу... Помнишь, я сам тебе как-то сказал, что от этого становится легче.

— Ясное дело, помню.

— Потом, через три недели... — Хаф собрался с духом. — Потом нагрянули они. Был вечер, сумерки уже сгустились. Куча пиратов. Всякий сброд, из всех земель. Испанцы, французы,

англичане. Мы с Сикой и детьми сидели в зале и не ожидали ничего дурного. До той поры на мой дом еще никто не нападал. Они свалились на нас, пьяные, горланящие, вооруженные до зубов. Все произошло молниеносно. Удар по черепу — и я на полу без сознания. Когда я очнулся, все уже было кончено. Клубы дыма ели мне глаза и не давали дышать. Эта банда убийц подожгла мой дом, но огонь, слава Богу, не занялся: бревна были еще слишком сырыми. Когда я худо-бедно откашлялся и протер глаза, передо мной предстала ужасающая картина. Трупы моих детей... Они перерезали им горло! Представляешь, невинным деткам! Перерезали... просто так... ни за что... — Хаф закрыл лицо руками.

— Это ужасно, ужасно! — Феба начала покачивать Хафа, обняв за плечи.

— Они разгромили и разграбили все: и дом, и кузницу, забрали все мои клинки... Но я этого тогда не замечал. Горе лишило меня всяческих чувств. Я только горевал о погибшей семье. И, если бы не Ктико, старый вождь симарронов*, меня бы тоже сегодня не было. Это он сидел возле меня день и ночь, слушал и утешал. Да, только благодаря ему я остался жив. Ктико знал, что они сделали с Сикой, моей женой, но никогда не говорил мне этого. А я не спрашивал. Что спрашивать? Известно, что это отродье делает с женщиной... Мало-помалу время шло, и я начал переустраивать дом. Валил деревья, чтобы расчистить больше пространства вокруг, на случай если эти изверги захотят вернуться. Теперь у меня было хорошее поле обстрела, и я подготовил им достойный прием. Я запасся мушкетами, ежедневно упражнялся в стрельбе... Я ждал случая. Но они не вернулись. Больше никогда... до сих пор.

Я работал как проклятый, день и ночь. Работа помогала забыть боль... или хотя бы забыть, пусть на несколько часов. Ктико продолжал часто навещать меня, и я стал отдавать ему свое оружие, чтобы они продавали его. Сам же я с того самого дня больше не хотел иметь ничего общего с гнусным миром за стенами своего дома.

— И все-таки ты помог нам.

— А как же иначе? Да от вас и не исходило никакой опасности — наоборот, вы лежали в той лодке как мертвые. А Том был и вилял хвостом. Я даже не сразу сообразил, что кто-то из вас мог еще выжить. Ну вот, по крайней мере я рад, что вы спаслись. С тех пор как вы здесь, все по-другому. Ко мне вернулась радость жизни. Солнечный свет, прозрачный воздух, голоса зверей — я все чувствую так остро, как будто только что родился.

* Симарроны (исп.), маруны (англ.), марроны (фр.) — беглые негры-рабы и их потомки, в XVI—XVIII вв. укрывавшиеся в неприступных горно-лесистых районах континентальной Америки. Упорно защищали свою свободу.

Феба нежно прижала его к себе:

— Вот и хорошо, что вернулась, Хаф, очень хорошо!

Хаф сглотнул:

— Мне бы хотелось, чтобы вы остались со мной навсегда. Только с вами я понял, как пусто жил последние годы. Да нет, знаю, знаю, что вам придется уйти. Витус рассказал мне, что должен найти Арлетту, свою большую любовь, где-то севернее Кубы, на острове Роанок. Но я подумал, может, ты... э-э... Ну я подумал, может, спрошу тебя... Хм... Ну, может, ты бы...

Феба отпустила его плечи и посмотрела ему прямо в глаза:

— И поэтому ты принес мне цветы, да?

Хаф залился краской:

— Так ты увидела? Ну раз уж так... все равно... Да. — Он церемонно вытащил из-под фартука пучок цветов, который завял и растрепался еще больше:

— Я прошу тебя остаться, — едва слышно прошептал он, уставившись в какую-то невидимую точку на стене. — Мне показалось, тебе здесь хорошо. Ты любишь животных, а они любят тебя. И я... и мне ты тоже нравишься... и... — Он торопливо добавил: — Все честь по чести, конечно. Я понимаю, что я уже старый человек, но я еще крепкий, если ты понимаешь, о чем я... Со мной еще могут померяться многие молодые... и в кузнице я смогу работать еще много лет. У тебя здесь будет хорошая жизнь, и еда, и забота... и... вообще. А это орхидеи, да, я специально ходил за ними в лес. Конечно, они еще не такие крупные, сезон дождей еще не начался... Это будет в апреле. А когда здесь идет дождь, то цветы прямо ковром, понимаешь? Я тебе новых соберу... если согласишься остаться... Ну что скажешь?

Феба приняла увядший букет, закрыла глаза и понюхала цветы. Несмотря на потрепанный вид, пахли орхидеи умопомрачительно.

— Ты кавалер, Хаф, клянусь костями моей матери, настоящий кавалер...

Подъемные блоки тяжело охнули, когда Хаф и Хьюитт потянули за веревки, чтобы приподнять поврежденный колокол. Кузнец долго размышлял, как лучше всего взяться за дело, и в конце концов пришел к заключению, что есть только одна-единственная возможность: приподнять колокол за венец, опрокинуть, а потом уже подтащить его краем с трещиной в огонь горна. В то же время следует нагреть до нужной температуры подходящий кусок бронзы и подогнать его методом кузнечной сварки к нужному месту. Вся же сложность, кроме веса колокола, конечно, была в том, что состав его сплава не известен. Доля олова при литье обычно колебалась между двадцатью и двадцатью двумя процентами, ну и, соответственно, оставшиеся проценты приходились на медь. Однако вроде бы такая сравнительно малая

разница имела крайне важное значение. Потому-то Хаф и посвящал столько времени изучению сплава в его холодном состоянии. Он ощупывал колокол, постукивал по нему, прислушивался, как будто таким образом мог установить состав сплава, даже соскреба напильником немного стружки, чтобы исследовать ее отдельно. И все-таки сомнения оставались. Даже после того, как кузнец пришел к решению использовать для заплатки кусок бронзы с содержанием олова двадцать один процент.

Хаф посмотрел вверх, где большое колесо блока двигалось посередине им самим сконструированного подъемника.

— Поднимем еще чуть-чуть, прежде чем наклонять. У тебя там блок готов? — спросил он Хьюитта.

— Готов. Крутится свободно.

Сообща они потянули тяжелый колокол к горну. По знаку Хафа Хьюитт запустил второй подъемник. Медленно, почти неохотно колокол начал крениться к огню. И тут случилось непредвиденное.

С ужасающим визгом, похожим на крик тукана в дремучем лесу, на блоке Хьюитта лопнул трос. Колокол, потерявший переднюю натяжку, закачался, разбил горн, взметнув столп искр, и наружной кромкой сбил Хафа с ног. Потом качнулся назад и снова вперед, назад, вперед... Спокойно и величаво, словно ему все нипочем.

Хаф, против своего обыкновения, изверг сочное ругательство. Он лежал посреди кучи углей и развороченных камней и пылился на нависающую над ним махину. Хайло с тяжелым языком было прямо над ним.

— Хьюитт, с тобой все в порядке?

— Да, Хаф. — Хьюитт успел отскочить в недостижимое для колокола место.

— Ну слава Богу. Со мной вроде тоже.

Хаф хотел подняться и вдруг понял, что не может этого сделать. Правая нога не слушалась. Он глянул на нее и глазам своим не поверил, потому что боли-то никакой не чувствовал. Его голень торчала почти под прямым углом, а под ней быстро натекала лужа крови. Хаф со стоном откинулся назад. И как по команде ударила боль. Она накатывала волнами снизу, прокатывалась через все тело, бушевала и обрушивалась на него с бешеной силой.

— Иди, иди... за Витусом, — прокрипел кузнец.

Но Хьюитт, надежный из надежных, уже умчался.

— Прежде чем вправлять кость, надо остановить кровотечение, — заключил Витус.

Он проследовал к горну и сунул выкованный Хафом шпатель глубоко в пылающие угли. Потом снова повернулся к пострадавшему:

— Как боль, Хаф, отступает?

Тот слабо кивнул. Он лежал на скамье, под головой скатка из его кожаного фартука. Вокруг него царила суета.

Магистр, который затягивал бедро Хафа кожаным ремнем, заметил:

— С полгаллона лучшего испанского бренди любой уже ничего не чувствовал бы.

— Хорошо бы, — вздохнула Феба, стоявшая на коленях у изголовья кузнеца. — Хорошо бы так. Не хочу, чтоб он еще страдал. — Она отирала Хафу пот со лба полотняным лоскутом, выжимала его, снова окунала в миску, услужливо подставленную Энано. — Вот, видишь, опять прохладный платок, а? Сейчас положу тебе на лоб, и все будет хорошо. Так, та-ак, хорошо?

Хаф закрыл глаза, Феба приняла это за согласие.

— Уи, Хаф, — ободряюще пропищал Коротышка. — Сцепи кусалки, скоро снова будешь жихтарить, клянусь Пресвятой Девой.

— Время. Пора оперировать, — коротко бросил Витус и повернулся к Хьюитту, который выдалбливал углубление в большем полене для шины. — У тебя готово?

— Сейчас, еще чуть-чуть.

— Хорошо. Как только приступлю, все должно быть под рукой. — Витус осмотрел освобожденную от штанины голень. Из места перелома все еще сочилась кровь. — Перелом, слава Богу, вроде бы чистый, хоть и открытый. Большая и малая берцовые кости сломались ровно, без осколков. Хуже, что задета артерия, к счастью, не главная. И все-таки кровотечение надо остановить. Магистр и Энано, подержите-ка Хафа так крепко, как можете.

Без долгих слов Витус сделал надрез скальпелем, расширив рану, раздвинул кожу, подкожный слой и мускулатуру — и вот он, кровоточащий сосуд.

— Жаль, что у меня нет раневого крючка, но уж что есть, то есть.

Витус, не останавливаясь, работал дальше. Большим и указательным пальцами еще дальше раздвинул края раны... Хаф дышал глубоко и прерывисто. Его могучие руки вцепились в края скамьи. Чуть погодя Витус пробормотал:

— Я оказался прав, это не главная артерия. — Он отложил скальпель и приподнял сломанную ногу. — Ну вот, кровь почти остановилась. Магистр, держи его ногу в таком положении. Дощечки готовы? — Это уже Хьюитту.

— Да, Витус.

— Неси сюда. Только вначале вынь шпатель из горна. Он должен быть раскален докрасна.

Получив скальпель, Витус снова раздвинул края раны и раскаленным инструментом несколько раз прижег кровоточащий сосуд. Зашипело. Пошел запах паленого мяса. Хаф застонал

и дернулся. Магистр не смог удержать сломанную конечность, и она упала на скамью.

— Ай! — Маленький ученый был полон раскаяния.

— Ничего, — успокоил его Витус. — Главное дело сделано.

И правда, рана больше не кровоточила, даже когда Магистр развязал жгут на бедре Хафа.

— Накладываем шину, — командовал Витус.

С помощью Магистра он соединил кости в правильном положении. Они вытягивали и налегали до тех пор, пока не добились нужного результата. Маленький ученый прокричал:

— Витус, помнишь, как мы проделывали такую же процедуру на борту «Каргада де Эсперанса»?

— Конечно, помню. С ногой Клааса. Слава Богу, что на этот перелом нетрудно накладывать шину.

— Тогда мы смогли это сделать только с помощью талей.

— Ага. А теперь возьми ленты полотна и забинтуй ногу. — Пока Магистр выполнял поручение, Витус говорил Хафу: — К несчастью, у меня нет хорошей мази, которая предотвращает гангрену и способствует заживлению. Но, по крайней мере, выкованный тобой шпатель сослужил добрую службу. Хорошо прижатая рана редко гноится и приводит к осложнениям.

Хаф вяло кивнул. Было впечатление, что он вообще с трудом осознает, что с ним проделывают. Феба, которая по-прежнему стояла на коленях у его изголовья, неустанно накладывала на лоб свежие прохладные компрессы и тихо говорила с раненым. Витус глянул на повязку Магистра, как всегда, безупречную, невзирая на недостаток перевязочного материала, и удовлетворенно кивнул:

— Хорошая работа, сорняк!

Магистр улыбнулся:

— Не надеялся еще раз пережить день, когда ты меня похвалишь *coram publico**.

— Теперь шины. Наложим их по длине вокруг всей голени и снова зафиксируем повязкой. Тугой, но не слишком. Хорошо, что у нас не одна шина.

Чуть погодя, когда и это было сделано, все вздохнули с облегчением. Хаф спал.

— Отнесем его в спальню, — решил Витус. — Давайте-ка прямо на скамье.

Хаф лежал на своей широкой кровати, сжав кулаки и втягивая воздух через зубы.

— Болит, Хаф? — Феба была сама заботливость. — Мы с Томом с тобой. — Она опустила лоскут в миску, отжала и снова наложила ему на лоб.

* Публично (лат.).

Уже три дня и три ночи она не отходила от кузнеца, а когда ее пытались уложить соснуть хотя бы часок, давала решительную отповедь:

— Хафу нужно, чтобы я была здесь. Я и Том, понимаешь? Ему это нужно.

Витус подошел к кровати:

— Как дела, Хаф? Сильно болит? Я мало что могу предпринять против боли, разве что назначать тебе алкоголь, но его обезболивающий эффект постепенно будет ослабевать.

Да, алкоголь был единственным анальгетиком у Витуса на вооружении. Они с Магистром и Энано сделали несколько вылазок в лес, чтобы найти нечто сходное с *Cannabis*, *Papaver somniferum*, *Hyoscyamus niger* или *Calla palustris*, но тщетно. Ничего похожего, даже отдаленно. Под конец Магистр вздохнул:

— Все глаза проглядел, но ничего не вижу. И не только потому, что близорук, — просто здесь не произрастают ни конопля, ни опийный мак, ни белена, ни белокрыльник. Естественно, в этой местности есть какие-то травы с подобным действием, но мы их не знаем. Наверное, они известны только индейцам. Пойдем-ка обедать.

В размышления Витуса вплелись слова Хафа:

— Адски чешется, Витус! Черт, еще никогда не испытывал такого, как в этой проклятой ноге!

Витус вернулся к действительности.

— Что ты сказал, Хаф? То есть на смену боли пришел зуд?

— Можно и так сказать, если хочешь. — Хаф снова застал. — О Боже, как будто в ногу впились сотни moskitov, и все в одно место! Витус, умоляю тебя, сними повязку!

Словно прося за своего хозяина, Том встал на все четыре лапы и залаял. Всеобщее волнение передалось и ему.

— Нельзя! — Голос Витуса был строг, хотя в душе хирургик ликовал. Зуд на месте раны — признак заживления. Чтобы утвердиться в своих предположениях, он наклонился и обнюхал повязку, что регулярно делал в последние дни. Нет, гнилостного запаха, который дает гангрена, не было и сегодня. — Потерпи еще немного, Хаф. Заживление идет хорошо, ногу мы спасли, будь уверен.

— Хочешь сказать, что я смогу ходить, как и раньше? Скажи мне правду! — Хаф был радостно возбужден.

— Конечно, будешь ходить, обещаю. Правда, не знаю, так ли хорошо, как раньше. Может быть, будешь слегка прихрамывать, если нога станет короче. Но ходить точно сможешь.

— А... заниматься своим делом я тоже смогу?

— Естественно. Только сначала придется нарастить прежнюю мышечную массу. На все нужно время. Терпение, мой друг, терпение.

— Главное, что я снова буду здоров!

— Будешь, обязательно будешь!

Хаф счастливо посмотрел на Фебу:

— Слышала, Феба? Витус говорит, что я буду бегать, совсем как прежде, и работать смогу! Как тебе это?

— Здорово, Хаф, правда здорово! Ничего другого я от Витуса и не ждала.

Двумя днями позже — Хаф уже предпринял первые попытки передвижения — он созвал всех обитателей дома к своей постели. Они стояли перед ним удивленные, с недоумением на лицах.

— Садитесь, друзья мои, нам надо кое-что обсудить. — Он сделал короткую паузу, пока они рассаживались, и приступил: — Я не случайно назвал вас друзьями, потому что не кем иным, как добрыми друзьями, вы стали мне за это время. Никогда в моей жизни не было столько людей, которые так много сделали бы для меня и к которым я прикипел бы всем сердцем. — Он обстоятельно откашлялся. — И тем не менее час расставания близится, и мысль об этом печалит меня. С другой стороны, когда лежишь обездвиженный, времени для размышлений хватает. И вот я пришел к мысли, что дружба не кончается оттого, что люди расстаются. Дружба — прекрасное чувство, теплое, верное, надежное. Как вечный огонь. Я знаю, что пронесу в себе этот огонь через всю оставшуюся жизнь, даже если никогда больше в этой жизни вас не увижу. — Он снова покашлял. — И эта мысль делает меня счастливым.

— О Хаф, как грустно все, что ты тут говоришь, как грустно! — всхлипнула Феба.

Она сидела, выпрямившись, у его изголовья, на случай если ему что-то понадобится.

— Да, — согласился Хаф. — Но разве не было бы куда печальнее, если бы мы не выносили друг друга и все-таки были бы принуждены жить вместе?

Феба потихоньку успокаивалась. Хаф продолжал:

— Я знаю, у Витуса земля горит под ногами, потому что он рвется на Роанок-Айленд, чтобы найти свою Арлетту, так ведь, Витус?

Витус проглотил ком в горле:

— Да, честно сказать, ты прав. Это что, так заметно? Но ты не бери в голову, мы останемся здесь, сколько нужно будет, пока ты не встанешь на ноги, поверь мне.

Хаф мягко отмахнулся от его слов:

— Вы выйдете завтра, Витус. Завтра. Хотя бы потому, что сезон дождей не станет мешкать оттого, что старый человек не хочет расставаться с друзьями. Уж можешь мне поверить: тот, кому придется продираться через джунгли в такое время, не за-

будет этого до конца дней своих. Так что завтра утром. На Номбре-де-Диос. Потому что оттуда у вас больше шансов отплыть на Кубу. А по дороге туда вы познакомитесь с моими партнерами симарронами.

— Симарронами? — Витус удивленно поднял брови.

— Симарроны — это и есть те самые «они», о которых я часто упоминал. Думаю, настало время открыть эту тайну, потому что теперь я в вас полностью уверен и знаю, что вы будете молчать. Симарроны не индейцы, как вы могли подумать. Это негры. Беглые черные рабы, которых безжалостно преследуют испанцы. Они славные парни, которые не боятся ни Бога, ни черта. Чтобы добраться до их ближайшей деревни, вам надо будет идти вдоль русла речушки, что протекает за моей кузницей. Но будьте внимательны: она с каждой милей становится все шире и шире, и в ней водятся крокодилы. Я так прикидываю, вам надо будет пройти миль десять. А когда доберетесь до симарронов, идите прямо к вождю Окумбе. Он их предводитель и мой друг. Ктико, старый воин, с которым меня столько связывает, умер в конце прошлого года. Господь милосердный, прими его душу!

Передадите Окумбе и его людям привет от Хафисиса, кузнеца. Это распахнет перед вами двери. Я уже сказал, они мои партнеры. Они снабжают меня продуктами и сырьем для работы, а я плачу им оружием. Иногда чиню даже их мушкеты. — Хаф помолчал, а потом обратился к Фебе: — Дай мне сверток, который лежит под кроватью.

Феба выполнила его просьбу, хоть и с трудом, потому что сверток был довольно тяжелым. Кусок старой кожи, многократно перевязанный веревками с прочными узлами.

Когда Хаф развернул его, зашелестел восхищенный шепот, потому что глазам друзей предстала блестящая сталь: шпаги, мечи — все изделия отменного качества. Хаф выковал их за последнее время.

— Эту партию мои партнеры ждут самое позднее в последних числах этого месяца. Здесь шесть шпаг и два меча. Так, у нас сегодня... — он сосчитал в уме, — ...двадцать шестое марта. Если вы завтра выйдете и будете так добры захватить с собой мой товар, поспеете с ним вовремя.

— Теперь я понял, почему для тебя важно помнить точную дату, — улыбнулся Витус.

Хаф улыбнулся в ответ:

— А ведь ты был тогда здорово удивлен, что я смог назвать день вашего спасения: девятое марта.

— И это было воскресенье и день моего рождения... Ну, ладно, давай вернемся к твоим шедеврам. Само собой, мы возьмем все это с собой. Но я вижу здесь девять клинков, а не восемь. Не думаю, чтобы ты ошибся!

Хаф лукаво усмехнулся:

— А ты все замечаешь, хирургик! Да, не ошибся. Эта шпага, так сказать, не из общей компании. — Он взял в руки особенно тонкой работы изделие и показал выбитую на нем надпись:

FOR MY GOOD FRIEND VITUS
HAFFISSIS ME FECIT ANNO DOMINI 1578

— Уй, у меня уж подметки чешутся, — просвистел Коротышка на следующий день. — Когда двинем?

— *Festina lente* — поспешай медленно, — заметил Магистр. Он стоял свежевыбритый, во всем чистом посреди поляны и озирался. — Где же Витус?

Хьюитт, взваливший на спину сверток с оружием, ответил:

— Он попрощался с Хафом и пошел за Фебой. Она не показывалась все утро.

Не успел он еще сказать, как оба, Витус и Феба, вышли из кладовой. Магистр прищурился:

— Что видят мои воспаленные глаза, дражайшая Феба! Слезы расставания в твоих глазах? Все последние дни глаза у тебя на мокром месте. Но пора! У Энано уже в одном месте зудит.

Вместо ответа Феба опять завывала. Витус беспомощно пожал плечами.

— Ну будет, будет тебе! — Магистр подошел и обнял ее за плечи, что вызвало еще более бурный поток слез.

— Ужасно, ужасно это, так ужасно! Мне будет вас не хватать, так не хватать вас!

Магистр наморщил лоб:

— Нас не хватает? Ты говоришь загадками, драгоценная.

— Нет-нет, какие загадки! Я остаюсь с Хафом и Джеком...

ТОРГОВКА ОРХИДЕАМИ ФРАНСИСКА

Моя матка что-то говорит?! Пресвятая Дева, что же?

Свежий ветер продувал Пунта-Сотавенто в северной части Гаваны, когда Франсиска, жена пыльщика Хайме, поднялась с постели ранним утром. Как и всегда, прежде чем окунуться в суету дня, она вышла за дверь и взглянула на Канал-дель-Пуэрто, впадающий здесь в море. На берегу чайки подняли гвалт из-за дохлой рыбыны. Море было серым и беспокойным. И хотя небо не затянуто облаками, день будет не слишком теплым.

Франсиска поежилась и набросила на голову капюшон своей накидки. Серебряные монеты ее монисто, которое в два ряда спускалось по плечам к пышной груди, зазвенели. Монеты были испанские — значительная часть ее состояния.

Хорошо, что будет не жарко. Сегодня ярмарочный день, а внизу, возле порта, у Франсиски свой лоток. Она торговала орхидеями — роскошными цветами, которые дети собирали своими нежными ручками и приносили ей в глиняных горшочках. Дети. Не ее дети. При мысли о крошечном открытом ротике, ищущем сосок матери, на сердце у Франсиски стало тяжело. Она завидовала соседкам, которые были плодовиты, как свиноматки, и год за годом без перебоя приносили потомство.

И тот ребенок, которого Хайме притащил несколько недель назад, не мог унять ее боль. Потому что это создание вовсе не было ребенком! Франсиска презрительно фыркнула. Мужчины! Иногда они так бестолковы! Разве это ребенок — та, кем он хотел ее порадовать! Скорее юная девушка. Конечно, тоненькая, как кипарис, но выше ее самой и со вполне оформившимися округлостями под накидкой.

Накидка. Девушка ее никогда не снимала. Бог знает, что за лицо под ней скрывается! И так странно она себя ведет: вообще не говорит ни слова, только кивает или качает головой да объясняется жестами.

Франсиска горестно вздохнула и зашаркала назад, к хижине, чтобы приготовить кукурузу на ужин. Когда Хайме вернется с работы, его должна ждать сытная еда. Хайме — хороший муж. Не пьет. Не шляется. Встает еще до нее и идет на свою верфь. Каждое утро спозаранку. Только вот что ему взбрело в голову притащить домой это создание? Неужели он взаправду думал, что оно может заменить ей милого сладкого малыша, припадающего к груди?!

Она взяла с полки деревянный мерный стаканчик и бросила несколько порций в ступку, выдолбленную из цельного куска дерева. Привычными размеренными движениями она начала толочь зерна, а мысли ее были далеко. Ей пришла на ум одна дама, которая часто покупала у нее цветы. Сеньора в роскошных одеждах — донья Инес из Верхнего города. В последний раз она ошарашила Франсиску, погладив свой округлившийся живот: «Представляешь, Франсиска, — радостно сообщила она, — мы с доном Альберто уже и не надеялись, но это случилось! Я беременна! Помогло!»

Франсиска толкла и толкла, а перед глазами все стояла счастливая донья Инес. Сеньора с мужем давно уже отчаялись иметь ребенка, как, впрочем, и она сама, и вот вдруг — ждет ребенка! Что там еще сказала сеньора? «Помогло!»

Осознав это слово, Франсиска остановилась в страшном волнении. «Помогло!» Что помогло? Есть что-то еще, что может помочь, кроме молитв Пресвятой Деве Марии и коленопреклонения в церкви? Надо как-то изловчиться и расспросить донью Инес! А если она сегодня не придет? Нет, этого не может быть! Франсиска откинула пестик и бросилась на колени:

Пресвятая Дева Мария, Матерь Божья, сделай так, чтобы донья Инес из Верхнего города, которой ты послала благословенную весть в ее теле, пришла сегодня ко мне за цветами!

Она уже было собралась сказать «амен», но, подумав, добавила:

Я поставлю Тебе дюжину самых лучших восковых свечей. Да, Пресвятая Дева, я сделаю это, клянусь! Амен!

Франсиска поднялась с колен, перекрестилась и в это время услышала слабый шорох. Девушка, которую разместили в чулане, вошла в комнату.

— *Buenos días, chica**, — сказала Франсиска. Она намеренно обращалась к ней так сухо. — Можешь сменить меня. А когда закончишь, приготовь кукурузу на ужин. Но смотри, чтобы она хорошо разварилась, я тебя учила, как это делать. Потом можешь поесть, возьми еще и сыру. Как будешь готова, скажи мне. Сегодня мы идем на рынок, мне надо подготовить еще кое-что кроме букетов на продажу.

Девушка скромно опустила глаза в знак того, что все поняла.

На портовом базаре шуму и суеты было еще больше, чем на близлежащей верфи. Воздух жужжал зазывными выкриками, взрывами смеха и проклятий в гуле сотни голосов. Где-то раздавались церковные песнопения, сопровождаемые пронзительным плачем детей, скабрзными шутками, смачными ругательствами. Нищие просили подаяние, собаки лаяли, куры кудахтали, гуся гоготали, и не было ни одного товара, из-за которого не дрались бы глотки.

Торговка орхидеями Франсиска выставила в этот день на продажу еще и очень нужные в хозяйстве вещи собственного изготовления: многочисленные изделия из индюпиных перьев для раздувания огня, мешочки из оленьей кожи для хранения монет, плетеные занавеси с жемчугом. Все эти вещи явственно свидетельствовали об индейских корнях Франсиски.

Около полудня появилась донья Инес из Верхнего города в сопровождении служанки, которая несла купленный сеньор товар.

— У тебя есть маленькие розовые орхидеи, Франсиска? — спросила она. — Мне надо по меньшей мере дюжину. У нас с донем Альбертом сегодня ужин для особо избранных гостей, и я хочу украсить ими стол.

— Для вас все есть, донья Инес. — Франсиска почтительно присела, не отрывая глаз от еще более округлившегося живота сеньоры.

* Добрый день, девочка (исп.).

— Можно даже четыре дюжины, — словно не замечая ее взгляда, продолжала донья Инес. — Главное, чтобы они были свежими. Они свежие, Франсиска?

Франсиска смотрела на ее живот, как зачарованная.

— Франсиска, ты слышишь меня?

— А? Да, конечно, донья Инес, простите. У меня есть отменные свежие орхидеи, — она повела рукой в сторону горшочков с цветами.

— И сколько ты за них просишь?

Когда цветы уже лежали в корзине служанки и сеньора двинулась дальше, Франсиска несмело остановила ее:

— Донья Инес!

— Что? — обернулась дама. Капризный изгиб ее рта выражал крайнее нетерпение.

Ее губы были ярко-красного цвета, подведенные брови удерживали на лбу маленькие капельки пота. Платье из тяжелого бледно-лилового атласа пришлось немного выпустить спереди, по поводу чего шушукались ее подружки. Донья Инес знала это. Но она была так счастлива своим новым положением, что готова была демонстрировать его всему свету, невзирая на этикет.

— Можно поговорить с вами с глазу на глаз? Если позволите, донья Инес? — Франсиска придала своему голосу таинственность.

— Да? — Любопытство разыграло в сеньоре, и она позволила отвести себя на пару шагов в сторону.

— Донья Инес, позвольте мне один вопрос! Как вам удалось забеременеть? — Не успев закончить фразу, Франсиска поняла, как глупо звучит ее вопрос и поспешила прибавить: — Ну я, конечно, понимаю... ну...откуда берутся дети...

Над переносицей доньи Инес возникла не предвещавшая ничего хорошего складка. Франсиска решила брать быка за рога:

— Донья Инес, я от всего сердца желаю вам и тому, кто скоро появится на свет, всего самого наилучшего! О, как я была бы счастлива оказаться в вашем положении, сеньора! Я и мой добрый муж Хайме уже много лет мечтаем о ребенке, но Пресвятая Дева до сего дня не слышит наших молитв. Хотя во всей Гаване вряд ли найдется более ревностная прихожанка, чем я!

— Ах, вон оно что... — Лицо сеньоры снова разгладилось. — Почему бы мне и не поделиться с тобой? Ты всегда продаешь мне самый лучший товар. Так слушай: я ходила к одной старой ведунье, которая живет в лесу к западу от города. Ей приписывают страшную силу! — Донья Инес решила, что сказала уже и так слишком много, и повернулась, чтобы уйти. Однако, отправив вперед свою служанку, она оглянулась и добавила: — Спроси старую Мароу. — И ушла.

«Мароу... Мароу... Мароу...» — как заклинание, твердила про себя Франсиска имя ведуньи, которая жила к западу от Гаваны. Не так уж далеко. Прямо сказать, совсем близко. Надежда пустила свои ростки в ее душе, и женщина решила немедленно поддержать их.

— Чика!

Закутанное в покрывало создание, которое бледной тенью держалось поодаль, тут же предстало перед ней.

— Мне надо отойти. Может быть, надолго. Так что не жди меня и после базара иди домой. Может, тебе удастся еще что-нибудь продать до той поры. Ты же знаешь, как дорожу я моим товаром и не хочу, чтобы он пропал... Разрази меня Бог! — Франсиска ударила себя по лбу. — Ты не можешь говорить! Как ты сможешь назвать цену?

Глаза чики расширились, и она кивнула в сторону аспидной доски у соседнего лотка, а правой рукой сделала движение, словно пишет.

— Хочешь сказать, что умеешь писать?

Голова в плотной накидке кивнула.

Франсиска, которая за всю жизнь не овладела умением написать собственное имя, недоверчиво посмотрела на жалкое создание.

— Ладно, пусть будет так. Посмотрим. А пока что *adiys**. К ужину вернусь. Позаботься о Хайме, если он придет раньше меня.

Чика послушно опустила глаза. У нее были длинные светлые с рыжеватым оттенком ресницы.

— Благослови вас Бог, целительница! — поприветствовала Франсиска, смиренно остановившись на пороге.

Она вглядывалась в темное жилище и ничего не могла разглядеть, кроме очага посередине, который скудно освещал бесчисленные глиняные горшки и темные бутылки в дальнем углу.

— Называй меня просто Мароу, — послышался голос. Сама ведунья скрывалась во тьме, как паук в своей паутине. — Подойди поближе, дай посмотреть на тебя. Мои глаза уже не так прозревают тьму.

Франсиска нерешительно сделала несколько шагов. Она почти раскаялась, что пришла сюда. Было в этом месте что-то жуткое.

— Вот так лучше.

И Франсиска смогла разглядеть представшую перед ней.

То, что она увидела, заставило ее содрогнуться. Никогда в жизни она не встречала такой бесформенной расплывшейся фигуры. Перед ней восседала женщина, голова которой была

* Прощай (исп.).

как орех — круглой и столь же маленькой. Казалось, она не имела никакого отношения к той жировой горе, на которой лежала. А гора эта колыхалась и перекачивалась во все стороны, словно жила собственной жизнью.

Мароу засмеялась. Это было похоже на бульканье закипающего супа:

— Да-да, я не самое стройное создание на свете, это ты правильно заметила. И двигаюсь я, только когда уж сильно припрет. Но такое случается редко. Люди, которым от меня что-то нужно, сами приходят ко мне. Как и ты. Так как твое имя и за чем ты пришла?

— Я Франсиска Озлос, — ответила Франсиска, изо всех сил стараясь придать голосу естественное звучание. — Я знакома с доньей Инес, которая поведала мне ваше имя...

— Твое имя...

— Что?

— Можешь спокойно говорить мне «ты», как и я тебе. Итак: «которая назвала мне твое имя»...

— Да... хорошо. Которая назвала мне твое имя, Мароу.

— Уже лучше. Не бойся, мы ведь здесь одни, а, Каналья?

При этих ее словах откуда ни возьмись слетел трогон, чуть не до смерти напугав Франсиску. Вообще-то она заметила сидящую на жердочке птицу, но думала, что это тучело. Каналья приземлился на голову Мароу, встряхнулся и застыл в прежней позе. Мароу сказала:

— Я не знаю никакой доньи Инес. По крайней мере, не знаю женщины, которая назвалась бы таким именем. Но хорошо знаю сеньору, которую ты имеешь в виду. Это я всегда знаю. — Она снова забулькала. — И знаю, что ты назвала мне свое настоящее имя. А теперь ответь мне, почему ты так жаждешь ребенка?

Франсиска оторопела:

— Не знаю. Но так должно быть. Всегда так было.

— Расскажи мне о себе. Я смогу тебе помочь, только если буду знать все. Не хочешь — можешь прямо сейчас уйти.

— Клянусь Пресвятой Девой, нет!

Нет, Франсиска не ушла бы ни за что на свете! И поэтому начала рассказывать о Хайме, об их жизни, о том, что происходит изо дня в день. Когда она закончила, целительница помолчала, а потом вдруг приказала:

— Пододвигь ту скамью и ложись на нее голой.

— Голой?

— Да, голой. Мне надо посмотреть твое тело.

Франсиску покорило. Она не была привычна раздеваться перед чужими людьми, да и перед собственным мужем тоже. Когда он возлегал с ней, она всегда была в исподнем, которого не снимала даже во время исполнения супружеских обязанно-

стей. Плотское единение не должно переходить в утехи, оно служит лишь деторождению, продолжению рода... Франсиска нехотя разделась.

— Пододвинь-ка скамью еще ближе, на расстояние моей вытянутой руки и ложись на нее животом вверх.

После некоторой заминки Франсиска лежала наконец на спине, уставив взгляд в закопченный потолок хижины.

— Моя рука сейчас пройдет по тебе. Не бойся.

Нечто похожее на большую фрикадельку с торчащими из нее пятью выростами приблизилось к Франсиске и улеглось на ее лоб. Спустя какое-то время раздался голос Мароу:

— Ты была искренна, твоя жажда иметь дитя велика, я чувствую это.

Фрикаделька покатила дальше, раздвигала ее веки, губы, вытягивала язык и засовывала его обратно.

— Может, тебе и странно все, что я с тобой проделываю, — звучал при этом голос Мароу, — но матка — живой орган, который только тогда готов к зачатию, когда все окружающие его органы здоровы.

Франсиска почти не дышала. Никогда в жизни не слышала она таких откровенных речей.

Фрикаделька путешествовала дальше. Она прокатилась по гортани и щитовидной железе, ощупала тяжелые груди Франсиски, которые в лежащем положении распластались по бокам, проверила соски, селезенку, печень, прихватила своими выростами жировую складку на животе, оттянула и отпустила, чтобы увидеть, как она разгладится, проверила пульс на обоих запястьях, упругость ягодиц и ляжек.

— Для хорошего самочувствия матки все имеет значение, — раздавался голос Мароу. — Каждая мелочь. Положение органов, их цвет, величина, упругость и многое другое...

— И что? — не выдержала Франсиска. — Я здорова?

— Не так быстро, — ответствовала ведунья. — Нам предстоит еще самое главное. — Она положила руку на ее лобок. — Я должна услышать, что говорит твоя матка.

— Моя матка что-то говорит?! Пресвятая Дева, что же?

— Она сообщает моей руке посредством энергий, готова ли принять в себя плод. Если да, то ты с моей помощью скоро зачнешь, если нет, скажет мне, что с ней не так...

— Но почему...

— Помолчи! Не мешай мне слушать! — Мароу закрыла глаза и умолкла.

Время шло и шло. Франсиска уже замерзла. И вдруг она почувствовала, как рука целительницы затряслась на ней.

— Вот! Она заговорила! Вот! — Рука начала описывать круги по низу живота. — Да, да, я слышу тебя, слышу!

Франсиска больше не могла утерпеть:

— Что ты слышишь? Что она тебе сказала? Ради всего святого скажи мне!

Мароу открыла глаза, глубоко вдохнула и отняла руку с ее живота.

— Матка говорила со мной. Она сказала, что все вокруг нее здорово, но она бесплодна в твоём теле, потому что ты не хочешь избыть ее тоску по зародышу.

— Пресвятая Дева, как это не хочу?! Чего я только не делала!..

— А что ты до сей поры делала?

— Что я делала? О, если бы ты знала, Мароу, сколько молитв я отчитала нашей Богоматери, сколько поставила в церкви свечей, сколько приношений сделала нашему Господу Иисусу Христу! Ни одна женщина не делала столько для своего ребенка!

— А кроме этих богоугодных деяний спала ли ты со своим мужем?

Франсиска смущенно потупилась:

— Ну так положено...

— И сколько раз в месяц?

Франсиске стало совсем не по себе:

— Ну раз или два в месяц. Не думай, как добрая христианка я знаю, что нельзя давать волю похоти.

Мароу помолчала. Потом пошарила позади себя и вытащила стеклянный сосуд с красноватым содержимым:

— Это снадобье будешь намазывать на лобок каждое утро как встанешь. Бери понемногу и хорошенько втирай. Не бойся, в нем кроме сала еще говяжий мозг, пажитник, мальва и хенна. Рецепт я тебе, конечно, не открою, но доверься мне. В твои нечистые дни не используй, а в остальные — не пропускай ни дня. Если сделаешь все, как я сказала, твоя матка перестанет тосковать и подготовится к зачатию.

Чуть дыша от счастья, Франсиска взяла сосуд:

— Да будут к тебе благословенны небеса, Мароу! Сегодня же вечером отпою в церкви дюжину «*Ave Maria*» тебе за здравие.

Целительница подняла бровь:

— Нет, лучше останься сегодня дома. Можешь одеваться.

И когда Франсиска облачилась в свое платье, Мароу добавила:

— Кроме успокоительного снадобья для твоей матки вот тебе еще два корня мандрагоры, который многие называют волшебным.

Франсиска увидела на мясистой ладони два корешка в форме человечков с безымянный палец. Один был одет как мужчина, в ярко-красные штаны и зеленую жилетку, другой — как женщина, в фиолетовое платье.

— Какие миленькие! — не удержалась Франсиска.

Она уже чуть не схватила их, как Мароу отвела руку:

— Это тебе не игрушки. В них божественная сила. Положи их в вашей опочивальне на самое высокое место. На шкаф, ес-

ли он есть, или что-нибудь такое. Нет, так на карниз. Сложи фигурки так, чтобы женская лежала внизу, а мужская на ней сверху. Думаю, эта позиция тебе знакома. А когда это сделаешь, ради всего святого заклиная тебя, не вздумай их трогать, пока мужчина сам не отвалится с женщины!

— Хорошо, — робко сказала Франсиска, — а... дальше-то что?

— А ты каждую ночь, пока мужчина возлегает на женщине, будешь принимать своего мужа именно в этой позиции. Кроме твоих нечистых дней, разумеется.

— А... а как же похоть?

Мароу усмехнулась:

— Думаю, в тебе достаточно силы, чтобы противостоять ей. В душе.

— Ну да, конечно... — Франсиска казалась совсем растерянной. — А... а что если мужчина, ну я имею в виду фигурку, никогда не слезет с женщины?

— Господь повелит, и все будет. Так же, как и то, что ты будешь беременна. — Мароу передала корешки Франсиске. — Будь осторожна, не повреди! Другого корня мандрагоры с такой силой у меня нет.

— Спасибо! О, спасибо, Мароу!

Слезы счастья потекли по лицу бедной женщины, когда она взяла в руки фигурки. Она поцеловала каждую, блаженно зажмурила глаза и принялась бормотать молитву. Но порыв ее благочестия нарушил Каналья, который слетел с головы Мароу. Он прошелестел крыльями перед самым ее носом и уселся на свою жердочку.

Целительница пробудькала:

— Мудрый Каналья знает, когда час моего приема подошел к концу и настал час расплаты. — Она выкинула вперед мясистую руку. — Мои услуги недешевы. За службу я прошу у тебя золотую монету, но не маленькую, не эскудо, и, конечно, не эскудильо. Монету с ликами двух повелителей. Думаю, ты знаешь, о чем я.

— Золотой дублон? — У Франсиски захватило дух. Это было больше, чем Хайме зарабатывал за месяц.

— Золотой дублон и ни мараведи меньше. — Фрикаделька все еще торчала перед носом Франсиски. — Но, вижу, у тебя его нет. Тогданими десять серебряных монет с твоего монисто.

— Да, Мароу.

Блаженная радость Франсиски несколько поумерилась.

В тот же самый вечер, когда Хайме, разомлев от сытного ужина, собрался прилечь на супружеском ложе, из дремы его выдернуло невероятное поведение жены. Она пришла к нему без своей по уши закрытой ночной рубашки. Точнее ска-

зять, она пришла без всего. Еще больше он был потрясен, когда она дала ему понять, что не прочь в неурочный день отдать ему. И уж окончательно лишился он дара речи, когда жена отдавалась ему с такой страстью, коей он прежде и не ведал в ней.

Когда счастливые минуты были позади, жена крепко поцеловала его в губы и прошептала:

— У нас будет ребенок, Хайме.

— Ребенок? — оторопел муж. — С чего ты взяла? Мы так долго хотели и ничего не получалось.

— На этот раз будет, — загадочно улыбнулась жена. — Это так же верно, как «амен» в конце службы.

— Ну если ты так думаешь... — Хайме от неожиданной растраны сил уже наполовину спал.

— Я знаю. У нас будет ребенок. И вот что я подумала: когда он родится, в нашей хижине станет слишком тесно...

— Угу...

— И для чики места в ней уже не останется.

— Что?! Что ты такое говоришь? — Сна у Хайме снова как не бывало. Он чувствовал себя в ответе за девочку, пусть даже она не говорит ни слова и не снимает свое покрывало.

— И куда же, по-твоему, должна деться чика?

— Отдадим ее Ахиллу.

— Что? Курьезному Ахиллу?

— Да, ему. Я слышала, он снова ищет девушку за стойку. Завтра я схожу к нему. И не спорь. Так всем будет лучше.

— Ну, если ты говоришь... пусть так и будет.

СИМАРРОН ОКУМБА

Среди испанцев тоже есть люди беспримерного мужества, но куда им до симарронов! Ведь наши воины сражаются за свободу, а доны всего лишь за золото.

Уже несколько часов они продирались сквозь зеленый ад тропического леса. Тропинка, по которой они с трудом продвигались вперед, вся заросла буйно расплзшимися травами и лианами. Время от времени сквозь эту поросль проглядывал низкорослый подлесок вдоль ручья, по которому они ориентировались. Было жарко и нестерпимо душно. Пот заливал их лица, а на теле не осталось ни единой сухой нитки. Они шли друг за другом цепочкой. Впереди юный Хьюитт, на спине которого громоздился тюк с мечами и шпагами. За ним, щурясь подслеповатыми глазами, Магистр. Он тащил на себе воду и кое-что из снеди. Далее следовал Энано, которому из-за его малого роста легче всех удавалось прошмыгнуть под свисающими препятствиями. И замыкал процессию Витус, несший за плечами мешок из козьей шкуры с провиан-

том, бортовым журналом Стаута, чернильницей с перьями, ножом с «Альбатроса», порохом и кое-чем еще.

Кроме всего прочего у него была еще новая шпага и кремниевый мушкет, заряженный и со взведенным курком, и он обещивал безопасность отряда с тыла.

— Если бы только у меня были новые бериллы! — сетовал маленький ученый. — Без них я вижу только сплошную зеленую массу. Каждая лиана кажется мне древесной змеей.

— Салазки с подряски? Никогда не зыркал. Где?

— Тс-с-с! А ну-ка тише! И всем стоять! — Витусу показалось, что он услышал какой-то звук, не похожий на крики попугаев и гвалт обезьян. — Тс-с-с! — Он прислушался.

Но звуки тропического леса, пронзительные и рокочущие, не умолкающие ни на минуту и жутко чужие, казались все теми же. Коротышка пропищал:

— Уй, ушки у меня на макушке, но не слышу и в полушка, щерб меня!

Магистр и Хьюитт пожали плечами.

— Должно быть, послышалось, — Витус еще раз огляделся и вдруг заметил стрелу. Она еще дрожала, впившись в ствол дерева.

— Стрела! — хотел он крикнуть. — Осторожно!

Но было уже поздно. Стрелы полетели со всех сторон. И он узнал тот звук, что ему послышался, — свист стрелы. Он почувствовал удар по левому плечу, развернулся назад и... очутился лицом к лицу... нет — перед множеством черных лиц. Они были не только перед ним, но и над ним, в листве, и за ним — он это чувствовал спиной. Они были повсюду.

Но никого из его друзей не ранило. Намеренно или случайно? Только из тюка Хьюитта торчали две стрелы.

— В чем дело? — обратился Витус к ближайшему лицу. Он попытался придать своему голосу уверенность. — Мы друзья.

Лицо выступило из чащи. Обозначились контуры мускулистого черного тела чуть ниже ростом, чем Витус. Вокруг него возникли другие фигуры. Все они были черными и, можно сказать, голыми. Только короткий набедренник с поясом, за которым торчали у кого боевой топор, у кого шпага, у кого нож. И у всех большие луки. Неуверенными в себе они не казались.

Тот, к кому обратился Витус, смерил его холодным взглядом:

— Кто ходить здесь — не друг. — Он говорил на ломаном испанском. — Снять оружие!

Однако жесты, которые сопровождали его слова, были красноречивее слов, поэтому даже Хьюитт, который ни слова не понимал по-испански, послушался. Он уж было сложил драгоценное оружие на землю, но Витус властно поднял руку. Так просто он не намерен был сдаваться.

— Мы друзья. Держим путь к симарронам, а оттуда дальше, в Номбре-де-Диос. Мы здесь, так сказать, проходом.

— Снять оружие или умирать!

Круг чернокожих начал угрожающе сужаться. Кое-кто из окружавших уже приладил новую стрелу на тетиву, кто-то потянулся к томагавку. Витус сдался. Враг был силен, а отступление невозможно.

— Ладно, складываем оружие, друзья. Подчиняемся превосходящим силам.

Сам он отстегнул шпагу и положил ее на землю рядом с мушкетом и поднял глаза к чернокожему:

— Будьте осторожны, мушкет заряжен.

— *Callarse la boca!* Заткнись!

— Как хотите.

Витус заметил, как чернокожий грубым движением поднял его мушкет, чтобы рассмотреть со всех сторон. Скорее непреднамеренно он снял крышку полки, отпустил курок и нажал спусковой крючок.

Раздался выстрел. С оглушительным свистом пуля вылетела из ствола, пробила зеленый купол джунглей и осыпала друзей и врагов ливнем зеленой листвы. Стрелок оторопел, а потом зашелся истеричным хохотом. Его товарищи подхватили:

— Хо-хо-хо!

— Ха-ха-ха!

— Хоа, хао! Это весело!

Чернокожий еще раз нажал курок, и когда ничего не произошло, закинул мушкет себе за спину. Его веселости как не бывало.

— Где патроны? Давать патроны!

— У меня их нет.

Еще не хватало сообщать этому вояке, что у него в мешке есть и пули и порох. Витус снял мешок с плеч и с удивлением заметил на нем пятна крови. Это была его собственная кровь. Удар по его плечу был настильным выстрелом, не смертельным, но вероломным. В нем разыграло негодование:

— Кто вы такие, чтобы нападать на мирных путешественников?

— Ты спрашивать — нет ответа! *Callarse la boca!*

Другой чернокожий, который разбирался с поклажей Хьюитта, издал гортанный крик:

— Хоа, хоа, Донго! Здесь много хороших клинков. Посмотри!

«Его испанский много лучше», — отметил про себя Витус.

— Потом посмотреть! — Тот, с холодным взглядом, поднял шпагу Витуса, сунул ее к остальным клинкам. — Не теперь. Теперь связывать!

Несколько воинов выступили из круга и связали пришельцам руки за спиной.

Витус сделал еще одну попытку:

— Все это чудовищная ошибка. Мы мирные путешественники и держим путь на Номбре-де-Диос!

— Ха! Номбре-де-Диос! — Донго буквально выплюнул это название. — Змеиное гнездо! Полно испанцев! *Bribynes, ladrynes, asesinos**! Ты идти в Номбре-де-Диос? Я тебя сразу убивать!

Но прежде чем он успел привести свою угрозу в исполнение, его остановил чернокожий, который с любопытством копался в тюке Хьюитта:

— Хоа, Донго! Здесь клинки Хафа, кузнеца. На них его клеймо.

Холодные глаза Донго стали просто ледяными. Он подскочил к Витусу, взял его за грудки и приподнял дюйма на два над землей:

— Ты воровать! Ты воровать у Хаф! Что сделал с Хаф? Убивать? Ты говорить! Быстро! Я тебя убивать! Я вас всех убивать!

Витуса это уже достало. Черная лапища на его груди и то жалкое зрелище, которое он сейчас собой являл, были последней каплей.

— Вы что здесь все с ума посходили?! — заорал он прямо в лицо Донго. — Мы мирные путешественники! Мы идем от Хафа, нашего друга! Он попросил нас отнести оружие Окумбе, вождю симарронов!

При имени Окумбы Донго ослабил железную хватку:

— Ты к Окумба? Ты знать Окумба?

— Нет, я знать его не знаю.

— Ты не знать? — Его глаза снова заledenели.

— Да, мы не знаем Окумбу, но несем для него оружие от Хафа. Хаф — наш друг. Ты в состоянии это понять? Друг!

Витусу показалось, что он говорит с больным битюгом.

Тот любопытный чернокожий, что вынул шпаги и мечи из тюка Хьюитта, пришел Витусу на помощь:

— То, что говорит чужак, может быть правдой, Донго. Его объяснение ничуть не хуже твоего.

Тут вмешался Магистр:

— Парнишка прав! *In dubio pro geo*! Что значит: если сомневаешься, прими сторону обвиняемых! Вы когда-нибудь слышали об этом, господа?

Донго совсем обалдел, он ни словечка не понял. Словоохотливый любопытный парень объяснил ему все еще раз на каком-то гортанном языке, который Витус определил как африканское наречие.

* Мошенники, шайка воров, убийцы (исп.).

Наконец Донго неохотно согласился с красноречивым солдатником:

— Хорошо, Мойса, пусть. Окумба решать. Идти Окумба, *rápido!**

Они сидели на поваленном стволе кампешевого дерева, которое чернокожие притащили на край поляны, представлявшей собой нечто вроде агоры. Земля на ней была утоптана множеством мозолистых ступней. По краям поляны стояли деревянные хижины, среди них возвышалась одна под соломенной крышей. Это внушительное сооружение было штаб-квартирой Окумбы, мэрией и судом здешнего поселения, как объяснил пленникам Мойса, прежде чем они с Донго исчезли в его недрах.

— Мы известим о вас Окумбу, — успел еще сказать Мойса, — и он решит вашу участь.

Час шел за часом. Они все еще сидели на дереве, окруженные полудюжиной враждебно взирающих на них симарронов, которые пресекали любую попытку пленников распрямиться или вытянуть ноги недвусмысленным движением оружия. О побеге не приходилось и думать: их руки были по-прежнему связаны.

Наступил вечер. В последних лучах заходящего солнца мелькали крылья больших птиц, которые искали пристанище в ветвистых кронах тропического леса. Хьюитт и Коротышка тоже выглядели сонными. Их головы то и дело падали на грудь. Марш через джунгли оказался для не окрепших еще тел слишком тяжелым испытанием.

Большое насекомое с отливающими синим крыльями спустилось на высокий лоб Магистра.

— Кышшш! — не имея возможности отмахнуться руками, маленький ученый принялся строить зловещие гримасы. Но сколько бы он ни пытался корчить устрашающие рожи, насекомое и не думало улетать. Он отчаялся в своих усилиях и разразился пространной речью: — Кровью нашего Господа Иисуса Христа клянусь! Прожить такую насыщенную событиями жизнь, чтобы умереть от укуса жалкого насекомого! В местах, где царит беззаконие, где у человека отбирают свободу ни за что и еще раз — ни за что! Хотел бы я увидеть этого сеньора Окумбу, который мнит себя господином времени и так гостеприимно принимает нас! По всей вероятности, он лежит сейчас у одной из своих подружек, а нас заставлял мариноваться здесь. Да уж, джентльмен большого благородства с безупречными манерами, должен признать. Только от его гостеприимства меня уже тошнит!

Наконец назойливое насекомое соблаговолило покинуть высокий лоб маленького ученого и, жужжа, поднялось в воздух.

* Быстро (исп.).

— *Deo gratias!** Бестия отвязалась. Вот была бы потеха — умереть от гнусова укуса!

— Может быть, это еще не самая страшная смерть, — мрачно заметил Витус, сверля глазами землю. — Кто знает, что с нами сделает Окумба.

В этот момент полог большого дома откинулся и вышел Мойса. Он махнул рукой и что-то прокричал страже. Друзья не поняли ни слова, но долго гадать не пришлось: их грубо спихнули со ствола и погнали прямо к этому дому.

Попав внутрь, они поначалу ничего не могли рассмотреть. Полумрак помещения освещали лишь несколько керосиновых ламп. Только когда глаза постепенно привыкли к сумраку, они увидели группу чернокожих мужчин, полукругом сидящих на корточках на полу. Мойса прижал палец к губам и дал знак пленникам, чтобы они оставались стоять у входа.

Шло время, а чернокожие все отчаянно спорили. Они ничуть не отличались от тех, кто напал на Витуса и его друзей, разве что не имели при себе оружия. Все как на подбор были крепкими, хорошо сложенными мужчинами с буйным темпераментом. Некоторые были уже в возрасте, о чем свидетельствовала седина в густых курчавых волосах, другие — совсем молодыми. Большинство курили свернутые трубочкой табачные листы, которые здесь называли сигарами. От них исходили густые клубы едкого дыма, и воздух в помещении был густо напоен ими. Наконец они вроде бы пришли к согласию, потому что все, кроме троих, резко вскочили и покинули собрание.

Остался чернокожий геркулесова сложения, который сидел в центре. Как знак особого положения, на его плечи была накинута шкура оцелота, а на шее висело массивное ожерелье из крокодилийх зубов. Справа и слева от него сидели двое пожилых мужчин, глядевших недоброжелательно. Великан смерил друзей внимательным взглядом. Ни одна черточка на его эбеново-черном лице не дрогнула, только в сумрачном освещении блестели белки глаз.

— Я Окумба, — наконец сказал он глубоким хриловатым голосом. — А рядом со мной члены моего суда. Наш совет должен принять очень важное решение, поэтому вам придется ждать. — Окумба говорил на испанском с сильным африканским акцентом, тщательно и медленно подбирая слова, но очень неплохо. — Тем, что вы еще живы, вы обязаны Мойсе, который не верит в то, что вы ограбили и убили моего друга Хафисиса. — Великан указал рукой на Мойсу, который вместе с Донго остался, чтобы стеречь пленников. — Донго другого мнения. Он уверен, что вы мародерствующие испанцы, жадные

* Благодарение Богу! (лат.)

до золота и серебра. Кроме того, место, где он вас повстречал, всего в нескольких милях от Королевского пути.

Друзья недоуменно переглянулись.

— Хотите сказать, что вам это не известно? Королевский путь — это горная тропа, которая ведет от Панамы в Номбре-де-Диос. По ней испанцы из года в год переправляют несчетное количество награбленных сокровищ. А там грузят их на корабли и армадой перевозят по морю. Ну, посмотрим, кто прав, — Мойса или Донго. От этого будет зависеть ваша жизнь.

Донго зашипел пленникам:

— На колени, падать на колени!

Витус выступил вперед и вежливо склонил голову, потом выпрямился и, глядя вождю прямо в глаза, начал:

— Я англичанин, вождь Окумба, а англичане не имеют обыкновения падать ниц ни перед кем, кроме нашей королевы Елизаветы.

Окумба некоторое время пристально смотрел на него, а потом, к удивлению Витуса, заговорил на его родном языке:

— Ты гордец, англичанин. Я понимаю тебя. Симарроны уже встречались с гордым англичанином. Его имя — капитан Дрейк. Он и вождь Ктико действовали вместе при нападении на Номбре-де-Диос. Это было в 1572 году.

Витус украдкой вздохнул с облегчением. Может быть, их дела не так уж и плохи.

— Меня зовут Витус, — он посчитал разумным опустить «из Камподиоса»: это имя прозвучало бы не по-английски. — Молодого человека рядом со мной зовут Хьюитт, он тоже англичанин. Мой друг Рамиро Гарсия — испанец и магистр юриспруденции, то есть все что угодно, только не мародерствующий разбойник. Это же касается и Энано, карлика родом из Германии. Мы все потерпели кораблекрушение, вождь. Девятого марта нынешнего года наше судно прибило к этим берегам. Кузнец Хафисис, от которого мы должны передать вам привет, нашел нас полуживыми и спас. Он поднял нас на ноги и попросил, когда мы собрались продолжать наш путь, переправить вам эти клинки. Он сказал, что должен соблюсти договоренные сроки.

Окумба повернулся к членам своего суда и скороговоркой что-то сказал им. Потом кивнул и перешел на испанский:

— То, что ты сказал про сроки, совпадает, но это еще не доказывает вашу невиновность. Вы могли, тем не менее, ограбить и убить старика.

— Совсем наоборот, мы помогли ему.

Витус рассказал о том, как Хаф получил перелом ноги, ремонтируя колокол, и как они лечили и ухаживали за больным.

— Хаф кое-что поведал нам о литье колоколов и открыл, что тот экземпляр, который у него, принадлежит вам.

— И это соответствует. Чтобы его привезти, нам понадобится упряжка волов и пятнадцать человек. Перевозка заняла три дня. Хаф сможет закончить работу?

— К сожалению, в ближайшее время нет. Сначала надо вылечить его ногу. Молодая женщина по имени Феба, которая вместе с нами спаслась после кораблекрушения, осталась с Хафом, чтобы о нем заботиться.

Окумба едва приметно кивнул:

— Колокол очень важен для нас. Он ломает молнии и отгоняет громы, поэтому поможет нам против вражьих мушкетов.

Витус с удивлением посмотрел на него:

— Вы прочитали надпись? Вы владеете латынью, вождь?

— Мойса знает латынь. Он два года жил в семье испанского серебряных дел мастера в Картахене. А время невольничьего бремени использовал, чтобы учиться. Теперь он так же свободен, как и все мы. А его познания в языках — хорошее оружие в борьбе с белыми, которые держат нас за глупую скотину.

Витус промолчал.

— Меня бы очень обрадовало, если вы говорите правду, что помогли нашему другу Хафу. Но и это может оказаться выдумкой от начала до конца. Пока что я не вижу доказательств вашей невинности.

Витусу пришла в голову мысль:

— Те мечи и шпаги, что были предназначены вам, вы их уже осмотрели, вождь?

Окумба покачал головой:

— Нет, зачем?

— Доказательство должно быть на клинке!

— На клинке? — Окумба жестом подозвал к себе Донго, который охранял тюк Хьюитта. — Хорошо, посмотрим. Разложи оружие передо мной на полу!

Донго подошел со свертком, обстоятельно развязал каждый узел, а потом одним ударом рассек шкуру. Окумба и члены его суда едва не отпрянули назад, так ослепил им глаза блеск металла. Вождь прикрыл веки, разглядывая кованные шедевры, лежащие перед ним. Он нерешительно взял в свои могучие руки тяжелый меч, взмахнул им в воздухе, пощупал пальцем острое лезвие, изучил узор дамасской стали, потом передал его своим людям и взял следующий. Так повторилось с каждым оружием. Когда все было осмотрено, он с расстановкой произнес:

— Прекрасная работа. Даже жаль зазубривать их о черепа испанцев. Мы многим обязаны Хафу. То, что мы ему дали, не идет ни в какое сравнение с ценностью этого оружия. Я немедленно пошлю к нему людей с товарами и продовольствием, которое ему требуется. Требуется в том случае, англичанин, если ты сказал правду и он жив.

Оба старика по сторонам от Окумбы наклонились и быстро-быстро что-то заговорили ему. Великан внимательно слушал. Когда они закончили, он обратился к Витусу:

— Мои судьи, англичанин, уже теряют терпение. Мы осмотрели клинки мастера Хафисиса и, кроме того, что они, как всегда, искусно выполнены, не обнаружили ничего необычного. Так каким образом ты хочешь доказать свою невиновность?

— Я попрошу вас прочесть надписи на клинках.

— Я не умею читать. Но Мойса умеет. Мойса, пойди сюда и скажи нам, что выбито на клинках.

Грамотный чернокожий незамедлительно послушался. Он один за другим перебрал все клинки, внимательно разбирая надписи, и сказал:

— На всех написано одно и то же: *Haffissis me fecit*, что значит «Хафисис меня сделал», а дальше год изготовления.

— И как это доказывает твою невиновность, англичанин?

— А разве на одной из шпаг не стоит... — Его мысль лихо-рабочно работала и не напрасно. Он перевел взгляд с клинков на Донго, который с отсутствующим видом смотрел в пустоту. — Прости, вождь Окумба, но случился недосмотр. Здесь восемь клинков, а их было девять — тех, что твои люди отобрали у нас в лесу. Подозреваю, что девятый Донго намеренно куда-то спрятал.

Окумба нахмурил брови:

— Донго, это так?

Донго был в явном замешательстве.

Дальше события развивались с неимоверной быстротой. Одним гибким рывком Окумба был уже на ногах и, словно игрушку, держал Донго высоко над землей.

— Немедленно принеси девятый клинок. — В голосе вождя не было и тени напряжения, хотя Донго был молодцом не из хилых.

Энано шепнул:

— Уй-уй, а чернявый-то с передок пушки, как наш ястреб в рясе Амброзиус, Господь приberi его!

— Тс-с-с! — сквозь зубы прошипел Витус.

Но и Магистр удержался, чтобы не высказаться:

— Наш Коротышка прав, с Окумбой лучше дела не иметь. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь!

Окумба между тем уже снова присел на полу подле своих судей и ждал возвращения Донго. Когда тот пару минут спустя вновь появился на пороге, вождь без лишних слов просто протянул руку. Донго чуть не бегом бросился, чтобы вложить в нее шпагу.

И пока Окумба рассматривал предмет, Витус невольно воскликнул:

— Слава Тебе, Господи! Это та шпага, что подарил мне Хаф. Теперь мы спасены.

Окумба не удостоил Витуса внимания, а поманил Мойсу:

— Прочти, что здесь написано. Здесь больше букв, чем на других, что они значат?

Мойса поднес клинок к свету и прочитал с некоторой заминкой:

— *For my good friend Vitus.*

— «Моему дорогому другу Витусу», — задумчиво кивнул Окумба. — Это на английском. А дальше? Что там дальше?

— Обычная латынь: *Hafissis me fecit anno Domini 1578.*

У Витуса камень с души свалился:

— Так что видите, вождь, эта шпага — подарок мне. Думаете, он стал бы ковать оружие врагу?

Чернокожий исполнил поджал губы. Потом повернулся к своим судьям. Он говорил, а они слушали. Потом живо жестикулировали. Вращали зрачками. Закатывали глаза. Пожимали плечами. И наконец закивали. Окумба откашлялся:

— Считаю, что тебе повезло, англичанин. Решили, что ты сказал правду. Вы не мародеры-доны. — Он жестом велел Донго упаковать оружие. — Знай, что симарроны ненавидят испанцев больше, чем чуму. Хотя мы владеем их языком. Это язык, который объединяет всех наших братьев. И именно поэтому я выучил его противные звуки в последние несколько месяцев. Мы охотимся на испанцев, а они охотятся на нас. Они убивают нас, а мы убиваем их, где только можем захватить. Потому что они похищают и привозят сюда наших черных братьев и сестер, лишают их свободы, достоинства и жизни. Они ставят под плеть мужчин и насилюют женщин. Но вы не из их числа, поэтому узнаете симарронов с другой стороны.

Вождь симарронов положил девятый клинок к ногам Витуса:

— Можешь забрать свою шпагу обратно и носить во все время пребывания здесь, как и твои друзья. Оружие при себе — знак свободного человека!

— Спасибо, вождь Окумба! — Витус поклонился. — Но есть еще кое-что. У меня был также мушкет, который отобрал Донго.

— Он вернет его тебе! — Яростный взгляд уперся в холодные глаза Донго. — А сейчас извини, меня ждут дела. Мойса, развяжи Витуса и его друзей и размести их достойно.

Когда друзья покидали большой дом, позади себя они услышали хрипловатый голос Окумбы:

— Донго, останься!

Около полудня на следующий день маленький ученый ворчал:

— Усердие нашего друга Мойсы достойно всяческих похвал, но вам не кажется, что он несколько перегибает палку?

С самого ранья он таскает нас по деревне и окрестностям. Показал каждый клочок кукурузного поля, открыл все кладовые, рассказал, какую функцию выполняет частокол, заставил испить воды из колодцев, познакомил с бесчисленным количеством семейств — были там, конечно и симпатичные девушки, даже местоположение выгребных ям не оставил в тайне. Шагу не дает нам ступить самостоятельно. Английская гувернантка — ничто по сравнению с ним!

— Уи-уи, пристал, как репей к собачьему хвосту.

Витус посмотрел на Мойсу, который в двух шагах от них разговаривал с другим чернокожим.

— Любезный друг Мойса явно получил указание не спускать с нас глаз. Хоть Окумба и доверяет нам, но хочет быть в курсе всего, что мы делаем. Если ты не в состоянии дальше двигаться, скажи, сорняк!

Магистр возмущенно прищурился:

— Чтоб я так быстро сдался! Только вот солнце так нежно жарит, как будто хочет сжечь всех белых на этой земле.

— Ну и хорошо, что можешь.

— Кошка всегда падает на ноги. Вроде так гласит ваша английская пословица? Разве что мой желудок уже давно заявляет о себе. Надеюсь, что гостеприимство симарронов простирается так далеко, чтобы угостить нас парой кукурузных лепешек.

— Я тоже проголодался, — сообщил Хьюитт.

Мойса закончил разговор и вернулся к друзьям:

— Это был Канго. Я хотел вас с ним познакомить, но он попросил не делать этого.

— Да что ты? Его так напугал наш вид? Он решил, что мы его покусаем? — съязвил маленький ученый.

Мойса засмеялся:

— Нет, что ты! Просто сегодня вечером Канго будет проходить испытание на звание воина. И только это у него сейчас в голове. Но пойдёмте в дом Окумбы, обед, думаю, уже готов. Или вы хотите пройти дальше по деревне?

— Ради Бога! — в сердцах возопил маленький ученый.

Мойса понимающе кивнул:

— Да, христианский Бог любит, чтобы ему молились в обед перед вкушением пищи.

В доме Окумбы они имели счастье лицезреть вождя в окружении избранных воинов, которые сидели на полу со скрещенными ногами. Перед ними на банановых листьях были разложены всевозможные кушанья, которые выглядели малопривлекательно. Единственное, что друзья смогли распознать, — желтые кукурузные лепешки.

Окумба сделал приглашающий жест:

— Присаживайтесь к нам и угощайтесь. Обычно мы не принимаем пищу в это время, но сегодня особый день. Вечером состоится испытание на мужество наших подросших юношей.

Друзья неуверенно сели.

— Мы уже слышали об этом. А что это за испытание?

— Потерпите. Пусть для вас это будет сюрпризом. Я решил, что вы можете на нем присутствовать.

Вождь протянул Витусу кусочек мяса с палец длиной и такой же толщины. Его волнистая поверхность была зажарена до румяной корочки. Витус спросил, поднося мясо ко рту:

— А что это такое? Пахнет восхитительно.

— Личинка. В этих местах они пожирают стволы и корни деревьев. В сыром виде они белесые и очень жирные. Их трудно собирать, как говорят наши женщины, но оно того стоит. Жаренные они превосходны на вкус.

Витус едва не выронил сомнительный деликатес. Магистр выкрутился из неловкой ситуации:

— Прости, вождь Окумба, но христианский Бог запрещает начинать трапезу с мяса.

Он разломил и подал Витусу и остальным кукурузную лепешку, жадно откусил сам, а потом впился зубами в личинку. Коротышка последовал его примеру.

— Уй-уй, господин начальник черного воинства, а червячок на язычок кучеряво!

— Ваш Бог — плохой бог, — с тонкой улыбкой сказал Окумба. — И не только потому, что требует бессмысленных вещей вроде запрета начинать еду с мяса. Он еще и очень забывчив, как мне кажется. Сегодня он говорит, что все люди равны, завтра поощряет белых поработать черных, а послезавтра снова возвещает, что все равны. Словно ничего не произошло. Я бы на вашем месте нашел себе других богов. наших например. По крайней мере, мы знаем, чего они от нас хотят.

— Извини, — Магистр поспешно проглотил свой кусок, — но наш Бог и вправду хочет, чтобы все люди были равны. Однако многие из тех, кто клянутся Его именем, не хотят этого. Они толкуют волю Господню на свой лад и обращают ее к собственной выгоде.

— Понятно. Такие есть и на моей родине, которую вы называете Африкой. Мы зовем их заклинателями духов и колдунами. Это они говорят нам, чего хотят наши боги.

— Вот видишь, вождь Окумба!

— Но, во всяком случае, они не заставляют нас превращать в рабов полмира.

— Ну... это, бесспорно, так.

— И не указывают нам с чего начинать трапезу. — Исполни теперь откровенно ухмыльнулся. — Правда, мы всего лишь черные.

— Вождь Окумба, мы с Витусом хорошо знаем людские слабости. Могу вас заверить, слабости тех, кто думает, что они выражают волю Господню. И знаем не понаслышке, испытали это на собственной шкуре в застенках инквизиции, где, конечно, не было таких деликатесов, как здесь. — Магистр украдкой пихнул Витуса. — Правда, Витус?

— О да! — Витус собрался с духом и сунул в рот личинку. Вопреки его ожиданиям она оказалась приятной на вкус, пикантной, с ореховым привкусом. — Э-э... таких изысканных личинок нам не подавали.

— Рад, что тебе понравилось, — расслабился Окумба. — А теперь попробуй этих поджаренных муравьев!

Только с наступлением темноты Окумба и его воины закончили пиршество. Его кошачья гибкость приобрела некую томность и лень, поскольку живот был набит до отвала. А все потому, что ему страшно хотелось доставить удовольствие Витусу и его друзьям. Ну и те, конечно, не отставали в выражении благодарности.

— Погодите-ка, — то и дело взывал вождь. — Попробуйте еще вот это. Ты так замечательно рассказываешь мне о своих медицинских познаниях, а я расскажу тебе о той земле, где все люди имеют черную кожу.

Две пожилые женщины, которые ведали кухней Окумбы, подносили все новые и новые кушанья. Среди них было мало привычного. Жареные кузнечики, запеченный в глине броненосец, вареные языки попугаев ара и ко всему — множество кукурузных лепешек. Под конец даже Магистр до того насытился, что попросил глоток *aqua vitae** или чего-то в этом роде, чтобы, так сказать, стимулировать пищеварительные соки. Но, как оказалось, в доме Окумбы не было и намека на алкоголь, так что пришлось маленькому ученому обходиться силами своего организма.

Выходя на площадь, Окумба торжественно произнес:

— Я оказываю вам честь сопровождать меня на особое событие. Это ритуал, который совершается два раза в год. Испытания действительно опасные и важные для моих воинов. Постарайтесь громко не восклицать, что бы вы ни увидели.

— А в чем они, собственно, заключаются? — спросил Витус, потягиваясь и на ходу разминая затекшие члены. Все-таки он не привык часами сидеть на полу и вкушать обильную пищу.

— Это обычай, который я, урожденный корамантьер, не могу расписать тебе во всех подробностях. У нас ему не придава-

* Дословно: вода жизни (лат.). На средневековом студенческом жаргоне — выпивка. — Прим. ред.

ли большого значения, но я не могу лишить остальных права исполнять их обряды. Если хочешь узнать об этом культе побольше, расспроси воинов племени фен из Западной Африки. Они живут в нашей деревне среди представителей многих прочих племен. Ты, наверное, уже заметил, что все мы резко различаемся внешностью, хотя схожи цветом кожи. Наша деревня служит убежищем для всех беглых рабов в Карибике.

Между тем Окумба вывел друзей за пределы поселения и остановился в густом подлеске за несколько сотен шагов от него. Отсюда он указал на очищенную от растительности площадку, освещенную факелами, установленными по ее углам.

— Оставайтесь здесь, — сказал Окумба, понизив голос, — и следите за тем, чтобы участники вас не видели. Посторонние, а также женщины и дети под угрозой наказания обычно не допускаются на посвящение. Считается, что это приносит несчастье.

Пока вождь предупреждал своих гостей, на площадку вышли несколько чернокожих, одетых только в набедренные повязки и вооруженных короткими копьями. Среди них Витус узнал Канго — юношу, которого они видели днем. Все испытуемые уселись в круг и затянули протяжную унылую мелодию, раскачиваясь в такт ей вперед-назад. Справа и слева от площадки из тьмы выступили другие участники действия. Они были раскрашены земляными красками и держали большие барабаны. Будто повинувшись какому-то тайному знаку, они внезапно выстроились в две шеренги и начали бить ладонями в барабаны. Тяжелый монотонный ритм, который они отбивали, тут же был подхвачен сидящими в круте и звучал негромким, то набирающим высоту, то опускающимся жужжанием. Неожиданно возник еще один участник ритуала, резко выделявшийся на фоне остальных своим внешним видом. На нем была ужасающая маска из птичьих перьев и длинное, до земли, ворсистое одеяние из разноцветных полос. На поясе висели многочисленные колокольчики, которые при каждом шаге позванивали. В руках он держал большую деревянную миску. Он поставил ее в центр круга и начал раздавать из нее юношам что-то трудноразличимое, которое каждый участник, закрыв глаза, благоговейно клал на язык.

— Что он дает им? — шепотом спросил Витус.

Вождь отвечал тоже еле слышно:

— Хунган, по-вашему жрец, раздает им нанакатл. Это маленькие черные грибы, настоянные на меду. Мои симарроны переняли этот обычай у индейцев. Зачем, я не знаю это было за долго до того, как я пришел сюда. По крайней мере, они говорят, что с их помощью ублажают Эве Вуду, великого духа-защитника.

— Грибами?

— Нанакатл не простые грибы, они содержат наркотическое вещество. Скоро ты увидишь его воздействие.

Между тем барабанный гул нарастал, а с ним становилось громче и монотонное пение испытуемых, тела которых раскачивались все энергичнее в такт музыке.

Магистр посетовал:

— Будь проклят этот пират Челюсть! Из-за него я стою здесь, как слепая курица. Если бы у меня были мои бериллы! А так я вижу всего лишь цветные пятна.

— Уи, а я вообще нищѐ, кроме зеленой паутины с колющками! — успокоил его Энано.

Хьюитт как обычно промолчал.

И снова хунган раздал сидящим юношам нанакатл из своей миски. Глухой рокот барабанов усилился. В кругу неожиданно объявился петух, который вышагивал, склонив голову набок. Откуда он взялся, никто из зрителей не мог бы сказать. Одним движением ближайший к нему испытуемый схватил его за голову и за хвост, издал пронзительный клич и впился в горло птицы зубами. Этим испытуемым оказался Канго. Петух отчаянно бил крыльями, но освободиться от мертвой хватки будущего воина ему было не под силу. Глубже и глубже вгрызались острые зубы в трепещущую плоть. И далеко не сразу несчастная жертва прекратила сопротивление. Наконец тело птицы в последний раз трепыхнулось, голова дернулась, а когтистые лапы сжались — все было кончено.

Хунган свернул петуху шею и поднял трофей высоко над головой. Потом прошелся по кругу и окропил каждого из юношей хлещущей кровью, используя голову как кропило. С обгаренными кровью лицами испытуемые повскакивали на ноги, из их глоток полетел вопль, который уже не был ни человеческим, ни звериным. Потрясая копьями, они начали дикий танец, который становился все более неистовым. От топота их ног дрожала земля.

Хунган включился в ритуальную пляску, высоко подпрыгивая, бросаясь под копыта и уворачиваясь от них. Он скакал как безумный, дразня и распаляя охотников, а под конец очертил вокруг себя чуть не замкнутую линию из нескольких рядов маленьких косточек, должно быть, куриных или кроличьих. И, несмотря на экстаз, в котором пребывали теперь будущие воины, ни один не переступил эту черту, даже не коснулся ее пальцем или пяткой.

В какой-то кульминационный момент танца хунган скоком бросился к дальнему краю площадки, где кем-то невидимым уже были зажжены новые факелы. Они бросали красновато-желтые отблески на густой кустарник высотой в человеческий рост, который вдруг, как по мановению волшебной палочки, расступился и открыл взорам соломенную куклу. Она была точ-

ной копией испанского пехотинца, даже на голове блестел настоящий стальной шлем с высоким гребнем. Хунган остановился перед ней и опрыскал кровью из туловища мертвой птицы. С широко раскинутыми воздетыми руками он прокричал в ночное небо диковинные слова: *Awan aran daia waran daria sere!*

Витус повернулся к вождю:

— Что значит этот возглас?

— Держи глаза открытыми, чтобы узнавать врага, и молчи! — перевел Окумба.

Одним рывком кольцо юношей разомкнулось. Теперь они выстроились в шеренгу, держа копья на правом плече и зрительно измеряя расстояние. Их тела были напряжены. И вдруг разом, словно сговорившись, все выпустили копья в чучело испанского солдата. Ни одно копье не пролетело мимо. Полдюжины пик торчало в груди соломенной куклы, которая от тяжести металла завалилась набок и рухнула в кустарник.

Из метавших тоже как будто выпустили дух, один за другим они попадали на землю, их груди тяжело вздымались. И снова появился хунган. Теперь в его руках была миска с каким-то питьем. Он обнес ею всех будущих воинов.

— Что он дает им на этот раз? — шепотом спросил Витус.

— Противоядие. Оно быстро снимет действие нанакатла. Останется только тяжесть в голове и вялость движений, вроде вашего похмелья после слишком большой дозы алкоголя.

— А с этим разве нельзя справиться каким-нибудь вашим средством? — любопытствовал Магистр.

Окумба улыбнулся:

— Такое состояние вместе со слабостью тела после сильного напряжения должно создать дополнительные трудности во время испытаний. Теперь можете подойти ближе. — Он, раздвигая ветви подлеска, зашагал к площадке. — Я уже говорил вам, что не слишком большой приверженец этого культа, но я избран моим народом и должен делать то, что от меня требуется. Сейчас я как вождь открою следующие за ритуальной частью испытания.

Друзья последовали за ним. В ярком свете множества факелов они увидели, что юноши и впрямь находились в помраченном, почти бессознательном состоянии.

— А куда делся хунган? — поинтересовался Витус.

— Жрец погребает петушину голову в священной земле, на месте, которого никто, кроме него, не знает. Это жертва великому духу Эве Вуду, чтобы он охранял наших юношей во время того, что сейчас начнется.

— А чучело тоже жертва? — с любопытством спросил Магистр.

Окумба покачал головой:

— Нет, это поверженный враг. По верованиям приверженцев Эве Вуду, убить куклу — то же самое, что живого испанца

из плоти и крови. Или всех испанцев. Эта символическая смерть претворяется в реальность.

Маленький ученый вздрогнул:

— Упаси Боже! Надеюсь, этого не случится, я как-никак тоже испанец.

Вождь улыбнулся:

— Думаю, тебе нечего опасаться за свою жизнь, Магистр. Вряд ли растерзание соломенной куклы принесет смерть испанцам. Я сильно сомневаюсь, что от этого умрет хотя бы один-единственный дон. Но мне приходится держать свои мысли при себе или высказывать их перед чужаками вроде вас. Иначе может ослабнуть боевой дух моего народа. А драться он умеет, как сам дьявол, которого вы, христиане, так боитесь. — Улыбка исчезла с лица великана. — Отвага и мужество для нас — вопрос жизни и смерти. В открытом бою нам испанцев не победить: у нас нет ни лошадей, ни оружия. Мы сражаемся с ними, нападая внезапно на небольшие отряды или отбившихся солдат, большей частью в той местности, которую хорошо знаем только мы. Быстро и безжалостно наносим удар и снова исчезаем. Сюда, в наше потаенное место среди джунглей. Сюда доны не заглядывают. Не осмеливаются без конницы. И все-таки врага не стоит недооценивать.

Окумба обвел взором юношей, постепенно приходящих в себя, и продолжил:

— Среди испанцев тоже есть люди беспримерного мужества, но куда им до симарронов! Ведь наши воины сражаются за свободу, а доны всего лишь за золото.

Витус внимательно посмотрел на Окумбу:

— Симарроны должны гордиться, что во главе их стоит такой вождь, как ты.

— Спасибо. Но и ты, Витус, предводитель не из последних, у меня на это глаз наметан. Ты определенно понимаешь, как важно держаться вместе. У нас, симарронов, каждый воин еще и отец семейства, а то и не одного. Многие из моих людей имеют по две-три жены и больше дюжины детей. Поверь мне, они знают, за что борются: за семью и за свободу. И Эве Вуду для них из тех жизненных ценностей, которые сплавляют людей и поднимают дух.

Энано, наслушавшись высоких речей, подал голос:

— Уй, скажи-ка, начальник черного воинства Окумба, а тот с фокусами-покусами тоже словил пилу?

Окумба недоуменно сдвинул брови.

— Ну, абракадабра-говоритель, у него есть жернов на шее, кербер на страже, тупая ножовка?

— Коротышка спрашивает, есть ли у хунгана жена, — усмехнувшись, пояснил Магистр.

— Ах, жена! Есть. Есть даже дети. А когда он не в роли жреца, то такой же воин, как и все мы.

— Вот это да! — присвистнул Магистр. — А мы его видели?

— И даже хорошо знаете, — усмехнулся Окумба. — Это Донго. Он пришел к нам несколько лет назад, как рассказывал мне Ктико. И нашел здесь убежище, как и все, кому удается спастись бегством от своих хозяев. Поначалу он никак не мог понять, кто такие симарроны. Да и трудно это объяснить. Мы не племя, не нация, у нас нет своей земли, по крайней мере, законно признанной. Нет ни короля, ни армии, ни крестьян, ни ремесленников. Есть только боевой дух и воля к жизни. Скорее нас можно назвать тайным сообществом или общиной с выборным главой и его советом.

— Но ведь это, наверное, не единственное поселение симарронов в этих краях? — спросил Витус. — А сколько вас вообще?

— Точно не знаю. А если бы и знал, не сказал. И не потому, что не доверяю вам, нет. Просто я слышал, как испанцы умеют вырывать из любого нужные им сведения.

— Кому ты это рассказываешь! — воскликнул Магистр.

— Вот поэтому и отвечу вам так, как говорят сами доны. Они считают, что в горах Эспаньола живут свыше семи тысяч симарронов, около трех тысяч здесь, в джунглях Панамы, и около тысячи на Кубе.

Маленький ученый присвистнул:

— Ничего себе! Кругленькое количество! И симарроны везде живут семьями?

— Думаю, да.

— А ты, если позволишь спросить? У тебя есть семья?

— Нет, — лицо великана омрачилось. — У меня была жена. Там, за морем, в большой прекрасной стране. Не знаю, что с ней теперь случилось. Охотники за рабами напали на нас, когда мы с сестрой шли в соседнюю деревню. Мы не смогли защититься от них. Нас связали и притащили на один из их «негритосников», как они называют невольничьи корабли. Это было ужасно!

— Я так тебе сочувствую! — Маленький ученый порывисто сжал руку великана. — А где сейчас твоя сестра?

— Не будем об этом. — Окумба отдернул руку. — Может быть... когда-нибудь... в другой раз. — Он заглянул в глаза пришедших в себя юношей — к ним вернулись силы. — Думаю, можно начинать. Идемте к месту испытаний.

Витус заметил, как десятки воинов выросли, словно тролли, из тьмы джунглей и присоединились к ним. Очевидно, они тоже наблюдали ритуал Эве Вуду, а теперь не хотели пропустить следующего зрелища.

Так же внезапно из густых джунглей выросла перед ними поляна не более восьми шагов в диаметре. По периметру она была обнесена ограждением из могучих бревен и ярко освещена: через каждые два шага горели факелы.

— Это будет происходить здесь, — Окумба остановился у ограждения, остальные воины рассыпались по кругу. Он повернулся к юношам. — Вы готовы?

— Да, — в один голос последовал решительный ответ.

— Хорошо. Вас шестеро. Испытаний два. Вы уже договорились, кто с кем идет?

— Да, Окумба.

— Вы договорились, кто начинает?

— Да, Окумба, — сказал Канго. — Мы начнем, если ты согласен.

— Согласен. — Голос вождя звучал отстраненно. Он определенно не хотел подбодрить испытуемых ни словом, ни жестом. — Берите копья и вступайте в круг.

Канго и двое его товарищей перелезли через ограждение на арену борьбы. Они встали по центру и воткнули копья в землю.

— Хорошо. — Окумба выпрямился во весь свой исполинский рост. В свете факелов было в его облике что-то таинственное. — Симарроны! — начал он...

Симарроны!

Мы принесли жертву великому духу Эве Вугу, чтобы он был к нам милостив и послал удачу в борьбе с испанцами. Да будут они прокляты!

Но принесли жертву Эве Вугу не только ради этого. Мы также просим его даровать нашим юным собратьям твердую руку в битве за звание воина.

Твердая рука да принесет им победу!

У нас два отряда. В каждом по три человека. Оба отряда сразятся с диким зверем. С каким, они пока не знают.

Зверь должен быть убит. Только когда это произойдет, мы назовем их воинами.

А теперь, симарроны, еще раз обратите ваши молитвы Эве Вугу и другим богам, в которых верите...

За наших будущих воинов!

Окумба замолчал и склонил голову. Мысленно, как и его люди, он возносил молитву какому-то своему богу. Внезапно он вскинул голову, резко выбросил вверх руки и крикнул:

— Испытание начинается!

Рокот прошелся по рядам прильнувших к защитному барьеру воинов. В пляшущем свете факелов их многочисленные черные тела слились в единый блестящий монолит. Рокот усиливался. Послышались подбадривающие возгласы. В воздухе повисло напряженное ожидание. Трое в центре арены по-прежнему стояли неподвижно. И только когда со стороны, противоположной Окумбе и его гостям, отодвинулась часть ограждения и в круг втокнули плоскую клетку двадцати футов

в длину, к будущим воинам вернулась жизнь. Один из испытанных, еще совсем мальчишка, как вихрь, взметнулся на крышу клетки, проворно пролетел по ней на другой конец, выдернул запиравшую ее дверцу наверх и так же легко отскочил. Все еще стоя на крыше, он подхватил протянутое ему из-за барьера копьё, с размаху просунул его через прутья клетки. Ткнув в живую массу внизу, он выдернул копьё, еще раз размахнулся и изо всех сил вонзил оружие в чью-то плоть.

Что-то страшно зашипело, клетка, казалось, отрастила ноги, развернулась, и из нее стремительным броском вырвался крокодил.

Зрители взревели. Трое с копьями отскочили почти к барьеру: бронированная рептилия была велика, ужасающе велика. Добрых пятнадцать футов в длину, с ороговевшей чешуей, покрывающей тело, она заняла чуть не все поле битвы. Невидимые руки вытащили клетку с арены, и барьер сомкнулся.

Повисла тишина, которую не нарушало ни звука. Гигантская рептилия застыла неподвижно, словно каменная глыба. В высоко посаженных глазах не было и проблеска жизни. Юноши напряглись, приготовив копьё для удара. Из-за ограждения перебросили сеть, которая приземлилась между ними и ящером. Кто-то крикнул:

— Достаньте ее!

Не спуская глаз с крокодила, юноши сгрудились, как видно, для совета, как им, по возможности обезопасив себя, достать сеть.

В тишине раздался визгливый голос Коротышки:

— Уй, опять я все профукаю!

Его досада была понятна: он был единственный, кто не мог из-за барьера видеть происходящее. Не говоря ни слова, Витус поднял его и посадил себе на плечи.

— Уи-уи, грамерси! Кущеряво, кущеряво! Все зырю... — начал Энано и осекся, увидев перед собой этакое чудище.

Между тем Канго с товарищами пришли к какому-то решению. Один из них, тот самый, маленький и ловкий, дюйм за дюймом начал продвигаться вперед, внимательно следя за бесстий. Копьё свое он при этом держал обеими руками за древко, как рукоять двуручного меча. Таким образом перед ним была вся длина оружия, которой, как он надеялся, хватит, если бронированное чудовище пойдет в атаку.

Железным наконечником он подцепил сеть... и снова выронил ее. Толпа зашикала. Какой-то шутник подначил:

— Да эта ящерка безобидна! Моя теща куда опаснее!

Сдержанный смех.

Парень заново поддел сеть, но наконечник слегка воткнулся в землю, и, когда пришлось посильнее дернуть, сеть опять соскользнула. Он начал было сызнова и... внезапно оказался в гу-

стом облаке пыли. Зверюга ударила непредвиденно, коварно и стремительнее, чем хамелеон раскручивает свой язык. В сизом облаке раздался жуткий щелкающий звук, и по спинам зрителей пробежала дрожь. Когда пыль осела, в центре площадки лежала сеть, а в ней расщепленное, расколотое в крошку копьё. Ящера удалось разглядеть не сразу. Он объявился у противоположной стороны барьера, стоя на всех четырех лапах с раскрытой треугольной пастью. Трое будущих воинов не пострадали. Они были в той же боевой готовности, что и прежде, разве только лишились одного копьё.

Рептилия как ни в чем не бывало улеглась на живот и захлопнула пасть. Смертоносные зубы скрылись, лишь два острых нижних клыка торчали по бокам.

Канго помаленьку двинулся к центру арены. Теперь это было более или менее безопасно, потому что расстояние между ним и рептилией увеличилось. Он наклонился, поднял сеть и проворно отскочил назад. Очистив сеть от обломков и расправив, юноша стал забрасывать ее, как рыбак.

— Зачем Канго это делает? — потихоньку спросил Витус.

Окумба, голова которого находилась на одном уровне с Коротышкой, склонился и шепнул:

— Он старается накинуть сеть на спину крокодилу, в надежде, что она зацепится за чешую. Если это удастся, он попробует перевернуть зверя, чтобы товарищи вонзили копьё прямо в сердце. Крокодила можно убить только со стороны живота. Его панцирь такой прочный, что самое лучшее оружие против него бессильно. Не исключая и пули, выпущенной из мушкета. Я это сам испытал.

— Уй! А ты уже накалывал ящерку на вертел? — просвистел Эзано.

— Приходилось, — улыбнулся Окумба. — И должен тебе сказать, мясо у него съедобное. Испанцы говорят, что по вкусу оно сходно с кониной. Но давайте не будем отвлекаться. Посмотрим, выдержат ли молодые испытание.

Сеть, которую Канго бросал снова и снова, наконец-то зацепилась за твердую чешую на спине рептилии. Парень потянул ее к себе. Сначала непрерывным усилием, потом рывками — влево, вправо, но ящер словно врос в землю. Он не пошевелился и не сдвинулся ни на дюйм.

Товарищи Канго отложили копьё и пришли ему на помощь. С утроенной силой они принялись тянуть. Дело пошло. Пару раз тушу удалось слегка приподнять. Но переворачиваться крокодил не желал, он лишь проволакивался по земле, оставляя глубокую борозду. А потом вдруг пошел в атаку.

Молниеносно он рванулся вперед с широко раскрытой пастью, клацнул зубами и... схватил пустоту. В последнее мгновение Канго и его товарищам удалось отскочить. Снова рептилия

застыла, как гигантская скала, будто никогда и не двигалась. С той лишь разницей, что его пасть находилась теперь в футе от ноги Мбаки, самого младшего и увертливого из юношей. Мбака, упавший во время прыжка, лежал на земле. Что теперь будет? Застыло все. Только ночные голоса джунглей нарушали тишину. Дюйм за дюймом, ни на секунду не выпуская чудище из виду, Мбака осторожно приподнялся на руках. Когда он уже почти встал на четвереньки и собирался отпрыгнуть, произошло ужасное. Он запутался ногой в сети и упал. Упал в столб пыли, в котором круговертью мелькали острые белые зубы и ошеренная зеленая чешуя, — крокодил снова атаковал!

И на этот раз он схватил свою жертву. Послышались хруст и клцанье, истошный крик... А когда пыль улеглась, зрители с ужасом увидели, что Мбака лишился правой руки. Она, словно мачта, торчала из разверстой пасти бестии, которая опять лежала у ограждения, неподвижная и вытянувшаяся, как бревно. Мбака беспрестанно кричал и катался по земле от боли. Лужа крови под ним быстро превращалась в поток, который хлынул под ноги Канго, отчего тот словно очнулся. На его лице явственно читалась работа мысли: что делать? Броситься на помощь Мбаке или взяться за рептилию, чтобы остановить дальнейшие беды. Вот решение пришло. Он схватил сеть и набросил ее на спину ящера. И будто по сигналу из-за ограждения полетела вторая сеть, накрывшая зверя, за ней третья. Исключительное право охоты было нарушено. Множество ситарронов, вооруженных мечами и копьями, хлынули через барьер на помощь Канго и его товарищам. В бутристые глаза полетели стрелы, горящие факелы вырывались и неслись в сторону рептилии. Ее мощный хвост начал бить по земле, она искала пути к отступлению, но сети прочно держали. Все орали и вопили от возбуждения и страха, люди дергали сеть до тех пор, пока бестия не оказалась спиной на земле, беспомощной перед смертоносным оружием, с рукой Мбаки, до сих пор торчащей меж острых зубов. Как безумные, люди облепили зверя. Они кололи, рубили, резали не защищенную роговой броней плоть, пока не расчленили ее на мелкие кусочки.

Мбака уже не кричал. Милосердный обморок лишил его сознания и боли. Витус склонился над ним и обследовал рану. Она выглядела ужасающе. Рука была вырвана вместе с плечевым суставом. Кровь по-прежнему хлестала из нее. Если Мбака и выживет, то только в том случае, если немедленно наложить жгут. Но как его наложить на руку, которой нет? Витус рывком сорвал с себя рубашку и, скомкав, затолкал ее в открытую рану, при этом лихорадочно соображая, что делать дальше. При таком ранении прижигание не поможет, хотя бы потому, что не найти раскаленного железа такой величины. Да и достаточной силы огня поблизости нет. Есть ли хоть малейший шанс?

Рубашка Витуса мгновенно намокла от крови, он вынул ее из раны, отжал и засунул другим концом. И тут ему пришло в голову, что нужный огонь есть. Великолепный, сыплющий искрами, большой очаг. Он видел его у тех двух женщин, что готовили для Окумбы. Там висел большой котел с докрасна раскаленным дном — должно быть, женщины в пылу усердия забыли налить в него воду...

— Эй, Магистр, Энано! Быстро дуйте в деревню к двум бабулям, что варят для Окумбы. Они должны разжечь очаг, как никогда еще. Мне нужен жар, чтоб раскалить добела, добела!

— Думаешь прижечь, да? — сообразил маленький ученый. — И каким же каленым железом?

— Днищем большого котла.

Магистр от удивления раскрыл рот, но тут же захлопнул его и восхищенно заверил:

— Одна нога здесь, другая там!

— Уи-уи, сбациаем все, как надо!

— Поторопитесь!

Окумба, который до сих пор был занят тем, чтобы привести в чувство своих неиствующих симарронов, обратил к Витусу удивленный взор.

— Мне надо что-то вроде носилок, чтобы перенести Мбаку в деревню. И срочно!

Вождь отреагировал мгновенно:

— Нет, носилки тут не годятся. Их должны нести четверо, по двое в ряд, а тропы в джунглях узкие. Я возьму Мбаку на спину.

Не теряя времени, он закинул безжизненное тело за плечи, что было довольно трудно, потому что безвольно висящие конечности юноши то и дело соскальзывали.

— И что ты намерен делать? — спросил исполин, простерев руку назад, чтобы поддержать свисающую голову Мбаки.

Витус объяснил ему, ни на секунду не замедляя шаг по труднопроходимой тропе.

— Ты хороший врач, Витус, — с сомнением ответил Окумба, который, несмотря на свою тяжелую ношу, шел, словно налегке. — Но думаю, Мбаке сейчас могут помочь только духи. Никогда я еще не видел, чтобы такие раны лечились.

Витус закусил губу. Он старался не отставать от великана.

— Дорога каждая минута! — тяжело выдохнул он. — Потому что с каждой каплей крови из него истекает жизнь. — Он сменил свою насквозь пропитанную кровью рубашку на набедренную повязку, отданную ему Канго. Кровь сочилась по-прежнему.

— Пришли! — неожиданно остановился вождь. — Видишь, впереди. Деревня так ярко освещена, будто сам великий дух Эве Вуду почтил ее своим присутствием.

Чуть погода они уже находились у дома Окумбы, где все было подготовлено. Огонь в очаге трещал, котел был раскален едва ли не до бела. Магистр держал его в руках. Витус мгновенно подскочил к нему, крикнув на ходу:

— Окумба, положи Мбаку снаружи на траву, положи на бок, раной вверх!

Он взял котел за цепь, на которой тот был подвешен и покачал его в руке. Когда он поднес его раскаленное дно к ране, получилось такое прижигание, какого он еще в жизни не видел: зашипело, зачало, запахло паленым, но... кровотечение остановилось.

Может быть, ожог тоже приведет к смерти, потому что обрабатывать его ему нечем. У него нет ничего, кроме пары луковиц, которые можно наложить на ожоговую рану... С этой мыслью Витус снова вышел наружу, где Окумба сидел возле тяжело раненного. Мбака лежал в траве, как подстреленная дичь. На его лице было то самое выражение, которого Витус опасался. Это была печать смерти.

— Выпей, это поможет! — Окумба протянул Витусу чашу с красной жидкостью.

Друзья сидели в доме вождя. Со смерти Мбаки прошло больше часа.

— Я во всем виню себя. Снова и снова задаюсь вопросом, не было ли лучше оставить Мбаку там, на месте испытания, и попытаться остановить кровотечение.

— Конец был бы все тот же, поверь мне. Кровь хлестала из раны, как дождевая вода из сапога без подметки, — возразил исполин подчеркнуто безразлично. — Может, тебе это и в новинку, но испытания на звание воина, как правило, не обходятся без таких тяжелых увечий. И смерти. И пока что никому не приходило в голову упразднить их по этой причине. До сих пор считается честью пасть во время испытаний, а не умереть на испанской дыбе. Вскоре испытания будут проведены повторно. Смерть Мбаки ничего не меняет. Но его оплачет вся деревня, как того требует обычай. Потом он будет захоронен в священной земле своих богов, под погребальный обряд, исполненный хунганом. Возьми наконец напиток.

— То, что ты говоришь, звучит жестоко. — Витус нерешительно взял чашу.

— Только тот, кто жесток, может выжить. Пей!

Витус послушался.

— Да это же вино! Я думал, в твоём доме не держат алкоголя.

— Не держат. Но на всякий случай есть исключение.

— А сам ты не выпьешь?

— Я никогда не пью и никогда не принимаю наркотических средств. Они только ослабляют дух.

Витус передал чашу Магистру. Тот прикрыл глаза и вдохнул аромат перебродившего винограда, и только потом отхлебнул:

— Великолепное вино и к тому же, не побоюсь ошибиться, испанское. — Маленький ученый прежде насладился послевкусием и продолжил: — За помин души Мбаки! Даруй ему, Господи, Царствие небесное! — Он отер губы. — Знаешь, Окумба, с вином так же, как и со всяким наркотиком: в меру — в радость, сверх меры — в горесть. Вся беда в том, что большинство людей меры не знают. — Чаша перешла к Энано.

Витус все еще не мог отойти после смерти Мбаки.

— Надо было мне спросить Донго. Может быть, он знает какие-то травы джунглей, которые останавливают кровь.

— Донго там не было, — напомнил ему вождь. — Он погребал жертвенную голову. Нет, если кто-то и мог бы спасти Мбаку, то только духи. Эве Вуду, или Бонда, или Лоа...

— Или Господь всемогущий, — подхватил Витус. — По Его воле течет вся наша жизнь. Доживем ли до старости или умрем молодыми. Будем жить в счастии или в отчаянии. Встанут на нашем пути друзья или враги. Я вот, Окумба, и вообразить себе не мог, что встречу с таким удивительным человеком, как ты. По всему я бы должен был сейчас жить в роскошном Гринвейлском замке в доброй старой Англии...

— А я в доброй деревне на берегу прекрасной Прэ, — возразил ему исполин. — Наши духи, а может, и ваш христианский бог определили, что Мбака умрет. А мы с сестрой будем взяты в рабство.

Окумба поднял кувшин с водой и отпил из него большими глотками.

— Магистр, ты как-то спросил, что стало с моей сестрой. А я не захотел тебе ответить. А теперь расскажу. Охотники за рабами притащили нас с сестрой на берег, где погрузили — да-да, как груз, — на большое судно. Кроме нас там уже были около сотни человек: мужчины, женщины, дети. На верхней палубе соорудили загон, в который запихнули мужчин. Женщины и дети могли передвигаться свободно, конечно, под строгим надзором. Те из нас, кто думал, что вот сейчас начнется путь по морю, жестоко ошибался. Прошло еще немало недель, прежде чем число рабов достигло того количества, чтобы плавание оправдало себя. И все это время, которое тянулось для нас в столь ужасных, нечеловеческих условиях, плотники строили твиндек. Знаете, что такое твиндек? Нет? — Окумба отхлебнул еще глоток. — Вы и не можете знать. Это палуба, на которой, кроме детей, никто не может пройти на своих двоих. Но мы бы так и так не смогли бы, потому что были прикованы в лежачем положении цепями. Плечо к плечу, голова к голове, как селедки в бочке. Поначалу нас было около трех сотен мужчин, и вонь, которая исходила от нас, была настолько удушающей, что неко-

торые в ней и впрямь задохнулись. Другие дали себе счастье захлебнуться: те, кого перевозили на корабль в шлюпках, изловчились и сваливались в волны. Они не дышали под водой столько времени, что благодатная смерть настигала их. Лучше умереть, чем быть рабом!

— Страшно, на что способны люди, — пробормотал маленький ученый, поникнув головой. — Те, кто вас порабощает, слуги самого дьявола, иначе и не объяснишь. Дайте мне еще глоток вина!

— Перевозка рабов в Новый Свет длилась два месяца. За это время треть из нас умерла от невыносимых условий. Мы несколько раз поднимали бунт, но всякий раз он был жестоко подавлен. Самое же страшное во всем этом было то, что матросы тайком пробирались под палубу, чтобы насильовать наших женщин. Конечно, это было строго запрещено, но что с того? Однажды один из этих подонков попытался поиздеваться над моей сестрой. Я задушил его своей цепью, а труп отшвырнул в проход. Они так и не узнали, кто это сделал. Не убивать же весь живой товар!

В конце концов мы причалили в Гаване, портовом городе на Кубе, где нас купил Сансер, торговец невольниками. Он обходился с нами по-божески: давал еду и питье, но все для того, чтобы мы набрались сил. И вот пришел день, когда нас с сестрой продали одному неотесанному мужлану. Он был хозяином табачной плантации. И он сразу положил глаз на мою сестру. Я тут же смекнул, что не в качестве служанки или другой рабочей силы она ему нужна. Я должен был защитить нашу честь...

Остров, на который нас привезли, был, наверное, райским уголком для христиан. Но прием, который христиане оказали нам там, был не что иное, как их ад. Как только мы высадились на берег, нам сразу выжгли клейма хозяина: ТК. Томас Коллинкорт — так звали эту свинью. В тот же день он изнасиловал мою сестру. И я его за это убил. Я...

— Стой! — Вопль Витуса был похож на стон. Он вскочил и впился в исполина: — Как? Как звали того человека?

— Томас Коллинкорт? А что?

— Не может быть! А остров?

— Роанок-Айленд. Чего это ты так взбеленился?

— Роанок-Айленд! — Витуса трясло. — Ты был на Роанок-Айленде? Боже! Боже! — Витус опустил на пол, ноги его не держали. Он боялся задать последний, решающий вопрос, но усилием воли принудил себя. — Окумба, я сейчас спрошу тебя о том, что мне дороже жизни. Ты не встречал на острове молодую женщину по имени Арлетта?

— Арлетта? А как же! — Исполин казался нисколько не смущенным. — Белая женщина. Родственница этой свиньи Томаса

Коллинкорта. Но в противоположность ему она хороший человек. Да, такой она была.

Окумба закатил глаза, а потом уставился на Витуса, потрясенный открытием:

— И ты ее знаешь! Ведь ты ее...

Витус не узнал свой собственный голос:

— Да, я ее знаю... И я ее... люблю. Знаешь, что с ней стало? Где она? Все еще на Роаноке? — Его слова опережали полет мысли. — Я должен ее найти! Должен! Только ради нее мы с друзьями вынесли немилосердные превратности последних месяцев. Где она? Где?!

Перед таким натиском чувств Окумба отступил. Он миролюбиво поднял руку:

— Я не знаю, где она. Клянусь тебе, не знаю. Могу только рассказать, что мы вместе пережили.

Магистр, как всегда трезвый и практичный, взял инициативу в свои руки:

— Витус, самое разумное сейчас выслушать все по порядку. Пусть Окумба расскажет. Час сюда, минута туда погоды не сделают.

— Ладно. — Витус с трудом взял себя в руки.

Окумба тоже собрался.

— Мне нелегко говорить о событиях тех дней. Все еще так свежо в памяти, будто было вчера... Я уже сказал, что Томас Коллинкорт, эта свинья, изнасиловал мою сестру. Я настиг его, когда он, пыхтя и отдуваясь, ворочался на ней, всаживая в нее свой мерзкий белый конец. Я прихватил на кухне нож, большой и острый. И так же, как он это делал, всадил ему в спину. И тут открылась дверь и появилась медноволосая женщина. Это была Арлетта, но тогда я этого еще не знал. В руках у нее был пистолет — оружие, про которое я понял, что оно действует так же, как мушкет. Я испугался до смерти, а она что-то говорила, чего я не мог уразуметь. Но был уверен, что она хочет меня убить.

— Когда это было? — чуть дыша, спросил Витус.

— В месяце, который вы называете июнь. В прошлом году.

Витус кивнул. К этому времени Арлетта должна была уже провести довольно много бессчетных дней на острове у дяди, Томаса Коллинкорта. О своем родстве с этим человеком Витус решил умолчать. Он его никогда не видел, и его смерть мало трогала молодого человека.

— Что было дальше?

— Она не убила меня, а дала знак, чтобы я скинул мертвое тело Томаса с моей сестры. Что я и сделал. А в этот момент в дом ворвались индейцы.

— Индейцы? Какие такие индейцы?

— Алгонкины, как позже выяснилось. Они хотели завоевать обратно свой остров, который в прежние времена входил в их

охотничьи уголья. С воинствующими криками они набросились на нас. У них были боевые топоры, копья и луки — оружие, которое я хорошо знаю и которого не боюсь. Завязалась рукопашная, и мне удалось парочку, а то и пяток из них уложить моим кухонным ножом. Остальные вдруг обнаружили труп Томаса Коллинкорта и начали вонзать в него свои копья, хотя он уже был мертв, мертвее не бывает. Должно быть, они жутко его ненавидели. Во всей этой суматохе я подхватил обеих женщин и сбежал с ними. Мы пересекли двор и спрятались в близлежащем лесу. Алгонкины были вне себя. Снова и снова перед нашими глазами разворачивались жуткие сцены. Они резали, как скот, ни в чем не повинных рабов. А я даже не мог прийти на помощь моим чернокожим братьям: у меня на руках были две беззащитные, испуганные женщины. Мы отсиживались там до темноты. Индейцы сновали по острову в поиске новых жертв. Я понял, что это лишь вопрос времени, когда нас найдут. Поэтому, когда спустилась полная тьма, под ее покровом мы побежали, скрываясь, к берегу. Наши руки и ноги были в согласии с нами. На берегу мы наткнулись на неохраняемое каноэ. Оно донесло нас до земли кроатанов на материке. Белые называют это место Роанокской топью. Это тяжелая болотистая местность, по которой каждый шаг дается с трудом. Дни и ночи мы устремлялись на юг, вдоль морского побережья. Берег был нашим единственным ориентиром. Мы питались моллюсками, рыбой и кокосовыми орехами, которые я вскрывал все тем же ножом. Нашей целью была Гавана, город на большом острове, куда нас с сестрой привезли из родных краев. И отсюда я надеялся добраться обратно на родину. Это было моей единственной целью: домой, в Африку! Но Арлетта остудила наш пыл. Она сказала, что раньше белые нас заново поймают и сделают рабами. И нам пришлось смириться с этой мыслью, но мы не оставили надежд.

Я делал все, чтобы мы выжили, но наши силы иссякали. Москиты безжалостно кусали нас, и вскоре наши лица напоминали большие тыквы. На третью или четвертую неделю нашего путешествия у моей сестры началась лихорадка. На исходе одного дня она уже не могла сделать ни шага. Мы с Арлеттой уложили ее на кучу листвы. Арлетта ухаживала за ней. Но что она могла сделать, кроме того, чтобы накладывать ей на лоб холодные компрессы и давать питье? Я не буду вас утомлять...

Казалось, что воспоминания одолевали Окумбу. Он провел рукой по глазам, гордо поднял подбородок и продолжил:

— Через два дня моя сестра умерла, не приходя в сознание. Ей не было еще и семнадцати. Ее звали Нкеле.

Витус молчал, его друзья тоже. Что можно было сказать перед лицом горя, перенесенного Окумбой?

— Мы даже не смогли похоронить Нкеле как следует. Только несколько камней над ее телом, чтобы защитить от диких зверей. Мы с Арлеттой пошли дальше. Я поражался ее упорству, выносливости и тому, что она никогда не теряла свою мечту. Так же, как и я. Она мечтала об Англии, я — об Африке.

Проходили дни и недели. Иногда нам встречались люди. Если это были белые, Арлетта выдавала меня за своего раба. Мы якобы претерпели нападение пиратов и кораблекрушение. Если попадались индейцы, мы рассказывали сказку, как нам удалось уйти от кровожадных испанцев. Это срабатывало, потому что каждое племя в Новой Испании было знакомо с донами и не питало к ним особой любви. Так мы и пробирались с помощью богов и людей.

Не буду утомлять вас всеми подробностями этого далеко не прогулочного путешествия, но в конце концов благодаря ловкости Арлетты нам удалось переправиться на Кубу. Как бы то ни было, в августе прошлого года мы прибыли в порт Гаваны, самого крупного города на острове. Но, едва мы ступили на сушу, возникли непреодолимые трудности с властями. Наши лица, распухшие от укусов насекомых, когтей диких животных и гноящихся ран, наше обветшалое тряпье не внушали доверия. Над Арлеттой посмеялись, когда она заявила перед представителями испанского наместника, что является английской леди. И еще меньше поверили ей, что я ее раб. Слово за слово — я не все понимал — Арлетта вспылила. Может быть, она чем-то оскорбила этих мужчин, но вдруг они кликнули стражу, которая ее куда-то увела. И меня они хотели схватить. Но я так боялся снова стать рабом, что потерял голову, сбил с ног стражу и убежал.

Я покинул город и направился к морю. Я не отваживался встречаться с обитателями острова, кем бы они ни были. Под конец я нашел человека, которому мог доверять. Это был Элан О'Тафт. Мне, можно сказать, сказочно повезло. Ирландский шкипер, который годами бороздил воды Карибики на своем баркасе. Власти полагают, что он перевозит грузы для испанцев между Картахеной, Номбре-де-Диосом и Гаваной. А под прикрытием этой легенды помогает нам, симарронам, потому что ненавидит испанцев, презирует их алчность и бессовестность в погоне за золотом и в порабощении черных.

Маленький ученый согласно кивнул:

— Свобода — величайшее благо, которое даровано человечеству. Как говорится, *in dubio pro libertate!* В отчаянии за свободу! То, что ты раб, Окумба, испанцы должны еще доказать. А поскольку сделать этого они не могут, ты свободен.

Окумба с жалостью посмотрел на него.

— Ты умный человек, Магистр, и редкий среди испанцев. Только, боюсь, что настолько редкий...

— Ты прав, Окумба, — вмешался Витус.

— Ладно. Ну так вот, О'Тафт взял курс с Кубы на Номбре-де-Диос и по дороге высадил меня здесь. По дороге он рассказал мне о симарронах. Потом обо мне заботился Ктико. Главное, на что он делал упор, — образование и знание испанского языка. Я не хотел его учить. Для меня это изначально был язык грабителей и убийц. Но мне пришлось его выучить. И я делал успехи. К новому году Ктико слег и рекомендовал меня совету как своего преемника. Боги предрекли народу благое будущее, если я встану во главе его.

— Желаю твоему народу этого от всего сердца! — произнес Витус с чувством. — Но позволь мне вернуться к Арлетте. Ты видел ее в последний раз в августе прошлого года?

— Да. Точнее сказать, во время одного праздника. Мне трудно припомнить его название... «Кастильо Фуэрца» или вроде того. Короче, это был праздник наместника.

— И тогда ее...

— Да. Упекли в застенки. У меня до сих пор стоит перед глазами, как отчаянно она сопротивлялась, кусая и пиная солдат. Но, конечно, все это было бесполезно.

— Так ее все еще держат в темнице?

— Не знаю. Может быть. А может, за это время и отпустили. Разве можно понять что-нибудь в лживых душах этих донов?

— Окумба, я так благодарен тебе! — Витус вскочил, его глаза вновь сияли. — Ты вернул меня к жизни! Прекрасная новость! Изумительная новость! Без тебя я бы напрасно рвался на Роанок-Айленд. А оказывается, моя цель — Гавана. Господь всемогущий, она все еще жива, и я могу найти ее в Гаване! Мне пора!

Вождь Окумба принудил Витуса снова сесть.

— Сядь! В ближайшее время О'Тафт снова будет здесь. Он заберет клинки Хафа и обменяет их на мушкеты для нас. Там, в Гаване, мушкеты важнее в борьбе с испанцами. Завтра Мойса проводит вас на берег.

Витус снова вскочил. На этот раз от радости.

— Ты настоящий друг, Окумба! Завтра? С самого раннего утра? Нельзя, чтобы мы пропустили О'Тафта! И Мойсу ты отпускаешь с нами?

— Да, друг мой.

Сумеречным утром следующего дня друзья выступили из дома Окумбы на пустынную деревенскую площадь. Энано выскочил первым и пропихнул:

— Уи, господин начальник черного воинства, и ты здесь? А ведь щё не рассвело!

— Да, это я, Коротышка. — Окумба выступил из тени своего дома вместе с красноречивым Мойсой. — Хотел попрощаться с вами перед дорогой. — Он усмехнулся и повел рукой в сторо-

ну большого мешка из банановых листьев, который держал в руках Мойса. — На голодный желудок далеко не уйдешь, не так ли?

— Я все равно хотел навестить тебя перед уходом, Окумба. Чтобы поблагодарить. — У Витуса перехватило дыхание. — Спасибо, вождь, спасибо тебе за все!

Вождь-исполин улыбнулся ему:

— Жаль, что ты уходишь от нас, Витус. Но раз уж ты решил, прими это! — Окумба протянул ему мешочек из гортани индюка: — Здесь испанские песо и реалы. В Гаване они вам понадобятся.

— Это... это невозможно! — начал заикаться Витус. — Это слишком...

Окумба удивленно обернулся. На горизонте появилась странная группа провожающих, среди которых выделялся Донго, хунган.

— Я думал, ты ушел сегодня к Хафу, кузнецу?

— Да, мы сегодня идти с воинами к кузнец, отнести товар и смотреть, как ему, — склонил голову Донго. — Но вначале надо было сказать *hasta la vista** Витус и друзья. — Он склонил голову, и на мгновение в его холодных глазах промелькнул теплый огонек. — Это им подарок. Здесь.

Витус принял завернутый в банановые листья и перевязанный бечевой сверток. Тяжелым он не был.

— Ты открывать, — торжественно возвестил Донго.

Витус вскрыл сверток:

— Тут много сухих листьев.

— Да, кока-листья. Ты жевать. Совсем. Для дурмана. Нет боли. Много счастья. — Донго склонился и в мгновение ока исчез в лесу.

— Спасибо, Донго! Но... — Витус протянул подношение Магистру. — Окумба, у меня тоже есть подарок для тебя. Это дар Хафа, который я вправе тебе передать. Думаю, он не был бы против.

— Подарок? Мне? — Вождь протестующее поднял руки, но любопытство его пересилило остальные чувства. — А что там?

— На, прими!

— О-о-о! — Окумба не мог скрыть сияния глаз. — Твой мушкет!

ГЕРМАФРОДИТ АХИЛЛ

Здоровье, *mon ami*, напрямую связано с положительными эмоциями, *compris*? Когда я бодр и весел — я здоров, когда я здоров, то хорошо выгляжу. А если я подавлен, выгляжу плохо и рано умираю, *c'est tout, qui*?

* До свидания (исп.).

На дальней верфи портового города Гаваны в тот день шла напряженная работа. Бесчисленные рабочие, как муравьи, сновали между корпусами кораблей, которые, закрепленные упорами, сидели на стапелях, как наседки, только наклонно, чтобы после завершения ремонтных работ их было легче спускать их в Канал-дель-Пуэрто.

Повсюду плотничали, обмеряли, сверлили, колотили. Ставили мачты, крепили шпангоуты, конопатили обшивку. Воздух был напоен шумом, гамом и запахами. Пахло дегтем, деревом, илом и потом. Кто пробежал взглядом всю территорию верфи в южном направлении, по левую руку обозревал царство канатчиков, работавших над такелажем, без которого не обойдется ни одно судно. Рядом с ними в нескольких открытых кузницах стучали молотами кузнецы. За ними, на некотором отдалении, громоздились горы строевого леса, бревен, тяжелых пиломатериалов, которые можно сдвинуть только с помощью быков. По правую руку поблескивали воды канала, по ним лавировали многочисленные баржи, которые подвозили бочки с провиантом к стоящим на якоре большим галеонам. Парусники были уже отремонтированы и готовились отойти в Бахиа-де-Матансас, бухту на северном побережье Кубы, где каждый год собиралась армада перед отплытием домой, в Севилью. Армада традиционно формировалась из двух групп судов. Одна приходила на Гавану из Номбре-де-Диоса через Картажену, а вторая — из Веракруса, портового города на юге Мексики.

В сотне шагов перед друзьями несколько чумазых рабочих обрабатывали швабрами четырехмачтовый галеон.

— Что там делают эти парни? — сощурившись, спросил Магистр. — Выглядят как кобольды, выползшие из болот на плато Дартмур в Англии, если позволите такое сравнение.

Хьюитт тихонько засмеялся:

— Насколько я понимаю, они промазывают корпус от корабельного червя. Довольно противная и к тому же вредная работа.

Маленький ученый кивнул:

— Ага, а червяк этот, похоже, здоров пожрать. Помните, как выглядел баркас О'Тафта? Наверное, только благодаря этой обмазке он и держался на плаву: весь был дырявый, что твоя корзина для ловли омаров. Но как бы то ни было, доставил нас до этого порта. — Он снова прищурился. — А из чего состоит эта штука?

Хьюитт пожал плечами:

— Точно не знаю.

Магистр, как всегда, любопытный донельзя, двинулся в сторону, чтобы обогнуть длинную печь для прогрева досок:

— Пойду спрошу вон у того, что возится в яме, откуда летят опилки.

— Да оставь, Магистр! — крикнул Витус ему вслед. — Жара, уже полдень, у нас своих дел хватает! Делать тебе больше нечего, как только узнавать рецепты смазки от червя? Нам еще надо найти крышу над головой!

— Спокойно, спокойно, я быстро! — Он добрался до ямы и заглянул в нее. — Эй, друг, не знаешь, из чего состоит то, чем мажут корабль от червя?

Пильщик прекратил работу и поднял голову. Витус с Энано и Хьюиттом, которым волей-неволей пришлось последовать за любопытным ученым, увидели, что у рабочего красные воспаленные глаза. Этот человек был сухопарым, только его плечи и руки поражали внушительными размерами. Высокие скулы и крупный нос с горбинкой довершали его облик.

— Когда как, — дал он исчерпывающий ответ и снова принялся орудовать деревянной лопатой.

Но Магистр не был бы Магистром, если бы удовлетворился этим:

— А когда как?

Сухопарый устало усмехнулся:

— Все зависит от того, сколько хозяин может потратить на это денег. Есть смеси для промазки подводных частей судна по дорожке, а есть подешевле. Само собой, дорогие лучше.

— Ага. Но вот чем мажут там, — Магистр махнул в сторону корабля, — не кажется мне слишком уж хорошим средством. Правда, я плохо вижу.

— Ладно, сейчас погляжу, подождите.

Тотщий человек с огромными руками отложил лопату в сторону и начал карабкаться по веревочной лестнице. Делал он это с трудом и тяжело дыша.

— Ты нездоров? — озабоченно спросил Витус.

— Да нет, все в порядке, сеньор. — Дыхание его было прерывистым. — Тот парусник — «Грасиас а Диос». Его наверняка промазывают смесью из смолы, древесного угля и серы... — Он замолчал и провел рукой по глазам. — Простите... Дорогие смеси включают в себя еще рубленый конский волос и толченое стекло. Когда корпус обработан, поверх еще иногда натягивают просмоленную паруси...

Не успев договорить, он рухнул так внезапно, что никто из друзей не смог подхватить его. Витус тут же присел к нему, подsunул под голову мешок из козьей шкуры, подаренный Хафом, и принялся обследовать. Вскоре он поднял голову.

— У этого человека сильный жар, и не только от зноя. Какой-то рок преследует нас: где ни появимся, лихорадка ходит за нами по пятам.

Несчастный слабо захрипел, потом неожиданно откинул голову в сторону, и его вырвало желтоватой массой. Витус размышлял вслух:

— Ему нужна помощь, срочная помощь. Лучше всего было бы отправить его в какой-нибудь госпиталь! — Он приподнял веко больного, чтобы обследовать зрачок и цвет глазного яблока, как вдруг свет ему загородила большая тень. Она падала от повозки, запряженной лошадью, которая остановилась прямо возле ямы. Перед ней стояло довольно странное создание: мужчина неопределенного возраста, скорее приятной наружности с мягкими чертами. У него были густые брови, слегка курносый нос и полные губы, которые выдавали в нем сибарита. Одет он был в голубой камзол с вытканными золотой нитью звездами, расшитый переливающимися всеми цветами радуги камнями; к нему — пышные расклешенные панталоны фиолетового цвета. Широкополую шляпу того же цвета украшало белое перо какаду. Фигура — вот что было самое примечательное в его облике. Витус в жизни не видел мужчины с такими узкими плечами и широким задом. Он был больше похож на калебас.

— Этого человека, *mon ami**, я могу забрать к себе, — звонким голосом с сильным французским акцентом сказал незнакомец. — Он мне известен. Хайме Озлос его имя.

Витус поднялся:

— Очень любезно с вашей стороны, сэр. Позвольте спросить, есть ли у вас опыт лечения больных лихорадкой?

— А! *L'Anglais!*** Ну до чего вы дотошные ребята! Все-то вам надо знать наверняка, *n'est-ce pas?**** — Незнакомец широко распахнул глаза, которые оказались цвета сандалового дерева. — Что ж, месье, кое-что я в этом понимаю: сам переболел лихорадкой. Этого достаточно?

— Разумеется. Буду вам очень обязан. Позвольте представиться...

Витус назвал свое имя и по очереди имена своих друзей.

— *Enchanté!***** А я Ахилл из Парижа. Курьезный Ахилл, как меня здесь называют.

— Очень приятно. Вы не против, если мы положим больного на вашу повозку? Его уже пора поместить в более прохладное место.

— А, *mon ami*, спокойнее! Сначала надо отодвинуть мои сокровища. Эй, Педро, помоги мне!

— Да-да, сейчас.

С помощью Педро, паренька лет двенадцати, которому, собственно, и принадлежала повозка, Ахилл осторожно принялся перекладывать два осколка драгоценных камней размером с хорошие дыни. Камни были прикрыты плотными полотнища-

* Мой друг (фр.).

** Англичанин (фр.).

*** Не так ли? (фр.).

**** Восхитительно! (фр.).

ми, с одного обломка оно слегка соскользнуло и приоткрыло камень, который заблестел на солнце так ярко, что слепило глаза.

— Со святыми упокой! — Магистр, который вместе с Витусом как раз поднял тощее тело больного, чуть не споткнулся. — Играет всеми цветами радуги! Что это за драгоценности?

— Т-с-с-с! Не так громко, *mon ami*! Сейчас оповестишь всю верфь, что я перевожу. Это аметистовые друзья из Бразилии, чистенько срезанные, *couleur violette** — мой любимый цвет.

— Уи-уи, блеска с этого нароста мне бы тоже пошла! — восхитился Коротышка. Его рыбий ротик восхищенно приоткрылся.

— *Qui, qui?* — Ахилл пришел в восторг. — *Parlez-vous français, mon ami?***

— Щё, щё, галльский петух? — Бедный Энано, начинавший почти каждую свою речь с «уи-уи», и не подозревал, что говорит по-французски.

Магистр пришел на помощь:

— Ахилл спрашивает, знаешь ли ты французский язык.

Малыш, задрав голову, искоса посмотрел на Ахилла:

— Не-а, не перю. А с чё галл допер до такого?

— Жаль, ах, как жаль, *mes amis!**** *Alors, allons-nous***** ...

По команде Ахилла они подняли Хайме на повозку, заботливо уложили и укрыли брезентом.

— *Voilà******. Очень вам признателен, месье!

Витус поднял на прощанье руку:

— До встречи, Ахилл! И спасибо за помощь.

— Ах, не стоит! А если захотите меня навестить, буду рад.

— С удовольствием. Только нам надо сначала найти пристанище на ночь.

— А! Пристанище? И это не проблема. Идите прямо до Калле-де-лос-Офисьос, *compris?****** — Ахилл указал своим коленым пальцем в северном направлении. — По Калле-де-лос-Офисьос дальше, дальше, все время дальше, *compris?* Пока не дойдете до владения под названием «*L'Escargot******», за ним свернете в переулок направо, к «Приюту рыбака», *compris?* Там дешево и сердито. Только надо быть начеку, когда хозяин предъявит счет, *qui?*

* Цвета фиалки (фр.).

** Да-да? Вы говорите по-французски, мой друг? (фр.).

*** Друзья мои (фр.).

**** Тогда отправляемся (фр.).

***** Вот так (фр.).

***** Понятно? (фр.).

***** Улитка (фр.).

Магистр поклонился:

— Спасибо, Ахилл, ты нам очень помог. Может быть, мы тебя и вправду как-нибудь навестим.

Ахилл дал Педро знак трогаться.

— Для меня это будет большая честь. А идти вам придется недалеко. «*L'Escargot*» — это мое владение. Приходите, когда заблагорассудится.

Витус улыбнулся:

— Жди нас сегодня вечером, если ты не против. Меня тревожит лихорадка Хайме. Только скажи-ка, что значит «*L'Escargot*»? Боюсь, я во французском не силен.

«*L'Escargot*»? — Ахилл хихикнул. — Вот придете и увидите. *Au revoir!**

Калле-де-лос-Офисьос была улицей, на которой до раннего утра царил оживление и жизнь была ключом. Особенно к вечеру, когда матросы сходили с кораблей и начинался людской водоворот. Торговцы кричали, расхваливая свой товар, ремесленники предлагали на разных языках выставленные на продажу изделия, бродячие музыканты протискивались через толпу и пытались заработать хоть пару мараведи. Писцы сидели за низенькими столиками, на которых были ровнехонько разложены бумага, перья и чернила. Таверны заманивали, бордели завлекали. Стройные девицы с огненными взорами фланировали взад-вперед, оживленно шушукаясь и в то же время прилагая все усилия, чтобы привлечь мужское внимание. Трактирщики продавали кукурузные лепешки, воришки находили себе работу, собаки шастали, дети орали, попрошайки тянули руки за подаванием. И посреди этого кипящего бульона из тел, запахов и гама возвышался «*L'Escargot*», владение Ахилла.

— Вход не особенно впечатляет, друзья мои! — Маленькому ученому приходилось чуть ли не кричать, чтобы быть услышанным. — Я вижу только кривые литеры над черной дырой. Нам правда надо туда лезть?

— Да, давай заходи! — Витус, протолкнув вперед себя Хьюитта и Энано в узкий проход, замыкал процессию.

Внутри было сумрачно. Лишь на правой стене кое-где горели керосиновые лампы. Коридор вел по кривой, неизменно изгибаясь влево. С каждым шагом шум улицы стихал.

— Бог мой! — вдруг вскрикнул Магистр. — Вы только гляньте!

Он показал на скелет, который, освещенный свечеобразным светильником, держался на конструкции из колец и металлических прутьев. Это был не простой скелет — таких друзьям еще не приходилось видеть. Был он маленьким, едва ли больше полутора футов в высоту. У него были две ноги и две... головы.

* До свидания! (фр.).

— Уй-уй, ходулей две и тыквы тоже две, вот это уродился, не дай Бог!

Карлик многозначительно покашливал. Сам таская на спине горб, он проявлял страшный интерес ко всему, что было из ряда вон в человеческом теле. Витус наклонился, чтобы получше рассмотреть диковину.

— Этот уродец — ребенок, или, точнее, дети. Они прожили пару лет, перед тем как умерли, — сообщил он и склонился еще ниже, чтобы получше рассмотреть. — У них молочные зубы, что подтверждает мою догадку. У, смотрите-ка, да здесь еще есть табличка! — Он прочитал:

Диплогенез, сращение в области груди. От рогу 4 г.

— Жуть, просто жуть! — Маленький ученый содрогнулся и направился дальше. — Могу поспорить, этого монстра Ахилл поставил там самолично. Надеюсь, больше у него нет скелетов в шкафу!

Но надежды Магистра не оправдались. Всего через несколько шагов они наткнулись на ксилографию, изображавшую обнаженные фигуры близнецов женского пола, сросшиеся лбами. Надпись под ней гласила:

Диплогенез, сращение в области лба (Craniopagus frontalis)

— Скорее дальше! — взмолился маленький ученый.

Но вскоре им снова пришлось замедлить шаг. Их остановил стеклянный сосуд с прозрачной жидкостью, в которой плавал человеческий эмбрион мужского пола с двумя головами и тремя руками. Третья рука торчала между головами.

Двухголовый эмбрион с тремя руками (Dicephalus tribrachius)

Следующий экспонат выглядел вполне безобидно: длинная дамская перчатка темно-синего цвета на бархатной подушечке.

Флорентийская перчатка, благоуханная, пропитанная ядом, смертоносная

— На какие изощренные выдумки способно человечество, чтобы отправить на тот свет себе подобного! — проворчал Магистр. — Только представьте себе: натягиваешь перчатку, ничего не подозревая, любишься ею и тотчас падаешь замертво. Либо из-за яда, который проникает из нее через кожу, либо из-за яда, который вдыхаешь. Либо из-за того и другого. Бррр!

Далее последовали невзрачные, с гальку размером, камешки с лаконичным объяснением:

Магистр снова содрогнулся:

— Теперь еще и «камни глупости»! Надеюсь, эти бедолаги не сильно страдали, когда кто-то взялся трепать их черепа, чтобы излечить! Да, должен сказать, курьезный Ахилл собрал настоящую кунсткамеру курьезов. Нет ничего, чего бы у него не было. — Он огляделся, близоруко щурясь. — А вон, смотрите, кинжал. Он-то что здесь делает?

*«Честное слово дворянина» — французский кинжал при дворе Екатерины Медичи. Оружие, которым был убит граф Гаспар де Колиньи**

Они двинулись дальше и остановились только у витрины с роскошными разноцветными бабочками, каждая из которых была размером с ладонь исполина. Самый крупный экземпляр имел размах крыльев не меньше десяти дюймов.

Lepidoptera (Ditrysia)

Все особи имели хорошо сохранившиеся длинные усики, а их свернутые хоботки напоминали пожарный рукав. Бабочки висели на толстых иглах, пронзавших их тела.

— Бррр! — передернулся Магистр. — Что-то пришел на ум Эве Вуду.

— А вы заметили, что мы все время движемся по спирали, и дорога становится все уже? — спросил Витус, дыша ему в затылок.

— Еще как, неистребимый сорняк!

— И думаю, я понял, что обозначает «L'Escargot»! Не что иное, как «улитка». Мы, так сказать, в домике, который она носит на спине, то есть в ее раковине.

— Интересно, что нас ждет в конце? Должен же где-то сидеть Ахилл.

Маленькому ученому не пришлось долго ждать, чтобы удовлетворить свое любопытство. Вскоре они оказались перед двумя дверями. Одна была распахнута и открывала вид на нечто вроде маленького кабачка, где за кружкой вина сидели довольные посетители. Другая была закрыта.

* Колиньи Гаспар де Шатийон (1519–1572) — видный французский военачальник, в последние годы жизни ближайший советник французского короля Карла IX. После смерти принца Конде (1569) стал лидером французских гугенотов. Побуждал короля к колониальным завоеваниям в Америке, войне против Испании в союзе с Англией, что вызывало недовольство Екатерины Медичи и Гизов. Был убит в Варфоломеевскую ночь в Париже. — *Прим. ред.*

— Даже виноградный нектар не сманит меня, пока я не узнаю, где сидит Ахилл и как дела у Хайме, — известил Магистр. — А та закрытая дверь заперта?

Она не была заперта, и друзья, мгновение поколебавшись, вошли в помещение, не менее сумрачное, чем коридор. По стенам горели керосиновые лампы. В их свете призрачно мерцали дальнейшие экспонаты: разнообразные кристаллы, резервуары и тигли с неизвестным содержимым, а среди них — небезызвестные друзьям аметистовые друзья. Под сводом был натянут громадный пергамент со знаками зодиака и обозначениями «благоприятных времен», то есть рекомендуемого времени для кровопусканий. И возле каждого — название камня-талисмана. А под этим пологом в центре зала сидела черноволосая красавица в кроваво-вишневом платье с пышным жабо. На столике перед ней были разложены карты Таро, на которые с опаской пялилась восседающая напротив женщина средних лет.

— Мадам Озлос, — вещала красавица нежным голоском, — видите, «колесо жизни» повернуто к «любви», «миру» и... А-а!.. другим высоким аркадам. Вы беременны, мадам, *c'est ça!**

— Ах, если бы я только могла поверить! — шумно вздохнула Франсиска. — У меня задержка, это правда, но всего лишь две недели. Пресвятую Деву возьму в свидетели, как я хочу ребенка! Но я... боюсь, страшно боюсь! А что если мой Хайме не перенесет лихорадку? Ребенок останется без отца. Даже и думать об этом не хочу!

— А! Мадам, верьте будущему! Ваш муж скоро поправится с Божьей помощью. Хотите, чтобы я подтвердила это хиромантией? *Pas de problème!*** Дайте вашу руку, *s'il vous plaît****!

Красавица завладела правой рукой Франсиски и внимательно пошла по ней:

— Ваша ладонь, мадам, — это... э-э... космос, *n'est-ce pas? Ligne de vie, soeur de la ligne de vie, ceinture de Venus, tertre de Venus, ligne de santé...***** Что значит, все знаки говорят мне, что вы несете в своем чреве ребенка, а Хайме будет здоров. С Божьей помощью.

Черноволосая прорицательница отпустила руку посетительницы. Она до сих пор еще не заметила, что в помещении находятся посторонние, — может, потому, что их скрывала тень?

Благоверная Хайме повертела в руках пару монет и выложила их на стол. Прием был окончен. Прорицательница легко под-

* Это точно! (фр.).

** Без проблем! (фр.).

*** Пожалуйста (фр.).

**** Линия жизни, сестра линии жизни, кольцо Венеры, бугорок Венеры, линия здоровья... (фр.).

нялась и выпроводила клиентку, которая была погружена в собственные мысли, через боковую дверь.

А потом вернулась легкой поступью и улыбнулась Витусу:

— *Bon soir**, месье Витус, *bon soir*, друзья! Как это мило с вашей стороны, что вы пришли навестить Хайме!

Витус страшно удивился:

— Ну, э-э... мадам, мы знакомы? В конце концов...

— *Bien sur*** я знаю вас. Добро пожаловать в «L'Escargot»! Хотя мы ведь на «ты», *qui?*

— Уи-уи, мадам Ахилл! — Коротышка осклабился, подпрыгнул и поцеловал даме ручку.

Остальным понадобилось чуть больше времени, чтобы сообщить, что к чему.

— Да, но... ваша внешность... Извини, твоя внешность...

Ахилл легкомысленно махнул рукой:

— А! Не обращай внимания! Я то мужчина, то женщина. Двуполой — в общем, *compris?* Но это звучит как-то несимпатично. Поэтому я называю себя гермафродит. — Он подхватил свои груди и приподнял их. — У меня груди, как у женщины, а...

— Его рука скользнула между ног, — ...пенис, как у мужчины. У меня есть и мужские, и женские платья. Когда мне надо — я мужчина, захочу — преобразусь в женщину. Но по большей части я все-таки мужчина. Гавана — мужской город, *compris?*

Любопытный Магистр попался на удочку:

— А почему сейчас ты женщина?

Ахилл засмеялся и поправил пышный накрахмаленный воротник на своем платье:

— А ты видел когда-нибудь... э-э... прорицателя-мужчину?

— Нет, не приходилось.

— *Voilà!* Сам и ответил. Меня-прорицательницу зовут Ариэль. Я работаю с картами Таро, маятником и читаю по ладони.

— А сам-то ты веришь в то, что говоришь людям?

— Ах, *mon ami*, подобных вопросов ясновидящей не задают! Я верю в то, что вижу и чувствую. Ну пойдете, покажу вам Хайме!

Ариэль грациозно развернулась и прошла в потайную нишу.

Хайме лежал в белоснежной постели, спокойный и умиротворенный. Он спал. Вокруг его головы на подушке были разложены отливающие лазурью драгоценные камни. На лбу у него покоился кристалл чистой воды.

Витус, скользя взглядом по камням, спросил:

— Позволишь мне посмотреть его пульс?

— Разумеется. *Bien sur, vas y***.*

* Добрый вечер (фр.).

** Действительно (фр.).

*** Идем (фр.).

Пульс Хайме был слабым, но ровным.

Ариэль сказала:

— У него был озноб, я сделал ему холодные компрессы, а Луиза приготовила бульон. Но, к сожалению, он отказался есть.

Витус отпустил руку больного:

— Ты давеча сказал его жене, что он поправится. Откуда у тебя такая уверенность?

Ариэль лукаво улыбнулась:

— А! Я сказала «с Божьей помощью», *mon ami*. И, возможно, Господь хочет этого. Возможно, Господь не хочет, чтобы Хайме стал желтушным, *compris*? Возможно, Господь не хочет, чтобы у него болели суставы, а? Возможно, Господь не хочет, чтобы его рвало черной кровью?

Витус пораженно посмотрел на Ариэль:

— Ты назвала все симптомы черной рвоты!

— А? Черной рвоты? В Гаване говорят «желтая лихорадка».

— Это другое название той же болезни. Было бы хорошо кроме твоих мер давать больному укрепляющие средства для желчи. Я бы предложил иглицу.

— Иглицу? А! Еще одно незнакомое название! Что такое иглица?

— Ее латинское название — *Ruscus aculeatus*. Иглицу испокон веков применяют в терапии при различных заболеваниях вроде водянки или тропических язв. *Ruscus aculeatus* рекомендовал еще Гален. Он говорил, что она восстанавливает равновесие соков в организме. А для выздоровления Хайме это особенно необходимо.

Ариэль со все возрастающим интересом слушала рассуждения Витуса, ее глаза широко раскрылись.

— Ты врач, *n'est-ce pas*?

— *Cirurgicus galeonis*, то есть корабельный хирург. Хорошо бы назначить Хайме еще кантаридина. У меня положительный опыт в применении этого медикамента.

— Канта... *pour l'amour de Dieu!** А это еще что за *poison***? То бишь отравы?

— Кантаридин и вправду очень ядовит. Это субстанция, которую получают из шпанской мухи — *Lytta vesicatoria*. Она очень эффективна, но применять ее надо в малых количествах, иначе у пациента наступит длительная эрекция.

— Длительная... А! *permanant érection!* — Ариэль прыснула. — Но в этом Хайме уже не нуждается, *n'est-ce pas, mon ami*? Франсиска беременна. А у тебя в запасе еще много таких *aphrodisiaque****?

* Ради бога! (фр.).

** Яд (фр.).

*** Афроизиаки, возбуждающие средства (фр.).

Витус усмехнулся и махнул рукой:

— Не очень. Лучше скажи мне, при лечении Хайме ты полагаешься только на Божью помощь или в твоём арсенале есть кое-что еще?

— Ах вы, *l'anglais*! Все-то вам надо знать, *n'est-ce pas*? — Ариэль снова потеряла свое жабо. — Ты корабельный доктор, я прорицательница и целитель. И оба с тобой мы знаем, что для того, чтобы... э-э... разобраться, надо говорить с больным, много раз говорить. Хайме сказал мне, что у него жар держится десять дней, значит, это не может быть желтой лихорадкой, *compris*?

— Уже десять дней? — Витус был приятно удивлен. — Тогда действительно это какая-то более легкая форма лихорадки. При черной рвоте уже на четвертый день появляется желтушность кожи, а цвет лица Хайме практически нормальный.

— *Qui*. Камни его быстро вылечат.

Магистр не мог утерпеть:

— Камни? Ты хочешь сказать, что твои камни имеют целебную силу, Ахилл?

— Ариэль, *mon ami*, Ариэль! Когда на мне парик и женское платье, я Ариэль, *compris*? — Ариэль кокетливым движением поправила локоны своей замысловатой прически. — Камни хранят энергию. Они могут излечивать множество болезней.

— Ты это серьезно? — не унимался маленький ученый.

— *Qui*! Ты обратил внимание, какой покой и гармония царят в «L'Escargot»? Это все камни. Они излучают энергию, хорошую энергию.

— Ну если ты так считаешь... — Магистр задумчиво потер подбородок. — А у разных камней разное действие?

— Синие камни, *mon ami*, это ляпис-лазурь. Он очень сильный и... э-э... твердо устроен. Он утишает боли в голове и приносит *fortune**.

— Ага. А тот, прозрачный, на лбу?

— Это искусственный хрусталь. Как это говорится, э-э... в нем фазы роста, *compris*? Рост — это жизнь, а жизнь — не смерть. Искусственный хрусталь — жизнь.

— Звучит загадочно, — вздохнул маленький ученый.

— Ничуть. Он очень силен. Жена Хайме может быть спокойна. — Ариэль рассмеялась. — Вообще-то она добросердечная женщина, но... э-э... страшно болтлива. Для нее очень легко раскладывать карты.

— Так она тебе выболтала все, что ты ей потом напроорочила?

Ариэль снова прыснула и легонько пихнула Магистра:

— А ты *filou*** . Но нет, не только это. Здесь нужен еще острый ум, знание людей и их эмоций.

* Счастье, удача (фр.).

** Плут (фр.).

— Понятно. И в уплату за это ты берешь с нее деньги. Но, как бы то ни было, женщина ушла домой успокоенная, а это дорогого стоит.

— *Qui!* А Хайме я лечу бесплатно. Разве этого мало?

Маленький ученый изумился:

— Только за милость Божью? Мое почтение! Я и не думал!

Ариэль посерьезнела:

— Знаешь, Магистр, я целитель, я прорицательница, я хозяйин быстро. Я могу быть кем угодно, чтобы зарабатывать деньги. Но еще я мужчина... или женщина, которая помогает людям... Мне никто никогда не помогал, но я не плачу той же монетой, *compris?* Око за око, зуб за зуб — это Ветхий Завет, *compris?* Я гутенот.

— То есть протестант, — подытожил Магистр. — А я католик. Но, уверен, это не причина, чтобы не понимать друг друга. Как это сказано в Евангелии от Иоанна? «В доме Отца Моего обителей много». Так как, по рукам? — Он сощурился и протянул Ариэль руку.

— *Qui, mon ami*, хорошо сказано! Я всегда говорю: все мы молимся одному Богу. И не думаю, что Господь хочет, чтобы мы... э-э... разбивали друг другу головы, *n'est-ce pas?*

— Ни в коем случае! Слушай-ка, Ахи... э-э... Ариэль, мне кажется, где-то поблизости я видел симпатичную комнатку, где наливают стаканчик-другой, не так ли?

— А! *Qui!* А ты, Магистр, понимаешь толк в жизни! — прорицательница кокетливо улыбнулась ученому. — Идемте, *mes amis*. Хайме мы можем спокойно оставить одного. Малышка Луиза попозже заглянет к нему.

Чуть погодя друзья уже сидели в кабачке, уютном помещении с добела выскобленными столами и длинными лавками, и ждали Ариэль.

Они с любопытством осматривались. Ничего особенно необычного здесь не было. У стены примостились несколько бочонков с вином, толстопуzych, пахнущих кисловатым деревом, с приспособлениями для нацеживания благородной жидкости. Над ними приемный сосуд и полки, на которых толпились кувшины и кружки. Под потолком покачивался на веревочке соломенный петух, раскрашенный в сине-красные тона — цвета Парижа. В конце зальчика был обустроен отдельный закуток для кухоньки.

— А, *mes amis*! *Pardon* за опоздание!

Ариэль, хотя нет — снова Ахилл появился на пороге. На нем было прежнее мужское платье, в котором они встретили его в полдень, только широкополую шляпу он снял, равно как и парик Ариэль. Его собственная шевелюра представляла собой длинные, до плеч, каштановые локоны. Он подсел к Витусу и спросил:

— Вы что-нибудь заказали? *Non*? А что так... э... робко? Мое *vin rouge** доступно всем. Эй, Луиза, детка! Луи-и-и-иза!

Наконец с кухни появилось закутанное до бровей создание.

— Это Луиза, — представил девушку Ахилл. — Она у меня недавно. Раньше она жила у Хайме с Франсиской. Она... э-э... трогает мое сердце, *compris*? *Alors, Louise, du vin rouge*** для всех!

Служанка кивнула. Под одобрительный говор посетителей она начала доставать с полки кружки и наполнять их вином.

— К сожалению, у меня нет французского вина, только испанское, — пожаловался Ахилл.

Магистр возмущился:

— Что значит только?! Испанское вино ничуть не хуже! Наоборот! Я уже стокосался по глотку славного красного из Рио-ха или ласкающего язык из Малаги. — Его взор затуманился. — Как давно я не пил его...

— *Qui, топ аті*, не будем спорить. В любом случае, у меня есть французский сыр, прекрасный сыр, натуральный *Fouite d'Ambert****! Пальчики оближете! Луи-и-и-иза, детка! Принеси нам сыру, да побыстрее!

Но закутанное существо не могло выполнять несколько приказов разом. Перед тем как нарезать сыр, она принесла вино. Проворным движением девушка расставила перед гостями по кружке, наполненной до краев, и приветливо кивнула каждому в отдельности. Когда очередь дошла до Витуса, он кивнул в ответ:

— Спасибо, Луиза.

Пальцы Луизы, не отпуская, крепко сжимали кружку. Витус засмеялся:

— Не хочешь удостоить меня вашего вина? Давай, возьми!

Он потянулся к кружке, но в этот момент она выскользнула у девушки из рук, грохнулась об пол и разлетелась на тысячи мелких черепков.

— Эй, Луи-и-и-иза! Что ты вытворяешь! — закричал Ахилл. — Вино, прекрасное вино, драгоценное вино! Если и дальше так пойдет, доведешь меня до того, что придется ходить... э-э... с протянутой рукой!

Луиза на мгновение оцепенела, потом схватилась за укутанную голову и убежала на кухню.

— Она такая неловкая? — участливо спросил Витус.

— *Qui* и *non*. Иногда она очень даже расторопная, а иногда нет, *compris*? Когда... э-э... как это говорится?.. Витает в облаках.

* Красное вино (фр.).

** Итак, Луиза, красного вина (фр.).

*** «Фум Амбэ» — сорт сыра (фр.).

— Ну на этот раз вина лежит на мне. Если бы я побыстрее подхватил кружку, ничего бы не случилось.

— *Qui*, не будем портить вечер. Луиза, детка! Не принимай близко к сердцу, принеси новую кружку, сыру и хлеба!

Коротышка пропищал:

— Уи-уи, госпожа Ахилл, во щё надо! Сухая труба да пустой курсак — далеко не уедешь. Залить да набить — это кучеряво!

Ахилл ни словечка не понял из заковыристой речи Энано, но это нимало не испортило ему настроения, как и остальным. Вино и закуска были поданы. Ахилл взял свою кружку, поднялся и вышел на середину залы.

— *Mes amis, mes amis*, прошу внимания! — Он встал на цыпочки и поднес кружку к голове соломенного петуха, тот, раскачиваясь, пару раз ткнулся в нее клювом. — *Voilà*! Вначале за Францию, *qui*? А потом за вас и «L'Escargot»! *A votre santé!*

Они выпили, и вскоре завязалась оживленная беседа о достоинствах национальной кухни, причем каждый считал, что кушанья и напитки его родины лучшие в мире.

Только поздней ночью друзья распрощались с Ахиллом. А тот, расставаясь, сказал:

— Вы должны навестить меня снова, *mes amis, promettez?***

И Магистр, которому язык уже подчинялся с трудом, заверил:

— Обе...щаем точно, Ахи... эль! Раз-два, и мы... здесь!

Через три дня вечером друзья снова сидели за столом в раковине «Улитки» и пили андалузское.

— *A votre santé, mes amis!* — поднимал свой бокал Ахилл, на котором в этот вечер были расшитая блестками синяя рубашка, в контраст к ней красно-лиловые панталоны и голубые шелковые чулки.

— Как ваши дела? Надеюсь, успешно? А! Витус, что это ты замер, как... э-э... вошь под ногтем?

Витус поставил свою кружку и вымученно улыбнулся:

— Радоваться нечему. Кроме хорошего крова, которым мы благодаря тебе обзавелись сразу, во всем остальном сплошные неудачи.

— А в чем дело, *mon ami*, поведай мне!

И Витус рассказал ему о поисках Арлетты и обо всех невеселых приключениях, которые встретились им на пути.

— А! Понимаю, *l'amour, n'est-ce pas?**** — Как у любого француза, при слове «любовь» взор Ахилла приобрел мечтательное выражение. — Ты, надо полагать, уже был... э-э... на приеме у губернатора?

* Ваше здоровье! (фр.).

** Обещаете? (фр.).

*** Любовь, не так ли? (фр.).

Витус нахмурился.

— Сколько раз ни пытался, так и не удалось пробиться к нему. Со мной говорил какой-то мелкий чиновник. Губернатора нет на месте. Дама по имени Арлетта ему неизвестна. Среди задержанных женщин такой не имеется. Сам он чрезвычайно занят и торопится, ему надо решить еще много вопросов. А мне лучше порасспрашивать в порту. — Витус хотел сделать еще глоток и с удивлением обнаружил, что его кружка уже пуста. — Только это-то мы и без его советов давно сделали. Спрашивали не только в порту, а по всему городу. И никто не слышал такого имени... О, Луиза, спасибо, ты очень внимательна ко мне!

Луиза наполнила его кружку и отступила. И сегодня на ней было длинное одеяние, оставлявшее открытыми лишь глаза. Она опустила ресницы и поспешно удалилась.

Витус отхлебнул.

— Какая странная девушка. У нее что, какое-то кожное заболевание? Почему она постоянно закутывается?

— Ах, кто знает, кто знает. Она не позволяет себя обследовать. Но не думаю. Просто она не такая, как все, *compris*? И поэтому она хорошо вписывается в «L'Escargot». Ты бы тоже подошел для «L'Escargot», *nain*, n'est-ce pas, mon petit ami?*** — Ахилл мило улыбнулся Коротышке.

— Играешь крапленой картой, госпожа Ахилл!

Улыбка Ахилла стала шире:

— *Rien, mon petit ami, rien!****

Витус повертел в руках кружку:

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, Ахилл.

— «L'Escargot»... э-э... *unique*****. Люди приходят, глазают, обнаруживают кабачок, пропускают кружку-другую, приходят снова — неплохой способ зарабатывать деньги, *n'est-ce pas*? Даже хороший, как думаешь? *Ruscus aculeatus* я Хайме даю, а не этот кантира... тара... ну, да ты знаешь, о чем я. Во всяком случае, ему уже лучше.

— Правда? — в Витусе проснулся врач, и он отвлекся от своих невеселых мыслей.

— *Qui, qui*, может, это действие *ruscus aculeatus*, а может, целебных камней. Возможно, того и другого или просто Божье благоволение. Главное, он выздоравливает. *Dieu merci!****** У ребенка Франсиски будет отец.

* Карлик, гном (фр.).

** Не так ли, мой маленький друг? (фр.).

*** Пустяки, мой маленький друг, пустяки! (фр.).

**** Единственный в своем роде (фр.).

***** Слава Богу! (фр.).

— Это хорошая новость! А можно мне его осмотреть?

— *Qui, certainement!**

Жар у Хайме и вправду спал. Его глаза были ясные, пульс нормальный. Единственное — он был еще очень слаб.

— Я попросил бы тебя еще два дня подержать Хайме в постели, — обратился Витус к Ахиллу. — И пусть хорошенько ест, только не жирную пищу. Лучше всего бульон с постным мясом, хлеб и фрукты. Окрепнет — может выпить стаканчик вина.

Луиза, которая стояла рядом с ним при каждом перечисленном пункте кивала. Вместо нее ответ дал Ахилл:

— Он получит все необходимое, *n'est-ce pas?* Луиза позаботится. Она... э-э... как это говорится... хорошая сиделка.

Они только собрались покинуть выздоравливавшего, как Хайме схватил руку Витуса и прошептал:

— Благослови вас Господи, сеньор!

— Ну-ну, что ты! — Витус, который понимал, что его вклад в лечение пыльщика невелик, почувствовал себя неловко. — Лучше благодари Ахилла и Луизу.

— Это я постоянно делаю. — Хайме наконец отпустил его руку. — Только я думаю, что это была иглица, это она помогла.

— Ну и ладно. — Витус не хотел обнаруживать, как его порадовало это сообщение. — Главное, ты снова будешь здоров. А вот твои глаза... Они хоть и чистые, но веки все еще воспалены. Здесь показан коллириум.

Ахилл наморщил лоб:

— Минуточку, месье корабельный доктор, а что такое... э-э... коллириум?

— Лекарство от воспаления глаз. Изготавливается оно на основе свинцового пластыря, в его состав также входят квасцы, цветки арники и черной бузины, перетертые в порошок. Хорошо бы ты раздобыл ингредиенты прямо сейчас, тогда еще сегодня я смог бы приготовить коллириум.

— Ах, *mon ami*, это очень сложно, если не *impossible***!

— Да ну! Может быть, дело в деньгах? Тогда мы с друзьями с удовольствием поможем, если...

— Ба! Да ты хочешь меня обидеть?! Дело не в деньгах, *compris?* Дело в... э-э... плохой фармации, *qui?*

Витус поднял руки:

— Извини. Понимаю. Тогда надо промывать Джейму глаза каждые два часа чистой колодезной водой. Но не слишком холодной, и хорошо бы добавить в нее капельку меда, но совсем маленькую, и мед должен быть хорошо распущен. Думаю, Луиза с этим справится. Правда, Луиза?

* Да, конечно! (фр.).

** Невозможно (фр.).

Под его дружелюбным взглядом Луиза опустила голову.

— Хорошо. Спасибо тебе. Поверь, я знаю, как могут выходить больных женские руки.

Девушка робко кивнула, поспешно отвернувшись, наклонилась и поправила одеяло на Хайме.

— Кого-то мне напоминают твои движения...

Прошло еще несколько дней. Однажды к вечеру Витус задержался в комнате прорицательницы, рассматривая в дальнем углу целебные камни, и невольно стал свидетелем того, как Ахилл, сейчас выступающий в роли Ариэль, расхваливал нескольким женщинам свои чудодейственные средства. Среди посетительниц была и жена пильщика. Франсиска как раз с сомнением возражала:

— Ну не знаю, дорогая мадам Ариэль, не знаю... Напиток, который дарит вечную молодость? Это не от Бога.

И прежде чем гермафродит успел что-то ответить, вмешалась толстозадая жена рыбака:

— Да что ты говоришь, Франсиска! Бог дает нам жизнь и забирает, если ему это угодно. Но нигде не сказано, что мы не должны сохранять нашу красоту.

Слышать подобные речи из уст этой женщины было по меньшей мере смешно, потому что в ее грубых, изнуренных тяжелой работой чертах не осталось ничего прекрасного. Жена рыбака решительно схватила флакончик, который прорицательница держала в руках.

— Мне вот только интересно, подействует ли он. С виду похоже на бульон из рыбных костей.

— Бульон из рыбных костей?! — Ариэль взвизгнула от возмущения и вырвала флакончик из мозолистых рук рыбачки. — Это, мадам, э-э... *arcanium**, *compris?* — Она торжественно подняла пузырек над головой. — Это тайное средство! Обычно я не раскрываю секрет своих снадобий, но сейчас сделаю исключение. *Alors***, две-три составные, не больше. — Целительница расправила складки своего белоснежного жабо, которое и сегодня украшало ее темно-вишневое платье, и приступила: — Зола тернового дерева, *contenu, qui?* Оловянный порошок, гвоздика, мед и *vin naturelle****. Все это надо вскипятить и... э-э... — Она сделала таинственное лицо. — А что делать дальше, я вам не скажу. Оставляю в тайне и другие ингредиенты, как и их количественные пропорции.

Тощая женщина в чепце нерешительно кивнула и спросила, сколько стоит. Ариэль назвала цену. Все женщины как одна в ужасе вскрикнули. И тем не менее — Витус забавлялся во-

* Тайнственный эликсир (фр.).

** Итак (фр.).

*** Натуральное, чистое вино (фр.).

всю — живо сдвинули головы и после короткого совещания выкупили один флакончик.

Как только женщины скрылись с глаз, Ариэль преобразилась в Ахилла. Его повадки и тембр голоса стали типично мужскими.

— Ах, *mon ami*, женщины, женщины! Отдадут последнее... Как там говорится?.. Последнюю рубашку за молодость! Вечной молодости я им дать не могу, а вот положительные эмоции — ради Бога, *n'est-ce pas*?

— Не слишком ли высока цена за положительные эмоции? — спросил Витус, выступая из сумрака, и сел напротив.

— А! Пустяки! — Ахилл пригладил локоны на парике Ариэль. — Здоровье, *mon ami*, напрямую связано с положительными эмоциями, *compris*? Когда я бодр и весел — я здоров, когда я здоров, то хорошо выгляжу. А если я подавлен, выгляжу плохо и рано умираю, *c'est tout**, *qui*?

— Под таким углом я еще никогда не рассматривал этот вопрос, — рассмеялся Витус. — Но если это так просто, зачем же тебе тогда целебные камни и все остальное?

Теперь смеялся и Ахилл:

— Снова со мной говорит *l'anglais*. Дотошный, как всегда. — Он обвел широким жестом свои драгоценности. — Мои любимцы, это... э-э... как там говорится?.. Это мои чувства, обратившиеся в камни, *compris*? — Он проворно вскочил и выбрал из всех ровно дюжину. Один за другим клал он камни Витусу на ладонь. — А? Что ты чувствуешь?

Витус помедлил с ответом.

— Ну, у меня такое ощущение, что камни начинают оживать. Может быть, оттого, что впитывают в себя тепло моего тела... Хотя нет, не только. Мне кажется, в них заключена собственная сила, своего рода излучение, которое они передают мне. Постоянное тихое излучение, их сила пронизывает меня. Приятное чувство.

— А! Ты почувствовал! — Ахилл подскочил. — *Fantastique!*** Я знал это! Ты... э-э... *sensible****, *qui*? Не каждый чувствует так отчетливо. А скажи, который из моих любимцев самый сильный?

— Думаю, этот, — Витус показал на прозрачный горный хрусталь.

— А! *Qui*! А в какой день ты родился?

— Девятого марта, то есть...

— *Le neuf mars, mon ami*?**** разочарованно протянул Ахилл. — Этого не может быть! Кристалл не воздействует на Рыб.

* Вот и все (фр.).

** Фантастика! (фр.).

*** Восприимчивый (фр.).

**** Девятого марта, мой друг? (фр.).

— Я хотел сказать, что вообще-то я родился в первых числах февраля. — Витус не хотел сейчас углубляться в свою историю с подкидывшем, это могло бы далеко увести.

— А! — с облегчением выдохнул Ахилл. — Это другое дело, тогда все правильно! Каждый знак зодиака имеет свой... э-э... амулет, *compris*? И сила камня особенно проявляется на своем знаке. *Voilà*. — Он взмахнул рукой в сторону зодиакального круга под потолком. — Сапфир влияет на Рыб, горный хрусталь — на Водолея, то есть на тебя. Или я должен обращаться к тебе «корабельный доктор»? *Voilà*, хризопраз дает силу Козерогу, гиацинт — Стрельцу, аметист — Скорпиону, берилл — Весам... Кстати, о берилле, — отвлекся Ахилл. — А что там с Магистром? Ему явно нужны бериллы... э-э... глазные окуляры, *n'est-ce pas*?

— Это ты точно подметил. Именно в поисках бериллов они с Энано и Хьюиттом бродят сейчас по Гаване. Магистр надеется найти шлифовальщика, который смог бы изготовить для него линзы и оправу.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул Ахилл и снова сел на любимого конька. — Смарагд воздействует на Деву, яшма — на Льва, халцедон — на Рака, топаз дает силу Близнецам, карнеол — Тельцу, а сардоникс — Овну.

— Я так понимаю, что все это целая наука. — Витус с наслаждением опустил голову, у него уже начал затекать затылок. — А как насчет других камней, которые не привязаны к определенному знаку?

— Насчет других камней, месье *le docteur**? — Ахилл изобразил задумчивость. — Это была бы длинная лекция. Но что касается других зодиакальных камней, как я их называю, на остальных людей они воздействуют с... э-э... одинаковой для всех силой. Как ляпис-лазурь, например, на всех, *compris*?

— Думаю, да. А ты не знаешь камня, который помогал бы отыскать след пропавшего человека?

— След человека? — удивленно посмотрел на него Ахилл. — Ты говоришь *enigmatique*... э-э... загадками.

Витус безнадежно махнул рукой:

— Ладно, не бери в голову, Ахилл, но мы до сих пор не напали на след Арлетты, хотя облазили пол-Гаваны и опросили чуть не каждого ее жителя. Среди них попадались и довольно темные личности. Ты не знаешь человека по имени Сансер?

— Сансер? Э-э... торговец невольниками? — Ахилл поморщился. — Вонючий экземпляр. Не... э-э... образец настоящего француза.

— Ты думаешь так же, как и я. Но в порту мимо него и мышь не проскользнет. Кстати, он позволил мне обследовать свой

* Доктор, врач (фр.).

«живой товар», прежде чем пустит его на продажу. Так что бедным созданиям удачи, по крайней мере, избежать ощупывания похотливых рук.

— Это понятно. Только непонятно, тебе-то зачем это надо, *топ ати*?

— А почему ты помог Хайме?

— Ну, *топ ати*...

— Вот видишь! Я помогаю по той же причине. А кроме того, мы с Магистром давным-давно дали клятву бороться с несправедливостью, где бы ее ни встретили. И, можешь быть уверен, мы не упустим шанса «освободить» Сансера от его «живого товара».

— Ты и твой друг, вы... э-э... замечательные люди, *топ ати*, я горд знакомством с вами.

— Я могу вернуть тебе этот комплимент!

Они ощутили стеснение из-за того, что их разговор неожиданно принял такое направление, но атмосферу неловкости, сама того не ведая, разрядила вошедшая Луиза. Она легкой поступью проскользнула к Ахиллу и подала ему такой же, как она, завернутый в отрез простой ткани плоский четырехугольный предмет.

— А, Луиза! — гермафродит принял пакет. — *Merci*, детка. А теперь возвращайся к себе, *qui*?

Ахилл распаковал передачу, и в его руках оказался поясной портрет пожилой дамы в скромном черном одеянии. Из ее прически с прямыми пробором торчало перо. Узкие глаза и высокие скулы выдавали в ней индианку. По правде говоря, портрет не был шедевром живописного искусства, даже если и обнаруживал сходство с какой-то персоной.

— Портрет должен изображать... э-э... *tataп* Франсиски. Франсиска через него будет говорить со своей матерью, *сот-прис*? А я ей в этом помогу.

Витус рассмотрел живописное произведение.

— Не понял. Как это ты поможешь Франсиске говорить с ее матерью? А главное, зачем ей это нужно?

— А, месье Хочу-Все-Знать! У Франсиски должен быть ребенок, а у ребенка должно быть имя, *n'est-ce pas*?

— Разумеется. И что с того?

— А имя Франсиска хочет... э-э... как там говорится?.. Согласовать со своей *tataп*. А я, я... э-э... оживлю эту *tataп*.

— Ты оживишь картинку?! Но это невозможно! А ну-ка, объясни! — Витус тряхнул головой, чтобы отогнать наваждение, и подался вперед.

Ахилл вытянул губы трубочкой и напустил на себя важный и таинственный вид:

— Я объясню тебе, *топ ати*, но только потому, что ты — это ты.

Он поднялся из-за стола и жестом пригласил Витуса следовать за собой. Они прошли через нишу, за которой Хайме лежал в такой крохотной комнатке, что Витус принял ее за самую сердцевину раковины «L'Escargot». Но, к его вящему удивлению, Ахилл привел в действие какой-то потайной механизм на стене, который открыл невидимую дверцу. Они очутились в комнате-двойнике перед занавесом цвета ночного неба с разбросанными по нему серебряными звездами. Витус мало что понимал, но от расспросов воздержался, и его любопытство вскоре было удовлетворено. Это помещение оказалось своего рода зеркальным кабинетом, который «позволял представлять предметы в трансформации», как выразился Ахилл.

В передней части помещения предмет за стеклом освещался. Зритель видел вначале только его. Потом свет медленно гас, и одновременно с этим в противоположной половине кабинета высвечивался другой предмет. Потому как первое помещение уже было погружено во тьму, стекло работало как зеркало и являло четкое отражение. Возникал эффект совершенной метаморфозы.

— Полагаю, я понял механизм действия, — сказал Витус. — Но какое отношение все это имеет к матери Франсиски?

— А! Терпение, *mon ami*, терпение. Скажи, у тебя остались еще эти кока-листья от симарронов?

— Кока-листья? Ах да, конечно. — Как-то Витус поведал ему о коке и наркотическом действии листьев этого кустарника. Сам он до сих пор не знал, насколько силен этот наркотик. — А что ты собираешься делать с листьями коки?

— Ах, *mon ami*, когда Франсиска будет говорить с *tata*, хорошо бы ее немножко... э-э... одурманить. Мы бы с тобой до того могли проверить их действие на себе.

— Проверить на себе? — Витус заколебался, но его интерес к исследованиям взял верх. — А почему бы и нет? Пойду приношу!

Спустя какое-то время Витус вернулся с двумя готовыми дозами. Они состояли из завернутой в листья коки зола. Зола была простым наполнителем, таким же пользовались и индейцы. Оба с любопытством сунули по свернутому листу в рот и принялись жевать.

— Не слишком *délicat**, *mon ami*! — промычал Ахилл с набитым ртом. — *N'est-ce pas?*

— Точно.

И тем не менее они проглотили по порции кашицы из сока коки, слюны и зола и принялись прожевывать дальше. Вскоре выяснилось, что голод, который одолевал обоих недавно, отступил. Еще немного погодя ими овладело состояние эйфории, все

* Вкусный (фр.).

показалось простым и ясным. Мир был прекрасен, и они готовы были свернуть горы.

— Не понимаю, чего это я так убиваюсь по Арлетте! — весело воскликнул Витус. — Да я завтра же найду ее, или послезавтра, или через пару дней. В конце концов Гавана не стог сена, а Арлетта не иголка.

Ахилл прыснул, при этом из его рта вылетели ошметки бурой кашицы:

— Ах-ха-ха, *top ami!* Твоя, ах-ха-ха, возлюбленная не иголка! Ах-ха-ха, уверен, что формы ее получше! Хо-хо! — Внезапно он вскочил и бросился к ведущему наружу витку «улитки». — Мне надо пи-пи.

Витус кивнул, не прекращая жевать. Ему пришло в голову, что не стоит проглатывать больше еще одной порции, потому что он не знал, как поведет себя наркотик дальше. Пока что он чувствовал себя великолепно и хотел как можно дольше сохранить это состояние. Наконец-то, после стольких дней, у него было легко и радостно на душе, и его не покидало ощущение, что Арлетта где-то близко, и он обязательно найдет ее.

— Арлетта? — изумленно спросил он, поднимая взор.

Он так неотступно думал о любимой, что фигура, возникшая в дверном проеме показалась ее призраком. Или она была из плоти и крови? Он часто заморгал, чтобы распознать видение, и на какое-то мгновение в мозгу скользнула мысль о Магистре, который ушел добывать себе бериллы, дай Бог, чтоб успешно... И Магистр материализовался в дверях. Да нет, это Энано, хитрюга Коротышка... Или Хьюитт, на которого всегда можно положиться? О, друзья, верные друзья! Да это все они здесь... Витус с трудом сконцентрировался и снова взгляделся в фигуру перед собой.

— Арлетта, это ты?

Фигура отделилась от дверной рамы и ответила:

— А, *top ami, pardon!* Я подзадержался с пи-пи, — хихикнул Ахилл. — Смешно, *n'est-ce pas?* Все вокруг... э-э... расплывается, *qui?*

Радостное возбуждение Витуса лопнуло, как мыльный пузырь, взамен его нахлынуло тоскливое разочарование.

— Да, ты прав... к сожалению.

Двадцать четыре часа спустя Витус снова был в зеркальном кабинете. Он стоял, спрятавшись в складках занавеса цвета ночного неба, невидимый для всех, даже для Ахилла. Ахилл снова преобразился в Ариэль и уже довольно долго занимался женой Хайме.

Все было подготовлено тщательно. Для того чтобы обе половины кабинета могли освещаться точечно, был использован

свернутый воронкой кусок пергамента, который снаружи выступал в помещение. Чтобы устройство функционировало, у его конца надо было держать горящий факел. Это задание поручили Луизе и Педро, вознице.

Дело продвигалось медленно.

— А, мадам! — слышался голос Ариэль. — Как хорошо, что вы принесли орхидеи! Без орхидей все было бы *impossible, n'est-cepas?* Вы уже ощущаете влияние тайных листьев?

— Тайных листьев? — Франсиска была так взволнована, что не сразу поняла, о чем говорит прорицательница. Потом до нее дошло. — А, вы имеете в виду листья, которые я все жую и жую! — Она скривилась в подобии улыбки. — Вкус у них отвратительный, но они помогают, я думаю. Я уже чувствую приближение моей матери. Правда чувствую.

— *Voilà*, я была уверена, — ответила мадам Ариэль без удовлетворения. — Вы хорошо меня видите?

— Ну конечно, правда, немного смутно, как будто вы то на шаг отступаете, то приближаетесь. Как будто я смотрю на вас через темную рябь в пруду... Здесь так мало света...

— *Qui*, мадам. Сядьте сюда, — Ариэль указала на стул, который был поставлен перед занавесом цвета ночного неба.

Минуту спустя она велела Франсиске выплюнуть листья коки в приготовленную миску, а сама отступила к стене, на которой висела едва теплившаяся керосиновая лампа. Она подвернула фитиль, и в комнате повисла тьма.

Франсиска исторгла испуганный возглас и тут же начала молиться:

Ave Maria, gratia plena, Dominus tecum benedicta Tu in mulieribus et benedictus fructus ventris Tui, Jesus. Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis peccatoribus nunc, et in hora mortis nostrae. Amen.

Было темно, хоть глаз выколи.

Мадам Ариэль откуда-то возвестила:

— Спиритический сеанс можно начинать.

Витус почувствовал, как занавес раздвигается, ощутил, как его сжимают тяжелые складки драпировки, и вслед за этим услышал едва уловимое пощелкивание пальцами. Медленно чернота уступала место тусклому свету. А в центре этого слабого луча вырисовывался букет орхидей. Полупрозрачные белые лепестки отливали желтым и словно покачивались от легкого дуновения ветерка в большой вазе. Витус понял, что такой эффект создает колеблющееся пламя факела на другом конце пергаментной воронки. Кто-то, Луиза или Педро, ловко орудовали огнем.

— Вы видите орхидеи? — спросила мадам Ариэль голосом заклинателя.

— Да-да, вижу! Цветы качаются. О, они качаются, как будто... на них кто-то дует!

— *Qui*, мадам, Орхидеи... э-э... воспринимают последний вздох вашей *tatat*, они зовут, зовут...

Снова раздался легкий щелчок. Незаметно глазу свет тускнел, цветы меркли, расплывались, и из середины букета все явственнее проявлялось лицо. Лицо пожилой женщины с портрета. Узкие глаза строго смотрели из пустоты, поскольку рама портрета лежала вне круга света.

— Мама? — ахнула Франсиска, не веря своим глазам. — Мама! О мама, это правда ты?

Голова, которая висела в черноте, как лампийон, кивнула. Со сдавленным стоном Франсиска упала на колени и начала креститься.

— Отец наш Небесный, хвала Тебе во веки веков! Сотвори это чудо для твоей грешной дочери Франсиски, дай ей еще раз, один-единственный раз поговорить со своей матерью...

Она бормотала и бормотала молитву, и конца этому не было видно. Тут ее прервал голос Ариэль:

— Ах, мадам, спиритический сеанс... э-э... ограничен во времени! Лучше скажите, чего вы хотите.

Франсиска еще раз перекрестилась, села на стул и смущенно пролепетала:

— Мама, у меня будет ребенок, слышишь? Ребенок! — Она шмыгнула носом. — Господь по милости Своей сделал так, что я понесла. Ну не чудо ли, а, мама? — Мать Франсиски хранила молчание. — Мама!

— Ваша *tatat*, мадам, — слышался голос Ариэль, — может вас слышать, но не может говорить, *compris*?

— Ах вон как! Ну да. — Франсиска подобралась. — Мама, я хочу дать ребенку христианское имя, да не знаю, какое. А Хайме, ты же помнишь Хайме, моего мужа, хоть знала его и недолго, потому что тогда уже была больна, когда мы поженились, помнишь, мама, ты уже болела этой...

— Мадам, — снова вмешалась Ариэль, — не забывайте о времени!

Торговка орхидеями сглотнула. Она повернулась в ту сторону, откуда исходил голос:

— Но как я узнаю, согласна ли моя мать, когда она не отвечает?

— Дождитесь знака, мадам, и узнаете.

Франсиска недоверчиво посмотрела в темноту, потом на лицо матери, вздохнула и начала заново:

— Симон? Как тебе Симон, мама?

Никакого движения.

— А если Павел, мама?

Тишина.

Витус в своем укрытии удивился глупости женщины. О том, что может родиться девочка, у беременной и мысли не было.

— Может, Петр?

Когда опять не последовало никакой реакции, Франсиска за-нервничала. Она выпалила разом целый список библейских имен:

— Моисей? Авраам? Исаак? Иаков?

Ничего.

Ариэль снова напомнила:

— Время, мадам, думайте о времени!

Возможно она боялась, что факел погаснет.

Франсиска вконец разволновалась. Она лихорадочно сообщала и вдруг осчастливила:

— Иисус, да, мама? Иисус! Против имени нашего Спасителя ты ведь не будешь возражать?... Или...

Престарелая индианка отрицательно покачала головой.

— О мама, как же мне тяжело с тобой!

Франсиска начала беспомощно озираться в поисках Ариэль, но чернота вокруг стояла как в самую безлунную ночь. Казалось, она поглотила предсказательницу. Только лик матери строго взирал на нее. Теперь он казался за туманной дымкой.

— Ах, какая жалость, что ты не можешь говорить со мной, как Хайме, мой добрый муж, мама! О, ты знаешь, он такой хороший, совсем не пьет, не просиживает штаны в трактирах, не шляется... Но он мужчина, как все они! Когда я спросила его, как назовем сына, ему на ум не пришло ни одного имени, кроме своего соб... — У Франсиски слова застряли в горле, потому что в то же мгновение лицо склонилось к ней. — Мама? Мама, ты думаешь, что...

Голова заходила вверх-вниз, вверх-вниз. При некотором воображении можно было себе представить, что индианка кивает.

— Хайме? Хайме, ты так считаешь, мама? — Франсиска забила в ладоши. — О мама, конечно! Как я сама до этого не додумалась! А знаешь, для моего мужа большей-то радости и не будет, чем если я назову ребенка его именем!

— *Voilà*, лучшего имени и не придумаешь, *n'est-cepas?* — слышался негромкий комментарий Ариэль, и уже в полный голос предсказательница добавила: — Вот и хорошо! — Выступив из темноты, она подошла к лампе.

Пламя в фитиле медленно росло, и чем ярче разгоралась лампа, тем прозрачнее становилось видение с того света. Франсиска, как замороженная, плилась на исчезающий образ и, когда он растаял, истово перекрестилась в который раз.

— Господь всемогущий, благодарю Тебя!..

— А! Благодарность — это похвально, мадам, — снова вмешалась Ариэль. — Отдайте Богу Богово, а мне вы должны дуб-

лон и эскудо. — Она подхватила жену пыльщика под руку и повела ее к выходу в спираль «улитки». — Расплатитесь со мной по дороге, *n'est-ce pas*? Идемте! И наилучшие *compliments** вашему супругу.

Обе исчезли. Витус не успел оглянуться, как остался один. С некоторым усилием он выпутался из складок занавеса, посмеиваясь над чудесами иллюзии, которые только что видел. И все-таки он никак не мог отделаться от ощущения мистической атмосферы, которая царила в зеркальном кабинете. Вокруг него снова начала сгущаться темнота. Витус огляделся и понял причину — лампа догорала. Он подошел к ней. Ну конечно, всему есть простое объяснение: запас керосина был на исходе. Ему пришлось в голову, что лучше бы использовать остатки света для поиска обратного пути. Он снял лампу со стены, и в тот же момент она потухла. Темнота обступила его. Он помнил, в каком направлении выход, и сделал первый шаг. Неожиданно на его предплечье легла чья-то рука.

— Ахилл? — бросил он во тьму.

Вместо ответа он ощутил пожатие, и рука потянула его в другом направлении.

— В чем дело, Ахилл?

Мягко, но настойчиво его тянули дальше.

— Ты не Ахилл! — осенило его. — Кто ты? — Он попробовал нащупать таинственного спутника, и в его руках оказался край грубой льняной ткани. Теперь он знал, кто это. — Луиза, это ты, да?

Он сделал с ней несколько шагов. Казалось, Луиза прекрасно ориентировалась в лабиринтах «L'Escargot» и целенаправленно вела его куда-то. Она открыла узкую скрипучую дверь, о косяк которой он чуть было не расшиб лоб, проскользнула в темное помещение за ней и остановилась. Она все еще судорожно цеплялась за его руку. Витус почувствовал себя неловко, но не плохо.

— Что все это значит? — строго спросил он. — Ах да, ты же не можешь говорить. Впрочем, догадаться несложно. Я должен тебе как-то помочь?

Ее рука по-прежнему крепко держала его. Он попытался освободиться, но не тут-то было. Тогда он решил действовать шуткой:

— Если тебе так нужна моя рука, давай сделаем вид, что она твоя.

Говоря это, он старался разглядеть хоть контуры, но даже это не удавалось. А что если это помещение — ее каморка? Если это так, то он явно попал не туда, куда надо. Конечно, Луиза была всего лишь служанкой, но и в этом случае ему здесь нечего искать...

* Здесь: приветы, поздравления (фр.).

Витус откашлялся, чтобы объяснить девочке неприемлемость создавшейся ситуации, и тут почувствовал под пальцами покрывало — Луиза прижала его руку к своей щеке. Но в этот момент случилось еще кое-что, что повергло его в ужас: ее плечи начали вздрагивать: она плакала. И плакала как обычная, нормальная женщина. Немая, конечно, может всхлипывать, как и дышать, но не в голос же! Его смтение росло. Что-то здесь было не так. Луиза еще крепче прижала его руку к щеке, и он услышал свой голос, показавшийся ему чужим:

— Хватит, хватит, Луиза, не надо плакать! Не так уж все плохо...

Ее рыдания стали громче.

Он уже пожалел о своих глупых словах. Откуда он может знать, насколько у нее «не плохо»? Что он вообще знает о ней и ее судьбе? Ничего, ровным счетом ничего. Разве что может предполагать, что ее лицо так безобразно, что она никому не отваживается его показать.

— Прости, — с раскаянием сказал он. — Я сказал глупость, да? Ну пожалуйста!

Она все плакала.

— Хватит, хватит, иди ко мне!

Витус обнял ее за плечи свободной рукой и притянул к себе. Он чувствовал себя подлецом, особенно когда Луиза вдруг освободила его руку и положила голову ему на грудь. При этом она обняла его с такой силой, как будто не хотела отпускать больше никогда в жизни. Зато она перестала плакать.

— Ну что, стало лучше? Лучше? Все в порядке, да?

Его голос стал хриплым от напряжения. Где-то на грани сознания мелькнула мысль, что пора уходить. Но он потерял ориентацию, а кроме того, поймал себя на том, что держать Луизу в объятиях очень приятно. Даже больше, чем приятно... Он почувствовал, как его член становится твердым, и застыл в панике. Пospешно отодвинулся.

Она снова прижалась к нему.

Через ее накидку он чувствовал упругость ее груди и округлость холмика внизу живота. Его возбуждение нарастало. Боже всемогущий, во что он впутывается! Он постарался освободиться из ее объятий.

— Проводи меня к выходу, — прохрипел он.

Она опять заплакала. На этот раз казалось, что открылись все шлюзы ее горя — так безутешно она рыдала. И, не прекращая рыдать, покрывала поцелуями его лицо через свое покрывало. Она плакала и целовала, целовала и плакала, и снова целовала...

И каждый раз хваталась за него, как утопающая.

Витус не понял, как это произошло, но неожиданно он оказался с ней на полу, на шуршащей соломе. Он осознал, что на-

стал тот момент, начиная с которого мужчине чертовски трудно противостоять вожделению. Но что настолько трудно, он и подумать не мог! И он ответил на ее страстные объятия. Он неистово подмял ее под себя, всем существом чувствуя под собой гибкое юное тело. Он почти полностью утратил ощущение реальности, когда она порывисто помогла ему скинуть одежду. А когда он собрался стянуть через голову ее хламиду, она остановила его. Даже в крошечной тьме она не хотела открывать своего лица.

— Как бы ты ни выглядела, — прошептал Витус, — я знаю, что ты прекрасна.

Она покачала головой и прижалась к нему с новой силой. Теперь случилось то, чего она опасалась: ее одеяние соскользнуло к шее, и Витус обнаружил, что под ним ничего не было. Его жаждущая рука скользнула к ее лону, задержалась там, поласкала упругие завитки волосков, поднялась к плоскому животу, обхватила крепкую грудь, нежно сжала ее, погладила затвердевшие соски, поползла к лицу и... наткнулась на преграду. На мгновение Витус опомнился, но пыл, с которым ее лono приподнялось ему навстречу, заставило его все забыть.

— Я знаю, что ты прекрасна, — страстно шепнул он снова, прокладывая себе путь к вратам рая. — Я знаю, что ты прекрасна, что ты... прекрасна... что ты... о-о-о! Как ты прекрасна!

И с каждым словом он все глубже проникал в нее. Волны наслаждения захлестывали его, когда он яростно двигался в ней вперед-назад. Они лишали его рассудка, не оставляли ни уголка для трезвой мысли. Он не осознавал, в каком щекотливом положении оказался. Он готов был любить женщину, лица которой ни разу не видел, нрав которой был сокрыт от него, а тело открылось только сегодня. И все-таки ему казалось, что она прекраснейшая в мире женщина.

Прошла уже целая вечность с тех пор, как он был с женщиной, слишком давно, слишком давно...

Луиза сливалась с ним, стала частью его, а он — частью ее. Она обвивала его, полностью поглощала, чуть отпускала и забирала снова. Она принимала его в себя и раскачивалась в ритме обоюдной страсти. Его потрясала ее сила, необузданность, с которой она отдавалась ему.

Внезапно она снова начала всхлипывать под своим покрывалом, громко и безудержно. Но он не обращал на это внимания. Он уже ни на что не обращал внимания. Его руки мяли ее тело, язык искал ее губы, а чувствовал только намокшую от слез ткань. Он продолжал исследовать ее плоть, глубины ее лона. Он возносился и погружался. Возносился и погружался... Господи, пусть это мгновение никогда не пройдет!.. Но дальше сдерживаться было невозможно. В ушах завибрировал протяжный сладострастный крик мужчины. Он даже не заметил, что источ-

ник этого вопля он сам. И снова раздался крик. Момент извержения настал!..

Не прекращая движений, уже отрезвленный, как каждый мужчина, достигший пика, он услышал другой крик, дикий, отчаянный, — и содрогнулся.

Это был ответ Луизы.

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА МАРОУ

Ты тоже хочешь забеременеть с моей помощью? Почему? Может, ты уже отчаялась?

Было далеко за полдень, когда Луиза осторожно приблизилась к своей каморке. В этот день она поднялась ни свет ни заря, бесшумно ступая, как кошка на своих мягких подушечках, потому что Витус возле нее все еще крепко спал. Глубокая складка на его лбу разгладилась. Улыбка осветила ее лицо, когда она смотрела на его разметававшиеся светлые локоны.

— Я люблю тебя, Витус. Одному Богу ведомо, как я тебя люблю! — еле слышным шепотом выдохнула она.

Слезы снова подступили к ее глазам, и она вырвала себя за бесконечное нытье. «Время плакать, — сказала она себе, — кончено раз и навсегда. Все будет хорошо!» Она выскользнула из своей каморки и занялась повседневной работой в «L'Escargot». Ахилл, хоть и был душкой, не терпел, когда работа, какой бы она ни была, стояла.

И только теперь, когда основные дела были закончены, она улучила минутку на то, что задумала еще ночью. Потихоньку, дюйм за дюймом, открывала она дверь. Сердце было готово выскочить из груди: если Витус еще там и заметит ее, она просто не знала, что и делать. Нет! Только не после такой ночи! Дверь предательски скрипнула, и Луиза затаила дыхание. Она быстро заглянула в щель. Слава Богу! Витуса не было. Проскользнув внутрь, она скинула свой кокон и натянула изрядно потертую одежду для верховой езды. Поверх снова обернулась в свою накидку. Бросив прощальный взгляд на свое убогое пристанище, она прикрыла дверь и, пройдя по извилинам «Улитки», покинула заведение Ахилла.

Как рыба, выброшенная на сушу, ловя ртом воздух, старая Мароу остановилась перед ступенькой у двери заднего входа в свою хижину. При ее комплекции каждый шагжок, даже самый маленький, давался ей с мукой. Особенно если он вел наверх.

— Да, ходить мне с каждым разом все труднее, Каналья!

Роскошного оперенья трогон, который сидел у нее на плече, с клетотом перелетел на крышу.

— Ты славный мальчик, Каналья, только не в тебе дело, ах!

Ахая и охая целительница оторвала от земли свою слоновью ногу, но та не хотела подниматься больше чем на дюйм. Только после многочисленных попыток, помогая себе руками, Мароу смогла одолеть пологую ступеньку.

— Слава Господу и Деве Марии! Сделали!

Еще несколько тяжких, трудно преодолимых шажков, и Мароу, вся в липком поту, ухватилась за свое кресло у очага.

— Понять не могу, чего это я год от года все больше толстею, — бормотала она. — Уже целую вечность, можно сказать, ничего не ем, только пью. Да, пить мне надо много. И все равно, по-моему, отливаю больше, чем заливаю в себя...

Качая головой, она разглядывала железную посудину, которую только что опорожнила за домом и все еще держала в руках.

— С каждым разом эта штука наполняется все быстрее.

Она, пыхтя, засунула посудину под кресло, подняла подол своего платья и плюхнула непомерно пышный белый зад на дыру в седалище. Массивные ножки кресла жалобно скрипнули.

— Ну, слава Богу, села!

Каналья слетел к ней и снова пристроился на плече. Ну вот, все так, как и должно быть. В душе Мароу поселился покой, тело расслабилось, сердце уняло свой бешеный ритм.

Огонь в очаге согревал. Собственно, в это время года люди обычно не разжигают очаг, но ей все время было холодно. Может оттого, что она мало двигалась. Но она так любила покой! И удобство...

Целительница прекрасно понимала, что образ ее жизни никак не назовешь здоровым, но она сама его выбрала и не собиралась менять. Девчонкой она была стройна, как кипарис, и зарабатывала себе на хлеб тем, что бегала по Гаване на посылках. С утра до вечера на ногах. Как и весь город. Люди бежали на работу, бежали в конторы, по своим делам, бежали на рынок; мужчины бежали к женщинам, женщины бежали в церковь. Дети убегали, если натворили что-то, нищие бежали от двора ко двору, купцы гнались за деньгами. Все спешили, все суетились. Еще в те времена она мечтала о покое.

С годами ее дар целительницы все больше высвобождался из-под спуда, и это было очень кстати. Потому что теперь не она бегала по людям, а люди приходили к ней.

— По-моему, к нам кто-то спешит, Каналья, — сообщила она трогону. — Хоть мои глаза уже не так хорошо видят, но слух все еще острый. По шагам, это женщина, а судя по легкой поступи, очень молодая. Молодые женщины приходят либо из-за своих любовников, либо из-за гадости, уродующей их красоту, вроде бородавок или сыпи. А чаще из-за того и другого вместе. — Мароу шумно выпрямилась. — Ну посмотрим.

Шаги приближались, становились все нерешительнее и, наконец, остановились.

— Ну чего испугалась? Заходи! — крикнула целительница. — Мароу не кусается.

Старуха заколыхалась от собственной шутки, но ее смех быстро оборвался, потому что через порог хижины переступило странное, закутанное с ног до головы существо. Просторное темное одеяние оставляло лишь щелку для глаз.

Создание застыло, а потом изобразило нечто вроде поклона. Это дало Мароу возможность кое-что разглядеть. Перед ней стояла и впрямь очень молодая женщина, которая казалась совершенно здоровой. По крайней мере, ее движения не обнаруживали никаких физических изъянов. Может быть, у нее какой-то не слишком опасный недуг. Хорошо бы, потому что высокое медицинское искусство вроде диагностики или оперативного вмешательства не было ее коньком. За это она не бралась. Ее дар лежал в других сферах, сферах, не объяснимых научным знанием. Да, это было необъяснимо, каким образом ее дар заставлял людей так поверить в выздоровление, что они и в самом деле выздоравливали. Эта способность вместе с хорошей порцией понимания человеческой натуры и наблюдательностью принесла ей добрую славу, и не только в Гаване.

— Меня зовут Мароу, — приступила целительница. — А кто ты? И кто тебя ко мне послал?

— *Buenos dias**. Меня никто не посылал.

Голос под накидкой звучал глухо. И все-таки Мароу сразу определила, что посетительница не была испанкой. И не португалкой — слишком сильный акцент. Может быть, французенкой? Нет, акцент был бы элегантнее. Скорее всего, англичанкой. Да, именно англичанкой.

— Франсиска Озос рассказывала, что благодаря твоей помощи она смогла забеременеть. Она так расхваливала твоё искусство, что я подумала: может быть, и мне ты сможешь помочь.

— Да ну? Ты тоже хочешь забеременеть с моей помощью? Почему? Может, ты уже отчаялась? — Мароу снова заколыхалась от смеха.

— Нет-нет! — воскликнула незнакомка, которая была не кем иным, как Луизой, и замолчала.

— Ладно. Я просто пошутила.

Молодая женщина определенно уже познала мужчину, и он не был ее мужем. Может быть, даже и не любовником. По крайней мере, ребенка она явно не жаждет. Значит, ее заботы совсем другого рода. А это скрывающее все тело одеяние...

— Полагаю, все дело в... твоей коже?

— Откуда ты знаешь?

*Добрый день (исп.).

Мароу довольно хрюкнула:

— Я знаю больше других. Если бы это было не так, я не была бы целительницей.

— Да, дело в моей коже, — пролепетала Луиза. — И ты моя последняя надежда!

— Подойди ближе, я уже не так хорошо вижу. Не бойся. Думаешь, я не заметила, что ты не хочешь назвать мне свое имя? Да, имена — это шелуха. В счет идет то, что под ним прячется. И только это! Ладно, давай, подойди. Если кто и поможет тебе, так это я.

Луиза подпорхнула к ней. В свете очага Мароу увидела, что у девушки зеленые глаза в опущении густых золотистых ресниц.

— Если твое лицо так же красиво, как глаза на нем, то Бог многим одарил тебя с колыбели.

— Мое лицо не красиво. Оно уже давно безобразно.

Одним решительным движением Луиза сбросила накидку через голову.

Мароу лишилась дара речи.

Еще никогда она не видела ничего подобного. Лишь губы, нос и веки оказались нетронутыми, все остальное было покрыто иссиня-красными, большей частью водянистыми пустулами. Между ними не осталось и лоскутка чистой кожи. Гнойное высыпание простиралось до точеной шеи и, словно в насмешку, обрывалось резкой границей, уступая место нежной, безупречно белой, бархатистой коже.

Мароу собралась с духом. На ее морщинистом лице отчетливо проступало сочувствие.

— Болит?

— Да, страшно! — В голосе Луизы звучало отчаяние. — Слово огнем жжет. Недели через две-три подживает, а потом начинается снова. А боль не отпускает никогда. Как будто постоянно хлещут бичом.

— Понимаю. Твои страдания вдвойне тяжелы. Из физических мук произрастают душевные терзания. Скверная болезнь, очень скверная.

— А как она называется? Она излечима?

Луизе вдруг отказало самообладание — она заломила руки, глаза наполнились слезами, — но всего лишь на мгновение. Минутная слабость прошла, и она снова распрямилась, глаза высохли. Мароу тут же ухватила, что перед ней человек, способный на борьбу. Это хорошо.

Она не спешила с ответом. Внимательно осмотрела каждую гроздь высыпаний, обнюхала отдельные пузырьки, потрогала мокнущие выделения, рассмотрела подсохшие кое-где корочки, ощупала лимфатические узлы за ушами. Медленно, очень медленно, обдумывая каждое слово, целительница сказала:

— Тысячи роз цветут на белом свете, где только Господь всемогущий повелел чему-то произрастать. И из всех них Он наградил тебя самой безобразной. Это ползучая роза, дитя мое.

— Ползучая роза? — Луиза попыталась улыбнуться.

— Да, другими словами, опоясывающий лишай.

Девушка задумалась.

— О такой болезни я слышала, но не знала, что она может появиться на лице.

Мароу вздохнула:

— Ползучая роза коварна, дитя мое. И может появиться где угодно на теле.

— А ты сможешь меня вылечить?

— Только с твоей помощью.

Луиза бросилась перед целительницей на колени и схватила ее руку:

— Я буду делать все, что ты скажешь, все! Скажи, что я должна сделать?

— Хорошо. Для начала расскажи мне историю твоей болезни. Когда она появилась впервые? При каких обстоятельствах? И что ты предпринимала против нее.

Девушка немного помолчала и, запинаясь, начала:

— Ну... в первый раз она проявилась во время моего бегства... Ах, откуда, к делу не относится! Да... во время моего бегства...

— И все-таки где это было?

— Э-э... на одном острове... а потом на море. Я хотела по морю добраться до Гаваны, чтобы сесть на корабль, отплывающий на мою родину.

— В Англию, не так ли?

— Да. А откуда ты знаешь?

Мароу промолчала. Ее взгляд упал на костюм для верховой езды, в который была облачена девушка. Кожа изысканного одеяния потерлась и выцвела, но внимательный глаз мог подметить, что она тончайшей выделки и хорошего пошива, — дорогой костюм. А если взглянуть пристальнее, то на левой груди можно еще различить поблекший герб.

— Ты англичанка и из аристократической семьи, так ведь?

— Ну, я...

— Послушай, дитя мое, — жарко заговорила целительница. — Только что ты мне сказала, что сделаешь все, чтобы вылечиться, что сделаешь все, чтобы помочь мне тебя вылечить, а теперь не хочешь ответить даже на самые простые вопросы. Замкнулась, как устрица. Если ты не расскажешь мне откровенно о твоей жизни, я ничего не смогу для тебя сделать. Ничего! — Она взяла огромный глиняный кувшин и плеснула себе полную кружку воды.

— Я... мне... мне так стыдно, — прошептала Луиза. — Я наде-
лала столько ошибок! Я все испортила. Все! И больше никогда
не буду счастлива! Даже если мы одолеем мою болезнь...

— Как его имя? — коротко спросила Мароу.

— Этого я не могу сказать!.. Что, надо, да? Ладно, расскажу
тебе все, что и как случилось.

Мароу поднесла кружку ко рту:

— Слушаю.

День уже клонился к вечеру, когда Луиза окончила свой рас-
сказ. За это время ей не раз приходилось справляться со слеза-
ми, и каждый раз успешно.

Мароу погладила посетительницу, которая больше не была
незнакомкой, по роскошным золотисто-медового цвета воло-
сам.

— Я многое увидела, пока ты рассказывала, и теперь знаю все.

Что конкретно она знает, целительница не стала открывать
девушке. Знала она больше, чем слышала. Сила конкретных
имен и положение звезд позволили ей прозреть будущее. Она
видела его так же ясно, как и картины развернувшегося перед
ее взором прошлого. И было там не только хорошее.

— Я знаю, что вы найдете друг друга, — лаконично сказала
она.

— Боже всемогущий! Это правда? — Девушка от радости
хлопнула в ладоши. — Когда? Где? Скажи!

— Тебе придется еще потерпеть, дитя мое. Месяц, может,
два, но не больше трех.

— Слава Тебе, Господи! А где? Ради всего святого!

— Как называется это место, я не могу тебе сказать. И не по-
тому, что не хочу. Я вижу только лица и материю. Вижу воду, де-
рево, металл. Ты поднимаешься вверх... оступаешься... да,
оступаешься, но не падаешь... Вот в этот момент вы друг друга
и найдете.

Девушка закрыла глаза, лицо ее светилось. Мароу показав-
лось, что в ее хижину вошло солнце. Не оборачиваясь, она про-
тянула руку за спину, пошарила на полке и достала стеклянный
сосуд с белым порошком.

— Возьми это. Пахнет он не слишком приятно, но уймёт
твою боль. И применяй этот порошок до тех пор, пока твоя ро-
за не засохнет.

— Спасибо, Мароу, спасибо! — Девушка приняла сосуд
и в порыве благодарности хотела поцеловать целительницу,
но, прежде чем ее губы коснулись морщинистого лица, она
опомнилась и отшатнулась.

— Спокойно можешь поцеловать меня, дитя мое. Твоя роза
на меня не перекинется. Скажи, ты веришь в то, что она исчез-
нет?

- Да, как в саму себя!
- Тогда через три дня твоя кожа будет как персик.

ТОРГОВЕЦ НЕВОЛЬНИКАМИ САНСЕР

Это пока не точно, но возможно, что сегодня к ночи поступит новая партия товара. От одного пи... капитана. Могу ли я еще раз рассчитывать на ваши услуги, доктор?

В южной части порта, там, где пристань далеко выдается в Бахиа-де-ла-Абана, у Мишеля Сансера, торговца невольниками, имелось собственное владение. Это был чудный дом, большой, выстроенный из тесаного камня и побеленный известью, с арочными окнами и тремя узкими балкончиками, увитыми цветами.

Сансер обзавелся этой собственностью много лет назад и не ради представительности, а из соображений практичности — земельный участок располагался поблизости от мола, куда приставало большинство невольничьих кораблей из Гвинеи. Сансеру было начхать на красоту цвета, линий и архитектурных форм, и еще меньше его привлекали красоты природы. Он имел вкус только к прекрасным эбеново-черным фигурам — рабам, за которых давали хорошую цену. Сансер питал страсть только к звонким монетам. А его любимым занятием было педантично вносить пополнение в гроссбух.

Вот как сейчас.

Он сидел в своей конторе за массивным, инкрустированным слоновой костью резным столом и подбивал итог за прошедший месяц. Итог, тщательно выведенный на бумаге пером и чернилами, выглядел внушительно. Он снова стал богаче на несколько испанских золотых дублонов, и не в последнюю очередь оттого, что избегал ненужных трат. Однако была еще пара расходных статей, куда ушли его денежки. И одна из них — месячное жалованье надсмотрщика Маноло. Парень обходился ему дороже, чем того стоил. Сансер вздохнул. Хороших работников в Гаване найти еще труднее, чем хороших рабов. Правда, на Маноло можно было положиться: еще ни один черномазый от него не сбежал. К тому же за это жалованье он еще и вполне сносно готовил. Но расходы, расходы!..

Сансер решил подыскать на его место другого работника. И, дьявол его раздери, он будет не он, если ему не удастся найти дурака, который за меньшую плату выполнял бы ту же работу! Ему в голову пришла идея. Надо будет спросить гостя, который известил его о сегодняшнем вечернем визите, не найдется ли среди его людей кого-то, кто мог бы занять место Маноло. Гостем был один капитан — пират и поставщик невольников. Ходила молва, что с ним лучше за один стол не садиться, особенно

если речь шла о сделке. Но Сансеру пока удавалось договориться с любым, к тому же этому типу он пару раз помог обвести вокруг пальца гаванские власти. Рука руку моет, как говорится. Прикинув еще раз, он пришел к выводу, что капитан должен ему помочь.

Сансер опять углубился в свою конторскую книгу и с удовлетворением отметил, что баланс положительный, более того, статья доходов значительно перекрывает убытки. Да, он свое дело знал туго! По большей части Сансер с первого взгляда умел определить, послушен черномазый или, наоборот, склонен к неповиновению. Но подчас и ему приходилось ошибаться, и товар оказывался болезненнее, чем на вид. На такой случай с недавнего времени он и обзавелся фельдшером. Парень называл себя Витус из Камподиоса и был не от мира сего. Сансер поначалу ушам своим не поверил, но этот фельдшер — да что там, дипломированный корабельный хирург! — по доброй воле согласился выполнить свою работу бесплатно, всего за парочку сплетен. Он, видите ли, желал узнать, где пребывает некая Арлетта, и, хотя Сансер понятия не имел и на этот раз честно признался, ради исключения, фельдшер тем не менее пообещал выполнить свою работу. Точно, с попутайчиками в башке!

В противоположность солидному дому Сансера близлежащая постройка была чем угодно, только не архитектурным произведением. Она служила местом содержания для живого товара и походила скорее на загон для скота, перекрытый сверху досками.

В щели наспех сколоченного барака задувал ветер из бухты. Но, по крайней мере, благодаря этому внутри воздух был свежим, что приносило некоторое облегчение невольникам с их гноящимися ранами, свербящими лишаями и зудящими экземами.

Витус стоял посреди черной человеческой массы перед сидящим на корточках прикованным цепью подростком и кричал Магистру:

— Мальчишке здесь нет еще и восемнадцати, а вид у него, как у старика. Не знаю, у кого Сансер купил его, но одно ясно: парень здорово пострадал во время переправы на корабле. Чудо, что он вообще выжил!

Маленький ученый кивнул и прищурился:

— Когда я вижу нечто подобное, жалею, что приобрел себе новые бериллы.

По правде сказать, бериллами это устройство не было. Простые стеклянные линзы, причем из двух стекляшек только одна выполняла свою функцию, потому что для левого глаза не нашлось подходящей линзы. Да, гаванский шлифовальщик совсем не то, что старина Хоакин.

— Уи-уи, так оно так, — поддакнул Коротышка, который вместе с Хьюиттом помогал Магистру. Они расставили между невольниками несколько чанов с сывороткой и показывали им, как обрабатывать пораженные участки тела этой жидкостью.

Чернокожий подросток каким-то образом понял, что речь идет о нем. Он поднял налитые кровью глаза и посмотрел на Витуса. Все его тело было покрыто гематомами. Витус успокаивающе покивал ему головой и продолжал:

— Как только здесь управимся, пойду поговорю с Сансером. Нам нужно еще сыворотки и кое-какие лекарства. Слава Богу, что торговец людьми большое значение придает тому, чтобы его «товар» к нужному сроку был в привлекательном состоянии.

— Ты прямо читаешь мои мысли, как всегда, — мрачно кивнул Магистр. — Вопрос только в том, будет ли его «привлекательный товар» к нужному сроку на месте.

— Тс-с-с, не так громко, сорняк! Не всем надо сообщать о том, что мы задумали. — Витус повернулся к парнишке. — У тебя есть понос?

Тот его не понял.

— Есть ли у тебя понос, а может быть, кровавый понос, друг?

Но паренек по-прежнему не понимал. Даже когда Витус многократно повторил вопрос, в глазах чернокожего не мелькнуло ни искорки понимания.

Магистр оставил Хьюитта и Энано и решительно двинулся к Витусу:

— Сейчас, смотри!

Он высунул язык и произвел такой звук, что симптомы болезни стали потрясаяще понятны. Одновременно он похлопал чернокожего по заднице:

— Ну?

Несмотря на плохое самочувствие, невольник осклабился. Он отрицательно покачал головой.

Коротышка фальцетом подбодрил:

— Не хезаешь? Славно, славно, чернявый!

Витус облегченно вздохнул:

— Слава Богу! Наше средство от этой напасти подходит к концу, а крепительного корня в Гаване днем с огнем не сыщешь. То же можно сказать и о белой глине для связывания токсинов в кишечнике. Остался только угольный порошок, но сможет ли он заменить английский — это еще вопрос. Магистр, раз уж ты там, подай-ка мне шпатель из моей сумки, посмотрю, сколько зубов потерял парнишка!

Витус жестом велел чернокожему открыть рот и отвел ему инструментом щеки.

— Жаль таких замечательных зубов! Он потерял три задних зуба и резец. Десны больше похожи на гуммиарабик, чем на

здоровую ткань. Надеюсь, Сансер останется верен своему праву — давать невольникам разнообразную пищу.

— Твоими бы устами да мед пить! Однако то, что я до того видел, было вполне съедобно, по крайней мере, не хуже того, что нам давали в подвалах инквизиции. А в супе даже плавали ошметки мяса. Но мне, правда, горько, когда я смотрю на этого мальчонку. Кожа да кости! И зачем его Сансер вообще купил, только козлоногому известно. А как вообще-то его зовут?

— Полагаю, Камба. Ты Камба? — Витус ткнул невольника пальцем в грудь.

Тот испуганно кивнул.

— Ладно. Лучше мне, не откладывая, пойти к Сансеру. Правда, он корпит сейчас над своими бухгалтерскими книгами. Но отец Томас, помнится, говаривал: «Что хочешь сделать, делай здесь и сейчас». И думаю, он был прав.

Витус начал прокладывать себе дорогу среди рядов черных тел. Они были, как и на борту «негритосника», который доставил их в Гавану, прикованы цепями к полу. То, что цепи были длиннее и давали большую свободу передвижения, роли не играло. С ними обходились, как со скотом. Уже пять дней они пребывали здесь и, по подсчетам Сансера, должны были задержаться не более чем на неделю. Именно столько времени требовалось, чтобы представить «живой товар» на невольничьем рынке в воскресенье. Сансер и хотел бы сократить этот срок содержания, но меньше, чем дюжины дней, чтобы превратить полудохлый товар в готовый к употреблению, было недостаточно.

Взгляд Витуса привлекла молодая негритянка, чье физическое состояние, как ни странно, было далеко не худшим. Однако все ее лицо покрывала безобразная экзема. И это снова заставило его вспомнить о Луизе, чье ложе он покинул сегодня утром. Девушки уже не было, когда Витус проснулся, и, к своему удивлению, он почувствовал разочарование. Он уже скучал по ней. Как же она могла выглядеть под своим одеянием? Волна теплого чувства захлестнула его. Воспоминание о прошедшей ночи воплотилось в реальность. Можно ли влюбиться в тело, не видя лица? Но он, похоже, влюбился. Как ему вести себя, если снова встретится с ней? Может, поговорить с ней? Почему она так безутешно плакала? На все эти вопросы ответа не было, и он постарался задвинуть несвоевременные мысли подальше и вернуться к реальности.

Между тем ноги принесли его к конторе Сансера, и он постучал.

— *Entrez!* — раздалось изнутри. Витус вошел.

Помещение было дорого, но безвкусно обставлено. Возможно, дело было в том, что в природе не существовало «мадам Сансер».

* Войдите! (фр.).

— *Bonjour*^{*}, месье Сансер, — дипломатично начал Витус, потому что знал, что торговец невольниками любил, когда с ним говорили на родном языке. — Я не отниму у вас много времени.

— О, нисколько не отнимаете, мой дорогой доктор, *bonjour*. Говорите, что надо.

Сансер, поджарый, бледный мужчина около пятидесяти, которого занесло в Гавану еще ребенком, был обладателем выдающегося носа, мешков под глазами и цвета лица, который свидетельствовал о проблемах с желудком. Он считался одним из самых успешных торговцев невольниками в Вест-Индии.

К Витусу Сансер обратился подчеркнуто ласково. С одной стороны, потому, что цифры в его гроссбухе выглядели отрадно, с другой — потому, что не хотел терять доктора, который работал только за Божью милость.

Витус продолжил:

— Спасибо, месье. К делу: рабы в сносном состоянии, не считая слабости, кожных заболеваний и геморроя, а также иссечения слизистых и язвенного стоматита.

— *Voilà*. Рад слышать. В этот раз я был особенно придирчив при покупке. Такие времена, мой доктор. Норовят провести и подсунуть дурной товар, если ты, конечно, не акула в своем деле. — Сансер выглядел крайне довольным.

Витус понять не мог, как можно торговлю людьми приравнять к продаже любого другого товара. И он решил осадить ретивого продавца:

— К сожалению, должен констатировать, месье, что многие невольники потеряли зубы. И причиной тому цинга. Во время морских путешествий это не редкость. Врачебное искусство еще не достигло тех высот, чтобы знать, в чем причина возникновения этой болезни, но достаточно компетентно, чтобы назначить ее лечение: регулярное и разнообразное питание...

— И что вы хотите этим сказать? Что Маноло большую часть кладет себе в карман? Что он обворовывает меня? — лицо Сансера потемнело.

Торговцы невольниками первым делом проверяют челюсть. Отсутствие у раба одного-другого зуба плохо для торговли. Другое дело задний проход: туда мало кто заглядывает. Но если покупатель желает непременно девственницу, в этом случае, конечно, все проверяется тщательно, обычно средним пальцем...

— Я и так решил расстаться с Маноло. Он слишком многого хочет за ту работу, что выполняет.

— Месье, все в конечном итоге решаете вы, но мне хотелось бы заметить, что каждый дополнительный прием пищи быстрее поднимет чернокожих на ноги. Впрочем, я пришел просить вас,

^{*} Здравствуйте (фр.).

чтобы вы выделили средства на доставку сыворотки и других медикаментов.

— Средства, средства! — простонал Сансер. — Куда ни ступи, только расходы! Кажется, вся жизнь состоит из одних трат. Его настроение резко упало.

Витус пожал плечами. Ясное дело: чем больше человек имеет, тем больше жалуется.

— Но я не стану мелочиться. — Сансер взял себя в руки. Он подумал о том куше, который вскоре сорвет от продажи рабов, невзирая на их потерянные зубы, и утешил себя тем, что сумма на какие-то там лекарства ни в какое сравнение не идет с выигрышем. — Закажите все, что вам нужно, доктор, я оплачу издержки.

— Благодарю вас, месье.

— Ах да, есть еще кое-что. — Сансеру пришел на ум ожидаемый им гость. — Это пока не точно, но возможно, что сегодня к ночи поступит новая партия товара. От одного пи... капитана. Могу ли я еще раз рассчитывать на ваши услуги, доктор?

— Ну я...

— Ваше заключение по поводу состояния товара для меня имеет большое значение. А я, в свою очередь, не останусь неблагодарным.

— Этого не требуется, месье. Если я могу быть полезен, с удовольствием помогу. Должен, однако, заметить, что помещение для новой группы невольников слишком мало. Здоровье рабов, как вы сами изволили заметить, в таких условиях не...

— Что вы в этом понимаете! — Голос Сансера прозвучал куда резче, чем он хотел. — Вам еще никогда не приходилось бывать на невольничьем корабле, месье доктор? Очевидно, нет. В таком случае откуда вам знать, в какой тесноте содержатся они там. Уж поверьте, по сравнению с теми условиями мои рабы живут в земном раю!

Витус проглотил готовое было вырваться возражение.

— Как вам будет угодно, месье.

— Не в обиду будь сказано, доктор! Так как, могу я на вас рассчитывать?

— Разумеется, месье. Сегодня к вечеру я загляну еще раз.

— Буду вам очень обязан. — Сансер снова склонился над своими книгами, тем самым давая понять, что разговор окончен.

— *Au revoir*, месье.

— *Au revoir*, доктор.

Сансер едва приметно покачал головой, когда Витус из Камподиоса, мечтатель не от мира сего, покинул его контору. Как доктор он, без сомнения, компетентен, хоть и чрезмерно чувствителен.

До добра его это не доведет...

Ночь уже пала на землю, когда Витус с друзьями подходил к особняку Сансера. Из арочных окон лился теплый свет, и в воздухе витал восхитительный аромат жаркого. В строении напротив царилла полная тьма. Витус поднял повыше принесенную с собой свечу и с трудом разглядел невольников, чьи черные тела сливались с темнотой. Вроде бы все рабы спали. Витуса это порадовало, потому что нет лучшего лекарства для выздоравливающего, чем сон. Внезапно он замер, услышав какой-то шорох.

— Это ты, Маноло? — его рука непроизвольно скользнула к эфесу шпаги.

— Да.

Из-за угла показалась керосиновая лампа, а за ней и тот, в чьих руках она светилась. Да, это был Маноло, низкорослый, довольно толстый надсмотрщик с сальными волосами и угреватым, несмотря на солидный уже возраст, лицом.

— *Buenas noches*^{*}, хирургик. Это вы?

— Совершенно верно. Сеньор Сансер попросил меня заглянуть сегодня еще раз. Он говорил, что, возможно, придут новые рабы. И если они уже здесь, я хотел бы их осмотреть.

— Рабы? Что еще за рабы?

За Витуса ответил Магистр:

— У твоего господина сегодня гость, дорогой мой, — гость, который, вероятно, возит «живой товар».

— Ах вот почему мне пришлось еще раз возиться на кухне! — Маноло поскреб живот между панталонами и рубашкой. Большая связка ключей на поясе звякнула. — Ему, видите ли, потребовалось зажарить на вертеле еще ножку ягненка, а зачем, не пожелал сказать. Как будто у меня и без этого мало дел! Он в последнее время такой странный, мой хозяин. Прямо в толк не возьму, чего это с ним?

Витусу кое-что пришло в голову. Может быть, освободить рабов будет легче, чем он полагал.

— Я, собственно, не должен бы тебе говорить, но сеньор Сансер тобой в высшей степени недоволен. Он считает, что твоя работа не стоит денег, которые он тебе платит.

— Что?! — Маноло вскинул голову. — Я чего-то не так услышал? Работаю на него с утра до вечера! — И, будто одного раза было недостаточно, все повторял и повторял: — С утра до вечера, с утра до вечера! Тысяча дел на мне. Знаете, сколько, хирургик?

Витус не успел и рта раскрыть, как несчастный надсмотрщик начал перечислять, чем занимается изо дня в день. Прошло немало времени, прежде чем он остановился и возмущенно заключил:

^{*} Добрый вечер (исп.).

— И знаете, сколько я получаю за все это? Я вам скажу! Всего-то пару жалких мараведи!

— Боюсь, что в ближайшем будущем и их не будешь получать. Сеньор Сансер хотел уже сегодня вечером выставить тебя за дверь. Просто ему понадобилось жаркое к ужину.

Витусу все больше нравилась его идея.

— Какой подлец! — Маноло аж затрясся от возмущения. Ключи на его поясе зазвякали. — Это мы еще посмотрим! Я еще поборюсь за свое жалованье! Пушу в ход все!

Магистр сладко спросил:

— И что же тыпустишь в ход, дорогой мой? Подумай-ка, Сансер — очень влиятельный сеньор, вхож к самому губернатору. И он может позволить себе самых дорогих адвокатов!

— Да знаю, знаю! — проскрежетал зубами Маноло, чей пыл как-то разом испарился. — Вот всегда так! Большие господа делают, что им взбредет, а маленькие жрут говно!

Витус посмотрел на него с укором.

— О, простите, хирургик, я только хотел сказать, что это большое свинство! Все время маленький человек остается на бобах!

— Я хорошо тебя понимаю. Думаешь, со мной Сансер обошелся лучше? Я лечу его рабов уже сколько времени, сам видишь! И как ты думаешь, сколько я получил от твоего господина? Ни ржавого реала!

Вот этого Маноло уж никак не мог себе вообразить. Ладно он, но хирургик-то благородный господин! Ученый человек! С ним хозяин и разговаривает с уважением!

— Но я отомщу за себя, — как ни в чем не бывало продолжал Витус. — Если твой хозяин полагает, что ничего не должен мне за мою работу, придется ему заплатить по-другому! Мы с друзьями выпустим всех его рабов, еще сегодня ночью. Они дорого стоят, и такая потеря чувствительно ударит его по карману.

— Да, но... — Туго, очень туго до Маноло стала доходить вся важность доверенного ему плана.

— И ты можешь нам помочь, если снимешь с них оковы. Тогда это будет и твоя месть.

Маноло медленно, но твердо покачал головой:

— Нет, хирургик, при всем моем уважении — нет. Это слишком опасно. Вы можете себе представить, что начнется в Гаване, когда убегут разом столько рабов? Их же начнут травить, как зайцев, и через три дня всех переловят! А потом начнут сечь и мучить, пока не выбьют, кто их отпустил. И тогда помогай нам Бог!

— Ошибаешься, Маноло. Рабов не поймают снова, потому что мы позаботимся о том, чтобы переправить их на корабле через море.

— Что-о-о?! На корабле? Через море? — Надзиратель покусывал нижнюю губу, а его рука снова скребла живот. Он здорово занервничал. — И все же... не знаю...

— Хозяин судна — человек надежный. Он доставит беглецов к симарронам. — Имя О'Тафта Витус предпочел не называть. То, чего надзиратель не будет знать, не смогут из него потом и выпытать.

— К симарронам? Хм, хм... — В его душе боролись страх и жажда мести.

Магистр потерял терпение:

— Маноло, дорогой мой, ночь коротка! Если ты никак не можешь решиться, давай сделаем так, как будто тебя уложили, тогда позже на тебя ничего не смогут повесить.

— Да? Ну разве что... Хм... Ладно. А как вы собираетесь это сделать?

— Очень просто. — Маленький ученый поднял доску, отвалившуюся от крыши, и опустил ее на голову надзирателя. — Вот так!

Маноло свалился, как мешок с луком. Связка ключей еще раз звякнула. Витус быстро наклонился и поднял с пола лампу, которая выпала у нерешительного надзирателя из рук, пока она не подожгла солому.

— Ну что ж ты так грубо, Магистр! Иди-ка, поддержи мне лампу, громила!

— Лучше уж так, чем остаться без ключей, — спокойно возразил Магистр.

— Ладно, к счастью, Маноло не слишком тяжело ранен. Ну, худо-бедно, на какое-то время он вырубился. — Витус нащупал связку у него на поясе. — Какой-то из этих ключей должен подойти. Давай, Магистр, за работу!

Они проворно подобрали ключ от цепей и начали открывать замки, шикая на просыпающихся рабов и пытаясь объяснить им всеми возможными способами, чего хотят сделать. Вся ситуация мало походила на реальность: темная ночь, темные тела, поблескивающие белки широко раскрытых от страха глаз, невнятное бормотание, запах испуга.

Витус успокаивал невольников, твердя, как заклинание:

— Доверьтесь нам! Вы должны решиться!

Один из рабов, пожилой мужчина, заговорил на ломаном испанском. Возможно, нахватался словечек на «негритос-нике»:

— Что есть «решиться»?

— Решиться — значит набраться мужества. Отваги. Бороться, понимаешь?

Старик не понимал.

В конце концов не выдержал Коротышка. Он выступил на свет и пропищал фальцетом:

— Слушай меня, чернявый! Решиться значит свобода, сечешь? *Freedom! Libertad!**

— *Ah, libertad, si, si. Libertad!* — закивал старик. — Понимать.

Он внезапно преобразился и быстро и решительно заговорил со своими товарищами по несчастью. Друзья с удивлением наблюдали, как распрямлялись их тела. Слово «свобода» будило небывалые силы.

Витус повернулся к друзьям искомандовал:

— Магистр, Энано, Хьюитт, бегите вместе с чернокожими ко второму причалу. Смотрите, чтобы забрать всех, и Камбу тоже. Если не сможет идти — несите. Дай Бог, чтобы О'Тафт со своей баржей уже подошел! Если его еще нет, спрячьтесь за складскими помещениями. Он должен быть здесь самое позднее к завтрашнему рассвету, или... все пропало.

Глаза маленького ученого блеснули сквозь линзы:

— Звучит так, что ты с нами не идешь? Высокоблагородный господин стал чураться нашего общества?

— Оставь свои шуточки! Я должен здесь оглядеться. Может быть, новые невольники уже прибыли, а мы не заметили.

— Ты и сам в это не веришь.

— А кроме того, как описал Сансер своего нынешнего гостя, тот уж очень смахивает на пирата. Хочу узнать, что это за фрукт. — Витус оживился. — Ну давайте, отчаливайте! Я следом. Только не попадитесь кому-нибудь в лапы!

Несколькими мгновениями позже тьма поглотила и белых, и черных, и Витус остался в бараке наедине с Маноло. Надсмотрщик все еще лежал без сознания у его ног. Витус молил Бога, чтобы цербер пробыл в отключке еще четверть-другую часа, и, выскользнув наружу, бросился вдоль перекошенной ветром стены, дальше, к каменному дому. Под высоким арочным окном он остановился, наклонив голову, и нырнул за роскошный розовый куст, попутно проклиная колючки, которые вонзились в его накидку со всех сторон. Даже изящная шпага, подаренная Хафом, казалась здесь оглоблей. Из окна до него доносились обрывки разговора. То, что говорили на испанском, было понятно сразу, а вот разбирать отдельные фразы оказалось нелегко.

— Вы не... Товар не... Цены падают...

— Товар? Хо-хо!.. Да, товар!.. Гавана... Осторожность не... гадошники...

Первый голос определенно принадлежал Сансеру. Витус так часто его слышал в последнее время, что сомнений быть не могло. Да и голос торговца невольниками звучал куда громче, чем его гостя, вероятно, потому, что он сидел ближе к окну. Во всяком случае, услышанное позволяло заключить, что новых рабов

* Свобода! (англ.) Свобода! (исп.).

незнакомец не привез. А что он имел в виду под «гадюшником»? Может быть то, что Гавана — опасный город для таких, как он. Опасный для пиратов?

Витус снова наострил уши. Он набрался духу и встал во весь рост. Теперь и голос гостя слышался отчетливее:

— Только загрузил «негритосник»... Тагтарт... Паскуда!.. Еще посчитаемся...

Святые небеса! Уж не послышалось ли ему? Тагтарт?! Уж не знаменитый ли это сэр Ипполит Тагтарт? Тот самый, которому ее величество королева Елизавета I собственноручно выдала каперское свидетельство? Тагтарт! Если этот волкодав и вправду курсирует поблизости, то ни одному английскому галеону, груженному сокровищами, ничего не угрожало! Мысли Витуса завертелись. Было приятно осознавать, что сэр Тагтарт где-то рядом, даже если Витус не встретит его на обратном пути в Англию. На обратном пути... в Англию... без Аретты...

Он подавил грустные мысли и снова сосредоточился на том, что говорилось у него над головой:

— ...вы мне еще должны... Да, все еще должны!

Ого! Да это же голос гостя! Он тоже пытается что-то выбить из Сансера. Дело принимало интересный оборот. Витус встал на цыпочки.

— Пятьдесят золотых дублонов... пятьдесят... или никаких нигтеров!

Смех... Язвительный смех в ответ!.. Это Сансер. Может, досточтимые господа вцепятся там, наверху, друг другу в волосы?

— ...в последний раз... я не шучу... Дублоны!

— А вы не угрожайте... не вам... в Гаване!

Да, сомнений нет, становится горячо!

Витус, забыв про всякую осторожность, влез на низенький цоколь, чтобы лучше слышать. Он поднял голову и застыл. Тот звук, который он услышал, он узнал бы из тысяч других на свете. Это был хруст вывихнутой челюсти. А вслед за этим послышалась песня:

Для пирата благодать
убивать,
тер-зять,
распо-тра-ши-вать!

Джон-Челюсть! Это мог быть только он!

Недолго думая, Витус спрыгнул с каменного цоколя и как ошалелый помчался вдоль стены, за угол, к входной двери. Челюсть! Джон-Челюсть, этот палач и душегуб здесь! Мерзавец, который принес столько горя ему с друзьями и погубил матросов «Галанта». Тот, на чьей совести не одна человеческая жизнь, не один разграбленный корабль! Тот, который захватил

сундучок с его хирургическим инструментом, его короб и бесценный труд отца Томаса «*De morbis*»!

Ослепленный яростью, Витус пролетел по всем помещениям до конторы, где Сансер и Джон-Челюсть напротив друг друга застыли возле массивного стола, как петухи, изготовившиеся к бою. Между ними на столешнице слоновой кости был накрыт богатый стол, венцом которого возвышалась ножка ягненка.

— Вот ты мне и попался, дьявол в человеческом обличье!

Пират, державший торговца невольниками за грудки, оглянулся, озадаченный и изумленный одновременно. Но ему хватило пары мгновений, чтобы его челюсть щелкунчика раздвинулась в гадкой ухмылке:

— Вы только посмотрите! Наш белокурый герой с «Галанта»! А, все еще жив? Исчезни, юнец, мне сейчас недосуг тобой заниматься!

Челюсть собрался снова заняться Сансером, но Витус подскочил к нему и развернул пирата к себе.

— А все-таки придется, мясник! — Он с размаху двинул пирата в челюсть.

Джон ожидал всего чего угодно, только не нападения со стороны мальчишки, который к тому же еще был чуть не на голову ниже его, и зашатался на ногах. При этом он выпустил Сансера, который издал истошный крик и нырнул за стол.

Джон-Челюсть потряс головой — большого вреда удар, похоже, ему не причинил. Он пришелся в челюсть, то самое место, которое было у него твердым, как гранит.

— Ты еще поплачешься за это, юнец! — Его правая рука потянулась к шпаге, левая — к рапире.

— Я долго этого ждал! — с вызовом ответил Витус. — Слишком долго!

С ним сейчас происходило то же, что бывало перед тяжелой операцией: когда наступал решающий момент, всякое волнение покидало его. Он отступил на пару шагов и выхватил шпагу Хафа.

— А теперь, дьявол, давай!

Пират осмотрительно начал наступать. Он понял, что шутки кончились, и это уже не игра, а поединок не на жизнь, а на смерть. И такие бои были вполне в его вкусе, и пока что он из каждого выходил победителем. Его взгляд стал бездушным, и одним клацающим звуком он хрустнул челюстью.

— Ну заводи же свою гнусную песенку! — холодно сказал Витус. — Насладись в последний раз!

— А это мы еще посмотрим, юнец. Жаль, что я не прикончил тебя сразу там, на «Галанте»! Но тем приятнее будет это сделать теперь.

Джон-Челюсть злорадно ухмыльнулся и, разведя свое оружие, как щупальца, принялся кружить вокруг Витуса. А потом

быстрее, чем успеешь моргнуть глазом, сделал выпад. Впрочем, это пока не было серьезной угрозой — он просто хотел проверить рефлексы малыша, от горшка два вершка, который был перед ним.

Рефлексы оказались хорошими. Челюсть подумал, что легкой победы не получится. Перед ним был достойный противник, который читал в его лице, как в открытой книге. Иначе чем объяснить то, что парень, еще до того как он начал атаку, элегантно отпрыгнул назад. Да, придется потрудиться...

— Я насажу тебя на шпагу, как молочного поросеночка на вертел! — прорычал Челюсть.

— А я тебя убью.

Витус сам удивился, как спокойно произнес он свою угрозу. Неужели он действительно хочет убить Джона-Челюсть? Он, который целью своей жизни поставил вырывать людей из лап смерти?

Однако долго раздумывать ему не пришлось, потому что Челюсть снова атаковал. Он налетел как буря, сыпая градом ударов, таких молниеносных, что от них едва ли кому-то удалось бы увернуться. Но Витус раз за разом уворачивался. Он отбивал свистящую на волосок от него шпагу, парировал удары рапиры, снова шпага, снова рапира, шпага — рапира, шпага — рапира... носился по всей комнате.

— Скачи, скачи, заячий хвост! — Челюсть все ускорял движения. — Сейчас я тебя достану!

И действительно, ситуация становилась угрожающей, потому что пирату почти удалось загнать Витуса в угол, где невозможно будет уклоняться от стремительных выпадов. На хирургика посыпалась новая порция ударов. Казалось, Челюсть не знает, что такое усталость.

Витус тяжело дышал. Он давно не фехтовал, и это давало себя знать. Если Челюсть и дальше будет сражаться в таком же темпе, то пробил его, Витуса, последний час! Но пока дело до этого не дошло. Когда-нибудь выдохнется и неутомимый Джон-Челюсть Каттер! Засвистел еще один, на этот раз более мощный удар, Витус взмахнул рукой, чтобы отразить его, но из-за тесноты его ответный удар был не настолько точен. Клинок Челюсти соскользнул с его шпаги и попал в плечо. В глазах пирата вспыхнул огонек триумфа. И на какую-то долю секунды он потерял бдительность.

Витус понял, что это его шанс. Не обращая внимания на боль, он, наклонив вперед голову, прыгнул прямо на пирата. Такой выпад не был описан ни в одном учебнике по фехтованию, но он оказался успешным, и это было главное. От удара головы Челюсть отклонился назад и оставил противнику лазейку, чтобы выскользнуть, чем Витус незамедлительно и воспользовался. Он змеей скользнул мимо Челюсти и, прежде чем занять но-

вую боевую позицию с тыла, ударил изо всех сил. Естественно, удар не получился особенно точным, ведь выполнялся он в движении, но цели достиг. Обрушившись повыше левого запястья, клинок нанес глубокую резаную рану. Челюсть взвыл и выронил рапиру. Теперь Витусу следовало воспользоваться преимуществом. С этого момента — только шпага против шпаги. И он мог применять все приемы, которым превосходно обучил его когда-то Артуро, флорентийский мастер фехтования. Он сделал ложный выпад и молниеносно отскочил. И так еще раз и еще, с каждым выпадом отступая все дальше. Таким образом ему удалось выманить Джона-Челюсть на середину помещения: здесь было больше места для маневра, а значит, больше возможностей для навязывания своей игры. Витус как бы обнажил свое слабое место и занял четвертую позицию, что дало пирату повод немедленно нанести удар в левую часть его груди — удар пришелся в пустоту. Челюсть захрапел. И тут же попытался использовать стародавний трюк.

— Эй, юнец, — крикнул он, — смотри-ка, Сансер помирает!

Витус расхохотался ему в лицо. Он давно уже не юнец неопытный, который попадает на такие штучки! Его взгляд ни на секунду не оторвался от Джона-Челюсти, в чьих глазах уже поселилось первое сомнение.

— Не Сансер умрет, а ты! — Он провел стремительную атаку, резко выбросив шпагу, и так же быстро отступил, чтобы не стать жертвой встречной атаки. Но ее и не последовало. Витус сначала не заметил, но по тому, как скрючился Челюсть, понял: попал! Острие его шпаги рассекло грудь в области нижних ребер. По камзолу пирата растекалось красное пятно.

Витус снова атаковал, выбил из рук Челюсти поднятую для защиты шпагу и нанес новый укол. Пират взвыл яростнее прежнего и отступил. Оба противника стояли друг против друга, тяжело дыша и хватая ртом воздух. Глаза Джона сверкнули, затем все его лицо передернулось кривой усмешкой, челюсть замолчала.

— Не думай, что ты со мной расправился, щенок! — Одним прыжком он подскочил к Сансеру, обхватил его и, прикрываясь торговцем невольниками, как щитом, начал продвигаться к выходу. Подобрал по дороге свою шпагу, он у дверей дал своему «защитнику» как следует эфесом по голове и скрылся.

Витус не сразу опомнился. Все произошло так быстро, что он даже засомневался, не привиделось ли ему это. Он склонился над Сансером, распластавшимся на полу, и ощупал ушибленную рану у того на лбу.

— Господь всемогущий! — простонал торговец. — Это чудовище убралось?

— Да, месье. — Дыхание Витуса постепенно выравнивалось. — Дайте-ка я осмотрю вашу рану. Странно, она не откры-

тая, а весь лоб в крови! — Он внимательно осмотрел подопечного, но причины так и не нашел. — Странно!

— Ничего странного, — Сансер уже обретал былую уверенность. — Это ваша кровь. У вас она идет из плеча.

— Разве? И правда! — Витус ощупал раненое плечо. Он и думать о нем забыл! — Да, вы правы, резаная рана. Ну это не страшно! — Он помог торговцу подняться. — А теперь извините, этот мерзавец сказал, что еще не покончил со мной. Я с ним тоже. *Au revoir*, месье! — Витус поспешил к окну, на секунду выглянул и спрыгнул.

— *Au revoir*, — Сансер с открытым ртом глядел ему вслед.

Витус приземлился наполовину в розовый куст, но не обратил внимания на впившиеся колючки, потому что в паре сотен шагов от него по направлению к порту скользила неясная тень. Челюсть! Витус побежал так, как еще в жизни не бегал. Расстояние между ними сокращалось.

— Я еще доберусь до тебя, душегуб!

Он заметил, что Джон-Челюсть побежал к пятому причалу, мимо хижин, складов и грузоподъемных кранов. А что если тот наткнется на его друзей и чернокожих невольников? Успели ли они перебраться ко второму причалу? Подошел ли О'Тафт со своим судном? Мысли проносились в голове Витуса, пока сам он мчался дальше.

Тем временем Челюсть добрался до пирса. Он что-то проорал в темноту, отчаянно жестикулируя. Из темноты материализовалась фигура, которая пронзительно свистнула. Вслед за этим показалась шляпка. Ну разумеется, Челюсть оставил своих людей дожидаться его, чтобы вернуться на свой парусник!

Витус бежал изо всех сил, но уже видел, что догнать пирата на этот раз не удастся. Едва переводя дыхание, он остановился. Отчалившая лодка взяла курс на галеон, который стоял на рейде на расстоянии нескольких кабельтовых. Однако, без сомнения, это был не «Тормент оф Хэлл», пиратский корабль Джона-Челюсти Каттера, а галеон испанского типа. И прежде чем Витус успел удивиться по этому поводу, произошло еще кое-что неожиданное: Челюсть встал в полный рост на корме своей шляпки, помахал ему и расхохотался во всю глотку.

— Ну погоди, проклятое исчадие ада! Я тебя из-под земли достану, скройся ты хоть на другой конец света!

МАТРОС ХЬЮИТТ

Знаю я тут одну бухту, в которой Челюсть со своими сообщниками куда как охотно останавливается. Сама-то бухта испанцам известна, но в ней столько потайных заливчиков, которые с моря вовсе не видны! Идеальное место, чтобы прятаться.

Витус сидел в каюте О'Тафта и, несмотря на все свои протесты, вынужден был выслушивать назиданиям Магистра.

— Может, может, — вещал маленький ученый ледяным голосом, — у нас нет ни минуты времени, чтобы не упустить Джона-Челюсть, но есть вещи и поважнее его. Например твоя рана. Ничего не скажешь, миленьким порезом наградил тебя этот сукин сын. Лоскут кожи висит, как распахнутый переплет книги. И слава Богу, что он не толще переплета. Так или иначе, здесь требуется повязка, которая прижала бы лоскут кожи так, что ему ничего другого не оставалось бы, как прирасти.

— Но, Магистр, рана уже не кровоточит!

Маленький ученый снял бериллы, повертел их в руках:

— Не ставь телегу поперед лошади, сорняк! Сейчас я врач, а ты пациент! Так что тихо! Вот нанесу бальзам, а потом перевяжу...

— Да зачем тут бальзам!

Магистр тяжело вздохнул и обвел взглядом всех присутствующих:

— Есть все-таки мудрость в старом присловье, что нет хуже пациента, чем врач!

О'Тафт, приземистый мужчина, чья грудная клетка больше походила на бочонок с маслом, предпочел промолчать. Хьюитт тоже не проронил ни слова. Вместо речей они поставили на стол перед обоими кружки, и капитан поспешил наполнить их бренди.

— Подкрепитесь, джентльмены! — зычно изрек он. — Главное — черные в безопасности. Мои люди позаботились о них.

Позаботились — мало сказать! Команда О'Тафта, большей частью состоящая из цветных, проявила трогательную заботу о невольниках. Сразу по прибытии Камбу и его товарищей по несчастью разместили на нижней палубе, где для них уже был готов и стол и дом.

— Хотелось бы отчалить на рассвете с приливом, хирург, — бесстрастно продолжал капитан. — Ветер попутный, и чем быстрее мы доберемся до Центральной Америки, тем лучше... для всех. Как только все галеоны начнут собираться в Бахиа-Метансас, воды вокруг Кубы будут похожи на рукав Амазонки, где кишмя кишат пирании. Повсюду будут пираты, каперы, флибустьеры, охочие до золота донов.

— За мной дело не станет, капитан. Как только Магистр выпустит меня из своих клешней, мы тут же сойдем на берег. Только скажите: портовые власти не заподозрят завтра утром чего недоброго, если вы вот так сразу покинете порт?

О'Тафт ухмыльнулся:

— Само собой, они заметят мое отплытие, это как пить дать, но тревогу не забьют. Чуток *soboto* в нужное время в нужные руки... — он выразительно потер большим пальцем об указа-

тельный, — и сеньоры закрывают глаза на все, что делается в порту. Вы меня понимаете?

Витус закивал, но Магистр, который еще не закончил свое дело, шикнул на него:

— Не шевелись! Или хочешь, чтобы я все начал сначала?

Витус сник.

— Да ладно, говорить-то ты можешь.

— И то хлеб. Я в отчаянии: этот душегуб просто просочился у меня сквозь пальцы! Дорого бы дал, чтобы узнать, где его прищучить, только, похоже, его уже не достать.

— Похоже. — Маленький ученый отпустил Витуса. — Пожалуйста, господин хирургик, вопреки вашим сомнениям все готово.

— Спасибо, Магистр!

О'Тафт поднял кружку:

— Сначала выпьем, джентльмены! Хороший глоток уносит заботы, говорим мы, ирландцы.

— Это известно не только ирландцам, — маленький ученый тоже взялся за кружку. — *Sláinte*, господин капитан!

— *Sláinte!*.. Вот так та-ак! Вы говорите по-ирландски, господин Магистр?

— Так себе, с грехом пополам, но это долгая история.

— Ну-ну, — О'Тафт, которого разбирало любопытство, с шутком отхлебнул.

Другие последовали его примеру. Когда кружки были опустошены, внезапно заговорил Хьюитт:

— Витус, ты давеча говорил, что Челюсть поплыл со своими людьми к невольничьему кораблю, да?

— Да, так и было, и одному Богу известно, что стало с его «Тормент оф Хэлл».

— Так вот... — Хьюитт глубоко задумался, и его юношеское лицо прорезали морщинки. — Может, Челюсть и потерял свой «Тормент», а может, и нет. Я-то думаю, что скорее у него теперь два корабля. Невольничий он захватил в придачу...

— Да ну! И как ты пришел к такой мысли?

— Видишь ли, — матрос смущенно опустил глаза, чувствуя, что на него направлены все взоры, — если бы «Тормент оф Хэлл» потопили, эта весть мгновенно облетела бы всю Гавану...

— А в этом что-то есть, — вклинился Магистр.

— Мне кажется, — продолжал Хьюитт, — что Челюсти до сих пор так и не удалось разграбить ни одного корабля с сокровищами и в его трюмах нет ни золота, ни серебра. К тому же О'Тафт говорит, что караван только-только собирается в Бахиа-Матансас и еще не скоро выйдет в океан.

Витус подался вперед:

— И что ты хочешь этим сказать?

— Что Челюсть этим «невольником» кое-как возместил себе убытки: все лучше, чем ничего. А захватив его, отправился с частью своей команды в Гавану...

Витус понимающе кивнул:

— ...чтобы продать здесь рабов Сансеру. Точно! Знаете, что мне пришло в голову: в разговоре Челюсть упоминал имя Таггарта. Нашего славного Таггарта! И при этом говорил о какой-то «помехе». Возможно, старый волкодав застал его на месте преступления! А может, даже отправил на дно... Но все это только предположения. Наверняка же мы знаем, что Челюсть не мог сунуться на «Тормент оф Хэлл» ни в один порт. А вот на невольничьем корабле — пожалуйста! На нем он мог незаметно войти в гавань и попытаться заключить сделку с торговцами на свой «товар»...

— ...и это ему не удалось, — закончил за друга маленький ученый.

— Пока не удалось, — поправил его Витус.

И снова в разговор вступил Хьюитт:

— Знаешь, Витус, я не думаю, что он попробует еще раз вступить в контакт с Сансером или кем-либо другим здесь. Ты же сам сказал, что у них была серьезная стычка. Челюсть наверняка понимает, что, стоит ему еще раз сойти здесь на берег, — Сансер, мимо которого и мышь не проскользнет, тут же донесет на него. И Челюсть погорит, особенно если у него на борту его «живой товар». Для испанской охраны пираты, слоняющиеся по Гаване, та еще находка!

— Тогда прости-прощай! — Магистр допил последний глоток из своей кружки и покосился на бутылку с бренди. — Челюсти и след простыл, и тут уж ничего не напишешь. Не видать нам его, как своих ушей. Может, уже сейчас он под всеми парусами несется со своими рабами в Эспаньолу или еще черт знает куда. А возможно, взял курс на «Тормент оф Хэлл», если, конечно, ворота ада еще раскрыты, — ухмыльнулся своей шутке уже веселый Магистр, — а всех черных просто пустил рыбам на корм. Только и в этом случае мы остаемся с носом, потому как не имеем ни малейшего понятия, где он прячет свой парусник.

— А может, имеем, — в третий раз подал голос Хьюитт. — Знаю я тут одну бухту, в которой Челюсть со своими сообщниками куда как охотно останавливается. Сама-то бухта испанцам известна, но в ней столько потайных заливчиков, которые с моря вовсе не видны! Идеальное место, чтобы спрятаться.

— И ты только сейчас об этом говоришь?! — Витус взволнованно вскочил и тут же снова рухнул на стул, поскольку рана в плече дала о себе знать. — И что это за бухта? Как она называется?

— Бахиа-де-Кабаньяс. Челюсть уже не раз сидел там в засаде, перед тем как напасть на испанские галеоны. Однажды

«Тормент» там даже вытаскивали на сушу, чтобы ремонтировать.

— А как далеко она от Гаваны?

Матрос задумался:

— Я могу сказать только примерно, Витус.

— Ну так скажи!

— Думаю, миль тридцать. Все время на запад вдоль берега.

— Тридцать миль? — Витус напряженно соображал. — Порядок! Выступаем сегодня же. И, если повезет, уже завтра днем будем на месте.

Магистр скептически посмотрел на него:

— Хорошо, предположим, что «Тормент» действительно там. И что потом?

— Потом и посмотрим! — Витус решительно поднялся и обернулся к О'Тафту: — Капитан, благодарю вас за гостеприимство, но не будем им злоупотреблять. Вы оказали нам большую честь. Желаю вам попутного ветра, и передайте от меня привет вождю Окумбе!

О'Тафт добродушно усмехнулся и, развернувшись, закрыл своей широкой грудью проход к двери, так что Витус чуть было не наскочил на него.

— Сделаю это с удовольствием, хирургик, только когда Господь творил время, Он сотворил его достаточно, говорим мы, ирландцы.

Витус недоуменно уставился на капитана.

— Вам надо потерпеть еще несколько минут моего гостеприимства. Или вы хотите на долгом марше питаться одним воздухом и... любовью?

— А? Н-нет, конечно...

— Вот видите! Так что немного погодите, пока мой кок не соберет вам с друзьями провиант в дорогу.

Пришлось Витусу сесть обратно. А когда, горя от нетерпения, он наконец готов был выступить, его снова задержали. На этот раз Магистр.

— А что с Арлеттой? — спросил маленький ученый так тихо, что его мог слышать только Витус. — Хочешь оставить поиски?

— Разумеется, нет, — прошептал он в ответ. — А ты все еще веришь, что она в Гаване?

Магистр пожал плечами.

— Тогда в путь!

Четырнадцать часов спустя друзья добрались до берегов Бахиа-де-Кабаньяс. Позади остался трудный путь, который потребовал от них напряжения всех физических и душевных сил.

Щедро снабженные провиантом, оружием и фонарями, первые мили вдоль побережья они прошагали довольно бодро. Ночь стояла ясная, а легкий бриз освежал и не давал сильно

вспотеть. А потом дорога превратилась в сплошное мучение. То и дело путь им преграждали непроходимые заросли, и приходилось сворачивать на юг. С большим трудом, ориентируясь только на море, им удавалось найти проход в нужном направлении, и каждый раз Магистр ворчал:

— Появись этот Богом проклятый Челюсть сейчас здесь, тут же сверну ему шею вместе с челюстью, не будь я Рамиро Гарсия! Тогда бы этот проклятый марш закончился!

— Пойдем, пойдем! Думай о том, сколько на его совести невинных душ, — отвечал Витус.

— Так-то это так, — в очередной раз не выдержал Магистр. — Но что говаривал наш незабвенный отец Амброзиус? «Мне отмщение, и Аз воздам», сказал Господь.

— На Бога надейся, а сам не плошай, скажу я тебе. Кое-что человек должен делать и сам. Если бы это было не так, нам не зачем было бы жить.

На это Магистр ничего не ответил. Может, потому что ему тяжело было дышать, а может, потому что слова Витуса его убедили. Так или иначе, он ожесточенно продирался дальше.

Но через пару сотен шагов снова нарушил молчание:

— А как твое плечо?

— Да ничего. Это всего лишь поверхностная рана, а ты ее хорошо перевязал, сорняк.

— Хм... Ну ладно.

Так прошла ночь. На следующий день они трижды делали привал, но предпочитали не садиться, памятуя старую солдатскую мудрость: раз присядешь — больше не встанешь.

На последнем привале Хьюитт удалился в кусты по нужде и тут же взволнованный вернулся обратно:

— Знаете, мы уже близко! Я увидел несколько скал, которые кажутся мне знакомыми. Они стоят на краю самого маленького залива в бухте.

И он оказался прав.

Теперь, окрыленные успехом, друзья зашагали с новыми силами. Витус шел впереди, отчаянно прокладывая путь через прибрежный кустарник.

— Стойте! Видите — там, впереди, за листвой, торчат три мачты?!

Три мачты означали большой галеон. Но тот ли это, что им нужен?

Еще спустя сотню шагов стало ясно, что перед ними наполовину вытасенный на сушу на стапель-блоках покоился «Тормент оф Хэлл»! Он был от них на расстоянии всего одного кабельтова, а по его облепленным ракушками бортам сновали пираты, явно латая пробойны от снарядов. Высоко на командной палубе, не меньше чем в пятидесяти футах над землей, над четвертой бизань-мачтой, от которой остался только обло-

мок да порванный такелаж, трудилась команда плотников. Так вот почему Витус издали смог разглядеть только три мачты!

Магистр, поправив на носу бериллы, оценил размеры повреждений и удовлетворенно констатировал:

— Миленько его потрепали. Кто-то всадил в борт «Тормент» парочку хороших залпов. Это подтверждает твой тезис, Хьюитт, что им кто-то надрал задницу с размахом. Может, даже наш друг Таггарт.

Юный матрос кивнул:

— Они схлопотали кое-что и ниже ватерлинии. А это значит, что стреляли с большого расстояния.

Витус согласился:

— Наверное. Но, что бы там ни произошло, в этой бухте пиратский сброд чувствует себя в безопасности. И все-таки я бы не стал рассчитывать на их беспечность. — Он оттеснил друзей назад, в густую поросль. — Ладно, этот зверь от нас не убежит, да и Челюсти с его невольничьим кораблем пока что нет, если он вообще сюда придет. Часа через два солнце зайдет. Давайте-ка переночуем где-нибудь поблизости. Я тут по дороге слышал журчание ручья. Там и напьемся, и освежимся.

— Уи-уи, — писклявый голосок Коротышки звучал устало. Ему, самому маленькому, пришлось тяжелее всего, ведь на каждый размашистый шаг Витуса выпадало три, а то и больше, его шажков. — И пластом повалимся под открытым небом.

— Ты сказал, Энано. — Витус почувствовал, как и его напряжение сменяется крайней усталостью. — Кто будет стоять первую вахту?

— Я, — вызвался Хьюитт, на которого всегда можно положиться.

На следующий день они поднялись еще до того, как первые лучи солнца показались из-за горизонта. Ночные голоса джунглей затихали с неохотой, уступая место щебету птиц и крикам обезьян в кронах деревьев. Друзья всю ночь спали как убитые на голой земле, слегка набросав под себя впопыхах нарванной листвы.

— Доброе утро, — прокрихтел Магистр, который нес последнюю вахту. — Пираты уже за работой, трудолюбивые, как пчелки, в отличие от вас, лежебок. Надеюсь, хоть господу хорошо выпались?

Когда ответа не последовало, он покосился на мешок с провиантом, который выдал им О'Тафт, и с прискорбием отметил, что он почти пуст. Осталось лишь немного сухарей, и все. Тот факт, что они были без плесени, мало его утешил.

— Просто как в темнице, а, Витус? *Aqua et panis est vita canis*. Вода да хлеб — собачья жизнь. Скучная пища, да что поделаешь. Ладно, не будем Бога гневить, и на том спасибо. Отец Ам-

брозиус — спаси Господи его бессмертную душу! — прочитал бы сейчас длинную проповедь, а я буду краток:

Возблагодарим Тебя, Господи, за этот хлеб, который поистине не манна небесная, но лучше, чем ничего. Возблагодарим Тебя за воду, которой Ты даешь нам утолить жажду, хоть и не претворил ее в вино. Возблагодарим Тебя за твердь под нашими стопами, ибо, Ты знаешь, не всегда так бывало.

Он положил крест:

Амен!

— Амен! — как эхо отозвались его спутники, едва продравшие глаза.

Витус поднялся первым и подошел.

— Немного же ты положил собаке! — Он, вздохнув, впился зубами в сухарик и принялся жевать.

— Уи-уи, нище нет — нище не схаваешь, а кой-ще лучше, чем нище! — Коротышка, похоже, снова чувствовал себя прекрасно.

Хьюитт тоже казался отдохнувшим.

Чуть погодя, закончив скудный завтрак, вся компания осторожно спустилась к заливу. Как и сказал Магистр, у «Тормент оф Хэлл» царило оживление. Витус повернулся к Хьюитту:

— Ясно как Божий день, что пираты собираются снова спустить свой корабль на воду. Вопрос лишь в том, как скоро им удастся это сделать. Как думаешь, сколько им еще понадобится времени? Из всех нас ты самый опытный в морском деле.

Юный матрос отмахнулся:

— Не такой уж и опытный! — Но по всему было видно, что похвала ему приятна. Он опустил глаза и наморщил лоб. — Судно уже, можно сказать, на плаву, а из этого следуют два вывода. Во-первых, мои бывшие сотоварищи, должно быть, работали всю ночь, чтобы заделать пробоины. Тяжелая работа, требующая ловких рук. Но на «Тормент» хороший плотник.

— Ага, — кивнул маленький ученый. — А во-вторых?

— А во-вторых, Магистр, сейчас прилив.

— А это значит, что выходить в море опасно? — включился Витус.

— Думаю, да. Во всяком случае, не с этим приливом, потому что там, наверху, все еще ставят бизань-мачту. Похоже, что для нее они взяли запасную стеньгу грот-мачты. Трудоемкая работа, требующая большого опыта. Помните, как вы ставили мачту на «Альбатросе»?

— Да уж, этого не забыть! — Магистр напряг зрение, чтобы разглядеть через свои бериллы, что творится на борту «Тор-

мент», но видел только расплывчатые черные точки. — А что, разве с тремя мачтами «Тормент» не может уйти? Трех-то ведь вроде хватит.

Хьюитт засмеялся:

— Может, и хватит, чтобы выйти из бухты, но четыре мачты позволяют развивать хорошую скорость, которая для пиратов подчас означает саму жизнь. Нет, уверен: мои «друзья» попробуют установить бизань, прежде чем снимутся с якоря. Да к тому же они могут еще ждать Челюсть.

— Ты прав. — Витус поразмыслил и пришел к решению: — Сейчас нам ничего не остается, как только наблюдать за ними. А для этого хватит и одного человека. Он должен быть постоянно на чеку и тотчас же сообщать обо всех изменениях на «Тормент». Остальные пойдут в лагерь и прилягут на часок-другой. Нам еще восполнять и восполнять недосып. Если ничего непредвиденного не случится, действовать начнем сегодня вечером.

Последнее замечание Витус отпустил как бы между прочим, но за ним сыпался град вопросов:

— Что ты имеешь в виду? Челюсти ведь как не было, так и нет!

— Уи-уи, ще-то ты накумекал? Крапом метишь!

— А если Челюсть и появится, что ты собираешься делать? Оторвать ему голову при всей команде, или что?

— Уи-уи, репу долой!

— Какое «долой»? У господина хирургика нет ни малейшего шанса перед превосходящими силами противника!

— Уй, превосходящими! Главное — мозги в черепашке! Мозги главное, уи, Витус?

— С людьми Челюсти надо быть очень осторожными! Я-то знаю: сам был среди них. Схватят — точно убьют!

Витус приложил палец к губам:

— Давайте, кричите, сейчас нас самый глухой внизу услышит! У меня есть план, но говорить о нем пока рано. Хьюитт, заступишь снова первым на вахту?

— Идет!

Хьюитт занял наблюдательную позицию, а остальные двинулись к лагерю. Магистр обиженно выпятил губу и ворчал всю дорогу:

— Интересно, что за тайны мадридского двора развел наш скрытничек? Где уж их доверить нам, простым смертным!

День прошел без особых происшествий. Друзья много спали, растирали друг другу усталые спины, полоскали в ручье ноги и наслаждались жизнью, насколько это было возможно на голодный желудок.

Незадолго до заката Витус отвел всех в сторонку:

— С бизанью пираты почти что закончили, однако не делают ни малейших приготовлений к отплытию. Возможно, потому, что все еще ждут Челюсть.

— Или потому, что нет попутного ветра, — возразил Хьюитт. — Дует с моря, и выходить из бухты трудно, а в темноте и подавно.

— Ты прав. В таком случае будем исходить из того, что гален еще какое-то время простоит здесь на якоре. Я тут поразмыслил и решил, что ждать, появится Челюсть или нет, не имеет смысла. Кто знает, где он сейчас со своим «испанцем»? Нет, будем действовать сегодня ночью.

— А я-то, дурак, думал, все наши муки для того, чтобы воздать проклятому Челюсти по заслугам! — Магистр все еще дулся на Витуса, который не стал посвящать их в свои планы. — Так выходит, все было напрасно? И что мы собираемся делать дальше, если позволено будет спросить?

— Дело не только в Челюсти, Магистр. Уже по дороге сюда я все спрашивал себя, хочу ли я мести ради мести и убийства ради убийства. И слава Всевышнему, что Он наставил меня на путь истинный и помог найти правильное решение. «Да», — признался я себе и устыдился этого ответа. Поэтому я больше не жажду отмщения. Насилие порождает только насилие.

Магистр пробурчал себе под нос:

— Если и дальше так пойдет, то ты, пожалуй, станешь протестантом. Но, как бы то ни было, я с тобой согласен. Господь не благословляет насилие — опыт инквизиции доказал эту истину.

— Я рад, что ты так считаешь. Но есть и еще одна причина, по которой я все же не свернул с нашего пути. Мне придется воспользоваться вашей помощью в одном деле, которое я по большому счету должен был выполнить сам. Это очень опасное предприятие. И чем меньше вы будете о нем знать, тем для вас же лучше.

— Давай уже, ставь точку над «i»! — Терпению маленького ученого пришел конец. — Могу ли я позволить себе напомнить господину хирургу, что мы с ним когда-то поклялись все делать вместе: ты со мной, а я с тобой! Ты за меня, а я за тебя! Так было в застенках инквизиции, так есть и сейчас.

Витус поднял руки.

— Все так, Магистр. Но тогда нас было двое, и отвечали мы только друг за друга. Теперь же нас четверо, и моя ответственность...

— Уй, здрасьте-приехали! — Коротышка распрямился во весь свой ростик. — Мы друзья или как? Или ветер дунул, ливень плюнул — корма к корме, и прости-пощай?!

— Ну конечно, друзья. Но пойми...

— Тогда и понимать нечего! Просто скажи, что мы должны делать. — Хьюитт, обычно молчаливый и сдержанный, отрезал Витусу все пути к отступлению.

— Ну хорошо, пусть будет так, раз уж не хотите по-другому! Сегодня ночью я думаю пробраться на «Тормент оф Хэлл», чтобы отыскать мой короб с трактатом «*De morbis*», сундучок с инструментом и посох. Вы знаете, эти вещи мне дороже всех богатств на свете.

— Ах, вон где собака зарыта! И чего было сразу не сказать? — Магистр оживился. Для него ничего не было хуже бездействия. А виды на новое приключение тут же подняли ему настроение. — Самой собой, мы все полезем с тобой в этот «ад», четыре пары глаз видят больше, чем одна!

— Нет! Об этом и речи быть не может! Уж если на то пошло, на галеон отправимся только мы с тобой. Хьюитт и Энано останутся на берегу, будут на чеку и, если возникнет опасность, подадут нам знак.

Они обсудили все до мелочей и поздней ночью приступили к осуществлению своего рискованного предприятия.

В заливе плавало множество пальмовых стволов — урожай последней бури, и друзья воспользовались этим обстоятельством. Витус и Магистр вымазали свою, и без того испачканную одежду грязью, так что теперь оба с ног до головы были землистого цвета, и оседлали один из стволов. Улегшись животами на бревно, они слились со своим импровизированным каноэ, и только по обе стороны от него руки друзей гребли, как лапы шилохвости. Спустя какое-то время Витус, лежавший впереди, прошептал:

— Еще две-три сажени, и мы на месте. Я уже различаю якорный перлинь.

Маленький ученый еле слышно спросил:

— А есть там какие-нибудь признаки жизни?

— Нет. А теперь гребем осторожнее и молчим! Возможно, они выставили охрану.

Магистр послушался. Его ладони теперь едва шевелились в воде. Почти бесшумно друзья подплывали к возвышавшемуся перед ними, словно башня, корпусу корабля. Возможность, что их обнаружат, была маловероятна, потому что перед тем на борту весь вечер шла гулянка. Очевидно, пираты праздновали окончание ремонта. Они драли глотки так, что было слышно на берегу. А потом все разом стихло, как это часто бывает после разудалой попойки, и настала мертвая тишина. Лишь один запоздалый голос до хрипа орал похабную песенку, но потом и он стих.

Между тем их «каноэ» было уже под бутом большого галеона, над ними — натянутый якорный трос толщиной с руку. Деревянные части судна, трущиеся друг о друга при покачивании,

потрескивали, такелаж поскрипывал. Было время между отливом и приливом. Течения в бухте почти не было, и «Тормент оф Хэлл» легонько вращался вокруг якоря.

Магистр поднял голову:

— Есть с берега какой-то знак, Витус?

Ветер тут же отнес его слова.

— Подожди! — Витус прищурился и взглянул туда, где Хьюитт и Коротышка несли караул в зарослях. Они держали наготове прикрытый фонарь, который короткой вспышкой должен был дать сигнал, что на борту все спокойно. Если бы угрожала опасность, фонарь вспыхнул бы трижды. — Да, есть!

На короткое мгновение темноту ночи прорезал тоненький луч.

— Тогда пошли, да?

— И теперь молчок!

Витус ухватился за перлинь и повис на нем, маленький тщедушный друг последовал его примеру. На уровне якорного клюза Витус сделал передышку, набрал в легкие воздух и дюйм за дюймом подтянулся к краю борта, пока наконец не смог высушить голову из-за выступающей надстройки. Окинув палубу беглым взглядом, он решил, что все в порядке, и вдруг... оцепенел. На расстоянии вытянутой руки от него нависала фигура дьявола. Рожа с рогами, крючковатым носом и выставленной вперед мощной нижней челюстью скривилось в жуткой гримасе смеха. Фигурное украшение носа! Сомнений не было — это корабль Челюсти.

Витус перепрыгнул через фальшборт. Мгновение спустя рядом был и Магистр. Ученый сощурился, поправил бериллы и вскрикнул, увидев фигуру дьявола. А потом с отвращением поморщился, потому что здесь, на боте, как и на всех галеонах, находилось отхожее место для команды. Место, которое, пока корабль был не на плаву, распространяло чудовищную вонь. Витус махнул рукой Магистру и указал на тяжелую дубовую дверь, ведущую в кубрик. Она была полукоткрыта. Оттуда раздавался дружный храп. Так или иначе, друзьям предстояло проскользнуть мимо спящих, если они не собирались идти обходным путем. Шаг за шагом, постоянно озираясь, они на ощупь пробрались в темное помещение. То, что пираты упились вдрызг, играло им на руку. Но в этом был и свой минус, потому что разбойники валялись где ни попадя в самых причудливых позах и любой неосторожный шаг мог перебудить всех. Однако опасения были напрасны. Мертвецки пьяные пираты не услышали бы и трубы Страшного суда. На корму же Витусу и Магистру надо было попасть как можно быстрее, поскольку в каютах, расположенных там, было больше шансов найти утраченное.

Когда они выбрались на главную палубу, Витус застыл. Ему показалось, что он услышал легкий шум. Звук был такой, как

будто весла осторожно погружаются в воду. Он приложил руку к уху и вопрошающе оглянулся на Магистра. Тот несколько мгновений прислушивался, а потом покачал головой. Он ничего не услышал.

«В самом деле ничего?» — вопрошали глаза Витуса. Магистр еще раз отрицательно покачал головой. Витус в сомнении обернулся к берегу, но и там, кажется, ничего не заметили: сигнала опасности не было. Ну ладно, может, действительно показалось. Он пожал плечами и начал прокрадываться дальше.

Хьюитт и Коротышка удобно расположились в зарослях, во всяком случае настолько удобно, насколько позволяла темная ночь под открытым небом. Оба обмазали лицо грязью, чтобы защититься от москитов, и набросали под себя мягкую кучу из листьев. Над ними — небо с тусклыми звездами, подле них — прикрытый тряпкой фонарь.

А время словно застыло на месте. Прошла уже целая вечность с тех пор, как Витус и Магистр ушли. Хьюитт, человек ответственный, уже в тысячный раз спрашивал себя, что бы это значило. Может, их застучали? Да нет, не может быть, он бы услышал! Значит, остается только ждать. Его стало клонить в сон, и он ущипнул себя за бок. Боль худо-бедно прогнала сон. Энано тоже все отчаяннее зевал. Хьюитт с удовольствием перекинулся бы с ним словечком-другим, но Витус строго-настрого запретил им разговаривать. Только в случае крайней необходимости.

И снова все его члены налились тяжестью. Он сцепил зубы и опять ущипнул себя. На этот раз так сильно, что от боли чуть не вскрикнул. Такому действенному приему обучил его один старый моряк. Было это давно, в низовьях Темзы, когда Хьюитт ходил помощником на рыбацком суденышке. Правильно. Он даже припомнил имя моряка: Диллард Нок его звали, а суденышко называлось «Наяда II». И был у него шпрюйт, в чем, собственно, ничего необычного не было, потому что все рыбацкие суда ходили по Темзе под такими парусами. Да... Шпрюйт-парус, почти как на «Альбатросе»...

Он хорошо помнит, каким стареньким был парус Нока. Его латали снова и снова, пока он в конце концов не стал похож на лоскутное одеяло. И каждый раз, пока парус чинили, они с Ноксом выходили в рыболовный район на веслах. Это было настоящее мучение, до сих пор плеск весел стоит у него в ушах...

Хьюитт вздрогнул. Что это был за плеск? Сон или реальность? Он затаил дыхание, закрыл глаза и открыл уши. Нет, ничего, только шум ветра, моря и джунглей. И ровное дыхание Энано. И все-таки Хьюитт не был так уверен. Он решил заговорить с Коротышкой:

— Тс-с-с, Энано. Ты что-нибудь слышал?

— Ще? Где? — Детские ручонки малыша взметнулись в воздух, он потянулся и от души зевнул.

— Плеск, где-то далеко.

— Не, нище. Наверное, это дерьмовоз на якоре.

— А мне все же кажется, кто-то идет на веслах.

— На веслах? — Коротышка хихикнул. — А не твое это весло плескалось, пока отливал? Не, не, точно нище.

— Ну ладно, нет так нет. — Хьюитт решил быть повнимательнее. Для профилактики он ущипнул себя еще раз.

— Ай! — Возглас маленького ученого был негромким, но очень отчетливым.

Ногой он угодил в одно из шести орудий, расположенных по левому борту, и чуть не потерял равновесие. Витус невольно нахмурился и оттащил друга к одной из шлюпок, чтобы ее черная тень поглотила их контуры. Они напряженно ждали какого-нибудь движения со стороны тут и там валявшихся на главной палубе пьяных пиратов. Но ни шевеления, ни шороха.

— *Vino gratias!** — пробормотал маленький ученый, снова вызвав неудовольствие Витуса.

Чуть погодя они двинулись дальше к корме мимо деревянных лафетов пушек, неряшливо свисающих канатов, чанов с дегтем, блоков и блочков, мимо разбросанного повсюду инструмента, пока наконец не добрались до трапа, ведущего на верхнюю палубу. Здесь они коротенько передохнули и огляделись. Никакой опасности! Тогда они проскользнули в дверь, расположенную рядом с трапом — дверь, которая на боевых кораблях ее величества охранялась бы денно и ночью, — и продолжили путь на корму. Сейчас над ними была верхняя палуба, а перед ними виднелась вымбовка шпиля. Они обогнули ее, дошли до места рулевого, где их сиротливо приветствовал румпель, и наконец оказались перед дверью, которая вела в каюту капитана. Это было просто предположение, но Витус думал, что его сокровища хранятся именно там. Из всего пиратского сброды только Челюсть мог распознать ценность сундучка с инструментами и трактата «*De morbis*». Если последний опубликовать в Англии, это принесло бы немалые барыши.

Витус осторожно повернул ручку. Дверь потихоньку подавалась внутрь, открывая вид на помещение, которое нельзя было назвать типичной капитанской каютой. Челюсть обставил свою империю с султанской роскошью: дорогие ковры и покрывала, многочисленные подушки, мода на которые пришла с Востока, устилали пол; по стенам развешено оружие: мечи, ятаганы, шпаги, секиры, кинжалы, рапиры. На переборке по правому борту красовалась крупномасштабная многоцветная карта,

* Спасибо вину (лат.).

на которой был изображен остров Куба со всеми его бухтами и заливами. Бахиа-де-Кабаньяс была помечена крестиком.

Под застекленными окнами, выходящими на галерею, стоял сундук. По своим размерам только он единственный из всех мог вмещать вещи, принадлежавшие Витусу. Это было произведение испанских мастеров, с тяжелой железной оковкой и тремя замками.

Чтобы открыть такую сокровищницу, было необходимо несколько ключей. Традиционно два из них хранились у отправителя, один — у капитана и еще один, универсальный, — у короля Испании, которому по закону *quinto* принадлежала пятая часть всего награбленного.

Когда отправитель, предположим, в Гаване, собирался отправить груз, он запирает его на два замка. Затем капитан принимает сундук на борт, но открыть его он не мог, потому что у него был ключ только от третьего замка, которым он и должен был воспользоваться, опять-таки чтобы запереть сундук. С этого момента уже и отправитель не мог его отомкнуть: у него же были только два ключа. Если капитану выпадала удача счастливо доставить сундук в Испанию, последний передавался королю, который с помощью своего универсального ключа мог открыть все три замка.

Хитроумную систему придумал его всекатолическое величество Филипп II, король Испании, который хотел быть уверен, что подданные его не обманывают.

Все замки на сундуке Челюсти были, словно в насмешку над изощренностью ума, попросту сломаны, и тем не менее сундук был заперт: Челюсть навесил на него свой собственный замок. Но, похоже, не слишком надежный.

— Я его открою! — объявил Витус Магистру.

К этому времени они так осмелели, что снова начали переговариваться. Витус снял со стены надежный меч и вскрыл замок Челюсти: шпаги, сработанной Хафом, для такой цели ему было жалко. Оба вора, стораая от любопытства, откинули крышку, заглянули и... ничего не увидели. Содержимое сундука было покрыто шелковым платком. Магистр схватил его за кончик и отдернул:

— Абракадабра! — возгласил он. — Сезам, откройся!

В сундуке было поразительно мало: серебряная посуда, в числе которой тарелки, кубки и пара филигранно отделанных кувшинчиков для вина, несколько золотых монет, три-четыре нагрудных креста из того же благородного металла и кожаный мешочек с драгоценными камнями. Вот и все. Сокровищ Витуса не было и следа.

Маленький ученый взял несколько монет:

— Если уж твое имущество пропало, по крайней мере, возместим его золотом. Так сказать, компенсация за утраченную собственность.

— Оставь, Магистр, не дури. Надо еще оглядеться.

— Ага, надо, — раздался голос, который явно не принадлежал Магистру.

А Магистр шкурой ощутил, что это не голос Витуса.

Это был голос Джона-Челюсти.

Витус резко развернулся, чтобы посмотреть противнику в лицо. Но увидел только небо в звездах, ярко сияющих звездах, да и то на одно короткое мгновение. А за ним он уже ничего не узрел.

Крыса прошмыгнула, поднялась на задние лапы и принялась. Пахло не так, как обычно. Не деревом, не плесенью, не дегтем и не гнилью, как следовало. Точнее, не только ими, а еще и человеком. Крыса опустилась на все четыре лапы, шмыгнула дальше, выглянула из-за угла и поняла, что обоняние ее не обмануло: два человека лежат на полу. Она осторожно посеменила к ним, обнюхала лица, одежду, обувь, забралась на тело одного из них, чуть задержалась, поводя носом, и сноровисто стрельнула лапой за пазуху одному из них: там застрял кусок черствого хлеба. Потешными движениями крыса выцарапала его передними лапами и вгрызлась в него зубами. Но не успела она насладиться неожиданным счастьем, как появилась рука и согнала ее. Крыса в испуге порскнула прочь, все еще сжимая добычу в острых зубах.

— Что это было? — раздался голос Магистра.

Он протер глаза, но все равно ничего не увидел. И не только из-за того, что на его носу не оказалось бериллов, но и потому, что вокруг было темно, хоть глаз выколи. Вдобавок ко всему жутко трещала голова.

— Господи помилуй! — простонал он.

Медленно к нему возвращалось сознание. Челюсть! Этот сын уложил и его, и Витуса! Он пошарил по сторонам и наткнулся на кусок ткани.

— Витус? Витус, это ты?

Послышалось шуршание, потом слабый голос достиг ушей маленького ученого:

— О-о-о! Боже! Где я?

— *Deo gratias!* Ты жив! Где мы, я и сам не знаю, сорняк, но судя по звукам, в чреве «Тормент». — Магистр осекся. — Чума и проказа на их головы! Мы за решеткой. За железной решеткой... Прочные прутья. Да, отсюда не так-то легко будет бежать.

— Подожди, дай мне чуть-чуть прийти в себя, — Витус осторожно приподнял голову.

Волна боли прокатилась по ней. Он ощупал ушибленное место: там была здоровая шишка. Постепенно его глаза привыкли к темноте. Они находились в камере, которая еще в те времена,

когда «Тормент оф Хэлл» носил гордое имя «Виджиленс», использовалась как карцер — площадью два на два шага, с грязным осклизлым полом. Витус повел носом. Пахло отвратительно. Его глаза проследили за скользящей к проходу перед камерой тенью.

— А-а, я знаю, чем здесь так воняет, — медленно процедил он. — Крысиным пометом.

— Брр, — маленького ученого передернуло. — Еще и это! Но, может быть, ты и прав. По-моему, только что одна из этих тварей пробежала по мне. Фу, какая гадость! Но все равно, и отсюда мы выберемся! Ты вспомни о тысячах мух в застенках инквизиции. Что по сравнению с ними парочка крыс!

Несмотря на всю тяжесть их положения, Витус не мог не рассмеяться. Маленький отважный человек! Уж кто-кто, а Витус знал, как он боится грызунов и тем не менее держится так, как будто ему все нипочем.

— Я вот думаю, откуда Челюсть появился так неожиданно, — задумчиво сказал он. — И почему он нас сразу не прикончил?

— Ну это-то он может сделать в любой момент.

— Так-то оно так, но что у него на уме?

— Понятия не имею. Не беспокойся, в свое время он даст нам знать об этом. — Магистр тоже сел. — Я умираю с голоду.

— Ну и заботы у тебя! А я бы очень хотел узнать, сколько времени мы здесь валяемся.

— И все же, думаю, чувство голода в данный момент важнее, чем то, сколько нас здесь уже маринуют. Еда — это насущная потребность человека... Погоди-ка, кажется, я слышу шаги. К нам, похоже, гости.

Теперь услышал и Витус. Тяжелые сапоги грохотали по трапу, и грохот этот сопровождался бормотанием и скрипом ступеней. В проходе к камере появился тусклый свет фонаря. Его нес пират, чье лицо друзьям ни о чем не говорило. А вот следующее говорило о многом — это был Джон-Челюсть.

— А-а, вот и наш белобрысый юнец! — челюсть предводителя пиратов замолела. — Итак, тебе удалось выследить мой «Тормент оф Хэлл». Может, свинья Сансер шепнул на ушко? Но мне без разницы. Для меня особая честь видеть тебя своим гостем! — голос Каттера был полон яду. — Да еще в сопровождении книжного червя.

Магистр вскочил, но тут же свалился как сноп. Его больная голова не позволяла еще резких движений.

— Что еще за «книжный червь»? Уж не хочешь ли ты меня оскорбить, щелкунчик?!

Вместо ответа Челюсть поднял высоко над головой его бериллы.

— Прошлой ночью ты нечаянно обронил эту штуку, книжный червь, когда так внезапно... упал.

Со злорадной ухмылкой, не спеша, он начал сгибать металл оправы. Но давалось ему это с трудом. Витус с удовлетворением отметил, что душегуба мучила боль. Раны, которые тот получил в доме Сансера, все еще давали о себе знать. Витус сказал:

— Похоже, тебе доставляет удовольствие портить чужие вещи. Ну так в следующий раз я напрочь отсеку тебе руку. Тогда тебе больше не удастся заниматься всяким паскудством.

Челюсть продолжал изгаляться. Он-таки согнул оправу в бесформенный ком, а потом бросил ее на пол и растоптал линзы каблуком.

— Вот так! Вы, умники-всезнайки, видели, что я сделал с этой штукой? Радуйтесь, что такого не случилось с вами. Если бы я захотел, вы давно бы кормили рыб!

Маленький ученый аж задрожал от ярости. Забыв про боль, он снова был на ногах, подскочил к решетке и бесстрашно бросил пирату в лицо:

— Не угрожай нам, щелкунчик! Уж не по доброте душевной ты не послал нас к рыбам! У тебя на это должна быть веская причина! И какая же? Кстати, откуда ты так внезапно взялся в своей каюте?

— Даже это хочет знать крючкотвор Рамиро Гарсиа? — с видом победителя осклабился Челюсть.

Магистр оторопел:

— Откуда тебе известно мое имя? — Его рука привычным движением потянулась, чтобы поправить линзы, но попала в пустоту.

— Джон-Челюсть Каттер знает больше, чем вы, умники, себе думаете. Гораздо больше! Ему известно даже имя этого бело-брысого юнца. Витус из Камподиоса называет он себя. Так, умник? Или мне лучше называть тебя... э-э... — в его глазах появился алчный блеск, — лорд Коллинкорт?

— А ну говори, откуда ты это знаешь! — Витус так же быстро вскочил, его рука метнулась за решетку и схватила пирата за рукав.

— Осторожно, юнец! — Самонадеянность Челюсти дрогнула, но он тут же прикрылся маской превосходства. — Не твое собачье дело, щенок. Но что тебе положено знать, сейчас узнаешь! — Он повернулся к пирату, застывшему рядом. — Давай, Блэббер, расскажи этим всезнайкам, что произошло сегодня утром.

— Ага, Челюсть. — Блэббер, верзила с маленькими глазками и отвислыми, как у бульдога, щеками, не торопясь поставил фонарь на пол. — Я, и Райли, и Типпер, и Джим с Томом погребли сегодня утром на берег с бочонками — воду хотели набрать из ручья. А там, совсем невдалече, нашли этого... Меня прямо чуть удар не хватил, че и говорить. Катается, значит, он по траве и стонет, и ревет, как нечистый. Ну я нагнулся, значит,

чтоб посмотреть, че с ним такое. Глянь, а это Хьюитт, че говорить-то.

— Хьюитт? Бог мой! — вырвалось у Магистра.

Челюсть насторожился:

— Ну Хьюитт — так зовут парня. А ты, никак, его знаешь, крючоктвор?

— Ах, Хьюитт! А мне слышалось Стьюитт — был у меня такой студент. А никакого Хьюитта я не знаю.

— То-то я и удивился! — подозрительность Челюсти растаяла. — Ну, давай, Блаббер, рассказывай дальше, пусть умники знают, только поживее: скоро вечер, и нам пора выходить из бухты.

— Ага, Челюсть. Где я там?.. Ах да... Вот, значит, я его и спрашиваю: «Хьюитт, — говорю, — это ты?» А он мне: «Да». И Джим с Томом его спрашивали, а он все «да» и «да, я Хьюитт». Вот, значит, как оно было. Видок у него, скажу я, еще тот, у парня! Отощал весь, что твоя селедка, и морда распухла от москитов. Ну че еще говорить-то... Джим с Томом обрадовались, что он еще жив-то, и все спрашивают, где он все время был. Ну вот, он вообще поначалу и говорить-то не мог, такой слабый. А потом говорит, что его тогда выгудили из воды... ну тогда, Челюсть, ты ведь помнишь, когда мы его за борт...

— Да-да, помню. Давай, кончай!

— Ага, Челюсть. Так где я?.. Вот, значит, его тогда выловили, а после он опять попал в крушение, а после на какой-то рыбацкой посудине доплыл в Гавану. Тут, значит, и прибился... Че я еще хотел?.. Ах да, мы притащили его с собой, дали пожрать, а когда он с парнями туда-сюда — снова свой, ну и рассказали про этих двух, которых ты хотел вздернуть на рее, ты ведь знаешь, Челюсть.

— Да-да, знаю. Дальше.

— Ага. Так вот, че там еще говорить, сам знаешь, Челюсть, он оглядел обоих этих, когда они еще голоса ангелов слушали, и значит, признал их. Говорит, потому что еще в этом Уорт... Уорти... Черт, Челюсть, не помню я, как эта дыра называется, откуда он! Как, а, Челюсть?

— Уортинг или что-то вроде того. Да плевать, давай дальше, хочется мне посмотреть, как вытянется физиономия у белобрысого.

— Ага, Челюсть. Так вот, значит, Хьюитт и говорит, знаю, говорит, обоих. Они, говорит, были важными птицами, и у них целый дворец возле этого Уорт... Уорти... Черт, опять забыл!

— Уортинг! — рывкнул Челюсть.

— Точно. А дворец звали... подожди-ка...

— Дальше, Блаббер!

— Ага, ладно, Челюсть. Вот... Че там еще?.. Хьюитт и говорит, что знает обоих. Один вроде как Витус из Кампы... Кампы-

думбум какого-то, а на самом деле он молодой лорд Коллинкорт из замка... а-а... да ты знаешь, как его там... а другой говорит, Рамиро Граци... Грация, магистр юра.. юрси...юрсипрундии. Ну вот, говорит, значит, Хьюитт, что обоих знает, и все такое, только не по-настоящему, значит, потому как был тогда еще глупым и из бедных, а Коллинкорты, говорит, они богатые, жутко богатые. Вся земля их, вся земля до этого самого Уорт... Уорти... Тьфу, черт, я опять забыл... Ну вот, Челюсть, и ты сразу там скумекал, как выцарапать за них денежки. Выкуп, значит.

— Все правильно, Блаббер. — Глаза Челюсти горели, челюсть молола. — Этот белобрысый лорд стоит чистого золота, и крюкотвор, конечно, не меньше. Так что я выставлю родным этих заумников славенькую сумму. Только вначале высажу их на укромном островке с провиантом, скажем, на год. Если получу выкуп, открою почтенному семейству его название, а нет — пусть там и издохнут. Что на это скажете, всезнайки? Ну и прикурковатые у вас рожи!

— Ты истинно дьявол во плоти, — Витус говорил подчеркнуто размеренно. Его негодование сменилось холодной решимостью. — Но Всевышний определил место дьяволу в аду, и мы с удовольствием посодействуем Ему снова отправить тебя туда.

— А все-таки нам здорово повезло. Куда лучше сидеть здесь в темноте, чем болтаться наверху на рее! Если хорошенько подумать, мы должны даже быть благодарны Челюсти.

Оптимизм маленького ученого и в этом положении был неистребим. Друзья сидели, прислонившись спиной к бортовой стенке. Трудно сказать, сколько прошло времени, с тех пор как Челюсть и Блаббер покинули их. Может, два, может, три часа. Несомненным было только одно, что «Тормент» снялся с якоря: тяжелый скрежет тросов в клюзах и визг шпилей было ни с чем не спутать. Равно как и суету, которая охватила весь корабль. На всех трех палубах над ними слышался топот бесчисленных ног, ревели команды, скрипели шарниры, руль и румпель, и, наконец, «Тормент оф Хэлл», накренившись, сдвинулся с места.

— Перспектива в скором времени погреться на островном солнышке, тоже неплоха, — отозвался Витус.

— Ты сказал. Я голоден. К несчастью, крысы в пищу не годятся, а то бы у нас и забот не было. Их здесь прорва. — Магистр прищурился. — По-моему, вон там, в проходе, как раз парочка. Видишь, темные тени.

Послышалось хихиканье.

— Что это было? — Магистр поднялся. — Крысы не хихикают.

— Уи-уи, скалозубки не хихикают, — раздался фальцет Эна-но. — А ще-то вы сюда переехали?

— Господи Иисусе! Это ж Коротышка! Это ты, Энано? Как ты сюда попал?

— Не гони коней, Магистр, это долгая история.

— Энано, дружище! — Витус нащупал за решеткой горбатое тельце, притянул его к себе и обнял, если это можно было назвать объятиями. — Как хорошо, что ты здесь! Насколько я тебя знаю, ты тайком пробрался на борт, и никто ни сном ни духом, что ты здесь, да?

— Уи-уи, Витус, так и есть. Только Хьюитт знает. Этот гусь тоже здесь. Тяпает матросом.

— Это мы уже слышали. Мы обязаны ему жизнью. Он представил дело так, что Челюсть поверил, будто может получить за нас выкуп.

— Выкуп? — Коротышка снова хихикнул. — Хорошо натикал! Я тут вам надыбал поклевать. Брусочек с чуркой... Ну, хлеб с сыром, если так больше нравится.

— Спасибо, Энано, ты настоящий друг.

— Чушь, не балабонь попусту. Здесь вот ще влага, не обращенная в вино, — он просунул сквозь прутья кувшин с водой. — А это щерб вы могли позыркать, — за кувшином последовали свеча и кремьень с кресалом, чтобы ее зажечь.

Магистр незамедлительно сделал это, и теплый свет озарил каморку.

— Я в восторге! Только что сидели одни, голодные, холодные, во тьме кромешной — и на тебе: еда, свет и добрый друг. Энано, этого я тебе вовек не забуду! — Он запустил зубы в ломоть хлеба, хотел еще что-то добавить, но подавился.

— Сцепи кусалки, — осклабился Коротышка. — Затирай, пока скалозубки не осмелели. Я выцвету, сканаю за чем-нибудь еще. Вскорости нарисуюсь.

— Обожди, Энано, обожди! — крикнул ему вслед Витус. — Куда ты помчался?

— Лучше не спрашивай его, — Магистр жевал с набитыми щеками. — Насколько я его знаю, перво-наперво он обследует весь корабль, а потом переночует, скорее всего, под большой шлюпкой. Помнишь, на «Каргада де Эсперанса» он именно так и делал.

— Помню. Когда он неожиданно появился там на палубе, я так же остолбенел, как сегодня.

— Он маленький огневолосый Феникс, который всегда возрождается из пепла. Он несокрушим. И к тому же верный друг, даже если и есть в нем пара черт, которых мне никогда не понять. Возможно, причина тому его тяжелое детство. Во всяком случае, одно ясно: пока его не обнаружат, голодать мы не будем.

— Так и есть, Магистр. Дай-ка мне сыру... Хм, вкусный, вкусный. Не настолько, как настоящий «Фум Амбэ» у Ахилла, но тоже неплох! После еды потуши свечу, побережем ее.

— Будет исполнено, великий кирургик!

Отремонтированный «Тормент оф Хэлл» курсировал при южном ветре в сотне миль восточнее Гаваны. Он шел не один, а в сопровождении испанского галеона, захваченного Челюстью. Каттер рассудил, что судно испанской постройки придаст им безобидный вид при нападении на ожидаемый караван с сокровищами. Решение тащить за собой невольничий корабль далось Челюсти нелегко, ведь у него не хватало людей, и не в последнюю очередь потому, что в последнем бою он потерял многих из своих лучших бойцов.

Это была стычка с «Фальконом» под командованием сэра Ипполита Таггарта, своенравного старика, который ввязался в тот самый момент, когда Челюсть собирался истребить всю до последнего команду «негритосника». А ведь Таггарт сам корсар, с той лишь разницей, что из рук его величества Елизаветы I получил каперское свидетельство, позволявшее ему захватывать и грабить корабли, — так сказать, с высочайшего одобрения.

Бой между Челюстью и Таггартом закончился вничью, потому что не только «Тормент» получил свое, но и «Фалькону» изрядно пощипали перышки — парочку ядер он точно словил. И только опустившаяся тьма положила конец битве. Она была Челюсти как нельзя на руку, под ее прикрытием он сумел удрать вместе со своим трофеем.

Сейчас у «Тормент» был молодцеватый вид, галеон бойко шел по ветру, новая бизань поскрипывала при налетающих порывах ветра. Правда, у подножия мачты на командной палубе все еще зияли несколько дыр, пробитых при падении старой бизанью.

Джим, плотник, и его помощник Том как раз появились из чрева корабля, таща на плечах порядочное количество пиловочника. Им надо было справиться новое палубное покрытие. Работа обещала быть приятной, потому что погода стояла великолепная. Третьим за ними вылез Хьюитт с козлами и всяческим инструментом.

Джим и Том, тяжело дыша, свалили лес на палубу. Оба были уже далеко не молоды, и перетаскивание тяжелых дубовых досок едва не выбило из них дух.

— Фу, дотащили! — Джим отер пот со лба. — Давай, парень, ставь инструмент сюда, тогда он будет под рукой.

— Хорошо, Джим, — Хьюитт скинул свою поклажу и разложил инструменты.

— Я так рад, что ты нам помогаешь. В последние дни нам с Томом туго пришлось.

— Да я с удовольствием, Джим. И Челюсть не против, пока я делаю это в свободное время.

— Ну и ладно. — Джим помедлил, а потом неожиданно признался: — По секрету сказать, это я тогда... ну когда тебя за

борт, ну... сам знаешь... швырнул тебе старую дверь. Может, она тебе попалась?

Хьюитт разинул рот:

— Что?! Ты имеешь в виду, когда Челюсть отправил меня на корм рыбам...

— Тс-с-с, не так громко! — Джим покосился на корму, где всего в нескольких шагах от них, возле кормового фонаря, возвышалась тяжелая фигура Челюсти. Как всегда, предводитель пиратов был вооружен до зубов, хоть его левая рука до сих пор была на перевязи и рапиру он пока держать не мог. — Если Челюсть услышит, что мы говорим про него, тотчас что-то заподозрит.

Том мрачно согласился:

— Это уж как пить дать. Он все лютее и лютее, уже и пискнуть нельзя, чтобы не начал искать блох. Мне вообще непонятно, как это он тебя снова принял. Должно быть, потому, что нам не хватает людей. Человек тридцать, если не сорок. Да и «невольник» идет не сам по себе. — Он приладил новую доску к старой, продырявленной. — Хм, здоровый кусок придется отпилить. Можешь это сделать, Хьюитт? Ну и хорошо. Иди, я покажу тебе как. Лучше всего это сделать ножовкой.

Джим тем временем стамеской и колотушкой выбивал старые доски:

— Челюсти угодить нелегко, — ворчал он. — Слава Богу, что мы еще у него на хорошем счету, потому как вырезали ему эту носовую уродину, но с тех пор, как он «снял с довольствия» Смита и Эванса, он больше не тот... Повсюду ему мерещится предательство. Не хотел бы я оказаться на его месте, честное слово, не хотел бы.

— Что?! Смит и Эванс мертвы? — Хьюитт содрогнулся от ужаса при воспоминании о подручных вожака. — И в чем же они провинились?

— Ну этого наверняка никто не знает, только поговаривают, что как раз Смит с Эвансом и слязмили тогда алмазы у Челюсти...

— Если бы кому-нибудь пришло это в голову раньше! — Хьюитт в сердцах отпилил от доски и уложил на козлы другую.

Том зажал ее струбциной.

— Во всяком случае, не так давно их нашли на своих койках с перерезанными глотками. Когда доложили Челюсти, он не больно-то убивался. Только и сказал: «Еще двумя стало меньше», — и все тут.

— Что я сказал?! — прогремел над плотниками грозный рык. Челюсть каким-то образом незаметно оказался возле них и теперь нависал, как грозовая туча.

— О, Челюсть, э-э... — замялся Том. — Мы вот тут как раз меняем доски и...

— Это я и сам вижу, — взгляд Челюсти все каменел. — Так что я сказал, хотелось бы знать?

Хьюитт, не теряя присутствия духа, встрял:

— Том только что говорил, что у нас слишком мало рук на борту, и, я думаю, так оно и есть.

— Ты думаешь? — Челюсть с головы до ног смерил взглядом парнишку, которого когда-то приказал выбросить за борт.

Парень здорово вымахал. На его ребрах не было и с полдюйма жира, вроде бы и не слишком изменился с виду, но стал шире в плечах, много шире. И в его лице не было ни тени страха, одна самоуверенность. Этого прежде тоже не было... Да, работа рыбака у побережья Гаваны пошла парню на пользу... Челюсти пришла в голову мысль:

— Баббер рассказывал мне, что ты ходил с рыбаками в море, это так?

— Да, — соврал Хьюитт, не моргнув глазом.

— А сколько времени прошло с тех пор, как ты попал в кораблекрушение?

— Откуда мне знать? Точно не скажу, я ведь был без сознания, когда меня прибило к берегу. — Хьюитт ни на мгновение не терял бдительности. — Может, с дюжину дней, а может, и больше.

— С дюжину? — Пират задумался. — Мне вот что интересно, груженные галеоны уже идут в Бахиа-де-Матансас? Ты не видел их неподалеку от Гаваны?

— Нет, Челюсть, — честно ответил Хьюитт.

— Тогда будем крейсировать здесь и дальше. Но ежели наша охота затянется, — пират неожиданно перешел на другую тему, которая казалась ему не менее важной, — высадим обоих заложников на Элбоу-Кей или на какой-нибудь другой коралловый риф. В любом случае, там, где их не найдут до турецкой Пасхи.

— Я бы на твоём месте заставил их работать, — неожиданно заявил Хьюитт. — В карцере от них никакого проку.

— Что ты говоришь, лорда и ученого заставить работать? — В глазах предводителя зажегся огонек, нижняя челюсть выпятилась вперед. — Ха-ха, хорошая мысль!.. Нет, не пойдет. Маленький всезнайка-крючкотвор, конечно, безобиден — это сразу видно по его незахлопывающемуся хлебалу, а вот белокрысы юнец может быть опасен. — Челюсть снова вспомнил о его фехтовальном искусстве. И рад бы забыть, да раны не давали. — Нет, пусть остаются там, где сидят.

Хьюитт проглотил ком в горле, а потом снова ринулся в атаку:

— И все-таки ты должен выпустить их на палубу. Там, внизу, их сожрут крысы, а за полудохлых заложников не получишь никаких денег!

Глаза Челюсти сузились:

— А ну-ка скажи, мистер Большая Голова, а тебе-то какое дело до тех умников внизу? Ведешь себя так, будто породнился с ними!

Хьюитту потребовалась вся его выдержка, чтобы не отвести глаз.

— Ты так же хорошо знаешь, Челюсть, что я бедный сукин сын, и этого никто не изменит. В нищете рожден — в нищете и умру, как говорят у нас дома. И только ты дал мне шанс.

— Ты это о чем?

— Как о чем? Если ты принял меня обратно, значит, я имею право на долю. И если ты за этих двоих... э-э... умников... выбьешь выкуп, то и мне кое-что перепадет. Поэтому у меня есть свой интерес, чтобы эти двое там не издохли.

Челюсть присвистнул, а в его голосе появилось нечто похожее на уважение:

— А ты здорово изменился, Хьюитт. И сообразительным стал, дальше некуда. Немногим на борту я сказал бы это. — Он бросил презрительный взгляд в сторону Джима и Тома, которые во время всего разговора не прекращали стучать молотками. — Так и быть, принят! Получишь полагающуюся тебе долю.

— Спасибо, Челюсть.

— Да ладно. Пойду сосну. Позови Типпера, пусть держит тот же курс и не прозевает галеон с грузом. Если поймаю кого, кто сачкует, самолично поджарю ему яйца! Все понял?

— Да, Челюсть!

Капитан и предводитель пиратов отправился на боковую.

Типпер, Блаббер и кое-кто еще возлежали в кубрике под баком и бросали кости. Был вечер. День выдался жарким, слишком жарким для середины мая. Час за часом солнце безжалостно палило с безоблачного неба, а ветерок лишь легким дуновением пролетал над «Тормент». Челюсть неустанно крейсировал в надежде встретить галеоны с сокровищами, потому что со дня на день, да что там, с часу на час, могла показаться армада — караван, который собирался из грузовых судов и военных кораблей и был настолько велик, что всегда парочка парусников отбивалась от конвоя. Именно такие одиночные суда и становились добычей пиратов.

Если армада не соберется в ближайшее время, потом ей будут угрожать первые ураганы, о которых старые морские волки говорят: в мае — едва ли, в июне и июле — изредка, а вот в августе, сентябре и октябре — люто. Ураган — самое опасное, что может встретиться на пути армады, потому что тяжелые, до фальшборта груженые парусники становились игрушкой волн, захлестывавших палубу, они с трудом могли лавировать и слишком часто разбивались о рифы у побережья Флориды, если, конечно, до того не шли ко дну с живым и мертвым грузом.

Но в тот вечер ничего такого не предвиделось. Пираты потели, как взмыленные лошади, глушили вино и были раздражены.

Типпер казался единственным, кто был доволен жизнью. Он выиграл у одного из своих собутыльников, беззубого малого с повязкой на глазу, сундук.

— Не дрейфь, Флетчер! Что поделаешь, против моей удачи ничего не поможет! — Типпер отер свою всклокоченную, облитую вином бороду и опрокинул еще кружку.

— Заткни пасть! — Флетчер, на котором, как и на всех остальных были только панталоны по колено, обнажил одну ягодицу и выпустил газы. — Знаю, что ты всех нас обдeldываешь, только не знаю как.

— Но-но! Чтоб мне рыб кормить! Никогда еще никого не обдeldывал.

— Поцелуй меня в задницу! — Флетчер собрался было снова пустить ветры, но Хьюитт его остановил:

— Чего ты так бесишься, Флетчер! Можно подумать, что это сундук с золотом!

— Нет, золота там нет. — Флетчер, который неохотно отказался от своего намерения, снова сел. — Сундук достался мне от Тарта, он околел недавно.

— Тарт?

— Ну Тарт — такой, с красным шрамом на морде. Подхватил лихорадку, а с ним еще парочка других. А в сундуке точно даже не скажу что. Какая-то старая корзина и ящик или вроде того. С острыми железками. Не ахти какое сокровище, да все равно: кому охота отдавать, когда тебя обдeldывают!

— И только-то? — Хьюитт презрительно фыркнул. — Эта рухлядь все равно что ничего.

Хьюитту пришлось приложить все усилия, чтобы не выдать своего волнения. Если он правильно понял, этот Флетчер, то есть теперь Типпер, стал обладателем вещей Витуса! Хьюитт протяжно зевнул и наигранно равнодушно сказал:

— Вообще-то мне сейчас надо бы завалиться спать, у меня скоро ночная вахта, да что-то не хочется. Что, если я сыграю с тобой на этот сундук, Типпер?

Типпер, который как раз собирался опорожнить очередную кружку, обалдел?

— Че ты? Ты ведь никогда не играешь.

— Когда-то надо начинать.

— Хм... а на что будешь играть? За дурака меня не держи, чтоб я стал играть просто на интерес. Если тебе нечего поставить, то и разговору нет.

— А если на мой винный паек, пойдет?

— Хм... Сегодняшний? Дак ты его почти весь выдул!

— На весь паек следующей недели!

— Ну это другое дело. Идет! Парни, дайте-ка мне кости, сейчас я покажу этому желторотому, как надо бросать.

Чуть погодя сундук был проигран.

Две свечи, соломенный тюфяк, бочонок воды, миска солонины, коврига хлеба, немного сыра, две достаточно чистые рубашки и еще кое-какие мелочи — все это было разложено перед Витусом и Магистром. Дары притащили Коротышка и Хьюитт — вещи, собранные с миру по нитке. Они должны были хоть как-то облегчить жизнь затворникам.

— Я в восторге! — громко заорал маленький ученый. — Как будто попал в сказочную страну!

— У меня нет слов, — изумленно сказал Витус.

— Уи-уи, чем чирикать, лучше чикать, — малыш выдернул из миски кусок мяса. — Грабай балабаш!

— Спасибо, Энано. — Витус откусил и передал мясо Магистру.

Хьюитт заметил:

— Одна рубашка довольно большая, Витус, может быть, оторвать от нее полоску и перевязать твое плечо?

— Обо всем-то вы подумали, — улыбнулся Витус. — Рана уже зарубцевалась, но сменить повязку, конечно, не помешает. Как думаешь, сорняк?

— Нисколько, если наложу ее тебе я. Но только после того, как поем! — добавил Магистр. Он уже пробовал сыр. — А этот сорт будет получше вчерашнего, Энано, много тоньше на вкус.

— Уи-уи, эта чурка вам от Челюсти, куражного туза, только он сам того не перит! — Коротышка хихикнул.

Витус предложил:

— А вы, друзья, не хотите к нам присоединиться? В компании и еда вкуснее.

Коротышка и Хьюитт с негодованием отвергли это предложение.

— Что ж, нельзя человека насильно тащить к счастью, — философски изрек Магистр, засовывая в рот еще кусок мяса вдобавок к сыру. — Даже если он этого тысячу раз заслужил, потому что спас друзей от верной смерти.

Хьюитт почувствовал, что эти слова относятся большей частью к нему, и смутился.

— Ты имеешь в виду мою идею с выкупом?

— Именно это я и имею в виду. Без твоей самоотверженности мы сейчас не сидели бы здесь в хорошей компании.

— Это самое малое, что я мог сделать. В конце концов это я виноват в том, что заварилась такая каша! — Смущение Хьюитта переросло в раскаяние.

Витус удивленно посмотрел на него:

— Каким это образом?

— Ну... — юному матросу эта тема была не слишком приятна, но он не хотел ее избегать. — Витус, ну, э... В тот вечер, когда вы оба... ты и Магистр полезли на борт «Тормент»...

— Да, и? — Витус наострил уши.

— Ну вот... Мы ведь тогда условились, что я подам сигнал, если что-то пойдет не так...

— И что?

— И кое-что так и пошло. Я вдруг услышал звук, как будто весла окунулись в воду, и хотел уже вас предупредить, но потом все снова стало тихо, и я подумал, что мне послышалось. Но мне не послышалось. Теперь-то я знаю, что Челюсть в тот вечер неожиданно приказал спустить шлюпку с «невольника» и грести к «Тормент». Бастер, парень, который был тогда с ним, рассказал мне, как все было.

Челюсть, сказал он, с самого начала имел какое-то дурное предчувствие, еще когда они под вечер заходили в бухту. Поэтому он встал на якорь в другом заливишке и, только спустилась темнота, поплыл к «Тормент». Когда он заметил, что на корабле все словно вымерло — ни кормовой фонарь не горел, ни очаг, ни одной вахты или еще кого, — его подозрения еще больше укрепились. Он со своими людьми на руках перебрался под буртиком и тайком прокрался на борт. Да. Вот. И там накрыл вас с Магистром. Так что это целиком моя вина.

— Гик-гук, ты дундук, — вмешался Коротышка, прежде чем Витус успел что-то ответить. — Я тоже профукал. Должен был держать ракушки открытыми, а сам прикемарил, уи-уи, прикемарил.

— Не расстраивайтесь так, друзья, — поднял руки Витус. — Когда мы с Магистром были еще на пути к капитанской каюте, мне тоже показалось, что я услышал что-то вроде плеска весла. И так же, как ты, Хьюитт, подумал, что только показалось. Так что видите, мы все виноваты в том, что стряслось, если вообще виноваты.

Хьюитт вздохнул с видимым облегчением. Чувство вины, которое мучило его все это время, немного отступило. По его губам пробежала улыбка:

— Но у меня есть для тебя и хорошая новость, Витус. Твои сокровища нашлись.

— Мои сокровища... Нет! Повтори, что ты сказал!

— Твои вещи нашлись. Они у меня спрятаны в надежном месте. Даже посох.

И Хьюитт во всех подробностях описал, как ему удалось их раздобыть. Когда он закончил, Витус через прутья решетки поймал его руку и сердечно пожал.

— Ты великолепно все сделал, Хьюитт, просто грандиозно! Спасибо!

По лицу маленького ученого было видно, что он тоже несказанно рад:

— Присоединяюсь к речи предыдущего оратора. Теперь бы еще прогуляться по палубе, и я был бы на седьмом небе от счастья!

— Может, когда-нибудь и удастся. — Хьюитт поведал друзьям о том, как пытался склонить к этому предводителя пиратов, а потом добавил: — Но многого обещать не могу, потому что Челюсть считает, что об этом не может быть и речи: ты слишком опасен, Витус.

Магистр возмутился:

— Что значит Витус слишком опасен? А я? Просто щелкунчик меня еще не знает. Но он узнает! Дайте нам только выбраться наружу, и я ему покажу! — он усмехнулся. — Но, кажется, до этого еще далеко. А у кого, собственно, ключ от этой решетки?

— У Блаббера, — ответил Хьюитт. — И, наверное, еще у Челюсти.

— А ключ ты не можешь достать? — спросил Витус.

Хьюитт почесал затылок:

— Это будет непросто: Челюсть сидит на своих сокровищах, как сторожевой пес.

— А Блаббер?

— Вот тут можно попробовать. Блаббер, конечно, силен как бык, но звезд с неба не хватает.

— Сочетание качеств, которое не так уж редко встречается на свете, — вставил реплику маленький ученый.

— Ведь должен же Блаббер где-то хранить свой ключ, — рассуждал юный Хьюитт дальше. — Я понаблюдаю за ним. Но скажи, Витус, а чем нам поможет ключ? Куда вам бежать? Если вы и выйдете из этого карцера, тюрьмой вам станет весь корабль: с превосходящими силами пиратов нам вчетвером никак не справиться.

Витус задумчиво кивнул:

— Ты, как всегда, прав, Хьюитт. И все же ключ я бы хотел иметь...

— ...четыреста шестьдесят шесть, четыреста шестьдесят семь, четыреста шестьдесят восемь, четыреста шестьдесят... и обратно. Четыреста...

— Магистр, — в голосе Витуса слышалось отчаяние, — ты не можешь просто так гулять по палубе, не считая шагов?

— Конечно, могу, — поучительно изрек маленький ученый, — но это было бы не так интересно. Я высчитал, что приблизительно три тысячи пятьсот четырнадцать моих шагов составляют милю. Через каждые пять шагов по этой палубе мне приходится менять направление. По моим подсчетам, эту милю я прошлагаю за... подожди, за какое число поворотов?.. Тридцать пять делим на пять...

— Магистр! Просто наслаждайся солнцем, воздухом, запахом моря. Я вот просто радуюсь, что нас вообще выпустили на палубу!

— Тебе хорошо говорить! А как я могу наслаждаться, когда там, наверху, на командной палубе стоит Челюсть, вооруженный, как экспонат в оружейном зале какого-нибудь рыцарского замка, и косится сюда. Делает вид, что нас вообще нет, а сам глаз не спускает. Наверное, наложил полные штаны, душегуб, а то бы не приказал связать нам руки за спиной. Нет, прости, но мне надо отвлечься! — Магистр возобновил свой марш: — Четыреста семьдесят один, четыреста семьдесят...

— Заткнись, наконец, умник! — Это был Челюсть. Его глаза метали молнии, а челюсть принялась молотить. Он подозревал, что книжный червь дразнит его. И это на глазах у его людей!

Магистр, не раздумывая, вернул жожаку:

— Сам заткнись, щелкунчик!

Несколько пиратов, занимавшихся такелажем, засмеялись. Это разозлило Челюсть еще больше.

— Я поджарю твои ученые яйца, если ты раз и навсегда не захлопнешь свою пасть!

Он угрожающе двинулся к трапу и начал карабкаться по ступеням, ведущим на верхнюю палубу. И делал это ловко, что было удивительно для человека его комплекции. Витус цыкнул на друга:

— Не лезь на рожон, это может стоить нам головы!

— Буду говорить, что захочу и когда захочу, — упрямо проорчал маленький ученый. — Щелкунчика я не боюсь!

— Так? Не боишься, значит? — Челюсть уже стоял перед друзьями.

Он был на голову выше Витуса и на две — Магистра. Его взгляд заледенел. Он мгновенно выбросил кулак и заехал Магистру в челюсть. Раздался такой звук, словно захрустели кости. Челюсть с сатанинской радостью слушал эту музыку и уже готовился нанести второй удар, который прикончит ненавистного книжного червя, но вдруг почувствовал адскую боль в левом запястье. Боль была так невыносима, что у него перехватило дыхание. Медленно он осознал непостижимое: белобрысый умник пнул его прицельно и точно в рану, которую сам же и нанес несколько дней назад.

Челюсть уже собрался было затянуть свою погребальную песню, как, к своему бесконечному изумлению, получил второй пинок в то же место. Он взревел, превозмогая боль, которая доставала до корней волос, и отшатнулся. Как в тумане, Челюсть слышал смех своих людей. Его, Джона-Челюсть Каттера, выставили на посмеище! Чутье старого жожака подсказывало ему, что он не вернет себе престижа, если просто убьет двух безоружных заложников каким-либо оружием. Это было бы слишком дешевой платой, ведь и у пиратов есть что-то вроде кодекса чести! Нет, здесь нужно нечто никогда невиданное, нечто

невообразимое, нечто, что укрепит его власть и в то же время послужит потехой его людям. Нечто такое грандиозное!.. И вдруг Джон Каттер, единственный человек во всей Карибике, который мог вывихнуть свою челюсть, понял, что ему делать. Он выпрямился во весь рост и заорал так, что его рев был слышен в самых дальних уголках галеона:

— Килевать белобрысого умника!

То, что возвестил Челюсть, было легче сказать, чем выполнить. Чтобы привести в исполнение это наказание, требовалось встать на якорь в спокойном море. Ни о том ни о другом к северу от Кубы нечего было и думать. Поэтому предводитель решил на короткое время изменить курс судна. «Тормент» взял курс на мыс Систерн-Пойнт, южную оконечность острова Андроса: здесь воды были не такие опасные. Челюсти пришлось смириться с изменением курса, зато он получит то, что ему надо: хороший грунт для якоря и спокойное море в одной из бесчисленных бухт.

Днем позже после объявления наказания Челюсть стояла на верхней палубе и обращался к своим пиратам:

— Слушайте меня, люди! Я сказал, что белобрысый умник будет подвергнут килеванию, и вот я исполняю свое обещание!

Его взгляд скользнул по Витусу, который был поставлен возле грот-мачты. У него были связаны руки и ноги, так что он и шагу не смог бы сделать, не упав. Пленник остекленевшим взглядом смотрел прямо перед собой. Может быть, он застыл от страха? Челюсть покачался на носках. Чувствовал он себя великолепно. Его люди смотрели на него глазами, полными предвкушения небывалого зрелища, и он знал, что большую часть уважения он себе уже вернул. Прекрасно! Они получают свое представление!

— Вы, люди, конечно, знаете, что такое килевание, но я объясню еще раз — для нашего белобрысого умника. Это самое суровое наказание на море, много страшнее трехсот ударов девятихвостки. А начинается оно вполне безобидно. От борта к борту через киль протягивают канат, а к нему привязывают проштрафившегося. Потом его вдоль борта спускают под воду...

Челюсть окинул взглядом светловолосого парня, который так и стоял у мачты, не шевелясь. Похоже, он вообще его не слушает. Наверное, все еще не пришел в себя от страха!

— Так вот, как уже было сказано, виновного спускают под воду, все глубже и глубже, а потом протаскивают через киль. И делают все без спешки — это ведь должно быть наказанием! Чем медленнее, тем хуже провинившемуся там, внизу. — Челюсть сделал многозначительную паузу. — Совсем без духа.

Пираты хищно заржали. Вожак выпятил челюсть:

— Канат, люди, можно парочку раз потянуть назад, чтобы как следует продрать его спину о ракушки на днище. И, надо сказать, раны от них будут ужасны!

Раздались одобрительные возгласы:

— Сделай это, Челюсть! Поглядим, голубая ли у него кровь!

— Хо-хо-хо! Уж мы постараемся! Торопиться не будем!

— С чувством сделаем, с толком!

— Точно, парни, чтобы получил как надо!

Челюсть вдохновенно продолжил свою речь:

— И в это время, люди, ему будет все больше не хватать воздуха. Глаза вылезут из орбит, легкие того гляди разорвутся... — Он подал знак Типперу, который еще с тремя помощниками готовил канат. — Эй, Типпер, можете начинать! Вяжите умника к канату, да так, чтобы его спиной к кораблю спустить за борт!

— Ясное дело, Челюсть!

Типпер знал, что ему делать. Втайне от всех он получил распоряжение долго, да не слишком держать заложника под килем. И не из человеколюбия, нет, конечно! Просто этот парень должен еще принести им кучу денег, а это получится только в том случае, если он из экзекуции выйдет живым.

Челюсть в последний раз смерил жертву пытливым взглядом, но белобрысый по-прежнему держался так, словно все это его не касалось, даже когда Типпер со своими помощниками со знанием дела обвязали его торс канатом и закинули на фальшборт. Челюсть подавил накачивающую ярость. Белобрысый давно должен был попить благим матом, а он так и не пошевелился. Ну ничего, посмотрим, как он будет орать, когда его поднимут с другого борта «Тормент»! Посмотрим, будет ли он тогда задирать нос, заносчивая рожа!.. «А может, он просто молится? — пришло в голову Челюсти. — Думает, что пришел его последний час?» Эта мысль пирату понравилась.

— Отправляйся в ад, умник! — крикнул он и взмахнул рукой.

Витус и вправду молился. Перспектива быть утопленным, как котенок в мешке, была настолько чудовищна, вселяла такой ужас, что он закрыл глаза и мыслями обратился к Творцу. Он почти не почувствовал, как грубые лапищи спихнули его за борт. Ярда два он летел в пустоту. Потом его дернул назад канат, который натянули Типпер с помощниками. Он открыл глаза и смотрел на все приближающуюся морскую гладь. Вперед ногами, дюйм за дюймом, они спускали его в воду, выбирая трос с противоположного борта. Его тело терлось о грубый обшивной пояс судна, медленно, мучительно. Вот она, первая боль! О Боже! Отец Небесный, на что способны дети Твои!

Его ступни коснулись воды. Море было теплым и ласковым, оно обьяло его по щиколотку, до колен, до бедра... Если и дальше пойдет так медленно, он уже по эту сторону «Тормент оф Хэлл» захлебнется. Умрет жалкой смертью...

Закрывать глаза или нет? Как будет легче? Он хлебнул воды, сообразил, что его уже опускают с головой, напрягся и в последний раз глубоко глотнул воздуха...

Господь — твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, — скала моя; на Него я уповаю...

Острая боль пронзила тело. Ракушки! Острые ракушки! Они намертво прилепились к подводной части корабля и теперь раздирали ему спину. Невольно он закричал, рот его широко открылся, и вода, клопоча, хлынула в легкие, соленая, рыскающая, как будто только того и ждала, чтобы найти себе жертву. Он подавился, сглотнул, хотел вдохнуть, но вместо желанного воздуха в него снова влилась вода. Он забил ногами как припадочный, рванулся наверх, к воздуху, к свету, но повсюду была вода. Вода, вода, вода! Крутом одна вода! Его охватила паника, но новая боль, пронзившая спину, заставила его забыть...

Господь — твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, — скала моя; на Него я уповаю...

«Давайте, пошевеливайтесь, вы, дьяволы, там, наверху! Тяните, тяните! Мне нужен воздух! Что вы делаете? Что-о-о вы делаете!»

Канат застыл, потом медленно пошел обратно. Новый виток боли раздирает его спину. Она уже горела, как полуночный костер. Он попробовал отстраниться от дна, но тут же представил себе, как будут выглядеть его открытые раны от соленой воды. Как рука Хьюитта, надежнейшего из надежных, которую пронзил кинжалом этот душегуб? Когда это было? Вечность назад? Но он вспомнил и другое: рука не была поражена гангренной. Тоже от соленой воды? Или из-за чего-то другого? Бессмысленные размышления! Смешно, чем он занимается! Воздуху, ему нужно воздуху. Воздуху, воздуху, воздуху!..

Канат теперь двигался попеременно то вперед, то назад. Он висел на нем, как кокон на нитке. Новая порция мук содрогнула его тело. Что это за препятствие? Киль! Середина пути! Кульминация экзекуции! «Вытащите меня наверх, вытащите, заклинаю именем Пресвятой Девы Марии! Тащите, тащите наверх! Быстрее, быстрее, быстрее! Я больше не выдержу!» — он мотал головой из стороны в сторону. Потом его судороги ослабли. Мысли начали рваться. Перед глазами поплыли картины из прошлой — такой счастливой! — жизни... Арлетта стояла на борту «Феникса»... улыбающаяся, с сияющими глазами... в изумрудном платье... «Где ты, Арлетта? Где ты?! Почему не пришла ко мне? Я тебя искал... Я тебя так искал! Я ждал тебя! Я... умираю, Арлетта, умираю...»

Господь — твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, — скала моя; на Него я уповаю...

Челюсть перешел на правый борт, где наблюдал, как выбирают трос, поднимая проташенного под килем. Белобрысого умника вытащили на борт вперед ногами. Из него хлынули потоки воды. Он казался мертвым, фальшборт под ним быстро окрасился в красный цвет. Все его бесчисленные раны кровоточили. Пират испытал несказанное удовольствие от этого зрелища.

— Ну, люди, как вам это нравится? Челюсть выполнил, что обещал?

Ответом ему был многоголосый рев восторга.

— Челюсть не обманул ваши ожидания?

Снова громогласный рев.

— Так смотрите, что может Челюсть! Видите? — Вожак удовлетворенно обвел взглядом свой корабль. — А теперь на полных парусах обратно! Ляжем в засаду севернее Бахиа-де-Матансас. И дьявол меня побери, если проклятые доны наконец не выползут из своих нор!

Он уж было собрался развернуться на каблуках и прошествовать в свою каюту, как вдруг ему в голову пришло еще кое-что:

— Как наш белобрысый умник, дышит?

Типпер помощниками стаскивали безжизненное тело с фальшборта:

— А кто его знает, Челюсть, сейчас посмотрю! — Он не слишком деликатно дернул за канат, и тело со стуком свалилось на палубу. — Если в легких чересчур много воды, окочурился. — Типпер нагнулся и приподнял одно веко. — Не знаю, глаз не двигается.

— Ну так сделай что-нибудь! — рыкнул Челюсть. Он вспомнил о больших деньгах за заложника.

— Можно я? — Это был Хьюитт, который отделился от группы соглядатаев. Не дожидаясь согласия предводителя, он подошел к истязаемому и перевернул его на живот. Спина несчастного была одной сплошной раной. Юный матрос сцепил зубы, но страшная картина не оттолкнула его. Он обхватил Витуса за пояс и несколько раз рывком приподнял его торс. Ничего не произошло. Он пробовал еще и еще. Скоро эта канитель обступившим его зрителям надоела, но Хьюитт был неутомим. Он продолжал свое дело. Снова и снова он вздымал безжизненное тело, и наконец его упорство увенчалось успехом! Потоки воды хлынули изо рта Витуса, и несколько мгновений спустя он начал дышать.

Челюсть проскрипел:

— Надо же! Умник твердый, как подошва. Кто бы мог подумывать при его голубой крови! А теперь оттащите его назад в карцер. Типпер, ты поведешь скорлупку на запад! Двойной дозор

на фок-мачту! Будь я проклят, если доны уйдут от нас! Я в своей каюте.

Магистр сидел в каморке под орлоп-деком и обрабатывал спину Витуса. Хьюитт, надежнейший из надежных, держал через решетку горшочек с медовым бальзамом. Магистр, то и дело протягивая руку, черпал из него. Шел пятый день после экзекуции. Витусу уже стало заметно лучше. Шок и кровопотеря были, конечно, велики, но раны, слава Богу, оказались не такими страшными, как казалось поначалу. Они представляли собой решетку из продольных и поперечных порезов от острых краев ракушек с подводной части корабля. В первые дни некоторые из ран воспалились, и Витус уже опасался заражения и жара, но маленький ученый проявил себя достойным ассистентом доктора. Ему пришла в голову удачная мысль, и с помощью Коротышки, который все еще незамеченным квартировал под шлюпкой «Тормент», он обзавелся капустными листьями из кладовых судна. Размяв эти листья до мягкой сочной кашицы, Магистр неустанно наносил ее на спину друга. А кроме того, его озарила и вторая идея: он попросил Хьюитта порыскать в коробе и сундучке Витуса, не осталось ли там каких-нибудь целебных трав. И юный матрос действительно кое-что нашел: известь в порошке и остатки лечебной мази на корневищах окопника и хрена. Это лекарство вместе с медовым бальзамом хорошо помогало.

— Сорняк неистребим! — жужжал маленький ученый, меняя повязку. — Придет время, и ты снова будешь зеленеть. Только вот мази осталось всего ничего, а наше пристанище мне нравится все меньше. — Он поднял глаза на Хьюитта: — Хотя ты и говоришь, что побег дело безнадежное, потому что нас все равно поймают, но мне больше по душе хотя бы попытаться. Как только окажемся наверху, уж что-нибудь придумаем!

Витус подал голос:

— Я тоже за то, чтобы попытаться. У меня было много свободного времени на размышления, и, кажется, я придумал, как можно подобраться к ключу Блаббера.

— Да ну! Давай, выкладывай! — как один воскликнули друзья.

— Мой план, конечно, рискованный и не обязательно должен увенчаться успехом, но ничего другого на ум не пришло.

— Говори уже, что нам делать? — Магистр, закреплявший последний виток повязки вокруг торса Витуса, замер в ожидании.

— Вам ничего не надо делать, да и мне тоже. Наше участие пользы не принесет, а вот...

И Витус изложил свою идею.

Блаббер сидел в отхожем месте на боте «Тормент» и шумно облегался. Была уже полночь, довольно необычное время, что-

бы бегать в галюн, но на Блаббера, как и на многих его сотоварищей, напал понос. Причиной тому была изрядная попойка, плохая еда, гнилая вода и грязь на корабле. Но Блабберу это было невдомек.

— Чего и говорить, — недавно вещал он со спущенными штанами, — пока не пробил кровавый понос, все не так уж плохо.

Его товарищи по несчастью, сидевшие рядом, дружно кивали.

Ничего хуже не было, чем жидкий, слизистый, с кровавыми выделениями от внутренних язв стул! Напасть, которая была не только неприятной, потому что то и дело схватывало живот, но и страшной, потому что никогда не проходила сама по себе.

Сейчас Блаббер сидел над круглым отверстием один, под ним лишь море и носовая волна. Сам с собой и со своими мыслями. Сколько времени у него уже понос? Недельку? Две? Он вспомнил, что вроде бы эта тягостная беготня началась в тот день, когда Челюсть поймал в своей каюте умников. Да, точно. В тот день над грот-мачтой еще кружила черная чайка. Только подумать — черная чайка! Всем на свете известно, что черных чаек не бывает. Только белые.

Блаббер собрался было уже встать, как почувствовал, что все внутренности в брюхе снова свело и позыв стал невыносимым. Придется еще посидеть. Его мысли снова закружились вокруг черной чайки. Он не верит в приметы, не такой он дурак! Но когда Флетчер два дня назад поймал на удочку рыбину с двумя головами — тут хочешь не хочешь призадуматься! И потом этот странный свет, который появился прошлой ночью... «Тормент» в погоне за галеонами с сокровищами угодили в грозовой фронт, и вдруг верхушки мачт и конец бушприта засветились. Это уж совсем немыслимо — слепящий пучок света, который будто летел впереди корабля и с каждым разрядом молний ярко вспыхивал. Жутко и ничего хорошего не сулит...

Ну хоть сегодняшней ночью нет грозы, только ветер. Ветер, который может завывать на разные лады. То шепчет, то поет, то зверем воет, свистит, фырчит, ревет, то совсем замолкает, то бушует, как штормовой. У ветра всегда есть много чего рассказать.

«Уууууиии, уууууиии, — воет ветер, и снова: — Уууууиии, уууууиии!»

Блаббер, старый морской волк, давно сжился со всеми голосами ветра, они вошли в его плоть и кровь. И вначале он не обратил на него внимания, потому что как раз облегчился после последней схватки. Он начал натягивать штаны, чтобы уже оставить отхожее место, когда ветер завыл снова:

«Уууууиии, уууууиии, блаааааббееер!»

Блаббер рухнул обратно. Что это было? Вроде как ветер провал его имя? По всему телу побежали мурашки. Разве ветер может складывать слова? Или кто-то дурачит его? Ну конечно, так

оно и есть! Медленно он поднялся и пристально посмотрел по сторонам. Тяжелая дубовая дверь в кубрик стояла полуоткрытой и покачивалась в такт ходу судна. Нет, за ней никого. А на полубаке? Тоже никого. На реях фок-мачты? Никого. На снастях за бортом? Никого! На якорных тросах? Под решетчатым настилом? У носовой фигуры дьявола? Никого! Никого! Никого! За парусом бушприта? Он только взят на гитовы и не закреплен, люфты в его полотнище, конечно, есть. Нет, в них не спрятаться человеку, как бы мал он ни был! Наверное, ему все-таки показалось...

«Блааааббееер!»

Ну вот, снова! Он же совершенно отчетливо слышал! С дрожащими коленями Блаббер опять сел. Штаны, которые он уже наполовину натянул, вновь скатились к его голым ногам. Это может быть только ветер! Другого просто быть не должно, ведь вокруг ни одной живой души!

«Блааааббееер!»

Гром и молния! Душа Блаббера ушла в пятки, а ведь трусом он не был — наоборот, мог схватиться с любым. Даже с самим вожаком Челюстью! Но здесь было другое. Это был не человек — это ветер! Или привидение, или колдун, или ведьмак! Неужели пришел час расплаты за все, что у него на совести? Час возмездия за всех убитых, обесчещенных, ограбленных?

— Нинне тттрогай меня! — его губы тряслись. — Нинне тттрогай! Ппппрошу ттебя!

«Бееееегтиииии, блаааааббееер, бееееегтиииии!»

Бежать! Он должен бежать! Дважды ему повторять не надо! Скорее прочь, прочь с этого нечистого места! Блаббер подскочил, запутался в собственных спущенных штанах и хлопнулся во весь рост навзничь. Он заорал как резаный — больше со страху, чем от боли, — словно в припадке безумия, задрогал ногами, стряхнул спутывающие ноги штаны и с голой задницей помчался прочь. Ключ от карцера, который был в мешочке на поясе, выпал. Он лежал на решетке, почти свесившись над квадратным проемом. Из темноты взметнулась маленькая ручка, чтобы подхватить его, но в этот момент «Тормент оф Хэлл» заскользил вниз по волне, ключ сорвался и полетел в пенящиеся воды под бугом.

— Уй ты, дурная отмычка! — забранился тоненький голосок. — Уй, щец тебя!

Это был фальцет, который не имел ничего общего с шумом ветра.

Прошло еще несколько дней. Под орлоп-деком, где друзья все еще сидели за решеткой под замком, воцарилась скука. Как-то утром — по крайней мере, Магистр предполагал, что это

было утро: при тусклом огоньке свечи любое время суток выглядело одинаково, — маленький ученый ворчал:

— Эта пиратская банда, похоже, и слыхом не слыхивала, что такое бить склянки. Никогда не знаешь, который час! Натуральное стадо свиней под предводительством борова Челюсти! И такому сброду мы попались в кормушку! Ну да Господь терпел и нам велел, как говорится. Но мне все это уже порядком надоело. Если мой желудок меня не обманывает, то время близится к обеду, а Хьюитта все не видно, и Коротышка тоже пропал... Провалиться мне на этом месте, если все пошло так, как мы придумали!

— Нам остается только ждать, — Витус осторожно перевернулся на спину, радуясь, что затянувшиеся раны уже позволяют делать это.

— Ждать, ждать, ждать! Ты же знаешь, терпение никогда не было моей добродетелью!

— Лучше подойди иними мне повязку. Думаю, она больше не нужна.

— Как господин хирургик пожелают! — Магистр, не прекращая ворчать, принялся за дело. — Поначалу в этой дыре было еще не так плохо. Все до боли родное, как в добрые старые времена, когда мы с тобой томились в застенках инквизиции. Но вообще-то в дальнейшем я предполагал нечто лучшее, чем изо дня в день торчать здесь. Интересно, удалось ли Коротышке что задумано?

— Не знаю. Надо ждать.

— Ждать, ждать — только это и говоришь! — маленький ученый ловко размотал последний виток полотна. Порезы по большей части зарубцевались, только в отдельных местах струпы еще не отвалились. — Повязка и правда больше не нужна, шкура у тебя что надо!

— Да и доктор неплох, — улыбнулся Витус.

— Да ладно, о чем разговор! — Магистр отвернулся, чтобы Витус не заметил его смущения. — И все-таки, даже если все пошло сикось-накось, надо подумать, как открыть эту решетку. Пусть с корабля нам и не сбежать, но хоть тюрьма будет просторнее!

— А на что тебе просторная тюрьма?

— На то, что у меня нет никакого желания париться здесь, когда начнется бой и вражеские ядра засвистят над головой. Сам подумай: если скорлупка пойдет ко дну, мы потонем вместе с ней, как крысы, запертые и беспомощные! Нет, конечно, я этому душегубу ничего так не желаю, как того, чтобы он со своими «Муками ада» лег на дно, но только, пожалуйста, когда нас не будет в этой клетке!

— Все так. Скажи-ка, ты ничего не слышишь там, наверху? Что-то там происходит!

И действительно, внезапно все на корабле пришло в движение. Били тревогу, на верхней палубе раздавались какие-то команды, верещали свистки, слышался топот ног, скрип тяжелых цепей, потом над ними загромыхали глухие удары.

— Боже милостивый! — воскликнул Магистр. — Ты думаешь то же, что и я? Челюсть приказал выкатить пушки! Как пить дать показалась жертва!

— Может быть и так. — Витус закрыл глаза, чтобы лучше сконцентрироваться. — А возможно, на него самого напали. Суэта там наверху скорее говорит о втором.

— Хм-хм... Стоило только упомянуть бурю, как нате вам — буря на горизонте. А мы застряли здесь...

Магистр хотел закончить «насмерть», но не успел, потому что раздался оглушительный грохот, «Тормент» накренился и его сбило с ног.

— Боковой залп, — прохрипел он, вставая на четвереньки.

Друзья невольно втянули головы в плечи в ожидании ответного удара противника. Но его не последовало. Когда они снова расслабились, над ними опять громыхнуло. Еще залп. И снова без ответа.

— Противник, кажется, дал деру, — сказал Магистр, хватаясь за прутья решетки. — Дай Бог, чтобы ему это удалось!

— А может, он просто выжидает, — предположил Витус. — Или занимает удобную боевую позицию. Или у него не такие дальнобойные пушки. А возможно, ждет подкрепления. Если это дон из армады, а похоже на то, он, естественно, идет не один. Четырехмачтовые лао, грузовые суда, всегда сопровождают боевые галеоны, а они не могут одновременно быть повсюду. Может быть, дон ждет, когда подойдет один из них.

— В то же время пытаюсь ускользнуть, если на то будет воля Господня!

Снова ударила пушка, на этот раз дальше и тише.

Витус воскликнул:

— Вот тебе и ответ! Как видишь, противник не прячется.

Следующие мгновения показали, что он не только не прячется, но еще и наносит чертовски точные удары. Бортовой залп противника послал ядро вплотную к борту «Тормент», взметнув фонтан брызг. Поднявшийся бурун разбился о корпус корабля с таким шумом, будто пенящийся прибой о скалы.

— Почти попал, — едва шевеля губами, прошептал Магистр. — Будем надеяться, что он не всегда так метко стреляет.

Долго ждать не пришлось. Противник выдал еще череду бортовых залпов. И на этот раз ни одно ядро не упало в море. Более того, послышался резкий щелчок, как будто кто-то ударил плетью, только несравнимо громче.

— Что это? — спросил Магистр, и в тот же момент его опять сильно тряхнуло.

— Похоже, противник пробил один из штаг, — ответил Витус. Их комендор берет цель в вилку: сначала низко, потом высоко, а затем...

— А затем ситуация будет не из приятных, — мрачно кивнул Магистр. — Но чем умереть, нахлебавшись воды, лучше уж быть убитым выстрелом. Быстро и без лишних мук.

— Ну до этого дело еще не дошло. Может, будет лишь парочка удачных попаданий — такое нередко случается. Точность прицела часто оставляет желать лучшего, к тому же оба противника лавируют, а не стоят на одном месте, так что цель все время уходит. А может, Челюсть опомнится и оставит незнакомца в покое. Много чего возможно...

— Много чего, и все *mierda**, во всяком случае, пока мы сидим здесь, как лиса в капкане. Прости, конечно, за выражение, оно недостойно ученого, но...

Бууууууммм!

Снова чужак, который с завидной сноровкой обстреливал борт «Тормент». Тот факт, что все бортовые залпы сливались воедино, говорило только о мастерстве бомбардиров. Витус прикинул, что противник стрелял в три раза расторопнее «Тормент». Наконец-то и пиратский корабль ответил. Его батарея левого борта стреляла не так слаженно, но зато оглушительно и с такой силой, что «Тормент» накренился на правый борт и маленький ученый снова вихрем пронесся через каморку.

— Так и шею свернуть недолго, — посетовал он. — А барабанные перепонки у меня чуть не лопнули!

— На вот, возьми, заткни уши. — Витус протянул ему бывшую повязку на раны. — Обвяжи в несколько слоев голову, а себе я разорву рубашку.

Но тут где-то совсем рядом неожиданно послышались измученные голоса. Несколько людей Челюсти спускались в трюм, чтобы запастись ядрами. Магистру с его большой головой было трудно исхитриться что-нибудь рассмотреть через решетку, но немного все же удалось увидеть.

— Они встают в цепочку! — крикнул он. — Наверное, будут передавать девятифунтовые ядра. Эй, вы там! Что творится наверху? Кто противник? Испанский корабль с сокровищами?

— Заткни пасть, книжный червь! — Это был голос Блаббера. — Уж ты-то скоро подохнешь!

Бууууууммм!

И снова заговорили пушки противника. На этот раз их действия имели катастрофические последствия для «Тормент». Ядро ударило под водой в непосредственной близости от корабля, пробило борт, пролетело чуть не на волосок мимо камеры, где сидели друзья, и с глухим звуком врезалось в грот-мачту. Пару

*Дерьмо (исп.).

мгновений ничего не происходило, а потом с орлоп-дека раздался душераздирающий крик. Крупные, острые, как пики, щепы разлетелись во все стороны и пригвоздили Блаббера и его товарищей к стенке с точностью меткого стрелка. Верзила, который только что предрекал Магистру скорую смерть, теперь сам был на последнем издыхании. Но маленького ученого это нисколько не порадовало.

Бууууууммм!

Противник стрелял без передышки. Теперь он перешел на одиночный огонь: должно быть, и его задело. Канонада звучала все ближе. К ней присоединилась трескотня мушкетов.

Бууууууммм!

Вот один, другой залп остались без ответа, «Тормент» уже не мог платить врагу той же монетой. Грохот, треск, крики. Снова попадание, совсем рядом.

Бууууууммм!

Удар следовал за ударом. Казалось, противник догадался, что попал в грот-мачту пиратского корабля, и теперь стрелял прицельно в среднюю часть парусника. Еще оглушительный выстрел по левому борту, и грот-мачта, которая находилась всего в нескольких шагах от Витуса и Магистра, задрожала, словно ей стало зябко в пылу сражения. А потом настал ад кромешный: грохот, треск, скрежет, скрип и снова треск. Главная мачта тяжело накренилась и, как подкошенная, рухнула на фальшборт по левому борту, таща за собой в море весь такелаж. Как тяжело-раненный зверь, корабль завалился на бок и потерял всякое управление.

По всем палубам пронесся крик:

— Вода! Нас заливают!

Витус и Магистр претерпевали все эти события, сжавшись в комок в углу своей темницы. Теперь друзья глянули вниз и остолбенели: они почти по колено были в воде, чего сразу и не заметили. Соломенный тюфяк кружил в бурлящей пене, равно как и другой скарб. Маленький ученый встряхнулся:

— Лохань камнем идет ко дну! Если не свершится чудо, мы пойдем к рыбам вместе с ней! О Витус, что нам делать?! — Его голос был полон отчаяния, которого Витус за ним не помнил, в какие бы переделки они ни попадали.

— Нам остается только молиться. И надеяться.

Он хотел положить руку на плечо Магистру, чтобы хоть как-то утешить его, но этого ему не удалось сделать: «Тормент оф Хэлл» затрещал, заскрипел по всему корпусу, тяжело раскачиваясь, и... вернулся в свое прежнее положение.

— Незнакомец прошел вдоль левого борта, — догадался Витус. — Будут брать на абордаж.

— Только кто кого будет брать, еще вопрос! — криво усмехнулся маленький ученый. Он справился с приступом малоду-

шая, и в нем снова заговорил здравый смысл. — Если парни с того чужака поторопятся, то, может быть, еще успеют вызвать нас.

— Для этого им надо очень поторопиться, — процедил сквозь зубы Витус, показал на прибывающую воду.

Она уже доставала ему до пояса, и камера наполнялась с такой скоростью, что это было видно невооруженным глазом.

— Что же нам делать? Господь всемогущий, что?!

Сверху до чрева корабля все еще доносились крики, приказы, команды. Похоже, схватка разгоралась не на жизнь, а на смерть. Да и не мудрено: у людей Челюсти не было другого выхода, как только захватить чужое судно. Их собственное недолго продержится на плаву, а значит, надо завладеть другим кораблем, чего бы это ни стоило! А вода все прибывала и прибывала, она уже поднялась Витусу до плеч, а Магистру чуть не до ноздрей. Витус сложил руки для молитвы и обратился к Господу. По наитию он начал с того же псалма, который читал, когда его протаскивали под килем:

Господь — твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, — скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое.

Призову достопоклоняемого Господа и от врагов моих спасусь...

— Уи-уи, спасение уже здесь! — раздался упоительный фальцет.

Да это же... Ну да, точно — Коротышка! Он плыл перед их камерой на колченогом табурете, гребя ручонками.

— Как водичка? Не надоело ще в этой луже?

— Энано, дружище, откуда ты взялся? Ты все еще жив! Где так долго пропадал? А что с Хьюиттом? Ты нам можешь помочь? — Друзья, воодушевленные новой надеждой, засыпали его вопросами.

— Уи-уи, в точку, машеры! Мы с отмыщешкой! — малыш высоко поднял трезубый ключ. — Спер у Челюсти!

— У Челюсти?! — поразился Витус. — Я думал, ты попытаешься раздобыть его у Блаббера...

— Ба! Блаааааббееер! Полные манжетки от ветра!

Коротышка хихикнул и запихнул ручонки с ключом под воду, едва не нырнув со своего табурета. Он сосредоточенно наморщил лоб, вытянул рыбы губки, некоторое время пошуровал, изгибаясь всем тельцем, и наконец прокричал:

— Клетка открыта. Выкатывайтесь да поспешайте!

Уговаривать друзей не было необходимости. Где на ногах, а то и загребая руками, они устремились к проходу, потом к трапу, только две верхние ступени которого торчали еще из

воды. Добравшись до места, где под дождем щепы нашли свою смерть Блэббер сотоварищи, они в ужасе содрогнулись.

Витус, впрочем, не стал сокрушаться при виде этой картины, а быстренько выдернул у одного шпагу, затем вооружил Магистра и крикнул:

— Там, наверно, нам придется защищать свою шкуру!

— Ты сказал. Я, конечно, недалеко вижу, но горе тому, кто приблизится ко мне! — маленький ученый был настроен очень решительно. — Если связался с морем, научись и молиться, говорят испанские мореходы, и, как видите, не напрасно. Слава Всевышнему и слава Энаню!

— Уи-уи, эй вы, парочка! Не балабоньте попусту!

Малыш выглядел таким веселым, словно находился на ярмарке, где шуты в пестрых нарядах веселят почтенную публику своими фокусами. Но веселость Коротышки продержалась недолго: кровавое побоище предстало глазам друзей, когда они поднялись на палубу. Повсюду у левого борта сражались, фехтовали, схватывались врукопашную. Пираты перед лицом неизбежного конца дрались тем, что под руку попадет, а если ничего не попадало, то зубами и ногтями. Хьюитт тоже был здесь. На него нападал жилистый моряк, размахивая абордажным ножом. Глаза силача горели. Казалось, он испытывает адское наслаждение, колотя бедного Хьюитта. Юный матрос уже на последнем издыхании отбивался от яростных ударов.

— Держись, Хьюитт! Я иду! — крикнул Витус и ринулся вперед. — Магистр, за мной! Энаню, позаботься о себе сам!

Но далеко он не ушел. Перед ним, по обе стороны от него — повсюду дрались. И не успел он оглянуться, как ему самому пришлось защищаться. Он парировал удар долгоязыго верзилы, оттеснил его назад и прыгнул дальше — ему надо было пробиться к Хьюитту. И... остолбенел. Силач, который наседали на юного матроса, был не кто иной, как Мак-Кворри, моряк с «Фалькона» — боевого корабля Таггарта! Мак-Кворри был отважным шотландцем, искусным в бою, как и большинство «соколов». Только теперь, получше взглядевшись в окружающих, Витус узнал одно-другое лицо. Ну конечно! Вон на корме верхней палубы бьется на шпагах Джон Фокс, рыжеволосый богатырь и первый офицер Таггарта. С парой своих парней он сражается против самого вожака и горстки его людей. Витус хотел крикнуть, но на него снова напали. Все эти матросы были ему незнакомы. Он отскочил, заслонив собой Магистра, двумя-тремя выпадами снискал себе уважение. И снова бросил взгляд в сторону Хьюитта, который теперь уже находился в отчаянном положении. Он едва держался на ногах, потерял оружие и ждал последнего, смертельного удара мускулистого шотландца.

— Мак-Кворри! Остановитесь! Мак-Кворри! — Витус закричал так громко, как только мог, и сорвал с ушей защит-

ную повязку. Шотландец и впрямь его услышал: на долю секунды он остановился, бросил взгляд в сторону Витуса и... узнал его.

— Кирургик! Клянусь жизнью моей матери! А вы-то что здесь делаете?

— Оставьте мальчишку, Мак-Кворри, это друг! Так же, как и Магистр, который здесь со мной!

— Господин Магистр собственной персоной! — Мак-Кворри никак не мог оправиться от изумления. — Вот так сюрприз! А я как раз собираться выпустить парню кишки. Однако, сэр, позвольте дать вам совет: побыстрее перебирайтесь на борт «Фалькона», эта посудина с минуты на минуту пойдет ко дну! — Он махнул своим матросам: — Эй, парни, хватит с этим пиратским сбродом! Драку отставить и всем на свой борт! Всем на борт!

— Спасибо за совет, Мак-Кворри, но мне надо еще в матросский кубрик, там мои вещи.

Шотландец, скорый как на расправу, так и на принятие решений, согласно кивнул:

— Я дам вам парочку своих «соколов», тогда быстрее пробьетесь.

Витус облегченно вздохнул.

Как по мановению волшебной палочки, на палубе вдруг воцарился мир. Немногие из пиратов, которые еще оставались в живых, либо сдались, либо лежали раненые. Лишь на корме одним из последних Джон-Челюсть сверкающим клинком зашищался от выпадов Джона Фокса.

— Идемте, — сказал Витус, и маленький ученый согласился с ним:

— Да, идем! Сладка свобода на вкус. И бесценный дар!

Капитан сэр Ипполит Таггарт не был человеком, бросающим слова на ветер. Он слыл командиром суровым, но справедливым. Или, как судачили бывалые матросы у него за спиной: «У Старика жесткая кожа, да мягкая сердцевина. Только не давай ему заметить, что ты это раскусил!»

Таггарту уже перевалило за пятьдесят. Был он высоким, сухопарым, если не сказать свилеватым, и его единственной любовью как было, так и осталось море. И его матросы. Он бы ни за что в жизни не признался в этом, но он любил своих «соколов». И они любили его. Таггарт имел множество высоких наград. После в высшей степени удачного каперского похода *алло* 70—71 ее величество Елизавета I, королева Англии, посвятила его в рыцари. И не в последнюю очередь потому, что сама она негласно имела свою долю в этом предприятии, изрядная часть трофеев которого пополнила ее личные средства. С тех пор Таггарт звался не просто Таггарт или капитан Таггарт, а сэр Иппо-

лит. Но, как бы почетно ни звучал этот титул, он его ненавидел, потому что ненавидел свое имя.

Другой отличительной чертой Тагтарта было то, что он никогда не смеялся, и не потому, что был лишен чувства юмора, нет. Причина крылась в том, что много лет назад в Карибском бассейне его настиг удар испанского меча. Меч рассек ему левую половину лица, а края раны потом криво срослись, отчего левый уголок рта у него опустился вниз, придавая лицу оскал волкодава.

— Здравствуйте, хирургик, — воскликнул Тагтарт, не меняя выражения лица, хотя искренне был рад видеть Витуса у себя на борту. — Хотелось бы, конечно, встретиться при более благоприятных обстоятельствах, но тем не менее... — Он не закончил, просто подал Витусу и Магистру знак подняться на командную палубу. — И вы, магистр Гарсия, добро пожаловать на мой корабль.

Мак-Кворри, который остался на верхней палубе, доложил по всей форме:

— Враг разгромлен, сэр. Только первый еще не разделался с вожакom пиратов. — Он сделал паузу и добавил: — Насколько я знаю нашего первого, это вопрос времени, если позволите заметить, сэр.

— Вы полагаете, Мак-Кворри? — Тагтарт остался невозмутим. Ничего не дрогнуло в лице капитана, хотя все это время он следил за боем Джона Фокса на «Тормент». — Буду вам премного благодарен, если вы не станете высказывать замечания по поводу фехтовального искусства первого офицера, а вместо этого позаботитесь, чтобы раненых «соколов» доставили к доктору Холлу. Чтобы он о них позаботился. Как только выполните приказ, я жду от вас доклада о тяжести ранений.

— Есть, сэр! — Не моргнув глазом, шотландец выдержал нагоняй, козырнул и поспешил выполнить приказ.

Тагтарт повернулся к Витусу:

— Прежде чем расспрашивать вас, хирургик, о том, как идут дела, позвольте досмотреть бой моего первого до конца.

Это было вполне в духе капитана Тагтарта: вначале позаботиться о своих людях, а потом уже соблюсти правила этикета.

Богатырь Джон Фокс тем временем все больше теснил Джона-Челюсть. Предводитель пиратов, левая рука которого все еще плохо действовала, оказался прижатым к флагштоку на корме «Тормент оф Хэлл». Дальше ему отступать было некуда. А первый офицер по-прежнему атаковал его градом колющих, режущих, секущих ударов. Лицо надменного вожака с мощной нижней челюстью давно потеряло свое высокомерное выражение. Сейчас на нем были написаны боль, напряжение и страх. Оно отражало всю безвыходность его положения. И, словно в подтверждение этого, Джон Фокс выбил оружие из рук пира-

та. Оно взлетело высоко в воздух, затем, сверкнув напоследок, описало дугу и упало в море. Джон-Челюсть затравленно огляделся. Перед ним был «Фалькон», откуда помощи ожидать было нечего. Столько же пользы и от испанского галеона, который кружил в нескольких кабельтовых от «Тормент», что равносильно расстоянию до Луны, а кроме того, на нем была лишь жалкая горстка пиратов. Правая рука Джона-Челюсти потянулась к поясу, за пистолетом, но Джон Фокс оказался проворнее. Он уже сделал выпад и приставил острие шпаги к груди пирата. Было видно, что первый офицер «Фалькона» собирался нанести последний удар, но вожак пиратов что-то прокричал ему, не разобрать что. И первый офицер внезапно оставил своего противника, коротко поклонился, поспешил к фальшборту «Тормент» и одним сильным прыжком перелетел на борт «Фалькона».

— Немедленно поднимитесь ко мне, Джон! — крикнул Таггарт и, когда рыжеволосый богатырь появился на командной палубе, приказал:

— Никакого рапорта, только объяснение. Почему вы не убили Джона-Челюсть Каттера, этого подонка?

— Сэр... — Джон Фокс онемел, и сразу по двум причинам. Во-первых, потому что бой с предводителем пиратов не был воскресной прогулкой, а во-вторых, потому что никак не ожидал увидеть возле капитана Витуса и Магистра. У него невольно вырвалось: — Тысяча чертей! Вы здесь, хирургик! И магистр Гарсия с вами? Вот так сюрприз! Я так рад...

— Я просил вас дать объяснение, первый офицер! — прервал его Таггарт, который не терпел нарушения дисциплины, даже в таких, скажем, необычных обстоятельствах.

— Прошу прощения, сэр! Негодяй высказал просьбу, в которой невозможно отказать ни одному капитану на свете.

— А именно? — проворчал Таггарт, и по нему было видно, что он при всем желании не может отгадать, что же это могла быть за просьба.

— Он попросил, чтобы я дал ему возможность уйти под воду вместе с его кораблем.

— Ба! Что я слышу — «с его кораблем»? — капитан презрительно фыркнул. — Насколько я помню, нынешние «Тормент оф Хэлл», а прежде гордый «Виджиленс» принадлежит не ему, а ее величеству, нашей девственной королеве, поскольку сошел со стапеля кс ролевской верфи Медузэй под Лондоном. С каким удовольствием я вернул бы его, но Челюсть не оставил мне выбора. Бой не на жизнь, а на смерть, — так это было. Даже подумать боюсь, скольких людей я потерял! Ну да доктор Холл доложит... — Заметив, что чересчур разговорился, капитан умолк и внутренне выругал себя. — Во всяком случае, я вас не осуждаю. На вашем месте я бы выполнил просьбу мерзавца.

— Благодарю вас, сэр! — Первый офицер несказанно обрадовался, что грозный Тагтарт разделил его мнение.

Между тем когда-то гордый «Виджиленс» сейчас являл собой груды обломков, обреченных на затопление. Все бордажные крюки, канаты и прочее были убраны обратно на «Фалькон», чтобы гибнущий галеон не потянул его за собой на дно. На самой высокой кормовой палубе стоял Джон-Челюсть и смотрел на них. Его взгляд снова приобрел пресловутое надменное выражение. Вот! «Виджиленс», бывшая жемчужина английского кораблестроения, затрещал. Его корпус резко осел, и значительная часть ушла под воду, так что над водой теперь виднелась только командная палуба с Джоном-Челюстью на ней да торчала импровизированная бизань.

— Вот так он и затонет под своей черной пиратской тряпкой, — пробормотал Тагтарт скорее для себя. — Возблагодарим Господа, что не под красным крестом на белом поле, нашим славным английским флагом. — Он гордо вскинул голову.

В это время его команда дружно грянула песню «соколов», с которой они бороздили моря и побеждали:

*Бравые «соколы», храбрые «соколы»,
Вы заслужили званье высокое!
Ночью ли, днем
Под вражьим огнем
Гордо летите высоко вы,
Сильные «соколы»!
Бьете жестоко вы,
Смелые «соколы»!
Бравые «соколы», храбрые «соколы»!*

— Интересно, что на это ответит Джон-Челюсть! — Тагтарт выпятил подбородок и взглянул на пирата, который уже стоял по шею в воде.

Вожак ответил кивком на этот взгляд, и в нем снова были высокомерие и злость. А потом он стал ледяным, бездушным, его челюсть так хрустнула, что хруст этот донесся до «Фалькона», и над водами полетело:

*Для пирата благодать
убивать,
тер-зать,
распо-тра-ши-вать!*

И волны поглотили его.

— Типпертон! Тип-пер-тон! Тритон на тебя с его рогом! Куда запропастился этот писака?! Тип-пер-тон!

Таггарт сидел в своей по-спартански обставленной каюте и ревел зычным голосом. В конце концов его усилия увенчались успехом: в дверь робко постучали.

— Войдите!

— Уже в вашем распоряжении, сэр.

Судовой писарь имел изнеженный, хилый вид, который так не вязался с морской службой, что даже Таггарт закрывал глаза, когда тот действовал не по уставу. А вот на нерасторопность капитан глаза закрывать не собирался, и, если кто-то бил баклуши, по каюте проносился шторм.

— Типпертон, выясните, кого из пиратского сброда Мак-Кворри сочтет пригодным, чтобы нести службу на «Фальконе», и потом... Боже милостивый и все святые с Ним! Вы что, решили проверить взглядом дырку в воздухе? Куда вы уставились? Ах, это... Да, там сидят хирургик и магистр Гарсия во плоти. Может, вы еще не знаете, но их держали на пиратском судне в заложниках. Хвала Всевышнему, что мы успели их спасти.

— Да, сэр! — Типпертон пришел в себя. — И потом, сэр?

— Что «и потом»?

— Вы сами сказали «и потом», сэр.

— Я так сказал? Ах, да... и потом вызовите ко мне Фернандеса. Второй тоже страшно удивится нашим гостям.

И капитан был прав. Когда Фернандес, штурман и второй офицер «Фалькона», чуть погодя появился, его лицо выражало бурю чувств. Любопытство, сомнение и искренняя радость сменяли друг друга, и он не мог удержаться, чтобы крепко не пожать друзьям руки.

— До нас время от времени доходили кое-какие слухи о вас, хирургик, большей частью от возвращавшихся домой моряков, и трудно было им верить. Говорили, вы ищете в Гаване леди Арлетту, но, как я вижу, это на самом деле лишь слухи, иначе мы не нашли бы вас на пиратском корабле.

— Слухи соответствуют действительности, мистер Фернандес. Но, простите, давайте не будем об этом говорить.

В умных глазах штурмана мелькнуло понимание:

— Разумеется. Должно быть, вам много пришлось испытать.

— А вот об этом мы поговорим, но позже, — бросил Таггарт. — Я вас вызвал для того, чтобы дать команду захватить невольничий корабль. Конечно, это всего лишь испанское судно, но основательно построенное, и Бог его знает, на что оно может еще согдиться.

Фернандес, который хорошо знал, с какой быстротой капитан принимает решения, не высказал удивления.

— Да, сэр! Я могу набрать команду по своему выбору?

Капитан думал недолго:

— Да. Но старшим возьмите Мак-Кворри, он один стоит многих. Он пока еще не знает о своем счастье. Доставляет ране-

ных к доктору и проверяет, кто из пиратов годится для «Фалькона». Ах да, на вылазку возьмите не более двадцати человек. Проследите, чтобы все были крепкие матросы, которые быстро разделяются с тамошней сворой.

— Да, сэр! Еще будут приказания, сэр?

— Нет... то есть да. Было бы лучше, чтобы в вылазке участвовали добровольцы.

— Да, сэр! — Фернандес козырнул и исчез.

Типпертон, который тем временем снова нашел дорогу к капитанской каюте, осторожно вошел и принялся крутить глобус, стоявший возле стола с разложенными картами.

— Вы выяснили у Мак-Кворри, сколько он отобрал парней из бывших пиратов?

— С вашего позволения, нет, сэр. — Писарь продолжал бесцельно крутить глобус, но испуганно остановил его, поймав гневный взгляд Таггарта.

— Нет?! Что значит нет?

— Но, сэр, Мак-Кворри все еще занят на орлоп-деке с ранеными — помогает доктору. Значит, он еще не мог...

— Ладно! — Голос командира выражал куда больше строгости, чем он в действительности чувствовал, потому что ответ пришелся ему по душе. Оно и понятно — Мак-Кворри хочет помочь, потому что многие из раненых «соколов» были из его вахты. Другое задание может подождать. — А доктору Холлу передали мое распоряжение немедленно явиться ко мне?

— Сэр, значит ли это...

— Да, именно это и значит! — отдал приказ Таггарт. — Одна нога здесь, другая там!

Типпертон рысцой выбежал, что при его облике выглядело так, словно он бежит по раскаленным углям.

Чуть позже в дверь постучали, и капитан, теперь совершенно джентльмен, крикнул:

— Заходите же, дорогой доктор, заходите. Вы не поверите, кто у меня!

— Уй-уй, шей-то не вперю? Витус и Магистр, как пить дать. А вот это — Хьюитт!

Теперь у Таггарта упала челюсть. За этот день он уже не раз порывался спросить, где же малыш, который когда-то был в числе лучших друзей Витуса, но в суете забот снова и снова забывал. И это при том, что Энано был ему особенно мил, потому что и среди его ребятни был сынок, которого Господь тоже наградил горбом.

— Ну что ж, — Таггарт позволил себе улыбнуться одной половинкой рта, — приятная неожиданность!

Коротышка осклабился в ответ:

— Ще как кучеряво, не?! — и еще раз повторил: — А этот гусь здесь, он из наших, кэптн!

— Хрм... да. — Тагтарт перешел на деловой тон. Наметанным глазом он тут же определил, что у молодца многообещающий вид. — Как тебя зовут?

— Хьюитт, сэр! — Хьюитт вытянулся в струну.

— Это я слышал от Энано. А имя у тебя есть?

Прежде чем юный матрос ответил, Витус и Магистр переглянулись. Им никогда и в голову не приходило, что парень, которого все звали Хьюиттом, должен кроме фамилии иметь и имя. Тот сглотнул:

— Да, сэр, есть. Юстас. Юстас Хьюитт.

— Юстас? Юстас Хьюитт? Язык сломаешь! — Тагтарт понял, что имя парня ему так же мало нравится, как и его собственное, и почувствовал нечто вроде связи, роднившей их.

— Ну что ж, э-э... Юстас Хьюитт, ты понимаешь что-нибудь в морском деле?

— Если позволите, сэр, — вмешался Витус, — я отвечу за Хьюитта. Да, он разбирается в морском деле, и неплохо.

— Настолько неплохо, капитан, — добавил Магистр, — что, когда мы потерпели кораблекрушение, он провел нас под парусом через половину Западного моря. На шлюпке с «Галанта».

— Западного моря? На шлюпке? С «Галанта»? — Тагтарт ничего не понял, но срочно отставил все вопросы. Всему свое время — таков был его девиз. Да и не любил он, когда в разговоре у него перехватывали инициативу. — Ладно, Хьюитт, хорошие матросы мне всегда нужны. Как ты посмотришь на то, чтобы тебя приняли в «соколы»?

— В «соколы»? О, сэр! Сэр, это была бы для меня большая честь, служить под вашим командованием!

Глаза Хьюитта заблестели. Еще мальчишкой, как и другие его сверстники, он грезил когда-нибудь встать под флаг прославленного корсара.

— Значит, решено. Типпертон внесет тебя в список команд. Бог мой, да где опять застрял этот ротозей? Типпертон! Типпер-тон!

Дверь приоткрылась, и Тагтарт, не глядя, рыкнул:

— Типпертон, быстро бумагу, перо, чернила! И живо!

Но в дверях показался вовсе не писарь. Это был доктор Холл. И только в кильватере, так что его тщедушная фигурка и не была видна из-за широких плеч судового врача, обретался Типпертон.

— А, доктор! Прекрасно, что вы здесь! — Тагтарт на мгновение задумался. — Типпертон, вы обождите... Нет, идите и принесите бумагу и писчие принадлежности. — И снова доктору: — Присаживайтесь. Я уже давно с нетерпением жду, что за выражение лица у вас будет, когда вы увидите, кто у нас.

Сюрприз удался Тагтарту в полной мере. Старому доктору понадобилось немало времени, чтобы оправиться от изумления.

— Невозможно, невозможно, — только и повторял он, причем в его устах это звучало как «невозмофно, невозмофно». Потом он стукнул себя по лбу: — Так вот почему у Мак-Кворри было такое загадочное выражение лица там, на орлоп-деке! Невозможно!

Далее последовали ставшие уже привычными радостные приветствия и вопросы о том, где друзья были и как у них дела. Но, как и прежде, Тагарт остановил этот поток. И не только потому, что чувствовал: Витус еще не готов говорить обо всем пережитом, но и потому, что другие дела в этот суматошный день ждали своего выполнения. А служба прежде всего. Личное, как любил выражаться Тагарт, подождет.

Внезапно он обнаружил, что его не такая уж маленькая каюта переполнена людьми. Здесь был даже Типпертон, необычайно быстро вернувшийся с письменными принадлежностями. К тому же снова объявился богатырь Джон Фокс, который сыпал своими «откуда» и «как». Но и расспросы первого офицера Тагарт придушил на корню. Еще не хватало, чтобы его каюта превратилась в птичник с гогочущими гусями!

Тагарт распрямился во весь рост, стряхнул невидимую пылинку со своего не нового, но тщательно ухоженного мундира и положил конец этому гвалту:

— Доктор Холл, попрошу вас доложить о количестве и состоянии больных и раненых.

Холл коротко отрапортовал. Вначале он сообщил, что из тринадцати выживших пиратов почти все невредимы. Причина в том, что они вовремя сдались. Потом старый врач перешел к «соколам», и здесь итог был не столь утешителен. Как он установил, трое из них получили тяжелые ранения, пятнадцать других — легкие. Раны обычные: рубленые, колотые, резаные, огнестрельные и контузии. Семь членов команды погибли.

— Семеро?! — чуть не задохнулся Тагарт. — Кто?

Холл перечислил имена.

— Семеро убитых, — не мог успокоиться Тагарт. — Это одновременно и хорошая, и плохая новость. Хорошо, что всего семеро, я опасался худшего. И плохо, потому что семь наших товарищей — это слишком много. Завтра утром, когда пробьют четыре склянки, они со всеми почестями будут преданы морю. Этим займусь я сам. Что ж, мой дорогой доктор, благодарю вас за службу. Верю, что вы сделали все возможное, чтобы спасти жизнь моим матросам.

Польщенный Холл промолчал.

— А теперь к задачам, которые я хотел бы видеть выполненными еще до шестых склянок вечерней вахты. Мистер Фокс, вы еще раз посмотрите на пиратов, которых отобрал Мак-Кворри. Последнее слово я оставляю за вами. После чего подготовьте все для принятия присяги. Проведем его, скажем, — он

коротко обдумал, — через час. Потом займитесь тем, чтобы перераспределить вахты. Мак-Кворри, как начальник вахты, выпадает. Кем его заменить, я решу позже. Далее: пошлите на подмогу плотнику еще несколько человек, они ему понадобятся. Мы получили по меньшей мере три попадания. Далее...

— Простите, сэр, — вмешался Холл. — Среди пиратов есть двое плотников, которых зовут Джим и Том, — приличные люди, насколько я могу судить, вполне приличные.

— Хорошо. Первый, примите это во внимание. Этих людей передать плотнику. Но не раньше, чем после приведения к присяге. Далее: как вы, должно быть, уже слышали, я назначил Фернандеса командиром группы по захвату испанского галеона. С ним Мак-Кворри и двадцать матросов. Они и поведут трофей. Пройдите с Фернандесом еще раз флажные сигналы. Я хочу, чтобы связь между кораблями была безупречной. Затем проложите курс для обоих судов. Пойдем по Флоридскому заливу в направлении к Англии. Если путь нам преградит какой-нибудь заплутавшийся дон, будем брать, нет — так нет. Поход и так оказался на редкость удачным. На первое время все, первый.

— Да, сэр! — Джон Фокс козырнул и собрался выйти, но командир остановил его.

— Оставайтесь, первый, я еще не закончил. Остальные приказы касаются и вас. Доктор Холл, надеюсь, вы не будете против разделить вашу каюту с хирургом и его друзьями?

— Разумеется, нет, сэр! — Было видно, что Холл страшно обрадовался. — Как в добрые старые времена!

— Прекрасно. Далее. Типпертон, подготовьте список команды, отряженной на испанский галеон. Немедленно. Здесь, за моим столом. Все должно быть как положено. В дальнейшем проверьте, есть ли в этом списке место для новобранцев, и в случае необходимости возьмете другой лист. И не ставьте столько клякс: бумага дорогая! Кроме прочего, оставьте место для внесения доли каждого члена команды. Размеры каждой доли я скажу вам позже. — Таггарт, который все это время стоял прямой, как флагшток, сделал паузу. — Ну что ж, с делами разобрались, джентльмены. А теперь к более приятным вещам. Полагаю, что счастливая встреча с хирургом и его друзьями заслуживает небольшого торжественного ужина. Там мы сможем вспомнить былые времена и поговорить о том, о чем стоит поговорить. Прошу джентльменов сегодня ко мне вечером, когда пробьют восемь склянок. Соберемся здесь, в каюте.

— Да! Да, сэр! — Приглашение было с благодарностью принято.

Таггарт говорил о «небольшом ужине», что было сильно уменьшено. Его большой, прежде заваленный картами стол, за которым кроме ранее получивших приглашение занял место

и Фернандес, предлагал в изобилии фрукты, мясные блюда и деликатесы. Здесь были свежие овощи и каплун с румяной корочкой, поросенок с вертела и сыр, засахаренные фрукты и сладкое андалузское вино, а также много чего другого — деликатесы, которые редко встретишь на боевом корабле и которые были здесь только потому, что незадолго перед тем «Фалькону» достался на пути большой испанский галеон «Нуэстра Сеньора де ла Каридад», не только доверху груженный золотом и серебром из Перу, но и снабженный свежим провиантом из Гаваны. С ним Таггарт не только свел старые счеты — «соколы» взяли его на абордаж.

Разговоры за столом, за которым сидел и Хьюитт — конечно, не в качестве члена команды, а как друг Витуса, — вертелись вокруг событий, которые друзьям пришлось пережить. У изумленных слушателей то и дело глаза вылезали из орбит от того, что они слышали.

Постепенно общее настроение за столом поднялось. Это вовсе не значило, что господа распахнули души, однако в речи уже вплетались и шутки. Таггарт, до мозга костей мореплаватель, презирающий «сухопутных», проглотил отрыжку:

— Как я не устаю говорить, джентльмены, лучший в мире ландшафт — это накрытый стол! — Он поднял свой бокал и, обнаружив, что он пуст, обратился к Типпертону, который, к вящему неудовольствию капитана, как всегда, манкировал своими обязанностями: — Типпертон, будьте так любезны, налейте нам!

Пришлось изрядно обождать, пока корабельный писарь справится с этой задачей. В роли виночерпия он был еще более неуклюж и нерасторопен, чем обычно. Наконец, когда все бокалы были полны, капитан встал:

— Джентльмены, пользуясь случаем, позвольте мне поднять бокал за ее августейшее величество, нашу девственную королеву Елизавету I, которой я желаю долгих лет жизни и... благополучного прибытия «Фалькона» к родным берегам... поскольку она, наша повелительница, при этом исходе станет еще чуточку богаче...

Все присутствующие тоже поднялись, исподтишка усмехаясь такому фривольному тосту, и выпили. Но, как оказалось, Таггарт еще не закончил.

— Кроме того, выпьем за хирургика, с которым меня связывают особые узы, ибо в свое время он был рожден на борту моего «Тандебёрда», что принудило меня стать его повитухой... — Он обвел взором своих гостей, и раздался приличествующий случаю смех. — Прекрасно, джентльмены, думаю, каждому из присутствующих здесь эта история известна. Так выпьем же за хирургика!

Когда и эти бокалы были опустошены, у Тагтарта развязался язык:

— Какие были времена, Джон! Вы единственный, кто еще тогда был на «Тандебёрде», кроме хирургика, конечно, который еще ничего не понимал. Ха! Вы, Джон, были тогда юнгой, так сказать, зеленым юнцом, когда наш незабвенный знахарь Уайтбрэд вытащил мальчика на свет Божий.

— Да, сэр! Давно это было... — Джон Фокс, похоже, чувствовал себя несколько неловко, что его при всех называли «зеленым юнцом».

— Да, время неумолимо. На собственной шкуре знаю. Разве прежде я стоял бы на командной палубе в пылу боя?

— Сэр, капитан должен видеть всю картину боя, а это возможно лишь с самой высокой точки!

— Как мило, Джон, слышать это из твоих уст. Но если бы вы знали, как невыносимо стоять в бездействии на «самой высокой точке», когда перед тобой разворачивается бой на «Тормент оф Хэлл»!

— Так вы уже сталкивались с «Тормент»? — вклинился Витус.

— И не раз. Правда, Джон?

— Да, сэр! Не единожды, и каждый раз ему удавалось от нас уйти. — Первый офицер откинулся назад и широко расставил ноги — привычка, следовать которой ему дозволялось. — Джон-Челюсть Каттер — подонок, который идет по трупам, нет — шел. Он грабил, убивал, насиловал, за его спиной горы трупов, ручьи крови и слез. Он, не моргнув глазом, убивал всех: женщин, детей, безобидных торговцев. Он не страшился продавать в Гаване целые корабли невольников, а если сделка срывалась, попросту сбрасывал «живой товар» в море. И, совершая особенно тяжкие злодеяния, он затягивал свою песню, гремевшую по всей Карибике... — Джон махнул рукой писарю, чтобы тот заново наполнил его бокал, и, не дожидаясь, пока медлительный Типпертон исполнит просьбу, продолжал: — Это-то и отличает Челюсть от нас. Он был пиратом в самом ужасном смысле этого слова, растоптавшим кодекс чести корсаров. Мы, английские каперы, преследуем донов, которые добывают сокровища несправедливым трудом, и чем больше нам повезет, тем лучше. На том и стоим. Но мы никогда не стали бы убивать невинных женщин и детей! Спасибо, Типпертон! — Первый сделал внушительный глоток, отставил бокал и продолжил: — Дней десять-двенадцать назад мы наткнулись на Челюсть, который грабил невольничий корабль. Естественно, мы тут же атаковали его, но спустившаяся тьма и попутный ветер дали ему улизнуть. Вместе с невольничьим кораблем. Мы были жутко разочарованы. Даже если нам и удалось всадить парочку ядер и продырявить его борт, нас это мало утешило.

— Так оно и было, — подтвердил Тагтарт.

Его шрам подрагивал. Джон Фокс отхлебнул еще глоток:

— Ну вот, с тех пор мы и гоняемся за ним, и я страшно рад, что сегодня мы послали его в ад, хоть, может быть, это и не по-христиански.

— Он был дьяволом во плоти, — согласился Витус.

Хьюитт, молчавший до сих пор, впервые подал голос:

— А может, и сам дьявол, — и набожно перекрестился.

— Но теперь с ним покончено. Покончено навсегда! И за это выпьем еще по одной! — Таггарт взялся за свой бокал.

И они сделали это после еще одной продолжительной пытки, предложенной им Типпертоном. Но все-таки, несмотря на то что день выдался тяжелым, на невеселые размышления, на которые навел их Джон Фокс, легкое настроение оставалось до конца вечера.

Вдруг первый офицер мрачно изрек:

— Жаль, что я не мог забрать его шпагу. Это было великолепное изделие из дамасской стали, разящее молнией, прочное!

У Витуса перехватило дыхание:

— Это же мой клинок! Моя шпага! Подарок кузнеца Хафиса!

— Поведайте нам, что это за клинок, и обо всем остальном! — попросил Таггарт. — И не расстраивайтесь так, хирургик. Главное, что вы живы, не так ли?

— Да, сэр, — пробормотал Витус. — Я жив. И Магистр, и Энано, мы все живы, но... что с ней?

— Понимаю, о ком вы. Однако поверьте мне, каждое утро восходит солнце и посылает нам свои лучи. Один из них коснет-ся и вас!

В голосе Таггарта звучали отеческие нотки.

КОРАБЕЛЬНЫЙ ВРАЧ ХОЛЛ

Знаете, хирургик, я не питаю иллюзий по поводу своей квалификации. Мое врачебное искусство ненамного выше среднего, даже если за долгую жизнь я снискал какое-то признание.

Еще в первый день их пребывания на «Фальконе» Таггарт говорил о том, что солнце посылает свои лучи каждому на земле, но его ободряющие слова не возымели действия на Витуса, и в последующие дни он пребывал в мрачном настроении. Он взял в привычку после обеда забираться на фок-мачту и проводить там, на головокружительной высоте, два-три часа. Он смотрел на небо, на море, на все, что делалось на корабле. Однако даже самый прекрасный вид на безбрежный океан, отливающий всеми оттенками голубого и зеленого, на плавно скользящий по нему «Фалькон» под надутыми белыми парусами, на пенящиеся волны за кормой, которые свидетельствовали о том,

с какой быстротой корабль устремился к родным берегам, — ничего не могло рассеять печаль Витуса.

— Ты не должен все время думать только об Арлетте, — говорил маленький ученый, который в этот день сидел подле Витуса. — Отвлекись, подумай о чем-нибудь другом. Сколько времени ты уже не заглядывал в рукопись «*De morbis*»?

— Для этого погода слишком хороша.

— Ну, тогда займись чем-нибудь другим. Таким я тебя еще никогда не видел.

— Я все задаю себе вопрос, где искать Арлетту. Во всяком случае, не в Гаване.

— Хм, а кто тебе сказал, что в Англии у тебя больше шансов? Если бы она вернулась домой, об этом слышал бы Тагтарт, который уже не один месяц бороздит Карибику.

Витус грустно взглянул на друга:

— Просто не знаю, что и думать.

— А нечего думать, лучше скажи-ка мне, что это за суета на главной палубе? — Маленький ученый ухватился за выбленочный трос и свесился вперед, чтобы хоть что-то разглядеть своими близорукими глазами.

Витус посмотрел вниз.

— Там кто-то шатается, словно пьяный. А рядом собрались матросы и не знают, что делать.

— Доктор Холл! — раздалось под ними. — Позовите скорее доктора Холла!

Это был голос Дорси. В сторону кормы кто-то помчался.

— Пойдем, Магистр! — Вся меланхолия в момент слетела с Витуса. — Посмотрим, что там случилось.

Оба заспешили вниз по вантам. Магистр делал это куда медленнее, не доверяя своему зрению.

На палубе Витус быстро взял инициативу в свои руки. Он велел двум матросам подхватить нетвердо стоящего на ногах товарища и усадить его на прочно закрепленный ящик возле шлюпки.

— Как тебя зовут? — спросил он одного из них.

— Пинт, сэр. Как пинта эля. — Пинт был низкорослым малым, почти столь же широким, сколь и высоким, с бицепсами, как у борца. — А это Мадди, — он показал на второго, такого же мускулистого парня в самом соку.

— Хорошо, Пинт и Мадди, держите его покрепче. Кто-нибудь может сказать мне, что здесь произошло?

— Да, сэр, — ответил Пинт. — Дьон — это Дьон, который поранился, — он вдруг налетел на натянутый канат. Так, ни с чего, и никто не знает почему. И полетел головой прямо в форштевень шлюпки. Вон там. — Он махнул рукой.

Витус с Магистром, который к этому времени благополучно спустился на палубу, прошли к указанному месту. К форштев-

ню прилипло несколько волосков Дьюна, обильно смоченных кровью. На настиле палубы тоже остались пятна крови. Магистр присвистнул:

— Ничего себе вмазался! Дело дрянь...

Витус помрачнел:

— Да уж, хорошего мало. Эй, Дьюн, ты меня узнаешь?

— Да-да, сэр.

— Хорошо. Дай я осматрю твою рану.

Витус осторожно повернул его голову к свету. Видно было немного, во всяком случае, на первый взгляд. Но когда он раздвинул слипшиеся волосы, то нащупал шишку с запекшейся на ней кровью. Он внимательнейшим образом оглядел ушибленное место и с горечью подумал, что его самые худшие подозрения подтвердились. Черепная кость была вдавлена, хоть и не слишком, но вполне ощутимо, и, скорее всего, треснула. А под сводом черепа, должно быть, гематома, и послужившая причиной того, что Дьюн потерял равновесие.

— Ну какой диагноз, хирургик? — Холл прибежал так быстро, как только могли его нести старые ноги, и теперь стоял, затаив дыхание, подле Витуса.

— Полагаю, перелом теменной кости и к тому же внутричерепная гематома, сэр. Но, простите, не буду вмешиваться в вашу сферу. Здесь вы врач, а я всего лишь пассажир.

— Чепуха! — Холл медленно набрал воздуха. — Вы прекрасно знаете, как я ценю ваше мнение. И все-таки позвольте, я тоже осматрю раненого. Как твое имя, «сокол»?

— Это Дьюн, сэр. Дункан Райдер, — ответил за него Пинт.

— Прекрасно, Дьюн. Давай-ка поднимись и попробуй сделать ко мне пару шагов.

Дьюн с усилием поднялся и, нетвердо ступая, выполнил распоряжение доктора.

— Прекрасно, прекрасно. Можешь сесть.

Холл осмотрел рану на голове, пришел к тому же выводу, что и прежде Витус, потом осмотрел нос и уши пострадавшего, нет ли там крови, и наконец выпрямился.

— Скажи, Дьюн, а у тебя в глазах не двоится?

— Н-нет, сэр.

— Прекрасно, прекрасно, а мутной пелены перед глазами нет?

— Н-нет, сэр.

— Темных пятен или чего-то подобного?

— Н-нет, сэр.

— Но прямо стоять тебе трудно, — Холл уже говорил сам с собой. Он отвел Витуса в сторону. — Ваш диагноз точен, хирургик, ничего другого я и не ожидал. Согласен с вами по всем пунктам. Думаю, необходимо провести трепанацию черепа. — В голосе Холла послышалась горечь, и Витус тут же понял, в чем

дело. — Проблема в том, что у меня не слишком богатый выбор хирургического инструмента. Нет ни трепана, ни сверл для вскрытия черепа. Как вы, допускаете, что больной обойдется без операции?

Витус энергично покачал головой:

— Ни в коем случае, доктор! Как знать, что у него еще, кроме диагностированной нами гематомы? Во всяком случае, и она давит на твердую оболочку мозга, а вследствие травмы гематома может еще увеличиться.

— Ужасное положение, просто ужасное! — прошепелявил доктор, и слово «ужасное» звучало в его устах «уффасное».

— Согласен. И мы должны что-то предпринять. Мой набор инструментов тоже небогат, но различной величины трепаны имеются. Думаю, средний подойдет. Само собой разумеется, он в вашем распоряжении.

— Хм... э-э... да.

Витус заметил замешательство старика.

— Если позволите, сэр, я все подготавливаю к операции. — Витус огляделся.

На палубе собрались немало матросов, которые нашли себе здесь занятие. Он обратился к одному из них, вроде бы ненароком оказавшемуся здесь:

— Как твое имя, «сокол»?

— Ач, сэр.

— Хорошо, Ач, иди доложи командиру, что Дьюн получил травму черепа и его надо срочно оперировать. Операцию проведем здесь, на палубе.

— Да, сэр! Уже бегу!

Когда немного погодя появился Тагтарт, не преминув при этом отметить косо сидящий кофель-нагель по правому борту и чан с дегтем, которому здесь не место, Витус уже подготовил больного к операции.

Раненый сидел прямо на палубе, крепко привязанный спиной к ящику. Высоту ящика Витус отрегулировал так, что голова Дьюна наполовину выступала над ним.

— Смирно! — скомандовал Дорси, когда Тагтарт приблизился к месту происшествия, недовольно оглядывая всех. — Сэр, докладываю...

Командир махнул рукой:

— Отставить, Дорси. Я уже в курсе. Эй, Дьюн, мой мальчик, оставайся сидеть, встать ты все равно не сможешь — Тагтарт наклонился к нему и похлопал по плечу. — Все будет хорошо, сынок. Доктор Холл и хирургик — лучшие врачи на флоте. Скоро снова будешь плясать хорнпайп* или джигу!

— Т-так т-точно, с-сэр!

* Старинный матросский танец.

— Вот и хорошо. — Тагтарт прошелся взглядом по своим «соколам», каждый из которых вдруг срочно нашел здесь дело. — Дорси, всех зеваяк отсюда вон, и убрать паруса, чтобы килевая качка была меньше. Скажем, по большому парусу с фок- и грот-мачты. Если возникнет необходимость, обращаться ко мне.

— Есть, сэр!

— Хорошо. Я буду у себя. — Он повернулся к доктору Холлу и Витусу. — Легкой руки вам, джентльмены! Дункан Райдер — храбрый матрос. Дома у него осталась семья — жена и дети. Думаю, вы понимаете, о чем я. — Он коротко поклонился и удалился обратно на корму.

Тагтарт был не из тех, кто сует нос не в свое дело, он давно уже понял, что доверие к людям приносит куда лучшие плоды, чем мелочная опека. Разумеется, иногда люди допускали ошибки, которых в ином случае могло бы и не быть, но, как правило, это случалось лишь однажды, и Тагтарт знал, что тем надежнее он сможет полагаться на этого человека в будущем. Вот и сейчас он считал, что вполне может доверять доктору Холлу, тем более что ассистировать ему будет сведущий в своем деле хирургик. Да и чем он, Тагтарт, мог помочь в такой ситуации? Разве что помолиться. С такими мыслями он отправился в свою каюту, где занимался с первым офицером штудированием карт.

— Речь у Дьюка тоже нарушена, — заметил Витус, доставая из своего сундучка инструмент. — Пора начинать, сэр.

— Хм... э-э... конечно, мой мальчик. — Холл вертел в руках бутылочку, на которой была этикетка «*Liquor laudanum*»* — Я дал Дьюну довольно большую дозу. Может быть, его речь нарушена отчасти из-за этого. По крайней мере, боли в области раны он уже не испытывает.

— Это хорошо. В случае необходимости дадим ему еще дозу. — Витус по одному перебирал трепаны над головой Дьюна, чтобы определить, какой из трех больше подходит. Как он и предполагал, лучше всех годился средний. Трепан представлял собой коловорот со съемной фрезой — металлическим цилиндром, один конец которого переходил в острые зубья пилы. Это делало ее похожим на перевернутую корону, поэтому хирурги и называли ее корончатой. С ее помощью можно было проделать довольно большое отверстие в черепном своде. Витус отложил собранный трепан, добавил к нему шпатель, пинцет и гам — скребок для соскабливания мягких тканей с костей. — Все готово, можем начинать. На случай каких-либо осложнений магистр Гарсия будет у нас под рукой и...

— ...и, само собой, Энано, уи-уи! — Никем не замеченный Коротышка поднырнул ему под руку. Он явился с камбуза, где по своему обыкновению сразу установил добрые отношения

* Раствор лауданума (лат.).

с повелителем горшков. Он снизу посмотрел на врачей простодушными глазами и пропищал: — Заговариваю кровь и приношу счастье, приношу счастье и заговариваю кровь...

— Ладно, Энано, оставь свои шуточки. — Витусу было не до забав. Он протянул доктору Холлу хирургический нож: — Сэр, предлагаю вначале выбрить голову, лучше полностью, чтобы потом удобнее было наложить повязку.

— Конечно, мой мальчик, конечно, — старик принялся за работу.

— А ты, Энано, принеси большой кувшин воды.

— Уи-уи, жбан влаги, не обращенной в вино? Почему бы нет? — Коротышка уже собрался бежать, но Витус остановил его, ему еще кое-что пришлось в голову:

— Забери этот каутер для прижигания, его надо раскалить добела, чтобы в любой момент он был под рукой. Потом возьми трепан и сходи с ним к капитану. Попроси у него подходящую по диаметру фрезы монету: золотой дукат, золотой талер, золотой дублон, эскудо или эскудильо — думаю, у него найдется. Скажи капитану, что монета нам нужна, чтобы закрыть потом отверстие в черепае, и это должно быть именно золото: с благородным металлом меньше риска попадания инфекции и воспаления.

— Уи-уи, хирургик, больше нище? Тогда я слинял! — Энано ускакал вприпрыжку.

Холл тем временем заканчивал брить голову раненого. Вокруг опять собралось немало «соколов». Они торчали и на палубе, и на вантах, вытягивали головы. Здесь были и Ач, и Пинт, и Мадди. Дорси как начальник должен бы их прогнать, но он и сам с таким же напряжением следил за тем, что делает доктор. Витус с удовлетворением констатировал, что Дьон уже ничего не чувствует. Доктор Холл отложил бритву и выпрямился.

— Что ж, начало положено.

— Какой разрез вы хотите делать, сэр? — спросил Витус и, заметив, что доктор колеблется, осторожно предложил: — Наверное, в форме двойного «Т»? Это классический разрез, который часто применяется с древности, потому что таким образом мы получаем два хорошо раскрывающихся лоскута кожи. Разумеется, в нашем случае требуется особая осторожность, чтобы не повредить височную артерию.

— Разумеется, разумеется, — пробормотал Холл.

Витус с тревогой наблюдал, как старый доктор не уверен в себе. Наверное, ему не часто приходилось вскрывать черепную коробку, и в этом не было ничего постыдного, но тогда он должен бы обратиться к Витусу. Однако было понятно, что и просить о помощи намного более молодого коллегу ему было трудно. В конце концов доктор совладал с собой и взял скальпель. Витус вздохнул с облегчением, когда увидел, что рут и ста-

рика не дрожат, и он уверенной рукой сделал требуемый разрез. Показалась кровь, даже слишком много крови, что сильно затрудняло работу. Может быть, Холл все-таки задел височную артерию?

— Каутер! — крикнул Витус. — Энано, каутер!

— Уи-уи, здесь я, тот, кто остановит кровь.

Коротышка, который прибежал, таща с собой все, что от него требовалось, поставил кувшин на ящик, рядом положил трепан и золотой дублон и снова пропищал:

— Я тот, кто остановит кровь.

И прежде чем Витус успел возразить, пристроился возле ко всему безразличного Дьюна и, вытянув в трубочку свои рыбы губки, запел фальцетом:

*Красный шар,
Жаркий жар,
Завертись, закружись,
На обратный путь ложись,
Замри дотоле
По моей воле!*

Он пропел свой стишок еще раз, вкруговую вертя руками, и Холл, который, как и все прочие, словно лишившись языка, наблюдал завораживающие пассы малыша, наконец-то обрел дар речи:

— Невозможно, невозможно! Кровотечение в самом деле остановилось!

«Соколы», потрясенные не меньше доктора, боязливо отступили на несколько шагов. Как и все матросы, они были до кончиков ногтей суеверны. Пинт прошептал непослушными губами:

— Пресвятая Дева, колдовство! Этого не может быть! Колдовство!

Витус недоверчиво посмотрел на открытую рану, но не мог не признать, что доктор был прав — кровь остановилась.

— Уи-уи, замри дотоле по моей воле! — в последний раз сказал Энано и, ухмыляясь, спросил: — Жбан подать, хирургик?

— Нет-нет, вода будет нужна позже. — Витус все еще глазам своим не верил.

Неужели Энано обладает такими силами, что может сделать невозможное, необъяснимое? Как странно, они с Магистром думали, что хорошо знают малыша, а поди ж ты, он все время чем-нибудь да удивит!

Холл первым стряхнул оцепенение и уже просунул в разрез пинцет, чтобы раздвинуть лоскуты кожи, протянул руку, и Витус подал ему гам, чтобы он мог очистить поверхность кости от остатков соединительных тканей.

— Вот и она! Прекрасная белая черепная кость! Да, хирургик, как мы и предполагали, отчетливо виден перелом. Три трещины на темени, расходящиеся в форме лучей. Подводите трепан.

— Я? Почему я? — удивился Витус. — Я полагал, вы... — он оборвал себя, не желая повергать доктора в смущение, но Холл сам высказался недвусмысленно:

— Но, мой мальчик, разумеется, это вы должны делать трепанацию. В первую очередь, потому что это ваш инструмент, и кто, как не вы, лучше всех можете им работать. А во-вторых, еще полтора года назад мои руки были скрючены подагрой. Так что и пациенту пойдет на пользу, если оперировать его будете вы.

Витус собрался было возразить, но передумал. Ни к чему врачам выносить свои разногласия *coram publico*, что никогда еще не производило хорошего впечатления. Напротив, это вселило бы неуверенность и послужило кривотолкам.

— Хорошо, сэр, я приступаю. Магистр, подай мне, пожалуйста, трепан и держи наготове кувшин с водой. Сейчас он нам понадобится.

Витус верхом уселся на ящик так, чтобы голова пациента находилась между его широко расставленными ногами. Он перепроверил, хорошо ли закреплены части трепана. Потом сравнил диаметры фрезы и золотого дублона — они идеально подходили друг другу. Успокоившись, он снова отдал монету Коротышке:

— Начисти дублон так, чтобы он блестел, иначе все, что на нем осело, попадет в череп пациента.

— Уи-уи, Витус.

Витус осмотрел трепан. Да, фреза даст достаточно большое круглое отверстие, чтобы убрать и вдавленный фрагмент кости, и гематому. Он пару раз прокрутил инструмент вхолостую, чтобы проверить, как идет фреза. Дьюн никак не реагировал: лауданум действовал, давая раненому благодатное забытие.

Витус еще раз проверил, все ли готовы. Коротышка неподалеку начищал дублон, впрочем, оставаясь начеку, если потребуются подать из сундучка еще какой-либо инструмент. Рядом верный Магистр держал наготове кувшин с водой. Все вроде бы в порядке. Только Холл стоял без дела, но тут уж он сам виноват: раз отказался оперировать, то и ассистировать будет другой. Витус глубоко вдохнул. Как всегда, в решительный момент его напряжение отступило. Он взялся за дело. Провел контрольную проверку несколькими мягкими поступательными движениями. Зубцы под легким нажимом хорошо входили в кость. Ну, с Богом!

— Магистр, ты готов? Как только скажу «воды», охлаждай фрезу.

— Сделаю.

Витус равномерными движениями начал поворачивать ручку, про себя поблагодарив капитана за то, что у корабля мягкий ход. Корончатая фреза крутилась: влево... вправо... влево... Мелкая, как мука, костная крошка летела во все стороны.

— Воды!

Магистр наклонил кувшин, и охлаждающая струя полилась на операционную зону. Дьюн засопел, другой реакции не было. Витус продолжил. С негромким хрустом зубцы вгрызались в череп.

— Энано, кисточку! Смахни опилки!

— Уи, хирургик!

Все глубже фреза погружалась в теменную кость. Делались лишь короткие остановки на охлаждение инструмента и очищение операционной зоны от костной муки. Размеренно и ровно, как работает колесный механизм часов, Витус крутил ручку трепана до тех пор, пока не почувствовал сопротивления — верный признак того, что кость практически пройдена. Он осторожно вынул инструмент и на мгновение распрямился. Потом взял тонкий шпатель, вставил конец в просверленную канавку, поддел диск и с легким хрустом вынул его. Заглянув в открывшееся отверстие, Витус с облегчением установил, что оболочка мозга — слава Богу! — не повреждена. Засохшие сгустки крови на ней образовались в результате травмы.

— *Dura mater** не затронута, сэр, — сообщил Витус, и старый доктор удовлетворенно кивнул. — Энано, пинцет!.. Спасибо!

Осторожно, с педантичной точностью Витус удалил кровяные корочки, костную пыль и мелкую крошку, несколько раз сильно подул и, только убедившись, что все безукоризненно чисто, удовлетворенно вздохнул.

— Энано, дублон.

Золотая монета без проблем улеглась в круглое отверстие, а потом повела себя строптиво — никак не хотела встать вровень с поверхностью кости. Видимо, где-то по краю высверленного отверстия была неровность. Витус снова вынул монету, нашел крохотную зазубрину, удалил ее трехгранным скребком, и чуть погодя дублон при легком нажатии встал точно как надо. Витус и надеяться не смел, что монета так точно подойдет. И ничем закреплять не придется. Череп зарастет сам по себе, образуются наросты, которые возьмут монету в кольцо.

— Ну вот и все! — С затекшими членами Витус слез с ящика и заглянул Дьюну в лицо. «Сокол» все еще находился в полузабытье. — Похоже, одной дозы достаточно, доктор.

— Да, вы правы, хирургик. Примите поздравления — прекрасная работа! — Слово «прекрасная» в его устах звучало как

* Твердая оболочка мозга (лат.).

«прекрасная». — Если позволите, наложение швов я возьму на себя. — Голос Холла звучал бодро. Он в свою очередь взобрался на ящик и, потихоньку напевая, наложил лигатуру.

— Кажется, операция прошла удачно! — От звучного голоса Таггарта все вздрогнули. Он незамеченным подошел с кормовой палубы, что в штатной ситуации было немыслимо. Но сейчас ситуация была нештатная: еще никогда «соколам» не приходилось присутствовать при таких захватывающих событиях. Капитан, понимая это, закрыл глаза на оплошность команды. Однако Дорси стал белым, как мел, и набрал воздуха, чтобы отрапортовать, но Таггарт неожиданно мягко остановил его:

— Не будем беспокоить Дьюна. Выглядит так, будто он все перенес. Монета пригодилась, доктор?

— Да, сэр, — ответил Холл, накладывая последний шов. — Все прошло хорошо. С Божьей помощью скоро он снова будет прыгать, как ягненок.

— Рад это слышать. Теперь он единственный в моей команде, у кого голова — чистое золото, — Таггарт скривил одну половину лица, что должно было означать улыбку, и продолжал: — Примите мою особую благодарность, доктор, я даже не мог надеяться, что вы... э-э... что операция пройдет так удачно. Еще раз благодарю вас!

— Сэр, я... — Холл хотел возразить, но капитан отмахнулся:

— Знаю-знаю, хотите сказать, что только выполняли свой долг. Я приму это к сведению. Все хорошо, что хорошо кончается. И вам, и вашим друзьям, — он обратился к Витусу, — я признателен за оказанную помощь. Прекрасная работа, джентльмены, прекрасная!

Он небрежно отдал приветствие — махнул рукой — и довольный, как на ходулях, прошествовал обратно к своей каюте.

— Кирургик, шшш, кирургик? Вы спите?

— Нет, доктор, не сплю. Все еще прокручиваю в голове операцию.

Как и доктор Холл, Витус лежал с открытыми глазами в их совместной каюте. Они переговаривались шепотом, хотя в этом не было необходимости: Магистр и Энано спали как убитые на своих койках.

— Как раз об этом я и хочу с вами поговорить, кирургик. Мне не дает покоя, что капитан незаслуженно похвалил меня.

— Ну что вы говорите! Вы внесли немалую лепту в успех операции.

— Это так, но я не поправил командира, когда он решил, что я провел всю операцию целиком. Снова и снова думаю об этом. Я хочу извиниться перед вами.

Витус и вправду был расстроен поведением Холла и сейчас нашел признание доктора в высшей степени порядочным поступком: оно потребовало от старика мужества.

— Но, сэр, если уж положила руку на сердце, то командир сам не дал вам возможности возразить.

— Да-да, и все-таки... — Холл беспокоился ворочался в своей койке. — Знаете, хирургик, я не строю иллюзий по поводу своей квалификации. Мое врачебное искусство ненамного выше среднего, даже если за долгую жизнь я снискал какое-то признание. — Прежде чем продолжить, он покашлял. — И тем радостнее было моему старому сердцу, когда меня как врача отмечают при всей команде. Если честно, у меня просто не хватало мужества, назвать вещи своими именами.

— Не судите себя строго, сэр. Человек — это не только его дело, но и он сам, и все его поступки. Вспомните, как вы помогли мне когда-то! Это было здесь же, на этом корабле, когда вы узнали в моем гербе герб Коллинкортов. Если бы вы тогда этого не сказали, даже не знаю, где бы в Англии я стал искать свою семью.

— Знаете что, — Холл оживился, — пойдете-ка прогуляемся. Свежий воздух на верхней палубе нам не повредит.

— Согласен.

Они осторожно поднялись и вышли на палубу. Холл целеустремленным шагом обогнул рулевую рубку, оставил по левую руку один из четырех кнехтов и ухватился за грот-стеннванты по правому борту.

— Это мое любимое место. Часто сюда прихожу. Нам, старикам, уже не требуется столько сна, хирургик. — В тусклом лунном свете его усмешка показалась маской.

Витус огляделся:

— Хорошо здесь в это время!

И вправду. Ночь была ясной, ветерок — легким, ход «Фалькона» — ровным и стремительным, так что все мысли о сложной операции мгновенно выветрились из головы Витуса. Он и доктор были единственными на верхней палубе, не считая рулевого в рубке у их ног, который неусыпно нес вахту. Перед ними в извечном движении поднимался и опускался нос корабля — снова вздымался и снова устремлялся навстречу первостихии. По сторонам от них волны омывали борта, бурля и вскипая, словно на порогах горной реки. Позади, за кормой, они умирлялись, влияя в сверкающую, простершуюся до самого горизонта морскую гладь. Над ними, перебирая струны такелажа, пел свою песню ветер. Пел о том, что так было всегда и так будет всегда.

— Мир и покой, — тихо промолвил Холл. — Чуть больше этого умиротворения — и весь свет стал бы лучше. Чуть больше понимания между людьми. И чуть больше понимания самого себя... — Он смущенно кашлянул. — А что касается моих вра-

чебных способностей... Мне не в чем себя упрекнуть, хирургик. Я сын бедного каменщика, который клал колодцы в Корнуолле, а сейчас я доктор медицины и многого достиг. Я превосходно лечу контузии, ушибы, переломы конечностей, вскрыть фурункул или удалить свищ — для меня дело обычное, внутренние болезни не тайна, перелом ключицы или носа — тоже открытая книга. Я могу подискутировать на тему учения о четырех жизненных соках, но когда дело касается опасных для жизни операций, я... я... мне изменяет мужество. Если надо удалить камень или катаракту, ампутировать гангренозную ногу, у меня опускаются руки. Нет, само собой разумеется, я не уклоняюсь и делаю должное, но... как бы это сказать... против воли, что ли, да... И часто со страхом.

Витус молчал. С одной стороны, он чувствовал себя польщенным, что старый доктор с ним так откровенен. С другой же — откровения коллеги были ему мучительны.

— Наверное, вам не слишком приятно, что я так открыто говорю об этом, хирургик, но есть вещи, которые человек однажды должен высказать. И я думаю, вы как раз тот, кому это можно сказать.

— Это большая честь для меня, сэр, — Витус вдруг почувствовал, что разговор больше не доставляет ему мучений.

— Помните, хирургик, полтора года назад вы удалили мне все зубы, потому что предполагали, что они во многом причина моей подагры. Мужественное решение, которое, надо заметить, полностью оправдало себя. Но, поверьте мне, я бы на вашем месте на такое не решился. Вы понимаете, о чем я?

— Думаю, да, сэр. Весь вопрос в том, как далеко может зайти врач, чтобы взять на себя ответственность. Иногда кажется, что нет необходимости в срочной операции, и врач может себе позволить отсрочить ее, особенно если она связана с риском для жизни. Или он оперирует, и на это нужно мужество. И Божья помощь. Думаю, мне до сих пор просто везло, что сложные операции удавались мне. — Он замолчал, снова обратившись мыслями к недавней трепанации черепа. — Надеюсь, это можно будет сказать и в отношении Дьюка.

— Безусловно, мой мальчик. Даже если возникнут какие-то осложнения... помните: вы сделали все, что могли... и вся жизнь еще перед вами...

— Спасибо, сэр!

Холл сменил тему:

— Если уж мы заговорили о вашей жизни, скажите, что заставляет вас надеяться найти леди Арлетту в Англии, если позволите личный вопрос?

— Ну, — Витус подыскивал нужные слова, — думаю, мне больше не на что надеяться: в Гаване ее точно нет. И на Роанок-Айленде тоже не может быть, после того как индейцы отвоевали

свой остров. Можно, конечно, избороздить всю Карибику, но где ее искать? С таким же успехом я могу это делать и в Англии.

— Мне нелегко это говорить, хирургик, но, полагаю, в Англии у вас нет никакого шанса. Конечно, я могу заблуждаться, но, если бы леди Арлетта предприняла вояж в Англию, от нас с капитаном Таггартом это не укрылось бы. Вы должны знать, что каждые несколько недель мы сносимся с английскими торговыми судами, идущими на родину, и ни один из капитанов даже отдаленно не упоминал о том, чтобы леди Арлетта была на борту или пыталась на него попасть.

Витус с тяжелым сердцем кивнул:

— Знаете, вы уже второй человек, который не верит, что Арлетта вернулась в Англию. Магистр Гарсия почти слово в слово сказал то же самое.

— Не принимайте это слишком близко к сердцу, мой мальчик. Возможно, мы ошибаемся. Никогда не оставляйте надежду. И, кроме того, как я только что сказал, у вас вся жизнь впереди. — Холл ободряюще положил ему руку на плечо.

— Конечно, сэр.

Каюта капитана Таггарта во всем соответствовала его прямолинейной натуре. Она была просто и продуманно обустроена, без всяких вычурностей, с малым количеством удобной, но дорогой мебели. Возле глобуса и красного дерева стола для карт, за которым принимались все судьбоносные для «Фалькона» решения, был надежно привинчен еще один стол, который служил капитану обеденным. По правому борту над койкой висела застекленная полка, тоже из ценных пород дерева. Ее преимущество состояло в том, что в ней при любой качке обеспечивалась сохранность дорогого венецианского хрусталя. Здесь были еще и четыре тяжелых сундука испанской работы. По их внешнему виду уже можно было судить о драгоценностях, которые они хранили в себе. Сундуки располагались под иллюминаторами, выходящими на корму, возле умывальных принадлежностей и ширмы, за которой скрывался гальюн. Пожалуй, общее внушительное впечатление нарушал лишь толстый остов бизань-мачты, проходивший через середину каюты. В противоположность большинству испанских капитанов, которые буквально облепливали свою бизань изображениями Господа, у Таггарта на ней висело одно-единственное распятие. Под ним, у основания мачты, стоял драгоценный трофей: *chrismatorium* — шкафчик со сводчатой крышкой, изготовленный из чеканного серебра, который служил вместилищем для миро и елєя.

Вообще-то такому явному атрибуту другого вероисповедания было не место в каюте англиканца, но Таггарт плевал на это, потому что среди «соколов» было немало католиков. А у них, если они тяжело заболели или находились при смер-

ти, принято было совершать обряд помазания, чтобы, согласно их вероучению, приобщиться Божьей милости, и Тагарт им в этом не отказывал. Он не знал, есть ли на то благословение архиепископа Кентерберийского, и в *Articuli fidei*, тридцать девятом догмате веры англиканской церкви, не слишком-то разобрался, но ни у кого и не собирался спрашивать позволения. На море свои законы. В счет идет только то, что облегчает тяжелую жизнь моряка. И когда Тагарт говорил о своих «соколах», он подразумевал всех — от последнего матроса до дипломированного судового врача.

Именно поэтому однажды утром Тагарт пригласил Витуса в свою каюту и теперь стоял с ним перед вертящимся глобусом.

— Гавана, сэр, — твердо говорил он, тыча при этом узловатым пальцем в остров Куба. — Вы возвращаетесь сюда.

Витус, который никак не мог взять в толк, зачем его вызвал капитан, остолбенел:

— Э-э... что вы имеете в виду, сэр?

— Я имею в виду, что шансы найти леди Арлетту в Англии у вас минимальные, если не сказать нулевые. Извините, что говорю это прямо, но надо смотреть правде в глаза.

— Вы уже третий, кто сомневается, что Арлетта отплыла в Англию.

Тагарт раскрутил глобус.

— И с полным основанием, я полагаю. Лучше возвращайтесь обратно в Гавану. И, если это будет угодно Всевышнему, вы ее там встретите, — подобие улыбки скривило обезображенный шрамом уголок рта, что придавало его лицу почти добродушное выражение. — Вы, молодые, слишком нетерпеливы. Стоит пару недель безуспешно порыскать в поисках возлюбленной — сразу кидаетесь в панику, что больше не увидите ее никогда. Я не слепец, хирургик, и от моих глаз трудно скрыть, как вы э-э... удручены. Посему я принял решение переправить вас на «испанец». Вы с друзьями пересядете еще сегодня и возьмете курс на Кубу.

— Сэр! Но вы не можете пожертвовать своим трофеем!

— А я и не собираюсь этого делать. Бывший невольничий корабль высадит вас в Гаване, а после присоединится к «Фалькону» в назначенном пункте. Это совсем несложно.

— Но сэр, сэр... Но...

— Никаких «но». Я поговорил с доктором Холлом, и он того же мнения: д-р я вас это будет наилучшим выходом. Вообще доктор рассыпался в похвалах в ваш адрес и рассказал мне, что это вы столь удачно прооперировали Дункана Райдера. Я знаю своего Холла. По сути, он человек высокопорядочный, честный, справедливый. Он ходит со мной уже восемнадцать лет... или девятнадцать? И за это время ни разу не дал повода усомниться в его надежности... — Тагарт заметил, что снова впал в много-

словие, и закончил коротко: — Во всяком случае, все решено. Фернандесу флажковыми сигналами передано новое распоряжение, и он уже радуется встрече с вами. Разумеется, и с магистром Гарсиа, и с малышом Энано, с которым я, признаюсь вам, расстанусь неохотно. Вы знаете почему.

Глаза Витуса заблестели:

— Сэр, не знаю, что и сказать! Это... это...

— Это приказ, — сухо сказал Тагтарт.

МАЛЕНЬКИЙ ВОЗНИЦА ПЕДРО

Ахилл умер. Люди говорят: «Курьезный Ахилл курьезно жил, курьезно и умер». Костью подавился. Уже давно.

— Педро! Где тебя носит, бродяга? Пееееедрооо! — кричала хозяйка «Приюта рыбака» пронзительным голосом, при этом длинной кочергой выскребая из печи с двух сторон поджаренные сухари. — Пора отвозить галеты в порт, а тебя все нет! Пропади ты пропадом со своей телегой! Пееееедрооо!

— Да вот он я, — ворчал Педро, появившийся с заднего двора за кухней, по пути заправляя рубаху в штаны. Лучше, чтобы хозяйка не застучала, что он бегал по нужде, потому что она не терпела, когда кто-то, кроме гостей, пользовался ее уборной. Педро к гостям не относился, хоть и был сам себе хозяин и самостоятельно зарабатывал себе на хлеб. Ему было всего двенадцать, но он владел собственной повозкой и норовистой лошадкой, доставшимися ему от отца, который умер два года назад.

— В Гаване найдутся и другие возчики! Они с радостью возьмутся отвозить мои сухарики в порт! — не унималась хозяйка. — А тебя всегда не дожدهшься! Где ты опять блундаешься? Твоя телега-то давно уж здесь!

Педро предпочитал молчать. Так оно лучше. Он вообще был парнем неразговорчивым и открывал рот только тогда, когда обращались непосредственно к нему. Да и то не всегда. Он давно понял истину, что люди по большей части мелют чего не надо, лишь бы трепать языком. «Как дела, Педро?» — спрашивают они, а сами вовсе не хотят этого знать. Зачем тогда спрашивать? Они говорят: «Я знаю, Педро, что у тебя нет денег, но, может быть, ты одолжишь мне пять мараведи?» Если они знают, что у него нет денег, зачем тогда просят? Они стеноют: «Почему так дорого, Педро?!» И при этом всем известно, что он лишнего не берет. Чего же тогда жаловаться?

Люди вообще странные. Они просят о вещах, которые им вовсе не нужны, и благодарят за вещи, которых вовсе и не хотели. Зачем? Да, в Гаване слишком много людей, которые болтают попусту, а Педро не хотел быть таким же.

— Десять корзин отвезешь к четвертому причалу. Поможешь коку поднять их на борт. Заказ уже оплачен, вроде я тебе уже говорила? Но повторить не помешает. Вот, возьми твои деньги и поторопись. — Она сунула Педро пару медных монет и снова повернулась к печи, чтобы пошевелить кочергой угли. Этим днем ее ждало еще много работы, ей некогда было терять время.

— Да, иду, — коротко ответил Педро.

— Раз... раз ... раз... Сушить весла! — скомандовал Мак-Кворри. Гребцы в малой шлюпке с «испанца» вертикально удерживали весла, пока шотландец по широкой дуге, не спеша, выруливал к каменному причалу.

Рулевой прыгнул на берег и пришвартовал шлюпку.

— Шлюпка пришвартована к четвертому причалу, как приказано, сэр! — бодро отрапортовал Мак-Кворри.

— Благодарю вас, мистер Мак-Кворри, — с теплотой в голосе ответил Фернандес. — Ждите здесь, я высажу хирурга и его друзей на сушу.

— Но в этом нет необходимости, мистер Фернандес! — возразил Витус.

Фернандес, который слыл не только лучшим штурманом в Карибике, но и самым обходительным человеком во всей Вест-Индии, улыбнулся:

— Необходимости, может быть, и нет, хирургик, но это даст мне удовольствие. Честно признаться, расставание с вами дается мне с трудом: слишком приятными были часы, проведенные в беседах с вами и вашими друзьями. — Он махнул рукой в сторону «испанца», который стоял в открытых водах на якоре на расстоянии в несколько кабельтовых.

— Нам это тоже непросто, дорогой Фернандес, — заверил Магистр. — Не каждый день расстаешься с дорогими друзьями. А прежде было трудно сказать «прощайте» Хьюитту и «соколам». С каждым расставанием умирает частица тебя, если вы понимаете, о чем я говорю. Когда вспоминаю о наших вечерах на командной палубе, ваши неподражаемые лекции о навигации... Они были великолепны, поистине великолепны! А ваши пояснения о функционировании солнечных часов! Да что там говорить...

Фернандес смущенно отмахнулся:

— О чем разговор, дорогой Магистр!

Витус прыгнул на берег.

— Вы слишком скромны, мистер Фернандес. Я тоже получил немало полезных сведений, не меньше, чем в незабвенные времена на «Каргада де Эсперанса». — Он помог маленькому ученому сойти на берег, а потом подал руку штурману.

— О, в этом нет необходимости, хирургик.

Фернандес без посторонней помощи выпрыгнул из шлюпки. Хотя ему и было далеко за сорок, штурман был в хорошей форме.

— Мистер Мак-Кворри, дайте команду выгрузить багаж джентльменов на берег! Оставьте его там, под двумя пальмами, где обычно останавливаются повозки, возвращающиеся в город.

— Да, сэр!

Шотландец отдал соответствующие распоряжения. Фернандес взял Витуса за руку:

— Иногда так хочется остановить время. Сейчас как раз тот случай, хирургик. Но время неумолимо. Как вы знаете, сегодня мне надо сняться с якоря и нагнать капитана Таггарта при выходе из Флоридского залива. А вы остаетесь здесь, и я от всего сердца желаю вам удачи! Пусть пребывает с вами благословение Господне и... — он мгновение помедлил, крепче сжимая его руку, — дай вам Бог отыскать леди Арлетту!

— Благодарю вас, мистер Фернандес, — Витус проглотил ком в горле. — И вам всего самого наилучшего!

Глазами близорукого ученого блеснули:

— Присоединяюсь к добрым пожеланиям!

— Уи-уи, всего, ще светит, ще греет и ще дует!

У румпеля на корме стоял Мак-Кворри, вытянувшись, как мачта:

— Позвольте, хирургик! Мои товарищи и я желаем вам...

— Спасибо, «соколы»! Попутного вам ветра!

— И вам *goodbye**, хирургик! — Мак-Кворри подал знак и троекратное «ура! ура! ура!» разнеслось по гавани. — Ура хирургу, который спас нашего Дункана Райдера! — это были прощальные слова Мак-Кворри.

Витусу пришлось снова проглотить ком в горле, он махнул еще раз на прощание и направился с друзьями к поджидающим под пальмами вещам. Скарб не был слишком богатым. Однако Таггарт не мог устоять перед желанием подарить им сундук с новой одеждой. Кроме того, стоя на капитанском мостике «Фалькона», он позволил своей руке скользнуть в карман Витуса и не позволил его руке скользнуть следом. Позже Витус обнаружил в кармане своего камзола мешочек с испанскими золотыми и серебряными монетами. Своевременный подарок: Витус задолжал хозяину «Приюта рыбака», еще не оплатив счет за стол и кров.

Первым делом друзья решили податься именно туда.

Коротышка отер пот с игрушечного лба, откинул с него золотую прядь буйной шевелюры и взглянул вверх. Солнце безжалостно пекло с синего безоблачного неба.

— Уи, и где этот колесник?

* До свидания (англ.).

Витус приложил руку ко лбу:

— Представления не имею. Фернандес сказал, что тут останавливаются повозки.

Магистр попытался сострить:

— Может, ветер повернул в другую сторону, и господин штурман ошибся в расчетах?

— Ще ты Щирикаешь?! — Коротышка запрыгнул на сундук и уселся, что выглядело комично, поскольку он был так мал ростом, что его ножки свисали, не доставая до земли. Его губки, похожие на рот головастика, открывались и закрывались, хватая воздух:

— Лучше бы остаться на той шпанской скорлупке, там хоть задувало.

— Действительно, очень жарко!

Витус направил взор на север, к городу, откуда прибывали повозки, и неожиданно вздрогнул, когда звук колес раздался с противоположной стороны. Он обернулся и... увидел повозку, которая медленно двигалась со стороны пристани. Поровнявшись с ними, повозка остановилась.

Возница, совсем еще мальчик, не по годам серьезный и немногословный, взглянул на них сверху.

— Ай да ну, это же Педро! — воскликнул Витус. — Ты ведь Педро?

Вот, снова пустые речи. Педро не удостоил их ответа.

Магистр, который вплотную приблизился к повозке, близоруко моргнул:

— Конечно, это Педро, да, мой мальчик?

Педро довольствовался тем, что молча смотрел на тех, кто задает такие бесполезные вопросы.

Витус спросил:

— Ты можешь отвезти нас в город? Нам надо в «Приют рыбака».

Педро кивнул.

— Что это значит? Да? Тебе это будет не накладно.

— Да, сеньоры, да. Конечно, я вас отвезу. — Педро соскочил с облучка и помог друзьям погрузить багаж.

Чуть погодя повозка медленно катила под полуденным зноем в вымерший город. Мимо стапелей верфи, по Калле-де-лос-Офисьос, вверх, вверх и наконец к цели, где уже в сотне шагов маячил «Приют рыбака». Витус протянул вознице мелкую серебряную монету:

— Хватит?

— Хватит.

— Тогда отнеси наши вещи туда. Боюсь, нам придется остаться здесь еще на несколько дней.

Витус устремился в «Приют», к стойке, за которой Анжело, хозяин, имел обыкновение выписывать счета. И сегодня было

все то же. Анжело как раз рассчитывался с постояльцами. Витус хлопнул его по плечу:

— *Buenos dias*, Анжело, я вернулся, чтобы заплатить тебе за стол и кров. И чтобы спросить, нет ли у тебя снова для нас комнаты?

— *Buenos dias*, — голос Анжело приветливым не был. Он упер руки в бока. — А я и думать не думал, что вы снова объявитесь, хирургик! Проклятие! Я пустил в ход все свои связи, чтобы узнать, где вы обретаетесь, хирургик! Но вы как сквозь землю провалились, сквозь землю, проклятье!

— Да у нас было... э-э... были непредвиденные обстоятельства.

— Ах, вы это так называете? — Анжело покачался на носках. — Так я вам скажу. Скажу, что и у меня, сеньор, тоже были обстоятельства. Я понес непомерные потери. Вы меня понимаете? Потери! Я не знал, что с вами, и еще целую неделю держал за вами комнату.

Витусу весь этот театр уже начал действовать на нервы. Конечно, они с друзьями внезапно исчезли — тут хозяин постоялого двора был недалеко от истины: «как сквозь землю провалились», но ведь вот он, вернулся и готов заплатить! К чему теперь отчитывать его, как мелкого воришку или мошенника?!

— Так вы, значит, держали за нами комнату? — Анжело мог рассказывать ему что угодно, но Витус прекрасно знал его нрав: на следующий же день, после того как постояльцы не объявились, тот, как пить дать, сдал каморку кому-нибудь другому. — Тогда вы определенно храните и наши пожитки? И среди них мешок из козьей шкуры?

— Фи, стал бы я хранить такую рухлядь! — Анжело вовремя опомнился. — Мне пришлось его продать, чтобы хоть как-то возместить ущерб. Нет-нет, сеньоры! Не думайте! И после этого за вами осталось еще столько!..

— Сколько? — Витус заскрежетал зубами.

Хозяин мгновенно перестал раскачиваться, почуяв, откуда ветер дует.

— Момент, сеньор! Я знал, что вы войдете в мое положение. Сейчас, сейчас. — Он проскользнул за стойку и начал царапать на клочке бумаги столбик цифр, не забывая при этом переминаясь с ноги на ногу, усердно шевелить губами, прибавляя и вычитая, и, наконец, изрек:

— Все вместе восемнадцать золотых монет, сэр!

— Что?! — Витус лишился дара речи. — Это грабеж!

— Я же сказал вам, что понес потери, большие потери! — В скорбных глазах Анжело поблескивала алчность.

Он знал, как облапошивать простаков: скормить потроха, приправив словом Божиим!

— Сами подумайте, — возопил он, — моя жена каждый Божий день готовила для вас! И не что-нибудь, а хорошую мясную

еду. Она стоит дорого, можно сказать, бесценно, сеньор! Как сказал наш Господь: «Примите, ядите, сие есть Тело мое!» А кроме того, сеньор, плата за комнату. Это была моя лучшая комната, без клопов, без крыс, без вшей! Семь дней! Семь долгих дней! Уже одно это, погодите... — Он пососал перо, тщательно проделал расчеты и снова назвал непомерную сумму. — «Всякий труд имеет свою цену, только труд Богу цены не имеет!» — так написано в Священном Писании. А потом, мои расходы, чтобы найти вас! «Ищите и обрящете», — сказал наш Спаситель. И я придерживался этой истины, только найти вас нигде не мог, хотя приложил к этому все мои старания и средства. Из-за вас я пол-Гаваны поставил на ноги! И не только ради денег! «Возлюби ближнего своего, как себя самого», — сказано в Писании.

Магистру все это надоело:

— А не сказал ли Господь наш: «Говори: да-да, нет-нет; что сверх того, то от лукавого»? Об этом вы когда-нибудь слышали, многоуважаемый господин фарисей?

— Я? Да, то есть нет...

— Евангелие от Матфея, глава пятая, стих тридцать седьмой, чтоб вы знали. А теперь, прошу вас, проверьте-ка еще раз ваш счет! — Тон магистра юриспруденции не допускал возражений.

— Ну только что ради вас, господин Магистр!

Пожав плечами, Анжело вновь углубился в свои счета. Некоторое время спустя он удивленно изрек:

— Не может быть! Я точно просчитался!

— И, несомненно, не в убыток себе, господин фарисей?

Анжело, словно не услышав последнего замечания, продолжал:

— Как я рад, сеньор хирургик, что от моей суммы осталась только половина!

Витус, которому порядком наскучила эта игра, обернул коппе в другую сторону:

— Я делаю вам встречное предложение, Анжело. Я не плачу вообще ничего, а, идя стезями так часто цитируемого вами Господа, вылечу любого из членов вашей семьи, если он паче чаяния занеможет. Бесплатно. Мы пробудем в городе еще несколько дней, вы просто дадите мне знать.

Вопль хозяина «Приюта» не оставлял никаких сомнений в его ответе.

— Ладно. — Витус вытащил мешочек, подаренный Таггартом. — Плачу половину от вашей половины, хоть это и превышает все разумные цены. И это мое последнее слово.

Под заунывные причитания хозяина друзья покинули «Приют рыбака».

— Ты здорово задал ему жару! — одобрил Витуса маленький ученый. — В следующий раз подумает, как облапошивать по-

стояльцев. Жаль только, что теперь нам некуда деваться. У Анжелю было бы самое то.

— Не вводи в соблазн ближнего своего, — назидательно изрек Витус. — Смотри-ка, Педро со своей кобылкой все еще здесь! Похоже, обедает.

— Обед — это хорошо, — мечтательно ответил Магистр, вытаскивая общий скарб на обочину. — Эй, Педро, мальчик, что у тебя там? Гороховое пюре?

Педро не удостоил его ответом: если Магистр знает, что он ест, к чему спрашивать? Витус подошел к мальчишке и спросил:

— Можешь отвезти нас к «L'Escargot»?

Это был правильный вопрос. Педро проглотил последнюю ложку кашицы и дал разумный ответ:

— Да.

Поразмыслив, он добавил:

— Но здесь только повернуть за угол, две сотни шагов, не больше.

— Знаю, да по такой жаре и с багажом их трудно сделать, — сказал Витус.

— Тогда ладно. Щас помогу затащить это...

И пару минут спустя они снова восседали в видавшей виды повозке, которая катила теперь под откос. Магистр, сидевший на козлах рядом с мальчиком, близоруко прищурился:

— Вон вроде бы «L'Escargot», только странная какая-то, тихая, поникшая. Никто не входит, никто не выходит...

— «L'Escargot»-то на месте, только Ахилла нет. Помер.

— Что-о-о?! — Друзья как один подскочили. — Не может быть!

Педро молчал. Ну и дурные люди! Непонятно, что ли, сказал?

— Как это нет?

— Что с Ахиллом?

— Уй, с чего скопытился?

И потому как вопросы звучали разумно, Педро соблаговолил ответить:

— Ахилл умер. Люди говорят: «Курьезный Ахилл курьезно жил, курьезно и умер». Костью подавился. Уже давно. — Педро притормозил лошадку, потому что вот она цель, доехали.

— Да, но... — Витус не мог поверить услышанному. — Ахилл был такой жизнерадостный, такой здоровый... такой...

— И зарыли его неведомо где, — вдруг продолжил Педро. — Он был этим, как его, гуго... гуги... Ну, в общем, неправильным христианином, как сказал пастор. И на христианском кладбище его нельзя... Да, так оно было.

Магистр взмолился:

— Христа ради, это же бесчеловечно! Как будто у Ахилла не было бессмертной души! Фарисей ваш пастор! О, как я ненавижу это невежество! — Он сжал кулаки.

— Все черные вороны — черная нежить и черные стервятники, — пропищал Энано.

— Хотел бы я узнать, где он лежит, чтобы сказать ему последнее прости, — с раскаянием пробормотал Витус.

А Магистр все никак не мог успокоиться:

— Лучшие друзья! Лучшие друзья уходят! И с каждым умирает частица тебя самого! И мир становится беднее!

— А Луиза? Что с ней? — внезапно спохватился Витус. — Где теперь бедняжка зарабатывает свой хлеб? Ей, должно быть, туго пришлось с ее... э-э... с ее необычным видом.

Он вспомнил о той ночи любви, которую она ему подарила и которую он на протяжении долгих дней никак не мог изгнать из памяти, как ни старался. Снова и снова она тревожила его совесть.

— Уи-уи, крошка Луиза, ще с ней? — хотел знать и Энано. — Где эта тыковка под простыней?

— Луиза? Да нет, с ней-то как раз все хорошо. Стала красавицей, как говорят люди. — У юного возницы внезапно развязался язык, может, потому, что ему пришло время созреть и он постепенно становился мужчиной, а значит, проявлял интерес ко всему женскому. — Красивой, как Мадонна, говорят люди. И это тоже было чудо. Однажды... а, вы уже уехали, сеньоры... она снова появилась и... чудо, просто чудо! На ней больше не было ее черного покрывала, сама просто кровь с молоком, нежная и такая белая... Зубы что нитка жемчуга... А волосы! Медь, да и только! Все так говорили, и я могу сказать, потому как один раз сам видел... Что с вами, сеньор?

— Нет-нет, Педро, ничего! — Витусу не хватало воздуха, его обуяла такая фантазия, такая невозможная, немыслимая, от которой недолго и сойти с ума... — Ничего, Педро, ничего.

Маленький ученый, который никогда за словом в карман не лез, тоже на мгновение едва не лишился дара речи:

— Постой-ка, Педро... картинка такая, будто Луиза... будто Луиза...

— У-у-у-и-и-и, дурачье! — раздался пронзительный фальцет. — Луиза — это Арлетта!

Такого, что последовало за этим, Педро не видел никогда в жизни. Радостный рев друзей пронесся вдоль всей улицы Калле-де-лос-Офисьос, вплоть до самой гавани. На маленького возницу обрушился ураган вопросов. Когда из него выпотрошили все, что он знал, выяснилось, что Луиза, которая могла быть Арлеттой, унаследовала от Ахилла «L'Escargot». Курьезный Ахилл завещал ей свое владение, наверное, потому, что она единственная позаботилась о нем в последние часы его жизни. Но уже через несколько дней Луиза поняла, что без Ахилла «L'Escargot» померк, словно из него ушла душа. С тяжелым сердцем она продала его.

— И где сейчас Луиза? — не отставал Витус от Педро. Он намеренно говорил «Луиза», а не «Арлетта», потому что вначале должен был убедиться сам.

— Где она? — повторил Педро, даже не заметив, что сам задает излишний вопрос. — Ну, говорят, собиралась в Англию на «Бойстерес»*.

— И когда отплывает корабль? Или он уже ушел?

— Точно не скажу, но то ли вчера, то ли сегодня. От седьмого причала.

— И ты это только сейчас говоришь?! — взревел Магистр. — А ну живо к седьмому причалу!

— Да, конечно, да.

Педро щелкнул кнутом.

— Витус, представь себе, что корабль еще там, а на нем Арлетта!

— Я поверю в это, только увидев собственными глазами. — Голос отказывал ему.

— А ну пошла! Пошла! Пошла! Тпррру!

Еще никогда Педро не гнал так свою гнедую и притормозил только тогда, когда дорога свернула к причалу. Позади остался путь, который потребовал от него всего умения и ловкости, чтобы не сбить какого-нибудь «хабанеро». Да еще и ездоки никак не могли усидеть на своих местах. Вот и сейчас карлик, выпрямившись во весь рост, пищал из-за спины Магистра:

— Вон там, впереди ее курятник. Это должен быть он!

Он махал ручкой в сторону большого галеона, который был пришвартован к пирсу. Матросы сновали по трапу. И на судне царил суеда. Все еще шла погрузка: загружались ящики, тюки, бочки; запасные снасти, стеньги, паруса и пушечные ядра. Фрахт: красное дерево, какао, амбра, сахар, звериные шкуры и многое другое...

На пристани расположились торговцы, которые совершали последние сделки. Были разбиты палатки со сладостями, давали представления циркачи, жонглеры и артисты. Там был даже пастор, который зычным голосом благословлял корабль в путь.

Между тем Педро пришлось остановить свою повозку, потому что людской поток стал как на стремнине. Коротышка, который так и торчал за спиной Магистра, просвистел:

— Вон там! Краля в зеленом, это она, она! Своей тыквой клануться, она!

— Где? Где? — Витусу передалось его возбуждение. Его сердце стучало, как кузнечный молот, так, что нечем было дышать. — Боже милостивый! Кажется, я ее вижу! Вон там, с но-

* От англ. *boisterous* — неистовый.

сильщиком! Боже! Магистр, посмотри, посмотри! Ах, ты же ничего не видишь!..

Маленький ученый развел руками:

— Ну а чего же ты ждал?

Но Витус уже и сам соскочил с повозки и врезался в толпу. Он не обращал внимания ни на кого: протискивался, отталкивал, наступал; его обругивали, оскорбляли, угрожали. Но какое ему было дело до всего этого?! Он пробивался сквозь толпу с высоко поднятой головой, не упуская из виду даму в изумрудно-зеленом платье. Вот! Она уже у трапа! Дает распоряжение носильщикам, поднять на борт ее багаж... «Арлетта, стой! Подожди!», — хотел он крикнуть, но голос отказал ему. Он заспешил дальше. Еще несколько шагов, несколько... «Погоди, погоди! Я иду, иду!» Молодая дама уже ступила на трап...

— Арлетта! Ааарлеееетта!

Она услышала. Но не поняла, откуда зов.

— Постой, я иду, ииидууууу!

Ему наконец удалось пробиться к подножию трапа...

— Арлетта!

Она вздрогнула, хотела обернуться, запнулась за ногу какого-то матроса и чуть было не упала, но Витус в последний момент успел подхватить ее.

— Арлетта, это я!

Она подняла глаза. Ее лицо, на котором еще оставалось любопытство: кто бы мог ее звать? — и испуг: как бы не упасть в воду! — приняло выражение крайнего изумления, словно она не верила собственным глазам. Спусти вечность, уголки ее губ начали подрагивать, а глаза наполнились слезами. А Витус смотрел на нее и видел перед собой самую прекрасную женщину на свете! Тысячу раз он представлял себе, что скажет ей при встрече, а сейчас повторял и повторял одно только слово:

— Арлетта! Арлетта! Арлетта!..

Так они и стояли, забыв обо всем вокруг.

Вот и сбылось предсказание старой Мароу: вода, дерево и железо. И встреча, и то, что она оступится, тоже...

— Не надо смотреть на меня с таким отчаянием, леди Арлетта! — Джонатан Кулидж, владелец и капитан «Бойстерес» со сцепленными за спиной руками мерил шагами свою каюту. — У меня только одна каюта для пассажиров, достаточно большая, но одна. И она для вас. Второй, для господина хирурга и его друзей, у меня нет!

— Понимаю вас, капитан Кулидж, — Арлетта посмотрела ему прямо в глаза и одарила самой очаровательной улыбкой, так что Кулидж смутился и отвел взгляд. — Неужели нет никакой возможности? Подумайте!

Два часа прошло со времени их встречи. Два часа счастья. Два часа, за которые можно было бы многое рассказать, но мало что было сказано. Только одно стало ясно с первой минуты: Витус никогда больше не выпустит Арлетту из поля своего зрения, а она — его...

Тем более раздражало упрямство капитана Кулиджа. Он слыл приличным малым, но не отличался душевной тонкостью. Об этом отчетливо свидетельствовали его близко посаженные глаза и высокий выпуклый лоб, за которым было достаточно места для упрямства и косности.

— Сожалею. — Кулидж сокрушенно развел руками. — Что невозможно, то невозможно. — Его тон стал резче, потому что все это уже начало действовать ему на нервы, тем более что не впервой приходилось вести подобные разговоры. Каждый раз, когда «Бойстерес» отбывал на родину, повторялось одно и то же! Пассажиров было больше, чем мест. В этот раз он располагал только одной каютой! А о том, чтобы стеснить офицеров, вообще не могло быть речи!

— Сожалею, — повторил Кулидж и, подводя черту, привел самый весомый аргумент: — Не могу же я сделать из одной каюты две!

— Почему? — спросил Витус, который сидел с Арлеттой за столом для карт и держал ее руку.

Кулидж, который полагал разговор оконченным, смешался:

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Почему нет?

— Потому... потому, сэр... — Кулидж не находил слов. На его переносице образовалась глубокая складка. — Потому что это невозможно! Я уже сказал!

Витус не намерен был отступать:

— Как я заметил, в каюте леди две двери. Почему бы вам просто не поставить переборку? И тогда вместо одной каюты получите две, причем у каждой будет свой выход! Одну заняла бы леди Арлетта, другую — мы с друзьями. Конечно, для нас несколько тесновато, но мы не будем в обиде. И не такое переживали.

— Невозможно, — проскрипел сквозь зубы Кулидж. — На моем судне такого никогда не бывало.

Арлетта обезоруживающе улыбнулась:

— Но могло бы быть, правда, господин капитан?

— Ну... может быть. Но время! Но расходы!

Теперь вступил Витус:

— Вы намеревались отплыть сегодня, сэр? Насколько я могу судить, завтра условия будут более благоприятными: и отлив, и связанный с ним попутный ветер.

— Так-то оно так. — Кулидж в первый раз выглядел неуверенным. — Я, действительно, хотел выйти в море сегодня, но вы

сами сказали: условия не лучшие. — Однако его упрямство было еще не до конца сломлено. — А кто оплатит мне расходы, если я позволю установить перегородку в каюте?

— Я, — улыбнулся Витус. Он вынул мешочек, подаренный Таггартом, и вытряхнул его содержимое на стол. Монеты, по большей части золотые, рассыпались по морской карте. — Этого достаточно?

— Хм... Да, разумеется.

Как и все торговцы, Кулидж любил вид звонкой монеты. Остатки его сопротивления рухнули.

— Тогда я предлагаю, чтобы ваш плотник не мешкая приступил к работе, и уверен, к завтрашнему дню все будет готово. Согласны?

— Хм... Да.

Арлетта, склонившись к Витусу, прошептала ему на ухо так, чтобы упрямец не мог слышать:

— Ты взял крепость! — и нежно пожала его руку.

Постоялый двор «Каса Севилья» не являла собой мечту путешественника, даже если предстояло провести в нем одну только ночь. Но все-таки был лучше, чем ничего. И к тому же не слишком дорогим. На верхнем этаже Витус с друзьями и Арлеттой сняли две соседние комнаты. «Каса» располагалась на окраине города, посему друзьям пришлось еще раз воспользоваться «экипажем» Педро. И сверх того юный возница получил поручение явиться со своей повозкой наутро, чтобы отвезти их в гавань.

— Надеюсь, Арлетта хорошо устроилась, — мечтательно сказал Витус.

Он, как и Магистр с Коротышкой, сидел по шейку в воде в своем ушате, свесив руки и ноги за его края.

— Возможно, она сейчас тоже моется, — весело подмигнул Магистр, намыливая голову. — Во многом можно упрекнуть здешнее заведение, только не в экономии на горячей воде! — он передал кусок мыла Витусу.

— Спасибо, Магистр, — Витус очнулся от грез.

— Уи-уи, этот грог мне ой как кучеряво! — Коротышка довольно присвистнул, выпятив свои рыбы губки, и пустил в воду газы. С бульканьем на поверхность поднялись пузырьки и, лопаясь, распространили вокруг далеко не волшебный аромат. — Хи-хи!

— Обязательно надо было это делать? — недовольно проворчал Магистр, смывая из кувшина мыльную пену с головы. — Твои манеры, Коротышка, оставляют желать лучшего!

— Уи-уи, хи-хи-хи!

— Я ощущаю себя черепахой, опрокинутой на спину, — сказал Витус.

Но все его чувства были устремлены совсем в другую сторону. Что сейчас делает Арлетта? Он подумал, что так ни разу и не поцеловал ее, даже нежно обнимая на трапе «Бойстерес». Слишком много было вокруг любопытствующих. Любопытные зеваки? Разве в них дело? А может, он просто не решился? Наверное. Он и сам не знал. Знал только, что надо это наверстать. Это и... другое. Как? Когда?

Магистр широко зевнул:

— Пожалуй, пора отдаться в объятия Морфея! — Он вылез из ушата, вытерся большим полотенцем и голым, в чем мать родила, залез под простыню на своем ложе. — Чего понапрасну одеваться? Это я смогу сделать и завтра.

— Я уже засыпаю, — сказал Витус, покрывив душой.

Он тоже вылез и достал из сундука Таггарта чистую рубашку: напяливать на себя грязное белье после такой упоительной ванны было неприятно. Одевшись, он наклонился и выловил из ушата Коротышку. Поставил его на ноги и встряхнул. Энано был так мал, что хватило сухого кончика полотенца, чтобы вытереть его.

— Грамерси, Витус!

— Не стоит благодарности, друг!

Они оба улеглись, и вскоре Витус услышал ровное дыхание Коротышки, перебиваемое храпом Магистра.

У него самого сна не было ни в одном глазу. Он напряженно прислушивался к звукам и шорохам в соседней комнате. Ничего. Может, она спит? Стены толщиной с пергамент, что-то ведь должно быть слышно! Нет, только шум большого города за окном. Витус потушил лампу подле своей кровати в надежде, что темнота поможет ему заснуть. Все наоборот! Темнота напомнила ему ночь в «L'Escargot». Когда он с Луизой... А Луиза оказалась Арлеттой... Он спал с Арлеттой! Господь всемогущий, если бы он тогда понял! Что она думала, когда вела его в свою каморку? Она была в таком отчаянии... И такой страстной!.. Как случилось так, что он ее не узнал? Почему она не показала ему своего лица? Может, у нее и правда было кожное заболевание? Она давала ласкать себя всю... кроме лица... Сон никак не приходил.

Витус снова прислушался. Ничего.

Коротышка и Магистр мирно посапывали. Только он лежал без сна. И томился. Может, она ждет его?

Недолго думая, Витус поднялся, выскользнул в коридор и остановился перед ее дверью. Здесь мужество покинуло его. А если он нежеланен? Но ведь она привела его в свою каморку в «L'Escargot»! Значит, она его любит? А если так, то она так же страстно желает его, как и он ее? Витус набрался духу и тихонько постучал.

— Да?

Это был ее голос. К его величайшему облегчению, в нем не звучало ни страха, ни обиды — только желание. Желание? Он повернул ручку. Она подалась, и он вошел.

— Я... я не успел тебя поцеловать... — запинаясь, промямлил Витус.

Арлетта полулежала на своем ложе. Ее лицо светилось в неверном пламени свечи.

— Да, — улыбнулась она, и эта улыбка была прекраснее утренней зари. — Но мы можем это исправить.

Витус бросился к ней и заключил в свои объятия.

— Как я люблю тебя! О, как я тебя люблю! Арлетта, ты — моя жизнь! — Он почувствовал, как слезы заструились по его лицу, но он не заботился об этом. — Арлетта! О, Арлетта! Если бы ты знала, как мне тебя не хватало! И сколько всего произошло с нашей... с нашей ночи на «Фениксе»!

— Ты вроде бы хотел меня поцеловать... — прошептала она и притянула его к себе. — Теперь я поцелую тебя.

Ее губы были теплыми и мягкими. Он почувствовал, как в нем разгорается желание.

— Расскажи мне все, что с тобой было, — шептала она ему на ухо. — Расскажи все, что произошло после той ночи.

— Много чего случилось. Даже не знаю, с чего начать.

— Ты мне изменял? — лукаво спросила она, прихватив медальон у него на груди.

Вместо ответа он открыл его, и ее глазам предстала миниатюра с изображением Мадонны. «*Madre dolorosa*», — прочитала она надпись.

— Да, Матерь Скорбящая. Не поверишь, но этот медальон я получил от Фрэнсиса Дрейка лично, и медальон спас мне жизнь.

Витус рассказал, как все было, и с улыбкой добавил:

— Но была у меня и другая женщина. Она работала служанкой и звали ее Луиза. Такой прекрасной женщины свет еще не видывал!

Арлетта звонко рассмеялась, а потом вдруг посерьезнела, на ее глаза опустилась тень:

— Это были для меня трудные времена. Трудные и счастливые одновременно. В «L'Escargot» ты все время был рядом и так же далек. Я не могла тебе открыться. Не хотела, чтобы ты видел меня обезображенной.

— Так у тебя и вправду было кожное заболевание? На лице?

— Да. — Воспоминания о тех страданиях заставили Арлетту содрогнуться. — Опоясывающий лишай. Он осыпал все лицо. И я не могла тебе показаться, потому что хотела, чтобы ты помнил ту Арлетту, которую знал на «Фениксе». Но я так желала тебя, так тосковала по тебе! Как никогда ни по кому прежде. И эти страдания были горше ползучей розы, потому что ты был

рядом и был недоступен. Тогда мне и пришла в голову мысль завлечь тебя в мою каморку. Инкогнито. Женщиной без лица. И то, что там произошло, было прекрасно, так прекрасно, что я не переставала плакать. От счастья и от отчаяния.

— Любовь моя! — Витус взял ее лицо в свои руки и нежно поцеловал губы, с которых сорвалось признание. — И при всем при том ты молчала! Ни словечка не вымолвила! Я еще могу понять, почему ты не хотела открыться мне, но почему ты разыгрывала немую?

— Все началось с тюрьмы. Да-да, по прибытии в Гавану, когда я наивно решила обратиться к губернатору за помощью, испанцы заперли меня в тюрьму. И все только потому, что я имела неосторожность поцалаться с каким-то мелким чиновником! Тогда и Окумба не мог мне помочь. Ах, ты ведь не знаешь, кто такой Окумба! Он самый удивительный мужчина из всех, кого я встречала... кроме тебя, конечно...

— Я знаю Окумбу, — вставил Витус. — От него я слышал, что ты попала в заключение. — Он снова нежно поцеловал ее.

— Знаешь?! Знаешь Окумбу?! Откуда? Как?

— Все потом. Рассказывай!

— Хорошо. — Арлетта прижалась к нему. — В тюрьме я и подхватила ползучую розу. Она была цепкой и не хотела меня отпускать. Даже когда отпустили испанцы... В первые дни я так стеснялась своего страшного лица, что не могла ни с кем заговорить, только куталась в покрывало и низко опускала голову. А потом я поняла, что немота может служить своего рода защитой. И даже давать преимущество. Знаешь, думаю, благодаря ей Ахилл взял меня к себе. Немая девушка не смогла бы никому разболтать о его двойной жизни — Ахилла и Ариэли.

Она заплакала и уткнулась в его плечо.

— Т-с-с-с, успокойся, все позади!

Витус нежно гладил любимую, и ее тело подавалось ему навстречу, как тогда, во владении гермафродита Ахилла, в «L'Escargot». Спустя время Арлетта затихла и тоже ответила ему ласками.

— А что было с тобой? Расскажи мне!

— Это долгая история. Может быть, ты хочешь поспать?

— О нет! Мы, женщины, так любопытны, что я не усну, пока не услышу все!

Арлетта прильнула к нему и тихонько засмеялась.

Прошли часы, пока Витус рассказывал о том, что он пережил со своими друзьями. Все это время Арлетта нежно поглаживала его, ни на секунду не отнимая рук. А потом, лежа у него на плече, досказала свою историю, которая была не менее увлекательной и трагичной.

Витус вдыхал аромат ее тела, такой же пьянящий, как когда-то на «Фениксе»; касался ее нежной кожи и представить се-

бе не мог, что еще недавно она была поражена тяжелым заболеванием.

— А ты не можешь рассказать мне подробнее, любимая, когда и как ты ощутила первые признаки болезни? — В нем снова проснулся врач.

— Ну... думаю, это случилось после того, как я услышала, что у испанцев заключенные подчас проводят в застенках весь остаток жизни просто потому, что чиновничьи службы забывают о них. Конечно, я испугалась. Но еще сильнее был страх никогда больше не увидеть тебя... — Она склонилась над Витусом и поцеловала ямочку у него на подбородке. — Это было, наверное, на третий или четвертый день... Хотя там никогда не знаешь, день или ночь — все время темно...

— Бедняжка! — Его сердце сжалось от сострадания и любви. — Иди ко мне! — он крепко прижал Арлетту к себе.

— По крайней мере, я вдруг проснулась с этой страшной болью на лице. Я ощупала себя. Под моими пальцами были водянистые пузыри и мокнувшие ранки. Я ужаснулась.

Витус погладил ее по бархатистой, как персик, щеке:

— Как хорошо, что старая Мароу смогла помочь тебе!

— Да, Мароу — мудрая женщина. Храни ее Господь!

— В своем роде и Ахилл был мудр. Он любил людей, хотя они причинили ему много зла. И помогал каждому, кому только мог. Я горжусь, что был близок с ним.

Арлетта помолчала, а потом неожиданно сказала:

— Да, близость — странная штука! Мы не виделись с тобой два года, и тем не менее у меня такое чувство, что ты стал мне намного ближе, чем тогда. Как будто ты — это я, как будто мы одно целое. Может, оттого, что ты все время был во мне...

— А ты во мне.

Они умолкли. Все было сказано. Но их руки продолжали ласкать. Оба чувствовали, как жаждут друг друга. Господь всемогущий свел их друг с другом, как свел однажды Адама и Еву. И не было ничего предосудительного, ничего порочного в том, чтобы любить, смотреть, заново открывать друг друга.

— Как ты прекрасна! — простонал Витус осипшим голосом. — Как прекрасна! Я знал это еще в «L'Escargot». Я всегда это знал!

Он провел пальцем по ее соскам, и это было так остро, что Арлетту бросило в дрожь.

— Ты тоже прекрасен! Все в тебе прекрасно! — Она ласково погладила его. — И твой... ну ты знаешь... прекрасен. А отвержение на его конце похоже на маленький ротик.

— На маленький ротик? — Витус тихонько засмеялся.

— На маленький ротик, когда смотришь на него со стороны. И большой рот устремился навстречу малому...

— Пришло время расставаться, — обратился Витус к Педро, который только что вернулся с «Бойстерес», куда доставлял их багаж. — Спасибо тебе за все. Вот, возьми, это твое вознаграждение.

Маленький возница принял монету, внимательно рассмотрел ее и чуть не упал в обморок — она была из чистого золота.

— Это слишком много, сеньор! Слишком!

— Нет, не много. Ты был для нас не только лихим возницей, но и добрым вестником. Без тебя мы, может быть, никогда бы не встретились с леди Арлеттой.

— Ну раз так... — Педро сунул монету в карман, не преминув до того попробовать ее на зуб. — У меня для вас тоже кое-что есть! — Он повернулся к своей повозке и вынул из-под облучка сверток. — Вот!

Это был камзол Ахилла: по голубому полю рассыпались золотые звезды и переливались всеми цветами радуги каменья, словно гермафродит посылал свой прощальный привет. Витус растерянно принял неожиданный подарок:

— Спасибо, Педро, спасибо! А ты уверен, что хочешь его отдать?

И хотя вопрос был излишним, Педро, улыбнувшись, ответил:

— Да, хочу. Да!

НЕВЕСТА АРЛЕТТА

Это случилось той ночью в «L'Escargot».

Маленькими шажками, почти так же ловко, как бывалый матрос, Арлетта устремилась к своей каюте. Была поздняя ночь, и только тусклый фонарь на корме давал немного света. Она открыла дверь, грациозным движением подобрала свои широкие юбки и проскользнула в нее.

В этот вечер на ней было платье ярко-розового цвета с длинными рукавами-буфф и туго затянутым корсажем. К наряду только золотая цепочка с коралловым крестиком на груди и на среднем пальце кольцо с гранатом. Эти украшения еще больше подчеркивали белизну ее кожи.

— Иди, любимый, уже поздно.

— Витус шагнул вслед за ней через порог.

Сегодня они были гостями капитана Кулиджа, который пригласил их к своему столу по поводу предстоящего окончания путешествия. Еда была не особенно вкусной, что было неудивительно, поскольку позади осталось более семидесяти дней пути, а за такой срок даже самые обильные запасы иссякают и приходится время скудного рациона.

— Ты восхитительна! Я весь вечер не мог на тебя наглядеться.

Арлетта засмеялась и положила пальчик на его ямочку на подбородке:

— Я заметила. И не только я. И Магистр, и все остальные.

— Боже! Я так пялился на тебя?

Она поцеловала его:

— Да. И мне это понравилось. Гораздо больше, чем солонина Кулиджа. Я не могла проглотить ни кусочка. Мне кажется, мясо даже с душком.

— А я и не заметил, — Витус присел на ее койку.

— Верю. У вас, мужчин, носы вообще грубее женских.

— Можно я посмотрю, как ты будешь раздеваться?

— Разве ты не видел?

Она снова поцеловала его и принялась за нелегкий труд. Витус не уставал каждый раз удивляться, сколько же надо расстегивать многочисленных крючков, развязывать бесчисленных шнурочков и ленточек, чтобы постепенно обнажалось тело. И, как всегда, это возбуждало его.

Арлетта с наслаждением вздохнула, когда освободилась от корсажа:

— В нем невозможно ни как следует поесть, ни посмеяться от души. Ну да ладно, сегодня у меня не было повода ни для того ни для другого. Ты видел, как важно Кулидж подносит каждый кусочек ко рту? — она передразнила капитана. — А потом один застрял у него в бороде, и никто не посмел ему сказать. Я чуть было не прыснула со смеху. — Она убрала корсет в сундук.

Витус засмеялся:

— Да, Кулидж выглядел комично. Чем больше он напускает на себя важности, тем смешнее становится.

Арлетта согласно кивнула:

— Я уже больше не могу выносить его чопорность. Он сказал, что по левому борту уже появился Скилли, так что путешествие близится к концу. Жаль только, что «Бойстерес» заходит не в Портсмут, а в Плимут. Оттуда до Гринвейлского замка еще три или четыре дня трястись в экипаже.

— Мы можем в Плимуте нанять каботажный парусник прямо до Уортинга. Оттуда до дома рукой подать.

— Упаси Боже! После двух месяцев в открытом море снова по воде? Я так соскучилась по твердой земле под ногами! Доброй земле Англии.

Арлетта продолжала раздеваться:

— Самое утомительное в этой процедуре — этот каркас из китового уса! — она вылезла из объемной конструкции, которую знатные дамы обязаны были носить под юбками каждый день. — Бог мне свидетель, я нисколько не скучаю по своему черному покрывалу, ведь под него не надо было надевать это.

Она отставила каркас в дальний угол каюты и повернулась к Витусу, стоя теперь в одних шитых кружевами льняных панталончиках.

Его возбуждение становилось все сильнее.

— Так происходит каждый раз, когда ты передо мной раздеваешься, — сказал он, — хоть я видел это уже столько раз. Тебе не кажется, что мы уже похожи на супружескую чету?

— Да, любимый.

Она подошла к нему. Ее глаза засияли, когда он коснулся ее груди.

— Как вернемся домой, сразу поженимся.

— Да, любимый, — снова сказала она и присела рядом. — Нам придется это сделать как можно скорее. Правда, придется.

Витус посмотрел ей в глаза, потому что нечто в ее тоне заставило его насторожиться:

— Как странно ты это сказала. С тобой что-то не так?

— О нет! — Улыбка, которую он так любил, снова осветила ее лицо. — Дело в том, что я уже недолго смогу носить такие корсажи.

— Да? Очень жаль, — он начал целовать ее соски. — Но мне все равно, я буду тебя всегда любить, даже если с сегодняшнего дня ты начнешь разгуливать в джутовом мешке.

Витус потянул за шнурок на ее панталончиках, но она остановила его, взяла его руку и положила себе на живот.

— Ты глупыш, я не смогу носить корсаж, потому что не влезу в него, — она сильнее сжала его руку. — Я беременна.

— Ты... — у Витуса от изумления открылся рот. Он не сразу осознал всю важность услышанного. — Ты беременна? Правда?

— Да, я уверена.

— Урррааа! — Он прижал Арлетту к себе, покрывая поцелуями, отрывался от нее и снова целовал, слова лились из него потоком: — Это чудесно! О любимая, я даже не сразу понял! Я поверить не мог, думал, ослышался! Как прекрасно! Великолепно! Просто сказочно! Скажи, ты хорошо себя чувствуешь? Ты теперь должна беречь себя! Тебе ничего нельзя делать, все за тебя буду делать я! Беременна, о Боже, ты беременна! Как я рад! А что скажут наши, когда мы им сообщим! Твой животик, твой милый животик! Но он еще совсем не округлился? Ничего не заметно! Ах, какой же я дурак! Ничего еще и не может быть заметно, мы меньше трех месяцев на море, меньше трех месяцев! О любимая, любимая...

Арлетта мягко, но решительно прикрыла ему рот:

— Это будет нормальный здоровый ребенок, и он родится в феврале.

— Да, в феврале, чудесно! — Он снова поцеловал ее, на этот раз бережнее, и все время осторожно поглаживал ее живот.

Внезапно он остановился. — Как в феврале? Это значит, что ты уже на четвертом месяце?

— Так и есть.

— Но... ничего же еще не заметно...

Она рассмеялась:

— Ничего необычного при таком сроке.

— Да, конечно, конечно. Но это значит, что ты зачала ребенка еще до нашего путешествия, а я, честно признаться, не могу понять, как это могло случиться.

— Ты прекрасно знаешь как, любимый.

— Да?

— Да. Это случилось той ночью в «L'Escargot».

Красная вывеска с надписью «Пристань Полли» приближалась. Витус протянул вперед руку и сказал вознице:

— Это там. Останови, пожалуйста.

Ворчливый старик с согбенной спиной что-то пробормотал в свою седую бороду, но послушался.

— Любимая, будь осторожна! Подожди, сейчас я тебе помогу выйти.

Сильные руки Витуса обхватили все еще осиную талию Арлетты, легко подняли ее в воздух и опустили на землю. Заметив выражение ее лица при виде нечистот и отбросов, которые покрывали все вокруг, Витус сказал извиняющимся тоном:

— Это не самое чистое место в городе, зато нас здесь ждет сердечный прием.

Лишь только он это сказал, послышалась отборная брань, заглушаемая мощным ревом. Дверь резко распахнулась, и, подобно пушечному ядру, из нее вылетело тело. Мужчина приземлился в сточную канаву да так и остался лежать там, стеноя и ругаясь попеременно.

— Ну особо сердечным прием в этом доме не выглядит, — поджав губы, сказала Арлетта. Она разгладила пальчики на своих перчатках и покосилась на вывеску.

— Сейчас сама увидишь, любимая. Эй, Магистр, скажи вознице, чтобы он помог нам выгрузить багаж. До того вознаграждения не получит.

Витус направился к двери трактира и взялся за ручку. Не успел он открыть дверь, как изнутри раздался сочный голос:

— Эймос Поттер, грязная свинья, только попробуй еще раз сунуться ко мне! Голову оторву, не будь я Полигимния! Убирайся подальше от моего заведения!

Витус осторожно приоткрыл дверь, ступил за порог и тут же отскочил. Большая деревянная чаша пролетела мимо его виска и ударилась о косяк.

— Эймос Поттер!.. Ты... ты... ты, Габриэль?! Вот те на! — Полли, которая уже держала в руках вторую чашу, со стуком поставила ее обратно. — С ума сойти! Габриэль! — она бросилась к Витусу. — Габриэль, дружище, вот уж не думала, что когда-нибудь еще увижу тебя! — Она шумно расцеловала его в обе щеки. — Ты один?

Ответом на этот вопрос был маленький ученый, который, ухмыляясь, протискивался в дверь:

— Нет, Барнабас тоже здесь.

— Боже святой и наша девственная королева! Магистр! А вот и полевое казначейство! — Полли так хлопнула горбуна по плечу, что тот упал на колени. — Ну, парни, просто сказать не могу, как рада вас снова видеть! Живыми и здоровыми, и... О-о-о!

— А это моя невеста Арлетта, — улыбнулся Витус.

Арлетта стояла на пороге, прекрасная как ангел.

— Здравствуй, Полли, — сказала она, — рада с тобой познакомиться.

— О-о-о! О-о-о! — Это все, что могла вымолвить хозяйка. Наконец она пришла в себя и присела в реверансе, что выглядело жутко комично, если учесть, что на ней были мужские штаны. — Леди Арлетта, это для меня большая... э-э... честь, принимать вас в моем... э-э... скромном заведении...

— Скажи просто «добро пожаловать», — засмеялась Арлетта, — и называй меня просто по имени.

— Добро... добро пожаловать, Арлетта, — запинаясь, пролепетала Полли, которая обычно была остра на язык. — Садитесь! — Она шумно придвинула скамью, на другом конце которой еще сидели двое гуляк. — Эй, Уилл, эй, Джек, на сегодня все! Поднимайте ваши зад... э-э... поднимайтесь, и до завтра! — Полли подбоченилась. — Господа, это касается всех! На сегодня все! Закрыто!

Кутилы, недовольно ворча, убрались. Полли заперла за ними дверь и крикнула:

— Сю, принеси вина! самого лучшего, ты знаешь — бархатистого бордо!

Сю, появившаяся на пороге кухни, сделала реверанс и помчалась выполнять распоряжение.

— Сейчас все будет. Да садитесь же, и ты садись, Энано. Насколько я тебя знаю, ты сегодня «сцапал только баланду из воздуха да клетку из ветра», а?

— Уи-уи, госпожа несущка.

— А вот и вино. Спасибо, Сю, давай сюда кружки. Да, я тоже выпью, и не смотри на меня так! Да сначала леди Арлетте, глупая курица! А теперь сбегай посмотри, что у нас там можно подать на стол. И скажи Энн, что дрова подождут до завтра. Пусть кончает колоть и поможет тебе. Луковый суп у нас еще

остался? Хорошо. Тащи пока его. — Полли повернулась к Арлетте. — Вы не против начать с лукового супа?

— Конечно, нет, милая Полли. — Арлетта расположилась на деревянной скамье так, словно никогда ни на чем другом и не сидела. — Луковый суп — это как раз то, чего хочется после долгого морского путешествия. Чудесно! Как вспомню ужасную солонину, которую нам подавали всю последнюю неделю, брр!

— Солонину? Фу, гадость! — Полли скорчила гримасу. — У меня есть свежая свиная лопатка, я велю ее для вас сварить, а потом мелко порезать и поджарить до румяной корочки. Запечем еще на смальце яблочки с ярмарки, ломтиками, с изюмом и толченым имбирем... Сью! Эй, Сью-у-у! У нас есть еще арабский имбирь? Хорошо, хорошо. И польем этим соусом мясо. Как вам такой рецепт, Арлетта?

Как оказалось, рецепт был ей незнаком, но перечень ингредиентов звучал многообещающе. То же она сказала и о десерте, на который Полли предложила пирог с шалфеем — восхитительное блюдо, для которого требовалось взбить до однородной массы дюжину яиц, добавив две чашки муки, две чашки молотого миндаля и ложку мелко рубленого шалфея. Потом эту массу выкладывают в смазанную жиром форму и выпекают полчаса.

— У меня уже слюнки текут, Полли, — улыбнулась Арлетта и отхлебнула маленький глоточек бордо.

— А ты когда-нибудь делала омлет с брусничной подливкой?

— Нет, я не знаю такого рецепта.

— Это очень просто...

В то время как женщины увлеченно болтали о блюдах и рецептах, позабыв обо всем на свете, Магистр ворчал, обращаясь к Витусу:

— По мне, так еда не обязательно должна быть такой изысканной, главное, чтобы ее быстро подавали. И горячую. *Malum panem tibi tenerum et siligineum fames reddet* — и плохой хлеб голод превратит тебе в мягкую белую булку. Другими словами, голод — лучший повар.

Витус усмехнулся:

— Снова не хватает терпения, а, сорняк? Успокойся, вон уже несут суп.

Луковый суп был горячим, пикантным — настоящее наслаждение. К тому же Полли велела подать каждому из своих гостей отдельную тарелку.

После первого Арлетта выразила желание немного освежиться, и Полли повела ее на верхний этаж, чтобы показать приготовленную для нее комнату. Как только женщины удалились, маленький ученый деланно вздохнул:

— Сведи двух женщин, дай им потрепаться о рецептах, и сильный пол для них уже не существует. По крайней мере,

супчик был что надо. — Он поднял свою тарелку, и Сью не замедлила ему налить новую порцию.

Витус глотнул еще вина.

— Я так рад, что мы снова в «Приюте Полли»! Такое ощущение, что вернулся домой. Помнишь, как трогательно Полли заботилась о нас, когда мы останавливались здесь в прошлый раз?

— Помню, конечно, помню. Полли — добрая душа, и грубоватая и обходительная, но по большому счету ее сердце одиноко. Может быть, ей не хватает хорошей подружки.

— Или друга. — Магистр уже вычерпал и вторую тарелку. — Без мужчин все-таки не обойтись. Даже если мы не умеем готовить. Кстати, насчет «готовить». Когда же будет второе?

— Сейчас господин Никогда-Не-Бываю-Сыт. — Полли стояла на верхней ступеньке лестницы и добродушно улыбалась. Должно быть, она услышала его последнюю фразу. — Я иду на кухню и потороплю девочек. А Арлетта сейчас вернется, только сменит платье на более удобное.

— Вот и славно! — дружно загудели друзья и обратились к своим кружкам.

Когда все вновь собрались за столом, Сью и Энн внесли свиную лопатку под яблочным соусом, и, когда все отведали и оценили столь деликатное блюдо, Полли заметила:

— Такого мясца любил поест у меня Тагтарт, сорвиголова. Как давно это было! Давным-давно! — Она вздохнула. — А вы знаете, что он вернулся со своим «Фальконом» в Англию? Уже с месяц как. Жалко только, что сразу в Портсмут. Ну, оно понятно — жена и дети на Уайте.

Они поговорили об отважном корсаре и сошлись на том, что он заслужил того, чтобы вернуться на родину с богатым трофеем. За пирогом с шалфеем, который все так же дружно нахваливали, Полли рассказала, что ходят слухи, будто Тагтарт собирается в новый поход.

— Бедняжка его жена! — невольно воскликнула Арлетта. — Не часто ей удается видеть мужа.

— Да уж. — Полли, которая так же ловко расправилась со своим куском пирога, как делала и все остальное, взялась за свою трубочку. Набивая табак, она сказала: — Но и ему будет нелегко набрать команду, хоть многие парни и мечтают попасть на «Фалькон».

— Почему это? — спросил Витус, не отрываясь от своего ку-ска.

Полли ответила не сразу. Она прошла к камину и прикурила от углей сосновой лучиной. А потом с необычной для нее серьезностью сказала:

— Потому что предписания Королевского Морского ведомства сейчас особенно суровы. А потом чума — она снова вспыхнула.

— Бич Божий, — Витус понимающе кивнул. — Дай, Господи, чтобы она поскорее потухла. Есть много средств против нее — от наложения горчичников, назначения слабительных средств, стимулирующих работу сердца отваров, вскрытия бубонов разными способами до применения сухих розовых лепестков согласно весьма спорной терапии некоего Мишеля Нострадамуса из Франции.

Полли выпустила клуб дыма:

— Везде беспокойно, даже там, на материке, хоть чума туда еще не добралась. К тому же там заваривается и другая каша. Говорят, ждать уже недолго: северные провинции Испании, Нидерланды объединяются против донов. Вильгельм Оранский зовут парня, который их собирает.

Арлетта содрогнулась:

— Чума! Война! Насилие! А чего-нибудь более радостного ты не можешь рассказать, Полли? Мы так долго были вдали от Англии, а новости, которые достигали Вест-Индии, были такими противоречивыми.

Полли искусно пустила несколько колечек:

— И да и нет. Говорят, наша девственная королева влюбилась.

— Да ну! И кто тот счастливчик? — Арлетта подалась вперед. Как и всех женщин на свете, ее волновала тема любви.

— Герцог Эленкон.

— Герцог Эленкон? Но он же... — Арлетта быстро прикинула в уме. — Он же лет на двадцать моложе ее!

— Ага. И он Валуа. Она так и зовет его ласково: «лягушонок», потому что французы едят лягушачьи лапки. Ходят слухи, что она хочет выйти за него замуж и даже родить от него ребенка. — Лицо Полли омрачилось. Как и многие подданные, в их числе и лорд-казначей Англии Уильям Сесил, она не хотела видеть рядом со своей королевой француза.

— Вот так новость! — Арлетта, сама в положении, попробовала представить себя на месте королевы. — Но через несколько дней, седьмого сентября, ее величеству исполнится сорок пять! И она еще собирается родить?

— Да, это трудно понять, — Полли выбила трубку на пустую тарелку. — Но пока герцог не просил ее руки, а может, и не попросит. — Полли отодвинула нерадостные мысли. — Давайте лучше о более приятном. Не хотите ли, Арлетта, попробовать моих марципанов? Я испекла их по особому случаю.

— Было бы замечательно, хотя мне кажется, я уже не смогу проглотить ни кусочка.

— Сможете. А вы, парни? — обратилась она к друзьям. — Может, еще по стаканчику бренди?

Как и следовало ожидать, ее предложение было принято с восторгом.

Позже, когда все заправились и тем и другим, разговор перешел на повседневные заботы и радости и тянулся чуть не до полуночи.

Арлетта подавила зевок и сказала:

— Не сердитесь на меня, но если я сейчас не лягу в постель, засну прямо здесь, на скамейке.

Витус вскочил:

— Я провожу тебя, любимая.

— Ах, оставь! — Она нежно поцеловала его. — У вас определенно еще есть свои мужские разговоры! — И повернулась к Полли. — Это был чудесный, незабываемый вечер, Полли. Как хорошо, что на свете есть такие люди как ты!

Хозяйка «Пристани» и опомниться не успела, как тоже получила поцелуй.

— Хм, да, так вот... — Полли не хотела подать виду, как она тронута. — Спокойной ночи, Арлетта... Ну, парни, еще по стаканчику?

Коротышка зевнул во весь рот и потерял маленькими кулачками глаза:

— Грамерси, госпожа наседка, не.

— Я тоже пас, — согласился с ним Магистр. — Твой бренди, конечно, высший класс, но у меня такое чувство, будто все члены налились свинцом. Тоже пора на боковую.

Вскоре Полли и Витус остались в зале одни: обе служанки давно уже ушли спать. Полли принялась заново набивать свою трубочку. Делала она это обстоятельно и неторопливо и, только когда раскурила ее, нарушила молчание:

— Спасибо тебе за душистый шарик, Габриэль. Он ведь был от тебя, правда?

— Да, Полли, от меня.

— Хм... А ведь все случилось так, как я тебе предсказывала, да?

— Да.

— Ты нашел Арлетту, и она боготворит тебя, это и слепой бы увидел.

— Да, она меня любит. И я люблю ее. Даже выразить не могу, как сильно.

— А и не надо. — Полли встала, положила ладонь на его плечо. — Ты счастливчик, Габриэль, настоящий баловень судьбы! — и вышла.

Полли стояла перед своей «Пристанью» с печалью в глазах и перевязанным лентой пакетом в руках. Возле нее Сью и Энн. По их лицам тоже было видно, как неохотно они расстаются с Витусом и его спутниками. Друзья уже расселись в крытом экипаже, а кучер Джек нетерпеливо щелкал кнутом.

— Эй, Джек, отправись тогда, когда я тебе скажу, и ни минутой раньше! — прикрикнула на него Полли.

Джек жил по соседству; был человеком надежным и верным. Он вызвался за подобающую плату доставить путников в Гринвейлский замок.

— Не шуми попусту, Полли, — ответил он, но так тихо, что слышал это только он сам. Хозяйка «Пристани» пользовалась у него непререкаемым авторитетом.

Полли встала на цыпочки и передала в экипаж пакет:

— Вот, Арлетта, это для вас, чтобы вы меня не забывали.

— Спасибо, милая Полли. А что там?

— Не скажу. Откройте в воскресенье, в день рождения королев, обещаете?

Арлетта, которая больше всего на свете любила подарки, соорудила несчастную рожицу:

— Но до него еще четыре дня. Не знаю, смогу ли я так долго вытерпеть!

Полли засмеялась:

— Сможете, сможете. Вы позволите?.. — Она поцеловала Арлетту в обе щеки и, чтобы никому не было обидно, наградила такими же поцелуями и Витуса, и Магистра, и Коротышку. — Прощайте и давайте о себе знать!

— Прощай, Полли! До свидания, Сью, до свидания, Энн! Счастливо оставаться!

— Доброго пути!

Полли шлепнула одного из пары коней по крупу:

— Смотри мне, Джек, чтобы не позже начала следующей недели был здесь! И горе тебе, если как следует не довезешь моих гостей!

Джек растянул улыбку на все свое рябое лицо и щелкнул кнутом. Кони тронулись с места. Полли, Сью и Энн долго еще махали вослед.

Джек проявил себя опытным возницей, который хорошо знал не только свое ремесло, но и дорогу. В первый день они доехали до Эксетера, куда прибыли около полудня и немного отдохнули. А потом по хорошей сентябрьской погоде покатали дальше через луга и долины, мимо убранных полей. Воздух был свеж и напоен запахом моря, потому что путь их лежал вдоль побережья. Поздним вечером они добрались до Чармаута, где переночевали в простой, но достаточно чистой гостинице.

Витус озабоченно спросил Арлетту:

— Ты увер, зна, любимая, что тряска не повредит нашему малышу?

Она положила палец на ямочку его подбородка и ответила:

— Да, дорогой. Так же уверена, как и сотню раз до этого, когда ты меня об этом спрашивал.

— Прости, я просто беспокоюсь. Такая дорога не слишком хороша для ребенка.

Арлетта засмеялась:

— Наш малыш спит в теплой и мягкой постельке, надежно укутан. Ты как врач должен бы это знать.

— Конечно, конечно, знаю. Но... как бы это сказать... Когда дело касается твоего собственного ребенка, все видится как-то иначе.

— Я люблю тебя, — прошептала она

— Я тоже тебя люблю. Больше жизни.

На второй день они выехали на рассвете, оставив побережье изгибаться дугой вдоль залива Лайм и направили коней в сторону Дорчестера, древней Дурноварии, где селились еще римляне. Они хорошо поели и выпилипряного эля, которым славится этот город. А перед выездом Витус выслал вперед гонца с сообщением в Гринвейлский замок, чтобы их ждали в субботу. Они немного подремали послеобеденным сном и тронулись дальше. Дальше, дальше и дальше, пока, утомленные, не въехали вечером в Борнмут, что в бухте Пул. Здесь они сняли комнаты в гостинице, которая называлась ни больше ни меньше как «Ярмо». Хозяин, бывший корабельный кок, собственноручно потушил для них сочное жаркое с луком, но они едва смогли оценить изыск этого блюда, потому что валились с ног от усталости.

Третий день привел их в Сауттемpton, большой портовый город, в котором жизнь была ключом. Они проехали норманнскую городскую стену, оставили по левую руку дворец короля Джона* и, не задерживаясь, продолжили путь — шумный город выглядел малопривлекательным. Они повернули на юг, к Портсмуту, и еще при свете дня были там. Они радовались, что так рано прибыли, надеясь благодаря этому спокойно подыскать ночлег.

Но их надежды не оправдались. Повсюду им давали от ворот поворот. Было впечатление, что все путешественники юга Англии решили остановиться в Портсмуте.

— В такой ситуации разумнее всего переправиться на Уайт, — проворчал маленький ученый. — Если не ошибаюсь, там у Таггарта недалеко от Кауса поместье. Там уж мы точно найдем пристанище.

— Заманчивая идея, — согласился Витус. — В ней только один недостаток: чтобы переправиться на остров, нужен паром, а сегодня его уже не будет.

Магистр устало махнул рукой. Тут его глаза, хоть и расплывчато, усмотрели большую площадь, на которой толпился народ.

— Что делают там эти люди?

* Иоанн Безземельный (1167–1216) — король Англии (с 1199) из династии Плантагенетов. — *Прим. ред.*

— По-моему, устанавливают палатки и сколачивают помосты или что-то вроде этого... Думаю, ко дню рождения нашей королевы.

Арлетта высунулась из экипажа:

— Спрошу-ка я вон того паренька с пилой, может, он знает какой-нибудь приют. Эй, приятель, где тут можно остановиться на ночь? Мы уже весь город исколесили, и все понапрасну.

Парень задумался, даже отложил в сторону свой инструмент, должно быть, для того, чтобы выиграть время:

— Хм, мадам, просто и не знаю. Ничего не приходит в голову.

— Ладно, все равно спасибо. — Арлетта уже собралась откинуться назад, как вдруг парень продолжил:

— Ну есть тут «Золотая галера». У них обычно мало постояльцев, потому как уж очень грязно.

Арлетта переглянулась с друзьями. Витус кивнул:

— Если уж совсем ничего не найдем, остановимся там. Эй, друг, а ты не можешь сказать, как проехать к «Золотой галере»?

— Почему не могу? Могу. Поедете вниз по Спитхэд, все время на юг, до королевской верфи. Вы ее сразу увидите по мачтам. Вот как раз возле этой верфи и «Галера». У них там над входом фигура галеона, не спутаете.

— Спасибо. — Витус дал парню монетку.

Следуя указаниям, они вскоре добрались до места. Как оказалось, «Золотая галера» не только не была золотой, но и вообще никак не соответствовала своему названию.

— Слишком запущенная и нищая, — выразил общее мнение Магистр, выбираясь из экипажа. — Но на безрыбье и рак рыба. Ай! Что это? Что-то пробежало по моим ногам.

— Уи, это была зубоскалка, а может, острозубка, — пропещал Коротышка, подразумевая крысу или мышь.

— Веселенькое дельце!

— Давайте сначала войдем внутрь, — решил Витус.

Внутри вид был не менее удручающим: грязные столы с остатками пищи, засоренный пол, повсюду пыль и паутина. Оценив это как «грязно уж очень», парень с пилой мягко выразился. Арлетта наморщила лоб, а потом храбро провозгласила:

— Делать нечего. Если нам сдадут тут комнаты, останемся. Это всего лишь одна ночь. Завтра мы уже будем в Гринвейлском замке и обо всем забудем.

— Ты права, любимая. Пойду позабочусь о комнатах. Вон там на кухне кто-то маячит. Должно быть, хозяин.

Двумя часами позже все лежали по своим каморкам. Было хорошо, что в тот вечер они порядочно устали и потому равнодушнее переносили грязь и убожество окружающей обстановки. Витус и Арлетта лежали, крепко обнявшись, на соломенном тюфяке под лоскутным одеялом.

— По крайней мере, не холодно, — сонно пробормотала Арлетта и положила палец на его ямочку.

— Холодно не будет, я согрею тебя — это самое малое, что я могу сделать.

— Я вовсе не жалуясь.

— Нет, не жалуешься. Ты храбрая, и я тебя люблю.

— Я тебя тоже. Только бы здесь не было блох и клопов. Я тоже сидела в тюрьме и, как и ты, могу многое вытерпеть, но чего не выношу, так это блох и клопов.

Витус сделал попытку пошутить:

— Только пусть посмеют к тебе приблизиться! Я вызову всех блох и клопов на дуэль и заколю собственной шпагой.

Она слабо засмеялась:

— Ты мой отважный рыцарь! Надеюсь, они услышали твои угрозы.

— Можешь быть уверена. — Он нежно поцеловал Арлетту и уложил ее голову себе на плечо. Он давно уже заметил, что так она лучше всего засыпала. — Я люблю тебя. Храни тебя Господи!

— Я тоже тебя люблю... — Она уже наполовину спала. — Да ты ведь знаешь...

На следующее утро, одеваясь, Арлетта заметила на лодыжках красные точки, они жутко зудели и были похожи на блошиные укусы.

— Ну вот посмотри, эти твари все же напали на меня!

Витус осмотрел покрасневшие места:

— Это действительно блохи. Прости, любимая, как твой рыцарь я оказался несостоятелен!

Он выглядел так смешно в своем отчаянии, что Арлетта расхохоталась:

— Я тебя прощаю. Пара укусов не отправит меня на тот свет. Но чешутся они ужасно! И чем больше их расчесываешь, тем сильнее зудят.

— Подожди, любимая, этому горю мы сможем помочь!

Он одним прыжком выскочил из каморки и вскоре вернулся, сияющий, размахивая каким-то зеленым растением в руках:

— Папоротник! Обычный папоротник, который растет повсюду. Я вотру его сок в места укусов, и вот увидишь — зуд моментально пройдет.

Он был прав. И когда после скудного завтрака Арлетта снова садилась в экипаж, эта маленькая неприятность была полностью забыта.

И в этот день погода благоволила им. Солнышко ласково светило в голубом небе, лишь кое-где виднелось несколько легких облачков. Крестьяне на полях приветливо махали им, и от предвкушения скорой встречи с родными пенатами хотелось петь.

И они запели. Магистр исполнил кое-что из испанских напевов, а Коротышка преподнес парочку лендлеров из Аскунезии. Даже Арлетта внесла свою лепту. Это была печальная мелодия, которую черные рабы пели на плантациях Роанок-Айленда. А когда пришел черед Витуса, он со смущенной улыбкой пожал плечами и отвертелся:

— В лучшем случае я смог бы вытянуть григорианское песнопение, но оно сейчас как-то неуместно.

Уговорить его так и не удалось.

— Смотрите-ка, — Витус далеко высунулся из экипажа, — вон там, на юге, виднеется колокольня. Это колокольня собора Святой Троицы в Чикристере. Она одна во всей Англии такой высоты, что ее видно даже с моря...

— Снова хитришь? — осадил его маленький ученый. — Это всем известно. В конце концов я тоже жил в этих окрестностях некоторое время. И между прочим, с тобой и Энано, и не где-нибудь, а в Гринвейлском замке, на случай, если ты запамятовал.

— Уи-уи, ще было, то было.

— Ах, Гринвейлский замок, — вздохнула Арлетта. — Никак не могу дождаться, когда же мы увидим его!

Но прошло еще немало времени, пока они достигли берегов Эдара, откуда до дворца оставалось всего несколько миль. Между тем спустились сумерки, и друзья задавались вопросом, будет ли еще бодрствовать хоть кто-нибудь из прислуги.

— Вон они! Это ведь они? Едут, едут! — раздался вдруг вопль неподалеку.

— Точно они. Беги-ка, Уот, доложи!

Торопливые шаги удалились во тьму, пока экипаж огибал перелесок, закрывавший вид на дворец.

— Мне показалось, это был Кит, — сказал Витус. — Может быть, не все еще спят и... Боже милостивый!

Перед подъездом ко дворцу разлилось настоящее море огней. Слуги, служанки, лакеи, работники, конюшие, садовники — вся челядь собралась здесь, держа в руках свечи и фонари; в еще не опавшей листве горели лампы, и все окна старинного дворца были ярко освещены. Как по команде раздалось в один голос:

— Добро пожаловать в Гринвейлский замок, леди Арлетта! Добро пожаловать, милорд!

— Я потрясена, — прошептала Арлетта со слезами на глазах, но времени оправиться от потрясения у нее не было, потому что дверцу экипажа распахнули снаружи и ей навстречу протянулись готовые помочь руки.

— О, Хартфорд!

— Я, миледи, к вашим услугам. — Лицо Хартфорда, обычно хранившее выражение высокомерия, светилось не хуже сотен огней.

— Спасибо, Хартфорд!

Легким шагом леди Арлетта ступила на исконную землю своих предков. За ней последовал Витус. После них из экипажа выбрались Магистр и Коротышка. Между тем лампы и свечи были расставлены по ступеням лестницы, ведущей ко дворцу, и все, у кого руки были свободны, дружно захлопали. Витус вышел вперед, разглядывая так хорошо знакомые, почти родные лица: вон стоит Кит со своими оттопыренными ушами. Его расплывшаяся в широкой улыбке физиономия свидетельствует о том, что именно он был тем, кто принес добрую весть. Возле него Уот, тоже сияет от счастья. Рядом с ними долговязая Мэри и услужливая Марта, далее — миссис Мелроуз, ради исключения сменившая вечно неприветливое выражение лица на добрую улыбку... И многие, многие другие... А вот и Кэтфилд. Он выступил из толпы с лицом, едва ли соответствующим радостному поводу, коротко поклонился и сдержанно сказал:

— Позвольте и мне приветствовать вас. Не вдаваясь в подробности, заверяю, что как в доме, так и во всем поместье все идет как положено. Надеюсь, вы хорошо доехали... — Неожиданно он оборвал себя, словно забыл заготовленную речь и посмотрел на Арлетту, которая стояла подле Витуса.

Витусу вдруг пришло в голову, что Арлетта и Кэтфилд не видели друг друга с тех пор, как его нынешний управляющий пытался сблизиться с ней неподобающим образом на борту «Феникса». Потом-то выяснилось, он всего лишь хотел «сорвать с ее уст поцелуй», но ситуация выглядела так угрожающе, что Витус налетел на него и разбил ему нос. «А вообще я должен быть ему благодарен за непристойное поведение, — с улыбкой подумал Витус. — Благодаря ему мы с Арлеттой ближе узнали друг друга».

— Здравствуйте, Кэтфилд, — с обезоруживающей улыбкой Арлетта двинулась ему навстречу и протянула руку. — Я рада, что за время нашего отсутствия вы прекрасно справились со своими обязанностями.

— Здравствуйте, миледи. Благодарю вас, миледи. Не стоит, миледи, — сдавленным голосом пробормотал Кэтфилд и нерешительно склонился к ее руке. — Я распорядился, чтобы миссис Мелроуз приготовила для вас легкий ужин. Стол накрыт в Зеленой гостиной.

— Вы, должно быть, читаете мысли, — просияла Арлетта, которая, казалось, не замечала его замешательства. — Легкий ужин — это как раз то, что нам сейчас нужно! Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы и нашего возницу как следует накормили.

— С этим проблем не будет, миледи. Миссис Мелроуз заверила меня, что у нее на плите стоит еще мясной суп. — Кэтфилд постепенно овладевал собой. Он повернулся к обступившим их слугам. — Всем спасибо. А теперь отправляйтесь спать или ра-

ботать, кому что положено. Уот, возьми пару парней и выгрузите багаж. Кит, распряги коней и позаботься о них. Миссис Мелроуз, будьте добры, проводите кучера на кухню и накормите. Доброй ночи! — Управляющий снова обратился к Арлетте: — Позвольте, миледи, я пройду впереди вас?

— Позволяю, — улыбнулась Арлетта, беря Витуса под руку.

Пружинистым шагом Кэтфилд заспешил по лестнице. Перед входом в Зеленую гостиную поманил к себе Хартфорда:

— Будешь прислуживать за столом, Хартфорд, и смотри мне, с приветливой улыбкой, даже если ты и отвык от такой работы с тех пор, как стал моим помощником. — Он склонился перед Витусом и Арлеттой. — Со всеми пожеланиями обращайтесь спокойно к Хартфорду. А мне позвольте откланяться, меня еще ждет работа. Доброй ночи, миледи, доброй ночи, милорд.

— Доброй ночи, Кэтфилд. — Витусу пришлось взять себя в руки, чтобы не заикаться: управляющий впервые обратился к нему «милорд», и по всему было видно, что как для него, так и для остальных, это было решенное дело, и впредь они намерены величать его только так.

Витус был единственным ныне живущим представителем рода Коллинкортов мужского пола, и между ним и этим титулом ничто не стояло. И все-таки странное это чувство. К нему еще надо привыкнуть.

Утро воскресенья Витус, Арлетта, Магистр и Энано посвятили посещению церкви, для чего специально поехали в Уортинг. Магистр поначалу не хотел присоединиться к компании, поскольку был католиком, но потом передумал.

— Если пастор молится другому Богу, пусть скажет мне об этом, — заявил он. — А если нет, то пусть благословит.

В тот день служитель Божий благословил не только Магистра и всю общину, но и особо — ее величество королеву Англии Елизавету I, поскольку это было седьмое сентября — день, в который она родилась.

По окончании службы они вернулись в Гринвейлский замок и отслужили домашний молебен в фамильном склепе под дворцовой часовней, где нашел последний приют старый лорд.

Послеобеденные часы были наполнены весельем, ведь повсюду пышно отмечался день рождения королевы. И в Гринвейлский замок тоже пожаловали циркачи: фокусники, жонглеры, глотатели шпаг, певцы и другие артисты. На большом лугу между усадебным двором и дворцом отвели площадку для представлений. Вокруг нее подковой расставили длинные столы, за ними расположилась вся челядь, подкрепляясь едой и напитками и забавляясь зрелищем.

Для Витуса, Арлетты и их друзей накрыли отдельный стол, честь сидеть за которым была оказана и Кэтфилду. Подле него

восседал доктор Бернс, а рядом с ним преподобный Паунд из Уортинга, чья тучность свидетельствовала о том, что он отдавал должное радостям чревоутодия. Когда веселье было уже в разгаре, к столу присоединилась жизнерадостная черноволосая девушка, которая постоянно строила Кэтфилду глазки. По всему было видно, что она в него влюблена.

— С кем имею честь? — спросила Арлетта.

— О, простите, что не представил вам сразу! — Кэтфилд вскочил и подал знак своей возлюбленной сделать то же. — Позвольте представить вам мисс Энн Эванс. — Энн сделала благовоспитанный реверанс, а Кэтфилд продолжал: — Энн — дочь Тимоти Эванса, погибшего капитана «Аргонавта». Вы должны помнить, милорд, — обратился он к Витусу. — Капитан Таггарт поручил мне разыскать его вдову, чтобы передать банковское поручение. Вот, а у нее оказались две дочери и... и...

— ...и вы, как офицер и джентльмен, естественно, сочли своим долгом позаботиться о них, — пришел ему на помощь Витус. — Я слышал, что вам удалось продать «Аргонавт», это разбитое корыто, за хорошую цену.

— Да, милорд, и в хлопотах об этом я познакомился с Энн и... и полюбил ее. — Он застенчиво прижал девушку к себе.

Магистр прищурился:

— Думаю, из двух вы выбрали самую хорошенькую.

Кэтфилд, польщенный, улыбнулся:

— Мы с Энн хотим пожениться, милорд, и просим вашего соизволения.

Витус почувствовал, как Арлетта сжала под столом его руку, и ответил:

— Разве я могу не дать вам согласия, когда мы с леди Арлеттой тоже собираемся сыграть свадьбу в ближайшее время.

— О, спасибо, милорд, спасибо! Моя глубочайшая благодарность! Какая чудесная новость! — Кэтфилд не стал уточнять, к чьей свадьбе относился его восторженный возглас, вместо этого, позабыв о своем положении управляющего, он принародно поцеловал Энн в губы. — С вашего позволения, мы вас покинем? — без перехода выпалил он. — Там, на краю луга расположились музыканты, и они как раз играют джигу, а Энн так любит танцевать...

— Ну разумеется, Кэтфилд.

Магистр проводил удаляющуюся пару взглядом и засунул кусок каплуна в рот:

— Можешь быть уверен, Витус, самое позднее через час весть о твоей женитьбе облетит весь Гринвейлский замок. — Он отщипнул еще кусок каплуна. — А Энано, который давно уже смылся, поди сейчас сидит у своей миссис Мелроуз, источника всяческих сладостей — заметь, я вкладываю в это слово двойной смысл, — и треплет языком.

Витус рассмеялся:

— Да уж, скоро все наши приключения, естественно, несколько приукрашенные, станут передаваться из уст в уста и во дворце, и в поместье, и во всех окрестных деревнях вплоть до Уортинга.

Преподобный Паунд согласился с Витусом, пробасив:

— Да, они такие! Знаю я мою паству! Рот на замок не закрывают, а как надо возблагодарить Господа, так пропадает голос. Ну да ладно, — примирительно сказал он, отрезая от молочного поросеночка, — все мы грешны перед Господом. А кушанья в Гринвейлском замке сегодня снова отменны, а, доктор? — Он взял свой бокал и слегка поболтал его.

Бернс, далеко не гурман, согласно кивнул:

— И они сегодня в честь нашей королевы и дня ее рождения.

— Истину глаголете! — Преподобный с трудом встал на ноги. — С вашего позволения, милорд, хочу провозгласить тост за нашу славную девственную королеву. — Он поднял бокал и провозгласил громовым, годами отработанным на церковной кафедре голосом: — Тихо! Внимание! Ти-и-и-хо! Это касается и музыкантов! А ну-ка затихните все и поднимите ваши бокалы!

Возблагодарим Господа нашего, Творца всемогущего! Восхвалим Иисуса Христа, который был распят, погребен и воскрес на третий день! Восхвалим Марию, Матерь Господа, которая принесла в мир едиnorodного Сына Божия, поскольку сегодня мы в добром здравии можем выпить за здоровье нашей любимой повелительницы.

Нашей королеве Елизавете — здравицу: Слава! Слава! Слава!

Паунд мощно отхлебнул и, прежде чем сесть, позволил слуге налить себе еще:

— Вот, отдали должное Господу нашему и королеве, и вино снова обрело вкус. — Он положил себе на тарелку еще кусок поросенка.

— А вы знатный едок, — заметил маленький ученый, и в его тоне прозвучало нечто вроде зависти.

— Да, это сразу видно, господин Магистр, сразу, — Паунд отхлебнул и звучно расхохотался. — Я все время говорю: набей брюхо, чтобы потом не было глухо. Ешь, пока естся! За семью сытыми годами следуют семь тощих! Хо-хо-хо!

Арлетта, которая тщетно пыталась представить себе служителя Божьего тощим, поднялась:

— Я уже съела достаточно. Может быть, пройтись, поговорить с людьми? Нет-нет, преподобный, вы оставайтесь. В Гринвейлском замке каждый ест, пока не насытится.

— Я сопровожу тебя, любимая, — Витус тоже встал.

— Как мило с твоей стороны! — Она взяла его под руку.

— И я присоединюсь к вам. — Магистр вытер салфеткой губы и последовал за Арлеттой и Витусом.

За столом остались только неутомимый едок Паунд и старый доктор.

Вся троица присоединилась к группе зрителей, которые наслаждались искусством фокусника. Среди них оказались и миссис Мелроуз, и Коротышка. В то время как фокусник вытаскивал из ушей, карманов, из-за пазухи зевак яйца, яблоки и орехи, малыш затеял свою игру. Он сидел в траве возле дорожной поварихи и каждый раз, когда маг преподносил что-то особенно удивительное и миссис Мелроуз, как замороженная, следила за ним, Энано протягивал за ее спиной свою ручонку и щипал ее в половинку задницы с другой стороны.

— Ай! — в который раз подсказывала кухарка, подозрительно озиралась по сторонам, никого не замечала и снова оборачивалась к карлику, который во все губки хихикал над пассажами фокусника, не замечая ничего вокруг.

Миссис Мелроуз никак не могла взять в толк, что же происходит, и наконец ее осенило, кто мог играть с ней такие злые шутки!

— Эй, артист! — взвилась она. — Кончай, а то узнаешь, кто такая Кэтрин Мелроуз! — Она потеряла мягкое место, которое у нее начинало болеть.

Фокусник нахмурился и подошел к ней:

— Что? Что ты говоришь? Я должен кончать? Но я только начал! — Он провел ей рукой по носу и вдруг вытянул большой не слишком чистый носовой платок. Зрители покатались со смеху. — Это ваше, уважаемая?

— Н-нет.

— Уи-уи, ее сопливчик!

— Ах так! Если уж непременно хочешь знать, мой! — Миссис Мелроуз вырвала платок из рук фокусника и сунула его в карман своего фартука. Незадолго до праздника она суетилась со своими девушками в кухне и в заботах совсем забыла снять его. — Ах! — Снова кто-то прихватил ее седалище, и на этот раз фокусник был ни при чем, он стоял перед ней! — Ну, паскудник, погоди! — она вскочила и набросилась на парня позади себя, который тут же обратился в бегство. Она — за ним.

Витус шутливо погрозил Коротышке пальцем:

— Ты зло подшутил над кухаркой!

— Я? Да ты ще? Дя я ж ни сном ни духом! Щеб я этой жиренькой пулярочке?!

— Ну как знаешь!

Витус не мог сердиться на Энано и повел Арлетту и Магистра дальше. Они подошли к музыкантам, которые на сколоченных подмостках изо всех сил наяривали на всяческих музыкальных инструментах. Как раз закончился очередной

зажигательный танец, и к ним повернулся задыхающийся Кит, только что отплясавший с Мартой. Он собрался лететь за прохладительным напитком для себя и подружки и чуть не накнулся на Витуса:

— О, сэр! Э-э... милорд, простите, я вас не заметил.

— Ничего страшного, Кит.

— Спасибо, милорд. Я хотел вам сказать: Одиссей в порядке, и если вы захотите...

— ... я скажу. Спасибо, Кит.

— И вообще, в конюшнях все нормально. Я все поставил так, как было при старом Пибблзе, милорд.

— Хорошо, хорошо, я всегда знал, что из тебя выйдет хороший шталмейстер, Кит.

Взгляд Витуса упал на Марту, которая робко пряталась за спину конюшего. В ее движении было столько любви и преданности, что Витус понял: и здесь недалеко до свадьбы. Впрочем, Кит уже вполне мужчина, если уж говорить по правде, и может отвечать за свои поступки.

— Танцуйте, не будем вам мешать.

Когда они отошли на несколько шагов, Арлетта вдруг вскрикнула:

— Я и забыла! Подарок Полли, который я должна открыть в день рождения королевы! Сверток в моей гардеробной.

— Сейчас прикажем его принести, любимая.

Арлетта окинула взглядом слуг на площадке для танцев. Даже Хартфорд, которого она считала слишком чванливым, чтобы предаваться простонародным забавам, оказался здесь. Все они были счастливы.

— Ах, нет, возьмем сами, — сказала она. — Не будем им мешать. А кроме того, — она лукаво взглянула на Витуса, — мне не подобает тебя целовать при всех, а именно об этом я и мечтаю все это время.

— Твои аргументы более чем убедительны. Особенно последний, — ответил Витус, улыбаясь.

— И для меня тоже, и для меня, — поспешил заверить маленький ученый. — Но не обижайтесь, меня влечет на танцевальную площадку. Мне сказали, что сестра невесты Кэтфилда тоже здесь. Хотелось бы сравнить красоток.

В гардеробной Арлетта достала пакет из дорожного сундука и развязала ленту:

— Боже! У меня уже сил нет! Что же там, внутри?!

— Ты вроде бы хотела меня поцеловать... — Витус подошел сзади и положил руки на ее плечи.

— Сейчас, сейчас, любимый... Нет ничего приятнее, чем открывать подарки... Ты только посмотри! Это же марципаны! Целая коробка марципанов! Давай, съедим по печеньицу и вспомним о Полли!

— И о королеве, — Витус взял печенину и рассмотрел ее: — Что-то она не внушает мне доверия: потемнела и зачерствела... — Он с сомнением откусил. — О! А внутри она все такая же нежная!

Арлетта, откусывая от своей, кивнула:

— Как сама Полли. Жесткая снаружи, мягкая внутри. Я ее сразу разгадала, как только увидела. Женщины такое понимают сразу.

— Да?

— Да. А теперь поцелуй меня.

Утро понедельника не стало для прислуги праздником. У многих в голове шумело после прошедшего воскресенья. Но как во дворце, так и во всем поместье работа началась с первыми петухами. Другого при Кэтфилде и представить себе невозможно было.

Погода уже не была такой прекрасной, как в предыдущие дни. Солнце пряталось за дождевыми облаками, порывистый ветер задувал с северо-запада. Витус, закутавшись в теплую одежду, все утро провел в поместье. Вместе с Кэтфилдом они объехали верхом жнивье, пастбищные угодья, на которых паслись коровы и овцы, осмотрели урожай пшеницы и запасы сена; потом пошли пешком, заодно проверив урожай корнеплодов и бобовых, отведали окороков в копильнях, посетили машинный сарай и кузницу, затем птичник и конюшни, по которым их провел Кит. По завершении осмотра Витус выразил признательность Кэтфилду, Киту и всем остальным за прекрасную работу. И дворец, и поместье содержались в образцовом порядке. Сразу было видно, люди трудились от души.

Кэтфилд с легким сердцем отправился продолжать дела в контору, а Витус вернулся во дворец.

Сейчас, ранним вечером, Витус сидел с Арлеттой и Магистром в Зеленой гостиной и полдничал. Коротышки нигде не было видно. Скорее всего, он обретался на кухне, возле миссис Мелроуз, которая уж непременно приготовила для него пирожки с крольчатчиной, овощи и кувшин эля.

Витус как раз разрезал грушу, когда вошел Хартфорд с докладом о посетителе.

— Адвокатус Хорнстейпл из Уортинга, милорд, — сказал Хартфорд, слегка поклонившись. — Я сообщил ему, что вы трапезничаете и мешать вам не следует, но он настаивает.

Витус переглянулся с Арлеттой и Магистром. Непонятно почему его пронзило дурное предчувствие.

— Что ж, адвокатус действительно не вовремя, но, если у него срочное дело, я приму его.

— Я уже позволил себе войти. — Хорнстейпл стоял в дверях, надутый больше чем обычно.

— Чему обязан? — Витус подавил раздражение бестактностью поверенного.

Арлетта, которой тоже стоило усилий расправить нахмуренные брови, сказала:

— У вас должны быть веские причины, чтобы явиться в такое время и... э-э... при нынешних обстоятельствах. Прошу вас, присаживайтесь.

Она повела рукой в сторону предмета мебели с подголовником, который служил для отдыха и отвечал вкусам времени. Это был какветуар — дамское кресло с удобными подлокотниками и расширяющимся вперед сиденьем, чтобы дамы могли удобно расположиться в своих широких юбках. Арлетта сидела в таком же.

— Ну, гх, гх... — Хорнстейпл аккуратно расправил складки своего платья. — Дело, по которому я здесь, срочное и не терпит отлагательства.

Он выудил из своей накидки пергаментные свитки, положил их перед собой и тщательно принялся разглаживать. Долгое время слышалось только шуршание пергамента и покашливание Хорнстейпла. Маленький ученый не выдержал:

— Если ваше дело столь безотлагательно, коллега, почему бы вам уже не приступить к нему?

— Так спешно такие вещи не делаются, сэр. Может быть, у вас в Испании и не взвешивают каждое слово, — адвокатус позволил себе улыбку, — а у нас в Англии другие нравы. Мы вначале все основательно обдумываем, прежде чем выразить.

Витус спросил:

— И как, вы уже обдумали?

— Разумеется, сэр. — Адвокатус позволил себе еще одну улыбку, на этот раз более едкую. — Возможно, вы обратили внимание, что я называю вас «сэр», хотя, как я слышал, вы предпочитаете, чтобы к вам обращались «милорд».

— Можете ко мне обращаться как вам будет угодно, Хорнстейпл. Все титулы, кроме *Cirurgicus galeonis*, не имеют для меня значения. Называйте меня «сэр» или «хирургик», если вам это больше по душе.

— Что ж, сэр, должен заметить, что речь не обо мне, а по большому счету это вопрос о том, являетесь ли вы по закону лордом, ибо лишь таковой имеет право называться милордом.

— Не читайте нам прописных истин, Хорнстейпл, — Витус начал уже всерьез заводиться. — После смерти моего деда Томас Коллинкорт был прямым наследником титула, но Томас умер, был убит на Роанок-Айленде, так что теперь я правопреемник. Признаю, есть ничтожно малое сомнение в моем происхождении, и, пока оно не устранено, каждый волен называть меня, как ему заблагорассудится. Но это чистая теория. От меня что вы хотите?

— Сэр, то, что Томас Коллинкорт был убит дикарями на острове, пока что сорока на хвосте принесла. Должен обратить ваше внимание на факт, что по закону Томас Коллинкорт жив, по крайней мере, до тех пор, пока не будет в соответствии с законом объявлен умершим. Но уже исходя из этого вы присвоили себе титул «милорд» не по праву, сэр.

Витус пожал плечами.

— Но даже если подтверждающий этот факт документ, — педантично продолжал Хорнстейпл, — будет составлен — разумеется, я готов это сделать по свидетельству леди Арлетты, — и в этом случае титул лорда не может принадлежать вам по праву, поскольку остается сомнение, что вы Коллинкорт. — В глазах Хорнстейпла зажегся огонек самоудовлетворения.

— Понимаю, к чему вы клоните. Но разве не вы были тем, кто по настоятельному желанию моего деда передал мне этот перстень с печаткой? — Витус поднял руку. На его пальце блеснул герб Коллинкорттов. — Разве не вы были тем, через кого мой дед провозгласил, что я должен носить этот перстень не снимая?

— Все так! — воскликнул Магистр, который до этого с трудом сдерживался. — Разве не вы, Хорнстейпл, передавая перстень в его руки, тем самым удостоуверили принадлежность Витуса из Камподиоса к роду Коллинкорттов?

— Гхм, ну в какой-то степени... — Поверенный не знал, как вывернуться. На подобный аргумент он не рассчитывал. — Ну, э-э... господин коллега, должен сказать, что уже в то время я имел значительные основания испытывать сомнения... э-э... в принадлежности... Но это только одна сторона дела. Главное, что я не мог отказать умирающему лорду в его последней воле! — Голос адвоката звучал все увереннее. Нет, испанский выскочка его не собьет. Мои действия не имели ничего общего с тем, что я признаю принадлежность данного лица к старинному английскому роду! Нет, есть сомнения, и веские сомнения! И пока они не будут устранены, Витус из Камподиоса не может быть признан Коллинкорттом!

Витусу пришлось призвать всю свою выдержку, чтобы не схватить поверенного за горло. То, что юрист выражал свои сомнения, не было делом необычным. Но то, что он делал это с нескрываемым удовольствием, было неслыханно.

— Что вы имеете в виду под «вескими сомнениями»?

Хорнстейпл не спешил отвечать. Он поправил свои бумаги, в которых и поправлять было нечего, и наконец изрек:

— Что ж, сэр, не подлежит сомнению, что Джейн Коллинкорт ожидала ребенка, как и то, что *алло* 56 она разрешилась мальчиком на борту «Громовержца», как и то, что она благополучно прибыла в портовый город Виго на побережье Испании, а затем с непонятными целями углубилась внутрь страны.

Но в высшей степени поддежит сомнению, что в вашем случае речь идет о ее сыне.

— А вы не забыли о красном камчатом платке, с которым Джейн видели в последний раз и в который был завернут я, когда меня нашли перед воротами монастыря Камподиос?

— Ни в коем случае, сэр!

— И?..

Хорнстейпл был похож на паука, который смотрит на жертву, запутавшуюся в его паутине, перед тем как сожрать ее:

— Во-первых, ничем не доказано, что Джейн Коллинкорт оставила младенца, закутав в свой платок перед воротами монастыря. Это вполне могла быть любая другая женщина, похитившая у нее платок, чтобы подложить собственного ребенка. В этом случае, сэр, вы никакой не Коллинкорт.

— Ну и казуистика! — вырвалось у маленького ученого.

— Вы полагаете? — Паук все теснее оплетал жертву — Я допускаю, это вполне возможно.

— Чистые домыслы! — Витус едва сдерживал себя.

— Такие же домыслы, как то, что вы Коллинкорт. Даже если бы Джейн и положила своего ребенка к воротам Камподиоса, любая другая мать смогла бы подменить его на месте. И в этом случае, сэр, вы не Коллинкорт.

— Все, хватит! — Глаза Арлетты метали громы и молнии. — Тупой мужлан! Ни одна мать не сделает такого!

— Вы правы, миледи, я не женщина, — невозмутимо продолжал Хорнстейпл — Но, как мужчина, я умею логически мыслить. В-третьих, вполне возможно, что ребенок Джейн давно уже был мертв к тому моменту, как у нее украли платок — заметьте, очень ценную вещь, — в котором, воровка могла быть уверена, плод ее собственного греха не останется незамечен. Надо ли упоминать, сэр, что и в этом случае вы не Коллинкорт.

— Нет, не надо. Вы закончили? Тогда далее вас не задерживаю.

— Не-е-ет, сэр, я еще не закончил. Далеко не закончил! Могу ли я надеяться, что вы припомните, как проходило вскрытие завещания по кончине вашего деда? Оно состоялось в моей канцелярии лишь по прояснении некоторых... э-э... — Хорнстейпл манерно покашлял, — некоторых обстоятельств. А именно, что леди Арлетта не наследует ни дворца, ни поместья, ни каких других угодий, а в компенсацию получает внушительную сумму денег, которая лежит на ее счету в Лондонском банкирском доме. Вот соответствующий документ, можете убедиться, — Хорнстейпл поднялся на негнущихся ногах и протянул Арлетте бумагу.

Она приняла ее, не удостоивая внимания:

— Надеюсь, теперь вы закончили, сэр?

— Нет, еще нет. — Поверенный снова уселся. — Наоборот, леди Арлетта. Еще раз заостряю ваше внимание, что вам по завещанию не принадлежат ни дворец, ни поместье, ни земли. И если вы захотите избрать Гринвейлский замок местом своего проживания, то отныне вам на это потребуется согласие его владельца.

— И оно у нее есть, — вырвалось у Витуса.

— Вполне возможно. От вас, сэр. Но оно не имеет абсолютной никакой силы, поскольку вы не можете его давать.

— Я... я...

— Вы не являетесь владельцем Гринвейлского замка и принадлежащих к нему земель. — Паук решил нанести решающий удар. — До тех пор, пока не будет бесспорно установлено, что вы тот, за кого себя выдаете. А поскольку таковых доказательств мы не имеем, на проживание во дворце вы тоже должны получить согласие его владельца.

— Ага. И, насколько я вас изучил, сейчас вы нам и откроете имя владельца всего наследственного имущества?

Витус должен был себе признаться, что разговор принимает все более опасный поворот. Адвокатус хорошо умел плести паутину крючкотворства, настолько хорошо, что даже маленький ученый не мог выдвинуть контраргументов. Все, что излагал Хорнстейпл, было чистейшей воды теорией, умозрительностью и изощренной казуистикой. И все-таки! С точки зрения логики, здесь трудно было что-то противопоставить. Оставался только вопрос, чего или кого ради Хорнстейпл так хлопот.

— Подлинным владельцем имения является Уорик Троут.

— Уорик Троут? Никогда о таком не слышал. — Витус вопросительно посмотрел на Арлетту, но и она отрицательно покачала головой.

— Именно он. Мистер Троут — подмастерье ткача из Уортинга, в настоящее время пятидесяти одного года и отец ребенка Джейн Коллинкорт. Я представляю его интересы.

При последних словах Хорнстейпла маленький ученый взвился, словно его тарантул укусил:

— Я не ослышался? Вы блюдете интересы этого, как бишь его там?..

Адвокатус еще не успел и рта раскрыть, как вмешался Витус:

— Если я не ошибаюсь, Хорнстейпл, вы работаете на меня. А здесь налицо коллизия интересов.

Хорнстейпл снова открыл рот, чтобы ответить, но это ему опять не удалось, Магистр рвал и метал:

— Коллизия интересов? Это еще мягко сказано! Недобросовестность адвоката по отношению к своему доверителю — вот как это называется на языке закона. Недобросовестность адвоката!

— Ничего подобного! — Паук теперь тешился своей жертвой. — Не доказано, что Витус из Камподиоса является Коллинкортом, это мы уже установили. Вот вам вопрос: как можно быть недобросовестным по отношению к тому, кто не является твоим клиентом? Моя лояльность касается Коллинкорт, а если вы, сэр, к таковым не относитесь, из чего я, собственно, и исхожу, то по отношению к вам у меня нет никаких обязательств. Единственный претендент на наследование, таким образом, это Уорик Троут, отец ребенка Джейн Коллинкорт. Вы, леди Арлетта, как известно, получаете свою долю наследства деньгами.

Магистр с трудом взял себя в руки:

— А как насчет леди Джейн Коллинкорт, коллега? Она как наследница не рассматривается?

— Вы абсолютно правы. Рассматривалась бы, но она уже много лет назад признана умершей. Так что увы.

— Хм, а откуда, собственно говоря, у вас сведения, что Уорик Троут является отцом ребенка? Откуда известно, ведь леди Джейн никогда не называла имени родителя.

— Действительно. Но есть свидетели, которые могут подтвердить, что она в означенное время часто выезжала в Уортинг, где встречалась с вышеозначенным мистером Троутом.

— Как вы можете такое утверждать! — В глазах маленького ученого блеснул воинственный огонек.

Паук все еще держал свою жертву в лапах, но как бы ему самому не пришлось защищать свою шкуру!

— Я не только утверждаю, но и подтверждаю! — Адвокатус протянул руку к тщательно разглаженным пергаментам. — Здесь у меня подписанные и заверенные печатью показания свидетелей, которые поклялись перед Богом и людьми, что Джейн Коллинкорт состояла с Уориком Троутом в любовной связи. Если хотите убедиться, можете сами посмотреть!

Хорнстейпл даже не подумал протянуть коллеге бумаги, но в этом и не было необходимости: Магистр уже шагнул к нему сам. Он подносил пергаменты один за другим близко к глазам, тщательно изучал их, то и дело шурясь, прочел каждый от буквы до буквы, и, наконец, вернул их Хорнстейплу. Тот, кто его знал, сразу бы понял, что сейчас он задаст поверенному хорошую трепку.

— Правильно ли будет предположить, господин коллега, — последнее слово в его устах прозвучало как ругательство, — что вы сами были тем, кто запротоколировал и заверил показания свидетелей?

— Именно так. Не хотите ли подвергнуть сомнению правильность составления документов?

— О, нет-нет! Ни в коем случае! — Магистр снова занял место рядом с друзьями. — Сомнению я подвергаю лишь тот факт, что Уорик Троут является отцом ребенка.

- Документы подлинны.
- Может, они и подлинны, а вот их содержание фальшиво. Да-да, фальшиво!
- Как вы смеете утверждать подобное! Мои свидетели все видели собственными глазами: разговоры, хихиканье, любовные ужимки, объятия, поцелуи в укромном месте...
- Люди частенько бывают склонны видеть то, чего нет, и слышать то, чего не говорится.
- Но, но...
- Но! Кто из ваших свидетелей присутствовал при совокуплении?
- Ну...
- Следовательно, никто. А можете ли вы бесспорно исключить, что в означенное время Джейн Коллинкорт встречалась с кем-либо другим?
- Я бы попросил вас! — Жертва начала ускользать из лап паука.
- Заключили ли Джейн Коллинкорт и Уорик Троут в означенное время брачный союз?
- Ну... Нет, этого не произошло.
- Таким образом, констатируем следующее: брак между вышеозначенными особами заключен не был, равно как и свидетелей полового акта не имеется, и не может быть полностью исключено, что Джейн Коллинкорт имела в означенное время контакты с другими мужчинами. Помимо этого, по определению отец ребенка, рожденного вне брака, будь он даже на самом деле отцом, не может иметь права на наследство. Или в Англии есть такие прецеденты и вы можете мне их назвать, господин коллега? Ага, не можете. Так я и думал. И тем не менее вы позволяете себе на основании сомнительных предположений заявлять притязания на дворец, поместье и обширные землевладения?
- Сэр, я должен...
- И все это в пользу некоего подмастерья по имени Уорик Троут! А где, собственно, сам претендент? Он хотя бы поставлен в известность о выпадающем ему счастье? Или такового вообще не существует? А если и существует, не в одной ли вы с ним лодке? — Маленький ученый угрожающе повысил голос. — Бумага все стерпит, господин коллега, а вот против природы не попрешь! Вы когда-нибудь давали себе труд осмотреть галерею предков Коллинкортсов? Нет? Так сделайте милость, потрудитесь! И вы сами установите, что все предки ребенка Джейн по мужской линии имеют ярко выраженную ямочку на подбородке. А теперь соблаговолите бросить взгляд на этого мужчину, — он указал на Витуса. — Она наличествует и здесь, не говоря уж о других чертах фамильного сходства. Отгадайте, что бы это значило?

— Ничего это не значит! — Хорнстейпл больше не выглядел напыщенным и уверенным в себе, скорее чересчур нервным. Паук отступил. — Имущественные отношения никоим образом не регулируются внешностью, и обязанность доказывания...

— Галиматъя! *Domini habetur qui possidet, donec probetur contrarium!* Эта древняя правовая норма имеет законную силу и в Англии. А если ваша латынь не на том же уровне, что и ваше тщеславие, дам себе труд перевести для вас: собственником считается тот, кто владеет, до тех пор пока не будет доказано обратное. А так как не вызывает сомнений то, что Витус из Камподиоса владеет этим дворцом и всем прочим к нему относящимся, проживает здесь *de facto** и признается хозяином, он также является и собственником. По крайней мере до тех пор пока вы, господин коллега, не будете в состоянии логично и убедительно доказать обратное. Подводя итог, констатируем: окажись Витус из Камподиоса при определенных, крайне сомнительных, обстоятельствах не Коллинкортом — я подчеркиваю: при определенных, крайне сомнительных обстоятельствах, — это также не имеет никакого значения, пока вы, господин адвокатус, не будете в состоянии доказать свои голословные утверждения. На вас лежит обязанность доказывания, не на нас!

Витус, который часто кивал во время страстной аргументации маленького ученого, холодно сказал:

— Во всем прочем с настоящего момента вы освобождаетесь от своих обязанностей моего поверенного. Ищите себе другого доверителя.

Не произнося ни слова, Хорнстейпл подхватил свои бумаги и удалился.

Когда за ним закрылась дверь, Витус шумно выдохнул:

— Что за бес вселился в этого человека? Столько язвительности, столько недоброжелательства, столько наглости! Для нас, думаю, он не велика потеря! А тебе, сорняк, я должен сделать комплимент. В своей речи как защитник ты был великолепен! Вполне достоин Цицерона.

— Да ладно тебе! — Магистр взял с тарелки пирожок с крольчатинной. — И не надо сравнивать меня с Цицероном. Он, конечно, был выдающимся юристом и оратором, но ко всему прочему его казнили, а голову и руки выставили на ростре — ораторской трибуне.

Арлетта прикрыла рот рукой:

— Боже, какой ужас!

— Да, времена тогда были не менее жестокие, чем сейчас. Но не терять же из-за этого аппетит! И из-за крючкотвора Хорнстейпла тоже не стоит. Пирожок просто тает на языке!

* Фактически (лат.).

— Я больше не в состоянии. Да и немного нехорошо мне что-то. Так все было замечательно, и вдруг это чудовище Хорнстейпл!

— Ради бога, любимая! — Витус вскочил и бросился к ней. — Не волнуйся, любимая! Сейчас выясним причину.

— Но я совершенно не волнуюсь.

— Да, да, конечно. Твое недомогание, разумеется, могла вызвать неслыханная наглость Хорнстейпла, не зря же народное присловье гласит: он у меня сидит в печенках! А могли и пирожки. Я не пробовал, может, они испорчены?

Магистр возмутился с набитым ртом:

— Не мели чепухи! Они просто воздушны!

Арлетта отняла свою руку у Витуса, который собирался проверить пульс.

— Дорогой, не поднимай столько шума из-за легкого недомогания, — она улыбнулась ему. — Для него может быть простая, совершенно естественная для женщины в моем положении причина.

— Что? Ах, я дурак! Ну конечно, ребенок!

У Витуса камень свалился с души. Это был первый раз, когда Арлетта на что-то пожаловалась в его присутствии. Даже во время тряского путешествия в экипаже по дорогам юга Англии она ни разу не проронила ни слова. Поэтому он сейчас так и встревожился.

— И все-таки ты должна щадить себя. Лучше пойди приляг!

Он ожидал, что Арлетта станет возражать, но она не стала. Это несколько обеспокоило его.

Вечером легкое недомогание вылилось в сильный жар. Обеспокоенный Витус сидел на краешке широкой кровати под пологом, на которой лежала Арлетта, и прощупывал ее пульс. Пульс был частый и неровный. Как и днем, она попыталась вырвать свою руку:

— Оставь, дорогой, чуть поднялась температура, что с того? — она старалась улыбнуться, но это ей плохо удавалось.

— Повышенная температура может иметь множество причин, — размышлял Витус вслух. — Надеюсь, ближайшие часы покажут, в чем причина у нас.

— В ближайшие часы я хочу поспать. Может быть, завтра я встану совершенно здоровой, — она беспокойно поворочалась. — У меня так болит голова! И свет слишком яркий!

Витус отослал Хартфорда за кастрюлей воды, чтобы поставить ей холодный компресс на лоб. Свет в спальне вовсе не был ярким, но, тем не менее, он потушил все керосиновые лампы, кроме двух, слева и справа от кровати. Когда вошел Хартфорд с кастрюлей и Витус повернулся к нему, позади него раздался клацающий звук. Это Арлетта стучала зубами. Ее знобило. Она стонала, но пыталась при этом улыбнуться.

Витус отставил кастрюлю и ободряюще сказал:

— Кажется, жар никак не решит, что ему делать: то ли напасть на тебя, то ли отпустить. Но я-то тебя отпускать не собираюсь. Я с тобой. Навсегда! — Он наклонился и поцеловал ее в ледяные губы. — Давай-ка накроем тебя еще одним одеялом. Оно из лисьей шкуры и согреет тебя, как печка. — Он укрыл ее.

— Спасибо, любимый. Я причиняю тебе столько хлопот!

— Чепуха! У каждого может случиться жар. Я сам перенес лихорадку, и, можешь мне поверить, куда более сильную. — Он вспомнил о черной рвоте, которую смогли превозмочь он, и Магистр, и другие его друзья... — Что тебе сейчас требуется, так это хороший сон. Я дам тебе валериановые капли и отвар из ивовой коры против головной боли.

Вскоре Арлетта задремала. Витус провел всю ночь у постели невесты. Ее то знобило, то бросало в жар. И в зависимости от этого, он то согревал ее, то охлаждал ее лоб. Наконец к утру он забылся беспокойным сном. Его последней мыслью была надежда, что утром жар спадет.

Его разбудил грохот. Он открыл глаза и увидел Арлетту, которая лежала на полу в нескольких шагах от него.

— Боже милостивый, любимая! — Он молниеносно вскочил и помог ей подняться на ноги. — В чем дело? — Он хотел отвести ее обратно на кровать, но она упиралась.

— Прошу тебя, пожалуйста, оставь меня ненадолго.

— В чем дело?

Она глянула на него горящими от лихорадки глазами:

— Прошу тебя!

Когда несколько минут спустя он вернулся в спальню, ему в нос сразу ударил невыносимый запах. Пахло фекалиями, и фекалиями, типичными для жидкого стула. Он вынул из-под кровати ночной горшок, снял крышку и увидел, что его опасения подтвердились: диарея! Арлетта лежала на постели спиной к нему и жалобно всхлипывала.

Витус сцепил зубы и, чтобы не подать виду, сказал притворно бодрым тоном:

— Доброе утро, любимая. Ты беспокойно спала и, похоже, у тебя понос. Но в этом нет ничего необычного при лихорадке. Сейчас позовем Хартфорда, пусть вынесет ночную посудину.

Когда слуга вышел, Витус снова присел на краешек кровати и взял ее за руку:

— Не надо отчаиваться, Все будет хорошо, обещаю. Давай-ка я тебя осмотрю.

— Ну... не знаю. Мне так плохо.

— Хуже, чем вчера вечером?

Арлетта понимала, что он надеется услышать утешительный ответ, но не смогла солгать:

— Может, чуточку хуже.

— Ну трудно было ожидать, что жар за одну ночь спадет. А голова все еще болит?

— Да. И все тело.

— Моя бедняжка! — Он хотел ее поцеловать, но она отвернулась.

— Не надо, любимый. Я чувствую себя такой... такой нечистой.

— Ты можешь с ног до головы покрыться коростой, но я буду любить тебя не меньше, чем люблю сейчас.

Арлетта тихо засмеялась и на минуту стала прежней Арлеттой. От любви и жалости у него на глазах выступили слезы.

— Давай выпьем отвара ивовой коры, прямо сейчас. Он снимет головную боль и понизит температуру. А потом я дам тебе лекарство от поноса. Оно общеукрепляющее, и диарея больше не будет мучить тебя. Это напиток из черники, шалфея и лапчатки гусиной, смешанных с угольным порошком. А если и он не поможет, попробуем белую глину. И нарушения в кишечнике будут устранены.

— Как хорошо быть невестой врача! — Арлетта погладила его руку. — И все-таки мне беспокойно. Я чувствую себя совершенно разбитой, и такая слабость... Мне хочется встать и в то же время оставаться в постели.

— Все образуется, — успокоил Витус, хотя сам страшился проявившихся симптомов. — А теперь давай я тебя посмотрю.

Ее пульс все еще был учащенным, а глаза лихорадочно блестя. Конъюнктивы были воспалены и покраснели. Он прописал ей колириум, который тут же сам приготовил и применил. На языке был темный налет с неприятным запахом, слава Богу, без примеси запаха свежеразделанной печени — верного признака черной рвоты. И цвет кожи тоже не свидетельствовал о ней: желтушности не было и следа. Но увеличились лимфатические узлы на шее, что, в общем-то, не было удивительно. При любой лихорадке это естественно. Витус вспомнил о Хайме, которого поднимали на ноги кантаридин и иглица, но пока что решил повременить с этими средствами. В медицине, как в поварском искусстве: переложить трав — и уничтожишь изначальные приметы.

— Ну и каков диагноз, господин хирургик? — слабо пролепетала Арлетта.

— Пока не установлен, — улыбнулся Витус и осторожно продолжал пальпировать. Все казалось в норме, даже печень, что говорило против черной рвоты. Он нажал на область желудка, потом кишечника:

— Больно?

— Нет. Да. Внизу. Что-то...

— Дай-ка посмотрю... — он поднял ночную рубашку и остолбенел.

В паху висели гроздьи бубонов. Они были мутные и выглядели злокачественными. Витус постарался отбросить страшную догадку, пронзившую его.

— Э... — услышал он чужой голос. — Может, это бубоны, а может, и нет.

Он начал их прощупывать. Наросты были мягкими и податливыми. Не прошло и минуты, как Витус установил, что паховые лимфоузлы сильно увеличены. Плохой симптом!

— Что такое бубоны? — В слабом голосе Арлетты звучал страх.

Витус поймал себя на том, что был неосторожен в выражениях. Он как врач должен вселять надежду!

— Бубоны, — небрежно заметил Витус. — Просто шишки.

— Это... это плохой знак?

— Уй, ничего страшного. Способ выгнать из тела лихорадку.

Витус надеялся, что это и в самом деле так. Он продолжил обследование.

Потом он их увидел. Маленькие точки от укусов на лодыжках. Следы отвратительных тварей из «Золотой галеры». Вокруг красных точек уже образовались черноватые пятна. Однозначно: некротические поражения тканей и... бубоны... Его словно молнией поразило. «Боже, только не это!!!» — заклинал он. Он, должно быть, ошибся. Он должен ошибиться! Господь всемогущий, ты же хранишь любящих! Сохрани Арлетту, которая... Но он знал, что прав и что Господь здесь бессилен.

У Арлетты была чума.

— Куда это ты сбегал? — Голос Арлетты напоминал слабое дыхание ветерка.

— Просто кое-что пришло в голову, — солгал он и подумал, что в следующие дни ему придется много лгать, потому что открыть правду у него не хватит мужества...

Витус выскочил из спальни, потому что больше не мог этого выдержать. Он помчался разыскивать Магистра, который обнаружился на берегу залива, где маленький ученый наблюдал жизнь чирков-свистунов и крякв, ныряющих под воду.

— Магистр! Мне надо срочно поговорить с тобой!

— Да ну? И что такого срочного? — Маленький ученый сощурился и указал на уток. — С каждой крошкой они подплывают все ближе. Может быть, понимают, что я хочу рассмотреть их, а может, просто привыкают ко мне.

— Прости, но я не настроен говорить об утках. — Витус без обиняков выложил другу свои ужасные предположения, и Магистр растерялся точно так же, как недавно и он сам.

— Этого не может быть! Если есть на небе Бог, а Он есть, Он не может такого попустить! Чтобы этот ангел, этот ангел...

— Да. И я молюсь о том, чтобы она выжила!

Маленькому ученому потребовалось время, чтобы его прагматизм вступил в силу.

— Не мне тебе говорить, хирургик, но есть два вида чумы: легочная и бубонная. Ты хочешь сказать, что здесь идет речь о второй?

— Да. Бубонная чума.

Магистр перекрестился:

— Спаси нас, Господи! Но, как я понимаю, в этом случае еще есть надежда?

— Я сделаю все, что в человеческих силах, чтобы победить черную смерть. И ты мне можешь помочь. Пожалуйста, пошли за доктором Бернсом и позови мне Энано и Кэтфилда. Я приму всех за ужином в Зеленой гостиной. Нам надо многое обсудить, я должен знать все, что им известно об этой проклятой напасти, собрать все, до последнего слова, сведения о чуме — другого пути я не вижу. И, Магистр, никому ни слова. В свое время я сам все скажу людям.

— Можешь на меня положиться, сорняк! — Магистр дал ему увесистый тычок под ребра. — Еще не вечер!

Арлетта беспокойно заворочалась в постели:

— Что там со мной, любимый? Ты выяснил? И где ты был?

— Ну, э-э... я добывал еще кое-какие травы, которых не было под рукой. Мне... э-э... пришлось сходить за ними. — Витус дал ей приготовленное питье против диареи и настой боярышника, чтобы укрепить сердце. Жар был все еще силен. Но глаза Арлетты потускнели. В Витусе снова зажглась надежда.

— Я покину тебя еще на несколько минут. С тобой посидит Хартфорд на случай, если тебе что-то понадобится. Мне надо еще кое-что сделать.

— Ну конечно, — пролепетала она. — Но лучше я побуду одна.

— Хорошо.

Витус шумно вздохнул, потому что как раз в эту минуту ему в голову пришла страшная мысль, что, предлагая услуги Хартфорда, он делает роковую ошибку. Чума заразна! Уже стоя на пороге, он снова услышал ее голосок:

— Любимый, я буду бороться.

С глазами, полными слез, он вышел из спальни.

Витус сидел у себя и в сотый раз штудировал главу «*De morbis hominum et gradibus ad sanationem*» о чуме. Многочисленные ссылки на лечебные средства, как и на меры профилактики, не убеждали. Запрет на употребление птицы, водоплавающей птицы, свинины, говядины и прочего... Запутанные указания великих о мерах предосторожности и методах лечения... У чумы много лиц! Некоторые были похожи на картину проказы, другие — на сыпной тиф и прочие болезни. И в каждом случае действен-

ным методом считалось кровопускание. Следующим пунктом шло назначение пургена, то есть слабительного средства. И это предложение не вселяло надежды: подобные средства были Арлетте не нужны. Она, наоборот, страдала диареей.

Вздохнув, Витус отложил труд и отправился в Зеленую гостиную.

— Спасибо, Марта, спасибо, Мария. Просто накройте стол, а обслужим мы себя сами.

Девушки с реверансом удалились. Витус обвел взором собравшихся. Здесь были Кэтфилд с серьезным озабоченным лицом, близоруко щурившийся Магистр, который еще не обзавелся новыми бериллами, возле него Коротышка с полуоткрытым рыбьим ротиком и старый доктор Бернс.

— Благодарю всех, что пришли, — приступил Витус. — Повод для сегодняшней совместной трапезы... — Он не мог говорить, в горле встал ком. Проглотив его, он попробовал с начала. — Итак, джентльмены, тому, что я сел в отдалении от вас, есть своя причина. Во дворце случай инфекционного заболевания. Речь идет о леди Арлетте. Она... у нее... — он собрался с силами. — Леди Арлетта заразилась чумой...

Все сидели как громом пораженные. Каждый понимал, что это подобно смертному приговору. Где сегодня появлялся один случай, завтра заболевали дюжины, а послезавтра вымирали целые деревни.

Первым заговорил Бернс:

— А ошибка полностью исключена, милорд? — осторожно спросил он.

— Исключена. Бог мне свидетель, как бы я хотел дать вам другой ответ.

Витус подробно обрисовал симптоматику. Когда он закончил, старый доктор со вздохом кивнул:

— Все указывает на то, что вы правы, милорд.

— Я собрал вас здесь, чтобы обсудить необходимые меры. Для леди Арлетты, чтобы она, будь на то воля Всевышнего, выздоровела. И для людей во дворце, чтобы оградить их от опасности заражения. Каждое мнение я внимательно выслушаю, каждое предложение рассмотрю, каждый совет может оказаться спасительным.

Магистр, всегда любивший поесть, даже не прикоснулся к еде, ему было не до чревоутодия. Он сказал:

— Вначале давайте посоветуемся, как помочь леди Арлетте, мне это кажется делом первостепенной важности. Пока что она одна-единственная больная, и Бог даст, больше никто не заболевает.

— Для этого мы примем профилактические меры, которые обсудим позже, — кивнул Витус.

Снова вступил доктор Бернс:

— Было бы хорошо сохранить ужасную новость в строжайшей тайне. Иначе просто поседем панику.

Кэтфилд взял с тарелки виноградину, но ко рту так и не поднес, у него тоже пропал аппетит.

— В принципе я с вами согласен, доктор. Но люди во дворце так и так узнают, даже если мы будем немые, как могила. Думаю, позже, когда предпримем все необходимые меры, надо сказать, иначе паника будет еще больше.

— Может быть, может быть, — согласился доктор. — А не назначить ли нам леди Арлетте терьяк? У меня есть прекрасный, из семидесяти ингредиентов, среди которых и наркотические, и укрепляющие и настоящий венецианский змеиный яд.

— Хорошее предложение, посмотрим, — сказал Витус. — Хотя, насколько мне помнится, он по своему действию сходен с митридатиком.

Бернс растерянно посмотрел на него. Очевидно, он никогда не слышал о таком препарате и пошел на попятную:

— Ну если вы так считаете, милорд. Возможно, терьяк в данном случае и неподходящее средство.

— О, нет-нет, доктор, вы меня неправильно поняли, — поспешил заверить его Витус, про себя размышляя, что в будущем надо быть сдержаннее на язык, иначе такие пугливые люди, как Бернс, побоятся высказывать свое мнение. — Я просто заметил, что митридатик тоже является лекарством против отравлений. Прекрасное предложение. Будьте любезны прислать мне соответствующее количество вашего терьяка!

Бернс растаял:

— Полезен также чистый спирт, милорд, который до приема надо подержать в соприкосновении с полированным серебром, например, в кубке.

Витус с трудом мог себе представить, чем будет полезен обработанный таким способом спирт, но, тем не менее, надо и его иметь в виду: все-таки серебро — благородный металл, после золота и платины.

— Если вы приготовите мне такого обогащенного спирта, я буду вам очень признателен, доктор.

Довольный Бернс кивнул.

— Недавно, у Полли, — вступил Магистр, — ты упоминал врача и астролога Нострадамуса, который предлагал лечить с помощью каких-то лепестков?

— Да, розовых лепестков.

— Ты тогда еще говорил, что это спорная терапия. Но ведь известно, что сам Нострадамус пережил несколько волн чумы. Может быть, в этих розовых лепестках все-таки что-то есть?

— Возможно. Надо попробовать и их. И еще сегодня вечером я сделаю Арлетте кровопускание. Этот метод лечения советуют все великие врачи.

— Уи-уи, и подпусти звучков, хороших умильных звучков. —
Знано вытянул в трубочку свои рыбы губки.

Витус сдвинул брови:

— Музыка? Почему бы и нет? Гармоничная музыка, возможно, укрепит согласованность в организме и приведет в норму взаимодействие всех жизненных соков.

Витус задумался, каким образом можно устроить музицирование. В покаях больной? Исключено: должен соблюдаться строжайший карантин. Но сходу отвергать это предложение тоже не стоит. И маленький ученый задумался о том же.

— Музыка? Да! Я как приверженец Гомера могу лишь сказать, что уже эллины музыкой победили чуму в Трое, а Одиссей песнопением остановил кровь, вытекавшую из раны.

Бернсу пришла в голову еще одна идея по поводу лечения:

— Есть такая терапия, которая... — он осекся, поскольку то, что он собирался предложить, звучало слишком диковинно, почти еретически, но вправе ли он умолчать, когда речь идет о жизни и смерти? — ...Которая применяется следующим образом: вырезают бубоны умершего, ткань высушивают, измельчают в порошок и дают на прием пациенту.

Витус задумался, взвешивая такую методику. Но Бернс еще не закончил:

— Были и такие случаи, когда больные за неимением такого порошка в отчаянии вскрывали себе бубоны и пили содержащийся в них гной. Говорят, помогало.

— Я слышал о таком, доктор. Посмотрим, пригодится ли нам эта терапия. Насколько я понял, порошок изготавливается из бубонов умершего от чумы, а у нас, слава Богу, по всей окрестности таковых нет. Что касается вскрытия шишек леди Арлетты, думаю, с этим подождем хотя бы несколько дней, поскольку в них еще не наблюдается гноя.

Витусу не хотелось обижать старого доктора словами о принципиальной неприемлемости такого метода. Он просто не мог себе представить, чтобы Арлетта пила собственный гной. Уже по той причине, что гной — это порождение дисбаланса жизненных соков в организме. А как неравновесие может помочь достижению равновесия? Он откашлялся:

— Если больше предложений нет, джентльмены, для начала я хотел бы вас сердечно поблагодарить. Я дам вам знать, когда приму окончательное решение по поводу лечения. И с этой минуты никто, повторяю, никто не должен переступать порога комнаты, где лежит больная. Когда мне будет что-нибудь нужно, я вам сообщу. Опасность заражения слишком велика.

Все согласились, даже Магистр, которому это явно было не по душе.

— А теперь перейдем к профилактическим мерам, которые послужат тому, чтобы зараза не распространилась по Грин-

вейлскому замку. Вы, джентльмены, вероятно, слышали, что распространителем чумы считается дурной воздух. Ученые пока не сошлись в единогласном мнении, но большинство придерживаются того взгляда, что воздух, насыщенный миазмами, попадая в легкие, ведет к заражению. Примем это положение за основу. Мы не можем заставить человека не дышать, поэтому у нас только один путь — очистить воздух от миазмов. Кэтфилд, вы позаботитесь о том, чтобы во дворце и других постройках имения, а также на всех площадках перед ними был разведен сильный огонь, дабы пламя пожирало ядовитые испарения. Древние пишут, что для этого лучше всего годится виноградная лоза, но в Англии она не растет, так что обойдемся обычными дровами для камина. Может быть, стоит взять в дворцовой часовне и немного ладана. Открытый огонь должен гореть, по меньшей мере, ближайшие семь дней. Если для этого наших запасов мало, отправьте людей за дровами в окрестные леса.

— Да, милорд! — Точные распоряжения и приказной тон побудили и Кэтфилда машинально перейти на язык флотского устава. — Могу исполнять?

— Нет, подождите. Проследите, чтобы все прилегающие к покоям больной помещения были обработаны раствором уксуса. Эти мероприятия вам знакомы, они применяются и на флоте ее величества. Они хорошо очищают воздух.

Бернс снова подал голос в своей застенчивой манере:

— Если позволите, милорд, я назвал бы еще одно профилактическое средство. Протягивание волосяного жгута. Вы о нем слышали?

— Да, слышал.

— Протягивание жгута было очень в чести, когда двести тридцать лет назад черная смерть ходила по Европе. Для этого надо взять большую иглу, продеть в ушко скрученную жгутом прядь женских волос, потом сделать на теле два неглубоких параллельных разреза — в каком месте, мнения расходятся — и иглой протянуть волосы под кожу между разрезами.

— Да, о таком средстве я слышал, однако не уверен, что оно приносит пользу. Доказательства отсутствуют. Те, кто не заразились чумой, приписывали это проведению такой процедуры, а о тех, кто все-таки заболел, говорили, что она была неправильно проведена. Но, как бы то ни было, она может послужить для успокоения наших людей. Поэтому хотел бы вас попросить, доктор, чтобы вы обработали таким образом всех, кто захочет.

— С удовольствием, милорд.

— Ну что ж, думаю все, что в человеческих силах сделать, мы обсудили. А дальше надежда только на Бога. Энано, тебя я попрошу еще сегодня съездить в Уортинг. Только ни к кому не подходи ближе чем на десять дюймов. Ни к кому! Пусть преподобный Паунд отслужит молебен за здоровье Арлетты. А те-

перь, — Витус поднялся, — пусть каждый делает свое дело. С сегодняшнего дня я не буду отходить от своей невесты ни днем ни ночью и продолжу лечение. Связь с внешним миром буду держать через магистра Гарсия. Я покину покои больной не раньше, чем она поправится или... — закончить он не смог. — Но прежде я обращусь к нашим людям. Кэтфилд, позаботьтесь, пожалуйста, о том, чтобы вся челядь через полчаса собралась во дворе у подножия парадной лестницы. Благодарю всех, джентльмены! — Он стремительно вышел.

Мужчины и женщины Гринвейлского замка! Я просил вас собраться, чтобы сообщить вам то, что вы должны знать. Это отнюдь не радостная весть, но я хочу сказать вам, ничего не скрывая, потому что умоление никому не пойдет на пользу. Леги Арлетта больна, и у нее... чума!

Как только Витус произнес это слово, толпа возопила. Стенания, причитания, плач становились все громче. Взметнулись руки, то и дело звучало имя святого Христофора, защитника от чумы и ранней смерти. Витусу с трудом удалось снова завладеть вниманием слуг.

Успокойтесь, люди, успокойтесь! Будут приняты все меры, чтобы леги Арлетта с Божьей помощью поскорее выздоровела. Также будет сделано все, чтобы зараза не распространилась. Но эти мероприятия требуют вашей полной поддержки и неукоснительного следования правилам. Самое главное, чтобы вы ни в коем случае не покидали пределов дворца и поместья. Никому не разрешается уезжать, и никто чужой не должен ступать на наши земли. Ни проезжие, ни торговцы, ни путешественники — ни одна живая душа! В ближайшие месяцы мы будем предоставлены сами себе. Особое внимание уделяйте тому, чтобы дышать свежим воздухом, пить чистую воду и содержать в чистоте свою одежду. Будем слезно молить Всевышнего, дабы этот бич миновал нас. А теперь ступайте и займитесь своей работой.

Витус перекрестился и поспешно удалился, радуясь хотя бы тому, что все дальнейшее может возложить на верного Кэтфилда. Он понимал, что надо бы сказать людям еще несколько ободряющих, утешительных слов, но был не в состоянии. Все его мысли, дела, устремления принадлежали теперь Арлетте, ей одной. Он должен поставить ее на ноги!

— Любимая, как ты? — Витус стоял перед широкой кроватью под пологом, на которой ее иссушенное лихорадкой тело выглядело маленьким и жалким. — Арлетта, любимая!

Она открыла глаза, и он увидел, что конъюнктивы снова красная и воспаленная. Он почувствовал укол в сердце, но виду не подал.

— Смотрю, жар привольно чувствует себя в твоём теле, ну да мы заставим его убраться. Завтра или самое позднее послезавтра мы его выгоним, и дело пойдёт на поправку, — он нежно поцеловал ее.

— Я, должно быть, ужасно выгляжу, — она попыталась поправить волосы.

— Ты самая прекрасная женщина на свете. И никакой глупый жар не может этого изменить. А сейчас я расскажу тебе, что мы сделаем сегодня вечером: вначале я снова дам тебе колибриум для глаз. Потом — отвар ивовой коры. Боярышник отменим, а вместо него ты получишь тарелку вкусного супа. И ещё ты выпьешь свежей воды, много свежей воды, чтобы жар не иссушал тебя. Магистр все принесет, когда мы закончим.

Арлетта вопросительно посмотрела на него:

— Что закончим? Что ты имеешь в виду?

— Перед этим я тебя осматрю и мы пустим тебе кровь.

Осмотр показал, что симптомы чумы стали ещё более выраженными. Температура, правда, больше не повысилась, а вот возле гроздей бубонов в паху появились два новых. Во вчерашних уже собрался гной, но прокалывать их было пока рано. Область некротической ткани вокруг блошиных укусов расширилась и потемнела. Витус задал себе вопрос, имеют ли какую-нибудь связь эти укусы с возникновением болезни, но тут же отставил его: ответа он все равно не знал. И никто не знал точно причин возникновения чумы. Надо будет иссечь потемневшую ткань, но не сегодня, ещё нет, пока что он надеялся...

В целом Арлетта выглядела слабее, чем утром. Но, возможно, внушал себе Витус, причина тому поздний час. Хорошим знаком было, что понос не возобновлялся, хотя, с другой стороны, она ведь ничего не ела. И эти бесполезные размышления он отставил в сторону.

— Скарификатор сделает лишь маленький укол, тебе не будет больно.

Арлетта кивнула, закрыла глаза и с полным доверием протянула ему руку.

Его взгляд упал на её руку, и он подумал, что не так давно видел одну лишь эту ручку, это тонкое запястье, тогда, в Гаване, когда Арлетта смотрела на мир из глубины окутывавшего её одеяния. Горячие слезы обожгли его глаза, и он отвернулся, чтобы она их не заметила.

Витус нанес быстрый удар скарификатором, и в подставленную миску брызнул тонкий ручеек крови.

— Ты очень храбрая, любимая.

Арлетта не ответила, только ее веки затрепетали. Витус решил, что небольшого количества будет достаточно: ее тело такое хрупкое, в нем не так уж много крови. Он наложил компресс и перевязал руку, а потом осторожно положил ее под одеяло. В дверь постучали.

— Это я! — крикнул Магистр.

Витус встал и забрал суп и кувшин воды, которые Магистр оставил за дверью. Арлетта открыла глаза.

— А почему Магистр не зашел? — слабо прошептала она.

— Ах, знаешь, у него сейчас много дел. Давай поедем овощного супчику.

— Я не хочу есть.

— Но надо. Давай!

Витус приподнял ее голову и влил немного бульона. Послушно, как маленький ребенок, она проглотила жидкость. А потом посмотрела на него своими лихорадочными глазами и пролепетала:

— Я боюсь за нашего ребенка. Жар...

— Не волнуйся, любимая, э-э... дети переносят повышенную температуру намного легче взрослых, это общеизвестная истина.

Она проглотила еще ложку супу и еще одну и обессиленно откинулась на подушки. Внезапно ее снова зазнобило.

— Мне так холодно.

Сердце Витуса разрывалось от горя, от нежности и от страха за нее. Недолго раздумывая, он снял с себя одежду, лег к ней под одеяло, обнял и прижал к себе.

— Уи, Магистр, зефир надул славное утречко, а это тебе от печеной пулярочки. — Коротышка присеменил к дверям спальни Арлетты, где маленький ученый верно нес свою вахту. В руках у него был крут колбасы и ломоть пшеничного хлеба. Магистр принял подношение и положил его возле своей скамеечки.

— Обычно я не жалуясь на отсутствие аппетита, но сейчас кусок в горло не полезет. И немудрено, когда Арлетте так плохо.

— Ей стало хуже?

— Если бы я знал! Витус ночью попросил чистую простыню. Зачем, не сказал. Закрылся, как устрица! Но, коли хочешь знать мое мнение, похоже, дела неважны. — Магистр покосился на аппетитный кружок и все-таки решился поесть. Жуя, он продолжил: — Во всяком случае, теперь меня никто не обвинит в *gula**.

Малыш уселся прямо на пол и вопросительно взглянул на друга.

* Чревоугодие (исп.).

— Чревоугодие — один из семи смертных грехов, которые, как проповедует пекущаяся о нашем спасении церковь, прямым путем ведут в преисподнюю.

— Уи-уи, щерб брюхо всегда было сухо.

— Так вот, — Магистр откусил еще кусок, — к беспокойству за Арлетту добавляется еще этот невыносимый запах гари. Кажется мне, что костры уж слишком палят. Что пользы, если все миазмы сдохнут, а вместе с ними задохнемся и мы!

— Уи-уи, есть и кой-ще похуже. Щепоть этой дворни уже пальнула за дальние горы с полными штанами, а в Уортинге отдубасили двух соломонов.

— Побили двух евреев? — Магистр, собравшийся еще раз откусить, застыл с открытым ртом. — А они-то в чем провинились? Что у них общего с нашей чумой?

— Уй, бают, это они испортили влагу в тамошней купели, с этого и черная смерть.

— Евреи отравили воду в колодце?! В Уортинге?! Господи помилуй, что за чушь! Они же сами там живут! И вообще! Поэтому в Гринвейлском замке чума? Невежественное скудоумие!

Магистр уже был готов рвать и метать, как вдруг дверь в покои Арлетты открылась, и на пороге показался Витус. Он был едва одет и выглядел усталым.

— Магистр, мне нужно чистое постельное белье и кастрюля воды, как можно холоднее. И свежего супа, очень горячего. И кусок постного мяса, лучше птицы.

— Больше ничего? — В тоне Магистра, еще не успевшего остыть, прозвучало больше язвительности, чем он хотел. — Извини, я не хотел. Мы все немного не в себе. Как Арлетта?

Витус посмотрел на него, его взгляд был пустым, как у мертвеца.

— И достань мне еще один пузырек шалфейного масла, масло должно содержать еще камфару и тую. — Дверь за ним снова закрылась.

Коротышка поскреб в своей огненной шевелюре:

— Уи-уи, плохо дело!

— Боюсь, что ты прав, Энано. Но мы ничего не можем поделать, совершенно ничего. Только выполнять то, что говорит Витус. Отец наш Небесный, дай нам справиться с этой напастью! Ну ладно, пойдем делать дело. Ты поможешь мне?

— Не-а, надо сгношить кой-ще тоже важное. — Он умчался вприпрыжку, а Магистр недоуменно посмотрел ему вслед: «Что сейчас может быть важнее распоряжений Витуса?»

— Сегодня третий день, любимая, — шептал он. — Держись, слышишь, держись! Завтра будет лучше, я тебе обещаю.

Она лежала на его плече и тихонько плакала. Беспомощный человеческий комочек, то ледяной, то пышущий жаром. И слабенькая неимоверно. К этому добавилось зловоние, которое все сильнее источало ее омертвевающее тело. Помимо шишек в паху появились новые, на шее. Витус нащупал их еще ночью, когда согревал Арлетту, не переставая гладить дорогое лицо. Под утро он проколол бубоны в паху и выпустил гной — желтоватую пастозную жидкость, вызывающую омерзение. Затем он обработал места поражения шалфейным маслом и натер спиртом, обогащенным серебром, в надежде, что они подсохнут. Но гной продолжал выделяться, и ничего нельзя было поделать. Ничего, ничего, ничего....

На двух бубонах, которые он обложил на пробу высушенными розовыми лепестками, также не было заметно улучшения. В отчаянии он просто сбросил лепестки на пол.

Терьяк, который прислал старый доктор Бернс, он так и не смог ей дать. Он упрасивал ее, умолял, даже угрожал, но она была непреклонна. От лекарства, в котором содержится змеиный яд, ее воротило.

— Ребенок... и я... мы умрем, — едва расслышал он ее слабый шепот.

— Чепуха! Так скоротечно не умирают! — резко запротестовал он.

— Да... — с неимоверным усилием она положила палец на его ямочку. — Мне холодно, мне так холодно! У меня... чума. Я это знала... уже когда ты обнаружил... бубоны...

— Но, но...

— Ребенок... и я... мы умираем... а ты должен жить... обещай мне. Побори чуму... обещай мне.

— Обещаю! Клянусь всем, что для меня свято!

Его мысли бешено метались. Этого не может, не должно быть! Арлетта не должна умереть!

Отец наш, суций на Небесах, в руки Твои отдаю мое упование! Сделай так, чтобы она снова стала здоровой, избавь ее от чумы! Отец наш, суций на Небесах, владыка всего в этом мире, если хочешь забрать душу, возьми меня, Твоего грешного сына Витуса!

Пусть я уйду, лишь бы жила она!

Амен! Амен! Амен!

Он весь углубился в свою молитву, и она придала ему сил. Неожиданно он снова услышал голосок Арлетты, такой тихий, что казался шелестом ветерка:

— Музыка, — прошептала она, — чудесная музыка... словно из другого мира.

Он прислушался и понял, что музыка и вправду звучит.

— Подожди, любимая, я посмотрю.

Он осторожно положил ее голову на подушку, встал и подошел к окну. Внизу собралась небольшая капелла, четыре или пять человек из челяди, юноши и девушки, которые наигрывали на дудочках и свирелях простенький мотив. Мелодия лилась легко, согласно и трогала сердце. А перед музыкантами, усердно размахивая руками, стоял малыш Энано. Коротышка повернулся к окну спальни и пропел фальцетом:

— Это умильный, умильный лендлер, Витус. Лендлер, который приносит здоровье, уи?

Борясь с выступившими на глаза слезами, Витус крикнул вниз:

— Да, это гармония, да! — и вернулся к постели, чтобы согреть Арлетту.

ЭПИЛОГ

В тот же день Арлетта уснула навсегда. Она умерла на руках у Витуса. Когда весть разнеслась по дворцу, всякая жизнь в нем остановилась. Люди умолкли, онемели от горя, и многочисленные руки сложились в молитву по усопшей.

Прошло достаточно времени, час или более того, и Кэтфилд распорядился, чтобы все снова принялись за работу. Сама собой она не сделается, и он был уверен, что Витус бы его одобрил. Первым делом он велел поддержать огонь в кострах, которые повсеместно грозили вот-вот потухнуть. Чума, он понимал это, еще далеко не побеждена. Ее смертоносные миазмы все еще могли таиться в укромных местах или дальних углах. А поскольку пламя пожирало немереное количество дров, он снарядил отряд мужчин, которые на следующий день должны будут заготовить топливо. Потом он послал за доктором Бернсом, чтобы тот еще раз осмотрел всю прислугу на предмет чумы. Старый врач прибыл тем же вечером. Слава Богу, он не установил ни одного нового случая, и все вздохнули с облегчением.

В числе отобранных лесорубов значился и Кит. Возмужавший паренек с оттопыренными ушами горевал на свой лад. Он удалился в конюшни, где беседовал с Одиссеем и другими лошадьми. Близость животных, тепло их тел, их знакомый острый запах успокаивали его щемящее сердце.

Хартфорд тоже скорбел. И при этом он выкинул такое, чего сроду не делал: напился до потери пульса, и товарищам пришлось прятать его от глаз Кэтфилда.

Миссис Мелроуз съела целый круг миндального сыра, между кусками орошая свой широкий фартук потоками слез, что заметили все, потому что еще никогда не видели повариху в таком отчаянии. Даже карлик не мог ее утешить, возможно, потому, что сам был безутешен.

Магистр весь вечер с мрачным видом слонялся по дворцу, шагал по конюшням, мерил шагами дворы и добрал до озера, где утки укладывались в камышах ко сну, а потом промаршировал весь этот путь обратно.

— Что мне делать? Что мне делать? — беспрестанно бормотал он. — Я должен вытащить его, иначе и он умрет!

Витус не подпускал к себе никого и ни с кем не говорил, даже через дверь. Всю ночь и весь следующий день он провел у смертного одра Арлетты, и никто не осмелился войти к нему в скорбные покои. Только через сутки появился он на пороге, бледный, осунувшийся — тень самого себя. С неподвижным лицом он дал необходимые распоряжения относительно обряда прощания и погребения. Заупокойную службу он назначил в дворцовой часовне, и все, кто хотел сказать Арлетте последнее прости, получили такую возможность. Преподобный Паунд прибыл из Уортинга, чтобы отслужить траурную литургию. Шаг этот дался ему нелегко: в конце концов он тоже всего лишь человек, и опасность заразиться чумой пугала его. И все-таки он приехал. И нашел простые проникновенные слова, которые тронули каждое сердце. Останки Арлетты погребли в фамильном склепе Коллинкортов под гранитной плитой. Витус долго размышлял, какое прощальное слово велеть высечь на камне, но одна лишь скорбь владела его умом. Наконец он решил выбить лишь имя Арлетты и даты ее рождения и смерти.

После траурной церемонии Магистр жестом отозвал друга в сторонку.

Витус предостерегающе поднял руку:

— Не подходи ко мне слишком близко. Возможно, я ношу в себе миазмы чумы.

— Ладно. Но жизнь продолжается, дружище, поверь мне. Арлетте бы не понравилось, чтобы ты целую вечность ходил с поникшей головой. Подумай о том, каким веселым, жизнерадостным человеком она была.

— Да, она была. Она была удивительной. Она незаменима. Она была... — Витус отвернулся, потому что глаза его наполнились слезами. — Прости, мне так больно... — Он бросился прочь.

В последующие дни Витус заперся у себя, отказываясь от еды и питья, и атмосфера во дворце становилась все мрачнее.

И снова Магистр топал по дворам и угольям, задавая себе один и тот же вопрос, что же ему делать, чтобы разбить скорбь, которая сковала друга, как панцирь.

— Что мне делать? Что мне делать? — спрашивал он себя в тысячный раз и наконец внезапная мысль осенила его. И в нем проснулась надежда, что все еще можно исправить.

С этого момента его чаще стали видеть с резцом и молотом в руках, что давало повод к разным толкам и даже насмешкам, но маленького ученого это нимало не смущало. Когда он закончил работу, ему удалось однажды утром уговорить Витуса спуститься с ним в фамильный склеп.

— Зачем все это? — устало спросил Витус.

— Погоди, увидишь. На могильной плите тебя ждет послание от Арлетты.

Так оно и было. Послание было выбито прямо под ее именем. Оно состояло только из трех слов:

OMNIA VINCIT AMOR

— Эту весть я выбил собственными руками, — сказал Магистр и указал почти извиняющимся жестом на плоды своего труда.

В самом деле буквы были неровные, и не везде прямые, и не слишком искусно исполнены, но тем большее впечатление произвело содержание надписи.

— Все побеждает любовь, — прошептали губы Витуса.

— Да, она делает это, — очень серьезно подтвердил маленький ученый. — Она побеждает ненависть, зависть и недоброжелательство, она побеждает насилие и войну, дает высохнуть слезам и иссякнуть горю. Но и это еще не все. Она дарит гармонию, мир в душе и новые надежды — повсюду на всем белом свете. И в Гринвейлском замке тоже. — Он помолчал и продолжил: — Это я высек послание, но оно не от меня. Я сделал это для той, которая уже не может сделать этого сама, — для Арлетты. Это ее послание тебе, и это ее любовь к тебе, заключенная в этих словах.

Рука Витуса нерешительно коснулась неуклюжих букв:

— Да, наверное, ты прав, — печально сказал он. — Любовь побеждает все. И любовь Арлетты во мне, я ее чувствую. Она будет сопровождать меня всю оставшуюся жизнь.

Магистр украдкой вздохнул. Раз Витус заговорил обо «всей оставшейся жизни», по крайней мере это означает, что он хочет жить дальше.

— Придут другие, лучшие времена, поверь мне.

— Возможно. — Витус обвел пальцем острые контуры букв. — Но чума еще среди нас, опасность далеко не устранена. Будь она проклята — та, что забрала самое любимое, самое дорогое для меня в этом мире!

— Если кто и сможет победить чуму, то это ты.

— Возможно, — снова сказал Витус. — А возможно, и нет. Я поклялся Арлетте на ее смертном одре, что буду бороться с этим мором.

— Да? Ну так делай это!

— Одному мне не справиться.

— Энано и я — мы с тобой.

— Я должен буду собрать все, что известно об этом биче. Все знания, весь накопленный опыт, все дискуссии и выводы. Для этого мне придется путешествовать.

— Мы с тобой. Когда отправляемся?

Витус улыбнулся. Это была первая улыбка со дня смерти Арлетты, которая промелькнула по его губам. Ох уж этот Магистр с его неисправимым оптимизмом! Ему снова все видится гораздо проще, чем есть на самом деле. После вспышки чумы, написано в труде «*De morbis*», следует выдержать карантин в семьдесят дней. И только после этого все, кто были в зоне заражения, могут вступать в контакты с внешним миром. А это значит, что в любом случае ему с друзьями придется зимовать в Гринвейлском замке. И только после того, как возникнет полная уверенность в том, что коварная змея чума издохла, можно будет подумать, куда направить свои стопы. В Париж, в тамошний университет. А может, в Болонью или Падую, на север Италии. А до тех пор еще многое может случиться. Кроме чумы есть и другие напасти: голод, бесчисленные болезни, увечья, бури, бедствия. А ко всем этим бедам есть еще и адвокатус Хорнстейпл, про которого ходят слухи, что он пока не отказался от своих притязаний.

Так что остается только жить надеждой и любовью и подчиняться воле Создателя.

Ибо все в руце Божией.

СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

Бак – носовая часть верхней палубы, идущая от форштевня до фок-мачты.

Бакборд – левая сторона судна, если смотреть с кормы на нос, либо левая часть носа, освещаемая ночью на ходу красным фонарем.

Банка шлюпочная – доска для сидения гребцов, а также для придания шлюпке поперечной прочности.

Бимсовая клинц – корневая деревянная коко-ра для соединения бимсов с приставками (бортовыми шпангоутами – вертикальными деревянными брусьями).

Бимсы – подпалубные поперечные связи (балки), служащие для поддержания палубы и придания ей жесткости.

Брамсель – прямой парус, поднимаемый на брам-стенге над марсовым парусом (марселем).

Брасовать (брасовать) – поворачивать реи с помощью брасов.

Брасы – снасти, прикрепленные к нокам (концам) реев. С их помощью реи с парусами поворачивают в горизонтальной плоскости.

Буртики – продольные деревянные бруски, укрепленные с обоих бортов корабля или шлюпки и предохраняющие борта от ударов и трения о другой борт или стенку.

Бушприт – горизонтальный или наклонный брус, выступающий с носа парусника и несущий носовые паруса.

Ванты – снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются с боков мачты, стеньги и брам-стеньги. По ним матросы взбирались вверх и спускались на палубу, что требовало немалой сноровки.

Вымбовка – деревянный или металлический рычаг для вращения баллера шпиля.

Галс – 1. Положение судна относительно ветра: *левый Г.*, если ветер слева, *правый* – если справа. 2. Траектория корабля от поворота до поворота.

Гафель – специальный рей, укрепленный наклонно к верхней части мачты (позади нее) и поднимаемый вверх по мачте. Служит для крепления верхней кромки косого паруса.

Гик – рангоутное дерево, одним концом прикрепляемое к нижней части мачты. По нему растягивается нижняя шкаторина (кромка) паруса.

Гитовы – снасти бегучего такелажа, служащие для уборки прямых парусов или подтягивания их к контрбизани.

Карлингс, или карленгс – продольные подпалубные балки, наряду с бимсами обеспечивающие жесткость палубы.

Кирургик (от лат. *chirurgicus*) – обращение к хирургу, в том числе к корабельному. Обычно это звание (*Chirurgicus galeonis*) присваивалось после сдачи квалификационного экзамена, но порой во флоте служили и опытные к.-самоучки. Офицерская должность.

Клюз – отверстие в борту, окаймленное литой рамой, для пропускания якорной цепи (каната) или иных канатов.

Ковель-нагель – металлический или деревянный стержень, вставленный в кофель-планку на борту судна и служащий для накручивания на него снастей.

Латинские паруса – треугольные (косые) паруса, которые пришнуровывались к длинному (составному) рейку, устанавливавшемуся в наклонном положении так, что задний его конец (нок) был задран высоко вверх, а передний опущен почти до палубы.

Марс – площадка в верхней части мачты для наблюдения или стрельбы по неприятелю.

Марсовый парус, или марсель – прямой парус на марсе-рее фок-мачты (*фор-марсель*) или грот-мачты (*грот-марсель*).

Мастер по парусам – то же, что и **Парусный мастер**.

Мачта – вертикальное сооружение для несения парусов: **фок-мачта** – первая от носа, **грот-мачта** – вторая от носа и обычно самая большая, **бизань-мачта** – ближайшая к корме.

Найтов (в просторечье **найтовка**) – 1. Соединение с помощью троса двух и более рангоутных деревьев. 2. Трос, которым крепятся различные предметы на корабле.

Орлоп-дек – самая нижняя палуба на судне.

Парусный мастер – офицерская должность на парусных кораблях и судах. П.м. отвечал за соответствующее оснащение, а также руководил всеми парусными работами во время морского перехода.

Первый офицер – должность, соответствующая старшему на современных военных и первому помощнику на гражданских кораблях и судах.

Переборка – всякая вертикальная перегородка, разделяющая помещения на корабле, попросту стена корабельного помещения.

Перлинь – трос кабельной работы толщиной 4–6 дюймов (102–152 мм).

Перо руля – действующая часть руля, по форме напоминающая плавник.

Планширь – на шлюпке: продольное крепление корпуса в виде тонкого деревянного бруса с гнездами для уключин, идущего по бортам и покрывающего верхний край шпангоута.

Пятерс – 1. Отверстие в палубе, через которое проходит мачта. 2. Устройство, в которое упирается бушприт.

Рангоут – совокупность выступающих и возвышающихся частей оборудования корабля, в поперечном сечении круглых (мачты, стеньги, рей, рейки, гафели).

Рей, в просторечье **рея** – поперечный брус, прикрепленный к мачте и стеньге, несет прямые паруса. Каждый Р. имеет свое название: на фок-мачте – *фока-рей, фор-марса-рей, фор-брам-рей, фор-бом-брам-рей*; на грот-мачте – *грота-рей, грот-марса-рей, грот-брам-рей, грот-бом-брам-рей*; на бизань-мачте – *багин-рей, крйосель-рей, крйис-брам-рей, крйис-бом-брам-рей*.

Релинг – горизонтальный брус у леверного ограждения.

Рушпель – одно- или двуплечий рычаг, насаженный на голову руля, посредством которого производится перекладка руля.

Рыбина – на шлюпке: сквозной щит из деревянных реек, предохраняющий днище от повреждения ногами или грузами.

Стапель – сооружение, на котором строятся или ремонтируются корабли с последующим спуском на воду.

Стеньга – рангоутное дерево, служащее продолжением мачты.

Тажалаж – общее название всех снастей на корабле. Различают два вида Т.: *бегучий* (тросы, цепи, фалы для перемещения тяжестей, деталей рангоута, для работы с парусами); *стоячий* (тросы для удержания ча-

стей рангоута в надлежащем положении – штаги, бакштаги, ванты, рейтопенант).

Тали – система блоков, служащая для облегчения подъема тяжестей на корабле.

Транец – срезанная плоскость кормы.

Фальшборт – легкий пояс бортовой обшивки, расположенный выше открытой палубы и защищающий ее от заливания водой.

Флор – поперечная днищевая балка между бортами судна. К ее концам (скуловым кницам) крепятся шпангоуты. Служит опорой продольных балок днища и второго дна (на судах с двойным дном).

Форштевень – передняя вертикальная или наклонная часть набора, образующая носовую оконечность корабля и служащая продолжением киля.

Шкоты – снасти для управления парусами.

Шпангоут – поперечная связь («ребра») бортового перекрытия корабля, к которой крепится обшивка.

Шпиль – якорная машина с вертикальным валом (баллером), предназначенная для выбирания якорной цепи (каната) и некоторых других работ.

Шпрюйт – снасть, применяемая для того, чтобы распределить натяжение на две точки и тем самым избежать разрыва паруса.

Штаги – снасти стоячего такелажа, расположенные в диаметральной плоскости корабля и поддерживающие рангоут (мачты, стеньги и др.).

Ют – кормовая часть палубы.

МЕРЫ УГЛОВЫЕ, ДЛИНЫ, ВЕСА И ОБЪЕМА

Галлон (английский) – мера объема, равная 4,55 л.

Гран – мера веса, равная примерно 64,8 мг. Обычно применяется в ювелирном деле наряду с каратом (0,2 г).

Дюйм – мера длины, равная 2,54 см.

Кабельтов – мера длины, равная 0,1 морской мили, или 185,2 м

Миля морская – мера длины, равная 1852 м

Миля сухопутная – мера длины, равная 1609 м.

Пинта (английская) – мера объема, равная 0,57 л.

Румб – мера угловой величины, равная $1/32$ окружности, или $11,25^\circ$.

Унция – мера веса, равная 28 г.

Унция (английская) – мера объема, равная 0,0284 л.

Фут – мера длины, равная 0,3048 м, или 12 дюймам.

Ярд – мера длины, равная 0,9144 м.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ РОМАНОВ ДЖЕЙН ОСТЕН

Качество по доступной цене!

- трехсторонний золотой обрез
- тканевый переплет с золотым тиснением на корешке
- удобный формат
- великолепные иллюстрации Х. Томсона

В это подарочное собрание романов Джейн Остен вошли ее самые знаменитые произведения: «Гордость и предубеждение», «Чувство и чувствительность», «Эмма» и другие.

«ДОВОДЫ РАССУДКА»

ISBN 5-486-00202-5

Переплет тканевый, 288 стр.

«ЭНСФИЛД-ПАРК»

ISBN 5-486-00247-5

Переплет тканевый, 592 стр.

«ЧУВСТВО И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ»

ISBN 5-486-00119-3

Переплет тканевый, 464 стр.

«НОРТЭМПТЕРСКОЕ АББАТСТВО»

ISBN 5-486-00249-1

Переплет тканевый, 320 стр.

«ЭММА»

ISBN 5-486-00205-X

Переплет тканевый, 624 стр.

«ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»

ISBN 5-486-00118-5

Переплет тканевый, 480 стр.

ООО «Торговый дом «Издательство Мир Книги»

Отдел реализации: (495) 974-29-76, 974-29-75;

факс (495) 742-85-79

e-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:

111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,

тел. (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

АВТОРСКАЯ СЕРИЯ КНИГ Й.М.ЗИММЕЛЯ

Яхта известного немецкого банкира неожиданно взлетает на воздух. Роберт Лукас, сотрудник страховой компании, заключившей договор с банкиром, прибывает в Канны для установления причин катастрофы, унесшей жизни одиннадцати человек. Лукас выясняет, что в смерти банкира было заинтересовано его ближайшее окружение...

5-486-00271-8

Обложка, 624 стр.

Действие происходит в Германии, еще не до конца оправившейся от ужасов недавно закончившейся Второй мировой войны. Двадцатидвухлетний учащийся колледжа встречает свою первую настоящую любовь. Но она намного старше его, замужем, растит дочь... Однако от трудностей настоящее чувство только разгорается...

5-486-00280-7

Обложка, 624 стр.

ООО «Торговый дом «Издательство Мир Книги»
Отдел реализации: (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс (495) 742-85-79 e-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30, «МИР КНИГИ»,
тел. (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Вольф Серно
СТРАНСТВИЯ ХИРУРГА.
ЗАГАДОЧНАЯ ПЛЕННИЦА КАРИБОВ

Редактор *Ю.А. Небукина*
Корректоры: *М.Я. Митичкина, И.Ю. Зверева*
Технический редактор *С.В. Камышова*
Художник *А.С. Скороход*
Дизайнер *Э.Э. Кунтыш*
Компьютерная верстка
ООО «ТД «Издательство Мир книги»

ООО «Торговый дом «Издательство Мир книги»
111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

Отдел реализации: (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс: (495) 742-85-79 e-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 21.04.2006. Формат 60х90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «BalticaC».
Усл. печ. л. 24,36. Печ. л. 14,5.
Тираж 20 000 экз. Заказ № 0604560.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

